

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2016. № 39 (1)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus, Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Журнал зарегистрирован в федеральной
службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного
наследия. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ №ФС77-47157 от
03.11.2011

Редакционный совет:

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
Тел.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru
Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.03.2016 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 8. Усл. печ. л. 6,3.
Заказ № 43.

Редактор, корректор
В.С. Молчанова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Император Николай II, в центре цесаревич Георгий Романов, императрица Александра
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и картина «Венчание Николая II и Александры Федоровны»

BYLYE GODY (FORETIME). 2016. VOL. 39. IS. 1
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus, Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration ПИ №ФС77-47157 03 November
2011.

Editorial Board:

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

Founder

SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19

E-mail: Bylyegody@sutr.ru

Website: www.bg.sutr.ru

English version of the magazine site:

www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.03.2016

Format 21 × 29, 7/4.

Ych. Izd. l. 8. Ysl. pech. l. 6, 3.

Order № 43.

Editor, Proofreader

V. S. MOLCHANOVA

Editor-translator A. V. ROZHKOVA

Technical Editor, Electronic support by

N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Emperor Nicholas II, the crown prince George Romanov in the center, Empress Alexandra
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and painting «Wedding of Nicholas II and Alexandra Fyodorovna»

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

On the history of the first Russian fortifications on the east coast of the Caspian Sea Abdullah K. Daudov, Artyom A. Andreev, Denis G. Yanchenko, Vladimir A. Shorohov, Aleksei S. Kibiń	5
Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917) Yulia A. Bortnikova, Olga N. Naumenko, Egor E. Naumenko	14
"Petr Oznobishin's diary since september, 1796" as a historical source on the history of everyday life of the Russian nobility Oleg M. Buranok, Sergey O. Buranok	22
Anti-corruption legislation of the Russian empire XIX – early XX centuries Nadezhda M. Korneva, Mihail Yu. Krapivin, Yury N. Makarov, Arthur G. Dalgatov	29
Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century Sergey I. Degtyarev	45
Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years Aleksandr A. Cherkasov, Vladimir G. Ivantsov, Mikhal Shmigel, Violetta S. Molchanova	53
Historical and cultural aspects of paganism among the peoples of Tatarstan Guzel R. Stolyarova, Nadezhda V. Rychkova, Sergey Y. Rychkov	67
Ship's biographies as a source of the Spanish-Russian naval cooperation Nicholas W. Mitiukov	76
Idea of a nation in Eastern Europe in modern times Victor Y. Apryshchenko	83
Problems of reforming of the Russian Empire local government at the beginning of the 1830s Nataliya L. Semyonova	90
The image of the censor in a magazine caricature of Russia XIX – early XX century Elena S. Sonina	97
The Ukrainian community of Western Siberia: specific features of formation and development in the 2nd half of the 19th – early 20th century Vladimir N. Shaidurov	109
Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian Petr K. Dashkovskiy, Elena A. Shershneva	120
Reflection in Russian public opinion accession to the throne of Emperor Alexander II Maxim N. Krot, Oksana O. Zavyalova	129
The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kotselyariya Artyom Y. Peretyatko	137

The spiritual proceedings of the Yakutsk diocese in the second half of XIX – early XX centuries, as a factor of inter-civilization interaction Inna I. Yurganova	146
Relations between settlers and indigenous population of the Steppe Territory in colonization process during the second half of XIX-th – early XX-th centuries Michael K. Churkin, Bakyt S. Tokmurzayev, Almagul A. Sirbayeva	155
Censorship and Printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries Pavel N. Biriukov, Elena S. Ustinovich, Pavel G. Shelengovskiy	166
Causes of ransom private railways in the Russian Empire during the reign of Alexander III Pavel A. Gurianov	173
Public works as a way of overcoming of a food crisis: historical experience of the Orenburg region (1891–1892 years) Sergey V. Lyubichankovskiy, Olesya Yu. Nikolaeva	183
The healthcare system in the Caucasus at the beginning of the XX century: the development features Tatiana E. Gvarliani, Rashad A. Kurbanov, Teymur E. Zulfugarzade	190
Prussian phenomenon and its historical distortion Oleg Y. Plenkov, Vladimir N. Baryshnikov, Viktor N. Borisenko, Vladimir L. Piankewich, Nina E. Adamova	196
The youth organizations in Germany at the beginning twentieth century: from the self-education to the political struggle Sergei I. Belentsov, Marina N. Vetchinova, Elena A. Nikitina, Oksana P. Dovger, Alesia A. Kuznetsova	204
Patronage and enlightenment in pre-revolutionary Russia: Alfons Shanyavsky and his "Free School" Roman A. Fando	210
The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) Olga V. Natolochnaya, Nina I. Kryukova, Stanislav I. Buslaev	222
The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905–1907 years) (on the materials of the Black Sea province) Konstantin V. Taran, Alexey V. Dyuzhov, Svetlana A. Kocherga	229
«The Schichau Case»: on the history of the one Russian Navy order of 1912 that had been failed Stanislav N. Sinegubov, Sergei P. Shilov	237
Charitable activities in Tsaritsyn during the World War I (on materials of periodicals) Oksana A. Karagodina	246
Some of the issues of modern Russian historiography towards Kazakh-Dzhungarian relations Turganzhan Tulebaev, Nurgul Kurmanalina, Nurzipa Alpysbaeva	253
Confessions in Imperial Russia: analytical overview of historiography Gregory L. Freeze	261

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 39, Is. 1, pp. 5-13, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 93/94, 910

On the history of the first Russian fortifications on the east coast of the Caspian Sea

Abdullah K. Daudov^{a,*}, Artyom A. Andreev^a, Denis G. Yanchenko^a, Vladimir A. Shorohov^a, Aleksei S. Kibiń^a

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The paper aims to highlight the history of fortifications built by the expedition of Alexander Cherkassky on Manghyshlaq peninsula in the wide context of international relations between Russia, Khanate of Khiva and Turkmen tribes in Peter's Age. Historiographical overview indicated lack of new approaches to the problem and absence of any serious attempts to find the fortresses. Instead of the exact information on the number of the objects (two) there was a misapprehension that there were three posts. Not only published sources were examined by the staff, but also some archival documents were explored. During the source studies an unknown map made by a participant of the mission of 1716-1717 was discovered. Authors used the findings of the current field study on Manghyshlaq peninsula. The analysis of memoirs of the topographers who visited this area since the middle of XVIIIth century highlighted the process of fortresses remains extinction and changing of the perception of the events of 1716-1717 among Russians and nomads. The history of monument to the participants of Alexander Cherkassky expedition was also traced. As a result they précised supposed location of the St. Peter fortress and unveiled one of the main causes of Cherkassky's failure which was his aspiring to rely predominantly on the Khiva nobles without getting sufficient Turkmen support.

Keywords: Central Asia, Krasnovodsk fortress, Turkmens, Caspian Sea, Prince Cherkassky, Mangyshlak peninsula.

1. Введение

В этом году исполняется триста лет с момента закладки первой российской крепости на восточном побережье Каспийского моря. В сентябре 1716 г. капитан Преображенского полка, князь Александр Черкасский высадился на севере полуострова Мангышлак и приказал строить укрепление – Форт Святого Петра. Накануне юбилейной даты существует объективная необходимость комплексного изучения аспектов, связанных с экспедиционной деятельностью Черкасского в Средней Азии и судьбой опорных пунктов, выстроенных по его указанию.

Обстоятельства связанных с трагическим завершением похода в Хиву породили позднее огромное количество мифов, которые нашли свое отражение в отечественной историографии. Они мешают созданию объективного исторического портрета русского исследователя и военного деятеля, автора первой карты Каспийского моря А. Черкасского. Одним из важных, но малоисследованных аспектов деятельности Черкасского, являются его отношения с туркменами и их

* Corresponding author

E-mail addresses: primdek@yandex.ru (A.K. Daudov), a.a.andreev@spbu.ru (A.A. Andreev), helveticw@bk.ru (D.G. Yanchenko), d.yanchenko@spbu.ru (V.A. Shorohov), a.kibin@spbu.ru (A.S. Kibiń)

участие в строительстве крепостей. Отметим, что до сих пор недостаточно изучена политика туркмен, обитавших на восточном берегу Каспия в XVIII в., их отношение к миссии соратника Петра I.

На наш взгляд, в историографии о походе Черкасского наиболее дискуссионными являются три вопроса:

- Каково количество и месторасположение крепостей, построенных А. Черкасским?
- Как развивались взаимоотношения туркменских племен Мангышлака с Россией, с Хивинским ханством в контексте экспедиционной деятельности князя А. Черкасского?

- Какова судьба крепостных сооружений после трагической гибели князя?

Задача статьи – кратко ответить на эти вопросы.

2. Материалы и методы

Для ответа на поставленные вопросы необходимо проанализировать, каким образом данные проблемные сюжеты интерпретированы в отечественной и зарубежной историографии. В 1891 г. в Санкт-Петербурге И.Г. Безгиным был опубликован ценный историографический и источниковедческий обзор российской и зарубежной литературы, посвященной экспедиции А. Черкасского. За истекшее с момента появления этого обзора время появилось множество исследований о неудачном походе в хивинские степи. Составление библиографического списка не входит в наши задачи, поэтому ограничимся наиболее важными работами о деятельности А. Черкасского на Каспийском побережье. В советское время биография кабардинского князя в контексте политики Петра I на Северном Кавказе и в Средней Азии достаточно полно и содержательно была отражена в трудах В.Б. Вилинбахова и О.Л. Опрышко (Вилинбахов, 1977; Опрышко, 1982). Значительным научным достижением в историографии стала работа Е.А. Княжецкой «Судьба одной карты» (Княжецкая, 1964). В этой монографии, помимо подробного описания всех этапов миссии, была представлена карта Каспийского моря, долгое время считавшаяся утраченной, но найденная автором в Архиве Библиотеки Академии наук.

Взаимоотношения А. Черкасского и туркмен полуострова Мангышлак до сих пор не привлекали внимания большого количества исследователей. Отдельно и комплексно этот аспект в отечественной историографии не рассматривался. Из заслуживающих внимания исследований отметим работы известного туркменского историка М.А. Аннанепесова (Аннанепесов, 1981). Им была составлена глава о туркменах в XVIII в. в фундаментальном сборнике, вышедшем в 2003 г. под эгидой ЮНЕСКО (*History of Civilization of Central Asia*, 2003).

Источники, использованные нами при написании статьи, можно разделить на три группы: опубликованные, неопубликованные письменные свидетельства и материалы, полученные в ходе полевых исследований. К первой группе относятся фундаментальные сборники документов по российско-туркменским, российско-хивинским и российско-бухарским отношениям (Торговля, 1932; Русско-туркменские отношения, 1963). Большая часть делопроизводственной документации о подготовке экспедиции Черкасского, походная переписка, допросные признания выживших в трагические дни гибели отряда, содержатся подготовленной Т.С. Майковой в 2004 г. «Истории Свейской войны» (История, 2004). Признания выживших, в частности одного из инициаторов всей миссии Черкасского туркмена Ходжи Нефеса были опубликованы А.Н. Поповым в 1853 г. в приложении к своему исследованию (Попов, 1853). К этой же группе относятся труды российских военных исследователей и топографов XVIII–XIX вв., работавших на Восточном побережье Каспия от полуострова Мангышлак до залива Красные воды и обращавшихся к истории экспедиции своего выдающегося предшественника – князя А. Черкасского (Соймонов 1763; Иванов 1847; Бларамберг 1850; Галкин-Враской 1868; Гунаропуло 1900).

Значительная часть документов, касающихся миссии Черкасского, уже опубликована. Тем не менее, в Российском государственном архиве древних актов удалось обнаружить карту, составленную неизвестным участником экспедиции, вероятно, помощником Черкасского, с изображением Красноводского залива и рисунком крепости (РГАДА: Ф. 134. Сношения России с Хивой. Оп. 1.1716. Д.1. Лл. 50-50 об.). Карта с рисунком укрепления была обнаружена автором статьи А.А. Андреевым и впервые вводится в научный оборот в данной статье (Рис. 1).

Материалы полевых исследований, полученные во время экспедиции на полуостров Мангышлак (Мангистау) «По следам экспедиции князя Черкасского» под руководством профессора Е.А. Резвана, а также документальные источники позволили реконструировать события трехсотлетней давности и дать ответы на поставленные в начале статьи вопросы.

3. Обсуждение

Не будет преувеличением сказать, что «нервом» сложившейся системы взаимоотношений между народами от южного берега Аральского моря и до севера полуострова Мангышлак были караванные пути, идущие от Бухары и являющие собой локальное ответвление древнего Шелкового пути. В виду активной торговли европейцев с Китаем и Индией по морским маршрутам в XVI–XVII–начала XVIII в. популярность сухопутных маршрутов снижается. В то же время, с выходом России к Каспийскому морю заметно активизируются коммерческие перевозки вдоль Северного побережья

Каспия – от Гурьева до Хивы, и по морю от северного Мангышлака до пределов Хивинского ханства. В XVII в. локальное ответвление теряющего «популярность» Великого Шелкового пути переживает значительный подъем. Об этом свидетельствуют опубликованные в 1932 г. в сборнике «Торговля с Московским государством и международное положение в Средней Азии» многочисленные статейные списки, челобитные и записки московских, хивинских, бухарских и даже балхских купцов, активно участвовавших в торговле Российского государства со Средней Азией.

Рис. 1. Карта Красноводского залива и крепости (публикуется впервые)

Одним из таковых является отрывок статейного списка русского посланника Василия Даудова, побывавшего в Хиве и Бухаре в 1675 и 1676 г. В нем говорится о туркменах, проживавших на Мангышлаке, их обеспокоенности перспективой строительства на Караганской пристани города и возможностью союза между Хивой и Москвой. Туркмены опасались, что государь московский, соединившись с ханом хивинским, пошлет «ратных людей на них трухменцев и их искоренить». Сам хивинский правитель – «Навша-Мамбет-хан» говорил, что «люди з большими товарами» сухопутным маршрутом на Гурьев городок ездить не могут, так как подвергаются грабегам со стороны калмыков и туркмен. Поэтому и предлагал построить на Караганской пристани город и «будет смирятца трухмены и калмыки» (Торговля, 1932: 235).

Вероятно, причиной подобного беспокойства туркмен Мангышлака, а под ними мы подразумеваем племена, обитавшие неподалеку от мыса Тюб-Караган, была нарастающая конкуренция с хивинскими, прежде всего, купцами за прибыль от торговли с Астраханью. Со стороны Хивы во второй половине XVII в. также наблюдается значительный интерес к торговым пристаням Мангышлака. Интересно, что образовавшиеся, вероятно без какого-либо государственного вмешательства «пристани», где торговали купцы из разных городов Средней Азии и Московского государства, привлекали к себе внимание правителей и Москвы, и Хивы. Московские государи решают ограничиться наличием торговых судов – бус, находившихся на государственном обеспечении. Хивинские же ханы, в свою очередь, начинают озвучивать идею российского контроля над пристанью.

Как известно, на всем протяжении XVII века 27 раз Хива присылала своих послов в Москву. Для сравнения, Бухара присылала своих официальных представителей 14 раз, Балх за короткий период своей независимости всего 2 раза. Со стороны России было только 7 посольств (Allworth, 1990: 88).

Зачастую главной темой переговоров хивинских миссий была перспектива строительства города на «пристанище Мангышлак». Затруднения вызывали вопросы, связанные с будущим статусом поселения. Хивинские ханы преследовали две цели – обезопасить путь для торговцев и

получить прибыль при сохранении своих сил. Российские власти до 1713 г. считали использование торговых бус и наличие самой пристани вполне достаточным. Впервые эта позиция была пересмотрена при Петре I, полагаем, не без влияния посланника от туркмен Ходжи Нефеса, прибывшего в 1713 году в Астрахань и убедившего русских в наличии «старого русла» Амударьи (в туркменской историографии он упоминается как Ходжа Непес). Туркмены Мангышлака безусловно сыграли роль в активизации внешней политики России в направлении Средней Азии. Но, поскольку единым народом они не являлись, речь могла идти о представителе конкретного туркменского племени.

В Московском государстве достаточно давно знали не только о туркменах, проживавших на полуострове Мангышлак, но и о сложных взаимоотношениях последних с Хивинским ханством. К XVII веку относятся первые попытки выделить племя човдугов из общего числа «трухменцев». Например, в датируемых 16 ноября 1645 г. расспросных речах вернувшегося с Караганской пристани в Астрахань начальника государственной бусы астраханца Степана Бахмурова упоминаются так называемые «чабдурцы», жившие у мыса Кабаклы или «чабдурские ратные люди» (Торговля, 1932: 315).

Несмотря на осведомленность в политической ситуации и активную торговую деятельность на севере полуострова Мангышлак, вопрос городского строения на Караганской пристани обсуждался в России только во время приездов хивинских посланников. Необычно, что в 1713 г. в Астрахань прибывает Ходжа Нефес как представитель туркмен Мангышлака. Перед тем как перейти к характеристике личности туркменского посланника, следует сказать о торговой пристани Караганская или Тюб-Караганская. До сих пор вопрос о её точном местонахождении является спорным. Согласно документам А. Черкасского, первая российская крепость на восточном побережье Каспийского моря была построена именно у Караганской пристани.

Как совершенно точно было отмечено А.П. Чулошниковым, долгое время ошибочно считалось, что она находилась на Тюб-Караганском мысу, то есть там, где сейчас бухта и портовые сооружения г. Форт Шевченко, а в XIX веке было укрепление Новопетровское (Торговля, 1932: 74). Изучив подробно карты полуостровов Мангышлака и Бузачи, «распросные речи» астраханца Степана Бахмурова, начальника государственной Караганской бусы, ответственного за доставку купцов из Средней Азии в Астрахань, Чулошников пришел к выводу, что пристань располагалась на побережье залива Сарыташ, т.е. гораздо восточнее современной Тюб-караганской пристани.

Это подтверждается офицером, участвовавшим в строительстве Новопетровского укрепления в 1848 г. М.И. Иванин в своих воспоминаниях о поездке на Мангышлак в 1846 г. пишет: «Я слышал от одного рыбопромышленника, что в заливе Сарыташ, в гавани называемой туземцами Старый Мангышлак, есть вколотенные возле берега сваи, что обнаруживает существование некогда здесь пристани» (Иванин, 1847: 281).

Вероятно, третьим доказательством является наличие единственного некрополя на полуострове Мангышлак, а ныне Мангистау, в Республике Казахстан, связанного с покровителем моряков – Султан Эпе. Он находится в непосредственной близости от залива Сарыташ. Этот уникальный мемориальный комплекс, сохранившийся до наших дней, датируется XI –XIII вв. (Ажигали, 2014: 14). Несмотря на распространенную легенду о ногайском мальчике, которому покровительствовал Султан Эпе при строительстве подземной мечети, это место было значимым для обитавших здесь туркмен и по-прежнему привлекает паломников.

Не будет преувеличением сказать, что пристань в заливе Сарыташ стала знаковым местом для последующих отношений России со среднеазиатскими ханствами, отправной точкой дальнейшей экспансии в Среднюю Азию.

В Астрахани знатному мангышлакскому туркмену рода Садыр племени Човдур, обитавшего рядом с Караганской пристанью, Ходже Нефесу удалось убедить в перспективности проекта поворота Амударьи в сторону Каспийского моря одного из богатейших купцов города князя Михаила Заманова (Марков, 1994: 51). В Москве туркменский посланник сумел заручиться поддержкой у Александра Черкасского, через него он добился аудиенции у Петра Великого, в ходе которой изложил суть проекта.

О подробностях подготовки экспедиции существует немало источников. В частности, можно обратиться к упомянутой публикации «Истории Свейской войны». В переписке князя Черкасского, членов Сената с Казанским и Астраханским генерал-губернаторами можно проследить этапы подготовки, проблемы, возникшие со строительством кораблей и выделением средств на них. История снаряжения экспедиции выходит за рамки заявленной нами темы, поэтому перейдем непосредственно к истории строительства крепостей на втором этапе экспедиции Черкасского и роли туркмен Мангышлака в ней.

Согласно показаниям одного из участников экспедиции астраханца Николая Федорова, А. Черкасский в 1715 г. прибыл к Караганской пристани (то есть к заливу Сарыташ) и «у той пристани с служими людьми выбрался на берег. И собрав он, Черкасской, трухменских владельцев Сайдаметя-салтана, Бегенчь-Аджея, Булат-Бакшея, Манлай Кошку, спрашивал у них, что можно ль из Дарьи-реки, которая нынче течет в Оральское море, пропустить воду в Каспийское море?» (История, 2004: 606). Последние ответили утвердительно, и на просьбу дать князя дать ему «знающего трухменца»

выдали ему Ходжу Нефеса (согласно их письмам, помимо Ходжи Нефеса проводником был еще некто Ишпулай) ([Русско-туркменские отношения, 1963: 32](#)).

Летом 1716 г. начался второй этап экспедиции, во время которого шло строительство крепостей на Восточном побережье Каспийского моря. В сентябре 1716 г. произошла высадка, как нам представляется, у «Старого Мангышлака» в заливе Сарыташ, и здесь была заложена крепость Святого Петра. Ф.И. Соймонов писал позднее, что от «Тюк-Карагана к Югу, расстоянием на 120 верст» на заливе при маленьком канале была построена другая крепость и названа «Александрова» или «Александробаева». Можно предположить, что речь идет об Александровском укреплении, построенном на месте будущего укрепления Новопетровское (Форт Шевченко), однако археологических подтверждений этому нет.

Согласно нашей версии, крепостей было изначально две, а не три, как писал Ф.И. Соймонов ([Соймонов, 1763: 16](#)), и как впоследствии считали отечественные исследователи. В пользу нашей версии служит контент-анализ опубликованных документов, связанных с миссией Черкасского на восточном побережье Каспийского моря. В донесении поручика А.И. Кожина президенту Адмиралтейств-коллегии говорится, что «транспорт (остановку) сделали и посадили в двух местах, где нет свежей воды» ([Русско-туркменские отношения, 1963: 31](#)). В показаниях прибывших в г. Астрахань посланников мангышлакских туркмен также говорится о двух пунктах. Туркмены сообщили, что «в Тюк Карагане и на Красных Водах царского величества ратные люди все в добром здравии» ([Русско-туркменские отношения, 1963: 32](#)). В донесении из Казани от генерал-губернатора Правительствующему Сенату также говорится о двух крепостях «В Тюк-Карагана и в Красные воды» ([Гистория Свейской войны, 2003: 607](#)).

Крепость Красноводскую начали строить в декабре 1716 г., накануне похода Черкасского в Хиву. Известно, что руководить строительством и командовать гарнизоном было поручено полковнику фон дер Видену. Из его донесения следует, что речь шла о небольшом укреплении, построенном прямо на косе, уходящей в море. 18 декабря 1716 г. Черкасский убыл в Астрахань и оттуда выслал отчет об экспедиции и строительстве крепостей. На Красноводской косе остался полковник фон дер Виден с двумя полками, Коротояцким и Астраханским. Полки численно были вполнину положенного, по причине того, что солдат переправляли по морю. Часть судов потерпели кораблекрушение. В донесении он жаловался, что строить крепость приходилось «на песке сыпучем с ракушкою», и что невозможно на таком месте «без дров и без воды пресной и без лесу» строить укрепления ([Русско-туркменские отношения, 1963: 36](#)).

А. Черкасский, как пишет в своем донесении фон дер Виден, указал ему: «Делать то, что повелят, ты оставляешь на пробу» и приступил к реализации третьего этапа экспедиции, обернувшегося трагедией. Выполняя указ Петра I, он решил отправиться в Хиву. По сей день не ясно, почему был выбран один самых длинных караванных путей из Астрахани, а не с Тюк-Караганской пристани или из Красноводской крепости (откуда было 12 дней пешего хода до Хивы). Вероятно, численность участников отряда не позволила осуществить их переброску по морю, и было решено отправиться сухопутным путем. Тем самым, по которому спустя почти сто с лишним лет отправится генерал В.А. Перовский. Как известно, последнему не удалось дойти до самой Хивы, в отличие от А. Черкасского.

Не останавливаясь на трагической истории Хивинского похода, перейдем к судьбе оставшихся укреплений. Итак, после гибели князя оставались еще отряды при двух крепостях на Восточном побережье Каспийского моря. Относительно крепости Святого Петра и ее местонахождения сегодня сказать что-либо трудно, поскольку археологических раскопок у залива Сарыташ не проводилось. Можно лишь констатировать по имеющимся данным, что Тюб-Караганская пристань сохраняла свое значение как пункт торговли между Россией и Средней Азией. В 1760 г. была создана графом Р.И. Воронцовым коммерческая акционерная компания, получившая право 30 лет получать прибыль с Тюб-Караганской пристани ([ПСЗРИ, 1830: 453](#)).

Что касается крепости Красноводской, то, исходя из имеющейся информации (как из документальных источников, так и из фотографий с Красноводской косы) можно с уверенностью утверждать, что она находилась там, где сейчас расположен памятник «Сподвижникам Петра».

В фонде 134 РГАДА «Сношения России с Хивой» хранится донесение князя Черкасского Петру Первому о новой крепости, и датированное ноябрем 1716 г. Оно было опубликовано в вышеупомянутом сборнике «Русско-туркменские отношения». В донесении представлены краткие сведения о туркменах, обитавших от Красных вод до реки Астрабад, о том, как они содействовали экспедиции. Помимо этого, в письме есть крайне важная по содержанию строка, оставленная впоследствии без должного внимания: «От хана хивинского были послы присланы к трухменцам вышеописанным, чтоб имели они его за хана и старшины их приехали б к нему, обещая им дачу, и они без воли нашей присланным от хана хивинского отповеди не хотели дать, и я им, трухменцам, сказал: “Мы никакой противности с ханом хивинским и с народом тамошним не имеем, кроме дружбы...”» ([РГАДА: Ф. 134. Оп.1. 1716. Д. 1. Л. 46](#)).

Таким образом, можно предположить, что туркменские племена, обитавшие на Восточном побережье Каспийского моря, стремились к союзу с Россией с целью выйти из под влияния хивинцев, и они получили ясный ответ, что Россия с Хивой воевать не намерена. Вполне резонно допустить, что

после 1716 г. настроения среди туркмен стали меняться. В сводке из донесений об экспедиции А. Черкасского и А.И. Кожина, в частности, в показаниях поручика Коротояцкого полка, часть которого была в гарнизоне Красноводской крепости, Федора Исингильдеева, говорится, что когда стало известно о гибели отряда Черкасского, к крепости подошли с суши и моря две или три тысячи туркмен, причем, что интересно, пожалуй, впервые говорится об их племенной принадлежности «текейи-юмутцы (текинцы), огружинцы (огурджали), куклюяны (гокланы), юмутцы (йомуты) и татары-балханцы» ([Русско-туркменские отношения, 1963: 42](#)).

Оставив без комментариев случай небывалого единства туркменских племен, можем лишь констатировать, что среди них не было туркмен Мангышлака, тех, что все еще сохраняли верность людям князя Черкасского и не нарушали дружеских и союзнических отношений. После отражения штурма полковник фон дер Виден провел военный совет, постановивший оставить крепость и отправиться всем отрядом в Астрахань.

В итоге, из общего числа Красноводского отряда в 1293 человек погибло и не вернулось 999. В Астрахань возвратилось лишь 294 человека ([РГАВМФ: Ф. 233. д. 170. Лл. 37-40](#)).

В дальнейшем те, кто следовал по проложенному Александром Черкасским пути, проходя на судах мимо Красноводской косы на восточном побережье Каспийского моря, обращали внимание на остатки укрепления. Так, известный исследователь Ф.И. Соймонов сообщал о «знатнейшей крепости, к северу от которой на восток ... находилось то место, на котором Аму-Дарья имела свое в Каспийское море течение» ([Соймонов, 1763: С. 28-29](#)).

В 1836 г. капитан Иван Федорович Бларамберг, проводя топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря, нашел остатки крепости, заложенной князем Черкасским. В его описании дана подробная характеристика остаткам укрепления. «Все укрепление имело вид кронверка. На поверхности земли видно здесь еще много остатков, свидетельствующих о пребывании Русских, как-то: обломки кирпичей, стекла, уголь и проч.; в земле же на кладбище отыскиваются человеческие кости, гробовые доски, ржавые железные вещи, ядра, кремни, медные пуговицы и проч.» ([Бларамберг, 1850: 67](#)).

Таким образом, когда в этом же месте в 1869 г. высадился отряд генерала Н.Г. Столетова, у генерала и офицеров отряда не было сомнений относительно истории укрепления и массового захоронения неподалеку от нее. Отряду было дано следующее задание: не втягиваясь в боевые действия, заниматься главным образом исследованиями края и в особенности поиском путей в Хиву. В ходе изучения местности солдатами отряда была обнаружена возвышенность искусственного происхождения неподалеку от места под названием Кызыл-Су (Красная вода). После раскопок и сопоставления различных данных, в том числе и опросов местного населения, было установлено, что именно здесь в 1716 г. гвардии капитан князь Александр Черкасский по указу Петра Первого заложил крепость «Красноводскую».

Офицерами Красноводского отряда было принято решение собрать необходимые средства и воздвигнуть на редуте памятник погибшим героям – сподвижникам Петра Великого. Процесс сбора средств растянулся на 3 года, и к моменту открытия памятника в Российской империи проходили юбилейные торжества по случаю 200-летия со дня рождения Петра Первого. 28 мая памятник был готов, 30 мая 1872 г. состоялось открытие. Как все это происходило – подробно описано свидетелем тех событий: «На Красноводском мысе, в пятнадцати милях на юг от Красноводского форта, до сих пор еще можно видеть среди ровной поверхности глубоких песков небольшую возвышенность, которая своей формой походит на редут. Укрепление это, как по преданиям, оставшимся у туркмен, так и по некоторым описаниям, было построено отрядом Бековича в 1716 году. В то время отсюда производились рекогносцировки по туркменской степи. Несколько могил свидетельствуют о похороненных здесь русских воинах. Г. Сильванский (Сильванский был прислан от министерства финансов для собирания торговых статистических сведений), семейство которого оставило по себе самую прекрасную память в Красноводске, предложил офицерами гарнизона почтить память своих товарищей по оружию, составить подписку и на собранные деньги воздвигнуть на редуте памятник к дню 200-летнего юбилея Петра Великого. Нечего и говорить, с какой охотой и сочувствием каждый отнесся к этой прекрасной мысли, которая вскоре была и осуществлена. 30-го мая, в 7 часов утра, паровой баркас, имея на буксире две туркменские лодки, стоя на рейде, выпуская из своей трубки белыми клубками пары, своим резким, пронзительным свистом сзывал желающих отправиться на Красноводский мыс, чтоб принять участие в праздновании открытия памятника.

После 3-х-часового плавания мы увидели берег Красноводского мыса, на котором там и сям группировались туркменские кибитки. Мы обошли мыс и вошли в бухту Бековича, глубина которой позволила нам войти на довольно близкое расстояние от берегу. Не успели мы стать на якорь, как к нам подошли туркменские лодки, предлагая свои услуги. На берегу толпа туркмен окружила нас и провожала к памятнику, который был воздвигнут в расстоянии одной версты. Памятник был закрыт полотном, и только по окончании панихиды, при нескольких залпах одного взвода солдат, открылся взорам публики. Он высечен из белого местного камня, имеет пирамидальную форму, вышиной 3 аршина, с прямоугольным основанием, на каменном пьедестале; на каждой стороне его вделаны гипсовые доски, на одной из них вырезана надпись следующего содержания: «Красноводский отряд сподвижникам Петра 1-го», а на другой вырезаны стихи.

«В пустыне дикой
Вас, братья, мы нашли
И теплою молитвой
Ваш прах почли» (Гунаропуло, 1900: 1047).

Монумент пережил революционные события начала XX в., в течение всего советского времени был одной из достопримечательностей города Красноводска Туркменской ССР. Трагическими для него стали годы после распада СССР и образования независимого Туркменистана. Оставшись без должного надзора, памятник сподвижникам Петра Великого под воздействием неблагоприятного климата стал осыпаться. По последним данным за 2008 г. и 2013 г. монумент находится в крайнем руинированном состоянии и требует немедленной реставрации. Отсутствуют памятные таблички и православный крест, венчавший монумент.

4. Заключение

В заключение остается добавить, что до сих пор нет определенной ясности относительно истории крепости Святого Петра. Ее примерное расположение следует искать у залива Сарыташ. Следов же стен укрепления, либо археологических предметов, датируемых Петровским временем, не найдено до сих пор. Касательно второй крепости, основанной Черкасским, можно сказать, что место ее расположения определено и, по сути, монумент на месте крепости является единственным в мире памятником А. Черкасскому и его сподвижникам. Постепенно остатки крепостных сооружений приходили в упадок и исчезли под натиском цивилизации.

Неудача экспедиции Черкасского во многом связана со слабостью русской дипломатии на среднеазиатском направлении. Среди большинства туркменских племен, за исключением туркмен Мангышлака, русские войска не встретили поддержки. В условиях Северной войны Петр I не был заинтересован в открытом и, очевидно, долгосрочном конфликте на Востоке. В начале XVIII в. Российское государство не обладало достаточными данными разведки, топографии и гидрографии региона, дипломатическими, людскими и материальными ресурсами для долговременного удержания восточного побережья Каспийского моря. Попытка Черкасского опереться на хивинскую знать без политического взаимодействия с туркменскими племенами, помимо туркмен Мангышлака, стоила жизни ему и его людям.

Благодарности

Автор статьи (А. Андреев) хотел бы выразить благодарность заместителю директора по науке МАЭ РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), профессору Е.А. Резвану за возможность участия в экспедиции на Мангышлаке и доступ к уникальным полевым материалам, статья подготовлена при поддержке НИР СПбГУ «Кризис идентичности на постсоветском пространстве в зеркале конфликта», шифр ИАС НИД СПбГУ «5.38.279.2014».

Литература

- Ажигали, 2014 – *Ажигали С.Е.* Очерк культурного наследия Арало-Каспийского региона // Электронное научное издание. Альманах Пространство и Время. Т.5. 2014. С.14 [Электронный ресурс. <http://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-kulturnogo-naslediya-aralo-kaspiyskogo-regiona>] (дата обращения 3.12.2014).
- Аннанепесов, 1981 – *Аннанепесов М.* Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII – XIX в. Ашхабад: Ылым, 1981. 264 с.
- Бларамберг, 1850 – *Бларамберг Ф.И.* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюб-Караган // Записки Русского Географического общества. Кн. IV. СПб., 1850. С. 49-120.
- Вилинбахов, 1977 – *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Изд-во Эльбрус. 1977. 231 с.
- Галкин-Враской, 1868 – *Галкин-Враской М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Издание Я.А.Исакова, 1868. 336 с.
- Гистория, 2004 – *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого).* составитель Т.С. Майкова, под общей редакцией А. А. Преображенского. Выпуск 2. М.: Изд-во Кругъ, 2004. 656 с.
- Гунаропуло, 1900 – *Гунаропуло С.А.* В туркменской степи. (Из записок черноморского офицера). II // Исторический вестник. № 12. 1900. С. 1033-1050.
- Иванин, 1847 – *Иванин М.И.* Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г., с картой // Записки Географического общества. Кн. 2. СПб., 1847. С. 267–305.
- Иванин, 1874 – *Иванин М. И.* Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1874. 268 с.
- Княжецкая, 1964 – *Княжецкая Е.А.* Судьба одной карты (о географе А. Бековиче-Черкасском). М.: Мысль, 1964. 120 с.
- Марков, 1994 – *Марков А.С.* Петр Первый и Астрахань. Астрахань: Изд-во Форзац, 1994. 190 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (РГАДА.) Ф. 134. Оп.1. 1716. Д. 1. Л. 46.

Попов, 1853 – *Попов А. Н.* Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1853. 192 с.

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской Империи. Т.15. СПб.: Типография 2 отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1052 с.

РГАВМФ – Российский Государственный Архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 233. д. 170. Лл. 37-40.

Русско-туркменские отношения, 1963 – Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад: АН ТуркмССР. 1963. 585 с.

Соймонов, 1763 – *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и Ордена святого Александра Кавалера Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства, в бытность его службы морским Офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Историографии, Г.Ф. Миллера. СПб.: Императорская академия наук, 1763. 55 с.

Торговля, 1932 – Торговля с Московским государством и международное положение в Средней Азии. Л.: Издательство Академии наук, 1932. 496 с.

Allworth, 1990 – *Allworth E. A.* The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present: A Cultural history. Stanford: Hoover Institution press, 1990. 411 p.

History of Civilization of Central Asia, 2003 – History of Civilization of Central Asia: Vol. V. Paris: UNESCO publishing, 2003. 910 p.

References

Azhigali, 2014 – *Azhigali S.E.* Ocherk kul'turnogo nasledija Aralo-Kaspijskogo regiona [Cultural Legacy Review of the Aral-Caspian Region], Jelektronnoe nauchnoe izdanie. Al'manah Prostranstvo i Vremja [Electronic issue «Space and Time» Yearbook]. Vol. 5, 2014, pp. 14 [URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-kulturnogo-naslediya-aralo-kaspijskogo-regiona>] (data obrashhenija [accessed date]: 3.12.2014). (In Russian)

Annanepesov, 1981 – *Annanepesov M.* Ukreplenie rusko-turkmenskikh vzaimootnoshenij v XVIII – XIX v. [The growth of Russian-Turkmen relations in XVIII-XIX c.]. Ashhabad, Ylym, 1981. 264 p. (In Russian)

Blaramberg, 1850 – *Blaramberg F.I.* Topograficheskoe i statisticheskoe opisanie vostochnogo berega Kaspijskogo morja ot Astrabadского залива до мыса Tjub-Karagan [Topographical and Statistic Description of the East Caspian Coast from Astrabad Gulf to Cape Tjub-Karagan]. Zapiski Russkogo Geograficheskogo obshhestva [Bulletin of Russian Geographical Society]. Book IV. St. Petersburg, 1850, pp. 49-120. (In Russian)

Vilinbahov, 1977 – *Vilinbahov V.B.* Iz istorii rusko-kabardinskogo boevogo sodruzhestva [Glimpses of the History of Russian-Kabardian military Fraternity]. Nal'chik, Izd-vo Jel'brus, 1977. 231 p. (In Russian)

Galkin-Vraskoj, 1868 – *Galkin-Vraskoj M.N.* Jetnograficheskie i istoricheskie materialy po Srednej Azii i Orenburgskomu kraju [Etnographic and Historic Materials on Middle Asia and Orenburg Region]. St. Petersburg, Izdanie Ja.A.Isakova, 1868. 336 p. (In Russian)

Gistorija, 2004 – Gistorija Sveyskoj vojny (Podennaja zapiska Petra Velikogo) [The History of the Swedish War]. sostavitel' *T.S. Majkova*, pod obshej redakciej A. A. *Preobrazhenskogo*. Vypusk 2 [Part 2]. Moscow, Izd-vo Krug#, 2004. 656 p. (In Russian)

Gunaropulo, 1900 – *Gunaropulo S.A.* V turkmenskoj stepi. (Iz zapisok chernomorskogo oficera) [In the Turkmen Steppe (from the notes of a Black Sea officer)]. II. Istoricheskij vestnik [Historical Newsletter], Nr. 12, 1900, pp. 1033-1050. (In Russian)

Ivanin, 1847 – *Ivanin M.I.* Poezdka na poluostrov Mangyshlak v 1846 g., s kartoj. Zapiski Geograficheskogo obshhestva [Voyage to Mangyshlak Peninsula in 1846 with a map. Bulletin of Geographical Society]. Kn. 2 [Book 2]. St. Petersburg, 1847, pp. 267–305. (In Russian)

Ivanin, 1874 – *Ivanin M. I.* Opisanie Zimnego pohoda v Hivu v 1839–1840 godu [Description of the Winter Campaign in 1839-1840]. St. Petersburg, Tip. t-va «Obshhestvennaja pol'za», 1874. 268 p. (In Russian)

Knjazheckaja, 1964 – *Knjazheckaja E.A.* Sud'ba odnoj karty (o geografe A. Bekoviche-Cherkasskom) [The Fate of a map (on the geographer A. Bekovich-Cherkassky)]. Moscow, Mysl' Publ., 1964. 120 p. (In Russian)

Markov, 1994 – *Markov A.S.* Petr Pervyj i Astrahan' [Peter I and Astrahan']. Astrahan', Izd-vo Forzac Publ., 1994. 190 p. (In Russian)

РГАДА – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of the Old Acts] (РГАДА.) Ф. 134. Оп.1. 1716. Д. 1. Л. 46. (In Russian)

Popov, 1853 – *Popov A. N.* Snoshenija Rossii s Hivoj i Buharoju pri Petre Velikom [Relation between Russia and Khiva during the reign Peter the Great]. St. Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1853. 192 p. (In Russian)

PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete Edition of the Laws of Russian Empire] . Vol. 15. St. Petersburg, Tipografija 2 otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii Publ., 1830. 1052 p. (In Russian)

RGAVMF – Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Voenno-morskogo flota [Russin State Navy Archive] (RGAVMF). F. 233. d. 170. Ll. 37-40. (In Russian)

Russko-turkmenskie otnoshenija, 1963 – Russko-turkmenskie otnoshenija v XVIII-XIX vv. (do prisoedinenija Turkmenii k Rossii) [Russian-Turkmen Relations in XVIII-XIX cc. (before incorporation of Turkmenistan to Russia)]. Ashhabad, AN TurkmSSR Publ., 1963. 585 p. (In Russian)

Sojmonov, 1763 – *Sojmonov F.I.* Opisanie Kaspijskogo morja i chinennyh na onom Rossijskih zavoevanij, jako chast' istorii gosudarja imperatora Petra Velikogo, trudami Tajnogo Sovetnika, Gubernatora Sibiri i Ordena svjatogo Aleksandra Kavalera Fedora Ivanovicha Sojmonova, vybrannoe iz zhurnala Ego Prevoshoditel'stva, v bytnost' ego sluzhby morskim Oficerom, i s vnesennymi, gde potrebno bylo, dopolnenijami Akademii Nauk Konferenc-Sekretarja, Professora Istorii i Istoriografii, G.F. Millera [Description of Caspian Sea and of Those Gained Lands Which Had Been Conquered by Russia as a Part of the History of Peter the Great's State, Extracted by the Privy Councillor, the Governor of Siberia and the Holder of the St. Alexander Order Fedor Ivanovich Sojmonov from the Diary of His Excellency from his Naval Officer's Past, and with Some additions made where it was relevant by the Conference-secretary of Academy of Science, Phd in History and Historiography G. F. Miller]. St. Petersburg, Imperatorskaja akademija nauk Publ. 1763. 55 p. (In Russian)

Torgovlja, 1932 – Torgovlja s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoe polozhenie v Srednej Azii [Trade with Muscovite State and the International Situation in Middle Asia]. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk Publ., 1932. 496 p. (In Russian)

Allworth, 1990 – *Allworth E. A.* The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present: A Cultural history. Stanford, Hoover Institution press, 1990. 411 p. (In English)

History of Civilization of Central Asia, 2003 – History of Civilization of Central Asia: Vol. V. Paris, UNESCO publishing, 2003. 910 p. (In English).

УДК 93/94, 910

К истории первых русских крепостей на восточном побережье Каспийского моря

Абдулла Хамидович Даудов^{а, *}, Артем Алексеевич Андреев^а, Денис Геннадьевич Янченко^а, Владимир Андреевич Шорохов^а, Алексей Сергеевич Кибинь^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В центре внимания авторов исследования – история фортификационных сооружений экспедиции А. Черкасского на полуострове Мангышлак в контексте российско-хивинских и российско-туркменских отношений петровского времени. Анализ историографии проблемы показал, что даже те источники по теме, что введены в научный оборот, зачастую остаются слабо изученными. Так, было выявлено «общее место» в научных представлениях о фортификационных сооружениях 1716 г., достоверность которого не подтверждается документальными данными, – представление о существовании на Мангышлаке трех крепостей. Авторы опровергают эту точку зрения, фиксируя в документах, непосредственно относящихся к миссии А. Черкасского, создание лишь двух фортов. В рамках работы были изучены не только опубликованные источники, но и архивные материалы. При архивных изысканиях в РГАДА обнаружена и опубликована ранее неизвестная карта Красноводского залива с рисунком укрепления, составленная участником экспедиции 1716-1717 гг. Авторы привлекли и материалы новейшего полевого исследования. Результатом работы стало ограничение предполагаемой места постройки крепости Святого Петра районом залива Сарыташ (однако без проведения дополнительных археологических изысканий установить ее точную локализацию не представляется возможным), а также раскрытие ряда ключевых причин провала миссии А. Черкасского – недостатка разведывательных данных (не только военного, но и гидро-топографического характера), материальных и людских ресурсов, и, как следствие, реалистичной долгосрочной стратегии в этой части Каспийского бассейна, а также стремления главы экспедиции опереться на хивинскую знать без налаживания полноценного политического взаимодействия с туркменскими племенами.

Ключевые слова: Средняя Азия, Красноводская крепость, туркмены, Каспийское море, князь Черкасский, полуостров Мангышлак.

* Корреспондирующий автор

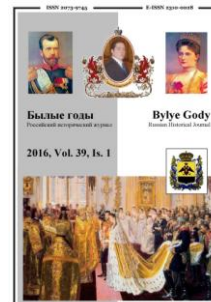
Адреса электронной почты: primdek@yandex.ru (А.Х. Даудов), a.a.andreev@spbu.ru (А.А. Андреев), d.yanchenko@spbu.ru (Д.Г. Янченко), helveticw@bk.ru (В.А. Шорохов), a.kibin@spbu.ru (А.С. Кибинь)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 14-21, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 7.033 (571.1)

Russia and Islam: state policy on formation of tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917)

Yulia A. Bortnikova ^{a,*}, Olga N. Naumenko ^a, Egor E. Naumenko ^b

^a Dmitry Mendeleev Tobolsk Teacher Institute Branch of the Tyumen State University, Tobolsk, Russian Federation

^b Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Abstract

Counteraction to Islamic extremism is the major problem in the modern world. The government of the Russian Empire solved this problem through purposeful education of confessional tolerance of Muslims in 1773–1917. Authors compare understanding of tolerance in Russia and in Western Siberia in 1773–1917, emphasizing that in the Tyumen region society understood this term the same as now. On the basis of earlier unknown archival documents of the Central historical archive of the Republic of Bashkortostan authors consider a state policy on formation of a certain option of Islam which provides religious tolerance in Russia. In article the main attention is paid to Western Siberia as exactly there the confessional state policy made the greatest success. The main directions of a state policy were: to unify Muslim culture according to orthodox samples; to keep the Siberian option of Islam; to create obstacles for distribution of standard Islam; to develop the state measures which would show respect for Muslims and care of them. Authors consider ways of deformation of Muslim culture in Western Siberia: change of architectural forms of mosques and necropolises, deformation of cult objects (existence of a religious sculpture), selection of literature in Muslim libraries, the facilitated conditions for examinations on the mullah's rank, appointment to positions of muftis without spiritual education in the Orenburg Mohammedan spiritual meeting, creation of obstacles for commission of a hajj to Mecca for mullahs.

Keywords: Islam, Muslims, Russian Empire, Western Siberia, tolerance, Catherine II, Orenburg Mohammedan spiritual meeting, culture.

1. Введение

Миграционная волна мусульман в Европу и серия терактов в Париже осенью 2015 г. начали менять представление цивилизованных обществ о конфессиональной толерантности. Ее основная идея, в европейском понимании позволявшая свободно исповедовать не только все мировые религии, но и любое вероучение, в том числе основанное на искажении первоисточников и их главных постулатов, была поставлена под сомнение. В условиях межконфессиональных противоречий особенно важным является изучение опыта мирного сосуществования мусульман с представителями иных религий, что происходило на территории Западной Сибири в рассматриваемый период.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование выполнено на основе анализа документальных источников, среди которых основными являются: 1) *Фетва, фирманы и циркуляры* Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (ОМДС), хранящиеся в фондах Центрального исторического архива Республики Башкортостан (ЦИА РБ), – это нормативные акты, определяющие основные направления

* Corresponding author

E-mail addresses: soroka-jul@rambler.ru (Yu.A. Bortnikova), oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko), rony811@rambler.ru (E.E. Naumenko)

государственной политики. 2) Делопроизводственная документация (отчеты, переписка и др.), показывающая процесс реализации законодательных положений.

2.2. Методология исследования включает теорию модернизации, которая позволила рассмотреть государственную политику поэтапно, в условиях перехода общества от традиционного типа к индустриальному. *Сравнительно-исторический метод* дал возможность выявить общее и особенное в политике формирования толерантности в целом и на территории региона в частности, сравнить политико-идеологические условия, в которых развивались мусульманская и христианская культуры, а также проследить государственную политику в сфере формирования толерантности на каждом из исторических этапов. *Ретроспективный метод* позволил рассмотреть исторические предпосылки формирования рассматриваемого явления. С помощью *метода актуализации* удалось оценить роль и значение государственной политики толерантности для регулирования этно-конфессиональных и культурных процессов.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема не получила должного освещения в историографии. Отдельные дореволюционные исследования отражают лишь политику русификации и христианизации мусульман, без понимания глубинных смыслов проводимых преобразований (Фирсов, 1866; Ибрагимов, 1871). Советский период (1917–1991 гг.) также не дал ни одной научной работы непосредственно по теме, так как изучать ислам запрещалось. В 1996 г. была издана монография Д. Д. Азаматова, в которой традиционно рассматривалась политика русификации, а роль Оренбургского магометанского духовного собрания в формировании этно-конфессионального мира осталась незамеченной (Азаматов, 1996); этот же подход характерен для А. Р. Абдрашитовой (Абдрашитова, 2001), что отражает становление национального самосознания татар. Наконец, в 2001 г. вышла монография Ю. М. Антоняна, который впервые в историографии поставил вопрос о необходимости целенаправленного воспитания толерантности российских мусульман. В качестве решения автор предложил в чеченских школах систематически, в обязательном порядке начать изучение веротерпимого варианта ислама, традиционно существовавшего в России на протяжении столетий (Антонян, 2001: 165). С середины 2000-х гг. ислам в России стал сферой более широкого научного интереса. Впервые было замечено, что наибольшей конфессиональной толерантностью обладает его сибирский вариант (Селезнев и др., 2004: 5), что вызвало необходимость более глубокого исследования феномена.

Пробел в историографии пока не закрыт. На настоящий момент имеется единственная статья, посвященная роли Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в становлении веротерпимости, опубликованная Н. В. Крайсманом (Крайсман, 2011) и осветившая лишь некоторые механизмы управления уммой. Между тем, спектр проводимых мероприятий был значительно шире, а воспитание конфессиональной толерантности проводилось не только через ОМДС, – поэтому представленная тема требует дальнейшего исследования.

Цель статьи – рассмотреть государственную политику России в 1773–1917 гг. по воспитанию конфессиональной толерантности мусульман с акцентом на регион, где она имела наибольший эффект – Западную Сибирь.

4. Результаты

Понятие «толерантность» не было однозначным в различные исторические периоды. В Европе уже в Средневековье возникла особая форма отношения к иноверцам, еще не затрагивающая вопросы уважения нехристианских культур, но утверждающая веротерпимость как одну из экономических основ государства. Она была направлена прежде всего на евреев, начавших играть одну из ведущих ролей в торговле и экономическом развитии европейских стран, и вызвала непродолжительный период «золотого века» иудаизма. Предполагалось, что толерантность должна проявляться в системе послаблений и льгот, предоставляемых отдельным группам населения, оказавшегося за пределами католического общества, но при условии, что они несут «благотворную роль» и не представляют угрозы для христианства (Katz, 2008: 29).

В России впервые эта форма толерантности была провозглашена в 1773 г. Екатериной II в «Указе о веротерпимости», что коренным образом изменило положение иноверческих общин. Однако один из регионов России – Западная Сибирь (и особенно юг современной Тюменской области) – был готов к реализации этого Указа лучше остальных, так как толерантность там складывалась исторически, в силу особенностей географического положения региона и традиционной духовной культуры. Уже в XIX в. толерантность начала трактоваться не в средневековом, а в современном варианте: все конфессии и народы равны и имеют одинаковое право на существование и уважение (Науменко и др., 2014: 34). Конечно, этот подход был характерен для сибирского общества, а не для власти и законодателей.

Воспитание конфессиональной толерантности мусульман в условиях Западной Сибири имело ряд благоприятных предпосылок.

Во-первых, исторически этот регион (особенно Тюмень и Тобольск), будучи «воротами в Сибирь», принимал масштабные потоки переселенцев практически со всей европейской части России, которые по большей части оседали здесь же, формируя мультикультурную среду.

Во-вторых, в течение столетий на территории Западной Сибири были основаны сотни татарских и смешанных русско-татарских поселений, некоторые из которых насчитывали сотни лет своей истории (например, селу Чикча в Тюменской области более 500 лет, а селу Ембаево, где проживают представители 21 национальности, более 400 лет), что содействовало закреплению сложившихся представлений о толерантности.

В-третьих, жизнь в татарских поселках проходила в соответствии с «традиционным», или «народным» исламом, основополагающая черта которого – исключительная веротерпимость, религиозный запрет за дискриминацию по конфессиональному признаку (Ислам на краю, 2007: 13). В то время сибирский ислам отличался «творческим осмыслением коранических норм» (в современном смысле – просто незнанием многих положений ислама, их сочетанием с древними шаманскими представлениями). Такой синкретизм стал экспериментальной базой для государственной конфессиональной политики на территории региона.

Воспитание толерантности мусульман в регионе зиждилось на трех «китах» – основополагающих идеях: 1) целенаправленная деформация мусульманской культуры; 2) демонстрация уважения к мусульманам со стороны государственной власти; 3) сохранение и укрепление «народного» ислама. Государственная политика по деформации мусульманской культуры (и искусства) является темой более детального, в том числе искусствоведческого, исследования; она не является целью настоящей статьи и изложена в другой работе авторов, однако можно отметить, что все три направления реализовывались одновременно, дополняя друг друга и усиливая действие каждого в отдельности.

Проявление уважения к мусульманам со стороны государства носило разные формы. При Екатерине II из казны выделялись деньги на строительство мечетей, был введен особый статус мулл: они считались государственными служащими и выполняли задачи национальной безопасности (Абдрашитава, 2001: 52). В 1840-е гг. российская власть серией указов ввела специальные государственные награды с мусульманской символикой (Ногманов, 2011), так как все другие ордена и медали империи содержали образы живых существ, запрещенных в исламе (геральдический орел, православные святые, образы людей), и христианские кресты. Мусульманские медали можно было заслужить, совершив какое-либо деяние (подвиг) на благо Российской империи, или посвятив себя служению людям и укреплению межконфессионального мира и согласия.

В 1906 г. Акмолинский уездный начальник отправил представление о награждении Имама Хатыпа первой Акмолинской Соборной мечети Абдрахима Аюпова-Измайлова медалью с исламской символикой (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.10. Д. 564. Л. 55). В 1907 г. имам Мухамед-Гариф Баймуратов получил такую же медаль, так как около 20 лет «работал в военных госпиталях, ...но наряду с этим также исполнял требы в гражданской больнице, в казармах и тюремном замке» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.10. Д. 564. Л. 17). В 1908 г. ахун Хуснулла Багаутдинов был награжден серебряной медалью, так как «...во время беспорядков действиями своими, разъяснениями на магометанское население объяснял им о необходимости подчиняться властям и о противозаконности их действий, ввиду чего магометанское население нисколько не волновалось в столь тревожное время и вело себя весьма хорошо, каково всецело относится к энергичным и умным действиям означенного муллы» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.10. Д. 564. Л. 64).

Особенностью «народного» ислама было наличие *тумаров* – амулетов для постоянного ношения на груди, которые представляли собой кожаный мешочек с зашитой в него коранической молитвой. Однако каждый волостной старшина региона обязан был носить еще и знак с гербом губернии, а на нем изображался православный крест (БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 1, Л. 4). Этот знак накладывался прямо на *тумар*, находившийся под одеждой, и, по поверьям местных мусульман, снижал его оберегающую силу. В Тобольское губернское правление массово поступали прошения от мусульман освободить их от данной обязанности, и власти шли навстречу, демонстрируя таким образом уважение их к религиозным чувствам.

Заслуживает внимания позиция Тобольского губернского правления и местных архитекторов при разработке и утверждении проектов мечетей. Согласно существовавшим правилам, минарет не мог быть классическим по высоте (не выше православной колокольни), и мусульмане иногда занижали его, боясь ошибиться. Один из таких проектов, созданных местным обществом в 1903 г. для юрт Индерских Тюменского уезда, поступил на согласование архитектору Тобольско-Тюменской епархии лютеранину Г. Г. Цинке, который на несколько метров увеличил высоту небольшого минарета (до максимально допустимого), а губернское правление это исправление утвердило (БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 524. Л. 2-5). Подобные примеры не являются единичными.

По указу Екатерины II в конце XVIII в. в Тобольской губернии были собраны и зафиксированы в письменном виде правовые обычаи сибирских татар, отраженные в четырех нормативных документах (Бакиева, 2011: 5). Таким образом, произошло оформление норм шариата, причем не навязанных извне, а возникших в регионе и отражающих местные представления о справедливости. С этого момента судьи обязаны были рассматривать споры между мусульманами в соответствии

только с этой правовой системой, не обращаясь к общероссийскому законодательству. Когда иски возникали между русскими и татарами (чаще всего в случае захвата русскими переселенцами земель, отведенных для татарских деревень), они в судах разрешались «по справедливости», то есть всегда в пользу пострадавших татар (Бакиева, 2011: 5).

Такая политика формировала не только конфессиональную толерантность мусульман, но их уважение к государственной власти: они чувствовали себя частью гражданского организма Российской империи. Показательным в этом плане является письмо мусульман юрт Ембаевских Тюменского уезда в государственные органы, когда после революции началась «экспроприация» имущества купцов-односельчан: «Мы же всегда с Россией рука об руку...» (БГУТО ГАСПИТО. Ф. П-1, Оп. 1. Д. 197. Л. 64).

Политика укрепления «народного» ислама проводилась иными методами. В ее реализации основная ставка была сделана на духовных лиц (мулл, имамов, муэдзинов и др.), которые являлись трансляторами информации и знаний, а управленческим органом по решению сложнейшей государственной задачи стало Оренбургское магометанское духовное собрание, учрежденное в 1788 г.

Были разработаны следующие меры: 1) духовные лица должны сдавать экзамен в ОМДС, где акцент делался на знание традиционного ислама; предполагалось, что экзаменаторы также не должны свободно владеть нормативным вариантом религии; 2) создавались препятствия для духовных лиц в совершении хаджа в Мекку и для поступления литературы в мусульманские библиотеки из-за рубежа; 3) мусульманских священнослужителей вынуждали отказываться от обучения за границей (особенно в Египте и Турции, которые рассматривались как «рассадники сепаратизма»).

По Указу от 22 сентября 1788 г. состав ОМДС менялся каждые три года, но главное – отсутствовали требования, чтобы члены Духовного Собрания имели духовное образование (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.11. Д. 101. Л. 22). Предполагалось, что эту должность мог занять любой мусульманин «достойного поведения». Как отмечало ОМДС в 1853 г., все еще нет «закона о том, должны ли быть утверждаемы в сии звания преимущественно муллы, имеющие звания Хатымов или Муттарисов, и при том действительно занимающиеся обучением магометан высшим наукам, как о том ходатайствовало всегда Духовное Собрание» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.11. Д. 101. Л. 22 об.). Наконец, с 1865 г. даже на должности муфтиев (высшая должность в ОМДС) стали назначаться лица без духовного образования.

Одна из задач ОМДС состояла в экзаменовании духовных лиц с выдачей соответствующих документов. В конце XVIII – начале XIX вв. экзамены еще не были обязательными, а сдавались по желанию, чтобы мулла мог перед обществом подтвердить свою квалификацию. Со второй половины XIX в. всех избранных местными обществами имамов обязали проходить испытание в ОМДС, а в конце XIX в. экзамены стали нормой. Любой мусульманин мог пройти испытание, получить документ («Указ»), а затем уже быть распределенным в одну из мечетей. В этот период «указные муллы» в Западной Сибири были уже повсеместно. В частности, по данным на 1886 г. в мечетях Тюменской волости работало 20 духовных лиц, их которых 18 имели «Указы», а остальные два числились временно, до испытания в ОМДС (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.3. Д. 11485. Л. 3–16).

Документы ОМДС не зафиксировали ни одного случая, чтобы приехавший на испытание из Западной Сибири не сдал экзамен. Задача комиссии состояла в том, чтобы определить, на какое духовное звание хватает знаний у претендента. Вердикт обычно гласил: «По испытанию оказался муллою» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп. 4. Д. 14562. Л. 43), «Оказался быть способным муллою и мугаллином» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп. 4. Д. 14562. Л. 2), «Показал знания на духовное звание хатыма» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп. 4. Д. 14562. Л. 3), и прочее. Таким образом, какое-нибудь духовное звание сибирякам было гарантировано по прибытии в ОМДС.

Чтобы муллы не смогли понять, что их представления об исламе значительно отличаются от нормативного варианта, государство создало им массу препятствий для хаджа в Мекку. Циркуляром МВД был установлен следующий порядок: каждый мулла, желающий отправиться в паломничество, вначале должен подать в Губернское правление прошение с двумя наклеенными гербовыми марками по 60 коп. каждая. Затем Губернское правление ходатайствовало перед МВД «об увольнении муллы в заграничный отпуск». Когда разрешение МВД было оформлено, наступала следующая стадия – получение в местных органах полиции свидетельства, что «нет никаких законных препятствий для выезда за границу». Затем необходимо было оплатить пошлину – по 15 руб. за каждые полгода путешествия (в настоящий хадж ходили пешком, поэтому он был длительным). Лишь после этого можно было подать губернатору прошение о выдаче заграничного паспорта, опять заплатив гербовый сбор 60 коп. (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп. 6. Д. 880. Л. 120). Кроме того, разрешение необходимо было получить и в Оренбургском магометанском духовном собрании. Хотя обычно резолюция ОМДС была стандартная: «Препятствия не встречается» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.6. Д. 880. Л. 2), – но это была дополнительная затрата сил и времени. Наконец, нужно было найти себе замену в мечети на время хаджа.

Когда все документы были оформлены, Губернское правление уведомляло ОМДС, что мулла получил отпуск, а также сообщало, кто будет руководить приходом вместо него (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп. 6. Д. 880. Л. 2). В условиях этой сложной процедуры муллы нередко ходили в хадж без

разрешения, и губернские власти не знали, где они находятся в течение 6 месяцев, – такие сообщения регулярно поступали в ОМДС. Как результат, Духовное собрание издало фирман, по которому имамы могли отлучаться без разрешения только на две недели (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.11. Д. 101. Л. 97).

Государство внимательно следило за комплектованием мусульманских библиотек. Традиция была начата Екатериной II, при которой Коран был переведен на русский язык, а в арабском варианте переиздавался 5 раз и распространялся бесплатно (Прагт, 2009: 94). В тот период далеко не все мусульмане владели русским языком, но перевод был продуманной мерой: так как он осуществлялся не с арабского, а с французского и был изначально искажен, то началось произвольное толкования многих сур. Государству эта практика создала возможность через мусульманский первоисточник проводить любые воспитательные меры.

После Екатерины II политика изменилась: запрещалась бесплатная раздача книг, так как это приравнивалось к миссионерству. Мусульманские книги стали очень дорогими; нижний уровень цены устанавливался государством, что было дополнительным препятствием для их распространения. В частности, Павел I Указом от 21 декабря 1797 г. «О рассылке напечатанного на арабском языке Алкорана для продажи в те губернии, где населены народы магометанского исповедания» установил высокую цену Корана – 6 руб. 5 коп. за экземпляр (ПСЗРИ: 852). Поэтому когда при покупке книг выбор стоял между Кораном и Сунной, предпочтение, естественно, отдавалось первому, и знание Сунны в Западной Сибири оставалось слабым.

Содержание книг также не оставалось без внимания государства, однако отсутствовал запрет, например, на литературу по экономике исламских государств, так как мусульманские и христианские представления были довольно близки в сфере хозяйственной деятельности. Во-первых, запрет *риба* (ссудного процента) в исламе соответствовал политике православного государства в сфере ростовщичества, которое считалось «большим злом». После принятия в 1893 г. закона о ростовщичестве мусульманская литература с обоснованием запрета *риба* оказалась не только допустимой, но и полезной, вполне вписавшись в нравственные постулаты православного государства. Второй принцип экономики ислама – *зьякат* (обязательное жертвование нуждающимся) – полностью соответствовало христианскому правилу *подати*. Третий принцип исламской экономики – зависимость размера и видов налога от религиозной принадлежности – также соответствовал исторически сложившейся в России практике взимания дополнительного налога с иноверцев. Поэтому наличие исламской литературы по данному вопросу только укрепляло представления мусульман о «справедливом» характере Российского государства.

Для поступления литературы из Турции и Египта непосредственно по исламу создавались препятствия. В частности, когда в 1898 г. Духовное Собрание решило приобрести в Каире «настоящую книгу всех мусульман Востока» – произведение *Фатваэ Индия*, выяснилось, что ее полуподпольная цена, с учетом препятствий в процессе доставки, составляет около 60 руб. за экземпляр (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.11. Д. 101. Л. 116).

Рассмотренные меры во многом были дискриминационными для мусульман, но оказались эффективными для формирования конфессиональной толерантности, что подтверждается следующими многочисленными фактами.

В 1896 г. земский заседатель пытался выселить из татарского села – юрт Токузских Тобольской губернии – семью еврея Янкеля Пейселя, который гармонично сосуществовал с мусульманами на протяжении многих лет, но, по мнению заседателя, «являлся вредным для местного населения по своему мельничному занятию, отсыпая себе «лишние лопатки», то есть брал с помольцев больше установленного». В юртах началось волнение, мусульмане дружно встали на защиту соседа-еврея, обратились в губернское правление с объяснением, что требование выслать Пейселя вызвано «корыстью заседателя», и власти закрыли дело (БГУТО ГА в г. Тобольске, Ф. И-152. Оп. 35. Д. 597. Л. 19).

Второй пример – история строительства Тюменской синагоги. В 1911 г. был торжественно заложен ее фундамент, и на этом мероприятии «было много публики разных вероисповеданий» из мусульман и православных, которые «поздравляли евреев и в этот день пожертвовали 1200 рублей на строительство» (Сибирская торговая газета, 1911: 2). В мае 1918 г. в Тобольском драмтеатре активисты решили поставить пьесу, порочащую Иисуса Христа, что вызвало возмущение иудейской и мусульманской общин города: «Сегодня издеваются над Христом, а завтра над Моисеем и Магометом»; «Посещение такого зрелища, оскорбляющего чувства верующих, совершенно недопустимо» (Солодова, 2013: 82). Общими усилиями христиан, мусульман и иудеев пьеса была исключена из репертуара.

5. Заключение

Рассмотренная государственная политика содействовала формированию в Западной Сибири религиозной толерантности мусульман и других групп иноверцев. До 1990-х гг., пока в регион не двинулся поток религиозных миссионеров из-за рубежа (не только исламских, но и христианских, связанных с деструктивными сектами), Западная Сибирь вообще не знала конфессиональных столкновений. Многочисленные смешанные браки сибирских татар с русскими усиливали межкультурное взаимодействие, создавая еще более комфортную в конфессиональном плане среду

обитания. Между тем, с современной точки зрения воспитательная политика Российской империи являлась нарушением прав мусульман (и других иноверцев) на свободу вероисповедания. В этой связи при использовании исторического опыта необходимо соблюсти баланс, который сочетал бы национальные интересы страны и права личности.

Литература

Азаматов, 1996 – *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа: Гилем, 1996. 194 с.

Абдрашитова, 2001 – *Абдрашитова А. Р.* Оренбургское магометанское духовное собрание как орган управления мусульман в XIX – начале XX веков // Вестник Оренбургского государственного университета. 2001. № 1. С. 49–53.

Антонян, 2001 – *Антонян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Изд-во «Щит М», 2001. 306 с.

Бакиева, 2011 – *Бакиева Т. Г.* Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX вв. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2011. 214 с.

БГУТО ГА в г. Тобольске – Бюджетное государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске.

БГУТО ГАСПИТО – Бюджетное государственное учреждение Тюменской области Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.

Ислам на краю, 2007 – Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири Т.1.: источники и историография / под ред. А. П. Яркова. Тюмень: РИФ «Колесо», 2007. 418 с.

Крайсман, 2011 – *Крайсман Н. В.* Роль Оренбургского магометанского духовного собрания в становлении национальной и конфессиональной толерантности в России // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 24. С. 128–132.

Ногманов, 2011 – *Ногманов А. И.* Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX века (к проблеме периодизации) / Исламская традиция: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научно-практической конференции 21.12.2011 // [Электронный ресурс] / URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?3717> (дата обращения: 03.09.2014).

Науменко и др., 2014 – *Науменко О. Н., Науменко Е. А.* К вопросу о конфессиональной толерантности на примере истории и национальной психологии еврейских диаспор Тюмени и Тобольска XIX – начала XX веков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–4 (60). С. 34–39.

Прайт, 2009 – *Прайт Д. В.* Изменение официального статуса ислама в России при Екатерине II (1762–1796 гг.): сборник научных работ, посвященный 30-летию юбилею исторического факультета ТГСПА им. Д. И. Менделеева. Тобольск: Изд-во ТГСПА, 2009. С. 66–69.

ПСЗРИ – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание 1-е. 1796–1797 гг. Т. 24. № 18287. СПб., 1830. 565 с.

Селезнев и др., 2004 – *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.

Сибирская торговая газета – Сибирская торговая газета. 1911. 29 июня.

Солодова, 2013 – *Солодова Т. И.* Активизация еврейского населения в послереволюционные годы в Тобольске (по материалам местных газет) / Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 80–85.

Фирсов, 1866 – *Фирсов Н. А.* Положение инородцев северо-восточной России и в Московском государстве. Казань, 1866. 137 с.

ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан.

Ибраһимов, 1871 – *Ибраһимов Г.* Дәүре Галәм. 1871. / Китапны басмага әзерләде Ф. Әхмәтова-Урманче. Мөхәррир Б. Агишев. Төмән, 2007. 206 р.

Katz, 2008 – *Katz Dana E.* The Jew in the Art of the Italian Renaissance. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press Philadelphia, 2008. 228 p.

References

Azamatov, 1996 – *Azamatov D. D.* Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie v kontse XVIII – XIX vv. [The Orenburg Mohammedan spiritual meeting at the end of the XVIII-XIX centuries]. Ufa: Gilem, 1996. 194 p. [in Russian]

Abdrashitova, 2001 – *Abdrashitova A. R.* Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie kak organ upravleniya musul'man v XIX – nachale XX vekov [The Orenburg Mohammedan spiritual meeting as the government of Muslims in XIX – the beginning of the XX centuries] // The Bulletin of the Orenburg state university. 2001. № 1. P. 49–53. [in Russian]

Antonyan, 2001 – *Antonyan Yu. M.* Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugotovno-pravovoe issledovanie [Terrorism. Criminological and criminal and legal research]. M.: Publishing house "Board M", 2001. – 306 p. [in Russian]

Bakiyeva, 2011 – *Bakiyeva T. G.* Obychai i zakon. Ocherki pravovoi kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX vv. [Custom and law. Sketches of legal culture of the Siberian Tatars in XVIII – the beginning of the XX centuries]. Novosibirsk: Publishing house "Geo", 2011. 214 p. [in Russian]

BGUTO GA v g. Tobol'ske – Byudzhetnoe gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoj oblasti Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [The budgetary public institution of the Tyumen region the State archive in Tobolsk]. [in Russian]

BGUTO GASPITO – Bjudzhetnoe gosudarstvennoe uchrezhdenie Tjumenskoj oblasti Gosudarstvennyi arkhiv social'no-politicheskoi istorii Tjumenskoj oblasti [The Budgetary public institution of the Tyumen region the State archive of socio-political history of the Tyumen region]. [in Russian]

Islam na krayu, 2007 – Islam na krayu sveta. Istoriya islama v Zapadnoi Sibiri [Islam at the world's edge. Islam history in Western Siberia]. T.1.: sources and a historiography / under the editorship of A. P. Yarkov. Tyumen: REEF "Wheel", 2007. 418 p. [in Russian]

Kraisman, 2011 – *Kraisman N. V.* Rol' Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya v stanovlenii natsional'noi i konfessional'noi tolerantnosti v Rossii [Role of the Orenburg Mohammedan spiritual meeting in formation of national and confessional tolerance in Russia] // The Bulletin of the Kazan technological university. 2011. № 24. P. 128–132. [in Russian]

Nogmanov, 2011 – *Nogmanov A. I.* Gosudarstvenno-islamskie otnosheniya v Rossii vo vtoroi polovine XVI – nachale XX veka (k probleme periodizatsii) [The state and Islamic relations in Russia in the second half of XVI – the beginning of the XX century (to a periodization problem)] / Islamic tradition: last, real, future. Materials of scientific and practical conference 21.12.2011// [Electronic resource] / URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?3717> (date of the address: 03.09.2014). [in Russian]

Naumenko i dr., 2014 – *Naumenko O. N., Naumenko E. A.* K voprosu o konfessional'noi tolerantnosti na primere istorii i natsional'noi psikhologii evreiskikh diaspor Tyumeni i Tobol'ska XIX – nachala XX vekov [Theme of confessional tolerance on the example of history and national psychology of the Jewish diasporas of Tyumen and Tobolsk XIX – the beginnings of the XX centuries] // The Bulletin of the Kemerovo state university. 2014. № 3–4 (60). P. 34–39. [in Russian]

Prakht, 2009 – *Prakht D. V.* Izmenenie ofitsial'nogo statusa islama v Rossii pri Ekaterine II (1762–1796) [Change of the official status of Islam in Russia at Catherine II (1762-1796)] / The collection of scientific works devoted to 30-year anniversary of department of history of TGSPA of D. I. Mendeleev. Tobolsk: Publishing house of TGSPA, 2009. P. 66–69. [in Russian]

PSZRI 1830 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Full Code of laws of the Russian Empire]. Meeting the 1st. 1796-1797. T. 24. No. 18287. SPb., 1830. – 565 p. [in Russian]

Seleznev i dr., 2004 – *Seleznev A. G., Selezneva I. A.* Sibirskii islam: regional'nyi variant religioznogo sinkretizma [Siberian Islam: regional option of religious syncretism]. Novosibirsk: Publishing house of institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2004. – 72 p. [in Russian]

Sibirskaya torgovaya gazeta – Sibirskaya torgovaya gazeta [Siberian trade newspaper]. 1911. June 29. [in Russian]

Solodova, 2013 – *Solodova T. I.* Aktivizatsiya evreiskogo naseleniya v poslerevolyutsionnye gody v Tobol'ske (po materialam mestnykh gazet) [Activization of the Jewish population in postrevolutionary years in Tobolsk (on materials of local newspapers)] / Jews in sociocultural space of Tyumen and the region: to the 100 anniversary of a city synagogue. Materials of scientific and practical conference. Tyumen: Publishing house of TYuMGU, 2013. P. 80–85. [in Russian]

Firsov, 1866 – *Firsov N. A.* Polozhenie inorodtsev severo-vostochnoi Rossii i v Moskovskom gosudarstve [Position of foreigners of northeast Russia and in the Moscow state]. Kazan, 1866. – 137 p. [in Russian]

TsIA RB – Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan [Central historical archive of the Republic of Bashkortostan] [in Russian]

Ибраһимов, 1871 – *Ибраһимов Г.* Дәүре Галәм. [East Star], 1871. / Китапны басмага әзерләде Ф. Әхмәтова-Урманче. Мөхәррир Б. Агишев. Төмән, 2007. 206 p. [in Tatar]

Katz, 2008 – *Katz Dana E.* The Jew in the Art of the Italian Renaissance. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press Philadelphia, 2008. 228 p.

УДК 94 7.033 (571.1)

Россия и ислам: государственная политика воспитания толерантности западносибирской уммы в 1773–1917 гг.Юлия Александровна Бортникова ^{a, *}, Ольга Николаевна Науменко ^a, Егор Евгеньевич Науменко ^b^a Тобольский педагогический институт им Д. И. Менделеева Филиал Тюменского государственного университета, Тобольск, Российская Федерация^b Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Актуальнейшей научной и гуманитарной проблемой в настоящее время является поиск путей противодействия исламскому экстремизму. Одним из способов решения этой задачи в Российской империи было целенаправленное воспитание конфессиональной толерантности мусульман в 1773–1917 гг. Авторы сравнивают понимание термина «толерантность» в рассматриваемый исторический период в России и в Западной Сибири, подчеркивая, что уже в рассматриваемый период для сибирского общества оно было близко современному звучанию. В статье на основании ранее неизвестных архивных документов Центрального исторического архива Республики Башкортостан рассмотрена государственная политика по формированию в мусульманской умме России определенного варианта ислама, обеспечивающего религиозную терпимость. Основное внимание уделяется реализации этой цели в Западной Сибири, так как именно там государственная политика имела наибольший успех. Ее основными направлениями были следующие меры: унификация мусульманской культуры в соответствии с православными образцами, укрепление сибирского, синкретичного, варианта ислама и создание препятствий для распространения ислама нормативного, выработка мер, которые демонстрировали бы заботу государства о мусульманах и уважение к ним. Авторы рассматривают способы деформации мусульманской культуры в Западной Сибири: изменение архитектурных форм мечетей и некрополей, новая типология предметов культа (в том числе наличие религиозной скульптуры), строгий подбор литературы в мусульманских библиотеках, облегченные условия сдачи экзаменов на звание муллы, отказ утверждать на должности муфтиев в Оренбургском магометанском духовном собрании лиц с соответствующим образованием, создание препятствий для духовных лиц в совершении хаджа в Мекку.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Российская империя, Западная Сибирь, толерантность, веротерпимость, Екатерина II, Оренбургское магометанское духовное собрание, культура.

* Корреспондирующий автор

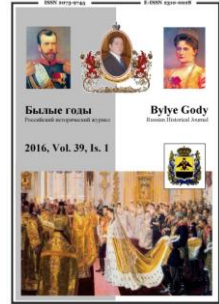
Адреса электронной почты: soroka-jul@rambler.ru (Ю.А. Бортникова), oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко), rony811@rambler.ru (Е.Е. Науменко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 22-28, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

"Petr Oznobishin's diary since september, 1796" as a historical source on the history of everyday life of the Russian nobility

Oleg M. Buranok ^{a,*}, Sergey O. Buranok ^a

^a Samara State Academy of Social-Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation

Abstract

The article discusses the analysis of Petr Oznobishin's manuscript "Petr Oznobishin's Diary Since September, 1796". It examines the social climate of provincial nobles along with their views on government officials. Studying diaries dated by the end of the eighteenth century is particularly relevant for history, literature and culture studies. This allows us to understand historical events and the socio-cultural background of the century under analysis more fully. Since diaries and other private materials written by famous politicians and government officials may seem insufficient for more detailed analysis, we need to take into account unpublished and scientifically undescribed materials written by average representatives of Russian society.

The article presents description of the diary from the point of source criticism as well as its potential for analyzing daily life of nobles and provincial cities in the end the eighteenth century. Petr Oznobishin's diary allows us to clarify details of Morteza Qoli Khan Qajar's biography, the remarkable Persian politician. Despite elaborate preparations for the war against Persia, he managed to invite Russian provincial officials of all ranks to receptions.

The examining of Petr Oznobishin's diary provides valuable information regarding 'natsionalny vopros' (nationalist problem) in the Russian Empire as well as cooperation of various ethnicities in the south of the country and the way Russian nobles perceived their activity. With the help of P.N.Oznobishin's notes, which he took from September to December in 1796, daily life of Russian noble government officers and officials is examined in terms of its peculiar features.

Keywords: manuscript, the end of the eighteenth century, Petr Oznobishin's diary as a historical source, provincial nobility's everyday life, views and opinions of nobles serving as government officers and officials.

1. Введение

Изучение дневников конца XVIII в. актуально как для исторической науки, так и для литературоведения, культурологии, т.к. позволяет более точно понять не только конкретно-исторические явления и события, но и социокультурный контекст эпохи (Зайончковский, 1976: 3). И в этом плане невозможно обращаться только к источникам личного происхождения видных политических и государственных деятелей, необходим анализ дневников рядовых представителей российского общества (Ransel, 2004: 594–608), особенно если речь идёт о еще не изданных, практически не введенных в научный оборот источниках (Минц, 1979: 18). Одним из таких источников являются «Дневные записки Петра Ознобишина с 1796 года сентября».

2. Материалы и методы

Основной источник данной статьи – «Дневные записки Петра Ознобишина с 1796 года сентября». Место хранения: РГАЛИ. Ф. 1337. Опись № 2. Ед. хр. № 92. 881 л. Записки

* Corresponding author

E-mail addresses: olegburanok@yandex.ru (O.M. Buranok)

П.Н. Ознобишина за 1796 г. сделаны в соответствии с правилами «Грамматики» М.В. Ломоносова, в сшитой тетради и занимают 44 страницы, исписанных с обеих сторон и пронумерованных автором (две из них – пустые: третья по порядку, без номера, и последняя); номер 1 Ознобишин поставил на четвёртой странице по порядку. Автор «Дневных записок» пронумеровал каждый лист (страницу) арабскими цифрами в правом и левом верхнем углу (при цитировании авторскую нумерацию листов указываем в тексте). Иногда номера страниц написаны с исправлениями и зачёркиваниями. Все листы (страницы) своих записок, начиная с третьего, П.Н. Ознобишин украсил полями (как справа и слева, так и сверху и снизу) – получилась прямоугольная рамка, в которой автор разместил текст, стараясь за поля не выходить. Данные поля П.Н. Ознобишин проводил по линейке, теми же чернилами, что и основной текст дневника. В двух случаях (л. 3 и л. 25) поля верхней части правого листа имеют характерную кривую линию – обведенный палец автора, прижимающего линейку к листу. Это характеризует автора как человека весьма экономного – исправлять или заменять страницу с таким дефектом он не стал. Скорее всего, по этой же причине в дневнике присутствуют небольшие чернильные кляксы (так, на л. 28 в слове «вторник» клякса полностью заняла букву «т», но исправлять автор не стал).

Необходимо также отметить своеобразную манеру выделения ежедневных записей. Сгруппированы автором они по числам, которые записаны просто числительным и днём недели. Исключение – первая запись «зе число, среда» (РГАЛИ: 2). Но уже на следующий день П.Н. Ознобишин отказался от такого подхода, оставив только число и день недели. Начало каждой записи на протяжении всего дневника автор выделяет подчеркиванием: резким, широким и с сильным нажимом.

В целом, знакомство с внешней стороной дневника показывает, что это сугубо личные записи, их автор не держал в голове мысль о возможной публикации источника им самим или потомками. Это отличает записи П.Н. Ознобишина от известных «Записок» А.Т. Болотова (Болотов, 1993) и не менее знаменитых мемуаров Екатерины II (Greenleaf, 2004: 407–426), но, согласно исследованию А.С. Рейнгольда, является достаточно распространённым для дневников конца XVIII в (Рейнгольд, 2010: 118–129). Следовательно, такой источник дает богатый и точный материал для анализа повседневной жизни и настроений русского провинциального дворянства конце XVIII века. Это, действительно, «Дневныя записки», а не собственно дневник: все важные, с точки зрения автора, факты почти запротоколированы с предельной точностью, но при этом практически отсутствуют рассуждения, медитация и т.п. формы самовыражения, характерные для литературно-художественного дневника. В начале текста встречаются перерывы в записях на 3–4 дня (самое большое на 12 дней), но затем автор старается вносить информацию каждый день.

Основные методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный, системный. Основу работы составляет анализ источника, его характеристик и степени информативности.

3. Обсуждение

Источники личного происхождения XVIII в. имеют богатую историографию, но дневник П.Н. Ознобишина – не только не исследован, но и даже редко упоминается исследователями. Одной из первых о дневнике П.Н. Ознобишина упомянула на Ознобишинских чтениях Т.И. Рожкова в связи с её выступлением об эволюции русской прозы конца XVIII – начала XIX в., хотя ни в её докторскую, ни в автореферат эти сведения не вошли и даже упоминания о П.Н. Ознобине нет (Рожкова, 2005). В сообщении она говорила о дневниках молодого человека рубежа веков как о материале весьма скудном и неинтересном.

Не упоминается и дневник П.Н. Ознобишина в докторской диссертации С.С. Минц, где проанализированы почти 150 источников конца XVIII в. личного происхождения (Минц, 2009). Не встречается дневник П.Н. Ознобишина и в других исследованиях по русской мемуаристике и источникам личного происхождения (Тартаковский, 1991; Тартаковский, 1997; Минц, 1998; Бушканец, 1975). Однако, наше изучение рукописи показало, что дневник П.Н. Ознобишина является ценным источником для анализа повседневной жизни русского провинциального дворянства.

4. Результаты

Пётр Никанорович Ознобишин (1770–1813) – сын Никанора Ивановича Ознобишина и отец поэта Дмитрия Петровича Ознобишина – был лично знаком с Г.Р. Державиным.

Мы разделяем суждения многих исследователей рода Ознобишиных о том, что «сведения о родителях будущего поэта (Д.П. Ознобишина. – О.Б., С.Б.) чрезвычайно скудны» (Морозова, 1998: 150). Пётр был пятым ребёнком Никанора Ивановича и Анны Ивановны (всего в семье Ознобишиных было 12 детей). Ознобишины относятся к служилому дворянству и в нескольких поколениях были связаны с военной и статской службой. Подпоручиком лейб-гвардии Преображенского полка вышел в отставку Никанор Ознобишин, а затем служил председателем Пензенского губернского магистрата. П.Н. Ознобишин являлся директором Астраханского коммерческого банка.

До сих пор бытует ошибочное мнение (Яковлев, 2010: 6), будто бы Пётр Никанорович приобрёл в начале XIX века имение Троицкое Корсунского уезда Симбирского уезда, расположенное на берегах небольшой речки Сюксюмки (ныне находится на окраине города Инза). Нами установлено по

«Дневным запискам» Петра Никаноровича, что ещё в 1790-е годы Ознобишины уже владели этим имением.

Пётр Никанорович, отставной секунд-майор, был женат на Александре Ивановне Варваца (родилась в 1776/1777 г.). Отец её, Иван Андреевич Варваца, уроженец острова Ипсары, национальный герой Греции, был греческим эмигрантом-миллионером, известным благотворителем (Маркова 2000). По линии своей родной тётки, Марии Ивановны Варваца, Александра Ивановна была в родстве с родом Комнино, основателем которого был византийский император Алексей I. Она была интересной личностью.

Ознобишины были образованными людьми, знаковыми фигурами своего времени. Занятия переводами составляли досуг Никанора Ознобишина (Буранок 2010). В свободное от службы время литературные занятия были и у Петра Никаноровича. В 1796 г. (ему было 26 лет) он начал вести дневник и записи делал на протяжении почти всей жизни. Последняя страница его дневника датирована 17 ноября 1811 г. (в это время ему 41–42 года). Записки имеют интересное вступление, по которому ясно, что 26-летний молодой человек впервые обращается к некоему литературному труду – дневнику с ежедневными записями:

«Предприемля описывать вступление моё к важнейшей должности по комиссариату, и так как встречаются непредвидимо разные по одной части дела, то и намереваюсь делать записки свои вседневно: не разделяя, а смешивая все как то описаны встретившиеся со мною происшествия, воздух места, где буду находиться, и натуральная история сначала | не так подробно, а сколько позволит мне время с приобщением некоторых обрядов жителей, но так [как] несколько от меня было запущено, то сколько я вспомнить могу, то внесу в сии Записки» (РГАЛИ: 1–2). Далее идут записи по дням (число и день недели; месяц указывается один раз, посередине строки).

Открываются «Записки» важным указанием для людей того времени: «Время хождения почты» (ненумерованная страница слева от титульного листа) – «из Астрахани в Казань в три недели», а вот «в Казань из Москвы в 9 дней» и т.п. П.Н. Ознобишин указывает, когда приходит московская почта в Казань, Симбирская, как она «ходит» в Царицын и т.д. Россиянину конца XVIII – начала XIX вв. подобная информация была совершенно необходима: эта коммуникация была практически единственной, так как газеты, как мы увидим в «Записках», «ходили» очень нерегулярно, с огромным опозданием. Похожие проблемы в общероссийском масштабе отмечают исследователи газет XVIII века (Карпова, 2006: 132–142; Кудаков, 2002: 3).

Отдельного внимания заслуживает обязательная ежедневная фиксация состояния погоды, что может стать темой отдельного исследования для историков-синоптиков.

Через весь дневник проходит одной из главных тем проблема поездок и путешествий по России. Н.П. Ознобишин неизменно отмечает, что езда, передвижение – дело очень трудное, хлопотное и небезопасное: карета – дорогое удовольствие. Так, только после свадьбы Пётр Никанорович позволил себе и молодой жене ехать каретою (и то с примечанием: «ломалась», а чтобы переправиться через Волгу, нужно было нанимать, как бы мы сейчас сказали, паром). Описаний пути, дорог, всевозможных оказий и происшествий бытового, т.е. дорожного, плана масса, т.к. описываемые ситуации составляли не только быт русского дворянства, но у служивого человека это была, во многом, сама жизнь (в прямом смысле – на колёсах!). Не везде дороги были плохи, как сложился стереотип в нашем сознании («дураки и дороги»). Так, Ознобишин долго ехал из Саратова в Камышин и 27 сентября 1796 г. (все даты по старому стилю. – О.Б., С.Б.), в субботу, фиксирует в «Записках»: «Пошли все степи и дорога прекрасная... всюду виден был порядок и крепкая чистота» (РГАЛИ: 4). Причём эту запись автор даёт как «Примечание», отделяя, тем самым, описание от информативной части своих записок.

2 октября 1796 г. Н.П. Ознобишин фиксирует в дневнике, что проехал «близ Сероглазовской станицы, в левой речке видел бугор где по сказанию жителей был городок Стеньки Разина (жирно подчёркнуто. – О.Б., С.Б.) славного разбойника коего сказывают видны остатки. Но я не мог обозреть за трудностию проезда» (РГАЛИ: 5). Других комментариев о Разине в этом месте «Записок» нет. В целом, интерес к историческим местам и событиям в дневнике достаточно слабый, большее внимание П.Н. Ознобишин уделяет своим современникам.

В записях за 1796 год встречается огромное количество имён, фамилий (и известных, и совершенно неизвестных, т.е. канувших в Лету): прежде всего многочисленные родственники, знакомые, сослуживцы, слуги и т.д. Например, в записи от 3 октября 1796 г. читаем: «Под вечер приехал в город Астрахань... того же вечера был у губернатора дяди моего Александра Васильевича Алябьева... и тетюшки Анны Андреевны...» (РГАЛИ: 6). А.В. Алябьев был только что переведет из губернаторов Тобольска в Астрахань для исправления экономического положения региона (Белоус, 2000: 129–130). П.Н. Ознобишин лишь фиксирует факт встречи, но комментариев о деятельности губернатора или других чиновников не даёт.

Федор Антипович Ахматов, Дмитрий Яковлевич Геденов, Валерий Александрович Зубов встретились П.Н. Ознобишину в Астрахани, в которой ему было суждено не только служить, но и жениться. Записи, сделанные в Астрахани, выделены отдельным заголовком: «Астрахань» (РГАЛИ: 7), далее следует некое вступление, содержащее обращение к богу: «...пускай гнев его падет на меня, но пощадит мать мою и родственников» (РГАЛИ: 7). Затем опять посередине строки – «Октябрь»

(хотя месяц был уже обозначен на л. 5) и далее в прежнем порядке (с указанием числа и дня недели) идут записи.

О своей служебной деятельности автор дневника пишет чуть более подробно: с 7 по 31 октября практически ежедневно (за исключением воскресенья) фиксирует свою работу – «послал рапорт», «послал требование», «получил указ». Все рапорты касаются запросов в Казенную палату, казначейство, т.к. все денежные, финансовые потоки шли через П.Н. Ознобишина, а в это время была военная кампания в Персии, возглавлял которую как раз граф В.А. Зубов (так, 11 тысяч червонцев – жалованье армии – Ознобишин переправил ему в Персию). К сожалению, каких-либо подробностей о ходе военных действий в «Записках» нет.

Большое внимание П.Н. Ознобишина на страницах дневника к рабочим вопросам характерно для первой половины октября 1796 г., когда он только входил в новую должность и вникал в служебные обязанности. Зато со второй половины октября «рабочая тема» постепенно сокращается, ее место занимают описания Астрахани и близлежащих территорий, новых людей и обедов.

На л. 10–13 как «Примечания» дано описание Астрахани (может быть, одно из первых в истории города): «Город стоит на другой стороне Волги... не на высоком месте», а собор – на возвышенном месте, «здание великолепное в готическом вкусе лестница и ход на верх дают оному величественный вид...» (РГАЛИ: 10). Много судов на Волге у Астрахани, вдали виден монастырь. Пётр Никанорович с восторгом описывает заволжские дали. Далее опять о городе: «Город построен довольно хорошо, широкими улицами» (РГАЛИ: 13), но не везде вымощен, много старых строений, много каналов. Замечает, что строения остались от разных «родов» (народов) и вер: индейцы, грузины, армяне, персиане, бухары составляют большую часть (РГАЛИ: 13).

Привлекает Н.П. Ознобишина и сельскохозяйственная тема. Пишет, что «окрестности города изрядные»: есть сады с виноградниками, «прочие» фрукты, сливы, яблоки, груши, много дынь и арбузов. У многих загородные дома. «Мне случилось быть на празднике в прекрасном доме у Федора Антипыча Ахматова, называемом черепаха» (РГАЛИ: 13).

Служивый человек конца XVIII века не мог обходиться и в быту, и на службе без покровительства, хотя Ю.М. Лотман и пишет о чести, достоинстве и гордости дворян (Лотман, 1994). Вот и наш мемуарист свидетельствует: «Старание мое снискать ласку благородного общества сего города...» (РГАЛИ: 14). Связи, знакомство были совершенно необходимой составляющей светской жизни, быта того времени.

Знакомство с Иваном Варваца, богатым астраханским греком, значимо для молодого дворянина, ничего предосудительного он в этом не видит, тем более что «по наружности кажущегося изрядным» (РГАЛИ: 14). Его, безусловно, привлекают молодые незамужние дочери Варваца: вскоре он женится на одной из них.

Часто упоминаются офицеры, приехавшие или уезжавшие в Персию – участники персидской экспедиции (и, конечно, семейство Зубовых). Должность и происхождение позволяли Петру Никаноровичу почти ежедневно бывать у губернатора и других первых лиц Астрахани: и по службе, и пообедать, и завести знакомства. Так, 6 ноября 1796 г. после обеда у губернатора был он с визитом у персидского хана, который возвращался в Персию. «Хан человек среднего росту приятного виду в сорок лет с небольшим, лицом не очень смугл большая борода. По обыкновению черная. Принял меня очень хорошо. Подчивал щербетом, zelo сладкаго и благовоннаго напитку, по верх котораго плавали мелкия семечки голубоватаго цвету» (РГАЛИ: 18). Речь идет об известном персидском государственном деятеле Муртаза Кули-хане, который был принцем династии каджаров и одним из претендентов на власть в Персии. Но из конфликтов со своим братом Ага Мухаммедом вынужден с 1784 г. жить в России (Atkin, 1980: 34–37). Его появление в Астрахани было связано с военной кампанией Зубова, т.к. планировалось, что в случае успеха Муртаза Кули-хан займет персидский трон (Алексеева, 2004: 18–20). Таким образом, дневник П.Н. Ознобишина позволяет уточнить детали биографии крупной политической фигуры Персии: несмотря на подготовку к войне, хан успевает подолгу принимать российских провинциальных чиновников, далеко не самого высшего ранга.

Появление Муртаза Кули-хана на страницах дневника П.Н. Ознобишина служит для автора переходом к рассуждениям о национальном вопросе. Астрахань в то время многонациональный город, один из важнейших культурных и военных центров на южной границе империи (Martin, 1992: 181 – 200). Ознобишину всё интересно. Так, 8 ноября, «в субботу», он прогуливался по городу, «был на татарском гостинном дворе» (им подчеркнуто. – О.Б., С.Б.) – это красивое с колоннадой кирпичное здание, «здесь все татары и бухарцы» (РГАЛИ: 19), «посреди сего двора площадь» (РГАЛИ: 20). Здесь много товаров из Персии и приготовленных для отправки в Персию, он наблюдал за погрузкой барж в Персию. Часто общался с армянами, любил их прекрасный «кофий» – «левантский» (из Ливии).

Можно отметить, что первые месяцы дневника (сентябрь – ноябрь 1796 г.) дают достаточно точно представление не столько о самой жизни русского провинциального дворянина, сколько о его представлениях и оценках данной жизни: работа и деловые вопросы постепенно отходят на второй план, а обеды и новые знакомства – на первый. Однако, к историческим и политическим событиям на протяжении всех месяцев сохраняется одинаковое отношение – они лишь фон жизни.

Так, 20 ноября 1796 г., в четверг, во время визита к губернатору П.Н. Ознобишин узнал, что «получено из Петербурга известие о кончине императрицы, последова[в]шей сего ноября 6-го дня и о

вступлении на престол императора Павла Первого, ужинал дома, ночь была морозная» (РГАЛИ: 25). Никаких комментариев не последовало от Петра Никаноровича. Поразительно, что в одном ряду – описание дня – известие о кончине императрицы – ужин – и «ночь была морозная. На следующий день, 21 ноября 1796 г., в Астраханском Соборе состоялось принятие присяги новому монарху, были отслужены молебен и обедня; у архиерея состоялся обед. К сожалению, и здесь никаких комментариев, ни слухов, ни суждений. Даже такие политические события не потрясли, не взволновали 26-летнего П.Н. Ознобишина. Никаких эмоциональных оценок он не даёт.

1796 год заканчивался для Петра Никаноровича, если судить по «Запискам», обыденно: астраханский покой нарушил курьер, приехавший из Петербурга к графу В.А. Зубову с серебряным сервизом и деньгами от императрицы. Вечер 29 декабря Ознобишин провёл у Зубовых. 31 декабря вечером ужинали, было весело: «Проводили старый и встретили новый 1797 год» (РГАЛИ: 39).

На примере записей П.Н. Ознобишина в период с сентября по декабрь 1796 г. мы проследили особенности быта, традиции русского служилого, чиновного дворянина. Ю.М. Лотман пишет: «История, отражённая в одном человеке, в его жизни, быте, жесте, изоморфна истории человечества. Они отражаются друг в друге и познаются друг через друга» (Лотман, 1994: 389).

5. Заключение

Таким образом, на протяжении 15 лет Пётр Никанорович Ознобишин стремился вести свои «Дневные записки» по одной и той же схеме, систематически, правда, с некоторыми пропусками. Но и тут интересно вот какое обстоятельство. По какой-то причине не успевая писать ежедневно, он всё равно фиксирует через запятую несколько чисел и очень лапидарно пишет: «ничего не произошло», «всё было, как обычно».

Впереди большая работа по расшифровке и изучению дневника. Необходимо его проанализировать как часть повседневной жизни молодого дворянина, интеллигента конца XVIII – начала XIX вв. в контексте эпистолярной, мемуарной и т.п. литературы эпохи. Последние годы в культурологии, а не только в истории литературы, стало актуальным изучать именно повседневную жизнь и быт разных слоёв населения России, Европы и т.п. (в исторической науке эта тема всегда была актуальной). Частная жизнь так называемых «простых людей» оказывается не менее значимой и интересной, нежели жизнь замечательных и выдающихся личностей. «История души человеческой» (М.Ю. Лермонтов) угадывается в «Записках» за такой значительный период в жизни П.Н. Ознобишина, это видно даже по его записям, сделанным в течение сентября – декабря 1796 г.

«Дневные записки» П.Н. Ознобишина представляют собой интереснейший документ культуры и быта русского дворянина в переломную, очень непростую для России эпоху – конец XVIII – начало XIX вв. «Это время, – пишет Ю.М. Лотман, – когда оформлялись черты новой русской культуры, культуры нового времени, которому – нравится это нам или нет – принадлежим и мы» (Лотман, 1994: 14).

Литература

- Atkin 1980 - Atkin M. Russia and Iran 1780 – 1828. New York, 1980.
- Greenleaf 2004. Greenleaf M. Performing Autobiography: The Multiple Memoirs of Catherine The Great (1756–96) // The Russian Review. 2004. № 3. P. 407 – 426.
- Martin 1992. Martin T. The Empire's Newfrontiers: New Russia's Path From Frontier To Okraina 1774 – 1920 // Russian History. 1992. № 1. P. 181 – 201.
- Ransel 2004. Ransel D. The Diary of a Merchant: Insights into Eighteenth-Century Plebeian Life // The Russian Review. 2004. № 4. P. 594 – 608.
- Алексеева 2004 - Алексеева А.И. Астрахань-Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань, 2004.
- Болотов 1993 - Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков: в 3 т. Т. 1: 1738–1759. М., 1993.
- Буранок 2010 - Буранок О.М. Никанор Иванович Ознобишин и русская переводная художественная проза середины XVIII века: Исследование, тексты, комментарии. Самара, 2010.
- Бушканец 1975 - Бушканец Е. Г. Мемуарные источники. Казань, 1975.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. п. 1337. Опись № 2. Ед. хр. № 92.
- Зайончковский 1976 - Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1.
- Карпова 2006 - Карпова И.Л. Русские газеты XVIII века в историко-краеведческих и источниковедческих исследованиях // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2006. № 1.
- Кудаков 2002 - Кудаков О.Р. Первопечатные «Ведомости» (1702–1727): к истокам отечественной прессы. Казань, 2002.
- Белоус 2000 - Белоус Л.Л., Шустов В.А., Бакулина Т.И. Сибирские и тобольские губернаторы. Тюмень, 2000.
- Лотман 1994 - Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 389.
- Маркова 2000 - Маркова А.С. Варвакис. Астрахань, 2000.

- Минц 1998 - Минц С.С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования СПб., 1998.
- Минц 1979 - Минц С.С. Об эволюции источников мемуарного характера (К постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6.
- Минц 2009 - Минц С.С. Российская мемуаристика последней трети XVIII - первой трети XIX вв. в контексте историко-психологического исследования: дис. ...докт. истор. наук. Краснодар, 2009.
- Морозова 1998 - Морозова В. Ознобишины и их книги // Памятники Отечества : альманах. № 41. М., 1998.
- Рейнгольд 2010 - Рейнгольд А.С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 11 (54).
- Рожкова 2005 - Рожкова Т.И. Беллетристическая книга в литературном процессе последних десятилетий XVIII века : дис. ...докт. филол. наук. Магнитогорск, 2005.
- Тартаковский 1991 - Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII первой половины XIX вв. От рукописи к книге. М., 1991.
- Тартаковский 1991 - Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М, 1997.
- Яковлев - Яковлев В. Учёный и поэт, воспевавший край родной // Вечерняя Самара. № 24. 21 июля 2010.

References

- Atkin 1980 - Atkin, M. Russia and Iran 1780 – 1828. New York. 1980.
- Greenleaf 2004 - Greenleaf M. Performing Autobiography: The Multiple Memoirs of Catherine The Great (1756–96). The Russian Review. 2004. № 3. P. 407 – 426.
- Martin 1992 - Martin T. The Empire' s Newfrontiers: New Russia's Path From Frontier To Okraina 1774 – 1920. Russian History. 1992. № 1. P. 181–201.
- Ransel 2004 - Ransel D. The Diary of a Merchant: Insights into Eighteenth-Century Plebeian Life. The Russian Review. 2004. № 4. P. 594 – 608.
- Alekseeva 2004 - Alekseeva A.I. Astrakhan'-Gilyan v istorii russko-iranskikh otnoshenii. [Astrakhan-Gilan in the history of Russian-Iranian relations]. Astrakhan'. 2004. (In Russian).
- Bolotov 1993 - Bolotov A.T. Zhizn' i priklyucheniya Andreya Bolotova: Opisannye samim im dlya svoikh potomkov: V 3 t. T. 1: 1738–1759. [The Life and Adventures of Andrej Bolotov: Described by him for his descendants]. М. 1993. (In Russian).
- Buranok 2010 - Buranok O.M. Nikanor Ivanovich Oznobishin i russkaja perevodnaja hudozhestvennaja proza serediny XVIII veka: Issledovanie, teksty, kommentarii. [Nikanor Ivanovich Oznobishin and russian translated fiction middle of the XVIII century: Research, texts, comments.]. Samara. 2010. (In Russian).
- Bushkanets 1975 - Bushkanets E.G. Memuarnye istochniki. [Memoir sources]. Kazan'. 1975. (In Russian).
- RGALI – Russian State Archive of Literature and Art. F. p. 1337. Opis' № 2. Ed. khr. № 92.
- Zaionchkovskii 1976 - Zaionchkovskii P.A. Istoriya dorevolyutsionnoi Rossii v dnevnikh i vospominaniyakh. [The history of pre-revolutionary Russia in the diaries and memoirs]. М. 1976. (In Russian).
- Karpova 2006 - Karpova I.L. Russkie gazety XVIII veka v istoriko-kraevedcheskikh i istochnikovedcheskikh issledovaniyakh [Russian newspaper of the XVIII century in the local history of source and research]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela. 2006. № 1. (In Russian).
- Kudakov 2002 - Kudakov O.R. Pervopechatnye "Vedomosti" (1702–1727): k istokam otechestvennoi pressy. [Early "Vedomosti" (1702-1727): to the origins of the domestic press]. Kazan': Novoe znanie. 2002. (In Russian).
- Belous 2000 - Belous L.L., Shustov V.A., Bakulina T.I. Sibirskie i tobol'skie gubernatory. [Siberian and Tobolsk governors]. Tyumen'. 2000. (In Russian).
- Lotman 1994 - Lotman Y.M. Besedy o russkoi kul'ture. [Conversations about Russian culture]. SPb. 1994. (In Russian).
- Markova 2000 - Markova A.S. Varvakis. [Varvakis]. Astrakhan'. 2000. (In Russian).
- Mints 1998 - Mints S.S. Memuary i rossiiskoe dvoryanstvo: Istochnikovedcheskii aspekt istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya [Memoirs and the Russian nobility: Source study aspect of historical and psychological research]. SPb. 1998. (In Russian).
- Mints 1979 - Mints S.S. Ob evolyutsii istochnikov memuarnogo kharaktera (K postanovke problemy) [On the evolution of memoirs sources (to the problem)]. Istoriya SSSR. 1979. № 6. (In Russian).
- Morozova 1998 - Morozova V. Oznobishiny i ikh knigi [Oznobishin and they books]. Pamyatniki Otechestva : al'manakh. № 41. М. 1998. (In Russian).

Reingol'd 2010 - Reingol'd A.S. Zhanrovye osobennosti literaturnogo dnevnika i dnevnik kak neliteraturnyi tekst [Genre features of the literary journal and diary as a colloquial text]. Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2010. № 11 (54). (In Russian).

Rozhkova 2005 - Rozhkova T.I. Belletristicheskaya kniga v literaturnom protsesse poslednikh desyatiletii XVIII veka: dis. ...dokt. filol. nauk. [The fiction book in the literary process of the last decades of the XVIII century]. Magnitogorsk. 2005. (In Russian).

Tartakovskii 1991 - Tartakovskii A. G. Russkaya memuaristika XVIII pervoi poloviny XIX vv. Ot rukopisi k knige. [Russian memoirs XVIII early XIX centuries. From manuscript to book]. M. 1991. (In Russian).

Tartakovskii 1997 - Tartakovskii A. G. Russkaya memuaristika i istoricheskoe soznanie XIX v. [Russian memoirs and historical consciousness of the XIX century]. M. 1997. (In Russian).

Yakovlev 2010 - Yakovlev V. Uchenyi i poet, vospevshii krai rodnoi [A scientist and poet, glorified native land]. Vechernyaya Samara. № 24. 21 iyulya 2010. (In Russian).

УДК 94

«Дневные записки Петра Ознобишина с 1796 года сентября» как исторический источник по истории повседневной жизни русского дворянства

Олег Михайлович Буранок^{a, *}, Сергей Олегович Буранок^a

^a Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу рукописи «Дневные записки Петра Ознобишина с 1796 года сентября». Рассмотрены особенности взглядов провинциального дворянина на государственных деятелей и чиновников, его общественные настроения, отраженные в дневнике. Изучение дневников конца XVIII в. актуально как для исторической науки, так и для литературоведения, культурологии, т.к. позволяет более точно понять не только конкретно-исторические явления и события, но и социокультурный контекст эпохи. И в этом плане невозможно обращаться только к источникам личного происхождения видных политических и государственных деятелей, необходим анализ дневников рядовых представителей российского общества, особенно если речь идёт о еще не изданных, практически не введенных в научный оборот источниках.

В статье дано источниковедческое описание дневника. Показаны его возможности для анализа повседневной жизни русского дворянства, а также жизни провинциальных городов конца XVIII века. Дневник П.Н. Ознобишина позволяет уточнить детали биографии крупной политической фигуры Персии – Муртаза Кули-хана: несмотря на подготовку к войне, хан успевает подолгу принимать российских провинциальных чиновников далеко не самого высшего ранга.

Изучение дневника П.Н. Ознобишина даёт возможность сделать выводы о национальном вопросе в Российской империи, о взаимодействии различных народов на юге страны и о восприятии их деятельности русским дворянством. На примере записей П.Н. Ознобишина в период с сентября по декабрь 1796 г. прослеживаются особенности быта, традиции русского служилого, чиновного дворянина.

Ключевые слова: рукопись, конец XVIII века, дневник Петра Ознобишина как исторический источник, повседневная жизнь провинциального дворянства, взгляды и настроения чиновного дворянина.

* Корреспондирующий автор

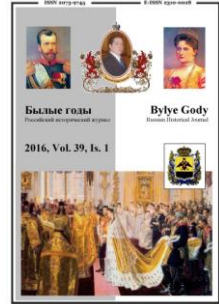
Адреса электронной почты: olegburanok@yandex.ru (О.М. Буранок)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 29-44, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 343. 1: 94(47).07/08

Anti-corruption legislation of the Russian empire XIX – early XX centuries

Nadezhda M. Korneva ^{a, *}, Mihail Yu. Krapivin ^a, Yury N. Makarov ^b, Arthur G. Dalgatov ^c

^a Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

^b Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^c Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the history of anti-corruption and bribery as one of its kinds in the Russian Empire. Corruption as a complex social phenomenon that occurs in the process of socio-economic, political and social relations has become one of the most pressing political, social and economic problems of modern Russia. The corruption in the state apparatus not only cause serious, sometimes unsolvable problems for the citizens, but also hinder the normal functioning of the administrative bodies and authorities. The legal component, the development and adoption of relevant laws perform a special role in combating corruption. For many centuries government has repeatedly attempted if not to eliminate or at least to curb corruption in numerous managerial and administrative apparatus. The greatest interest in this regard is the imperial period of Russian history. The authors study the history of the development of criminal and civil law in the Code of the Russian Empire Publishing Laws 1832 of the penal Code and criminal Corrections 1845 judicial statutes in 1864 and subsequent legislation late XIX – the beginning of the XX century, the history of the development of appropriate laws, trace the change in order to prosecute and the degree of responsibility of the officials on the basis of unpublished material of the State Council, the State Duma and the Ministry of Justice, are stored in the Russian State Historical Archive, as well as the published acts of the Russian legislation, the verbatim records of the State Duma and the Council of State. During the XIX and early XX centuries Russian legislation has been streamlined and systematized: work was carried out on the codification of laws, created new codes of substantive and procedural law, a significant development has been and anti-corruption legislation. The appeal to the legislative materials, to the works of pre-revolutionary Russian lawyers and statesmen and the Ministry of Justice, are stored in the Russian State Historical Archive is of great interest to the modern lawyer and historian.

Keywords: bribery, bribetaker, briber, corruption, crimes of officials, abuse of power, criminal punishments, penitentiary punishments, criminal responsibility, civil responsibility.

1. Введение

Одной из наиболее актуальных политических и социально-экономических проблем России стала коррупция. Современное российское законодательство определяет коррупцию как дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения, вопреки законным интересам общества и государства, в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица (**ФЗ от 25.12.2008**).

* Corresponding author

E-mail addresses: nadezhdakorneva@mail.ru (N.M. Korneva), mihailkrapivin61@yandex.ru (M.Yu. Krapivin), yurymakarov61@yandex.ru (Yu.N. Makarov), dozodgu@mail.ru (A.G. Dalgatov)

Коррупция – сложное социальное явление, возникающее в процессе социально-экономических, политических и общественных отношений. Являясь порождением государства и общества, коррупционные явления в работе государственного аппарата не только создают серьезные, подчас неразрешимые проблемы для граждан, но препятствуют нормальному функционированию административных органов и властных структур.

Любое государство заинтересовано в отлаженной и эффективной работе своих органов, однако коррупция, появившись одновременно с первыми социальными образованиями, сопровождает человечество на протяжении всей его истории, развиваясь по мере становления государственного аппарата. Россия в этом отношении не представляет исключения. Задача пресечения злоупотреблений делегированной государством и обществом властью, обуздания непомерного корыстолюбия «служилого сословия» стояла перед Древнерусским государством, Русскими княжествами, а затем Российским и Советским государством. Актуальной она остается и в наше время.

Важную роль в деле противодействия коррупции выполняет правовая составляющая, разработка и принятие соответствующих законов. Наибольший интерес в этом отношении представляет имперский период российской истории.

2. Материалы и методы

2.1. Статья написана на основе неопубликованных материалов Государственного совета, Государственной думы и Министерства юстиции, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, актов Российского законодательства, представленных в Полном собрании законов Российской империи, Своде законов Российской империи, Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при правительствующем Сенате, а также опубликованных стенографических отчетов Государственной думы и Государственного совета.

2.2. В процессе исследования авторами применялись историко-юридический, историко-системный и конкретно-исторический методы, что дало им возможность в значительной степени объективно отразить реалии развития одной из актуальных проблем российского права.

3. Обсуждение

Данный сюжет привлекал внимание дореволюционных исследователей, однако их работы носили в основном, юридический характер (Ширяев, 1914). В советское время работ по истории коррупции в России и борьбы с нею указанной теме практически не было. Лишь в 90-е годы XX – начале XXI вв. интерес правоведов и историков к этим сюжетам значительно возрос (Манько, 2012). Тем не менее проблема развития российского дореволюционного антикоррупционного законодательства исследована еще далеко не полностью. Авторы зачастую освещают лишь историю борьбы со взяточничеством, оставляют в стороне вопрос о гражданской ответственности должностных лиц, ограничиваются рассмотрением действовавшего законодательства, в то время как история разработки соответствующих законов также представляет определенный интерес при изучении историко-правовых проблем.

4. Результаты

На протяжении многих веков государственная власть неоднократно предпринимала попытки если не ликвидировать, то хотя бы обуздать коррумпированность многочисленного управленческого и административного аппарата. Еще Псковская судная грамота 1467 г. содержала статьи о взяточничестве (тайных посулах). (Российское законодательство, 1984-1994а: 348, 367). По степени ответственности вымогательство взятки приравнивалось к грабежу. По Судебнику 1497 г. взяточничество объявлялось недозволенным деянием, но определенным в законе взысканием оно не облагалось. Наложение санкций зависело от воли государя (Российское законодательство, 1984-1994b: 54-55, 59, 62). Судебник 1550 г. запрещал взяточничество под угрозой наказания и устанавливал ответственность за лихоимство, т.е. взимание дозволенных пошлин свыше таксы (Российское законодательство, 1984-1994с: 133, 134, 141). В период становления и расцвета абсолютизма появились такие термины, как «преступление» - как нарушение закона; а также «преступитель», «преступник» - лицо, нарушившее запреты, установленные законом (Российское законодательство, 1984-1994d: 327-365), была проведена и более четкая дифференциация преступлений по степени причиняемого ими обществу вреда. На первое место были поставлены преступления против веры, затем – политические, воинские и должностные преступления. К последним относились: злоупотребление властью в корыстных целях, взяточничество, неповиновение требованиям начальства, невыполнение служебных обязанностей. За ними шли преступления против порядка управления и суда, против общественного порядка и спокойствия (в том числе против жизни и здоровья), имущественные и половые преступления (Российское законодательство, 1984-1994е: 325, 326, 361).

Значительное внимание должностным преступлениям уделялось в Уставе благочиния или полицейском 8 апреля 1782 г. (Российское законодательство, 1984-1994f: 321-413). Они были отнесены к разряду преступлений «противу правосудия вообще» (ст. 229), при этом злоупотребление

должностью, неисполнение должности, лихоимство или взятки занимали особое место. В Учреждении министерств 25 июня 1811 г. впервые был выражен принцип административной гарантии, закрепленный в последующем законодательстве. По этому принципу согласие начальства обвиняемого считается обязательным для возбуждения дела о служебном преступлении. Предание суду предстает здесь как внутриведомственное дело, всецело относящееся к компетенции администрации.

В начале XIX в. была проведена систематизация Российского законодательства, результатом чего стало издание Свода законов Российской империи (1832 г.) и составление первого российского уголовного кодекса – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) (Дудырев, 2011: 143-239). Дореформенное производство по делам о служебных преступлениях было сформировано в Своде законов издания 1842 и 1857 гг. Уголовному праву в Своде законов посвящен, преимущественно, т. XV (Свод законов уголовных. Кн. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. Кн. 2. О судопроизводстве по преступлениям). В Своде 1832 г. впервые были выделены общая и особенная части уголовного права, даны понятия преступления, форм вины, видов соучастия и т.д. В Уложении о наказаниях 1845 г. с большей юридической четкостью, по сравнению со Сводом законов 1832 и 1842 гг., определялись понятия видов преступного деяния – преступления и проступка. Преступлением считалось «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права и безопасность общества или частных лиц», а проступком – «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав, и общественной или же личной безопасности или пользы» (Российское законодательство, 1984-1994г: 174).

В классификации преступлений по Своду законов должностные преступления заняли четвертое место после преступлений против веры, государственных преступлений и преступлений «против правительства». Законом не было проведено разграничение должностных преступлений и дисциплинарных проступков, что обуславливалось признанием юристами и государственными деятелями объектом данного рода преступлений служебного долга (Российское законодательство, 1984-1994г: 369). Субъектом же таких преступлений считалось должностное лицо. Однако определения этого понятия в Уложении дано не было. Сам термин «должностное лицо» также не был установлен с достаточной четкостью. Наряду с ним использовались и такие термины, как «виновный», «чиновник», «лицо, состоящее на службе» и другие (Ширяев, 1914: 211). По сложившемуся в конце XVIII – начале XIX вв. порядку судопроизводства дела о должностных преступлениях лиц гражданского ведомства рассматривались либо уголовными палатами, либо Пятым (уголовным) департаментом Сената, либо, в особо определявшимся законом случаях (например, о гражданских чиновниках, служащих в военном ведомстве), - военным судом. Суду уголовной палаты предавались: чиновники, служащие в общем составе губернского управления, чиновники, состоящие в особенных управлениях по губерниям (в таможенном, соляном, почтовом и т.д.); чиновники, служащие в составе правительствующего Сената и министерских департаментов, канцелярские служители и нижние чины, состоящие на гражданской службе, волостные головы и прочие лица волостного и сельского управления. В Сенат поступали дела о должностных преступлениях сенаторов, обер-прокуроров, директоров министерских департаментов и канцелярии; губернаторов, губернских предводителей дворянства и исправляющих их должность; председателей палат и председательствующих во всех равных им местах; советники главных управлений сибирских и областных таможенных начальников; губернских и областных прокуроров. Дела по служебным преступлениям высших должностных лиц: министров, товарищей министров и генерал-губернаторов – должны были передаваться Верховному уголовному суду, чрезвычайному высшему судебному учреждению, созывавшемуся по высочайшему повелению для рассмотрения дел о важнейших государственных преступлениях. Приговор Верховного уголовного суда должен был поступать на утверждение императора.

Как было указано выше, привлечение к суду должностных лиц зависело от начальства обвиняемого. Но надзор за правильным разрешением дел о возбуждении преследования по должностным преступлениям был сосредоточен в руках губернских прокуроров.

Необходимость установления особого судопроизводства по делам о должностных преступлениях признавалась и при подготовке судебной реформы. Составители Устава уголовного судопроизводства считали, что «отделение административной власти от судебной необходимо не только в том смысле, чтобы административные чины не вмешивались в судебные дела, но и в том, чтобы судебные чины не вмешивались в дела административные» (Лозина-Лозинский, 1895: 53). В результате право административной гарантии, требовавшее согласия начальства обвиняемого на привлечение его к следствию и суду, было сохранено судебными уставами 20 ноября 1864 г. Так, определявшиеся на должность губернскими и равными им властями могли быть преданы суду только по постановлению губернских правлений; министерствами и главными управлениями – по постановлениям, утвержденным министрами или главноуправляющими; назначавшиеся высочайшей властью, на должности не выше IV класса, а также губернские и уездные предводители дворянства, председатели и члены губернских и уездных земских управ и собраний – по постановлению Первого департамента Сената. Высшие же чины, занимавшие должности первых трех

классов, как судебного, так и административного ведомств, могли быть преданы суду за преступления должности не иначе, как по высочайше утвержденному мнению Государственного совета, которое служило основанием обвинительному акту (ПСЗ, 1830-1884: Т. 33. № 41476). Реформированная прокуратура не обладала теми правами по надзору по делам о возбуждении преследования по указанным преступлениям, какие были присвоены губернским прокурорам, и это предоставляло большие возможности для административного произвола. Известнейший российский юрист А.Ф. Кони считал упразднение прав прокуратуры «по надзору за ходом несудебных дел большою ошибкою составителей судебных уставов» (Кони, 1896: 261). Многочисленные указания на неудовлетворительность установленного судебными уставами порядка возбуждения уголовного преследования по этого рода делам имеются в отчетах о ревизии судебных учреждений, произведенной в 1895 г. «Каждому стоящему у дела, - говорится в отчете по округу Одесского окружного суда, - известно, что лихоимство, незаконные поборы, противозаконное лишение свободы, насилие над личностью и проч. представляются в некоторых служебных сферах явлением нередким, а между тем судебное разбирательство по такого рода делам относится к единичным случаям. Все почти преступления этой категории не только не доходят до суда, но даже и не вызывают производство расследования. Между тем, на этой почве создается сознание полной или почти полной безнаказанности подобного рода преступлений, а прокурорский надзор, призванный охранять закон и поставленный лицом к лицу с преступлением, вынужден признать себя бессильным и должен мириться с тем странным положением, в которое он становится иногда в глазах общества» (Высочайше учрежденная комиссия, 1900-1901а: 215, 217).

Дела о должностных преступлениях чиновников с XIV по IX класс, включительно, а также лиц, занимавших должности по выборам дворянских, городских и сельских сословий и не имевших классного чина, кроме тех, которые были подведомственны суду судебной палаты; секретарей, их помощников и прочих чиновников, состоящих при судебных местах, а также судебных приставов, губернских и уездных нотариусов и канцелярских служителей всех ведомств, равно как и должностных лиц волостного и сельского управлений и нижних полицейских чинов, были подведомственны окружным судам. Дела о должностных преступлениях, совершенных чиновниками губернских и центральных государственных учреждений и выборными лицами, занимавшими должности от VIII до V класса включительно, председателями и членами уездных земских управ и собраний, присяжными заседателями, как подведомственных палате окружных судов, так и самой палаты, за нарушение ими обязанностей по этому званию, подлежали рассмотрению уголовных департаментов судебных палат. Кассационные департаменты правительствующего Сената в судебном их присутствии должны были рассматривать дела о должностных преступлениях чиновников, старше V класса, а также председателей, членов и прокуроров судебных палат и их товарищей. Дела о должностных преступлениях членов Государственного совета, министров и главноуправляющих отдельными частями были отнесены к ведению Верховного уголовного суда.

Судьи новых судебных учреждений, в том числе и судебные следователи, пользовались правом судейской несменяемости. Увольнению подлежали, по усмотрению Кассационных департаментов, только лица, привлеченные к уголовной ответственности и несостоятельные должники. Судебными уставами предусматривалась гражданская, уголовная и дисциплинарная ответственность служащих судебного ведомства. Для остальных должностных лиц гражданского ведомства дисциплинарная ответственность признавалась частным видом уголовной, что не соответствовало принципам буржуазного права.

Основные положения о гражданской ответственности должностных лиц были установлены законом 21 марта 1851 г. (2ПСЗ, 1830-1884а: Т. 36. № 25055). Впоследствии они были включены в Свод законов гражданских (Свод зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г., ст. 677-682). Ими предусматривалась ответственность всякого должностного лица за убытки, причиненные противозаконными мерами из корыстных или иных личных целей, доказанных по суду. Судебными уставами 1864 г. подтверждался порядок взысканий, установленный законом 1851 г. (Уст. угол. суд., ст. 1070); в отношении же дел о гражданской ответственности, разрешаемых в порядке гражданского судопроизводства, в уставах упоминалось вознаграждение за вред и убытки, причиненные «нерадением, неосмотрительностью или медленностью должностного лица административного ведомства» (Уст. гражд. суд., ст. 1316). Вместе с тем, особо выделялся вопрос о пределах гражданской ответственности чинов судебного ведомства: судьи должны были отвечать за все убытки, понесенные вследствие их неправильных или пристрастных действий.

В судебной практике понятие пределов гражданской ответственности должностных лиц административного ведомства толковалось весьма широко. Так в 1870 и 1871 гг. решениями Гражданского кассационного департамента разъяснялось, что к ним применимо общее правило ст. 684 Законов гражданских, в силу которой любой был обязан «вознаградить за вред и убытки, причиненные кому-либо его деянием или упущением, хотя бы это деяние или упущение не составляли ни преступления, ни проступка, если только будет доказано, что он не был принужден к тому требованиями закона или правительства, или необходимою личною обороною, или же стечением таких обстоятельств, которых он не мог предотвратить» (Государственный Совет, 1914: 17).

Иски о взыскании вреда и убытков с должностных лиц судебного ведомства должны были рассматриваться особыми смешанными судебно-административными присутствиями. На тех же основаниях был определен, по закону 8 декабря 1881 г. (ЗПСЗ 1885-1917а: Т. 1. № 557) и порядок взыскания вознаграждения за вред и убытки, причиненные действиями должностных лиц, служащих по выборам в дворянских, городских и земских учреждениях. Вместе с тем в законе оговаривалось, что вознаграждение за вред и убытки, причиненные нерадением, неосмотрительностью или медленностью выборных должностных лиц общественного управления сельских обывателей, отыскивается в общем порядке гражданского судопроизводства. Для взыскания убытков с чинов судебного ведомства требовалось предварительное разрешение высшей судебной власти.

Гражданская ответственность лиц судебного ведомства, заключавшая в себе возмещение убытков, причиненных неправильными действиями должностных лиц, в 1874 г. решением Гражданского кассационного департамента была ограничена. По этому решению потерпевший мог получить удовлетворение по суду только в случае доказательства корыстных или личных мотивов у судьи. Привлечение к уголовной ответственности и разбирательство дел этой категории служащих производилось по правилам о должностных преступлениях. Дисциплинарная ответственность устанавливалась за неправомерные служебные действия, не подлежащие уголовному преследованию. Право возбуждения указанных производств принадлежало органам надзора. В отношении судей и судебных следователей дела в порядке дисциплинарном возбуждались либо по предложениям министра, либо по определениям самих судов. Прокурорский надзор не имел права дисциплинарного производства относительно судей и судебных следователей. Прокурор мог лишь довести до сведения министра юстиции и председателей судебных мест о недостатках в подведомственных им учреждениях. Сенаторы за должностные преступления могли быть преданы суду только по высочайше утвержденному мнению Государственного совета. Судом для них служило Соединенное присутствие Первого и Кассационных департаментов. Дисциплинарного производства для них не предусматривалось. Первоначально дисциплинарное производство полностью находилось в ведении судебного ведомства, Кассационные департаменты Сената рассматривали дела о председателях, членах, прокурорах и товарищах прокурора судебных палат; судебные палаты – дела о председателях и членах окружных судов, мировых судьях и судебных следователях, прокурорах окружных судов и их товарищей. Производство дисциплинарных дел относительно остальных членов судебного ведомства возлагалось на те судебные учреждения, при которых они состояли. В случае, если в процессе разбирательства дисциплинарного дела обнаруживались признаки уголовного преступления, дисциплинарное производство прекращалось, и виновное должностное лицо подлежало уголовной ответственности. Система надзора и привлечения к ответственности должностных лиц судебного ведомства, введенная Судебными уставами, соответствовала принципу судейской несменяемости. Однако вскоре этот принцип претерпел некоторые изменения. Так законом 10 июня 1877 г. было реорганизовано Соединенное присутствие Первого и Кассационных департаментов. Первоначально оно было образовано как орган, разрешающий споры между судебными и административными учреждениями. В 1877 г. оно было преобразовано в орган надзора за судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства (исключая обер-прокуроров, прокуроров и их товарищей), а также в орган предания суду обер-секретарей и их помощников, мировых судей, городских судей, председателей и членов судебных палат и окружных судов и чиновников прокурорского надзора. Более серьезные изменения постигли принципы несменяемости судей и отделения власти судебной от власти административной с образованием 30 мая 1885 г. Высшего дисциплинарного присутствия в качестве суда первой инстанции для разрешения подведомственных Сенату дисциплинарных дел о должностных лицах судебного ведомства. Его рассмотрению подлежали как дела об увольнении и временном устранении от должности судей, привлеченных к ответственности за преступления и проступки, не относящиеся к службе, так и дела, вносимые по предложению министра юстиции, об обнаруженных в действиях судей упущениях по службе, не влекущих за собой удаления их от должности по суду, но по своему значению или многократности свидетельствовавшие о несоответствии обвиняемому занимаемому им служебному положению", или, в случае допущения судьей предосудительных действий (вне службы), оказавшихся несовместимыми с «достоинством судейского звания» (ЗПСЗ, 1885-1917b: Т. 5. № 2959). При рассмотрении этих дел суд не был ограничен какими-либо специальными формами производства. Отменялись предварительное слушание дел в распорядительных заседаниях, обязательное наведение справок по делу и представление обвиняемым объяснений суду до начала слушания дела. Отсутствовала судебная гласность, обвиняемому запрещалось приглашать защитника, само присутствие обвиняемого также не было обязательным.

В отношении должностных лиц гражданского ведомства, за исключением служащих судебных учреждений, законом не проводилось никакого принципиального различия между должностным преступлением и служебным проступком. Объем дисциплинарных проступков ограничивался нарушениями обязанностей службы, предусматривавшимися особенной частью Уложения о наказаниях и каравшихся замечанием, выговором с внесением и без внесения в послужной список, вычетом из жалования (не более 1/3 годового оклада), перемещением с высшей должности на низшую, удалением от должности, вычетом из времени службы (что имело значение для назначения

пенсии, наград и присвоения знаков отличия), арестом до семи дней, отрешением от должности и исключением из службы. Исключенный из службы лишался права вступать снова в государственную службу, участвовать в выборах и быть избранным в должности по назначению дворянства, городов и селений. Отрешенный же от должности лишался права, в течение трех лет со дня отрешения, поступать снова на службу государственную и общественную.

Возможность применения этих мер была ограничена тем, что начальство не могло налагать на служащего взысканий, не предусмотренных Уложением о наказаниях. Между тем, Уложение не только не определяло границы дисциплинарных в порядке службы провинностей, в отличие от уголовных должностных преступлений, но нередко смешивало признаки уголовно наказуемого преступного деяния и служебного проступка. Крайняя казуистичность служебно-карательных постановлений действующего законодательства привела к тому, что многие случаи служебных проступков оказались непредусмотренными законом, и в их отношении дисциплинарная власть начальства осуществлялась применением к ним права увольнения по так называемому третьему пункту закона 7 ноября 1850 г. «О порядке увольнения от службы и определения вновь в оную неблагонадежных чиновников», предоставившему начальству удалять неспособных и неблагонадежных чиновников без объяснения причин, то есть вне случаев, предусмотренных Уложением о наказаниях. До 1850 г., чиновник, уволенный от должности, мог жаловаться и просить суда. Четвертый пункт того же закона устанавливал, что чиновники, увольняемые от службы по усмотрению начальства, без объяснения причин, не могут жаловаться на такое распоряжение, и все их жалобы, а также просьбы о возвращении к прежним должностям или предании суду, «не только должны быть оставляемы без действия и движения, но ни в правительствующем Сенате, ни в Канцелярии его императорского величества по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, не должны быть вовсе принимаемы к рассмотрению» (2ПСЗ, 1830-1884б: Т. 25. № 24606). Увольнение по третьему пункту считалось волчьим паспортом. Закон 1850 г. давал большой простор административному произволу и уничтожал всякую самостоятельность служащего.

Неудовлетворительность постановки вопроса об ответственности должностных лиц усугублялась отсутствием установленных законом правил для должностных лиц всех ведомств о порядке наложения взысканий за служебные провинности. При всем том материальное право пореформенной России значительно отставало от права процессуального. С образованием, по судебной реформе 1864 г., новых судебных учреждений, действие которых основывалось на буржуазно-демократических принципах судопроизводства, применение феодальных правовых норм Уложения о наказаниях стало вызывать серьезные затруднения.

В начале 80-х гг. XIX в. начались работы по созданию новых Уголовного и Гражданского уложений. 14 марта 1898 г. проект Уголовного Уложения был внесен в Государственный совет, где в июне 1898 г. было образовано особое совещание во главе с председателем Департамента Гражданских и Духовных дел Э.В. Фриша (РГИА. Ф. 1151. Т. XII. 1898 г. Д. 135-а. Л. 269-269 об.), которое столкнулось уже с проблемой состыковки нового Уголовного уложения с измененными судебными уставами. Пока обсуждался проект Уголовного уложения, в стране продолжалась судебная контрреформа, в 1898 г. уже заканчивала свои занятия комиссия для пересмотра законоположений по судебной части (комиссия Н.В. Муравьева, 1894–1899 гг.). В результате Особое совещание пришло к заключению, состоявшему из 24 неразрешимых вопросов, которые в октябре 1901 г. были переданы на рассмотрение Особого присутствия при Государственном совете, под председательством его члена, бывшего министра юстиции гр. К.И. Палена. Присутствие признало неэффективность контрреформы суда и процесса и невозможность согласования судебных уставов новой редакции с будущим уголовным законом (РГИА. Ф. 1151. Т. XII. Д. 135. Л. 137-473). 10 февраля 1903 г. проект Уголовного уложения был представлен на обсуждение Общего собрания Государственного совета. Собрание не успело даже обсудить все спорные вопросы, как уже 22 марта 1903 г. проект был утвержден Николаем II (Дудырев, 2011: 256-275). 7 апреля 1904 г. были введены в действие статьи Уголовного уложения о государственных преступлениях, но после этого ввод в действие остальных его частей практически прекратился. 13 июня 1905 г. введение Уголовного уложения в действие было отложено до проведения реформы местного суда (РГИА. Ф. 1149. Т. XIII. Д. 151. Л. 93-ж – 93-и). Следующая попытка добиться введения Уголовного уложения в действие была предпринята в феврале 1908 г., но была отклонена уже Советом министров (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 92. Л. 11). 14 апреля 1911 г. министр юстиции Щегловитов внес в Государственную думу законопроект «О наказуемости лиходейства», однако этот проект был реализован только принятым в порядке чрезвычайного-указного законодательства законом 31 января 1916 г. (Волженкин, 1991: 60-68). Проект же Гражданского уложения, разработанный к 1906 г., так и не стал законом.

Редакционная комиссия по составлению Уголовного уложения не оставила без внимания и обширную область материально-правовых постановлений о преступных деяниях по службе государственной и общественной. Произведя всесторонний пересмотр устаревших карательных правил Уложения о наказаниях, комиссия одновременно с этим разработала особый Устав о служебных провинностях, на основании которого служащие за менее важные поступки должны были подвергаться дисциплинарной ответственности. Он был подвергнут серьезной переработке в

Государственном совете, и 27 июня 1905 г. под названием «Устав о служебных проступках» был утвержден императором (РГИА. Ф. 1162. Т. XVI. 1905 г. Д. 23. Л. 390-397).

Впервые в российском праве было сформулировано понятие служебного проступка. Таковым признавалось «всякое, непредусмотренное уголовным уложением, нарушение служащим порядка отправления службы, либо пределов предоставленной ему власти или неисполнение им своих по службе обязанностей, установленных законом, либо обязательным распоряжением, или вытекающих из свойств службы» (РГИА. Ф. 1162. Т. XVI. 1905 г. Д. 23. Л. 390-390).

Порядок наложения и виды дисциплинарных взысканий были регламентированы. К ответственности за служебные проступки служащие могли быть привлечены в порядке надзора начальства за действиями подчиненных. Донесения и сообщения должностных лиц, правительственных и общественных учреждений, а также жалобы частных лиц на действия чиновников должны были обращаться к непосредственному начальству обвиняемого или лицу, от которого зависело определение их в должность или на службу. На них могли налагаться взыскания в виде замечания, выговора или удаления от службы. Кроме того, служащие, занимавшие должности восьмого или низших классов, или не занимавшие должностей, но имевшие чины седьмого или низших классов могли быть подвергнуты аресту (от одного до семи дней), переводу с высших должностей или оклада на низшие должность или оклад, а на канцелярских служащих, низших полицейских чинов и служащих по вольному найму, не занимавших классных должностей, могли налагаться также денежные штрафы в размере не свыше месячного оклада получаемого содержания. Увольнение от должности по данному ведомству не лишало уволенного права вновь поступить на службу. На распоряжения о наложении взысканий за служебный проступок, в том числе и об увольнении, служащие могли в двухнедельный срок подавать жалобы в порядке подчиненности. Устав предусматривал также возможность удаления от службы служащих, подвергшихся в уголовном порядке наказанию, не влекущему за собою удаление от должности, если его начальство признает невозможным оставить его на службе; подвергшихся личному задержанию за долги, или объявленному несостоятельным должником, или состоящих под опекой за расточительность; служащих, замеченных в поступках, хотя бы и не предусмотренных уголовным уложением, но которые были бы признаны несовместимыми с служебным достоинством; а также служащих, проявивших совершенную неспособность к исполнению своих служебных обязанностей. В этих случаях служащими также могли быть принесены установленным порядком жалобы. Таким образом могло быть ликвидировано действие пресловутого третьего пункта ст. 838 Устава об определении на службу от правительства. Однако, вследствие того, что глава Уголовного уложения о преступных деяниях по службе государственной и общественной (гл. 37) не была введена в действие. Устав о служебных провинностях также не получил силы закона.

В пореформенное время было издано несколько законодательных актов, направленных на укрепление административной гарантии. Одним из них был указ Государственному совету об ответственности высших чинов государственного управления (ЗПСЗ, 1885-1917г: Т. 9. № 5787). Этим указом был установлен усложненный порядок передачи дел Верховному уголовному суду. Дело должно было поступать, через Комитет министров, на высочайшее воззрение, затем – в Департамент Гражданских и Духовных дел Государственного совета, а затем, по высочайшему повелению – в Верховный уголовный суд. По закону 11 июня 1891 г. к ведению Верховного уголовного суда были отнесены дела о должностных преступлениях генерал-губернаторов и главноначальствующего гражданской частью на Кавказе (ЗПСЗ, 1885-1917г: Т. 11. № 7818). Но Верховным уголовным судом не было рассмотрено ни одного подобного дела. В отношении их правительство предпочитало разбираться в административном порядке, каковым и были разрешены, например, дела о служебных злоупотреблениях председателя Департамента государственной экономии А.А. Абазы в 1892 г., министра путей сообщения А.К. Кривошеина в 1894 г. или же министра внутренних дел И.Л. Горемыкина в 1899 г. (Ганелин, 1985: 214-247).

22 апреля 1906 г. Верховный уголовный суд был преобразован в постоянное судебное учреждение, ему были подведомственны дела о должностных преступлениях членов Государственного совета и Государственной думы, председателя Совета министров, министров, главноуправляющих отдельными частями, наместников и генерал-губернаторов. С 1906 по 1917 гг. этим судебным органом рассматривалось всего одно дело - о бывших членах Государственной думы третьего созыва от социал-демократической фракции Г.С. Кузнецове, И.П. Покровском и Е.П. Гегечкори, обвиняемых по ст. 1535 Уложения о наказаниях в клевете с думской трибуны (04.05.1913–21.04.1915). Но это дело, носившее явно политический характер, осталось неоконченным, разбирательство было отложено до конца войны, после чего производство дела, по понятным причинам, не возобновлялось.

Полностью оградив таким образом от возможности судебного разбирательства чиновников первых трех классов, правительство вскоре таким же образом защитило и «государевых наместников» - губернаторов (Ремнев, 2010: 191-196). По судебным уставам они подлежали за преступления должности суду Кассационных департаментов Сената. Губернаторы, как лица, определявшие высочайшей властью на должности не выше IV класса, могли быть преданы суду только по постановлению Первого департамента Сената. Окончательное разрешение они получали

лишь при условии: 1) большинства 2/3 голосов сенаторов, 2) согласия министра или главноуправляющего, при участии которого рассматривалось дело, 3) согласия с определением Сената обер-прокурора. При отсутствии хотя бы одного из этих условий дело вносилось в общее собрание Сената, а затем через Государственный совет на утверждение императора. Законом 19 мая 1881 г. было установлено, что подобные дела должны решаться в Первом департаменте простым большинством голосов присутствующих сенаторов и приглашенных министров. Со времени утверждения закона 19 мая 1881 г. дела о преступлениях губернаторов на высочайшее воззрение не поступали. Вместе с тем в ст. 634 Общего учреждения губерний (*Свод законов. Т. II, ч. 1. Изд. 1876 г.*) указывалось, что губернаторы могли подвергаться ответственности и замечаниям, выговорам или иным взысканиям, или же суду и удалению от должности не иначе, как по высочайшим повелениям, исходящим непосредственно от императора или вследствие представлений по установленному порядку от Сената, министров, главных в губерниях начальников, сенаторов, ревизующих губернию, и других лиц, уполномоченных высшей правительственной властью. Рассматривая в декабре 1891 г. дело о возбуждении уголовного преследования против Елисаветпольского губернатора кн. А.Д. Накашидзе, Комитет министров высочайше утвержденным 18 декабря 1891 г. положением предоставил министру юстиции по соглашению с министром внутренних дел обсудить и внести на рассмотрение Государственного совета вопрос о порядке привлечения к суду высших в губерниях чинов административной власти за преступления должности и порядке производства над ними следствия. 7 февраля 1897 г. министр юстиции Н.В. Муравьев представил в Государственный совет записку «Об изменении действующих правил об ответственности губернаторов за преступления должности» (*РГИА. Ф. 1149. Т. XII. 1897. Д. 36. 1897. Д. 36. Л. 2-18*). Н.В. Муравьев предполагал создать порядок предания суду губернаторов за должностные преступления, аналогичный тому, какой предусматривался законом 15 февраля 1889 г. для чиновников первых трех классов. 8 марта 1897 г. состоялось заседание Соединенных департаментов Законов, Государственной экономии и Гражданских и духовных дел Государственного совета, посвященное обсуждению этого вопроса (*РГИА. Ф. 1151. Т. XII. 1898. Д. 36. Л. 91-100 об.*). Члены департаментов высказались против проектируемой меры, указав на то, что изменение действующего порядка «будет истолковано в смысле стремления ослабить ответственность губернатора за допущенные им неправильные действия по службе» (*РГИА. Ф. 1151. Т. XII. 1898. Д. 36. Л. 97-97об.*), а значение Сената будет низведено на степень передаточной инстанции Комитета министров.

Поскольку министры внутренних дел и юстиции настаивали на принятии своего проекта, делая особое ударение на необходимости обеспечения авторитета государственной власти, и заявляли о приоритете соображений государственной целесообразности перед безусловными велениями закона, Департаменты признали полезным дать губернаторам исключительную гарантию всестороннего рассмотрения предъявленных к ним обвинений. Предполагалось, что дела эти будут разрешаться не иначе, как в присутствии министра внутренних дел, большинством двух третей голосов, что решение, принятое этим большинством подлежит согласованию с мнением министра внутренних дел и обер-прокурора. При отсутствии этих условий дело должно было передаваться на рассмотрение Первого общего собрания Сената, где разрешалось уже окончательно простым большинством голосов. Дальнейшее обсуждение вопроса об ответственности губернаторов проходило 12 мая 1897 г. (*РГИА. Ф. 1151. Т. XII. 1898. Д. 36. Л. 136-144*). Общим собранием Государственного совета предложение министра юстиции было отвергнуто большинством 39 голосов против 17. При этом большинство указывало на то, что изменения действующих узаконений не отвечают требованию закона, а меньшинство, - что «возвышение и усиление губернаторской власти составляет отличный признак всех последних мероприятий в этой области» (*РГИА. Ф. 1151. Т. XII. 1898. Д. 36. Л. 136-140*). Николай II согласился с мнением меньшинства и 26 мая 1897 г. утвердил мнение 17-ти членов (*ЗПСЗ, 1885-1917: Т. 17. № 14151*). Тем самым был нарушен принцип отделения власти судебной от власти административной, а ответственность высших представителей правительственной власти, и без того эфемерная была окончательно сведена на нет. Во всех случаях, когда дела выходили на рассмотрение Комитета министров, ему удавалось не допускать судебного разбирательства, и виновные отделялись лишь административными взысканиями, примером чего могут служить, дела о привлечении к судебной ответственности Минского губернатора В.Н. Токарева, Елисаветпольского – А.Д. Накашидзе, Орловского – П.В. Неклюдова (в 1894 г.), и Тамбовского – В.П. Рокасовского (в 1896 г.) за превышение власти (*Ремнев, 2010: 191-194*).

Вопрос о переработке судопроизводственных правил об ответственности должностных лиц обсуждался и на заседаниях комиссии для пересмотра законоположений по судебной части (1894–1899 гг.). Составленный комиссией проект Устава гражданского судопроизводства вносил лишь немногие изменения в порядок производства дел о взысканиях за вред и убытки, причиненные неправильными действиями служащих. Предполагалось несколько расширить права частных лиц, пострадавших от преступления служащего. По действовавшему законодательству частное лицо было обязано, для получения возмещения убытков возбудить преследование в уголовном порядке; в то же время, благодаря неточной редакции закона, ограничивающей гражданскую ответственность служащих случаями, когда должностное лицо допустило «нерадение, неосмотрительность или медленность» (*Уст. гражд. суд., ст. 1316*), частные лица, пострадавшие от других каких-либо

неправильных, но не подлежащих преследованию в уголовном порядке действий должностных лиц, по буквальному толкованию закона, были лишены возможности отыскивать вознаграждение за причиненные им вред и убытки. Для устранения этих неудобств в проекте новой редакции устава были произведены соответствующие изменения. Был увеличен до года срок на предъявление иска, со дня объявления просителю распоряжения, признававшего его права, или со дня приведения этого распоряжения в действие, если оно было исполнено без предварительного объявления (вместо трех и шести месяцев).

Более существенные изменения Комиссия признала необходимым произвести в порядке привлечения к уголовной ответственности служащих. В разработанном ею проекте Устава уголовного судопроизводства было произведено уточнение определения субъекта должностного преступления. Комиссия постановила, что лица, состоящие на государственной или общественной службе, не исключая служащих по вольному найму и занимающих низшие служительские должности, за преступные деяния, указанные в разделе V Уложения о наказаниях уголовных и исправительных или в прочих постановлениях этого уложения, которыми предусмотрены преступные деяния, совершенные служащими при исполнении служебных обязанностей, должны привлекаться к ответственности и судиться с соблюдением особых правил. Подсудность по указанным делам тоже несколько изменялась: было признано целесообразным ограничить компетенцию судебных палат и отнести к ведению окружных судов дела о преступных деяниях служащих до VII класса включительно. Дела о преступных деяниях низших служащих, за которые обвиняемому угрожалось наказание, соединенное с лишением или ограничением прав состояния, предполагалось передать на рассмотрение суда присяжных особого состава ([Высочайше учрежденная комиссия, 1900-1901b: 248-258, 265-272](#)), с повышенным имущественным и образовательным цензом и составляющих единую коллегию с коронным судом.

Права прокуратуры по возбуждению дел о должностных преступлениях увеличивались. По действовавшему Уставу уголовного судопроизводства, всякое дело, возбужденное против должностного лица, могло быть прекращено или окончено административным порядком, или направлено к в подлежащее учреждение для предания обвиняемого следствию и суду за исключением лишь случаев, когда в преступлении вместе с должностными участвовали и частные лица, когда с обвиняемого должностного лица взыскивалось вознаграждение за вред и убытки, причиненные его действиями и когда преступление, в котором обвинялось должностное лицо, влекло за собою лишение прав состояния. В этих случаях должно было производиться предварительное следствие, а прокурор должен был давать свое заключение о дальнейшем направлении дела, но дело доходило до суда не иначе как с согласия начальства обвиняемого или же по постановлению губернского правления или Первого департамента Сената. Хотя по проектам комиссии Н.В. Муравьева прокуратуре не было предоставлено права возбуждать уголовное преследование на общих основаниях по преступным деяниям по службе, все же было признано желательным, наряду с сохранением административной гарантии, предоставить прокурорскому надзору более активное участие в возбуждении дел по преступлениям должности. Прокурор получал право давать распоряжения следственному судье на производство следствий по делам о должностных преступлениях, но лишь в том случае, если бы возникли основания предполагать что служащий, подозреваемый в совершении должностного преступления, скроет похищенное или следы преступного деяния. В проекте специально оговаривалось право прокурорского надзора входить в сношения с начальством обвиняемого (кроме правительствующего Сената) о назначении административного расследования или предварительного следствия. Администрация по требованию прокурора обязывалась сообщать ему для рассмотрения все производство по предварительному исследованию. Разногласия между прокуратурой и администрацией, по проекту должны были рассматриваться в Соединенном присутствии Первого и Уголовного кассационного департамента Сената ([Высочайше учрежденная комиссия, 1900-1901c: 235-248](#)). Предполагалось сохранить обязательность предварительного следствия для дел о преступных деяниях по службе, влекущих за собою наказания, связанные с лишением всех прав состояния, с лишением всех особых прав и преимуществ, а также по делам, в которых вместе с должностными участвовали и частные лица.

Комиссией было признано также желательным, чтобы предварительное следствие о служебных преступлениях высших должностных лиц производилось членами судебных палат. Предполагалось отнести к их ведению производство следствий не только по делам о преступлениях по должности губернаторов, как это предусматривалось в действовавшем законодательстве, но и обо всех преступных деяниях по службе, подлежавших суду Правительствующего Сената ([Высочайше учрежденная комиссия, 1900-1901d: 290-292](#)).

Проекты комиссии Н.В. Муравьева не получили законодательного воплощения. Внесенные в конце 1901 г. на рассмотрение Государственного совета, они были возвращены в министерство 23 сентября 1905 г. под предлогом изменения порядка рассмотрения законодательных предположений ([РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 61](#)).

Но еще до окончательного возвращения проектов комиссии Н.В. Муравьева из Государственного совета последовал именнейший высочайший указ Сенату 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», в первом пункте которого

признавалось необходимым принять действенные меры к охранению полной силы закона «дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первейшею обязанностью всех подчиненных нам властей и мест, неисполнение же его неизбежно влекло законную за всякое произвольное действие ответственность, и в сих видах облегчить потерпевшим от таких действий лицам способы достижения правосудия» (ЗПСЗ 1885-1917f: Т. 24. № 25495).

Рассматривая в конце декабря 1904 – начале 1905 гг. способы выполнения требований указа 12 декабря, в частности, об охранении полной силы закона, члены Комитета министров остановились на вопросе об ответственности служащих. Комитет постановил испросить высочайшее соизволение на рассмотрение в Государственном совете вопроса об ответственности должностных лиц, а министру юстиции было поручено пересмотреть признанные Комитетом неудовлетворительными действовавшие правила о гражданской и уголовной ответственности служащих и войти в Государственный совет с дополнительным представлением по этому предмету. В основу предполагавшихся преобразований были положены предположения комиссии Н.В. Муравьева.

При обсуждении необходимых изменений в законоположениях о гражданской ответственности должностных лиц Министерство юстиции находило возможным оставить без существенных изменений ее основные начала. Предлагалось предоставить потерпевшим отыскивать в гражданском порядке вознаграждение за вред и убытки, причиненные действиями должностных лиц, если они не подлежали ведению уголовного суда или уголовное производство по ним было прекращено или приостановлено. Предполагалось также увеличение до одного года срока на предъявление иска к служащему, сокращение числа сенаторов, участвующих в рассмотрении дела по взысканиям с высших должностных лиц, допущение кассационного обжалования по делам этого рода и уравнивание сенаторов Кассационных департаментов, в отношении этих дел, с прочими служащими, тогда как по действовавшему закону они были освобождены от возможности предъявления к ним иска об убытках. К служащим были также приравнены, по делам о взыскании убытков, должностные лица волостного и сельского управлений, с установлением для них гарантий процесса, действующих для всех остальных лиц. По существу предположений о производстве дел о преступных деяниях по службе Министерством юстиции было признано желательным заменить административную гарантию «предварительным судебным контролем достаточности оснований для привлечения служащего к уголовной ответственности (Правилова, 2000а: 201). Непосредственное возбуждение преследования за служебные преступления было возложено на органы прокурорского надзора. Снова был поставлен вопрос о возвращении дел о должностных преступлениях служащих низшего ранга окружным судам с участием присяжных заседателей. Предполагалось также отменить положения закона 1897 г. и восстановить порядок предания суду губернаторов, за злоупотребления должности, по постановлению Первого департамента правительствующего Сената.

К сентябрю 1905 г. законопроекты «Об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 925. Л. 1-67 об.) и «Об изменении порядка производства дел о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные распоряжениями должностных лиц» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 930. Л. 143-143 об.) были подготовлены к внесению в Государственный Совет, но 23 сентября 1905 г. последовало высочайшее повеление, по которому на рассмотрение Государственного Совета могли быть направлены только законодательные предположения неотложного свойства и при том не имеющие общегосударственного значения (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 930. Л. 143-143 об.). В 1906 г. эти проекты были вновь внесены на рассмотрение I Государственной Думы, но до роспуска Думы не были рассмотрены. В начале 1907 г. и были внесены во II Государственную Думу, но она так и не успела приступить к их рассмотрению (Всеподданнейший отчет 1907: 1.). В III Думу проекты были переданы только в 1909 г., когда вопрос о внесении в порядке законодательной инициативы проекта об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе был поднят октябристской фракцией (Правилова, 2000б: 225-226).

В начале 1909 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов внес проект на рассмотрение Совета министров, который потребовал: 1) чтобы из него было исключено постановление о праве прокурорского надзора, в случаях, не терпящих отлагательства, непосредственно, без предварительного сношения с начальством обвиняемых должностных лиц, возбуждать уголовное преследование против последних и 2) чтобы разрешение возникающих между прокурорским надзором и подлежащим начальством разногласий по поводу уголовного преследования обвиняемых было сосредоточено не в особых смешанных присутствиях окружных судов и судебных палат, как это предполагалось в проекте, а исключительно в Соединенном присутствии Первого и Уголовного кассационного департаментов Сената (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 927. Л. 1-1 об.). Тем самым существенно снижалось предусмотренное проектом ограничение административной гарантии. Требования Совета министров были удовлетворены. 14 марта 1909 г. И.Г. Щегловитов представил в Государственную думу два законопроекта: 1) об изменении порядка производства дел о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные распоряжениями должностных лиц и 2) об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе. В последнем было отмечено, что институт административной гарантии, выразившийся в российском уголовном процессе почти в полном устранении судебной власти, в частности – прокуратуры, от возбуждения уголовного преследования и предания суду служащих за преступные деяния по службе, представлял собою

нарушение основного начала судебной реформы 1864 г. – отделения власти судебной от власти административной. Министр указывал также, что административная гарантия при практическом ее применении, вызывала самые нежелательные последствия. Действовавший порядок привлечения должностных лиц к уголовной ответственности подрывал в глазах населения авторитет административной власти, создавал представление о безответственности органов управления, разлагающе действовал на самих служащих. Однако, безусловного распространения на дела этого рода общих судопроизводственных правил, в целях ограждения должностных лиц «от неосновательных преследований», а также в виду того, что «начальство обвиняемого, как близко знакомое с личностью виновного, с законами о службе и с бытовыми условиями деятельности подведомственных ему органов власти, может вернее и справедливее признать вероятность или невероятность упдающего на него обвинения и большую или меньшую важность вины служащего» (РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 38. Л. 53) в проекте не предусматривалось. Министерством юстиции был предложен следующий порядок производства дел о служебных преступлениях. Жалобы и заявления на действия должностных лиц административных ведомств, назначаемых на должности не высочайшей властью, а также служащих по выборам должны были поступать или к прокурору того судебного установления, которому было подсудно дело, или же к начальству или установлению, уполномоченному на возбуждение против служащего уголовного преследования, причем жалобы и заявления, поступающие к прокурору, должны были сообщаться им на усмотрение того же начальства. Сообщения присутственных мест и должностных лиц о преступных деяниях по службе также должны были направляться к начальствующему лицу или вышестоящему учреждению, одновременно о таком преступном деянии следовало уведомлять прокурора соответствующего суда. Начальство, как и прежде, должно было отдавать распоряжения о производстве предварительного исследования. Право возбуждения уголовного преследования также оставлялось администрации. Соответствующее постановление должно было быть доставлено прокурору не позднее месяца со дня поступления жалобы или сообщения о служебном преступлении. Предполагалось, что в такой же срок об этом постановлении будет уведомляться потерпевший, подавший жалобу. Прокурор, в случае непоступления к нему указанного постановления, или же в случае несогласия с постановлением о дальнейшем направлении дела, мог в течение месяца возбудить «пререкание» с начальством обвиняемого. Окончательное разрешение споров между администрацией и прокуратурой, согласно постановлению Совета министров, предполагалось оставить в ведении Соединенного присутствия Первого и Уголовного департаментов Сената, куда, по проекту Министерства юстиции, могли бы приносить жалобы на решения административного начальства также и потерпевшие.

Привлечение к ответственности за преступления по службе должностных лиц, назначаемых на должности не выше IV класса высочайшей властью, а также губернских и уездных предводителей дворянства и городских голов обеих столиц, должно было, как и прежде, зависеть от Первого департамента Сената, с предоставлением ему, как высшему органу надзора, права окончательного, без возможности дальнейшего обжалования, разрешения вопроса о возбуждении уголовного преследования.

Порядок возбуждения дел об ответственности высших должностных лиц административного ведомства, занимавших должности первых трех классов был оставлен практически без изменения. Несколько была ослаблена административная гарантия в отношении должностных преступлений и проступков губернаторов: в проекте признавалось желательным и своевременным предоставить Сенату право окончательного разрешения вопросов о возбуждении против них уголовного преследования и вернуться к порядку, установленному судебными уставами 20 ноября 1864 г.

По мнению Министерства юстиции на преступные деяния по службе канцелярских чинов, лиц, занимающих служительские должности, и служащих в государственных учреждениях по вольному найму, которым не было присвоено классов должности, общий порядок уголовного преследования мог бы быть распространен в полном объеме.

Предполагалось также отменить особый порядок прекращения судебных производств по должностным преступлениям и предания обвиняемых по этим делам суду, с распространением на них правил по делам об общих преступлениях действовавшего Устава уголовного судопроизводства, за исключением тех, по которым возбуждение уголовного преследования зависело от правительствующего Сената. По этим делам заключение прокурорского надзора о прекращении следствий и о предании обвиняемых суду должно было подлежать рассмотрению Первого департамента. По делам о должностных преступлениях предполагалось восстановить суд присяжных заседателей.

В целом, несмотря на незначительные уступки, принцип административной гарантии остался непоколебим (Алексеев, 1910а: 996), с чем не могла согласиться Дума. После обсуждения проекта Министерства юстиции в думской подкомиссии и комиссии по судебным реформам в него были внесены изменения, приблизившие его к тому варианту, который предлагался на рассмотрение I и II Дум, и который современники называли «винегретом из всех возможных и невозможных систем» (Кулишер, 907: 28-29). В марте 1911 г. проект был предложен на рассмотрение III Думы.

Проект министерства юстиции об изменении порядка гражданской ответственности должностных лиц, внесенный в Думу в 1909 г., практически не отличался от предшествующих проектов. Порядок ответственности должностных лиц по сравнению с действующим законодательством не претерпел сколько-нибудь существенных изменений (Алексеев, 1910b: 996). Была несколько увеличена возможность подачи, по общим правилам гражданского судопроизводства, иска против должностных лиц, в случаях, если их действия не подпадали под статьи об уголовной ответственности, или же уголовное производство по их делам было прекращено или приостановлено. Срок на предъявление иска к служащему был увеличен до года, причем вводилась важная оговорка о прерываемости срока в случае подачи прошения потерпевшими по начальству ответчика, или возбуждении против него уголовного дела. Общие постановления о взысканиях с должностных лиц распространялись также на лиц крестьянского общественного управления, иски к ним должны были предъявляться особым присутствиям окружных судов, с заменой в них правительственных чиновников служащими дворянских, земских и городских самоуправлений. Компетенция окружных судов, куда предполагалось передать дела о чиновниках, имевших чин до VII класса включительно, была расширена. Предполагалось сокращение, с 9-ти до 7-ми членов, состава Соединенного присутствия Первого и Гражданского кассационных департаментов Сената, рассматривавшего гражданские иски, предъявлявшиеся к чиновникам выше V класса. В отличие от действовавшего законодательства, не допускавшего возможности кассационного обжалования по делам о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные действиями должностных лиц, в проекте предусматривалось такое обжалование. В качестве кассационной инстанции намечались: для решений, постановленных в апелляционном порядке особым присутствием судебной палаты, в Соединенном присутствии Первого и Гражданского кассационного департаментов Сената, а для решений, постановленных этим присутствием в качестве второй инстанции, - Общее собрание тех же департаментов.

Хотя проект об изменении гражданской ответственности должностных лиц и вызвал нарекания со стороны думской комиссии по судебным реформам, в основном за то, что был построен на старых началах и не вносил ничего существенно нового в действующее законодательство, Государственная Дума в целом согласилась с большей частью предложений министерства юстиции. В проект были внесены лишь некоторые незначительные изменения. Так признавалось целесообразным продлить предложенный министерством годовой срок для предъявления исков к служащим до двух лет. Кроме того, члены думской комиссии сочли справедливым при рассмотрении исков, предъявляемых к должностным лицам крестьянского самоуправления, ввести в особые присутствия окружного суда или судебной палаты одного из волостных старшин (для внутренних местностей России и Архангельской губ.), заменив им городского голову. Также думская комиссия признала желательным, если не совсем отменить административную гарантию, то значительно сократить ее пределы. Но в ходе обсуждения большинство поправок, внесенных левыми партиями, было отклонено. В целом, проект не получил существенных улучшений.

В третьем чтении в Государственной Думе 1 февраля 1912 г. (Государственная Дума, 1912: Стб. 1345-1349) проекты об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе и об изменении порядка производства дел о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные распоряжениями должностных лиц были объединены в один законопроект. Вскоре он был передан в Государственный совет, который почти полностью восстановил министерскую редакцию (Заседание Общего собрания, 1913: 1367-1372). В апреле 1913 г. проект был возвращен в Думу, и комиссия законодательных предположений попыталась вернуться, хотя бы частично, к своим поправкам. В феврале 1916 г. Государственный Совет вновь приступил к обсуждению проекта, затем он был передан в Особую комиссию для рассмотрения разномыслий, возникших между Государственным Советом и Государственной Думой, и снова был внесен в Думу 31 января 1917 г. (Правилова, 2000с: 231). Законодательное же воплощение он получил уже после свержения монархии.

Временное правительство предприняло ряд мероприятий в области права и процесса, как непосредственно обусловленных сменой государственного строя, так и направленных на проведение реформ, которые не были осуществлены предшествующей властью. 4 марта 1917 г. были упразднены все особые суды, в том числе – Верховный уголовный суд. 30 марта дела, подлежавшие рассмотрению в Верховном уголовном суде были отнесены к ведению Кассационных департаментов Сената, с участием присяжных заседателей (Собрание узаконений, 1917а: № 61 Ст. 361; № 79. Ст. 456). Деятельность ряда бывших должностных лиц рассматривалась специальными следственными комиссиями: Чрезвычайной следственной для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданского, так военного и морского ведомств, Особой следственной для расследования противозаконных действий сенаторов Уголовного кассационного департамента правительствующего Сената по государственным преступлениям, Особой при Министерстве юстиции для обследования деятельности Департамента полиции и подведомственных Департаменту учреждений (районных охранных отделений, жандармских управлений и розыскных пунктов) и Временными комиссиями при судебных палатах

для производства расследований действий должностных лиц судебного ведомства (судебных палат и окружных судов).

В конце марта 1917 г. была образована Комиссия для восстановления основных положений судебных уставов и согласования с происшедшей переменой в государственном устройстве, возобновила свою деятельность Комиссия по пересмотру и введению в действие нового Уголовного уложения. Был проведен ряд законодательных мероприятий по организации системы административных судов (Правилова, 2000d: 240-249). 11 апреля был принят Закон об уголовной и гражданской ответственности служащих (СУ. 1917b: № 86. Ст. 492). Дела о преступлениях по службе и иски о вознаграждении за вред и убытки, причиненные неправильными действиями служащих, были подчинены общему порядку уголовного судопроизводства, при этом, однако, оговаривался ряд изъятий. Право административной гарантии было отменено, однако подсудность тем или иным судебным местам (окружным судам, судебным палатам или Уголовному кассационному департаменту правительствующего Сената), в зависимости от ранга обвиняемого должностного лица, сохранялась. Дела о преступлениях должностных лиц, имевших чин выше IV класса, обер-прокуроров и товарищей обер-прокурора Сената, старших председателей, председателей департаментов, членов, прокуроров и товарищей прокурора судебных палат должны были рассматриваться Уголовным кассационным департаментом, IV, V и VI классов – судебными палатами, а прочих служащих – окружными судами. Такой же порядок предусматривался для предъявления гражданских исков к служащим. Иски о вознаграждении за вред или убытки, причиненные преступными деяниями служащих, в случае признания виновности служащего по суду, или же признания события такового преступного деяния и совершения его обвиняемым, были подчинены общему порядку гражданского судопроизводства. Возбуждение уголовного преследования за преступные деяния по службе по новому закону принадлежало прокурорам соответствующих судебных мест. О состоявшемся возбуждении уголовного преследования, а также о предании суду служащего за преступное деяние по службе или о прекращении либо приостановлении дела прокурор был обязан сообщать непосредственному начальству обвиняемого или тому установленно, где обвиняемый состоял на службе. Туда же должна была быть отослана копия окончательного судебного приговора. Установленный в действовавших законах порядок наложения дисциплинарных взысканий был оставлен без изменений.

Практического применения этот закон не имел, поскольку не был введен в действие до октября 1917 г., а 22 ноября (5 декабря) 1917 г. декретом Совета народных комиссаров о суде прежняя судебная система России была ликвидирована (СУ Р и К Пр, 1917: № 4. Ст. 50).

5. Заключение

Противодействие должностным преступлениям, начавшись еще в Древней Руси, продолжалось во времена становления и развития Российской государственности. В течении XIX и в начале XX вв. российские законодательные акты были упорядочены и систематизированы. Проводились работы по кодификации законов, создавались новые кодексы материального и процессуального права, существенное развитие получило и антикоррупционное законодательство. Разумеется, покончить с коррупцией в России, ни тогда, ни сейчас, не удалось. Но обращение к трудам дореволюционных русских юристов и государственных деятелей, к законам и законопроектам того времени представляют богатейший материал для современного юриста и историка, тем более, что задачи противодействия коррупции остаются насущными и в наше время.

Литература

Алексеев, 1910 – Алексеев П.А. Уголовная ответственность служащих административного ведомства // Вестник права и нотариата. 1910. № 33.

Волженкин, 1991 – Волженкин Б.В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. // Известия ВУЗов. Правоведение. 1991. № 2. С. 60-68.

Всеподданнейший отчет, 1907 – Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1906 г. СПб., 1907.

Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства: в 5-ти т. СПб. 1900-1901. Т. IV.

Ганелин, 1985 – Ганелин Р.Ш. Битва документов в среде царской бюрократии. 1899-1901 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. С. 214-248.

Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. СПб. 1912. Стб. 1345-1349.

Государственный Совет. Сессия VIII. Комиссия законодательных предположений. Журнал № 1. Заседания 12, 15, 19, и 26 января, 19 февраля и 2 марта 1913 г. Доклад по законопроекту «об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе и о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные неправильными действиями служащих». СПб., 1914. С. 17.

- Дудырев, 2011 – Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII – начале XX в. Екатеринбург. 2011. С. 143-239.
- Заседание Общего собрания Государственного Совета 02.04.1913. Стенографический отчет // Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1912-1913 годы. Сессия восьмая. СПб., 1913. С. 1367-1372.
- Кулишер, 1907 – Кулишер Е.М. Судебное преследование должностных лиц. М., 1907. С.28-29.
- Кони, 1986 – Кони А.Ф. Дмитрий Александрович Ровинский // За последние годы. СПб., 1896.
- Лозина-Лозинский, 1895 – Лозина-Лозинский М.А. Привлечение к ответственности должностных лиц административного ведомства // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 11.
- Манько, 2012 – Манько А.В. Коррупция в России. Особенности национальной болезни. М., 2012.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (ЗПСЗ): в 33-х т. СПб., 1885-1917. Т. 1. № 557.
- Правилова, 2000 – Правилова Е.А. Законность и права личности: Административная юстиция в России (вторая половина XIX в. - октябрь 1917 г.). СПб., 2000. С. 201.
- Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1151. Т. XII. 1898 г. Д. 135-а. Л. 269-269 об.
- РГИА. Ф. 1151. Т. XII. Д. 135-е. Л. 137-473.
- РГИА. Ф. 1149. Т. XIII. Д. 151. Л. 93-ж – 93-и.
- РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 92. Л. 11).
- РГИА. Ф. 1149. Т. XII. 1897. Д. 36. 1897. Д. 36. Л. 2-18.
- РГИА. Ф. 1151. Т. XII. 1898. Д. 36. Л. 91-100 об.
- РГИА. Ф. 1151. Т. XII. 1898. Д. 36. Л. 136-144.
- РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 61.
- РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 925. Л. 1-67 об.
- РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 930. Л. 143-143 об.
- РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 930. Л. 143-143 об.
- РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 927. Л. 1-1 об.
- РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 38. Л. 53.
- РГИА. Ф. 1162. Т. XVI. 1905 г. Д. 23. Л. 390-397.
- Ремнев, 2010 – Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высших государственных учреждений царской России (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010. С. 191-196.
- Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1984-1994. Т. 1.
- СУ – Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. № 61. № 86.
- СУ Р и К Пр – Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 4. Ст. 50.
- Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273 ФЗ «О противодействии коррупции».
- Шавров, 1985 – Шавров А.В. Надзор и дисциплинарная ответственность в судебном ведомстве пореформенной России (1864-1917) // Советское государство и право. 1985. № 12. С. 101.
- Ширяев, 1916 – Ширяев В.Н. Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль. 1916.
- Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1000, 1088, 1097 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: в 55-ти т. Спб., 1830-1884. (ЗПСЗ). Т. 33. № 41476.

References

- Alekseev, 1910 – Alekseev P.A. Criminal liability of administrative authorities employees // Journal of law and notary. 1910. № 33.
- Volzhenkin, 1991 – Volzhenkin B.V. Responsibility for bribery under the Russian criminal legislation of the second half of XIX - early XX century. // Proceedings of the universities. Jurisprudence. 1991. № 2. S. 60-68.
- Humbly report of the Minister of Justice for 1906 SPb., 1907.
- Highest establishment of a commission to review the regulations on the judicial part. The explanatory note to the draft new edition of the Charter of criminal proceedings: A 5-ton St. Petersburg. 1900-1901. Т. IV.
- Ganelin, 1985 – Ganelin R.Sh. Battle of the documents in the royal bureaucracy environment. 1899-1901 // Auxiliary historical disciplines. Т. XVII. Pp. 214-247.
- The State Duma. The third convocation. Verbatim records. 1912 Session Five. Part II. SPb. 1912. STB. 1345-1349.
- State Council. Session VIII. Commission legislative proposals. 1. Meetings Magazine number 12, 15, 19, and 26 January, 19 February and 2 March 1913 Report of the bill "to change the order of the production of cases of criminal acts in the service and for the recovery of compensation for the damage and losses caused by improper actions of officials ". Spb., 1914. 17 p.
- Dudyrev, 2011 – Dudyrev F.F. The codification of the criminal legislation of the Russian Empire in XVIII - the beginning of XX century. Ekaterinburg. 2011. Pp. 143-239.

- Meeting of the General Meeting of the State Council 02.04.1913. Transcript // State Council. Verbatim records. 1912-1913 years. Eighth session. SPb., 1913. Pp. 1367-1372.
- Kulisher, 1907 – Kulisher E.M. Prosecution officials. M. 1907. p.28-29.
- Kony, 1986 – Kony A.F. Dmitry Rovinskii // Over the past few years. SPb., 1896. 261 p.
- Lozina-Lozinsky, 1895 – Lozina-Lozinsky M.A. Accountability of officials of the administrative departments of persons // Journal of the Ministry of Justice. 1895. № 11. S. 53.
- Manko, 2012 – Manko A.V. Corruption in Russia. Features of the national disease. M., 2012.
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Meeting 3rd (3PSZ): In 33 m St. Petersburg, 1885-1917. T. 1. number 557.
- Pravilova, 2000 – E.A. Pravilova. Rule of law and individual rights: Administrative justice in Russia (second half of XIX century - in October 1917.). SPb., 2000.
- The Russian State Historical Archive (RSHA) F. T. 1151. XII. 1898 AD 135-a. L. 269-269 of.
- RSHA. F. T. 1151. XII. D. 135 th. L. 137-473.
- RSHA. F. T. 1149. XIII. D. 151. L. 93-w - 93rd.
- RSHA. F. 1276. Op. 4. D. 92. L. 11).
- RSHA. F. T. 1149. XII. 1897. AD 1897. 36. D. 36. L. 2-18.
- RSHA. F. T. 1151. XII. 1898. 36. J. L. 91-100 vol.
- RSHA. F. T. 1151. XII. 1898. 36. J. L. 136-144.
- RSHA. F. 1544. Op. 1. D. 16. L. 61.
- RSHA. F. 1405. Op. 543. D. 925. L. 1-67 vol.
- RSHA. F. 1405. Op. 543. D. 930. L. 143-143 of.
- RSHA. F. 1405. Op. 543. D. 930. L. 143-143 of.
- RSHA. F. 1405. Op. 543. D. 927. L. 1-1 vol.
- RSHA. F. 1652. Op. 1. D. 38. L. 53.
- RSHA. F. 1162. T. XVI. 1905 D. 23. L. 390-397.
- Remnev, 2010 – Remnev A.V. The autocratic government. The Committee of Ministers in the system of higher state institutions of tsarist Russia (second half of XIX – early XX century). M., 2010. L. 191-196.
- Russian legislation X-XX centuries: At 9 m M., 1984-1994. T. 1.
- Collection of Laws and government regulations (SU). 1917. № 61. № 86.
- Collection of Laws and regulations of working and peasant government (SU P and K Pr). 1917. № 4. Art. 50.
- The Federal Law of the Russian Federation of December 25, 2008 № 273 of the Federal Law "On Combating Corruption".
- Shavrov 1985 – Shavrov A.V. Decree. Op. S. 101.
- Shiryaev 1916 – Shiryaev V.N. Bribery and lihodatelstvo in connection with the general doctrine of malfeasance. Yaroslavl. 1916.
- The criminal proceedings Charter. Art. 1000, 1088, 1097 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Meeting 2nd: In 55 m St. Petersburg, 1830-1884. (2PSZ). 33. T. number 41476.

UDC 343. 1: 94(47).07/08

Антикоррупционное законодательство Российской империи XIX – начала XX веков

Надежда Михайловна Корнева ^{a, *}, Михаил Юрьевич Крапивин ^a,
Юрий Николаевич Макаров ^b, Артур Гередатович Далгатов ^c

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

^b Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^c Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории противодействия коррупции и взяточничеству, как одному из ее видов, в Российской империи. Коррупция – сложное социальное явление, возникающее в процессе социально-экономических, политических и общественных отношений, – стала одной из наиболее актуальных политических и социально-экономических проблем современной России. Коррупционные явления в работе государственного аппарата не только создают серьезные, подчас неразрешимые проблемы для граждан, но и препятствуют нормальному функционированию административных органов и властных структур. Особую роль в деле противодействия коррупции выполняет правовая составляющая, разработка и принятие соответствующих законов. На протяжении многих веков государственная власть неоднократно предпринимала попытки если не

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nadezhdakorneva@mail.ru (Н.М. Корнева), mihailkrapivin61@yandex.ru (М.Ю. Крапивин), yurymakarov61@yandex.ru (Ю.Н. Макаров), dozodgu@mail.ru (А.Г. Далгатов)

ликвидировать, то хотя бы обуздать коррумпированность многочисленного управленческого и административного аппарата. Наибольший интерес в этом отношении представляет имперский период российской истории. На основе неопубликованных материалов Государственного совета, Государственной думы и Министерства юстиции, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, а также опубликованных актов Российского законодательства, стенографических отчетов Государственной думы и Государственного совета, авторы изучают историю развития норм уголовного и гражданского права в Своде законов Российской империи издания 1832 г., Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Судебных уставах 1864 и последующем законодательстве конца XIX – начала XX в., историю разработки соответствующих законов, прослеживают изменение порядка привлечения к ответственности и степени ответственности должностных лиц. В течение XIX и в начале XX вв. российские законодательные акты были упорядочены и систематизированы. Проводились работы по кодификации законов, создавались новые кодексы материального и процессуального права, существенное развитие получило и антикоррупционное законодательство. Обращение к законодательным материалам, к трудам дореволюционных русских юристов и государственных деятелей представляют большой интерес для современного юриста и историка.

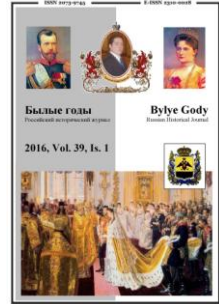
Ключевые слова: взяточничество, взяточник, взятокодатель, должностные преступления, злоупотребление властью, коррупция, уголовная ответственность, гражданская ответственность.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 45-52, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(478)«18»

Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century

Sergey I. Degtyarev ^{a,*}^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

Abstract

The article attempts to highlight the process of attraction of employees from the different provinces of the Russian Empire to the Caucasian state institutions in the early nineteenth century. As an example, we used data about the invitation to the service people from the Slobodsko-Ukrainian province (gubernia).

By implementing the colonization of Caucasus, the government of the Russian Empire created its own administrative institutions in these lands. The local population is rarely to recruit in these structures. The common practice was to attract to the civil service officials from other regions of the Russian Empire in the of Caucasus institutions. Especially from those where there were a large number. One of those regions was Slobodsko-Ukrainian province.

Keywords: Russian Empire, the Caucasus, Slobodsko-Ukrainian province, XIX century, official, civil servant, resettlement.

1. Введение

Многонациональные кавказские территории достаточно долго и тяжело присоединялись к Российской империи. В одних случаях это было добровольное (в той или иной мере) вхождение в состав России, в других – следствие международных политических решений, в результате которых некоторые земли Кавказа становились сферой влияния российского правительства. Частые волнения горских и других народов Кавказа и прилегающих к нему регионов становились препятствием к скорому утверждению там системы управления по так называемому великороссийскому образцу. Полагаться в этом деле только на местные элиты правительство не могло. Наверное, это было бы и неразумно, так как даже при условии лояльного отношения к российской власти, элиты различных местных племен, народностей зачастую сами конфликтовали между собой (как и их менее привилегированные земляки) в силу политических, религиозных и других разногласий.

Некоторые исследователи считают, что «ассиметрия государственного устройства, выражавшаяся в особенностях управления национальными окраинами, в сочетании с эффективной инкорпорацией местных элит в общероссийскую, в течение долгого времени поддерживала целостность Российской многонациональной империи» (Институт). По нашему мнению, эта точка зрения не полностью отображает ситуацию, связанную с инкорпорацией кавказских территорий в Российскую империю. Безусловно, в этом процессе чрезвычайно важным элементом была политика имперского правительства, направленная на внедрение не кавказского населения в общественную структуру данного региона путем привлечения чиновников, ремесленников, колонизации степных районов с переселением туда казаков, крестьян и др. (ГАХО, 1802a; ГАХО, 1802b; ГАХО, 1803; ГАХО, 1805a; ГАХО, 1805b; ГАХО, 1807; ГАХО, 1813; ГАХО, 1814).

Поэтому для установления эффективного контроля над кавказскими территориями и народами привлекалось значительное количество переселенцев – выходцев из так называемых внутренних

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo@bigmir.net (S.I. Degtyarev)

губерний: чиновников, военнотружущих, крестьян, мастеровых людей. Кто-то из попавших на Кавказ через некоторое время возвращался в родные края, столкнувшись с тяготами неспокойной жизни, неурожаеми и т.п. Но очень многие оставались. Переселение на Кавказ из других регионов империи продолжалось многие десятилетия, начиная со второй половины XVIII в.

2. Материалы и методы

В предлагаемой статье мы остановимся на тех переселенцах из северо-восточных украинских территорий, которые связали себя на Кавказе с государственной службой. Некоторые из них со временем покидали кавказские земли (чаще это было связано со сменой места службы), но многие, особенно мелкие служащие, оставались. Хронологически работа охватывает первые два десятилетия XIX в.

При написании данной работы нами были использованы работы исследователей XIX–XX вв., а также ряда современных авторов. Источниковой основой стали опубликованные нормативные акты исследуемого периода, а также архивные материалы из Государственного архива Харьковской области, иллюстрирующие особенности политики правительства Российской империи на Кавказе в начале XIX в., связанные с обеспечением создаваемых там административных учреждений чиновническими кадрами.

Работая над предлагаемым исследованием, мы использовали принципы историзма, объективности и исторического антропологизма. Принцип историзма предполагает учет конкретно-исторических обстоятельств соответствующей эпохи, взаимосвязь и взаимообусловленность событий, понимание причин, времени, места события. В нашем случае этот принцип проявился, например, в попытках раскрыть причины использования на государственной службе в административных учреждениях Кавказа выходцев из других регионов Российской империи. При этом учитывались реалии, в которых в начале XIX в. пребывали кавказские земли – период их реформирования в административную составляющую Российской империи. Принцип объективности предусматривает рассмотрение развития исторического процесса с учетом объективных закономерностей, которые определяли процессы государственного и общественно-политического развития данного исторического этапа; оперирование реальными фактами, не подтасовывая их под удобную схему; изучение каждого явления в совокупности как позитивных, так и негативных сторон. Поэтому нами учитывались и политика российского правительства по отношению к присоединенным кавказским территориям, и внутренние общественные процессы, которые протекали на самом Кавказе. Использование принципа исторического антропологизма (антропоцентризма) позволило нам акцентуализировать гуманистическую суть предлагаемого исследования. Данный принцип стал одним из ключевых, поскольку центральным ориентиром статьи является человек (точнее общность людей, объединенных по определенным профессиональным признакам). Именно человек выступает носителем конкретных ценностей, традиций и т.п.

3. Обсуждение

Историю Кавказа периода покорения его Российской империей изучали многие исследователи еще с XIX в. Прежде всего это работы З. Авалова, А. Цагарели, И. Дебу, Н. Дубровина, Потто, З. Блиевой, Ф. Казамзадега, Р. Гичибековой и ряда других авторов. Почти все они так или иначе касались вопросов, связанных с демографическими изменениями и миграционными процессами в крае. Исследуя систему имперского администрирования на Кавказе, ученые затрагивали, хотя и достаточно поверхностно, также проблему чиновничества (Авалов, 1901; Блиева, 1992; Дубровин, 1897; Казамзадег, 2010; Каппелер, 2005; Павловский, 1904; Потто, 1901; Потто, 1902; Цагарели, 1891; Gichibekova, 2015). Западные ученые конца XX – начала XXI вв. также уделяли внимание обозначенной проблеме. В частности различными аспектами истории Кавказа, в том числе его покорению Российской империей, занимались М. Ходарковский, А. Беннигсен, М. Гаммер и др. (Bennigsen, 1974; Gammer, 1994; Khodarkovsky, 2008; Khodarkovsky, 2015).

4. Результаты

Осуществляя колонизацию Кавказа, устанавливая здесь свою власть, правительство Российской империи создавало на этих землях свои управленческие органы. Местное население крайне редко привлекалось на службу в такие структуры по целому ряду причин: языковая проблема (мало кто из местных кандидатов на должности владел русским языком); отсутствие профессиональной подготовки для государственной службы; нежелание властей принимать на службу возможный нелояльный к имперской политике в регионе элемент и др. Поэтому распространенной была практика откомандирования или приглашения на государственную службу в учреждениях Кавказского края чиновников из других регионов Российской империи, особенно из тех, где ощущался их если не избыток, то хотя бы довольно значительное количество.

По мнению исследователя истории российской колонизации Кавказа Потто, постоянные народные волнения в этом регионе, большое расстояние к нему были основными причинами, по которым мало находилось желающих служить там. Поэтому на Кавказе служили в основном те, кто не

смог реализовать себя в так называемой «внутренней России», то есть люди не всегда профессиональные и высокой нравственности (Потто, 1902: 340-341).

С этим тезисом мы можем согласиться лишь частично. Расстояние и беспокойная обстановка на Кавказе, конечно, отпугивала многих от идеи строить карьеру в этом регионе. Но было достаточно большое количество людей, - как начинающих свой служебный путь, так и имеющих определенный профессиональный опыт, - готовых служить там. Не последнюю роль здесь играли и государственные стимулы по отношению к этим лицам (об этом речь пойдет ниже). По поводу же людей, которые не смогли реализовать себя на службе во «внутренних губерниях», имели низкий профессиональный и нравственный уровни, то, следует отметить, что таких было значительное количество абсолютно во всех регионах Российской империи и нельзя утверждать, что именно Кавказский край «притягивал» такой элемент (хотя, естественно, были и такие).

Одним из регионов, активно поставлявших служащих для кавказских административных и других учреждений, были так называемые слободские и малороссийские губернии (сейчас территория Северо-Восточной Украины) – Полтавская, Черниговская, Слободско-Украинская (позднее – Харьковская). Это территории, которые сравнительно недавно были инкорпорированы в состав Российской империи. Здесь был высокий – один из наиболее высоких в Европе – процент представителей привилегированных слоев населения (получившие статус российских дворян или претендовавшие на него), которые были более желанны на государственной службе. Последний фактор был очень важен. Например, в Манифесте 1801 г. грузинской аристократии были обещаны права российского дворянства. Реально этот процесс затянулся. Если княжеские роды Грузии были сразу признаны дворянами, то остальная знать была довольно многочисленной – примерно 5 % населения. Поэтому имперское правительство затягивало процесс нобилитации, который длился свыше двух десятилетий (Капеллер, 2005: 136). Вероятно, это примерно тот период, который понадобился для относительно полной ассимиляции местных элит. А на государственную службу здесь в это время массово привлекались выходцы из внутренних губерний империи, в том числе из Левобережной и Слободской Украины.

Многие представители украинского рядового казачества также имели право вступать на государственную службу на канцелярские должности. Здесь даже у мелких служащих был относительно высокий образовательный уровень (это объясняется большим количеством всеобщих учебных заведений на украинских землях), что также делало их привлекательными кандидатами на канцелярские, писарьские или даже секретарские должности. Таким образом, в указанных губерниях был большой человеческий потенциал, который мог быть использован государством для заполнения различных должностей, особенно низших, в учреждениях Кавказа. Тем более эти люди сами желали попасть на такую службу, поскольку это позволяло им подтвердить свой привилегированный статус или претендовать на него путем выслуг и служебных поощрений. Кроме того, за согласие служить в Кавказском крае они могли стимулироваться дополнительным жалованьем, сокращенными сроками выслуги чина (по Табели о рангах) и т.п. (ПСЗ).

Так, в 1801–1802 гг. главнокомандующий на Кавказе К.Ф. Кнорринг приложил все усилия чтобы удалить царевича Давида от управления в Грузии. В Грузии было учреждено Верховное Грузинское правительство, куда были назначены и представители местной элиты: князья мдиванбеги З. Баратов, И. Туманов, И. Челокаев, С. Туманов, тифлисский обер-полицмейстер мелик Д. Бебутов. Этот орган рассматривал дела, по которым в прежние времена обращались к царю. Уголовные же дела рассматривались у главнокомандующего на Кавказе (Дубровин, 1897: 224-225). Но оставался огромный круг вопросов, решение которых возлагалось на чиновников низшего и среднего звена. Все учреждения нуждались в значительном количестве таких служащих. Их приглашали из других регионов империи. В начале 1802 г. назначенный правителем Грузии действительный статский советник П.И. Ковалевский (1766–1827) (в служебной переписке он также фигурирует как Коваленский или Ковалинский) еще находился в Слободско-Украинской губернии. Готовясь к отъезду на новое место службы, он занимался в том числе и «вербовкой» служащих для учреждений «Грузинского правительства» (ГАХО, 1802а). Будучи сам выходцем из Харькова, Петр Иванович Ковалевский пытался окружить себя на новом месте по возможности большим количеством земляков. В связи с этим он обратился с просьбой о содействии в наборе лиц, желающих продолжить службу в Верховном Грузинском правительстве, к Слободско-Украинскому гражданскому губернатору Г.К. Зильбергарнишу. Последний распорядился во всех учреждениях вверенной ему губернии объявить об открытых в Верховном Грузинском правительстве вакансиях. В течение второй половины января – начала февраля 1802 г. желание занять в Грузии канцелярские должности изъявили несколько десятков человек. Сначала это были 26 служащих харьковских губернского правления, гражданской судебной и казенной палат, уездного и земского судов: коллежские регистраторы Лукьян Пашков, Максим Пашков, Иван Романов, Петр Синков, Иван Лашков, Игнат Юносов, Иван Перекрестов, Федор Корнеенков, Яков Гаркавенков, Николай Краснокутский; губернские регистраторы Иван Строев, Висарион Плетенский, Дмитрий Островерхий, Григорий Вдовика, Иван Гуляев, Алексей Сорокин, Тимофей Жадько-Андреев, Степан Поддубный, Дмитрий Барабашев, Иван Гриненко, Андрей Изюмский, Иван Средольский, Павел Филонов, Николай

Александров, Иван Иванов; провинциальный регистратор в должности переплетчика Григорий Кушич (ГАХО, 1802а: 1-106). Позже к ним присоединились и другие.

Всех желающих отправиться на Кавказ нужно было «надлежащим образом уволить» со старых мест службы, снабдив при этом необходимыми документами: формулярными списками и специальными разрешениями на проезд к новым местам службы. Соответствующие распоряжения Слободско-Украинского губернатора были разосланы во все учреждения губернии. Например, 15 января 1802 г. такой документ был направлен Слободско-Украинскому губернскому правлению, где говорилось (приводим текст полностью), что «Правитель Грузии господин действительный статский советник Ковалинский доставил ко мне список о объявивших желание определиться в Верховное Грузинское правительство канцелярских служителях, служащих во оном правлении коллежских регистраторах Иване Романове, Петре Синкове, губернских регистраторах Иване Строеве, Висарионе Плетенском, Дмитрие Островерхом, Григории Вдовике, Иване Агееве, Ефиме Турченинове и Федоре Глабчастом и провинциальном регистраторе в должности переплетчика Григории Кушиче да Харьковского уездного и нижнего земского судов коллежском регистраторе Иване Лашкове, губернских регистраторах Николае Александрове, Иване Иванове и канцеляристе Вытасовиче, почему губернскому правлению предлагаю означенных канцелярских служителей буде нет никаких законопрепятствующих причин ко увольнению их от настоящих должностей и действительно имеют они желание быть уволенными для определения в Грузию от исправляемых ими должностей немедленно уволнить и по удовольствовании их заслуженным жалованьем и надлежащими аттестатами велеть явиться у меня для препровождения их к господину правителю Грузии» (ГАХО, 1802а: 3).

Все пожелавшие служить в Грузинском правительстве направлялись на Кавказ вместе. Их сопровождал специально назначенный для этого чиновник (в данном случае это был некий корнет Шедокирский). Местным властям населенных пунктов, которые находились по пути следования указанных чиновников, вменялось в обязанность содействовать проходу их к новому месту службы (отводить необходимое количество квартир для ночлегов, снабжать провиантом, сменять лошадей и т.п.).

В первые годы XIX в. целый ряд кавказских территорий был присоединен к Российской империи – Мингрелия, Имеретия, Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства (Потто, 1901: 217-222). Компетенция имперской администрации распространяла свое действие и на эти земли. Здесь создавались новые административные органы с представительством в них российских чиновников. В 1802 г. из Астраханской губернии была выделена Кавказская губерния (упраздненная еще в 1790 г., но теперь снова восстановленная) в составе пяти уездов, что автоматически приводило к увеличению государственных учреждений в регионе и разрастанию здесь бюрократического аппарата. Чиновники продолжали привлекаться из внутренних губерний Российской империи.

В 1805 г. руководство Кавказского края все еще нуждалось в кадрах для заполнения низших должностей в местных учреждениях. Так, 27 февраля Кавказский гражданский губернатор Х. Гильденшольд в своем обращении к Слободско-Украинскому гражданскому губернатору И. Бахтину указывал, что существует проблема в заполнении не только губернских, но и уездных присутственных мест «приказными служителями и классными чинами». Далее он изъяснял просьбу к своему коллеге: «...покорнейше прошу по избыточеству таковых во вверенной вашему Превосходительству губернии, не оставить чрез кого следует учинить вызов таковых [служащих – авт.] и буде охотники оказаться могут снабдить на свободный им в Кавказскую губернию в губернский город Георгиевск проезд следующими письменными видами, уверив их притом, что они по заслугам и достоинствам получить следующую награду будут до выслужения еще положенного термина» (ГАХО, 1805b: 1-106).

Уже через месяц И. Бахтин распорядился собрать информацию о лицах, желающих продолжить свою службу в Кавказской губернии (и раньше срока получить следующие чины по Табели о рангах). К сожалению, нами не было выявлено точное количество таких служащих, но можем предположить, что их было достаточно много. Сохранилось прошение служащего при делах Лебединского городничего (Слободско-Украинской губернии) губернского регистратора Ивана Березова на имя губернатора И. Бахтина. Этот чиновник в документе указывал, что желающих служить в Кавказской губернии «ныне при делах Лебединского городничего находится приказных служителей довольно число» (ГАХО, 1805b: 4-406).

Еще долгое время учреждения Кавказского края продолжали испытывать нужду в относительно большом количестве канцеляристов, писарей, столоначальников, архивариусов и т.п. Каждый из них должен был уметь правильно составлять и переписывать документы. Конечно, была нужда и в чиновниках более высокого уровня. Так, в апреле 1818 г. наместник Кавказа генерал А. Ермолов обращался к Малороссийскому генерал-губернатору князю Репнину с просьбой посодействовать в приглашении чиновников на службу в Грузию. В частности, по словам наместника, особенная нужда была в служащих по финансовому ведомству: губернский казначей, бухгалтер, столоначальник (5–6 человек). Всем согласившимся обещалась перспектива карьерного роста, жалование (серебром) и возможность получения «других отличных награждений». Внимание акцентировалось на большом дефиците образованных чиновников в Грузии. Князь Репнин пошел

навстречу пожеланиям А. Ермолова. Желаящих служить в Грузии вызвалось 23 человека (Павловский, 1904: 58-60). Позже А. Ермолов ходатайствовал к министру юстиции Д.И. Лобанову-Ростовскому о разрешении уволенным из духовных учебных заведений ученикам, изъявившим желание служить в Грузии, выдавать дополнительные деньги (сверх проездных). Принимать их должны были на различные канцелярские должности. На основании этого ходатайства был издан соответствующий сенатский указ от 1 марта 1820 г.

Со временем проблему наполняемости чиновниками вакантных должностей на Кавказе, хотя и частично, удалось решить с помощью преобразований здесь в сфере народного просвещения. Еще с начала XIX в. здесь создавались учебные заведения, где молодежь обучалась по программам, принятым для всей Российской империи. Многие выпускники этих заведений уже имели определенные навыки для начала службы в государственных учреждениях. Например, в июле 1837 г. Ставропольское уездное училище было преобразовано в гимназию. Теперь в этом заведении вводилось преподавание законовещения и судопроизводства, татарского и армянского языков. А успешно окончившие гимназию ученики получали право вступления на государственную службу сразу с чином XIV класса (Генерал, 1859: 155). Функционировали учебные заведения и в других районах Кавказа. Везде преподавание велось сообразно интересам российского самодержавия. Целью было воспитание чиновника или гражданина, обязанного посвятить себя служению российскому правительству.

5. Заключение

В начале XIX в. присоединение кавказских территорий к Российской империи еще продолжалось. Регионы уже включенные в ее состав, обустроивались по общеимперскому образцу (в начале с некоторыми исключениями). В создаваемые здесь государственные учреждения представители местных элит привлекались не массово и, как правило, не на самые высокие должности. Их положение было номинально высоким, но реальной властью обладали высшие администраторы, которые назначались на Кавказ из внутренних губерний империи. Надлежащее функционирование новоучрежденных органов власти и управления обеспечивалось большим количеством чиновников низшего и среднего уровней, среди которых также было очень мало представителей местного населения. Именно эти служащие формировали бюрократическую прослойку общества на Кавказе в начале XIX в. – служебную элиту по большей части не кавказского происхождения. И она на долгое время стала своеобразной альтернативой местной национальной элите, нобилитация которой по общероссийским правилам завершилась лишь к концу 1820-х годов. На Кавказ приглашались лица, желавшие начать или продолжить свою карьеру на государственной службе, из различных регионов Российской империи. Им предлагались льготные условия службы: дополнительные выплаты, более быстрая выслуга классов чинов и др. Много желающих служить на Кавказе были выходцами из северо-восточных украинских территорий, в частности из Слободско-Украинской губернии. Наличие сравнительно большого количества таких лиц именно из этого региона можно объяснить в том числе их желанием сделать карьеру максимально быстро. В первые годы XIX в. нобилитация мелких элит Левобережной Украины (бывших Гетманщины и Слободжанщины) еще не была завершена. За многими из них не признавались права российского дворянства, но при этом они имели право поступать на государственную службу. Именно в таких регионах, как Кавказ или земли, отошедшие к России вследствие разделов Речи Посполитой в конце XVIII в., претенденты на привилегированный социальный статус могли его выслужить (получив чины или ордена). К тому же эти люди, как правило, имели необходимое образование для службы на должностях канцелярских служащих, столоначальников, секретарей и т.п.

Литература

Авалов, 1901 - *Авалов З.* Присоединение Грузии к России. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1901. 305+IV с.

Блиева, 1992 - *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в.; Учебное пособие. Владикавказ: Издательство СОГУ, 1992. 108 с.

ГАХО, 1802а - Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО), ф. 3, оп. 7, д. 211. Документы (списки, рапорты, отношения) о чиновниках Харьковской губернии, поступивших на службу в Верховное Грузинское правительство. 1802 г. 19 л.

ГАХО, 1802b - ГАХО, ф.3, оп.7, д.246. Документы (рапорты, предложения, прошения) о добровольном переселении однодворцев и войсковых обывателей губернии в Новороссийскую, Астраханскую губернии и на Кавказскую линию. 1802 г. 25 л.

ГАХО, 1803 - ГАХО, ф.3, оп.9, д.126. Документы (список, рапорт) о выдаче разрешения Черноморским казакам (бывшим запорожским) и их семьям на проживание в пожалованных Черноморскому войску землях. 1803 г. 4 л.

ГАХО, 1805а - ГАХО, ф.3, оп.11, д.291. По отношению Кавказского губернатора о вызове мастеровых людей, желающих для жительства в тамошнюю губернию. 1805 г. 4 л.

ГАХО, 1805b - ГАХО, ф. 3, оп. 11, д. 343. По отношению Кавказского губернатора о вызове канцелярских служащих. 1805 г. 4 л.

- ГАХО, 1807 - ГАХО, ф.3, оп.13, д.98. О водворении в Кавказском крае переселяющихся из внутренних губерний казенных поселян. 1807 г. 7 л.
- ГАХО, 1813 - ГАХО, ф.3, оп.21, д.231. О переселяющихся в Кавказскую область. 1813 г. 145 л.
- ГАХО, 1814 - ГАХО, ф.3, оп.22, д.4. О переселяющихся в Кавказскую область. 1814 г. 15 л.
- Генерал, 1859 - Генерал от инфантерии Евгений Александрович Головин // Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе / Под ред. С. Новоселова. Вып. 37-47. Жизнеописание генерала от инфантерии Евгения Александровича Головина. СПб.: В типографии Якова Трея, 1859. 178 с.
- Дебу, 1829 - *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. СПб.: В Типографии Карла Крайя, 1829. XVI+(XXXIV)+464 с.
- Дубровин, 1897 - *Дубровин Н.* Георгий XII последний царь Грузии и присоединение ее к России. Изд. 2-е. СПб.: Типография Д.В. Чичинадзе, 1897. 254 с.
- Институт - Институт наместничества на Кавказе: История развития новой властной структуры. Режим доступа: http://chechenasso.ru/?page_id=2167
- Казамзадег, 2010 - *Казамзадег Ф.* Російське проникнення на Кавказ // Російський централізм / Пер. з англ. Тараса Цимбала. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2010. С. 219-240.
- Капеллер, 2005 - *Капеллер А.* Росія як поліетнічна імперія. Виникнення. Історія. Розпад. Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2005. XII+360 с.
- ПСЗ - О выдаче третнего жалованья не в зачет определяющимся в Грузию чиновникам // ПСЗ-1. Т. XXVI. №20067.
- Павловский, 1904 - *Павловский И.Ф.* О приглашении на службу в Грузию чиновников из Малороссии // Киевская старина. 1904. №5 (май). С. 58-60.
- Потто, 1901 - *Потто.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Том I. Тифлис: Типография Я.И. Лебермана, 1901. 308+X с.
- Потто, 1902 - *Потто.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Том II. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1902. 527+XV с.
- Цагарели, 1891 - *Цагарели А.А.* Сношения России с Кавказом в XVI-XVIII столетиях. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1891. 51 с.
- Bennigsen, 1974 - *Bennigsen A.* Peter the Great, the Ottoman Empire, and the Caucasus // Canadian-American Slavic Studies, Vol. 8, Is. 2, 1974, Pp. 311-318.
- Gammer, 1994 - *Gammer M.* The Beginnings of the Naqshbandiyya in Dāghestān and the Russian Conquest of the Caucasus // Die Welt des Islams, Vol. 34, Is. 2, 1994, Pp. 204-217.
- Gichibekova, 2015 - *Gichibekova R.M.* "Flexible Means" Employed by the Autocracy in Respect of the People's Liberation Struggle of the Peoples of the Caucasus in the 1st Half of the 19th Century // History and Historians in the Context of the Time, 2015, Vol. (14), Is. 1. P. 16-23.
- Khodarkovsky, 2008 - *Khodarkovsky M.* The indigenous elites and the construction of ethnic identities in the North Caucasus // Russian History. Vol. 35, Is. 1-2, 2008, Pp. 129-138.
- Khodarkovsky, 2015 - *Khodarkovsky M.* The Great Game in the North Caucasus // Canadian-American Slavic Studies, Vol. 49, Is. 2-3, 2015, Pp. 384-390.

References

- Avalov, Z. (1901) *Prisoedinenie Gruzii k Rossii* [Connecting of Georgia to Russia]. SPb.: Printing of A.S. Suvorin [In Russian].
- Blieva, Z.M. (1992) *Sistema upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v.; Uchebnoe posobie* [The control system in the North Caucasus at the end of XVIII - the first half of the XIX century; Textbook]. Vladikavkaz: Publishing North Ossetian State University [In Russian].
- GAKhO (1802a) *Gosudarstvennyy arkhiv Khar'kovskoy oblasti* [State Archives of Kharkiv region]. Fund 3. Inventory 7. File 211. *Dokumenty (spiski, raporty, otnosheniya) o chinovnikakh Khar'kovskoy gubernii, postupivshikh na sluzhbu v Verkhovnoe Gruzinskoe pravitel'stvo* [The documents (lists, reports, attitude) about officials Kharkov province, who enlisted in the Supreme High Georgian government] [In Russian].
- GAKhO (1802b) *Gosudarstvennyy arkhiv Khar'kovskoy oblasti* [State Archives of Kharkiv region]. Fund 3. Inventory 7. File 246. *Dokumenty (raporty, predlozheniya, prosheniya) o dobrovol'nom pereselenii odnodvortsev i voyskovykh obyvateley gubernii v Novorossiyskuyu, Astrakhanskuyu gubernii i na Kavkazskuyu liniyu* [Documents (reports, proposals, petitions) about voluntary resettlement of smallholders and military inhabitants in the Novorossiysk and Astrakhan provinces and in the Caucasian line] [In Russian].
- GAKhO (1803) *Gosudarstvennyy arkhiv Khar'kovskoy oblasti* [State Archives of Kharkiv region]. Fund 3. Inventory 9. File 126. *Dokumenty (spisok, raport) o vydache razresheniya Chernomorskim kazakam (byvshim zaporozhskim) i ikh sem'yam na prozhivanie v pozhalovannykh Chernomorskomu voysku zemlyakh* [Documents (list report) for a permit the Black Sea Cossacks (from Zaporozhye) and their families to live in the lands granted by Black Sea troops] [In Russian].

GAKhO (1805a) *Gosudarstvennyy arkhiv Khar'kovskoy oblasti* [State Archives of Kharkiv region]. Fund 3. Inventory 11. File 291. *Po otnosheniyu Kavkazskogo gubernatora o vyzove masterovykh lyudey, zhelayushchikh dlya zhitel'stva v tamoshnyuyu guberniyu* [At the request of the Governor of the Caucasus about the call workmen wanting to live in there the province] [In Russian].

GAKhO (1805b) *Gosudarstvennyy arkhiv Khar'kovskoy oblasti* [State Archives of Kharkiv region]. Fund 3. Inventory 11. File 343. *Po otnosheniyu Kavkazskogo gubernatora o vyzove kantselyarskikh sluzhiteley* [In relation of Caucasian Governor about the call office ministers] [In Russian].

GAKhO (1807) *Gosudarstvennyy arkhiv Khar'kovskoy oblasti* [State Archives of Kharkiv region]. Fund 3. Inventory 13. File 98. *O vodvorenii v Kavkazskom krae pereselyayushchikhsya iz vnutrennikh guberniy kazennykh poselyan* [About the Establishment in the Caucasus region settlers from the interior provinces] [In Russian].

GAKhO (1813) *Gosudarstvennyy arkhiv Khar'kovskoy oblasti* [State Archives of Kharkiv region]. Fund 3. Inventory 21. File 231. *O pereselyayushchikhsya v Kavkazskuyu oblast'* [About moving to the Caucasus region] [In Russian].

GAKhO (1814) *Gosudarstvennyy arkhiv Khar'kovskoy oblasti* [State Archives of Kharkiv region]. Fund 3. Inventory 22. File 4. *O pereselyayushchikhsya v Kavkazskuyu oblast'* [About moving to the Caucasus region] [In Russian].

General ot infanterii Evgeniy Aleksandrovich Golovin [General of Infantry Eugene Golovin]. *Kavkaztsy ili podvigi i zhizn' zamechatel'nykh lits, deystvovavshikh na Kavkaze / Pod red. S. Novoselova. Vyp. 37-47. Zhizneopisanie generala ot infanterii Evgeniya Aleksandrovicha Golovina* [Caucasians or exploits and life of remarkable persons acting in the Caucasus / Ed. S. Novoselov. Vol. 37-47. Biography of General of Infantry Eugene A. Golovin]. St. Petersburg: The printing of Jacob Trey [In Russian].

Debu, I. (1829) *O Kavkazskoy linii i prisoedinenom k ney Chernomorskom voyske, ili obshchie zamechaniya o poselennykh polkakh, ograzhdayushchikh Kavkazskuyu liniyu, i o sosedstvennykh gorskikh narodakh. S 1816 po 1826 god* [About the Caucasian line and acceding to it the army of the Black Sea, or general comments about settlements regiments, protecting the Caucasian line and the neighboring mountain peoples. From 1816 to 1826]. St. Petersburg: The Charles Krai Printing [In Russian].

Dubrovin, N. (1897) *Georgiy XII posledniy tsar' Gruzii i prisoedinenie ee k Rossii* [Georgiy XII the last king of Georgia and its annexation to Russia]. Ed. 2nd. St. Petersburg: Typography of D.V. Chichinadze [In Russian].

Institut namestnichestva na Kavkaze: Istoriya razvitiya novoy vlastnoy struktury [Institute of governorship in the Caucasus: History of the development of a new power structure]. URL: http://chechenasso.ru/?page_id=2167 [In Russian].

Kazamzadeg, F. (2010) *Rosiys'ke pronyknennya na Kavkaz* [Russian penetration of the Caucasus]. *Rosiys'kiy tsentralizm* [Russian centralism] / Translated from English. Taras Tsymbal. Kyiv: Publishing house "Kyiv-Mohyla Academy" [In Ukrainian].

Kappeler, A. (2005) *Rosiya yak polietnichna imperiya. Vynyknennya. Istoriya. Rozpad* [Russia as Multi-Ethnic Empire. Origin. History. Disintegration]. Lviv, Ukrainian Catholic University [In Ukrainian].

O vydache tret'nogo zhalovan'ya ne v zacet opredelyayushchimsya v Gruziiu chinovnikam [On the issue of salaries to officials entered the service in Georgia]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Vol. XXVI. №20067 [In Russian].

Pavlovsky, I.F. (1904) *O priglashenii na sluzhbu v Gruziiu chinovnikov iz Malorossii* [About the invitation of officials from the Ukraine to serve in Georgia]. *Kievskaya starina*. 5 [In Russian].

Potto (1901) *Utverzhenie russkogo vladychestva na Kavkaze* [Adoption of Russian rule in the Caucasus]. Vol. I. Tiflis: Printing of Ya.I. Leberman [In Russian].

Potto (1902) *Utverzhenie russkogo vladychestva na Kavkaze* [Adoption of Russian rule in the Caucasus]. Vol. II. Tiflis: Printing of Staff of the Caucasian Military District [In Russian]

Tsagareli, A.A. (1891) *Snosheniya Rossii s Kavkazom v XVI-XVIII stoletiyakh* [Russia's relations with the Caucasus in XVI-XVIII centuries]. St. Petersburg: Typography of B. Kirschbaum [In Russian].

Bennigsen, A. (1974) Peter the Great, the Ottoman Empire, and the Caucasus // *Canadian-American Slavic Studies*, Vol. 8, Is. 2 [In English].

Gammer, M. (1994) The Beginnings of the Naqshbandiyya in Dāghestān and the Russian Conquest of the Caucasus // *Die Welt des Islams*, Vol. 34, Is. 2 [In English].

Gichibekova, R.M. (2015) "Flexible Means" Employed by the Autocracy in Respect of the People's Liberation Struggle of the Peoples of the Caucasus in the 1st Half of the 19th Century // *History and Historians in the Context of the Time*, Vol. (14), Is. 1 [In Russian].

Khodarkovsky, M. (2008) The indigenous elites and the construction of ethnic identities in the North Caucasus // *Russian History*. Vol. 35, Is. 1-2 [In English].

Khodarkovsky, M. (2015) The Great Game in the North Caucasus // *Canadian-American Slavic Studies*, Vol. 49, Is. 2-3 [In English].

УДК 94(478)«18»

Государственные служащие из северо-восточных украинских земель на Северном Кавказе в начале XIX в.

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, *}

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

Аннотация. В статье сделана попытка осветить процесс привлечения в государственные учреждения Кавказа служащих из других губерний Российской империи в начале XIX века. В качестве примера использованы данные о приглашении на службу выходцев из Слободско-Украинской губернии.

Осуществляя колонизацию Кавказа, правительство Российской империи создавало на этих землях свои управленческие органы. Местное население крайне редко привлекалось на службу в такие структуры. Распространенной была практика привлечения на государственную службу в учреждениях Кавказа чиновников из других регионов Российской империи. Особенно из тех, где их было большое количество. Одним из таких регионов и была Слободско-Украинская губерния.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, Слободско-Украинская губерния, XIX век, чиновник, государственный служащий, переселение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo@bigmir.net (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 39, Is. 1, pp. 53-66, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years

Aleksandr A. Cherkasov^{a,*}, Vladimir G. Ivantsov^b, Mikhail Shmigel^c, Violetta S. Molchanova^a

^a laboratory of world civilizations, International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

^b Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^c Matej Bel University, Slovak Republic

Abstract

The article first discusses the historiography of the social class structure of the population of Abkhazia. The highlanders of Abkhazia resided in the area between the mouth of the Bzyb river to the river Ingur. In the first half of the XIX century there lived the Abkhazians, tsebelintsy and samurzakanians inhabitants. The data on the population of the territory at a specified time are extremely contradictory, while a class population is almost not reflected.

The authors have selected as sources of statistical materials of 1800-1860-ies, including those published in the modern period. As a result of comparison of different sources there were calculated in the proportion of the population by social classes, namely the share of princes, nobles, free citizens, dependent inhabitants, slaves (separately for coastal and mountain societies). In addition to this there were involved the sources of personal origin – diaries, and memoirs of travelers living among the Abkhazians, as well as scientific literature.

The authors used the methods of demographic statistics for reconstruction of the population of Abkhazia seeing the presence of incomplete data, for example in determining the number of privileged castes of Abkhazia (Sukhumi area), as well as for the analysis of socio-demographic relations in determining the population of coastal and mountain Abkhazians.

At the conclusion of the study, the authors provided the obtained statistical information about the total population, population by class and by gender.

Keywords: the highlanders of Black Sea region, the Abkhaz, tsebelintsy, samurzakanians, demography, princes, nobles, the free inhabitants, dependent residents, slaves.

1. Введение

История малых народов в постсоветский период привлекает большое внимание не только специалистов, но и широкий круг общественности. В особенности этот интерес возрастает, когда история народа насчитывает 1 тысячу и более лет. На территории Северо-Западного Кавказа одним из таких народов являются абхазцы. Исследование касается абхазцев, цебельдинцев и самурзаканцев абазинского племени в изучаемый период. В статье ставится задача, опираясь на имеющиеся источники, прояснить вопрос о численности этих народов, их сословной структуре, а также гендерному составу.

* Corresponding author

E-mail addresses: sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), V-ivancov@rambler.ru (V.G. Ivantsov), michal.smigel@umb.sk (M. Shmigel), v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для проведения исследования стали статистические материалы 1800–1860-х гг. по горцам Абхазии (включая Цибельду и Самурзакань). Помимо этого были привлечены отдельные материалы мемуарных произведений и дневниковых записей путешественников и научных трудов.

2.2. При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Использованы методы демографической статистики для реконструкции численности и состава населения, в связи с наличием неполных данных о них. Учет демографических закономерностей и социально-демографических связей явился важным для определения сословной численности населения Абхазии, а также для прибрежных черкесов. Что касается феодальной структуры горских обществ в первой половине XIX века, то необходимо отметить следующее. После переворота 1785–1791 гг., носившего у черкесов характер гражданской войны, князья и дворяне аристократической Абхазии напрягали все усилия ради сохранения своей власти и недопущения черкесского сценария (Cherkasov et al., 2014).

3. Обсуждение

Основными источниками исследования явились: «Сборник статистических сведений о Кавказе» (Сборник статистических..., 1869), сборник документальных материалов «Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874).» (Материалы..., 2012), «Документы по истории Грузии» (Документы..., 1954), а также «Акты Кавказской археографической комиссии» (АКАК).

Как известно на территории причерноморских народов сбор статистической информации в исследуемый период не осуществлялся, поэтому нами были привлечены дневниковые записи и мемуарные произведения проживавших среди горцев путешественников, содержащие интересные нас сведения. Важное значение имеют труды С.М. Броневского (Броневский, 1823), Дж. Белла (Белл, 2007), Р.А. Фадеева (Фадеев, 2010), А.П. Берже (Берже, 1858). Среди использованных научных исследований следует отметить работу Д. Зубарева (Зубарев, 1842).

Имеющиеся статистические материалы по демографии Абхазии противоречивы. Это объясняется в первую очередь тем, что полноценных переписей населения не проводилось, а сведения по запросу русских властей представляли сами горцы. При этом на эти оценки сильно влияли слухи. Так, если распространялся слух о предстоящем обложении податями местного населения, то горцы занижали свою численность и наоборот, если речь шла о наделении земель. При замкнутости жизни, не допускающей гостя далее кунацкой, стоящей особняком в поле, нельзя было проверить горских показаний. Аналогично дело обстояло и с определением численности зависимых сословий. С этими трудностями учета, например, столкнулся генерал Р.А. Фадеев, который совершил в 1864 году инспекцию в Закубанский край (Фадеев, 2010: 396).

4. Результаты

4.1. Сведения об общей численности населения Абхазия

Территория Абхазии в 1860-е гг. делилась на 4 округа: Пуцундский, Драндский (они составляли так называемую внутреннюю Абхазию), а также Цибельдинский и Окумский (он же Самурзакань). На протяжении конца XVIII – середины XIX вв. данные территории были аристократическими и управлялись князьями.

О численности населения Абхазии есть самые отрывочные сведения. В средневековье судить о численности населения можно было по данным о количестве воинов, которых владельцы Абхазии могли выставить. Так, в работе А.А. Васильева «The Goths in the Crimea» имеется упоминание, что владелец Абхазии Раба вместе с подвластными, в 1459 г. готов был выставить 30 тыс. мужчин для участия в крестовом походе против осман (Vasiliev, 1936: 281).

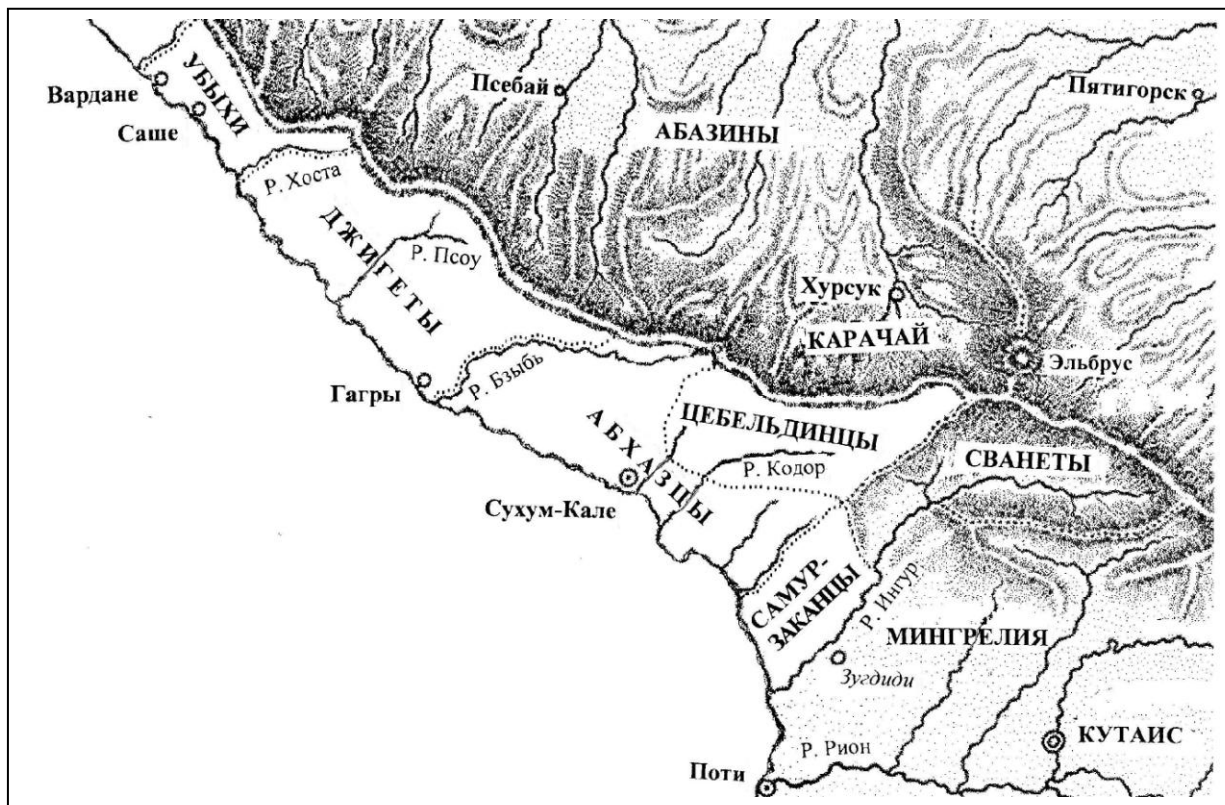

Рис. 1. Племенные общества на побережье Черного моря (составлено авт.)

Не только в средневековье, но и в первой половине XIX века подсчет общего населения племени или отдельных селений горцы не вели. Учету подлежало только мужское население, способное носить оружие в возрасте от 15 до 65 лет (Смоленский, 1872: 353).

После падения в 1461 г. Трапезундской империи, на Кавказе начинаются междоусобные войны, Грузинское царство распадается. В ситуации внутренней нестабильности, попыток вооруженного захвата Османской империей территории, постоянных набегов черкесов с целью захвата в Абхазии пленников, абхазы вступили в XIX век. В 1801 году Восточная Грузия вошла в состав Российской империи. В 1808 году прошение о вступлении в русское подданство подал владетельный князь Абхазии Келешбей Шервашидзе. С 1810 года начался процесс инкорпорирования Абхазского княжества в Российскую империю при фактической автономии до середины 1860-х гг.

В исследовании С. Броневского отмечается, что владетель Абхазии Келешбей в 1806 г. располагал не более 10–12 тыс. воинов (Броневский, 1823: 348).

Русским чиновником Ф.Я. Скирневским, посетившим Абхазию и ее владетеля К. Шервашидзе в 1807 году, была составлена докладная записка, в которой отмечалось, что по слухам Келешбей мог выставить 8 тыс. воинов (Материалы..., 2008: 64). По данным на 1808 г. владетели Абхазии подписывались как «владетель внутренней Абхазии и Цебели» (Материалы..., 2008: 72). Необходимо отметить, что уже спустя несколько лет цебельдинцы изменили своей присяге владетелю Абхазии и долгое время его не признавали. Штабс-капитан Блом в 1828 году отмечал, что «цебельдинцы даже между собой не признают настоящего владетеля» (Материалы..., 2008: 164).

В 1817 г. в Тифлисе капитаном Е.И. Энсгольмом было составлено «Краткое обозрение Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии». В состав Абхазии им была включена территория от Джигети до Мингрелии и в горы до Главного Кавказского хребта, то есть в состав Абхазии автором была включена Цебельда и Самурзакань. Общее население, по мнению Е.И. Энсгольма, насчитывало от 7 до 8 тыс. семейств (Материалы..., 2008: 116).

Важным демографическим источником является «Таблица горских племен, обитающих против правого фланга Кавказской линии и по берегу Черного моря», составленная А.П. Ермоловым в период 1816–1827 гг.

¹ Под Цебели следует понимать горные районы – Цебельду.

Таблица 1. Горские абазинские племена

Название племен, владений и обществ	Народонаселение	Места, ими занимаемые
1. Абхазия, разделяется на три округа: Бзыбский, Сухумский, Абживский	45000	Занимает пространство земли между берегом Черного моря и главным хребтом Кавказских гор от реки Бзыба до реки Ингура.
2. Садзы (джигеты)	6000	По берегу Черного моря, между Бзыбом и Сочео
3. Саше		
4. Цебельда	3000	По верховьям реки Кодор
5. Медовой (медовеевцы) состоит из 4-х отдельных обществ: с. Псу, Айбогао, Агипсоу, Чужуча	4000	По верховьям Бзыба и Апсте

Источник: (Материалы..., 2008: 157)

Этнограф Л.Я. Люлье указывает, что между названиями абаза, абазинцы и абхазцы нет никаких различий, это названия одних и тех же племен (Люлье, 1990: 9).

В 1828 году Абхазию посетил штабс-капитан О.Г. Блом. Результатом поездки стала работа «Описания Абхазии». Так, автор отмечал, что народ, живущий в Абхазии, разделяется на пять обществ: Зубцкое, Абхазское, Цебельдинское, Абживцкое и Самурзаканское. В Зубцком обществе было 33 деревни с 3120 дворами (в источнике неправильно посчитано общее количество дворов. – Авт.), Абхазское общество имело 15 деревень с 1340 дворами, Цебельдинское общество имело 30 деревень, но количество дворов установлено не было, Абживцкое общество имело 18 деревень с 1760 дворами, Самурзаканское общество состояло из 21 деревни с 1798 дворами. Считалось, что Абхазия может выставить 12 тыс. вооруженных людей, исключая цебельдинцев (общая численность населения до 5 тыс. человек) и Самурзаканское общество, которое может выставить до 2,5 тыс. человек (Материалы..., 2008: 161-169).

В 1830 г. И.К. Аша посетивший Цебельду полагал, что население составляет 1,5 тыс. дворов (Материалы..., 2008: 174).

В 1833 начальником штаба Кавказского Отдельного корпуса генерал-майором В.Д. Вольховским была составлена ведомость народам, проживающих в том числе на Черном море. Согласно этой ведомости в Бзыбском обществе проживало 15 тыс. человек, в Абхазском – 6700, в Абжуйском – 8800, Цебельдинском – 5 тыс., а в Самурзаканском (присоединенном к Мингрелии) – 8990 человек (Материалы..., 2008: 175-176).

По состоянию на 1835 год по данным Д. Зубарева население Абхазии насчитывало 31100 человек, население Цебельды – 12500 человек, а Самурзакани – 8990 человек (Зубарев, 1842: 83).

В 1837 году в Цебельде русской администрацией было создано Цебельдинское приставство. Влиятельные в Цебельде князья Маршаниевы передали русским властям 40 русских пленников, большей частью солдат и матросов. Среди пленников было несколько человек, которые находились в неволе более 15 лет, 2 человека – 25 лет и 1 – 30 лет. Часть пленников давно проживавших в горах уже обзавелись семьями и имели «некоторый достаток», но неженатые пленники находились в самом бедственном положении: «почти полунагие и в изнеможении от скудной пищи» (АКАК, 7: 459). Всего цебельдинцы выдали русской администрации 140 русских пленников (АКАК, 8: 386). Генерал-адъютант барон Розен разрешил женатым и имеющим семейства бывшим русским пленникам остаться в Цебельде. В результате на территории Цебельды осталось 24 человека, помимо этого в семьях их 54 мужчины и 42 женщины (Материалы..., 2008: 235). Русская администрация планировала свести русские семьи в отдельное село и построить там церковь (Материалы..., 2008: 235), но данная идея реализована не была. Имеются косвенные данные, что в 1856 году на территории Цебельды ни одного православного жителя не проживало (Документы..., 1954: 505).

В 1858 году данные о численности населения Абхазии опубликовал А.П. Берже. Автор являлся крупным кавказоведом, находившемся с 1851 по 1874 гг. при Кавказском наместнике, был управляющим делами Кавказского отдела Русского географического общества. В своих исследованиях он опирался на материалы архива Главного штаба Кавказских войск, а также различные сочинения русских и иностранных авторов. Численность всех абхазских племен (включая Закубанье) Берже определял в 130169 человек, из которых жителей Абхазии было 94023 человека, Самурзакань – 9896, Цебельды – 9327 (Краткий обзор..., 1858: 3).

По данным на 1865 год население Сухумского военного отдела (Пицундский, Драндский, Окумский¹, Цебельдинский округа) состояло из 79195 человек (*Сборник статистических..., 1869: 12 Прилож.*).

В 1866 году в Сухумском военном отделе произошло восстание, в котором приняли участие жители Драндского и Цебельдинского округов. Основным мотивом восстания было противодействие отмене крепостного права. После подавления восстания было выселено в Турцию около 15 тыс. человек (*Сборник статистических..., 1869: 39 Прилож.*), при этом население Цебельдинского округа практически полностью.

В ноябре 1867 года по сведениям Кавказского горского управления в Пицундском отделе проживало 26483 человека, в Драндском – 16505, в Окумском – 21858, а в Цебельдинском – 87 человек (*Сборник статистических..., 1869: 39 Прилож.*).

В 1868 году был проведен учет населения всей прибрежной Абхазии (включая бывшую территорию Самурзакань). Всего было учтено 66468 человек (*Материалы..., 2012: 519*).

На протяжении 1822–1864 гг. владетельным князем Абхазии являлся князь Михаил Шервашидзе, проводивший свою политику, отличную от демократических племен Черкессии. В 1864 году Абхазское княжество было ликвидировано и преобразовано в Сухумский военный отдел, а М. Шервашидзе выслан в Россию.

4.2. Сведения о сословной численности населения Абхазии

В начале XIX в. сведений о сословиях населения Абхазии публиковалось немного. В декабре 1820 года Абхазию посетил французский коммерсант Поль Гибаль, который составил следующие сведения: «В качестве владетельного князя (имеется ввиду князь Хасанбей – Авт.) он владеет лишь маленькой частью Абхазии, которая очень плохо обработана и в ней насчитывается одна сотня семей рабов, лично принадлежащих ему. Каждая семья дает в год не более 6 или 10 пиастров деньгами или натурой. Свободные люди, живущие на его землях, каждый год обрабатывают ему клочок земли и время от времени дарят ему быка, барана и т.д... Кроме того предполагают, что он установил налог в размере 200 пиастров за каждого раба, проданного за границу, но эта торговля очень ограничена... В Абхазии много русских пленных. По подсчетам турок и некоторых русских, численность этих пленников достигает 3 тыс. человек. Судя по многим данным, эта цифра мало преувеличена. Все эти пленные являются сильными, здоровыми людьми, из которых лишь только немногие были взяты в плен, а большинство из них дезертиры...

Владельцы пленников охотно продают их по недорогой цене. Многие пленные пользуются свободой и если бы они были убеждены, что их снова не пошлют на солдатскую службу, они бы охотно поселились около крепости. Их усадьбы могли бы у многих вызвать зависть, но так как многие русские женаты на местах (имеется ввиду местных. – Авт.) женщинах, то независимо от опеки своего правительства, они находились бы под защитой родственников своих жен» (*Материалы..., 2008: 137-144*). Поль Гибаль оставил интересное сообщение и о характерных чертах рабовладения: «В Абхазии отец довольно редко продает своих детей, а большинство рабов являются военнопленными или несостоятельными должниками. Если они остаются в Абхазии, то за исключением редких случаев, их второе поколение уже становится свободным. Рабы могут легко скрыться у соседей и поэтому их положение вскоре становится таким же, как и у остальных крестьян. С рабами обращаются очень мягко и очень редки случаи, когда хозяева в порыве гнева их бьют... Рабов обычно используют как пастухов и дровосеков» (*Материалы..., 2008: 147*).

Согласно народным обычаям Абхазии освобождение из зависимости бывает полным и неполным. В первом случае освобождаемый становится человеком совершенно свободным, а во втором переходит из одного зависимого сословия в другое. Для полного освобождения от зависимости нет никаких определенных правил, так как оно зависит от желания владельца. Освобожденный таким образом «азат», представляет вообще весьма редкое явление в абхазском обществе.

Для неполного освобождения есть в обычном праве конкретные случаи, которые могут применяться к конкретным сословиям зависимых: 1) ахашала (раб, лишний, к составу абхазского общества не принадлежащий); 2) ахуе, агырва (крестьянин, дворовый человек, повар) и 3) анхаве (вольный житель, обязанный хлебопашец).

Неполное освобождение ахашала (раба) совершается переходом его в сословие агырва (дворового); он приобретает это состояние только по воле своего владельца и считается агырва, когда получит: жену, право жить в особом доме, право на известный участок земли для ее возделывания и право иметь свою собственность. Права эти приобретаются постепенными заслугами и определяются по мере того сближения, которое устанавливается временем между рабом и его владельцем.

До прихода в Абхазию русской администрации многие семейства ахашала из пленников оставались на праве рабов, отдавали почти все произведения своего труда и не могли протестовать против продажи собственных детей. Холостые же вовсе не имели права собственности. За этих людей

¹ В состав Окумского округа входила бывшая Самурзакань.

«ахашала» никакого выкупа не полагалось, а назначалась простая продажная цена. С введением русского управления продажа семейных ахашала врозь запрещена; всякая возможность захвата в плен, обращения в рабство за долги и т.п. пресечена. Именно этим объясняется постепенное сокращение численности ахашала.

Для освобождения агырва или ахуе по народным обычаям есть два правила: 1) допускается особый род выкупа; 2) всякое семейство агырва, в доме которого воспитывается родственник владельца, освобождается от повинностей. Освобождение в обоих случаях может быть полным или неполным, так как оно зависит от желания владельца. Инициатива выкупа принадлежит только владельцу, владелец имеет право приказать своему агырва выкупиться, не спрашивая на то его согласия и когда он сам этого захочет; агырва ни потребовать выкупа, ни отказаться от него не имеет права и, по получении приказа выкупиться, обязан не только передать все свое имущество владельцу, но и принять присягу в том, что передается именно все сполна и ничего не скрыл. Таким образом, в обычном абхазском праве не было для сословия агырва ни выкупа, ни нормальной выкупной цены, но в действительности примеры освобождения очень многочисленны.

Главной причиной освобождения из этого сословия служила трудность при свободе употребления оружия и возможности переселений и побегов, обеспечить подчинение тех агырва, которые со временем вошли в обширные родственные связи и при зажиточности получили возможность отыскать сильных покровителей. Такие люди, если и не имели права на освобождение, всегда могли вынуждать к тому своего владельца, поставив его в такое положение, что он не мог колебаться при выборе одного из двух: или получить все имущество освобождаемых и приобрести на оное выгодных во всех отношениях рабов, или лишиться и людей и их имущества. Известно, что цена семейства крестьян в несколько душ равняется цене одного ахашала.

При неполном освобождении агырва он делается анхаве, подвластным своего прежнего владельца. Размеры повинностей определяются по существующим примерам и редко превышают существующую в данной местности норму.

Примеров освобождения из сословия анхаве нет. Всякий спор в этом отношении был бы спором за количество повинностей, но не о личной зависимости. При освобождении от податей анхаве делается азатом, но не переходит в привилегированное сословие, даже если бы он был богат и силен. Освобождение в азаты в большей части случаев делается за воспитание детей привилегированного сословия.

Обычное абхазское право допускает обращение в рабство и кабалу людей свободного состояния. Пленные, выкупленные из плена, несостоятельные должники, неисправимые преступники, изменники, женщины, впавшие в прелюбодеяния, и т.п. люди обращались в рабы навсегда с потомством. Однако при всем разнообразии законных причин к владению и завладению людьми свободного происхождения, в числе потерявших права состояния (ахашала, агырва) много таких людей, которые потеряли свободу через предательство, насилие, обман, т.е. незаконно ([Документы..., 1954: 493-496](#)).

Таким образом, в обычном абхазском праве возможности выхода крестьянина из зависимого сословия практически не было. Правом освобождения зависимых сословий были наделены только князья.

Заметим, что в Абхазии лишь 23 % рабов принадлежало знати, 75 % – вольным жителям и 2 % – зависимым жителям ([Материалы..., 2012: 554](#)).

Много внимания рабам уделялось в вопросах наследования и в вопросах наказания за проступки. Так, имение, оставшееся после смерти родителя, движимое и недвижимое, делится на равные части между детьми мужского пола, в выборе которых они имеют право по старшинству. Дети женского пола не имеют участие в сем разделе, но до замужества должны быть содержимы братьями и по состоянию получают приданное из рабов и движимого имущества ([Материалы..., 2008: 210](#)).

Смертная казнь не в обычае в Абхазии. Наказание преступников осуществляется либо денежным штрафом, либо платой людьми. Если осужденный не в состоянии платить, то он сам становится рабом. Вместе с тем, Л.Я. Люлье, изучив обычаи у шапсугов и натухайцев, отмечает случаи смертных казней тех преступников, которые совершают преступления неоднократно ([Люлье, 1990: 38](#)).

Воровство на земле владетеля (покушение на чужое добро признается воровством, если оно сделано только у своих) наказывается платой укравшим двух мальчиков от 4-х до 6-ти мер руки и, кроме того, возвращает украденное в двойном размере ([Материалы..., 2008: 211](#)).

Если учесть, что вся земля в Абхазии принадлежала князьям и никогда не являлась собственностью других сословий абхазского населения, то основной мерой оценки богатства индивида в абхазском обществе были рабы. Иными словами абхазское общество в XIX веке имело выраженные черты рабовладельческого общества.

В начале 1860-х гг. на территории Абхазии население делилось на следующие сословия: князей, дворян, вольных жителей (анхаве) неплатящих податей, вольных жителей на владетельских землях (пиошей), вольных жителей (анхаве) на землях других князей, оброчных крестьян (мойналепиошей), крестьян (агырва), в т.ч. подвластных, рабов (ахашала), азатов и мингрельцев (национальная группа, которая не входила в сословное абхазское общество).

Исторически сложилось, что первые системные сведения по сословному делению населения Абхазии появились только в середине 1860-х гг., когда на данной территории русской администрацией проводились мероприятия по отмене рабства и крепостной зависимости.

Впервые данные о зависимых сословиях были опубликованы в 1869 году в «Сборнике статистических сведений о Кавказе». Согласно сведениям из этого труда по состоянию на 1864 год в Сухумском отделе находились следующие зависимые категории населения: вольные поселенцы на владетельских землях (пиоши), оброчные крестьяне (мойналепиоши), крепостные крестьяне (агырва) и рабы (ахашала). В численном выражении эти категории представлены в [таблице 2](#).

Таблица 2. Зависимые сословия Сухумского отдела

Категории зависимых	Всего человек
Вольные поселенцы на владетельских землях ¹ (пиоши)	16943
Оброчные крестьяне (мойналепиоши)	1400
Крепостные крестьяне (агырва), в т.ч. подвластные	15223
Рабы (ахашала)	2155

Источник: ([Сборник статистических..., 1869: 39 Прилож.](#))

Согласно таблице 2 зависимое население насчитывало 35721 человека при общей численности населения 79195 человек, то есть зависимыми являлись 45,1 % населения Сухумского отдела. В 1864 и 1866 гг. русская администрация произвела отчуждение из сословия зависимых, вольных поселенцев на владетельных землях ([Материалы..., 2012: 520](#)). Таким образом, от зависимости были освобождены 16943 человека. Однако в число зависимых не были включены зависимые из числа вольных крестьян, которые находились **на землях других князей**.

Важным источником по сословной численности племен Причерноморья, является численность населения Цебельдинского племени по состоянию на 1866 год, составленная русской администрацией. В 1867 году это племя выселилось, практически полностью, в Турцию.

Таблица 3. Численность цебельдинского населения по сословиям в 1866 году

Сословия	Всего человек	В % от общего числа
Князья	186	1,8
Дворяне	522	5,0
Вольные жители (анхаве)	7809	75,5
Крестьяне (агырва)	1163	11,3
Рабы (ахашала)	665	6,4
Всего	10345	100,0

Источник: ([Материалы..., 2012: 315](#))

Если принять общую численность населения 10345 человек обоого пола за 100 %, то мы получим следующее соотношение: князей – 1,8 % населения, дворян 5 %, подавляющее большинство составляли вольные жители – 75,5 %, зависимых крестьян – 11,3 %, рабов – 6,4 %. Интересно то, что в Цебельде не было ни одного азата, то есть ни одного человека находящегося вне зависимости от князя.

В Цебельде насчитывалось три вида зависимых сословий: дворяне, вольные жители и крестьяне. Все они жили на земле князей Маршани. Причисление дворян к зависимому сословию наряду с крестьянами нам представляется не в полной мере корректным, так как дворяне рассчитывались с князем лишь личными услугами. Что касается отношений дворян к владетельной семье Шервашидзе в Абхазии, то здесь дворяне хотя и платили установленные налоги семье князя, но

¹ Имеются ввиду земли владетельных князей Шервашидзе.

не обязаны были посылать своих крестьян на работы в ее пользу и доставлять ей сельскохозяйственную продукцию (Смоленский, 1872: 353).

За право пользования землей вольные жители Цебельды отбывали следующие повинности: 1) помогали при обработке полей, посевах и сборе хлеба; 2) каждый дым давал по одной копне сена или чалы и одной мере кукурузы весом в пуд; 3) у имевших баранту брался весной один барашек, а зимой один баран. Крестьянин работал на помещика три дня в неделю; ежедневно приносил дрова и пас скот. Крестьянка варила пищу и молола кукурузу. При выходе дочери крестьянина замуж помещик получал от жениха калым ценой от 10 до 15 рублей.

Крестьянин желающий выкупиться от помещика, отдавал ему все свое имущество: скот, баранов, оружие, постель и даже котел, в котором варил себе пищу (Документы..., 1954: 504).

По данным цебельдинского пристава на 1865 год, в Цебельде имелось 9724 человека, которые принадлежали к зависимым сословиям.

Таблица 4. Зависимые сословия в Цебельде на 1865 г.

Исповедание	Вольных жителей		Крестьян	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Магометанское ¹	4083	3725	974	942

Источник: (Документы..., 1954: 505)

При общей численности населения в Цебельде в 10345 человек (по данным на 1866 год) зависимыми являлись – 94,4 % населения.

В Бзыбском округе зависимыми были 12680 вольных жителей, 6080 крестьян, а всего 18760 человек (Документы..., 1954: 510), из 26366 человек, или 71,1 %.

В Айбжуйском округе зависимые сословия насчитывали: 4893 вольных жителя и 1556 крестьян (Документы..., 1954: 512), а в общей сложности 6449 зависимых из 16505 человек общего населения, или 39 %.

По Самурзакани ситуация была другой: 16943 пиошей (вольных жителей), 1397 мойнале и 3054 моджлаби (Документы..., 1954: 513). То есть в 1865 году в Самурзакани было 21394 зависимых людей при общей численности на 1868 год в 21858 человек, или 99 %.

Таким образом, мы наблюдаем в Цебельде и Самурзакани самый высокий процент зависимых жителей, а именно 94,4 % и 99 %. В Бзыбском и Айбжуйском округах этот процент был значительно ниже – 71,1 % и 39,0 % соответственно. Причинами таких диспропорций могли быть внутренние распри среди князей в Абхазии. Так, Самурзакань подчинялась владельческому дому Шервашидзе, а территория Цебельды была оплотом абхазских разбойников (горные общества Причерноморья, как у черкесов, так и у абазин, отличались склонностью к грабежам), и без авторитарной власти там обойтись было очень сложно. Нельзя исключать и того обстоятельства, что Бзыбский и Айбжуйский округа находились на границах с джигетами, и постоянно подвергались нападениям, то горных джигетов – медовеевцев, то убыхов.

Итого к зависимым сословиям в Абхазии принадлежало 61102 человека, при общей численности населения в 79195 человек, иными словами процент зависимых составлял – 77,1 %.

В 1868 году, после абхазского восстания 1866 года и выселения в Турцию цебельдинцев и части населения Бзыбского округа, население Сухумского отдела было вновь пересчитано.

Таблица 5. Численность прибрежного населения Абхазии в 1868 г. по сословиям без цебельдинцев

Сословия	Всего человек	В % от общего числа
Князья	1453	2,2
Дворяне, в т.ч. личные	4304	6,5
Вольные жители (анхаве)	46726	70
Крестьяне (агырва), в т.ч. подвластные	9863	14,9
Рабы (ахашала)	1588	2,4
Мингрельцы (национальная группа, вне сословного общества)	429	0,7
Азаты (неплатящие, никому повинностей)	2105	3,2
Всего	66468	100,0

Источник: (Материалы..., 2012: 518-519)

¹ Представителей других конфессий в Цебельде не было.

В [таблицах 3 и 5](#) обнаруживается интересная закономерность. Так, в населении горных районов (цебельдинцев) наблюдается несколько меньший процент князей и дворян и значительно больший процент рабов. Объясняется это, на наш взгляд, экономическими и политическими причинами, так как в прибрежной зоне концентрировалась торговля и находилась русская администрация. Что касается дисбаланса численности рабов, то их в горах укрывать было значительно легче, чем на побережье.

Безусловный интерес представляет численность человек в семьях. Так, в Самурзакани, где большая часть населения исповедовала христианство, средняя семья состояла из 6,2 человек. В то время как в Пицундском округе (он же Бзыбский), где большая часть населения исповедовала ислам – 4,4 человека. Таким образом, в среднестатистической семье Абхазии насчитывалось – 5,3 человека. При этом самурзаканцы были более зажиточными. На одно подворье (подворье считалось по количеству очагов для приготовления пищи, то есть по дыму – Авт.) у них приходилась одна семья. Тогда как в Пицундском и Дранском округах на 1 дым – 1,2 и 1,1 семья, то есть в 20 % и в 10 % случаев соответственно проживало по 2 семьи ([Сборник статистических..., 1869: Прилож.](#)).

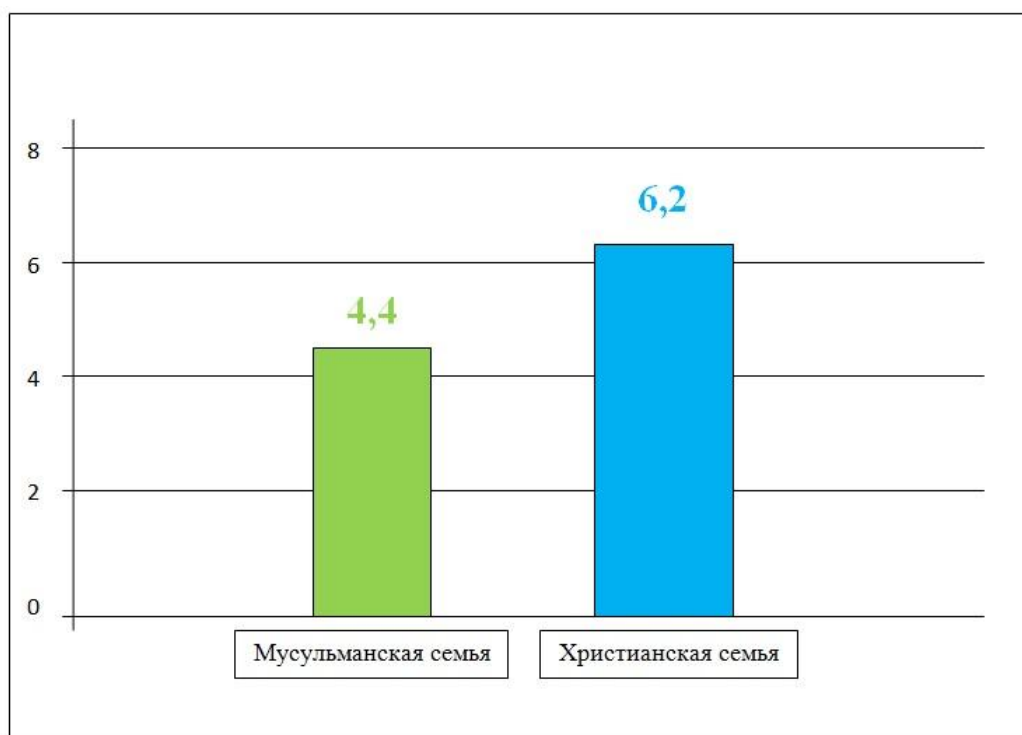

Рис. 1. Численность членов в абхазских семьях в 1860-е гг.

Причинами низкой рождаемости в мусульманских семьях являлись: слишком ранние замужества женщин, что, по большей части, приводило к бесплодию или раннему бессилию, а также легкость расторжения браков разводом. Помимо этого в мусульманских семьях фиксировался больший процент смертей, что обуславливалось практически полным пренебрежением к медицине ([Сборник статистических..., 1869: 37](#)).

Особенностью причерноморского общества является и то, что количество лиц женского пола было во всех обществах ниже количества лиц мужского пола.

Таблица 6. Население Абхазии по гендерному признаку

Округа	Число жителей		
	Муж.	Жен.	Всего
Пицундский (Бзыбский)	14183	12183	26366
Драндский (Айбжуйский)	8824	7681	16505
Окумский (Самурзакань)	11795	10063	21858
Цебельдинский	5368	4977	10345
Итого	40170	34904	75074

Источник: ([Сборник статистических..., 1869: 39 Прилож.](#))

Таким образом, в населении Абхазии лиц женского пола было 46,5 %, а лиц мужского пола – 53,5 %. Наряду с обычными показателями рождаемости, когда количество родившихся мальчиков больше, чем родившихся девочек, одной из причин выявленного дисбаланса была работорговля. На протяжении нескольких столетий работорговля являлась одним из главных источников дохода прибрежного населения. Среди рабов, вывозимых в Турцию и Персию, большинство представляли лица женского пола от 12 до 20 лет.

В целом же в горной и прибрежной территории Абхазии, включая территорию Цебельды и Самурзакани, население насчитывало в 1865 году 79195 человек.

Собранные и обобщенные сведения позволили нам составить [таблицу 7](#) численности сословного общества Абхазии.

Таблица 7. Абхазское аристократическое общество по состоянию на 1865 г.

Сословия	Всего человек	В % от общего числа
Привилегированные сословия		
Князья	1639	2,1
Дворяне, в т.ч. личные	4826	6,1
Всего	6465	8,2
Независимые сословия		
Вольные жители (анхаве) не платящие податей	9094	11,5
Мингрельцы	429	0,5
Азаты (не платящие, никому повинностей)	2105	2,7
Всего	11628	14,7
Зависимые сословия		
Вольные жители на владетельских землях ¹ (пиоши)	16943	21,4
Вольные жители (анхаве) на землях других князей	25381	32,0
Оброчные крестьяне (мойналепиоши)	1400	1,8
Крестьяне (агырва), в т.ч. подвластные	15223	19,2
Рабы (ахашала)	2155	2,7
Всего	61102	77,1
Итого	79195	100,0

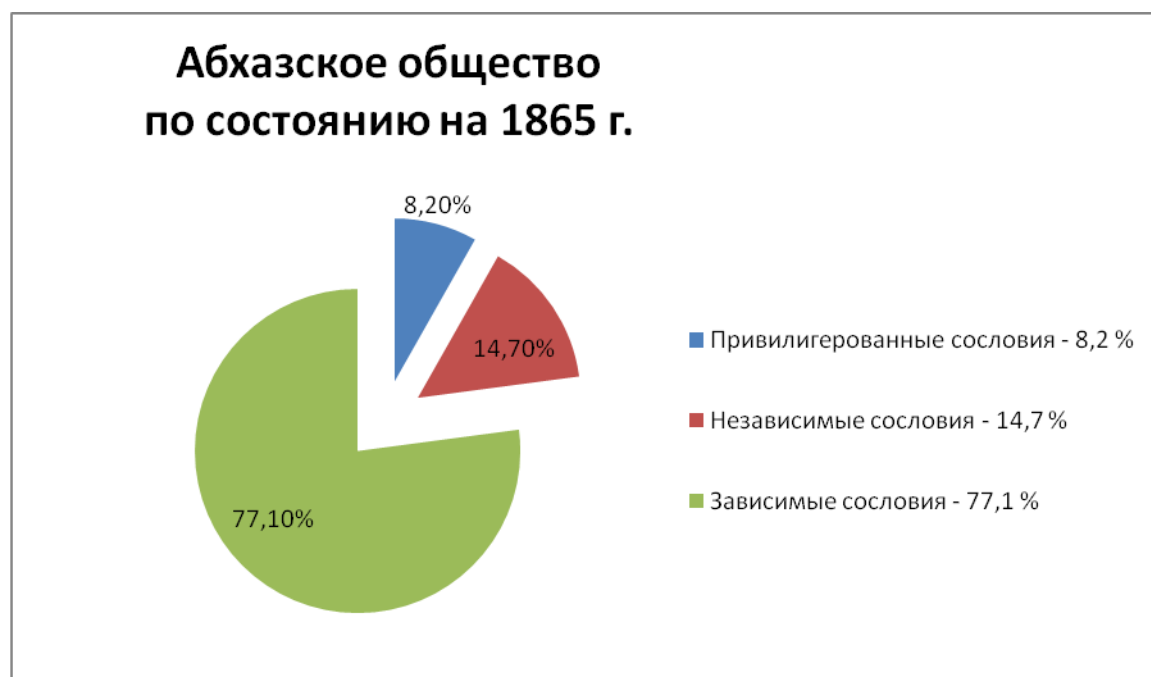

Рис. 2. Удельный вес сословий в населении Абхазии

¹ Имеются ввиду земли владетельных князей Шервашидзе.

Собранные данные сведены нами в [таблицу 8](#), характеризующую демографическую ситуацию в Абхазии в период 1806–1868 гг.

Таблица 8. Численность населения Абхазии в 1806–1868 гг.

Районы	Годы												
	1806	1807	1817	1822	1828	1830	1833	1835	~ 1840-е	1865	1866	1867	1868
Абхазия	11 тыс. воинов или 38,5 тыс. чел.	8 тыс. воинов или 28–30 тыс. чел.	7–8 тыс. семейств или 39750 чел.	45 тыс. чел.	6220 дворов или 32966 чел.	-	35398 чел.	31100 чел.	94023 чел.	79195 чел.	-	42988 чел.	66468 чел.
Цебельда				3 тыс.	До 5 тыс. чел.	1,5 тыс. дворов или 7950 чел.	5 тыс. чел.	12500 чел.	9327 чел.		10345 чел.	87 чел.	
Самурзакань				-	1798 дворов или 9500 чел.	-	8990 чел.	8990 чел.	9896 чел.		-	21858 чел.	
Итого	38,5 тыс. чел.	До 30 тыс. чел.	39750 чел.	48 тыс. чел.	47466 чел.		49388 чел.	52590 чел.	113246 чел.	79195 чел.		64933 чел.	66468 чел.

Анализируя данные [таблицы 8](#) необходимо учитывать, что в первой половине XIX века на побережье были зафиксированы эпидемические вспышки чумы 1812 и 1836 годов. Об эпидемии чумы 1836 года дважды упоминает в своем дневнике проживавший у черкесов англичанин Дж. Белл. Автор свидетельствует, что чума «стоила за очень короткое время нашему хозяину Шамузу сорока пяти жизней его подневольных» ([Белл, 2007: 185](#)). В другом свидетельстве Белл упоминает, что в поселке натухаевского вождя Мансура (близ Анапы) не было ни одной женщины. Чума стала причиной потери им от сорока до пятидесяти крепостных ([Белл, 2007: 284](#)).

Для определения численности населения по имеющимся данным о количестве воинов мы привлекли статистические данные по Самурзакани за 1828 и 1833 гг. Население Самурзакани, имея численность в 1833 году – 8990 человек, в 1828 году могло выставить до 2,5 тыс. воинов. Иными словами один воин мог быть выставлен от каждых 3,5 человек населения. Если учесть, что мужчин в причерноморских обществах было больше чем женщин, то эта цифра представляется вполне вероятной.

В 1806 году, согласно С. Броневскому, исчислявшему средний показатель в 11 тыс. воинов, население Абхазии могло насчитывать около 38,5 тыс. человек. При этом мы не исключаем, что эта численность Абхазии вместе с их соседями – джигетами. В 1817 г. население Абхазии составляло 7–8 тыс. семейств. Если возьмем средний показатель – 7,5 тыс. семейств при средней численности одного семейства в 5,3 человека, то получим примерную численность населения в 39750 человек.

В 1852 г. из Джигетии по приглашению владетельного князя Абхазии М. Шервашидзе переехал один из четырех наиболее влиятельных княжеских родов – род князей Анчабадзе (Cherkasov et all., 2015: 888-893). Численность переселившихся с ними джигетов вряд ли могла превышать 2,5 тыс. человек. Тем не менее, заявленная А.П. Берже численность населения внутренней Абхазии в 94023 человек является на наш взгляд сильно завышенной. Эта цифра в то время никак не могла превышать даже 50 тыс. человек.

В 1840–1867 гг. обнаруживается двукратное увеличение численности населения в Самурзакани. Самурзакань находилась в выгодном географическом положении – на границах с Мингрелией. Ввиду этого данная территория практически не подвергалась набегам со стороны Черкесии в период Кавказской войны. Помимо этого мы не исключаем миграционные процессы из внутренней Абхазии в Самурзакань.

5. Заключение

Абхазское общество относилось к аристократическому типу, которое управлялось князьями. Ввиду этого в Абхазии был большой процент населения зависимых сословий (77,1 %). Наибольший процент зависимых, более 90 %, был в Цебельде (в горных районах) и в Самурзакани (в землях владетельного князя Шервашидзе). На этих территориях зависимыми от князей были поголовно все члены общества, начиная от дворян. Именно эти земли, на наш взгляд, и олицетворяли собой дух аристократических горских обществ того времени. Именно так выглядели и черкесские причерноморские общества до гражданской войны 1785 года.

Численность населения Абхазии в период с 1806 по 1868 гг. менялась в пределах: минимально – от 30 тыс. человек до максимально – 80 тыс. человек. Перепады в численности во второй половине 1860-х гг. были связаны с махаджирством (выселением части абхазцев в 1866 году). Таким образом, период 1800–1865 гг. стал по праву «золотым веком» для Абхазского княжества. Численность населения княжества увеличилась более чем в 2,5 раза. Русское военное присутствие резко сократило количество набегов со стороны соседних племен и сделало эти набег не эффективными (набег теперь стал сопряжен с большими человеческими потерями для нападающих). Это позволило населению быстро развиваться и накапливать капиталы (имущество). Были предприняты противоэпидемические меры и созданы карантинные пункты для всех прибывающих в Абхазию морским путем. Помимо этого русская администрация усилила централизацию княжеской власти, что сократило количество распрей и раздоров. В итоге владетельный князь М. Шервашидзе смог не вовлечь население Абхазии в Кавказскую войну. Таким образом, князь Михаил Шервашидзе стал своего рода охранителем Абхазии.

Литература

- АКАК - Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Тифлис, 1866–1904.
 АКАК, 7 - Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 7. Тифлис, 1878.
 АКАК, 8 - Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 8. Тифлис, 1881.
 Белл, 2007 - Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007.
 Берже, 1858 - Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского географического общества. Тифлис, 1858.
 Броневский, 1823 - Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. Ч. 1. М., 1823.
 Документы..., 1954 - Документы по истории Грузии. Серия II. Т. 1. Грузия в период буржуазных реформ (1862-1872 гг.). Ч. 1. Тбилиси, 1954.
 Зубарев, 1842 - Зубарев Д. О народонаселении за Кавказом // Русский Вестник. 1842. № 6.
 Краткий обзор..., 1858 - Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1858.
 Люлье, 1990 - Люлье Л.Я. Черкессия: историко-этнографические статьи. Северо-кавказский филиал МЦТК «Возрождение». 1990.
 Материалы..., 2008 - Материалы по истории Абхазии XIX века (1803-1839 гг.). Сборник документальных материалов. Т. 1. Сухум, 2008.
 Материалы..., 2012 - Материалы по истории Абхазии XIX века (1863-1874). Сборник документальных материалов. Т. 3. Сухум, 2012.
 Сборник статистических..., 1869 - Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I. Под ред. Н.И. Воронова. Тифлис, 1869.
 Смоленский, 1872 - Смоленский С. Воспоминания кавказца // Военный сборник. 1872. № 10.
 Фадеев, 2010 - Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.
 Cherkasov et all., 2014 - Cherkasov, A.A., Menkovsky, V.I., Ivantsov, V.G., Ryabtsev, A.A., Molchanova, V.S., Natolochnaya, O.V. (2014) The "Nobility" and "Commoners" in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.

Cherkasov et al., 2015 - Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. (2015) Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*, (4). 38: 888-893.
 Vasiliev, 1936 - Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.

References

- AKAK - Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. Tiflis, 1866–1904. [in Russian].
- AKAK, 7 - Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 7. Tiflis, 1878. [in Russian].
- AKAK, 8 - Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 8. Tiflis, 1881. [in Russian].
- Bell, 2007 - Bell Dzh. Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1839 gg. [Diary of staying in Circassia during the 1837-1839 years] V 2 t. T. 1. Nal'chik, 2007. [in Russian].
- Berzhe, 1858 - Berzhe A.P. Kratkii obzor gorskikh plemen na Kavkaze, sostavlennyi Ad. Berzhe, pravitelem del Kavkazskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva [Overview of mountain tribes in the Caucasus, compiled by Ad. Berzhe, governor of affairs of the Caucasus department of the Imperial Geographical Society]. Tiflis, 1858. [in Russian].
- Bronevskii, 1823 - Bronevskii S. Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze [The newest geographical and historical news of the Caucasus]. V 2 ch. Ch. 1. M., 1823. [in Russian].
- Dokumenty..., 1954 - Dokumenty po istorii Gruzii. Seriya II. T. 1. Gruziya v period burzhuaznykh reform (1862-1872 gg.) [Documents on the history of Georgia. Series II. V1. Georgia in the period of bourgeois reforms (1862-1872 years)]. Ch. 1. Tbilisi, 1954. [in Russian].
- Zubarev, 1842 - Zubarev D. O narodonaselenii za Kavkazom [On Population of the Caucasus] // Russkii Vestnik. 1842. № 6. [in Russian].
- Kratkii obzor..., 1858 - Kratkii obzor gorskikh plemen na Kavkaze, sostavlennyi Ad. Berzhe, pravitelem del Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Overview of mountain tribes in the Caucasus, compiled by Ad. Berzhe, governor of affairs of the Caucasus department of the Imperial Russian Geographical Society]. Tiflis, 1858. [in Russian].
- Lyul'e, 1990 - Lyul'e L.Ya. Cherkessiya: istoriko-etnograficheskie stat'i [Cherkessia: historical and ethnographic articles]. Severo-kavkazskii filial MTsTK «Vozrozhdenie». 1990. [in Russian].
- Materialy..., 2008 - Materialy po istorii Abkhazii XIX veka (1803-1839 gg.). Sbornik dokumental'nykh materialov [Materials on the history of Abkhazia of XIX century (1803-1839 years). The collection of documentary materials]. T. 1. Sukhum, 2008. [in Russian].
- Materialy..., 2012 - Materialy po istorii Abkhazii XIX veka (1863-1874). Sbornik dokumental'nykh materialov [Materials on the history of Abkhazia of XIX century (1863-1874). The collection of documentary materials]. T. 3. Sukhum, 2012. [in Russian].
- Sbornik statisticheskikh..., 1869 - Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [The collection of statistical information about the Caucasus, v. I. Ed. N.I. Voronov], t. I. Pod red. N. I. Voronova. Tiflis, 1869. [in Russian].
- Smolenskii, 1872 - Smolenskii S. Vospominaniya kavkaztsa [Memories of caucasian] // Voennyi sbornik. 1872. № 10. [in Russian].
- Fadeev, 2010 - Fadeev R.A. Gosudarstvennyi poryadok. Rossiya i Kavkaz [The state order. Russia and the Caucasus]. M., 2010. [in Russian].
- Cherkasov et al., 2014 - Cherkasov, A.A., Menkovsky, V.I., Ivantsov, V.G., Ryabtsev, A.A., Molchanova, V.S., Natolochnaya, O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.
- Cherkasov et al., 2015 - Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. (2015) Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*, (4). 38: 888-893.
 Vasiliev, 1936 - Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.

УДК 93/94

Демографическая характеристика аристократической Абхазии в 1800–1860-х гг.

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, *}, Владимир Гаврилович Иванцов ^b, Михал Шмигель ^c, Виолетта Сергеевна Молчанова ^a

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sochio03@rambler.ru (А.А. Черкасов), V-ivancov@rambler.ru (В.Г. Иванцов), michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель), v.molchanova_1991@list.ru (В.С. Молчанова)

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

^b Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^c Университет Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия

Аннотация. В статье впервые в историографии рассматривается сословная структура населения Абхазии. Горцы Абхазии проживали в междуречье от устья реки Бзыбь до реки Ингур. В первой половине XIX века здесь проживали абхазцы, цебельдинцы и самурзаканцы. Данные о численности населения этой территории в указанное время крайне противоречивы, при этом сословная численность населения практически не отражена.

Авторы привлекли в качестве источников статистические материалы 1800–1860-х гг., в том числе опубликованные в современный период. В результате сопоставления разных источников были вычислены доли населения по сословиям, а именно удельный вес князей, дворян, свободных жителей, зависимых жителей, рабов (отдельно по прибрежным и горным обществам). Помимо этого были привлечены источники личного происхождения, – дневниковые записи и мемуарные произведения проживавших среди абхазцев путешественников, а также научная литература.

Авторы использовали методы демографической статистики для реконструкции народонаселения Абхазии в связи с наличием неполных данных, например в определении численности привилегированных сословий Абхазии (Сухумского отдела), а также для анализа социально-демографических связей при определении численности населения прибрежных и горных абхазцев.

В заключение исследования авторы приводят наработанные статистические сведения о численности всего населения, населения по сословиям, а также по гендерной принадлежности.

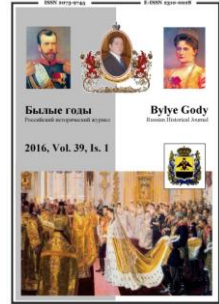
Ключевые слова: горцы Причерноморья, абхазцы, цебельдинцы, самурзаканцы, демография, князья, дворяне, свободные жители, зависимые жители, рабы.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 39, Is. 1, pp. 67-75, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 39 (4/9)

Historical and cultural aspects of paganism among the peoples of Tatarstan

Guzel R. Stolyarova ^{a, *}, Nadezhda V. Rychkova ^b, Sergey Y. Rychkov ^c

^a Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

^b Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation

^c Institute of Economics, Management and Law, Kazan, Russian Federation

Abstract

On the basis of the literature and field data the authors examine the phenomenon of "paganism" (traditional folk belief) among the Turkic (the Chuvashs) and Finnish (the Mari, the Udmurts) peoples of Tatarstan in the context of historical and ethno-cultural processes in the Volga-Urals region. There shown the history of the emergence of groups of "pagans" in Tatarstan, placing of their settlements, history of research in different periods (pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet), the results of inter-confessional and inter-ethnic interactions in the formation of religious practices of "pagans" in the past and the present. Authors have marked objective and subjective factors in preserving the cultural and religious traditions, among them - the relative geographical and demographic isolation; predominantly rural style of life; the continuity of religious practices; "personality" factors. The conclusion of the favorable prospects for the development of ethnic and religious groups of the «pagans», based on sufficient domestic capacity of communities and external public support for their ethnic and cultural distinctiveness was made.

Keywords: peoples of Tatarstan, traditional belief, culture, interaction, factors of development, history, modernity.

1. Введение

В современном Татарстане часть чувашского, мари́йского и удмуртского населения исповедуют «язычество». Современные авторы предлагают при описании явления новейшей истории употреблять с оговорками термины «язычество», «язычники» и производные от них, заключая термины в кавычки, чтобы не возникало аналогий с воинствующими христианскими миссионерами дореволюционного периода. Некоторые авторы предлагают использовать понятия «некрещеные чуваша/мари/удмурты» (Ягафова, 2010: 7), а для характеристики религиозных воззрений – «этническая религия» (Садиков, 2010а: 94), «традиционные верования», «традиционная религия» (Молотова, 2010: 70) или «фольк-религия» (Салмин, 2007: 9). Мы используем термины «язычники» и «язычество» применительно к современному Татарстану с той оговоркой, что эти термины используют сами носители традиционных религий. Также под «язычеством» авторы статьи понимают лишь традиционную, народную веру, не касаясь неоязычества – идеологического течения, сформированного и развиваемого национальной интеллигенцией в постперестроечный период, когда широко стала применяться апелляция к этническим истокам, в целом к истории и культуре собственного народа с целью актуализации этнического самосознания.

Актуальность исследования «язычества» (народной или традиционной веры) вытекает из следующих обстоятельств. Во-первых, для многих исследователей очевидно, что «язычество» у народов России – это не некая архаика, имеющая отношение лишь к историческим эпохам,

* Corresponding author

E-mail addresses: guzelstol@mail.ru (G.R. Stolyarova), nadvas2@rambler.ru (N.V. Rychkova), rychkovkazan@rambler.ru (S.Y. Rychkov)

предшествовавшим крещению Руси или исламизации восточных народов, но реальность, устоявшая и перед экспансией монотеистических религий, и перед тотальной атеизацией населения в советское время. Во-вторых, выяснилось, что для отдельных групп населения в «язычестве» сегодня видится реальный шанс противодействовать натиску глобализации, адаптироваться к современным тенденциям нивелирования этнокультур и даже сохранить собственную этническую идентичность от полного исчезновения. Важным является также изучение ситуации в поликонфессиональных полиэтнических сообществах, соотношение светского и религиозного, что поддерживается исследователями в других странах (Walton, 2013; Benovska-Savkova, 2010).

Целью данной статьи является выявление историко-культурных аспектов формирования, развития и современного функционирования язычества у народов Татарстана в условиях «неродной» республики.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников выступают полевые материалы авторов – участников этнографических экспедиций Казанского университета 2000 – 2014 гг., архивные документы, собиравшиеся методами глубинных интервью (расспросы), опроса экспертов, анкетирования, включенного наблюдения, фото- и видеофиксации. Также были использованы архивные документы, научная и краеведческая литература.

2.2. Проблематика исследования рассматривается на ретроспективном и ситуативном уровнях. Ретроспективный уровень позволяет проследить различные аспекты развития малой этнической группы на протяжении того или иного исторического периода и выявить причинную обусловленность этноисторических процессов. Ситуативный уровень представляет собой анализ особенностей современного положения группы, процессов внутреннего развития и межэтнического взаимодействия. Кроме этого, использовались статистический и этносоциологический подходы, что позволяет выявить базовые типологические характеристики (возраст, пол, образование, социальный статус, среда проживания), а также те, что связаны с выполнением людьми социальных ролей в соответствии с социальными интересами (отношением социальной группы ко всей совокупности общественно-политических институтов, материальных и духовных ценностей). Поведение личности и группы понимается широко и включает не только наблюдаемые действия людей (поступки), но и мнения, установки, ориентации.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии язычество поволжских народов описано довольно подробно. Первые описания оставили иностранные ученые (Ф. Страленберг, Д. Мессершмидт); далее – участники Академических экспедиций XVIII Г.Ф. Миллер, И.И. Лепехин, И.Г. Георги, П.С. Паллас (Загребин, 2006); в XIX веке изучение народов Волго-Уралья проводили ученые открывшегося в 1804 г. Казанского университета (К. Фукс, В.А. Сбоев) и учрежденного при нем в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии (И.Н. Смирнов, Н.В. Никольский, М.Е. Евсевьев) (Бусыгин и Зорин, 2002). Авторы обращали особое внимание на языческие культы, их содержание и формы отправления, а также на межэтнические и межконфессиональные отношения. Основной лейтмотив наследия дореволюционных авторов – множественность контактов в богатом этнографическом поле Среднего Поволжья. Негативные примеры межэтнических контактов в этой литературе встречаются редко, по разным причинам (стремление оставаться в официозных рамках, личное отношение автора к различным народам, попытки объяснить отдельные отрицательные образцы поведения народа и т.д.) и не дают возможности делать какие-либо обобщения. При характеристике межконфессиональной ситуации обращает на себя внимание отсутствие упоминаний о конфликтных ситуациях на религиозной почве и толерантное отношение большинства самих авторов к православию, исламу, язычеству и их носителям.

В литературе советского времени упоминаний о «язычниках» нет, хотя об их существовании было известно, в том числе, и специалистам. В это время были созданы крупные монографические труды по традиционным верованиям и обрядам поволжских народов, написанные авторитетными учеными, как, например, В.Е. Владыкин (Владыкин, 1994), П.В. Денисов (Денисов, 1959), В.Д. Димитриев (Димитриев, 1983), Г.А. Сепеев (Сепеев, 1975). В постсоветский период научный интерес к народным верованиям активизировался; появились труды Т.Г. Миннихметовой (Миннихметова, 2000), Н.С. Попова (Попов, 1996), Р.Р.Садикова (Садиков, 2008), А.К. Салмина (Салмин, 2007), С.К. Смирновой (Смирнова и др., 2008), Г.Е. Шкалиной (Шкалина, 2002), Е.А. Ягафовой (Ягафова, 2007) и др. «Язычники» Татарстана уже выступали объектом научного изучения, главным образом, в составе этноконфессиональных меньшинств Волго-Уралья или как диаспоры при изучении крупных поволжских народов. Особо заметны в этом направлении исследования в закамских районах Татарстана Е. Ягафовой по чувашам (Этноконфессиональные..., 2010) и Р. Садикова по удмуртам (Садиков, 2008), которые были включены в контекст более широких научных проектов. Авторы на полевых материалах типологизировали «языческие» поселения; показали степень сохранности этнокультурной специфики, связанной с традиционными верованиями; выявили формы и результаты межэтнических и межконфессиональных контактов.

Между тем специальной задачи по выявлению особенностей развития поволжских «язычников» в условиях Татарстана до сих пор не ставилось.

4. Результаты

Кто такие современные «язычники»? В Татарстане это представители этноконфессиональных меньшинств, которые в условиях длительной относительной изоляции, связанной с религиозной обособленностью, сохранили своеобразный культурно-бытовой комплекс и особое конфессиональное самосознание. На русском языке они себя называют «язычниками», но в собственных языках этот термин отсутствует. Чуваши о себе говорят «чан чаваш» («чистый чуваш»), марийцы – «чимарий» («чистый мариец»), удмурты – «чукынымтэ удмуртгъес» («некрещенные удмурты»). Особенностью «язычества» является и то обстоятельство, что, если для вступления в ряды приверженцев мировых религий требуется совершение определенных обрядов (к примеру, крещение в христианстве или произнесение особой формулы в исламе), то для определения себя «язычником» человеку не нужно совершать каких-либо действий, «вера – это само собой разумеющееся, она не требует никакого предварительного вступления» (Полевые материалы...).

История возникновения групп «язычников» в Татарстане различна. Чуваши с конца XVII в. переселялись на левобережье Волги (Западное Закамье) в поисках свободных земель; привлекались для строительства укрепленных («засечных») линий на границах региона (Восточное Закамье); часть чувашей переселялась с территории коренного этнорегиона (Чувашия), пытаясь спастись от насильственного крещения. Марийцы в северных районах современного Татарстана – по сути, автохтонное население. Здесь на финноязычный субстрат со временем наложился тюркоязычный суперстрат; отголоски этого процесса в изобилии присутствуют в местной топонимике, а во многих татарских селениях Заказанья имеется «чирмеш ягы» (черемисская сторона). Другой ареал расселения марийцев на территории Татарстана – камско-уральский – образовался в результате переселения части мари в XVI–XVIII вв. в Предкамье, Закамье и Приуралье, где в окружении иноэтнического большинства, главным образом, татар и башкир, к середине XIX в. оформилась этнографическая группа восточных марийцев – «эрвел марий» (Сепеев, 2006: 126). Одной из причин переселения, как и у чувашей, было стремление избежать насильственного обращения в христианство. Удмурты, как и марийцы, – аборигены северных территорий Татарстана, вплоть до настоящего времени компактно проживают в Балтасинском, Кукморском, Агрызском районах РТ (так называемые «завятские удмурты»). В XVI–XVIII вв. вследствие переселения удмуртов, образовался закамский ареал их расселения на землях башкир-вотчинников в Башкирии и Татарстане (Бавлинский район). В обеих группах удмуртов имеются «язычники».

Какова численность «языческого» населения? В дореволюционный период подобная статистика велась, поскольку христианизация являлась частью государственной политики, и было необходимо отслеживать процесс, в том числе, статистически. В советское время подсчет верующих не проводился, отсутствует он и сейчас. Доподлинно можно говорить о количестве населенных пунктов, в которых полевыми наблюдениями авторов, преимущественно, этнологов, зафиксировано «языческое» население. По данным Е.А.Ягафовой, чуваше-«язычники» проживают в более чем 40 населенных пунктах, 29 из которых находится в Татарстане. В этот перечень не включены населенные пункты двух южных районов Чувашии (Комсомольского и Шемуршинского) и одного селения Дрожжановского района РТ, в которых в настоящее время проживают по 1-5 семей «язычников» (Ягафова, 2010: 41-42). Таким образом, центр чувашского «язычества» находится в Закамье Татарстана: 14 селений в Акубаевском, 7 в Нурлатском, по 3 в Альметьевском и Черемшанском, по 1 в Алексеевском, Лениногорском и Новошешминском районах.

Удмуртское «языческое» население в Татарстане проживает в 5 селениях 4 административных районов (Балтасинский, Кукморский, Агрызский, Бавлинский). По свидетельствам удмуртских исследователей, удмурты-«язычники» на современной карте Удмуртии представлены в 9 населенных пунктах южных районов; некоторые из них поддерживают тесные связи, в том числе, и семейно-брачные, с удмуртами Агрызского района РТ, несомненно, подпитывая «языческие» традиции своих соплеменников в этом регионе (Садиков, 2010а: 100).

Марийцы-«язычники» зафиксированы в 10 населенных пунктах 8 районов РТ (Кукморский, Мамадышский, Елабужский, Мензелинский, Менделеевский, Агрызский, Актанышский, Муслимовский). В отличие от чувашей и удмуртов, марийцы Татарстана (равно как и других регионов России, где расселены мари) имеют сильнейшую опору своей традиционной веры со стороны приверженцев народной веры Республики Марий Эл, община которых многочисленна и фактически легитимизирована после регистрации в Министерстве юстиции в 1991 г. и принятия республиканским парламентом Закона «Об охране и рациональном использовании окружающей природной среды», по которому священные рощи – места традиционных марийских молений – были взяты под охрану государства.

На территории современного Татарстана еще со времен Булгарского государства и Казанского ханства установились контакты между языческим и мусульманским населением. В условиях пограничного проживания марийцев и удмуртов с татарами и в силу численного превосходства последних усиливалось и их культурно-конфессиональное влияние. Еще Г.Миллер отмечал, что

«...некоторые из черемис держат магометанский закон и по рождении вскоре обрезаются: и сие может быть от того произошло, что как черемисы, так и прочие языческие народы, равно с магометанами празднуют пятницу яко великий день в неделе, в которой они и никакой работы не отправляют. В сей день не служат у них никакой службы, и не знают причины, для чего они в пятницу паче прочих дней в неделе празднуют; и сие кажется мне таки мирское обыкновение, которое вошло к ним от их соседей татар» (Миллер, 1791: 53). А.П. Ерусланов писал в конце XIX в.: "Черемисы Уфимской губернии, вследствие долговременного совместного жительства с магометанами и скрытой неразборчивой в средствах пропаганды ислама, подверглись сильному влиянию магометанства. Ислам проникает во все стороны жизни черемис, вытесняя все самобытное, черемисско-языческое, как во внешней бытовой обстановке, так равно в религиозно-правственных, правовых воззрениях и понятиях" (Ерусланов, 1895: 26-27). Так, под влиянием ислама языческих жрецов во второй половине XIX в. стали называть "моллами". У восточных марийцев любую молитву начинали с татарского возгласа "Бисмилла!" («Господи, благослови!"). Г.Миллер упоминал, что у марийцев «родители или вместо их ближние сродники девок даром замуж не выдают, но по татарскому обыкновению за вывод ее платит жених несколько денег... у черемис Олон называется... Как скоро жених приедет в ту деревню, где живет невеста, то ездит... с дружкой несколько раз вокруг двора, причем дружка громким голосом по-татарски поздравляет: Солом малико!» (Миллер, 1791: 80, 87). В свадебном обряде восточных мари были отмечены такие элементы, как умыкание невесты (при традиционном заключении брака марийцами путем сватовства); наличие большого размера калыма и приданого невесты, часть которого выплачивалась скотом; добрачное посещение женихом невесты; локализация некоторых кульминационных элементов свадьбы в доме невесты; обязательное одаривание невестой как своих родственников, так и родственников жениха; упрощение весьма значимой в традиционном свадебном обряде мари процедуры – смены головного убора невесты с девичьего на женский – и перенос ее в послесвадебный период; необычное для мари в целом явление послесвадебного цикла, при котором невеста после собственно свадьбы возвращалась в родительский дом, где ее имел право посещать муж, а в дом мужа переходила после передачи ее родителями оставшейся части приданого (Белевцова, 2010: 94-96). В похоронно-поминальной обрядности марийцев татарским элементом считают обычай похорон умерших в лубке в нишах *ляхет*, с головой, обращенной в сторону Каабы (Садииков, 2010: 14). Место на маленьких нарах по-татарски у марийцев-язычников было почетным: здесь устанавливались свечи, и выставлялось угощение для умерших во время семейно-родовых поминок. Аналогично принесение южными удмуртами (язычниками и крещеными) в жертву лошадей современники объясняли влиянием татар... удмуртские женщины предпочитали агрызских татар (по сравнению с русскими), т.к. татары говорили по-удмуртски... Отсутствие в исламе разделения между светским и духовным началом позволяло воспринимать мусульманских священников не только татарам, но и другим нерусским народам края. Муллы выступали как наставники, лекари, учителя (Исхаков, 2009: 122).

После вхождения края в состав Русского государства местные народы были подвергнуты крещению. Большинство чувашей, марийцев и удмуртов приняло крещение без видимого сопротивления, однако из отчетов священников и краеведческих описаний следует, что в действительности, у этих народов бытовало двоеверие: явно посещая церковь и отправляя православные обряды, язычники продолжали тайно, по ночам проводить языческие моления (Луппов, 1999: 182; Молотова, 2010: 81). Официальная церковь считала это недопустимым и ставила своей задачей искоренить язычество. На бытовом уровне контакты язычников с православными, так же, как и с мусульманами, происходили вполне бесконфликтно. Русские вступали в активные контакты с язычниками: обращались, например, к удмуртским колдунам и ворожеям за советом и магической помощью (считали ворожбу и магию удмуртов более могущественной, чем моление в церкви, т.к., по мнению русских, удмурты теснее связаны с потусторонним миром). Упоминалось, что русские могли посещать жертвоприношения удмуртов, бывали на их праздниках, а наиболее уважаемые из них удостоивались специального приглашения. Русские крестьяне, жившие рядом с удмуртами, знали об их культовых местах, опасались осквернять их, не рубили деревьев в лудах, обходили подальше святилища (Макурина, 2008: 532).

В советское время в религиозной ситуации в стране начинается новый этап, характеризующийся «воинствующим» подходом к верующим и конфессиям. Несмотря на это, приверженность традиционным ценностям, включая религиозные убеждения, сохранялась у всех верующих, включая язычников, хотя большинство обрядов исполнялось в частных домах тайно, частично проявляясь лишь во время религиозных праздников. Архивные материалы содержат немало свидетельств того, что даже советские ответственные работники, члены партии принимали участие в языческих обрядах. Так, например, в 1936 г. строгий выговор с предупреждением по партийной линии «за участие в религиозном праздновании и связь с чуждыми элементами» получил житель с.Старое Суркино (центр чувашского «язычества» в Татарстане, где до сих пор до 100% старожильческого населения относит себя к «язычникам» (Столярова, 2006: 97) С.П. Паймуллин, работавший в это время инструктором райкома (ЦГА, а). Впоследствии, несмотря на то, что соблюдающие религиозные обряды граждане сплошь и рядом осуждались по месту работы или учебы, он, по воспоминаниям его жены, не препятствовал празднованию религиозных событий в

собственном доме, правда, сам уже не принимал участия в праздничных действиях. В отложившихся документах советской эпохи проявления религиозности в жизни села имеют непременно негативную интерпретацию. Как правило, в этих материалах огласке подвергались коммунисты, замеченные в употреблении спиртных напитков во время религиозных праздников. Так, в 1951 г. Новописьмянским райкомом ВКП(б) было наложено партийное взыскание на заведующего фермой Янтемирова за то, что «когда на ферме работала государственная комиссия», он «пьянствовал, праздновал религиозный праздник, хотя коммунист» (ЦГА). В этом же документе упоминается еще один коммунист – Данилов, который «также праздновал религиозный праздник». Как вспоминают старожилы, в советское время многие обряды исполнялись в семейной обстановке с привлечением минимума участников и «не так празднично, как сейчас» (Полевые материалы..., а).

В постсоветский период с легитимизацией многих проявлений религиозности «язычество» в Татарстане переживает период ренессанса. Наши полевые материалы показывают не только возрождение полузабытых обрядов, но и стремление восстановить традицию там, где она уже была утрачена.

«Язычников» Татарстана как любое этноконфессиональное меньшинство, проживающее в окружении иноэтнического большинства, заботит проблема сохранения культурной преемственности. Существует ряд объективных факторов, которые срабатывают как защитный механизм. Во-первых, относительная географо-демографическая изоляция: удаленность «языческих» селений от крупных населенных пунктов с храмами (церквями, мечетями) и активно верующим (православным и мусульманским) населением; компактность расселения; преимущественная эндогамия с традиционными брачно-семейными связями отдельных поселений. Во-вторых, социальные факторы: стабильность и преемственность развития общины благодаря крепости семейно-родственных уз; преимущественно, сельский образ жизни, в который вполне органично вписывается «язычество». В-третьих, этнокультурные факторы: глубокие религиозные традиции, убежденность в том, что только сохранение народной веры является залогом сохранения группы с ее особым этнокультурным содержанием. Поэтому в социализации подрастающих поколений (и в семье, и в обществе – через участие в семейных и общественных обрядах, приобщении к истории и культуре предков в образовательных учреждениях и т.п.) акцент наряду с общечеловеческими ценностями, делается на прививании понимания ценностей собственной культуры. Последнее привносит в группу вышеперечисленных объективных факторов субъективное начало, или, как говорят, человеческий фактор (Montemaggia, 2015). Сохранность в течение длительного времени отличительности групп «язычников» происходит благодаря наличию неравнодушных людей, которые хранят и популяризируют традиции, собирают материалы по истории и культуре родного края и своего народа, оставаясь при этом открытыми для окружающих народов и культур.

Изначальное проживание в иноэтническом окружении сформировало у «языческого» населения РТ главную общую черту – активные межэтнические контакты с иноэтническим большинством – татарами и русскими. Особенно интенсивно контакты осуществляются в языковой и культурной сферах, определяя такие явления как полиязычие и языковые заимствования, обмен элементами национальных кухонь, ремеслами, мотивами традиционной вышивки, совместное проведение праздников и т.п. Особо следует подчеркнуть мирный характер взаимодействия, устойчивые традиции добрососедства и взаимопомощи. Этнографическое исследование «языческого» населения РТ свидетельствует, что ему, как и всем народам региона в целом, присуща минимальная культурная дистанция в отношениях с другими этническими группами. В пользу этого заключения свидетельствуют и межэтнические, межконфессиональные браки «язычников» с представителями иных групп, что отмечено многими исследователями (Мы и как удмурты..., 2007: 66-69, 71, 79, 83, 86, 108, 121, 125-127, 129, 131-132, 138).

Одновременно с активным межэтническим взаимодействием у «язычников» продолжает действовать основной закон переселенцев, известный из многочисленных этнографических описаний: стремление к консервации собственной этнической отличительности, сохранение преемственности культурной традиции как залог дальнейшего существования самой группы. Конечно, далеко не все удастся сохранить, неумолимо «работают» современные факторы модернизации и глобализации, но, глядя на то, как бережно стараются сохранить современные жители память о своих предках, как последовательно воспитывают в детях уважение и гордость к собственной истории и культуре, проникаешься уверенностью в позитивных тенденциях их последующего развития.

В последнее десятилетие появилась еще одна тенденция, характеризующая сходство «язычников» республики – постепенный переход крупных народных праздников в формат более организованных действий под эгидой государственных и общественных организаций (НКАО). Марийский «Семык», удмуртский «Гербер» («Гырон быдтон»), чувашские праздники «Учук» и «Уяв» уже несколько лет в РТ проводятся как фестивали разного уровня. С одной стороны, подобная форма облегчает решение многих вопросов, в том числе, финансово-организационных, расширяет границы, устанавливает более тесные контакты с соотечественниками из других регионов. С другой стороны, уходит аутентичность действия, когда проведение праздника от начала до конца было народной

инициативой. Население очень быстро привыкло к тому, что не нужно о чем-либо беспокоиться, все вопросы решаются без его участия; судя по всему, устраивает людей и роль пассивных зрителей. В контексте этих перемен, безусловно, важнейшей задачей является сохранение того, что называется душой праздника и, похоже, местные активисты это хорошо понимают. Во всяком случае, озабоченность проблемами сохранения собственной группы выражается в очень близких формулировках, что еще раз подчеркивает черты сходства между группами.

5. Заключение

Таким образом, в каждой группе и даже в каждом населенном пункте сохранность «языческих» представлений и культов отличается и имеет собственную историю. Между тем, имеется ряд черт, общих для всех «язычников» Татарстана, как в прошлом, так и в настоящем: устойчивое этноконфессиональное самосознание носителей; лучшая, чем на коренной этнической территории, сохранность этноконфессиональных отличий; активное взаимодействие с группами этнического большинства, нашедшее отражение во многих пластах бытовой культуры. Каждая группа представляет собой уникальный историко-этнографический памятник, изучение которого позволяет не только реконструировать этапы прошлого, фиксировать уходящие черты настоящего, но и закладывать определенную базу позитивного будущего, в котором мирно и плодотворно будут сосуществовать и взаимодействовать языки и культуры, история и религии.

Литература

- Белевцова, 2010 - *Белевцова В.О.* Свадебная обрядность восточных марийцев в контексте межкультурного взаимодействия в Восточном Закамье // *Этнографическое обозрение.* № 6. 2010. С.93-98
- Бусыгин и Зорин, 2002 - *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Этнография в Казанском университете. Казань, 2002. 220 с.
- Владыкин, 1994 - *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 384 с.
- Денисов, 1959 - *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959. 408 с.
- Димитриев, 1983 - *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1983. 111 с.
- Ерусланов, 1895 - *Ерусланов П.* Магометанская пропаганда среди черемис Уфимской губернии. М., 1895. 60 с.
- Загребин, 2006 - *Загребин А.Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. 324 с.
- Исхаков, 2009 - *Исхаков Д.М.* Исторические очерки. Казань, 2009. 164 с.
- Луппов, 1999 - *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск, 1999. 390 с.
- Макурина, 2008 - *Макурина В.В.* Православие как фактор формирования диалога культур в Урало-Поволжье (на примере удмуртских приходов 19-начала 20 вв.) // *Феномен Удмуртии.* Т.8. Ижевск, 2008. С.528-534.
- Миллер, 1791 - *Миллер Г.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791
- Миннихметова, 2000 - *Миннихметова Т.Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000. 168 с.
- Молотова, 2010 - *Молотова Т.Л.* Марийцы-«язычники» в Урало-Поволжье: история и современность // *Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья.* Самара, 2010. С.71-93.
- Мы и как..., 2007 - Мы и как удмурты, и как чуваша... Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях: Сб. статей. М.: РУДН, 2007. 198 с.
- Полевые материалы... - Полевые материалы Столяровой Г.Р., Республика Татарстан, Альметьевский район, д.Старое Суркино, 2001 г. (информанты: З.В.Алексеева, 1955 г.р.; Г.Т.Бикбова, 1947 г.р.; С.М.Тухтаманов, 1926 г.р.; С.П.Салдаева, 1938 г.р.; Э.Альминиева, 1968 г.р.; У.Сатыбалова, 1923 г.р.).
- Полевые материалы..., а - Полевые материалы Столяровой Г.Р., Рычковой Н.В., Республика Татарстан, Альметьевский район, д.Старое Суркино, 2014 г. (информанты: З.П.Ильмукова, 1936 г.р.; А.С.Паймуллина, 1939 г.р., Ш.Е.Саватнеева, 1940 г.р.).
- Попов, 1996 - *Попов Н.С.* На марийском языческом молении // *Этнографическое обозрение.* 1996. № 3. С. 130-145.
- Садиков, 2008 - *Садиков Р.Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008. 232 с.
- Садиков, 2010 - *Садиков Р.Р.* Взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // *Этнографическое обозрение.* №6. 2010. С.9-22

- Садиков, 2010а - Садиков Р.Р. Удмурты – «язычники»: история формирования, расселение и современное состояние // Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья. Самара, 2010. С.93-111.
- Салмин, 2007 - Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 653 с.
- Сепеев, 1975 - Сепеев Г.А. Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975. 247 с.
- Сепеев, 2006 - Сепеев Г.А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: Изд-во Марийский полиграф, 2006. 199 с.
- Смирнова и др., 2008 - Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.8. Удмуртская диаспора. М.; Ижевск, 2008. С.186-194.
- Столярова, 2006 - Столярова Г.Р. История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана // Этнографическое обозрение. 2006. №2. С.96–115.
- ЦГА - Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 5615. Оп.1. Д.15. Л.78 об.
- ЦГА, а - Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 8140. Оп.1. Д.15. Л. 93
- Шкалина, 2002 - Шкалина Г.Е. Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола, 2002. 208 с.
- Этноконфессиональные..., 2010 - Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья / Е.А.Ягафова, Е.С.Данилко, Г.А.Корнишина, Т.Л.Молотова, Р.Р.Садиков; под ред. д-ра ист. наук Е.А.Ягафовой. Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. 264 с.
- Ягафова, 2007 - Ягафова Е.А. Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века. Самара, 2007. 128 с.
- Ягафова, 2010 - Ягафова Е.А. «Язычество» и его адепты в Волго-Уралье // Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья. Самара, 2010. С.15-71.
- Benovska-Savkova, 2010 - Benovska-Savkova, Milena. Martyrs and Heroes. The Religious and Secular Worship of the Dead in Post-Soviet Russia // Ethnologia Europea. 2010. Vol.40. P.42-57.
- Montemaggia, 2015 - Montemaggia, Francesca Eva Sara. Sacralisation – the role of individual actors in legitimizing religion // Culture and Religion: An interdisciplinary Journal. 2015. Vol.16. Issue 3. P.291-307
- Walton, 2013 - Walton, Jeremy. Confessional pluralism and the civil society effect: Liberal mediations of Islam and secularism in contemporary Turkey // American Ethnologist. 2013. Vol. 40. Issue 1. P.182-200.

References:

- Belevtsova, 2010 - Belevtsova V.O. Svadebnaia obriadnost' vostochnykh mariitsev v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodeistviia v Vostochnom Zakam'e [Wedding rituals of the Eastern Mari in the context of cross-cultural interaction in East Zakamye] // Ethnographic Review. 2010. No 6. P. 93-98. [in Russian]
- Busygin, Zorin, 2002 - Busygin, E.P., Zorin N.V. Etnografiia v Kazanskom universitete [Ethnography at Kazan University]. Kazan, 2002. 220 p. [in Russian]
- Denisov, 1959 – Denisov P.V. Religioznye verovaniia chuvash [The religious beliefs of the Chuvashs]. Cheboksary, 1959. 408 p. [in Russian]
- Dimitriev, 1983 – Dimitriev V.D. Chuvashskie istoricheskie predaniia [Chuvash historical legends]. Cheboksary, 1983. 111 p. [in Russian]
- Eruslanov, 1895 - Eruslanov P. Magometanskaia propaganda sredi cheremis Ufimskoi gubernii [Muslim propaganda among Cheremissians of Ufa province]. Moscow, 1895. 60 p. [in Russian]
- Ethnoconfessional, 2010 – Etnokonfessional'nye men'shinstva narodov Uralo-Povolzh'ia / E.A.Iagafova, E.S.Danilko, G.A.Kornishina, T.L.Molotova, R.R.Sadikov; pod red. d-ra ist. nauk E.A.Iagafovoi. [Ethnoconfessional minorities of the peoples of the Ural-Volga / E.A.Yagafova, E.S.Danilko, G.A.Kornishina, T.L.Molotova, R.R.Sadikov; ed. by Dr. E.A.Yagafova]. Samara: PGSGA, 2010. 264 p. [in Russian]
- Field data - Polevye materialy Stoliarovoii G.R., Respublika Tatarstan, Al'met'evskii raion, d.Staroe Surkino, 2001 g. (informanty: Z.V.Alekseeva, 1955 g.r.; G.T.Bikbova, 1947 g.r.; S.M.Tukhtamanov, 1926 g.r.; S.P.Saldaeva, 1938 g.r.; E.Al'minieva, 1968 g.r.; U.Satybalova, 1923 g.r.) [Field data of Stolyarova G., Republic of Tatarstan, Almetyevsk district, Old Surkino, 2001 (informants: Z.Alekseeva, born in 1955; G.Bikbova, born in 1947; S.Tukhtamanov, born in 1926; S.Saldaeva, born in 1938; E.Alminieva born in 1968; U.Satybalova, born in 1923)]. [in Russian]
- Field data, a - Polevye materialy Stoliarovoii G.R., Rychkovoii N.V., Respublika Tatarstan, Al'met'evskii raion, d.Staroe Surkino, 2014 g. (informanty: Z.P.Ilmukova, 1936 g.r.; A.S.Paimullina, 1939 g.r., Sh.E.Savatneeva, 1940 g.r.). [Field data of Stolyarova G., Rychkova N., Tatarstan, Almetyevsk district, Old Surkino, 2014 (informants: Z.Ilmukova, born in 1936; A.Paimullina, born in 1939; Sh.Savatneeva, born in 1940)]. [in Russian]
- Iskhakov, 2009 – Iskhakov D.M. Istoricheskie ocherki [Historical essays]. Kazan, 2009. 164 p. [in Russian]
- Lupov, 1999 – Lupov P.N. Khristianstvo u votiakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestii o nikh do XIX veka [Orthodoxy among Votyaks since the first historical news of them to XIX century]. Izhevsk, 1999. 390 p. [in Russian]
- Makurina, 2008 - Makurina V.V. Pravoslavie kak faktor formirovaniia dialoga kul'tur v Uralo-Povolzh'e (na primere udmurtskikh prikhodov 19-nachala 20 vv.) [Orthodoxy as a factor of dialogue between

- cultures in the Ural-Volga region (on the example of the Udmurt parishes of 19th and early 20th centuries.) // The phenomenon of Udmurtia. V.8. Izhevsk, 2008. P.528-534. [in Russian]
- Miller, 1791 - Miller G. Opisanie zhivushchikh v Kazanskoj gubernii iazycheskikh narodov iako to cheremis, chuvash i votjakov [Description of living in Kazan province pagan peoples such as Cheremissians, Chuvashes and Votyaks]. St. Petersburg, 1791. [in Russian]
- Minniyahmetova, 2000 - Minniyahmetova T.G. Kalendarnye obriady zakamskikh udmurtov [Calendar rites of the Kama Udmurts]. Izhevsk, 2000. 168 p. [in Russian]
- Molotova, 2010 - Molotova T.L. Mariitsy-"iazychniki" v Uralo-Povolzh'e: istoriia i sovremennost' [The Mari - "pagans" in the Ural-Volga region: history and modernity] // Ethnoconfessional minorities of peoples of the Ural-Volga. Samara, 2010. P.71-93. [in Russian]
- Popov, 1996 - Popov N.S. Na mariiskom iazycheskom molenii [On the Mari pagan prayer] // Ethnographic Review. 1996. No3, P.130-145 [in Russian]
- Sadikov, 2008 - Sadikov R.R. Traditsionnye religioznye verovaniia i obriadnost' zakamskikh udmurtov (istoriia i sovremennye tendentsii razvitiia). [Traditional religious beliefs and rituals of the Kama Udmurts (history and modern trends of development)]. Ufa, 2008. 232 p. [in Russian]
- Sadikov, 2010 - Sadikov R.R. Vzaimodeistviia v etnicheski smeshannykh seleniiakh Uralo-Povolzh'ia: istoriia i sovremennye tendentsii razvitiia [Interaction in ethnically mixed villages of Volga-Ural region: history and modern trends] // Ethnographic Review. 2010. No6. P.9-22 [in Russian]
- Sadikov, 2010a - Sadikov R.R. Udmurty – "iazychniki": istoriia formirovaniia, rasselenie i sovremennoe sostoianie [The Udmurts - "pagans": history of formation, settlement, and the current state] // Ethnoconfessional minorities of peoples of the Ural-Volga. Samara, 2010. P.93-111. [in Russian]
- Salmin, 2007 - Salmin A.K. Sistema religii chuvashei [The System of Chuvash's religion]. St. Petersburg.: Science, 2007. 653 p. [in Russian]
- Sepeev, 1975 – Sepeev G.A. Vostochnye mariitsy [The Eastern Mari]. Yoshkar-Ola, 1975. 247 p. [in Russian]
- Sepeev, 2006 - Sepeev G.A. Istoriia rasseleniia mariitsev [The history of settlement Mari]. Yoshkar-Ola: Mari polygraph, 2006. 199 p. [in Russian]
- Shkalina, 2002 - Shkalina G.E. Traditsionnaia kul'tura naroda mari [The traditional culture of the Mari]. Yoshkar-Ola, 2002. 208 p. [in Russian]
- Smirnova, Guboglo and others, 2008 - Smirnova S.K., Guboglo M.N. and others. Fenomen Udmurtii. T.8. Udmurtskaia diaspora [The phenomenon of Udmurtia. V.8. Udmurt Diaspora]. Moscow; Izhevsk, 2008. P.186-194 [in Russian].
- Stolyarova, 2006 - Stolyarova G.R. Istoriia formirovaniia i obriadnost' chuvashei-iazychnikov Tatarstana [The history of forming and the rituals of pagans Chuvashes of Tatarstan] // Ethnographic Review. 2006. No2. P.96-115. [in Russian]
- TGA – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskoi dokumentatsii Respubliki Tatarstan [Central State Archive of historical and political documents of the Republic of Tatarstan]. f. 5615. Inv.1, d.15, p.78. [in Russian]
- TGA, a – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskoi dokumentatsii Respubliki Tatarstan [Central State Archive of historical and political documents of the Republic of Tatarstan]. f. 8140. Inv.1, d.15, p. 93. [in Russian]
- Vladykin, 1994 - Vladykin V.E. Religiozno-mifologicheskaja kartina mira udmurtov. [Religious and mythological picture of world of the Udmurts]. Izhevsk. 384 p. [in Russian]
- We are as Udmurts, 2007 – My i kak udmurty, i kak chuvashi... Vzaimnaia sotsial'no-kul'turnaia adaptatsiia v etnicheski smeshannykh seleniiakh [We are as Udmurts, and as Chuvashes... The mutual socio-cultural adaptation in ethnically mixed villages] Coll. articles. Moscow: People's Friendship University, 2007. 198 p. [in Russian]
- Yagafova, 2007 - Yagafova, E.A. Chuvashskoe "iazychestvo" v XVIII – nachale XXI veka [Chuvash "paganism" in XVIII - early XXI century]. Samara, 2007. 128 p. [in Russian]
- Yagafova, 2010 - Yagafova, E.A. "Iazychestvo" i ego adepty v Volgo-Ural'e ["Paganism" and its adherents in the Volga-Ural] // Ethnoconfessional minorities of peoples of the Ural-Volga. Samara, 2010. P.15-71. [in Russian]
- Zagrebin, 2006 - Zagrebin A.E. Finno-ugorskie etnograficheskie issledovaniia v Rossii (XVIII – pervaja polovina XIX v.) [The Finno-Ugric ethnographic researches in Russia (XVIII - the first half of XIX centuries)]. Izhevsk, 2006. 324 p. [in Russian]
- Benovska-Savkova, 2010 - Benovska-Savkova, Milena. Martyrs and Heroes. The Religious and Secular Worship of the Dead in Post-Soviet Russia // Ethnologia Europea. 2010. Vol.40. P.42-57.
- Montemaggia, Francesca Eva Sara. (2015) Sacralisation – the role of individual actors in legitimizing religion // Culture and Religion: An interdisciplinary Journal. Vol.16. Issue 3. P.291-307.
- Walton, Jeremy. (2013) Confessional pluralism and the civil society effect: Liberal mediations of Islam and secularism in contemporary Turkey // American Ethnologist. Vol. 40. Issue 1. P.182-200.

УДК 39 (4/9)

Историко-культурные аспекты развития язычества у народов Татарстана

Гузель Рафаиловна Столярова ^{a, *}, Надежда Васильевна Рычкова ^b, Сергей Юрьевич Рычков ^c

^a Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

^b Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Российская Федерация

^c Институт экономики, менеджмента и права, Казань, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе литературных источников и полевых материалов авторов рассматривается феномен «язычества» (традиционной народной веры) у тюркского (чувашей) и финских (мари, удмурты) народов Татарстана в контексте исторических и этнокультурных процессов в Волго-Уральском регионе. Показаны история возникновения групп «язычников» в РТ, размещение их поселений, история изучения в различные периоды (дореволюционный, советский, постсоветский), результаты межконфессиональных и межэтнических взаимодействий в формировании религиозных практик «язычников» в прошлом и настоящем. Выделены объективные и субъективные факторы сохранения культурно-религиозной традиции, среди которых - относительная географо-демографическая изоляция; преимущественно, сельский образ жизни; преемственность религиозных практик; «личностные» факторы. Сделан вывод о благоприятных перспективах развития этноконфессиональных групп «язычников», основанный на достаточном внутреннем потенциале общин и внешней государственной поддержке их этнокультурной отличительности.

Ключевые слова: народы Татарстана, традиционная вера, культура, взаимодействие, факторы развития, история, современность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: guzelstol@mail.ru (Г.Р. Столярова), nadvas2@rambler.ru (Н.В. Рычкова), rychkovkazan@rambler.ru (С.Ю. Рычков)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 76-82, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(489)

Ship's biographies as a source of the Spanish-Russian naval cooperation

Nicholas W. Mitiukov ^{a, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

Abstract

On the basis of previously published author's works about biographies of individual ships, considered Russian-Spanish ship's exchange as an aspect of naval cooperation between Russia and Spain. There is offer a periodization of this process. The first period (1810-1820-s.) associated with the sale for the Spanish fleet the Russian Baltic Fleet at the end of the Napoleonic wars, that reasons were on the needing to regain the Spanish colonies in Latin America. On two parties there were purchased five battleships and six frigates. The second period (1904-1917) associated with negotiations for the purchasing for Russian a Spanish warships during the Russian-Japanese war, and the acquisition of five Spanish trawlers in 1915 for the needs of the Arctic Ocean Flotilla. The third period (1936-1939) – mutual capture of merchant vessels and the Soviet aid for Republican Spain, when it was handed over to four torpedo boats G-5-class, two of which at the end of the Civil War were served in the Nationalists Navy.

Keywords: Russia, Spain, naval cooperation, communication.

1. Введение

Российско-испанские военно-морские связи пока не были объектом целенаправленного изучения. Исследователей интересовали лишь отдельные эпизоды в весьма ограниченных хронологических рамках, например период гражданской войны. С другой стороны, хотя существует множество трудов по реконструкции биографий отдельных кораблей и судов, а также справочники по корабельному составу, сами биографии традиционно выступают как объект исследования, что практически исключает их комплексный анализ как источника о военно-морских связях. В данной работе предпринята попытка на основе анализа биографий отдельных кораблей и судов реконструировать историю российско-испанских связей и проведение периодизации этого процесса. Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XIX в. т.е. с победы Испании в войне за независимость, по середину XX в. – времени окончания гражданской войны в Испании.

2. Материалы и методы

В истории политических отношений между различными государствами в первую очередь уделяется внимание анализу дипломатической, официальной и другой документации. Предполагается, что это базис, определяющий надстройку. Однако в истории взаимоотношений весьма продуктивным может быть метод «от обратного», когда есть материальное выражение процесса, на основе которого можно оценить эффективность или неэффективность принятых решений. Для анализа генезиса военно-морских связей таким материальным выражением может стать анализ биографий кораблей и судов, которые в разное время несли службу под обоими флагами. Покупка, передача или захват современного боевого корабля это не просто разовая акция, она предполагает и подготовку личного состава, который будет эксплуатировать вверенное ему оружие, и подготовку условий его базирования, а значит адаптацию наземной инфраструктуры, и

* Corresponding author

E-mail addresses: nico01@mail.ru (N.W. Mitiukov)

многое другое. Таким образом, в качестве основного метода исследования был выбран метод контент-анализа, предметом которого явились корабли и суда, в разное историческое время поменявшие флаг с русского (советского) на испанский или наоборот.

Данные для контент-анализа

Занимаясь историей чужого государства, невольно обращаешь внимание на русские фамилии или названия, отмеченные в той или иной связи. Как правило, большинство этих свидетельств носят эпизодический случайный характер, тем не менее, они заставляют задуматься о системных процессах связывающих наши страны. К сожалению, судить о полном объеме военно-морского сотрудничества между Испанией и России пока преждевременно ввиду того, что не сняты грифы ограниченного доступа с документов даже периода гражданской войны, поэтому приходится находить другие маркеры этих процессов. И одним из таких индикаторов в области военно-морских вооружений, может стать картина обмена корабельным составом. Занимаясь продолжительное время историей испанского флота, автор этих строк составил список кораблей и судов в разное время принадлежавших Испании и России (по большинству из них выходили отдельные работы). Так детали покупки балтийской эскадры во время царствования Александра I в России и Фернандо VII в Испании и список переданных кораблей обобщены в работе (Mitiuckow, Anca, 2009). Подробности покупки Россией в Испании траулеров для Флотилии Северного Ледовитого океана – в (Mitiukov, Lapshin, 2011: 873–881). Как показало проведенное исследование, эта покупка отнюдь не случайность, а лишь частное проявление с одной стороны процесса приобретения Россией тральщиков в нейтральных странах (Lapshin, Mitjukov, 2014: 1910–1924), а с другой – масштабной военно-морской помощи Испании странам Антанты (Mitiukov, 2015: 133-136). Последнее выглядит на первый взгляд странным, и даже можно привести факты сотрудничества Испании с Тройственным союзом, но анализ корабельного состава показывает совершенно противоположную тенденцию. Если и были во время Первой мировой войны переходы из под испанского флага под германский или наоборот, то это были скорее единичные случаи. А относительно массовый процесс имел место лишь при вводе в строй испанского флота интернированных в начале войны германских и австрийских судов, через так называемый «Комитет захваченных судов» (Mitiukov, 2014: 236–240).

Однако наиболее масштабная смена флага имела место во время гражданской войны 1936–39 гг. Это, прежде всего, передача республиканцам четырех торпедных катеров типа Г-5 (Mitiuckow, 2010: 37–45), а также конфискация франкистами советских судов с контрабандой с одной стороны, и ввод в строй советского флота оказавшихся на территории СССР в момент капитуляции республики испанских торговых судов с другой (Митюков, 2010). Относительно последнего обычно упоминается восемь судов, поднявших советский военно-морской флаг, однако нами было установлено, что был еще девятый пароход «Marzo», который, по-видимому, получить советское наименование не успел (Lapshin, Mitiukov, 2014a: 1437–1439). Формально все эти суда также следует добавить к расчетам. Советские торговые суда, задержанные с грузом контрабанды, зачислялись в состав испанского военно-морского флота и лишь спустя определенное время некоторые из них выставлялись на аукцион и уходили в частные компании. Испанские торговые суда, конфискованные советской стороной, «де юре» принадлежали единой с 1939 г. Испании. А потому в случае их пребывания в зарубежном порту, в соответствии с нормами международного права, местным властям необходимо было их задержать и передать испанской стороне. В связи с этим все пароходы пришлось ввести в состав советского военно-морского флота с исключением зарубежных плаваний.

В список включены также суда, хотя бы кратковременно числившиеся в каком-нибудь из флотов. Крейсер «Rápido», приобретенный во время испано-американской войны для испанского флота у германской компании HARAG, по окончании войны был возвращен обратно и в 1904 г. снова приобретен на нужды российского флота как крейсер «Терек» (Mitiukov, 2014a: 23–44; Mitiuckow, Anca, 2002: 172–175). И, наконец, пароход «Матильда», использовавшийся для опытов с морской авиацией на Черноморском флоте, спустя некоторое время поднял флаг одной из испанских пароходных компаний (Lapshin, Mitiuckov, 2013: 581–586; Lapshin et al, 2014: 1736–1741).

Таблица. Список кораблей и судов, в разное время находившихся под российским (советским) и испанским флагами

Постройка	Водоизмещение, т (брт)	Первое наименование	Второе наименование	Класс
1810	3093	Трех святителей	Velasco	Линкор
1811	2700	Норд Адлер	España	Линкор
1811	1342	Автроил	Astrolabio	Фрегат
1813	2897	Нептунус	Fernando VII	Линкор
1813	2700	Дрезден	Alejandro I	Линкор
1813	2700	Любек	Numancia	Линкор
1815	1950	Меркуриус	Mercurio	Фрегат
1816	1950	Патрикий	Reina Maria Isabel	Фрегат
1816	1294	Проворный	Viva	Фрегат
1816	1950	Легкий	Ligera	Фрегат
1816	1294	Поспешный	Pronta	Фрегат
1889	10500	Rápido	Терек	Лайнер
1894	3480 брт	Матильда	Pilar	Судно
1897	1517 брт	Marzo	–	Судно
1898	2823 брт	Inocencio Figaredo	Брянск	Судно
1901	475	Avispa	T-28	Тральщик
1903	475	Habana	T-29	Тральщик
1905	475	Villa de Cee	T-25	Тральщик
1905	475	Santiago	T-26	Тральщик
1908	491	Erla	T-27	Тральщик
1912	3209 брт	Катаяма	Castillo Ampudia	Судно
1918	2485 брт	Смидович	Castillo Peñafiel	Судно
1920	5152 брт	Mar Blanco	Орел	Судно
1921	3545 брт	Постышев	Castillo Olite	Судно
1921	5421 брт	Isla de Gran Canaria	Псков	Судно
1923	4713 брт	Ленсовет	Castillo Bellver	Судно
1927	6629 брт	Cabo Quilates	Двина	Судно
1928	9965 брт	Juan Sebastian Elcano	Волга	Судно
1930	3972 брт	Макс Гельц	Castillo Montealegre	Судно
1931	2109 брт	Скворцов-Степанов	Castillo Maqueda	Судно
1931	12589 брт	Cabo San Augustin	Днепр	Судно
1932	2109 брт	Цюрупа	Castillo Villafranca	Судно
1933	2034 брт	Ciudad de Ibiza	Белосток	Судно
1933	2034 брт	Ciudad de Tarragona	Львов	Судно
1937	17	–	№ 11	Торпедный катер
1937	17	–	№ 21	Торпедный катер
1937	17	–	№ 31	Торпедный катер
1937	17	–	№ 41	Торпедный катер

3. Результаты и обсуждение

Обычно для контент-анализа корабельного состава принято использовать суммарное водоизмещение или тоннаж. Однако данный график следует признать малоинформативным (рис. 1). Например, из-за слишком большого водоизмещения «Rápido»/«Терек» он явно перекрывает суммарное водоизмещение траулеров, проданных России в годы Первой мировой войны. В этом отношении анализ судов по количеству более объективно (рис. 2).

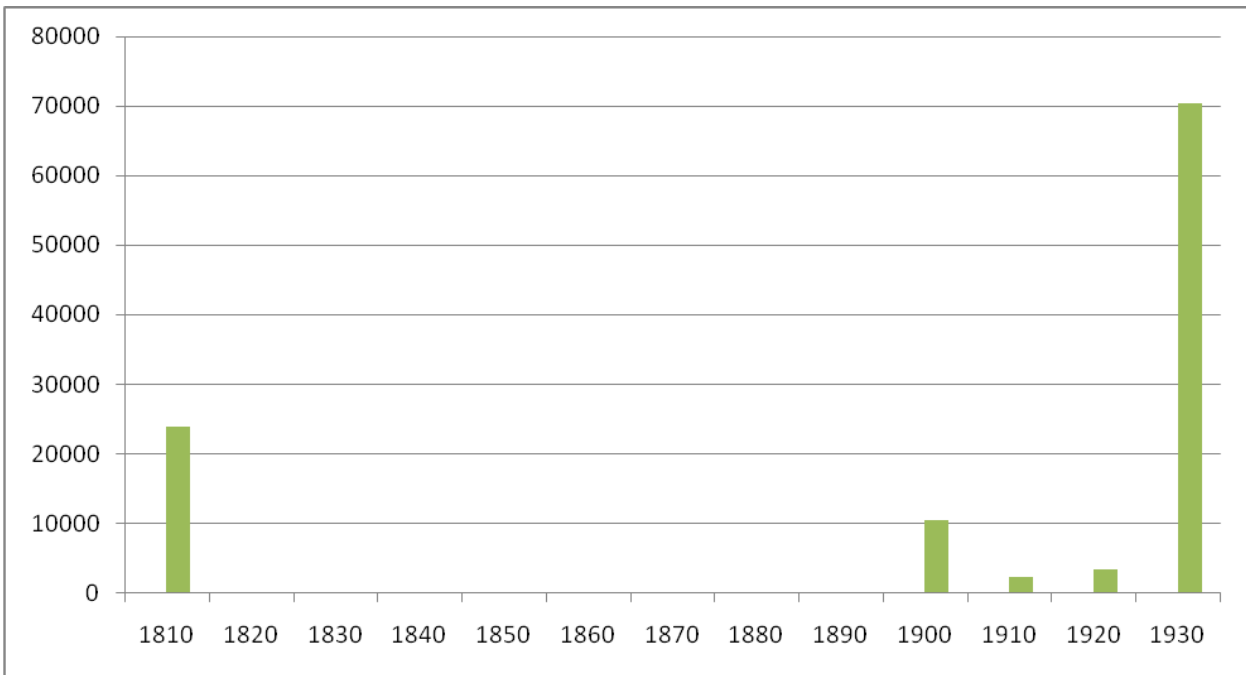

Рис. 1. Суммарное водоизмещение перемещенных кораблей и судов

Рис. 2. Количество перемещенных кораблей и судов

Процесс военно-морских связей России и Испании явно распадается на три периода.

Первый период, датируемый концом 1810-х – началом 1820-х гг. связан с продажей Испании эскадры кораблей из состава Балтийского флота. По окончании глобальных войн, к которым можно отнести и наполеоновские, у стран-участниц, как правило, набирается изрядное количество военных материалов и припасов, бесполезных в мирной жизни. Это особенно ярко видно, например, по картине военной помощи США по окончании Второй мировой войны. Нечто подобное произошло в Российской истории в указанные выше временные рамки. С другой стороны, объявление независимости латиноамериканских колоний, при практически полном уничтожении бывшей испанской военно-морской мощи Великобританией (в серии весьма эффектных морских сражений, кульминацией которых стал Трафальгар), заставило политическое руководство Испании взять политику на восстановление своего корабельного состава. В дополнении следует отметить разницу оценок этой операции в России и Испании. Благодаря высказыванию Александра I, что сделка была весьма выгодна, российские историки, как правило, оценивают ее позитивно, забывая, например, что

русская сторона получила лишь первую часть платежей. В Испании, наоборот, для обоснования неспособности существующей власти к управлению, что впоследствии привело к известным революционным событиям, история с покупкой русской эскадры неизменно преподносится как довод в коррупционности и волонтаризме правительства Фернандо VII.

Между тем, это несоответствие взглядов достаточно просто объясняется различиями в военно-морской культуре наших государств. В России, где корабли строились из казенного леса, казенными рабочими, на казенных верфях, стоимость корабля определялась лишь покупными комплектующими и оплатой труда иностранных специалистов. В результате для казны постройка корабля обходилась на порядки меньше, чем в Испании с полной невозможностью определить реальную цену на корабли. Отсюда и соответствующее отношение к своему флоту, как к расходному материалу. В результате – небрежности при строительстве (например, в порядке вещей была постройка из сырой древесины), небрежности при эксплуатации и т.д. приводили к тому, что средний срок службы кораблей едва превышал десять лет. В Испании отношение к кораблю, как правило, было как к произведению искусства, и поскольку обходился он дорого, эксплуатировать приходилось бережно. Поэтому когда купленные корабли отслужили свой положенный для российской стороны срок и пришли в ветхость, испанская сторона сочла себя обманутой.

Второй этап военно-морского сотрудничества следует датировать периодом 1904–1917 гг. Россия в это время погрязла в двух наиболее кровопролитных за всю ее историю войнах (русско-японской и Первой мировой), что потребовало увеличение ее корабельного состава, в том числе и за счет покупок в нейтральных странах. Кроме упоминавшейся покупки траулеров для Русского севера, сюда же следует отнести еще один эпизод, не получивший пока широкого освещения.

Традиционно считалось, что российско-испанское военно-морское сотрудничество периода русско-японской войны свелось к использованию испанских портов и испанских угольчиков российскими кораблями. Но недавно рассекреченные архивы адмирала Феррандиса позволяют утверждать, что российская миссия осматривала испанские корабли с целью их возможной покупки (миссия была секретная, т.к. Испания соблюдала нейтралитет). Речь идет о броненосце «Relayo» и эсминцах типа «Теггог». Однако все эти планы остались нереализованными по множеству объективных причин (Митюков, 2006: 28–31).

И, наконец, третий этап сотрудничества следует отнести к периоду гражданской войны 1936–1939 гг. когда Советский Союз осуществлял масштабную помощь республиканцам. Несмотря на то, что в ряде работ (например, Юргена Майстера) утверждается, что испанской стороне были переданы несколько серий кораблей, вплоть до морских охотников, анализ документов показал, что реально передали лишь четыре торпедных катера типа Г-5.

Хотелось бы напомнить о сохранившихся материальных свидетельствах обмена корабельным составом. От проданной Александром I Балтийской эскадры к настоящему времени осталось около десятка орудий, выставленных в испанских музеях (Сан-Фернандо, Картахены и т.д.). А один из потопленных во время гражданской войны торпедных катеров в настоящее время является довольно посещаемым дайв-сайтом.

4. Заключение

Таким образом, проведенный контент-анализ четко устанавливает три периода российско-испанского военно-морских связей. Первый период (1810–1820-е гг.) связан с продажей Испании эскадры Балтийского флота по окончании наполеоновских войн, в связи с необходимостью Испании вернуть себе колониальные владения в Латинской Америке. Двумя партиями было приобретено пять линкоров и шесть фрегатов. Второй период (1904–17 гг.) – переговоры по покупке Россией боевых кораблей во время русско-японской войны, а также приобретение пяти испанских траулеров в 1915 г. для нужд Флотилии Северного Ледовитого океана. Третий период (1936–39 гг.) – взаимный захват торговых судов, а также военно-морская помощь Советского Союза республиканской Испании, когда было передано четыре торпедных катера типа Г-5, два из которых по окончании гражданской войны служили во флоте националистов.

Литература

- Митюков, 2006 - Митюков Н.В. Русско-испанское военное сотрудничество в период русско-японской войны // Гангут. 2006. № 37. С. 28–31.
- Митюков, Барабанов, 2010 - Митюков Н.В., Барабанов М.С. Корабли ВМС Испании периода гражданской и Второй мировой войны 1936–1945 гг. М.: Морская кампания, 2010. 64 с.
- Lapshin et al., 2014 - Lapshin R.V., Mitiukov N.W., Menkovsky V.I. The “Matilda” Steamer – On the History of the First Experiments with Naval Aviation in Russia // European Researcher. 2014. Vol. 84. № 10-1. P. 1736–1741. DOI: 10.13187/er.2014.84.1736.
- Lapshin, Mitiukov, 2013 - Lapshin R.W., Mitiukov N.W. El vapor "Mathilda", el exportaaviones ruso que navegó bajo bandera española // Revista general de marina. 2013. Vol. 264. № 4 (Mayo). P. 581–586.
- Lapshin, Mitiukov, 2014 - Lapshin R.V., Mitiukov N.W. Argentine Trawlers for the Arctic Ocean Flotilla // European Researcher. 2014. Vol. 86. № 11-1. P. 1910–1924. DOI: 10.13187/er.2014.86.1910.

- Lapshin R.V., Mitiukov, 2014a - Lapshin R.V., Mitiukov N.W., Menkovsky V.I. The History of Spanish Steamer "Marzo" // *European Researcher*. 2014. Vol. 80. № 8-1. P. 1437–1439.
- Mitiuckow, 2010 - Mitiuckow M.W. Radzieckie kutry torpedowe typu G-5 w Hiszpanii // *Okrety Wojenne*. 2010. № 3. S. 37–45.
- Mitiukov, 2014 - Mitiukov N.W. The Spanish Mercantile Fleet and the "Council of Captured Ships" // *Voennyi Sbornik*. 2014. № 4 (6). P. 236–240.
- Mitiukov, 2014a - Mitiukov N.W. The Actions of Auxiliary Cruisers and Armed Vessels on Spanish-American War of 1898 // *International Naval Journal*. 2014. Vol. (3). № 1. P. 23–44. DOI: 10.13187/inj.2014.3.23
- Mitiukov, 2015 - Mitiukov N.W. Naval assistance to Spain and the triple entente // *Bylye gody*. 2015. № 1 (35). p. 133–136.
- Mitiuckov, Anca, 2002 - Mitiuckov N.V., Anca A.A. El Historial en las marinas española y rusa de crusero auxiliar «Rápido» // *Revista española de historia militar*. 2002. Abril. № 22. P. 172–175.
- Mitiuckow, Anca, 2009 - Mitiuckow N.W., Anca A.A. La escuadra rusa comprada por Fernando VII en 1817. Madrid: Camaré Ed., 2009. 96 p. (ISBN 978-84-935835-9-0).
- Mitiukov, Lapshin, 2011 - Mitiukov N.W., Lapshin R.W. Los bous de procedencia española incorporados a la flotilia del océano glacial ártico durante la primera Guerra mundial // *Revista General de Marina*. 2011. Diciembre. P. 873–881.

References

- Mityukov, 2006 - Mityukov N.V. Russko-ispanskoe voennoe sotrudnichestvo v period russko-yaponskoi voiny // *Gangut*. 2006. № 37. S. 28–31.
- Mityukov, Barabanov, 2010 - Mityukov N.V., Barabanov M.S. Korabli VMS Ispanii perioda grazhdanskoi i Vtoroi mirovoi voiny 1936–1945 gg. M.: Morskaya kompaniya, 2010. 64 s.
- Lapshin et al., 2014 - Lapshin R.V., Mitiukov N.W., Menkovsky V.I. The "Matilda" Steamer – On the History of the First Experiments with Naval Aviation in Russia // *European Researcher*. 2014. Vol. 84. № 10-1. R. 1736–1741. DOI: 10.13187/er.2014.84.1736.
- Lapshin, Mitiuckov, 2013 - Lapshin R.W., Mitiuckov N.W. El vapor "Mathilda", el exportaaviones ruso que navegó bajo bandera española // *Revista general de marina*. 2013. Vol. 264. № 4 (Mayo). P. 581–586.
- Lapshin, Mitjukov, 2014 - Lapshin R.V., Mitjukov N.W. Argentine Trawlers for the Arctic Ocean Flotilla // *European Researcher*. 2014. Vol. 86. № 11-1. R. 1910–1924. DOI: 10.13187/er.2014.86.1910.
- Lapshin R.V., Mitiukov, 2014a - Lapshin R.V., Mitiukov N.W., Menkovsky V.I. The History of Spanish Steamer "Marzo" // *European Researcher*. 2014. Vol. 80. № 8-1. P. 1437–1439.
- Mitiuckow, 2010 - Mitiuckow M.W. Radzieckie kutry torpedowe typu G-5 w Hiszpanii // *Okrety Wojenne*. 2010. № 3. S. 37–45.
- Mitiukov, 2014 - Mitiukov N.W. The Spanish Mercantile Fleet and the "Council of Captured Ships" // *Voennyi Sbornik*. 2014. № 4 (6). P. 236–240.
- Mitiukov, 2014a - Mitiukov N.W. The Actions of Auxiliary Cruisers and Armed Vessels on Spanish-American War of 1898 // *International Naval Journal*. 2014. Vol. (3). № 1. P. 23–44. DOI: 10.13187/inj.2014.3.23
- Mitiukov, 2015 - Mitiukov N.W. Naval assistance to Spain and the triple entente // *Bylye gody*. 2015. № 1 (35). p. 133–136.
- Mitiuckov, Anca, 2002 - Mitiuckov N.V., Anca A.A. El Historial en las marinas española y rusa de crusero auxiliar «Rápido» // *Revista española de historia militar*. 2002. Abril. № 22. P. 172–175.
- Mitiuckow, Anca, 2009 - Mitiuckow N.W., Anca A.A. La escuadra rusa comprada por Fernando VII en 1817. Madrid: Camaré Ed., 2009. 96 p. (ISBN 978-84-935835-9-0).
- Mitiukov, Lapshin, 2011 - Mitiukov N.W., Lapshin R.W. Los bous de procedencia española incorporados a la flotilia del océano glacial ártico durante la primera Guerra mundial // *Revista General de Marina*. 2011. Diciembre. P. 873–881.

УДК 94(489)

Биографии кораблей и судов как источник о российско-испанском военно-морском сотрудничестве

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: nico01@mail.ru (Н.В. Митюков)

Аннотация. На основе ранее опубликованных автором работ по биографиям отдельных кораблей, рассматривается российско-испанский обмен корабельным составом как аспект военно-морского сотрудничества России и Испании. Предложена периодизация этого процесса. Первый период (1810–1820-е гг.) связан с продажей Испании эскадры Балтийского флота по окончании наполеоновских войн, в связи с необходимостью Испании вернуть себе колониальные владения в Латинской Америке. Двумя партиями было приобретено пять линкоров и шесть фрегатов. Второй период (1904–1917 гг.) – переговоры по покупке Россией боевых кораблей во время русско-японской войны, а также приобретение пяти испанских траулеров в 1915 г. для нужд Флотилии Северного Ледовитого океана. Третий период (1936–1939 гг.) – взаимный захват торговых судов, а также военно-морская помощь Советского Союза республиканской Испании, когда было передано четыре торпедных катера типа Г-5, два из которых по окончании гражданской войны служили во флоте националистов.

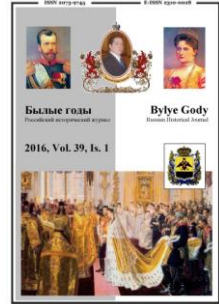
Ключевые слова: Россия, Испания, военно-морской, сотрудничество, связи.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 83-89, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (4) "15/19"

Idea of a nation in Eastern Europe in modern times

Victor Y. Apryshchenko ^{a, *}

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article deals with the process of shaping of the national identities in eastern Europe in Modern Times. The idea of a nation considers as a result and the source of mythologisation. East-european intellectual tradition of the nineteenth century resulted in the mobilisation of ethnicity aiming to protect the idea of a nation. Pointing out the elitarian and popular imaginations, the author argues that nationalism played a communicative role between a state and society and has produced resources for nation-building. The role of national symbols is also considered in the paper by means of ethno-symbolic approach. The author concluded that intellectual imaginations which were based on the ethnic myths and symbols have shaped the national identity in Eastern Europe.

Keywords: nation, identity, myth, symbols, ethnicity, intellectuals popular imaginations.

1. Введение

Идея нации традиционно являлась объектом мифологизации, воплощая представления народов о своем прошлом и настоящем, о друзьях и недругах, о должном и запрещенном. При этом мифы нации, будучи выражены в разных воплощениях – формальных, физических, культурных и религиозных, социальных и политических – не могли становиться основой для столь же различных человеческих практик – войн, актов агрессии, политических мероприятий, идеологии, а также повседневного поведения, основанного на представлении о собственной культуре. Иными словами, идея нации требует того «ежедневного плебисцита», о котором говорил в своей известной лекции, прочитанной в Сорбонне в 1882 г. Э. Ренан. На протяжении XIX и начала XX столетий именно страны Восточной Европы испытали не себе процесс нации-строительства, выявивший самые болевые точки формирования идеи нации. Эти проблемы были связаны не только с распадом империй, объединявших в себе множество наций, но и необходимостью «примирения с прошлым».

2. Материалы и методы

Материалы, использованные для подготовки данной статьи, включают как произведения теоретиков нации XIX столетия, среди которых особо выделяются Э. Берк ([Burke, 2001](#)), Н. Карамзин, Ф. Палацкий ([Palacky, 1939](#)), Э. Ренан ([Renan, 1882](#)), заложившие моральный и интеллектуальный фундамент для зарождающегося национализма в своих странах, так более поздних теоретиков нации, таких как Б. Андерсон, Э. Гелнер, Э. Смит и другие. Большая часть этих текстов вошла в академическое оксфордское издание под редакцией Джорна Хатчинсона и Энтони Смита ([Nationalism, 2012](#)).

Методологическую основу исследования составили историко-антропологические методы, использование которых дают возможность проанализировать «человеческое» измерение нации, где она полагается не как политический конструкт, а как результат ренановского «ежедневного плебисцита» ([Renan, 1882](#); [Kohn, 1955: 135-140](#)). Скорее «вера» в нацию, чем реальные политические

* Corresponding author

E-mail addresses: victorapr@sfedu.ru (V.Y. Apryshchenko)

институты, была характерна для национализма XIX в., что обуславливает использование историко-антропологических методов (Barret, 1996), открывающих значительные эвристические перспективы перед исследователем, изучающим национальную идею. При этом данная методология близка к тому, что Пол Хэйв называет «этнометодологией», предметом анализа которой являются «способы, которыми члено общества создают и защищают ощущение правил и справедливости социальной жизни» (Qualitative Research Practice, 2010).

3. Обсуждение

Современный этап развития историописания характеризуется тем многообразием парадигм и концепций, которое не только породило различные новые методы и направления исследований, но и привело к историографическому пересмотру, казалось бы, устоявшихся категорий исторического анализа. Одним из примеров такой ревизии является категория «нация». Оживление интереса к этому концепту было вызвано целым рядом факторов, как академического, так и общественного характера, и уже сегодня дало очевидные результаты.

Современные исследователи феномена нации, и Эрнест Гелнер, и Энтони Смит, и Бенедикт Андерсон считают национализм ответом на модернизацию, в ходе которой были разрушены традиционные структуры. На то, что рассмотрение нации-строительства, как процесса, происходящего в рамках более глобальной социальной и культурной истории, способно принести гораздо большую пользу, чем навешивание разного рода ярлыков, обращал внимание еще М. Хрох. Подобные вопросы тем более интересны, что они рассматривают одну из форм идентичности – национальную.

Уже Адам Смит – один из тех, кого вопрос о сущности нации очень занимал, употребляет этот концепт как обозначающий территорию страны и людей, которые там живут. Однако еще и в XIX в. категория «нации» часто употребляется лишь в риторическом смысле, обозначая просто общество людей. В политическом же смысле, нация в XIX в. включает в себя находящиеся под управлением одного правительства, и либо самоуправляющиеся, либо управляемые освобожденной частью людей, сообщества.

Этот политический смысл очень важен, поскольку уже в конце XVIII в. прослеживается тенденция отказа от идентификации себя с каким-то правителем, монархом. Важно и то, что концепт "нации" наиболее активно развивается с 1830 по 1880 г., что свидетельствует о возросшей роли либеральной буржуазии и интеллигенции в его конституировании. Уже для Вальтера Бейджхота "формирование наций" было важной частью эволюции XIX в. (Bagehot, 1887). Именно на эти особенности формирования наций в Восточной Европе указывают большинство Эли Кедури, Том Нэйрн, Джон Брюли и др. (Nationalism, 2012)

4. Результаты

Первым этапом формирования нации, как показывает европейский опыт XVIII в., является т.н. «бюрократическая инкорпорация», которая делает возможным обеспечивать народ, проживающий на государственной территории общими законами, экономическими условиями, «языковой стандартизацией», как пишет Э. Смит, что способствует формированию нации. Причем все это не исключает сохранения местных особенностей, которые во Франции, например, сохранялись до XIX в. Но этот этап, являющийся все же механическим объединением, не рождает нацию, он создает лишь условия для ее формирования.

На втором этапе решающую роль играет интеллигенция, которая должна как бы переоткрыть нацию, что, как правило, происходило в результате моральной революции. Интеллигенция должна была сформировать вместо пассивного и зависимого этнического меньшинства, живущего на территории этнической периферии и кичащегося своим независимым прошлым, новую компактную политически и социально активную нацию, воссозданную еще и в националистической терминологии.

В наибольшей степени эти идеи отражаются в представлении о нации как о дискурсивном феномене. Дискурс нации предполагает убеждение в существовании неких этнических объединений, интегрированных общностью происхождения, истории, занимаемой территории, политических структур и т.д. - все то, что было так значимо для восточно-европейских интеллектуалов во второй половине XIX в. Дискурсивная природа нации предполагала постоянное обращение к идеи нации и ежедневное конструирование этой идеи. Невыполнение этого требования национального единства, к которому миф о нации постоянно апеллирует, грозит национальной катастрофой. Именно поэтому миф о нации на протяжении Нового времени являлся столь могущественной силой в Восточной Европе.

Миф о нации может быть, очевидно, определен как разновидность мета-мифа, поскольку он включают целый ряд идей и представлений, таких как миф о собственной территории, завещанной предками, миф о единстве биологического (расового) происхождения, как правило, обусловленного генеалогией от общего предка, миф о политической власти, интегрирующей нацию и т.д. Однако, наиболее важными компонентами, легитимирующими существующий порядок и поддерживавшими жизнестойкость национального мета-мифа, являлись представления об общем историческом

прошлом и этнический миф. Одновременно именно эти два компонента мета-мифа о нации являются наиболее мифологизированными, что делает их, с одной стороны, довольно гибкими и зависящими от политической и геополитической конъюнктуры, а с другой, превращает в средство манипуляции общественным мнением.

Именно этнический миф, как никакой другой наполненный национальными символами, чаще других становится основанием для противостояния. При этом важным для понимания идеологической роли этнического мифа в формировании стратегии противостояния является понимание этничности не как «биологической» категории, а как культурно-идеологического концепта, подвергаемого трансформации в зависимости от определенных обстоятельств (Smith, 1999: 57-58). Этническое родство является основным принципом конструкции мифа о нации, а культурно-идеологическое представление об этничности создает благоприятную основу для манипуляций этой идеей.

Обуславливая этнонациональные процессы, миф о нации и сам является очень подвижной системой, в одно и то же время и детерминируя эволюцию представлений о нации на уровне группы, и попадая в зависимость от социокультурных обстоятельств и геополитической ситуации. Национальный миф, способствуя эволюции культуры, способен «перемальвать» и адаптировать те представления, которые не соответствуют идее этнической солидарности. Создатели национальной мифологии воспроизводят национальную идентичность, используя этнические символы и идеи, в том числе и представления о родстве, общей укорененности группы в прошлом. Ядро этой этнической идентичности и составляет мифо-символический комплекс – смесь мифа, памяти, знаков и символов, который не просто определяет, кто входит в состав группы, но также и то, что значит быть членом этой группы. Существование, статус и безопасность группы в этом случае находятся в прямой зависимости от статуса групповых символов, именно поэтому люди сражаются и умирают за эти символы, и поэтому они готовы следовать за своими лидерами, которые манипулируют символами в целях достижения своих интересов (Kaufman, 2001: 25).

Особенно важен статус национальных символов в условиях глубоких общественных перемен, сотрясавших Восточную Европу во второй половине XIX в. Согласно Д. Хоровитцу, выбирая между максимализацией собственных материальных благ и максимализацией различия между уровнем обеспеченности собственной группой и другой в свою пользу, люди, как правило, выбирают второе. Иначе говоря, фактор различия становится решающим в процессе построения национальной идентичности. Языком этого соперничества является дилемма легитимности, заключающаяся в вопросе о том, статус какой их групп является более законным и освященным традицией, какая группа имеет больше прав на осуществления власти и реализацию права. Именно относительный статус, а не экономика, язык или нечто другое, по мнению Д. Хоровитца, и порождает этнический конфликт (Kaufman, 2001: 26).

Предубеждения, стереотипы, выражающиеся в негативном отношении и чувствах к чужим, и мифы, являющиеся составными частями мифо-символического комплекса, очевидно являются средством лишения противоположной группы легитимного статуса. Эмоциональная составляющая этих настроений очень важна – исследования показывают, что отрицательные чувства по отношению к другой группе играют большую роль, чем стереотипы в объяснении собственных претензий (Stangor et al., 1991). В этнических конфликтах часто более важным оказывается не то, что приобретет твоя группа, а то, что потеряет враждебная. Важным в формировании отношения к другой группе оказывается и чувство опасности, как правило, преувеличенное, связанное с потенциальной возможностью исчезновения собственного социального организма. Такие опасения часто основываются на демографических и статистических показателях, а также на истории превосходства противоположной группы. Опасность исчезновения группы ведет к чувству страха и враждебности, а значит – к нестабильности и конфликту. Это чувство внешней угрозы является консолидирующим фактором, группа переосмысливает все события в этнических терминах, что служит укреплению внутригрупповых связей (Young, 1976: 161-162).

Политическим воплощением идеи о нации стал миф о государстве-нации, наибольшее развитие получивший в XIX – первой половине XX вв. Хотя еще и в конце XIX в. ассоциирование себя с какой-то национальностью формировалось довольно спорадически в целом ряде восточно-европейских государств (Cadiot, 2005: 440), жизнестойкость мифа о нации поддерживалась целым рядом фактов, ставших результатом исторических изменений, а сам мета-миф, поддерживаемый не только национальными правительствами, но и международными организациями, обретал статус реальности. Национализм, как правило, обретал либеральные черты, и за немногими исключениями границы государств соответствовали территориям проживания наций.

В результате рождалось то, что получило сегодня название «культурный национализм», являющийся, очевидно, первым этапом развития национализма вообще. Среди исследователей нет сегодня единодушия по проблеме классификации национализма. Выделяют обычно гражданский и этнический, политический и культурный, сепаратистский и юнионистский.

Признавая, что национализм изменил современный мир, исследователи имеют ввиду политическую его разновидность – политическое движение, которое объединило людей с целью достижения независимости для своей нации. Именно такое понимание национализма встречается,

например, в цикле работ Эли Кедури "Национализм" (Kedourie, 1966), "Национализм в Азии и Африке" (Kedourie, 1971). Национализм, согласно Кедури, это доктрина, которая утверждает, что человечество от природы разделено на нации, что нации обладают устойчивыми и известными характеристиками, и что единственным разумным и законным способом существования наций, является их независимость (Kedourie, 1966: 9). Эта идея берет свое начало еще в XVIII в., когда просветители сформулировали концепт нации, как независимого сообщества, объединенного рядом характеристик, ключевыми из которых были религия и коллективная идентичность. Тогда в XVIII и XIX вв. эта идея имела революционное значение, мобилизовав массы на борьбу с существующим общественным устройством.

По мнению Э. Кедури, истоки просветительских представлений лежат в кризисе традиционной религии, и зарождении рационалистической космологии XVIII в. Просветители, отстаивая идею общественного происхождения морали, в противовес ее данности богом, верили в процветание природы, что имело серьезные политические последствия. Революционное значение рационализма состояло в том, что он заместил религию деятельностью людей. В этом смысле логичным выглядит, что на смену бюрократическим абсолютистским европейским государствам, приходит национализм, как основа истинной автономии политического сообщества (Kedourie, 1966: 41).

Но национализм, уничтожив бюрократическое государство, положил начало разным течениям, в частности, волонтаристам (которых Э. Кедури называет республиканцами), связанных с политическими националистами, и органистам, которые ассоциируются с культурными националистами. Именно тогда Кантом и Гердером была заложена основа разделения на политический и культурный национализм (Hutchinson, 1987: 8-9)

Важность идей Э. Кедури в том, что он определил национализм как идеологию, противостоящую и традиционной идентичности, и бюрократическому государству своей активностью. Инициаторами культурного национализма были восточно-европейские интеллектуалы, чья роль заключалась в том, что они сформулировали новую историческую идеологию и основали первые культурные институты, которые должны были являться хранителями исторической памяти.

Уже на следующем этапе новая идентичность, созданная из мифов и легенд, была трансформирована в конкретные политические, экономические и социальные программы журналистами и политиками. Именно на этом этапе была заложена основа антагонизма между нацией и государством.

Хотя эти два этапа нации-строительства преследовали разные цели, оба они отстаивали интересы этноса и стремились к тому, чтобы их «нация» была воссоздана на новом уровне. Прошлое для них не было целью, к которому они хотели вернуться, но средством перехода нации на новый уровень развития. Но как бы то ни было, для формирования нации все же необходимо некое этническое ядро. Хотя, снова необходимо подчеркнуть, что речь не идет о фактическом происхождении, но об ощущении некой общности, об идентичности. Отсюда важность мифов, символов, ценностей истории. Это этническое ядро обеспечивает более простую и полную гомогенизацию в процессе нации-строительства.

Культурный национализм сыграл решающую роль в создании новой космологии, в рамках которой общество разделилось на уникальные автономные, интегральные и самостоятельно развивающиеся территориальные организмы. Инициаторами идеологии культурного национализма являлись представители двух групп - секулярных интеллектуалов, создавших эти идеи – историков, деятелей искусства и т.д., и интеллигенции – журналистов, политиков, которые организационно их оформили и создали политические сообщества. Обе группы происходят из образованных секулярных слоев XVIII в. и в этом их сходство, но они сыграли разную роль в динамике и утверждении культурного национализма.

В литературе, посвященной культурному национализму, при его характеристике прослеживаются следующие тенденции: во-первых, он противопоставляется политическому национализму, во-вторых, является преимущественно языковым движением, в третьих, он связан с модернизацией, завершение которой его уничтожает. Коренное отличие культурного национализма от политического состоит в том, что он не претендует на автономность жизни, но скорее, на обновление моральной сферы функционирования национального сообщества. Историческая память, чаще, чем язык, служит основой определения национального сообщества, что особенно актуально для ранних этапов нации-строительства.

Культурный национализм исходит из того, что государство есть продукт уникальной истории, культуры и географических условий, а нация - изначально данное выражение духа народа, и, как и семья, она едина. Нация представляет собой не просто политический союз, но скорее органический. В отличие от политических националистов, культурные считают нацию скрепленной не законом, а природой и историей (Berlin, 1976: 158-163). Воссоздавая разные аспекты жизни нации – традиционные и современные, сельские и городские, научные и религиозные, культурный национализм декларирует возрождение жизненных принципов нации. Современные националистические историки заново воссоздают мифы о миграциях и местах поселения, о "золотом веке" независимости, о героях древности, что способствует расцвету истории, искусств и культуры, как форм проявления новой идентичности.

Целью культурных националистов, таким образом, является моральное воссоздание исторического сообщества или, другими словами, регенерация национальной цивилизации (Hutchinson, 1987: 16). Поскольку цивилизация, в отличие от государства, является естественным продуктом развития общества, она не может быть воссоздана сверху или насаждена. Необходимо, соответственно, деятельность по организации масс для участия их в культурной жизни, путем создания культурных обществ, журналов, способствующих оживлению народной исторической памяти. Необходимы особые ритуалы, праздники, ликвидация или уменьшение иностранных практик, для того чтобы способствовать формированию общей идентичности в противовес другим сообществам.

По мнению Кона, если политический национализм – это "рациональная" форма, то культурный – это "мистическая" (Kohn, 1946: 3-4). Она возникает там, где процесс модернизации лишь только начинается, соответственно разрушаются старые традиционные структуры, а новые слои общества еще не сформировались. История многих восточно-европейских стран показывает, что политический национализм, в основе которого лежит борьба за независимые законодательные органы, начинается с завершением процесса модернизации. Переход к индустриальному обществу приводит не только к реструктуризации экономики, но и к социальным сдвигам – появляется то, что мы сегодня называем средним классом.

Нация, таким образом, формировалась с опорой на историческую память, уникальные культурные атрибуты, и опиралась, в отличие от рационалистического политического национализма, на мистические связи между крестьянством, землей и обществом (Kohn, 1946: 329-341). Э. Геллнер представляет процесс примерно таким же образом. По его мнению, культурный национализм создается интеллектуалами, которые в условиях угрозы традиционному обществу со стороны модернизации и невозможности противостояния ей, защищают прошлое, связавшее народ лингвистическими и культурными нитями. Эффект этой защиты получается скорее обратный – конфликт между традицией и модернизацией сглаживается, и в результате трансформации общества, создается культура, основой которой являются рационалистические ценности (Gellner, 1983: 57-61).

Иными словами, культурный национализм рождается в условиях противостояния традиционного общества и модернизации, и является "ответом" на ее "вызов", даваемым образованными слоями социума. Аграрное население в этом процессе не является пассивным объектом, а принимает активное участие в трансформации идентичности, тем самым, осуществляя выбор. И выбор этот, как правило, делается в пользу новой культуры, основанной на этно-исторических ценностях, но по своему характеру являющейся уже культурой индустриального общества. "Возвращение традиционной народной культуры, таким образом, это не бегство от реального мира, а катапультирование нации из современного ей состояния безвыходности и тупиковости к новому этапу социального развития" (Hutchinson, 1987: 33).

Культурный национализм появляется только в условиях глубокого кризиса идентичности, и попыток ликвидировать этот кризис в рамках модернизации, как это было, например, в Индии и Китае, столкнувшихся в к. XIX в. с вызовами Западной цивилизации. Исследователи выделяют три пути ликвидации этого кризиса: реформизм, ассимиляция и нео-традиционализм, каждый из которых, по словам Э. Смита, является результатом синтеза "традиции" и "модернизации" и может в итоге трансформироваться в культурный национализм (Smith, 1971; Smith, 1981). То есть культурному национализму предшествуют несколько форм рефлексии общества на модернизацию, и он не рождается ex nihilo, но становится результатом длительного процесса.

Для исторической антропологии ценность категории культурный национализм состоит в том, что нация рассматривается не как объективная данность, но как продукт интеллектуальной деятельности, рассчитанный на потребление широких масс. По мнению Х. Кона, культурный национализм является элементом националистического развития восточно-европейских или восточных государств, где возможности для демократического развития были ограничены, и эта форма национализма была единственной возможностью развития националистических взглядов среднего класса, возникшего в постреволюционный период второй половины XIX в. (Kohn, 1946).

Мирослав Хрох, чьи исследовательские интересы сосредоточены в Центральной и Восточной Европе, особенности развития национализма там, объясняет фактом преобладания чужеземного правящего класса над этническими группами, которые в определенный момент принялись обсуждать свою этническую принадлежность.

Вряд ли есть основания говорить о том, что форма национализма априори предрешена историческим, этническим развитием или другим факторами. В ее выборе решающей является степень интеграции элит, в том числе, и культурных, в институты модернизирующегося общества. В конечном счете, именно за элитами остается выбор пути национального движения, а в равной степени и формирование неконфликтного образа национального соседства (Schlee, 2010).

Что остается неизменным, так это три группы связей, возникающих в процессе нациестроительства: во-первых, это «память» об общем прошлом, толкуемом как «судьба» группы или хотя бы ее ключевых элементов (Bottici, Challand, 2013); во-вторых, плотность и интенсивность языковых или культурных связей, которые обеспечивают более высокий уровень социальной коммуникации в рамках группы, чем за ее пределами; и в третьих, концепция равенства всех членов группы, организованных в гражданское общество.

5. Выводы

Таким образом, национальный проект проходил в своем развитии несколько стадий. Но основой его реализации была трансформация идентичности. Необходимо было заложить идею нации, трансформировать старую традиционную идентичность, придав ей новые формы и содержание. Историческая антропология позволяет изучить механизм реализации этого проекта, акцентируя внимание на субъективное восприятие происходящих изменений в историческом сознании и социальной памяти. И, наконец, последнее. Вопрос, поставленный однажды Б. Андерсоном, о том, какая из дисциплин помогает исследовать национализм наиболее полно: история, психология, политическая экономика, социология, антропология, философия или литературная критика, на наш взгляд, может быть успешно рассмотрен в контексте исторической антропологии. Именно используя историко-антропологический подход, исследователь получает возможность обращаться не макро уровню процесса конструирования национальной идентичности, а изучать индивидуальные чувства и представления, порожденные социо-культурным контекстом.

Благодарности

Работа выполнена в рамках Проекта Распределенного научного центра «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа» (Научный руководитель – академик Тишков В.А.). – Госзадание 213.01-11/2015-2.

Литература:

- Bagehot, 1887 - *Bagehot W.* Physics and Politics. London, 1887.
 Barret, 1996 - *Barret S.* Anthropology: A Students Guide to Theory and Method. Toronto, 1996.
 Berlin, 1976 - *Berlin I.* Vico and Herder: Two Studies in the History of Ideas. London, 1976.
 Bottici, Challand 2013 - *Bottici C., Challand B.* Imaging Europe: Myth, Memory, and Identity. Cambridge, 2013.
 Burke, 2001 - *Burke E.* Reflections on the Revolution in France. A Critical Edition. Stanford, 2001.
 Cadiot, 2005 - *Cadiot J.* Searching for Nationality: Statistic and national Categories at the end of the Russian Empire (1987-1917) // The Russian Review. 2005. № 64. P. 440.
 Gellner, 1983 - *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
 Hutchinson, 1987 - *Hutchinson J.* The Dynamic of Cultural Nationalism. The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London, 1987.
 Kaufman, 2001 - *Kaufman S.J.* Modern Hatreds. The Symbolic Politics of Ethnic War. Ithaca, New York: Columbia University Press, 2001.
 Kedourie, 1971 - *Kedourie E.* Nationalism in Asia and Africa. London, 1971.
 Kedourie, 1966 - *Kedourie E.* Nationalism. London, 1966.
 Kohn, 1946 - *Kohn H.* The Idea of Nationalism. New York, 1946.
 Kohn, 1955 - *Kohn H.* Nationalism: Its meaning and history. Princeton, 1955.
 Qualitative Research Practice, 2010 - *Qualitative Research Practice.* Ed. by C. Seale, G. Gobo, J. Gubrium, D. Silverman. London, 2010.
 Palacky, 1939 - *Palacky F.* Dějiny narodu českého v Cechach a v Moravě. Dl 1-6. Praha, 1939.
 Renan, 1882 - *Renan E.* Qu'est-ce que'une nation? Paris, 1882.
 Schlee, 2010 - *Schlee G.* How enemies are made. Towards a theory of ethnoic and religious conflicts. New York, 2010.
 Smith, 1981 - *Smith A.* The Ethnic Revival. Cambridge, 1981, ch.5.
 Smith, 1971 - *Smith A.* Theories of Nationalism. London, 1971, ch.10.
 Smith, 1999 - *Smith A.* Myths and Memories of the Nation. Oxford University Press, 1999.
 Stangor et al., 1991 - *Stangor Ch., Sullivan L., Ford Th.E.* Affective and Cognitive Determinants of Prejudice. // Social Cognition. Vol. 9. 1991. № 4.
 Young, 1976 - *Young C.* The Politics of Cultural Pluralism. Madison, 1976.

References:

- Bagehot, 1887 - *Bagehot W.* Physics and Politics. London, 1887.
 Barret, 1996 - *Barret S.* Anthropology: A Students Guide to Theory and Method. Toronto, 1996.
 Berlin, 1976 - *Berlin I.* Vico and Herder: Two Studies in the History of Ideas. London, 1976.
 Bottici, Challand 2013 - *Bottici C., Challand B.* Imaging Europe: Myth, Memory, and Identity. Cambridge, 2013.
 Burke, 2001 - *Burke E.* Reflections on the Revolution in France. A Critical Edition. Stanford, 2001.
 Cadiot, 2005 - *Cadiot J.* Searching for Nationality: Statistic and national Categories at the end of the Russian Empire (1987-1917) // The Russian Review. 2005. № 64. P. 440.
 Gellner, 1983 - *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
 Hutchinson, 1987 - *Hutchinson J.* The Dynamic of Cultural Nationalism. The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London, 1987.
 Kaufman, 2001 - *Kaufman S.J.* Modern Hatreds. The Symbolic Politics of Ethnic War. Ithaca, New

York: Columbia University Press, 2001.

Kedourie, 1971 - *Kedourie E.* Nationalism in Asia and Africa. London, 1971.

Kedourie, 1966 - *Kedourie E.* Nationalism. London, 1966.

Kohn, 1946 - *Kohn H.* The Idea of Nationalism. New York, 1946.

Kohn, 1955 - *Kohn H.* Nationalism: Its meaning and history. Princeton, 1955.

Qualitative Research Practice, 2010 - *Qualitative Research Practice*. Ed. by C. Seale, G. Gobo, J. Gubrium, D. Silverman. London, 2010.

Palacky, 1939 - *Palacky F.* Dějiny narodu českého v Cechách a v Moravě. Díl 1-6. Praha, 1939.

Renan, 1882 - *Renan E.* Qu'est-ce que'une nation? Paris, 1882.

Schlee, 2010 - *Schlee G.* How enemies are made. Towards a theory of ethnoic and religious conflicts. New York, 2010.

Smith, 1981 - *Smith A.* The Ethnic Revival. Cambridge, 1981, ch.5.

Smith, 1971 - *Smith A.* Theories of Nationalism. London, 1971, ch.10.

Smith, 1999 - *Smith A.* Myths and Memories of the Nation. Oxford University Press, 1999.

Stangor et al., 1991 - *Stangor Ch., Sullivan L., Ford Th.E.* Affective and Cognitive Determinants of Prejudice. // *Social Cognition*. Vol. 9. 1991. № 4.

Young, 1976 - *Young C.* The Politics of Cultural Pluralism. Madison, 1976.

УДК 94 (4) "15/19"

Идея нации в Восточной Европе в Новое время

Виктор Юрьевич Апрыщенко ^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется формирование национальной идентичности в Восточной Европе в Новое время. Идея нации рассматривается как результат и источник мифологизации. Восточно-европейская интеллектуальная традиция XIX века обусловила этническую мобилизацию, направленную на защиту идеи нации. Акцентируя роль элитарных и массовых представлений, автор отстаивает идею, что национализм сыграл связующую роль между государством и обществом, а также поставлял ресурсы для нации-строительства. Роль национальных символов также рассматривается в статье на основе этно-символического подхода. Автор приходит к выводу, что элитарные представления о нации, основанные на этнических мифах и символах, определили национальную идентичность в Восточной Европе Нового времени.

Ключевые слова: нация, идентичность, мифы, символы, этичность, интеллектуалы, народные представления.

* Корреспондирующий автор

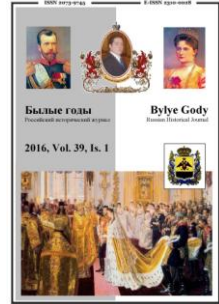
Адреса электронной почты: victorapr@sfedu.ru (В.Ю. Апрыщенко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 90-96, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 949(47) 072

Problems of reforming of the Russian Empire local government at the beginning of the 1830s

Nataliya L. Semyonova ^{a, *}

^a Sterlitamak Branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problems of the local government reforming in the high ruling circles of the Russian Empire at the beginning of the 30s of the XIX century on the basis of the published and unpublished archival documents. The author has analyzed the ideas of the Minister of the Internal Affairs A.A. Zakrevsky taken under consideration by the Emperor Nicolay I in 1831. The project presupposed the reform of the local government on the basis of the principles of making the governor's influence more powerful, restoring the unity of the province's governmental bodies, increasing a number of officials in the provincial government and their payments. The author concludes that A.A. Zakrevsky's suggestions were of a purely declarative character. The discussion of the ideas by the Minister of the Internal Affairs at the high governmental circles showed that the representatives of the supreme power had found it necessary to keep "The Institute of the Russian Empire province ruling" in 1775 and had been reluctant to consider any changes in it. The author came to the conclusion that the most important criteria of administrative changes at that time were the tasks to create such an apparatus of government which would be cheap, efficient and could provide the best correlation between the power authority of the local and central bodies. The key moment becomes an idea of the Minister of Finance who provided financial grounds by any changes and reforms.

Keywords: Minister's reform; local government; province; Minister of Internal affairs; Governor; control; governmental power; officials; payment; Minister of Finance.

1. Введение

Начало XIX в. было отмечено новым этапом модернизации государственного строя Российской империи – учреждением министерств. В основу вновь созданной системы центрального управления были положены принципы жесткой централизации и сочетания неограниченной власти монарха с развитой бюрократией ведомств (Раскин, 2005: 119). В местном управлении Российской империи на рубеже XVIII-XIX в., как результат административных преобразований Екатерины II, продолжал осуществляться отраслевой принцип управления, объединенный властью наместника или генерал-губернатора (ПСЗРИ, 1830: 229-304). Проведение министерской реформы 1802-1810 гг. поставило перед правительством новые задачи в области местного управления. Во-первых, следовало более четко определить и законодательно оформить отношения вновь созданных центральных государственных учреждений, прежде всего министерств, Комитета министров, с руководителями местной администрации – генерал-губернаторами и губернаторами (Середонин, 1902: 431). Во вторых, разграничить функции исполнения и надзора в системе местного управления, поскольку министерская реформа привела к разобщенности губернской администрации, потере губернатором возможности полностью сосредоточить власть в своих руках (Лысенко, 2001: 125). В-третьих, на рубеже XVIII-XIX вв. положение начальника губернии осложнялось отсутствием кодифицированного законодательства, точно определяющего предметное поле его деятельности.

* Corresponding author

E-mail addresses: natalja_leonid@mail.ru (N.L. Semyonova)

Проблемы в области местного управления беспокоили правительство и неоднократно становились предметом обсуждения при императоре Александре I и Николае I. Так, Л.Ф. Писарькова пришла к выводам, что преобразования в государственном управлении не прекращались на протяжении всего царствования Александра I, причем законодатели видели свою задачу в постепенном реформировании и дополнении действующей организации управления структурами, способными, с одной стороны, установить законность и порядок на местах, с другой, — выступить в роли противовеса министерствам, наделенным слишком большой властью (Писарькова, 2012).

В современной отечественной историографии исследовательским вниманием охвачены проекты реформ местного управления первой четверти XIX в., составленные М.М. Сперанским, В.П. Кочубеем, А.Д. Балашовым, деятельность комитета 6 декабря 1826 г., логически завершившая обсуждение этого вопроса (Мироненко, 1989; Шепелев, 2007; Тот, 2010; Тот, 2013). Среди зарубежных историков, начиная с 70-х гг. XX в., наметился устойчивый интерес к проблемам функционирования административной системы Российской империи, механизмам власти, политической культуры правящей элиты (Raef, 1979; Melancon, 2004; McCaffray, 2005).

Проекты преобразований местного управления, составленные другими представителями государственной элиты первых лет правления Николая I, не становились предметом научного анализа. Вместе с тем, рассмотрение этих проектов позволит серьезно дополнить картину местного управления, уточнить возможные пути ее изменения, раскрыть основные критерии административной политики правительства России в первой половине XIX в., выяснить механизмы разработки и принятия решений на общероссийском уровне.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу данного исследования представляют неопубликованные документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург), опубликованные источники, включающие сами проекты реформирования местного управления и материалы их обсуждения в правительстве в первой половине XIX в. (Материалы..., 1870)

2.2. Методологическую базу работы составили принципы историзма, объективности, проблемно-хронологической, сравнительно-исторической методы исследования. Выбранные принципы и методы исследования позволили рассмотреть процесс реформирования местного управления Российской империи в 30-е гг. XIX в. в связи с конкретной исторической обстановкой, как логическое продолжение предшествующего обсуждения проблемы и в тесней связи с административной политикой государства.

3. Обсуждения

Целью данной статьи является анализ предложений министра внутренних дел А.А. Закревского по реформированию системы исполнительной власти в губерниях Российской империи в начале 1830-х гг. и результаты их обсуждения в правительстве.

В отечественной историографии реформирование местного управления в конце 1820 – начале 1830-х гг. традиционно связывают с деятельностью секретного комитета 6 декабря 1826 г. Так, С.М. Середонин писал, что рассматривая проекты преобразований, члены комитета исходили из того, что «... все части управления в губернии должно соединить в одном месте, а не в одном лице» (Середонин, 1902: 107). А.А. Кизеветтер, изучив деятельность комитета 6 декабря 1826 г., пришел к мнению, что при обсуждении реформы местного управления была поставлена цель: создать над действиями местных учреждений правильный надзор, "коллегиальный, постоянный, на твердых правилах установленный, имеющий средства не только заявлять беспорядки и злоупотребления, но прекращать их, останавливать зло не через месяцы и годы, а в самом начале его, держать чиновников в строгой дисциплине и виновных преследовать судом" (Кизеветтер). Итогом работы комитета стал проект, разработанный М.М. Сперанским. Как писал А.А. Кизеветтер, император принял этот проект практически без изменений, но высказал сильное сомнение в возможности «...найти для замещения около 500 надежных чиновников (для занятия должности председателей проектируемых "общих присутствий" – Н. Семенова) представлялось государю невозможным» (Кизеветтер).

Проанализировав деятельность «Комитета 6 декабря 1826 г.», доктор исторических наук Л.Е. Шепелев пришел к выводу, что главным итогом его работы было то, что организация государственного аппарата подверглась внимательному критическому анализу, были рассмотрены позитивные проекты возможных реформ (Шепелев, 2007: 192).

Профессор Ю.В. Тот более детально проанализировал проекты преобразований, составленные видным ученым, правоведом и государственным деятелем М.А. Багульянским, членом секретного комитета М.М. Сперанским, а также замечания, высказанные в ходе обсуждения последнего проекта министрами финансов Е.Ф. Канкриным и внутренних дел А.А. Закревским (Тот, 2010: 264). Главная идея проекта М.А. Багульянского, изложенная в записке «Рассуждение об учреждении управления в губерниях» – отделить суд от администрации. Из компетенции губернского правления следовало изъять судебные и финансовые вопросы, а каждая из отраслей губернского управления, согласно своей компетенции, переходила под контроль соответствующего министерства (Тот, 2010: 266). Однако, члены комитета крайне настороженно отнеслись к предложениям М.А. Багульянского.

Как полагает Ю.В. Тот, главную задачу своей деятельности они видели не в изменении сложившегося порядка управления, а в его усовершенствовании. М.М. Сперанский в своем проекте предложил создать новый орган – особое присутствие губернского правления и казенной палаты под председательством гражданского губернатора, в состав которого должны входить вице-губернатор, председатель казенной палаты, старшие советники – по одному от губернского правления и казенной палаты, заседатель приказа общественного призрения (*Материалы...*, 1870: 9). Ю.В. Тот пришел к выводу, что во время обсуждения в секретном комитете, министры финансов Е.Ф. Канкрин и внутренних дел А.А. Закревский выступили с критикой проекта М.М. Сперанского. Так, Е.Ф. Канкрин считал, что создание новых административных учреждений в губерниях, уездах, волостях и селениях значительно усилит коллегиальный принцип принятия решений в ущерб единоначалию, приведет к раздроблению губернского правления, замедлению в рассмотрении дел и увеличению делопроизводства (Тот, 2010: 274-275). Е.Ф. Канкрин, напротив, предлагал упростить делопроизводство за счет пересмотра форм отчетности; повысить денежное жалование чиновникам (Тот, 2010: 275-276). Министр внутренних дел А.А. Закревский в «Замечаниях по предмету нового учреждения для управления губерний» выступил против проекта, увидев в нем стремление ограничить право дворянства избирать из своей среды чиновников местной администрации и попытку нарушить основные принципы «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (Тот, 2010: 278-280). Как полагает Ю.В. Тот, точка зрения А.А. Закревского отличалась большим консерватизмом, чем других членов комитета. В целом, деятельность комитета 6 декабря 1826 г. подвела итог многочисленным поискам путей реформирования системы государственного управления в царствование Александра I. Обсуждение проблемы было продолжено при Николае I.

4. Результаты

Министр внутренних дел А.А. Закревский в феврале 1831 г. представил императору Николаю I свое донесение «О недостатках губернского правления», представлявшее собой еще один взгляд на реформирование системы местного управления (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903). Как отмечал сам министр, это донесение стало результатом «обозрения присутственных мест, подведомственных МВД», предпринятого во время поездки по губерниям, охваченным чумой в 1830-1831 гг. А.А. Закревскому, как министру внутренних дел, было поручено «действовать сообразно с обстоятельствами» и прекратить дальнейшее распространение эпидемии (Закревский, 1916: 197). Сторонник жесткой дисциплины и порядка, Арсений Андреевич приказывал оцеплять города, учреждать караулы между уездами и губерниями, стрелять по всем, кто нарушает оцепление. Принимаемые меры серьезно затруднили торговлю, тысячи людей с обозами и лошадьми были вынуждены пережить карантин. Однако все мероприятия были бесполезны: «холера гигантскими шагами шла вперед и появлялась в наиболее охраняемых местностях». В апреле 1831 г. эпидемия достигла Петербурга, вызвав панику среди населения. Министр внутренних дел настоял на применении военной силы в столице, что еще больше разволновало население. Только прибытие императора Николая I, его появление среди народа и общение с толпой, несколько стабилизировало ситуацию. После неудачных попыток борьбы с холерой, в октябре 1831 г. А.А. Закревский подал в отставку, которая была принята императором Николаем I. Однако, в конце 40-х годов, Николай I вновь призвал его на службу и назначил на должность московского генерал-губернатора (Закревский, 1916: 198). Русский историк, правовед, философ Б.Н. Чичерин писал: «...Граф Закревский вошел в чины еще в царствование Александра I и в то время пользовался репутацией разумного, дельного и обходительного человека. ... С новым царствованием он преобразился согласно с новыми требованиями и в 1848 году явился в Москву настоящим типом николаевского генерала, олицетворением всей наглости грубой, невежественной и ничем не сдержанной власти. Он хотел, чтобы все перед ним трепетало, и если дворянству он оказывал некоторое уважение, то с купцами он обращался совершенно как с лакеями. Когда нужны были пожертвования, он призывал, приказывал, и все должно было беспрекословно исполнять» (Чичерин, 1990).

Донесение А.А. Закревского «О недостатках губернского правления» 1831 г. стало не только итогом его поездки по губерниям Российской империи, но и обобщением опыта работы в должности министра внутренних дел, на которой он находился с апреля 1828 г. Арсений Андреевич писал, что «... хочет донести» императору о «...затруднениях, которые встречают уездные и губернские начальства в прохождении своих должностей и тех недостатках, которые неминуемо должны быть исправлены для восстановления самой необходимой службы» (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903. Л. 1-1 об.).

Министр внутренних дел обозначил ключевые, с его точки зрения, проблемы в местном управлении. Проанализировав степень влияния губернатора на органы местной власти, он пришел к выводу, что наиболее значительна власть главного начальника по губернскому правлению, городским полициям и земским судам. Но губернатор не всегда может воспользоваться этой властью из-за «...недостатка способов и средств...», определенных законом. В остальных губернских органах власть губернатора «...весьма слаба или вовсе ничтожна»: казенная палата находится в зависимости от него по торгам на подряды и оброчные статьи; палата уголовного суда представляет губернатору дела на ревизию и он не может влиять на решения иначе, чем протестом в Сенат; гражданская палата и почтовая контора «ни в чем не зависят от губернатора», «действия удельной конторы ему вовсе неизвестны» (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903. Л. 1-1 об.). В результате, «...губернатор существует только

как начальник полиции, ответствующий за беспорядки, допускаемые или гнездящимися во всех прочих частях ему вовсе не подчиненных» (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903. Л. 3-5).

Следующая проблема – «рассеянность» органов управления в губернии и отсутствие единства в их действиях. В результате, все дела в местном управлении решаются очень медленно и крайне запутаны. А.А. Закревский подчеркнул важную особенность сложившегося положения: должностные лица или органы управления постоянно обращаются к губернатору или губернскому правлению за содействием в решении всех вопросов, но вместе с тем, «... каждая из сих частей нередко являет особенную ревность в доказательство своей независимости от главного в губернии управления» [21].

Работа губернатора серьезно осложняется тем, что в штате его канцелярии только один секретарь, который должен вести всю переписку главного начальника губернии. Если учесть, что на имя губернатора поступают указы Сената, предписания от всех министров, отношения всех департаментов, воинских начальников, других губернаторов, представления от всех палат, от различных ведомств, донесения от всех подчиненных мест и лиц, просьбы от всех сословий, присылаются на ревизию дела из всех уездных судов и уголовных палат, то очевидно, что один чиновник не может справиться с этой задачей. Поэтому губернатору приходится постоянно отрывать чиновников и секретарей губернского правления от своей непосредственной работы, а это приводит к накоплению и затягиванию решения дел в самом правлении.

Наконец, министр внутренних дел в очередной раз констатировал, что губернское правление не может привлечь на службу деятельных и грамотных чиновников из-за крайне низкого жалованья (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903. Л. 8-10). Так, жалованье делопроизводителей губернского правления составляет, самое большое – 400 рублей в год, а чаще – всего 30 рублей в год. Поэтому грамотные делопроизводители предпочитают поступать на службу в казенную палату, удельную и почтовую контору, где жалованье выше. Недостаточны штаты и оклады полиции и земских судов: полицмейстер получает 400 (или 300) рублей в год, городничие в городах – по 300 руб., на канцелярию с расходами и сторожами отпускается 260 рублей в год, жалованье земского исправника – 250 рублей, у дворянских заседателей и секретаря – по 200 рублей (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903. Л. 8-10). А.А. Закревский с возмущением писал императору: «Нельзя без соблезнования смотреть на сих людей, сидящих в присутственных местах в рубищах с печатью нищеты на лицах, а ведь многие из них – мужья и отцы семейств. Какое же усердие? Кто может льститься надеждой удержать руку, готовую принять предлагаемые подношения, пропустить даже и небольшие деньги. В этом – корень лихоимства» (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903. Л. 11-14 об.). Должности земских заседателей «чаще всего достаются людям, которые или не хотят служить, или не имеют к службе никакой фортуны и доискивались хоть какой должности» (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903. Л. 11-14 об.).

Для исправления сложившегося положения А.А. Закревский предлагал восстановить в каждой губернии «единство наблюдательной власти в лице гражданского губернатора, по крайней мере над теми частями, которые непосредственно входят в состав губернского управления, как то над всеми палатами» (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903. Л. 11-14 об.). Контроль над местными органами со стороны гражданского губернатора должен состоять в ежегодной ревизии им всех палат и в представлении министрам юстиции, финансов и просвещения результатов ревизии. Проверка должна касаться только порядка и сроков производства дел. По мнению министра МВД, было бы полезно восстановить действие указа от 18 августа 1802 г. о рассмотрении частных жалоб и принятия по ним решений в губернском правлении, поскольку эти жалобы происходят на «отступление нижних инстанций от порядка, отвращение же подобных беспорядков – прямая обязанность губернского правления» (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903. Л. 8-10).

Следующая мера, предложенная министром внутренних дел – увеличить состав канцелярии гражданского губернатора, назначив двух столоначальников: одного по части гражданской, другого – по уголовной, журналиста, который одновременно выполнял бы обязанности архивариуса и, по крайней мере – 6 писцов (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 6-7). Расширение штата приведет к увеличению расходов на канцелярию губернатора до 7500 рублей, но по мнению А.А. Закревского – это вполне оправданный и разумный шаг. Он также полагал, что минимально необходимая сумма расходов государства на каждое губернское правление должна составлять 30 000 рублей (вместо существующей 21 000 рублей) (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 6-7). Таким образом, предложения А.А. Закревского включали в себя, с одной стороны, усиление власти губернатора за счет расширения его «наблюдательных» функций как главного начальника местного управления, с другой, укрепление органов управления на местах за счет увеличения количества чиновников и получаемого ими жалованья.

Император Николай I, познакомившись с докладной запиской министра внутренних дел А.А. Закревского, наложил следующую резолюцию: «записку показать министру финансов» (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 6-7). Министр финансов Е.Ф. Канкрин, с именем которого связаны не только крупнейшая денежная реформа 1839-1843гг., установившая в России стабильную финансовую систему, но и улучшение государственной отчетности и счетов, очень внимательно изучил выводы министра внутренних дел, со многими из которых он был, в принципе, согласен. 8 марта 1831 г. он представил императору Николаю I свои подробные соображения (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 6-7).

Е.Ф. Канкрин считал, что возложение на губернатора обязанности ревизии всех палат в губернии не принесет пользы, а «...обременит его новым формалитетом», поскольку основательная ревизия потребует очень много времени, а «поверхностная» абсолютно бесполезна [25].

Восстанавливать действие указа 18 августа 1802 г. министр финансов также считал нецелесообразным, т.к. это может привести к резкому увеличению «ябеды» и жалоб на действия губернского (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-4).

По поводу увеличения жалованья чиновников Е.Ф. Канкрин указал на то, что предложения министра внутренних дел потребуют в год израсходовать по всем губерниям Российской империи 3 058 088 рублей, в том числе на увеличение содержания канцелярии губернатора и губернского правления потребуется 815 000 рублей (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-4). Министр финансов соглашался, что идея об увеличении жалованья чиновников является вполне своевременной и необходимой, и он сам в 1830 г. представил на рассмотрение императора Николая I проект «улучшения губернских штатов вообще, на что исчислено было около 4,5 миллионов рублей» (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-4). Но из-за увеличения других государственных расходов его проект не был принят. В 1831 г. министр финансов также заключил, что «... не может принять на себя каких-либо новых расходов», но на будущий, 1832 г., при благоприятных обстоятельствах, возможно будет выделить 500 000 рублей на увеличение содержания губернского правления и губернской канцелярии (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-4). Кроме того, Е.Ф. Канкрин справедливо заметил, что в губернских правлениях канцелярские чиновники зачастую определяются не по штату, а в значительно большем количестве, что также приводит к сокращению их жалованья.

Министр финансов заключил, что для серьезного решения проблемы улучшения системы местного управления недостаточно простого «прибавления штатных сумм». Необходим комплекс мер: во-первых, следует уменьшить и упростить делопроизводство, упразднив излишние регистрации, двойные донесения; во-вторых, установить более четкое разделение дел по экспедициям правлений, и принять порядок, по которому с согласия губернатора маловажные дела будут решаться в экспедиции губернского правления и не рассматриваться в общем присутствии. Кроме того, Е.Ф. Канкрин считал, что «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» является чрезвычайно «мудрым» документом, который не только ввел разделение власти на местах, но и установил «...единство действий в общих отношениях» (РГИА, Ф. 1286. Оп. 5. Д. 903. Л. 11-14 об.). Важность «Учреждения» состоит и в том, что оно не позволяет бесконтрольно усилиться власти губернатора. Случаи же неуважительного отношения к губернаторам происходят оттого, что сами губернаторы, «... еще не зная дела, желают поступать самовластно, полагая, что он с названием хозяина губернии соединяет полное начальство по всем частям» (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-4).

Позиция министра финансов, в целом, совпала с мнением Комитета министров, который рассмотрел на заседаниях 16 мая и 2 июня 1831 г. доклад А.А. Закревского, замечания, высказанные по нему императором Николаем I и Е.Ф. Канкриным. В журнале Комитета было записано, что следует соединить в лице губернатора наблюдательную власть над всеми частями управления в губернии, сохранить рассмотрение жалоб по тяжёлым делам в губернском правлении, а не в палатах, поскольку «... губернское правление – есть такое место, которое наблюдая дабы законы были везде исполняемы» (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 27-30). Что касается до замечаний министра внутренних дел о недостаточном жаловании чиновников, то Комитет министров признал их вполне справедливыми, заметив, при этом, что правительство озабочено поисками средств для повышения, учреждены разные комитеты для разработки общих штатов, а отдельным присутственным местам уже сделаны некоторые прибавки. Комитет также поручил министру финансов при составлении бюджета на 1832 г. найти хотя бы незначительную сумму для увеличения жалованья чиновникам (РГИА, Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 27-30).

5. Заключение

Таким образом, система местного управления, сложившаяся в Российской империи в первые десятилетия XIX в., требовала серьезного реформирования. Правительство понимало важность данной проблемы и необходимость ее решения, о чем свидетельствуют проекты реформ, разработанные в первой четверти XVIII в. и деятельность комитета 6 декабря 1826 г.

Проект министра внутренних дел А.А. Закревского предполагал проведение преобразований местного управления на основе принципов усиления власти губернатора, восстановления единства губернских органов власти, увеличения количества чиновников в губернском управлении и повышения выплачиваемого им жалованья. Однако, многие положения А.А. Закревского носили чисто декларативный характер и не предполагали конкретных шагов для решения проблем. Обсуждение предложений министра внутренних дел в правительственных кругах показало, что представители верховной власти исходили из необходимости сохранения «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. и крайне неохотно рассматривали любые предложения его изменить. Кроме того, обсуждение предложений А.А. Закревского в правительстве еще раз доказывает, что важнейшим критерием административных преобразований выступала задача создания такого аппарата управления, который бы был прежде всего недорогой, эффективный и обеспечивал оптимальное соотношение властных полномочий местных и центральных органов. Поэтому ключевым становится мнение министра финансов, который обеспечивал финансовое обоснование любым изменениям и реформам. В 1837 г. был принят «Наказ гражданским губернаторам», который более точно определил предметное поле деятельности губернаторов, восстановил его должность как «хозяина губернии» и закрепил его положение как чиновника Министерства внутренних дел.

Литература

Закревский, 1916 - Закревский А.А. //Русский биографический словарь. Жабокритский-Зябловский. Издаваемый Императорским Русским Историческим обществом. Под ред. Е.С. Шумигорского, М.Г. Курдюмова. Петроград. Типография Главного Управления Уделов. Моховая, 40. 1916. С. 195-199.

Кизеветтер - Кизеветтер А.А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича// [Электронный ресурс] http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_vnutrennyaa_politika_v_carstvovanie.html#002 (дата обращения 01.12.2015).

Лысенко, 2001 - Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII - начало XX в.). М.: МПГУ, 2001. 354 с.

Материалы..., 1870 - Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный. Часть I. Отделение I. Спб.: Типография Министерства внутренних дел, II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1870. 534 с.

Мироненко, 1989 - Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

Писарькова, 2012 - Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М.: «Новый хронограф», 2012. 448 с.

ПСЗРИ, 1830 - Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Спб.: В типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т.20. № 14392. С. 229-304.

Раскин, 2005 - Раскин Д.И. Министерская система управления – базовый институт Российской империи // Клио: журнал для ученых. 2005. № 3(30). С. 118-126.

РГИА - Российский государственный исторический архив.

Середонин, 1902 - Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802-1902): [В 7 т.] / Сост. С. М. Середонин. Спб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 - 1825 г. ноября 19). 1902. 608 с.

Середонин, 1902 - Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802-1902): [В 7 т.] / Сост. С. М. Середонин. Т. 1-5. - Спб. : Канцелярия Ком. министров, 1902. Т. 2 : Ч. 1 : Комитет министров в царствование императора Николая Первого (1825 г. ноября 20 - 1855 г. февраля 18). 1902. 373 с. ; 6 л. портр.

Тот, 2010 - Тот Ю.В. Проблема реорганизации местного управления и земской полиции в правительственной политике России первой трети XIXв. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 2010. № 1. С. 252-286.

Шепелев, 2007 - Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. Спб.: «Искусство-СПб», 2007. 461 с.

Чичерин, 1990 - Чичерин Борис Николаевич. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы (1826-1856). Сост., биогр. очерки и прим. И. И. Подольской. М.: Правда, 1990.

McCaffray, 2005 - McCaffray S.P. Confronting Serfdom in the Age of Revolution: Projects for Serf Reform in the Time of Alexander// The Russian Review. 2005. Volume 64, Issue 1(January), Pp.1–21.

Melancon, 2004 - Melancon M. Popular Political Culture in Late Imperial Russia (1800-1917)// Russian History. 2004. Volume 31, Issue 4, Pp. 369 – 371.

Raeff, 1979 - Raeff M. The Bureaucratic Phenomenon of Imperial Russia, 1700-1905// Americal Review. 1979. Vol. 84, № 2 (April). Pp. 399 – 411.

Tot, 2013 - Tot Ju.V. Reorganising the Local Government at the End of the 18 th and the Beginning of the 19 th Centuries: Analysis of the Policies of Paul I and Alexander// Bylye Gody. 2013. № 30 (4). Pp. 36-44.

References

Chicherin B. Memories // Russian memoirs. Selected pages (1826--1856). Comp., biogr. sketches and notes by I.I. Podolskaya. M.: Pravda, 1990. [Electronic resource] http://az.lib.ru/c/chicherin_b_n/text_1904_vospomimania.shtml (date of the application 20.11.2015) (in Russian).

Complete collection of laws of the Russian Empire. Volume I. SPb.: In the Publishing House of II Department of the Private E.I.V. Office, 1830. Т. 20. № 14392. Pp. 229-304 (in Russian).

Kiesewetter A.A. Internal policy during the reign of the Emperor Nicholas// [Electronic resource] http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_vnutrennyaa_politika_v_carstvovanie.html#002 (date of the application 01.12.2015) (in Russian).

Lysenko L.M. Governors and governors-general of the Russian empire (XVIII-early XX centuries). M.: MPGU, 2001. 354 p. (in Russian).

Materials collected for highest conversion of the commission established by the provincial and district institutions. Administrative Department. Part I. Department I. SPb: Tipografija Ministerstva vnutrennih del, II Otdelenija Sobstvennoj E.I.V. Kancelarii, 1870. 534 p. (in Russian).

McCaffray S.P. Confronting Serfdom in the Age of Revolution: Projects for Serf Reform in the Time of Alexander// The Russian Review. 2005. Volume 64, Issue 1(January), Pp.1–21.

Melancon M. Popular Political Culture in Late Imperial Russia (1800-1917)// Russian History. 2004. Volume 31, Issue 4, Pp. 369 – 371.

- Mironenko S.V. Autocracy and reforms: political struggle in Russia in the early XIX century. M.: Nauka, 1989. 240 p. (in Russian).
- Pisarkova L.F. State Administration of Russia in the first quarter of the XIX century.: Plans, projects, implementation. M.: «Novyj hronograf», 2012. 448 p. (in Russian).
- Raeff M. The Bureaucratic Phenomenon of Imperial Russia, 1700-1905// Americal Review. 1979. Vol. 84, № 2 (April). Pp. 399 – 411.
- Raskin D.I. Ministerial system of government – basic institute of the Russian Emperial statehood // Klio. 2005. №3 (30). Pp. 118-126 (in Russian).
- Russian State Historical Achive.
- Seredonin S.M. Historical overview of the Committee of Ministers: To the centenary of Ministers' Body (1802-1902): in 7 vols. Compiled by S.M. Seredonin.: SPb. Kantselyariya Kom. ministrov, 1902. Vol 1.: The Committee of Ministers during the reign of Emperor Alexander I (1802 September 8 - 19 November 1825). 1902. 608 p. (in Russian).
- Seredonin S.M. Historical overview of the Committee of Ministers' activity: to the centenary of the Committee of Ministers (1802-1902): in 7 vols. Compiled by S.M. Seredonin. Vol 1-5. SPb. Kantselyariya of Kom. ministrov, 1902. Part 1. The Committee of Ministers during the reign of the Emperor Nicholas I (1825 November 20 - 1855 February 18). 373 p. (in Russian).
- Shepelev L.E. The apparatus of power in Russia. The era of Alexander I and Nicholay I. SPb.: "Iskusstvo-SPb", 2007.461 p. (in Russian).
- Tot J.V. The problem of the reorganization of local government and of Zemstvo Police in the government's policy of Russia in the first third of the XIX century// Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 1. Pp. 252-286. (in Russian).
- Tot J. V. Reorganising the Local Government at the End of the 18 th and the Beginning of the 19 th Centuries: Analysis of the Policies of Paul I and Alexander// Bylye Gody. 2013. № 30 (4). Pp. 36-44.
- Zakrevskii A.A.// Russian Biographical Dictionary. Zhabokritsky-Zyablovsky. Issued by the Emperor's Russian Historical Society. Edited by E.S. Shumigorsky, M.G. Kurdyumov. Petrograd. Publishing House of the General Institute of Property. Mokhovaja, 40. 1916. vol. 7. Pp.195-199. (in Russian).

УДК 949(47) 072

Проблемы реформирования местного управления Российской империи в начале 1830-х гг.

Наталья Леонидовна Семенова ^{а, *}

^а Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе опубликованных и неопубликованных архивных источников рассматривается обсуждение вопросов реформирования местного управления в высших правительственных кругах Российской империи в начале 30-х гг. XIX в. Автор проанализировала предложения министра внутренних дел А.А. Закревского, представленные на рассмотрение императора Николая I в 1831 г. Проект предполагал проведение реформы местного управления на основе принципов усиления власти губернатора, восстановления единства губернских органов власти, увеличения количества чиновников в губернском управлении и повышения выплачиваемого им жалованья. В статье сделан вывод, что многие предложения А.А. Закревского носили чисто декларативный характер. Обсуждение плана министра внутренних дел в высших правительственных кругах показало, что представители верховной власти исходили из необходимости сохранения «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. и крайне неохотно рассматривали любые предложения по его изменению. Автор пришла к выводу, что важнейшими критериями административных преобразований в рассматриваемый период выступают задачи создания такого аппарата управления, который бы был прежде всего недорогой, эффективный и обеспечивал оптимальное соотношение властных полномочий местных и центральных органов. Поэтому ключевым становится мнение министра финансов, который обеспечивал финансовое обоснование любым изменениям и реформам.

Ключевые слова: министерская реформа, местное управление, губерния, министр внутренних дел, губернатор, надзор, губернское правление, чиновники, жалованье, министр финансов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: natalja_leonid@mail.ru (Н.Л. Семенова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 97-108, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 7.049.2

The image of the censor in a magazine caricature of Russia XIX – early XX century

Elena S. Sonina ^{a, *}

^a Journalism Graduate School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

Based on a study of 17 thin illustrated humorous and satirical magazines and a number of several digests the author investigates about 30 cartoons of 1847-1917 years dedicated to the censor of the Russian Empire (in addition, selectively – censors France, Germany, Denmark and Sweden). The author isolates the main types depicted censors. More often the Russian censors were depicted in the form of an old woman, a functionary, in the form of "pointing finger" with the amplification means at hand – a red pencil, scissors and paint. The censor's appearance transformed especially during the First Russian Revolution. The author analyzes the cartoons with a life-like portraits and abstract images of those who are professionally limited the freedom of the press. The censorship conditions (e.g. an urgency of the work or a depending on the political situation in the country) are demonstrated. All of the examples noted the prevailing negative connotations of satirical images. Of the 30 cartoons only one picture presents a censor helping writers to pass a difficult way to the Temple of Literature (1847). All other images highlight of obstructive censor's labor. It was difficult to publish a caricature of censorship and censorship. The article presents facts from the Russian State Historical Archive about mass prohibition satirical images. Painters invented the different tricks against the vigilant guards, but it did not help. At the end of the article author makes a conclusion about the inevitability of a small number of published satirical drawings by virtue of censorship illustrated periodicals.

Keywords: censorship, censor's image, cartoon, cartoonist, magazine pre-revolutionary Russia.

1. Введение

Исторические исследования, помимо изучения опыта прошлого, несут в себе некое поучение потомкам; освоение же массового визуального языка, каким была и есть карикатура, полезно для понимания взглядов современников. Актуальность рассмотрения сатирической графики, связанной с дореволюционной цензурой, кроется в вечных проблемах бытия средств массовой информации – свободой слова и печати, гранью допустимого в освещении социальных проблем, стремлением власть имущих сдержать общественные требования гласности.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование дореволюционных карикатур проведено методом частичной выборки 17-ти тонких иллюстрированных юмористических и сатирических журналов 1848–1917 гг.

2.2. В работе намеренно не приводятся широко известные карикатуры из «Искры» – журнала, хорошо изученного нашими предшественниками. Основная часть из исследованных нами изданий выходила в Петербурге – столице Российской империи и, следовательно, столице Российской журналистики; один журнал – французский. Кроме этого, привлекались труды карикатуристов, выпущенных отдельными изданиями. Статья построена на изучении, помимо периодики, девяти

* Corresponding author

E-mail addresses: sonina@mail.ru (E.S. Sonina)

фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), документов из американского и русских исследований. В основу изучения положены принцип историзма и сравнительный метод; карикатуры рассматривались сквозь призму исторического контекста.

Обсуждение

Цензура в культурном развитии России, роль и особенности работы цензора не раз становились объектом пристального внимания ученых. Назовем работы последних лет (Блюм, 2011; Патрушева, 2013; Мандрика, 2013). Но взгляд на цензора сквозь карикатурную призму сложно назвать разработанной темой – нам известны лишь американское и русское исследования, напрямую связанные с выбранным аспектом (Goldstein, 1989; Патрушева, 1995). Хотя в исследованиях по карикатуре встречаются изображения цензуры и изредка цензоров, но эти работы посвящены совсем другим аспектам. Например, А.В. Швыров приводит графику Ф. Гойи «Истина умерла», или показывает И.А. Гончарова в роли цензора и пр.; Ю. Битовт дает карикатуру из журнала «Серый волк» «Что видели и видят “собственные корреспонденты” в Ясной Поляне»; И.С. Рыбаченок и А.Г. Голиков публикуют карикатуры, связанные с новыми законами о печати; А.Ю. Ватлин и Л.Н. Малашенко печатают шаржи, связанные с Л.З. Мехлисом и цензурным прессом на печать и т.д. (Швыров, 1903: 200, 379; Битовт, 1908: 72; Рыбаченок и др., 2010: 45, 61, 64; Ватлин и др., 2012: 105-106).

Результаты

Рассмотрим тонкие иллюстрированные журналы XIX – начала XX веков. Первым карикатурным изображением цензора – и единственным известным нам, поданным в положительном смысле, без негативного подтекста – стал рисунок М.Л. Неваховича, показавший среди литераторов цензора А.Н. Очкина, поднимающего шлагбаум перед русскими литераторами. Карикатура была опубликована в 1847 г. (Невахович, 1847: 24). Группа писателей и журналистов 1840-х годов – В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, В.Ф. Одоевский, Ф.В. Булгарин, Н.А. Некрасов и другие – шествует в Храм Славы, а цензор не препятствует движению.

Русский цензор XIX века предстает перед нами в разных обликах. Начнем с образа сморщенной старухи-цензуры: неопубликованная карикатура А.Н. Бордгелли для «Искры» 1865 г. вкладывает в руки пожилой начальнице школы пучок розог; в шарже И.П. Карамышева выглядывающая из окна цензура раздумывает, сколько краски («икры») отпустить на «исправление» недостатков в Пензе (Лебедева, 1959: 46, 49; Карамышев, 1877: 1). На цензорском жаргоне «икрой» называли черную краску, с помощью которой замазывались недопустимые для чтения публикой отдельные строчки. При карательной цензуре это позволяло не уничтожать весь тираж, а лишь вымарывать неуместные места.

Рис. 1. Карамышев И. Загляни-ка к нам, любезный // Маляр. 1877. № 12.

Тут представления отечественных и зарубежных карикатуристов совпадают. Так, во Франции до сих пор принято цензуру представлять в образе пожилой мадам Анастаси с огромными ножницами в руках. Примером французского постоянства служит обложка сатирического журнала «L'eclipse» («Затмение») 1874 г., где ножницы, запрещающий жест и сова как символ мудрости сопровождают мадам Анастаси в ее рвении оградить Империю от информационной опасности ([L'eclipse, 1874: 1](#)).

Рис. 2. L'eclipse. 1874. № 219.

На швейцарской почтовой открытке 1916 г. мы видим тот же образ: старуха с большими ножницами и совой выслушивает реплику художника: «Скажи, что ты подвергаешь цензуре, и я скажу, кто ты есть». Облик человека с розгами тоже не нов. Карикатура датчанина С.Е. Енсена 1772 г. «En skribent får ris» («Написавшему дали прут») изображает порку писателя; все необходимые атрибуты – розги, перо, рукопись и даже обнаженная задняя часть тела – присутствуют. Производящий наказание цензор непреклонен и официален: он одет в мундир, его взгляд не сфокусирован на интимных деталях. Французские цензоры XIX века то превращались в людей-ножниц, то выглядели группой невежественных скomoroxов, то работали в ночных сорочках ([Goldstein, 1989: 38, 167](#)). Особенно интересен шарж Ж.Ж. Гранвиля «Воскрешение цензуры» (1832 г.), когда из распахнутого гроба восстает чиновник с ножницами, превышающими его рост ([Goldstein, 1989: 67](#)).

Человек с большими ножницами неоднократно изображается и в отечественной сатирической графике. Например, первый номер журнала «Зритель» после двухгодичного перерыва С.В. Чехонин открыл карикатурой, изображавшей толстяка, резавшего огромными ножницами газетный лист. Внутри листа бился журналист ([Зритель, 1908: 1](#)).

Рис. 3. Зритель. 1908. № 1.

Обложку тематического номера «Сатирикона», посвященного русской печати, украшало рукопожатие отечественного журналиста и турецкого евнуха: «Руку, товарищ!». За их спинами виднелись силуэты русского и турецкого чиновников с ножницами (Сатирикон, 1908: 1). Художники «Всемирного карикатуриста» пошли дальше: с обложки на читателя смотрела обезьяна с сигарой и в очках, а ее ножницы впивались в полосу именно этого журнала (Всемирный карикатурист, 1906: 1).

Чаще среди орудий труда русского цензора изображался красный карандаш; порой это даже подчеркивалось на вербальном уровне, помимо визуального. «Человек с красным карандашом» цензурирует (точнее, пытается переделать) текст М.Ю. Лермонтова; «человек красного карандаша» размышляет о штрафных суммах; безработный цензор прижимает к себе карандаш, на гранях которого – во избежание путаницы – выведена его профессия; а над «журнальным страшилищем, над цензором окаянным, поставлен крест» из двух хорошо оточенных карандашей того самого цвета (Шут, 1914: 1; Ремизов, 1913: 1; Пугач, 1917: 16; Стрекоза, 1917: 6).

Рис. 4. Ремизов Н.В. Шестая держава – пресса // Сатирикон. 1913. № 11.

Довольно редко цензоры изображались с «икрой». Пэм (возможно, Пэмом был П.П. Матюшин, карикатурист журналов «Лукоморье», «Сатирикон», «Новый сатирикон») представил русского цензора, обучающего цензора-китайца. Отечественный цензор мажет черной краской газетный лист. Рядом стоит огромная (и опять прием гиперболизации подручных средств, как и в случае с ножницами) банка с надписью «Русская икра», до краев заполненная чернотой. Цензор Пэма так лихо работает, что китаец с маленькой кисточкой и крохотной баночкой «китайской икры» пугается (Пэм, 1913: 24).

Рис. 5. Пэм. Первый урок // Пэм. Карикатуры. СПб., 1913. С. 24.

Цензором с краской, меняющей суть напечатанного, однажды был изображен канцлер Германии О. фон Бисмарк ([Политический маляр, 1883: 1](#)). Иногда цензоры показывались с присыпкой для быстрой просушки чернил («Буревал», явно издеваясь над К.П. Победоносцевым, показал его, использующего муку «Нестле» – смесь для грудных детей) ([Утро, 1906: 2](#)).

Иногда цензоры представляли в виде карающей длани. То рука невидимого человека перекрывала доступ воды («общественную жизнь») в аквариум русской прессы; то указующий перст (выглядывавший из обшлага чиновничьего мундира) душил карикатуриста ([Борьба, 1883: 1](#); [Моор, 1911](#)).

Довольно часто цензоров изображали просто чиновниками, выполняющими свои функции. «Оса» в 1863 г. зло посмеялась над строгостью купюр: в цензурном комитете (видна часть таблички «ый комитет») двое чиновников лихо отстригают (и опять ножницами) нос и фалды сюртука (на последнем написано «статья») литератору. Название карикатуры ясно намекает, в каком «ом комитете» происходит сие действие ([Стрижка, 1863: 1](#)). В 1905 г. чиновник, на вицмундире которого поясняется суть его работы, растопырив руки, ловит вылетающих из объятай пламенем клетки-России птиц-газет ([Тю-тю, 1905: 12](#)). В 1906 г., низко надвинув на лоб форменную треуголку, по «новым литераторским мосткам» широко шагает чиновник. Под мышкой у него зажат том «по делам печати», за ним следуют писатели, а мостки упираются в здание судебных установлений ([Новые литераторские, 1906: 8](#)).

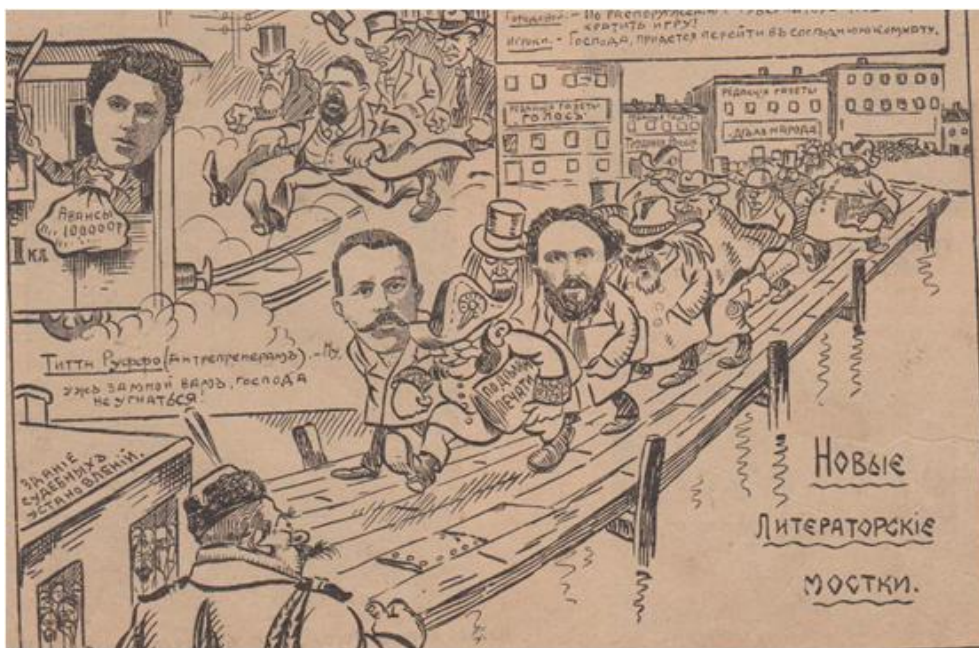

Рис. 6. Новые литературские мостки // Наше время. 1906. № 24.

Портретное сходство изображаемых цензоров не исключало постановки их в невозможное в действительности положение. Рассмотрим рисунок П.Ф. Бореля «Концерт в С-дурном тоне» 1863 г. Редакторы и издатели крупнейших петербургских изданий музицируют под дирижерские распоряжения председателя Петербургского цензурного комитета В.А. Цеэ (в названии карикатуры обыграна его фамилия: С-dur или до мажор); министр внутренних дел граф П.А. Валуев задает камертоном нужную тональность (Борель, 1863: 6/л). Наверху карикатуры, с раскинутыми руками, застыл цензор А.Г. Петров. Справа от него цензоры (в том числе В.Н. Бекетов) с жестами осторожности и призывом к умеренности. В стороне, уклоняясь от коллективного выступления, колокол (аллюзия на издания Вольной русской типографии А.И. Герцена); образ России в виде молодой женщины закрывает уши. Оркестр русской журналистики заключен в весьма жесткие рамки; цензоры композиционно обрамляют карикатуру (слева, сверху, справа). Интересно, что эту карикатуру с узнаваемыми чертами Валуева разрешили к печати. А, например, в 1874 г. 45-й номер журнала «Маляр» по докладу цензора А. Петрова был задержан «в связи с помещением на его страницах карикатуры» на П.А. Валуева (РГИА, 1874: 4).

Рис. 7. Борель П.Ф. Концерт в С-дурном тоне // Заноза. 1863. Приложение к № 9.

Весьма разнообразен образ цензора в сатирических журналах Первой русской революции. «Заноза» останавливается на античной теме (*Жертвоприношение...*, 1906: 9). Кровавое жертвоприношение скованных журналов в виде толпы рабов, у каждого на спине табличка «Пулемет», «Жупел», «Стрелы» и т.д., проходит в распахнутую пасть Ваала. С.Ю. Витте, облаченный в кровавую тогу, повелительно вытягивает руку в сторону жертв; другая его рука сжимает дирижерскую палочку. Оркестр из, очевидно, преданных престолу издателей услаждает страшное шествие музыкой, а в стороне на действо бесстрастнозирает огромная статуя фараона. Три цвета (два неспектральных – белый и черный) и всего лишь один спектральный (красный, разумеется) используются в карикатуре с ассиро-вавилонской тематикой.

Рис. 8. Жертвоприношение богу Ваалу (I Кн. Царей. 16, 31) // Заноза. 1906. № 2.

В другом журнале Витте выступает как дрессировщик собачки. Голова премьера ловко разрывает текст Манифеста, а сбоку опадают бумажные хлопья разорванного закона: «Свобода печати, или закрытие 8-ми газет и конфискация “Бурелома”, “Жупела” и друг» (*Бурелом*, 1906: 8).

«Новый сатирик» в годы Первой мировой войны вспоминает о внутреннем цензоре (*Радаков*, 1915: 12). В комиксе А.А. Радакова, построенном на противостоянии замыслов и действительности, журнал «готов карать, клеймить, бичевать», но при вспоминании «о карандаше цензора» обессилело складывает руки. Представление о цензоре дано в виде страшного чудовища, раскинувшего лапы и сжимающего в них красный карандаш размером больше, чем сам журнал. Оскаленный рот, выпученные глаза и форменный мундир дополняют привидевшийся портрет.

Опубликованных карикатур, изображавших цензоров, относительно немного. Иногда опубликованные сатиры не всегда доступны сегодняшнему зрителю: например, карикатура Н.В. Ремизова «Цензор (Кошмар)», выставленная на Первом салоне карикатуристов 1915 г., осталась сейчас лишь как упоминание в каталоге выставки (*Каталог карикатур*, 1915: 22). Но в количественном отношении скорее есть смысл говорить о запрещенных сатирических рисунках (*Неопубликованные карикатуры*, 1939). Типичными были, например, запреты в 1869 г. карикатур Н.А. Степанова «Сказка о чубуке», в 1880 г. серии рисунков А.И. Лебедева «Распорядители судеб провинции»; в 1905 г. карикатуры Н.В. Ремизова «Деловое заседание наших комиссий» (*РГИА*, 1869: 70, 150, 252; *РГИА*, 1880-1887: 2, 5, 9, 15 и др.) и пр. В РГИА сохранились объемные дела о запрещении целого ряда карикатур к опубликованию (*РГИА*, 1875-1886). Вводился строгий надзор за продаваемыми сатирическими статуетками политических деятелей и писателей; запрещалось «выставлять в общественных местах фотографии-карикатуры» (*РГИА*, 1850, 1870). Цензоры получали указания о настойчивом наблюдении над рисунками и карикатурами в силу того, что иллюстрированные издания, «более других влияющие на массы и на юное поколение», должны быть «вверяемы людям

вполне благонадежным и с несомненным патриотическим направлением» (РГИА, 1881а: 2). Расширение программ изданий за счет помещения рисунков давалось с большой осторожностью и часто «в виду вполне благонамеренной литературной деятельности» (РГИА, 1885: 147). Цензоры полагали, что «в обсуждении правительственных мер она (сатира. – Е.С.) преступна», и, если «личность государственных людей, оберегаемых законов», изданием «не уважается», то «это не сатира, поставленная редактором как образ обсуждения государственных вопросов, а пасквиль» (РГИА, 1881b: 149 об.).

Как поступали карикатуристы при таком изначально запретительном характере цензурного надзора? Существовали сатирические рисунки, не предназначенные для широкого распространения. К таковым относится, например, шарж П. Фредро «Тютчев и цензор Е.Е. Комаровский» (1860 г., хранится в музее-усадьбе Мураново) (Гладыш, 1989: 387). Ряд ухищрений художников во имя публикации сатирических рисунков приводится в мемуарах (Цензура в России, 2003). Иногда художники подменяли понятия, сознательно нарушали причину и следствие, давали перевернутый взгляд на действительность. Например, на карикатуре 1884 г. бдительный редактор зачеркивал выражение «нагая истина» («истина женского рода, и потому непристойно ей выходить в свет нагою») (Рвение, 1884: 2), т.е. мы встречаем типичный пример редакторской правки и одновременно намек на нравственную (а не государственную) цензуру. Весьма похожа по сути (но не по графическому исполнению) карикатура А. Лебедева, где содержательница пансиона, пытаясь заменить неприличное, с ее точки зрения выражение «любовь плотская, греховная», предлагает новый вариант: «любовь платоническая, греховная» (Лебедев, 1883: 8).

Заключение

Образ российского цензора, представленный в тонких юмористических и сатирических журналах конца XIX – начала XX в., многоаспектен. Мы видим и художественные намеки на излишнюю строгость цензуры, и отсылки к чрезмерному усердию обывателей; мы проникаем в тайны канцелярий и видим технические особенности цензурования. Но все-таки логика цензурной политики по отношению к иллюстрированным изданиям позволяет предположить, что большая часть изображений отечественных цензуров так и не увидела свет, оставшись лишь в замыслах дореволюционного карикатуриста.

Литература

- Goldstein, 1989 – Goldstein R.J. *Censorship of Political Caricature in Nineteenth-Century France*. Kent, London, 1989.
- L'eclipse, 1874 – L'eclipse. 1874. № 219.
- Битовт, 1908 – Битовт Ю. Граф Л.Н. Толстой в карикатурах и анекдотах. М., 1908.
- Блюм, 2011 – Блюм А.В. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990. СПб., 2011.
- Борель, 1863 – Борель П.Ф. Концерт в С-дурном тоне // Заноза. 1863. Приложение к № 9.
- Борьба, 1883 – Борьба за существование по Дарвину // Осколки. 1883. № 2.
- Бурелом, 1906 – Бурелом. 1906. № 3.
- Ватлин и др., 2012 – Ватлин А.Ю., Малащенко Л.Н. История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М., 2012.
- Всемирный карикатурист, 1906 – Всемирный карикатурист. 1906. № 2.
- Гладыш, 1989 – Гладыш И.А. Указатель иллюстраций // Литературное наследство. М., 1989. Т. 87. С. 387.
- Жертвоприношение, 1906 – Жертвоприношение богу Ваалу (I Кн. Царей. 16, 31) // Заноза. 1906. № 2.
- Зритель, 1908 – Зритель. 1908. № 1.
- Карамышев, 1877 – Карамышев И. Загляни-ка к нам, любезный // Маляр. 1877. № 12.
- Каталог карикатур, 1915 – Каталог карикатур и рисунков Первого салона юмористов. Петроград, 1915.
- Лебедев, 1883 – Лебедев А. Процензуровала // Шут. 1883. № 26.
- Лебедева, 1959 – Лебедева Г.М. Сатирический журнал «Искра» – орган передовой демократической печати, 1859–1873. М., Советская Россия, 1959.
- Мандрика, 2013 – Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры : коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX – начала XX в. в жанре patchword. Тюмень, Мандр и К°, 2013. Ч. 1.
- Моор, 1911 – Моор Д.С. Юморист и перст // Будильник. 1911. № 38.
- Невахович, 1847 – Невахович М.Л. Шествие в Храм Славы // Ералаш. 1847.
- Неопубликованные карикатуры, 1939 – Неопубликованные карикатуры «Искры и «Гудка» 1861-1862 гг./ Вступ. статья Л. Динцеса. М.-Л., 1939.
- Новые литературские, 1906 – Новые литературские мостки // Наше время. 1906. № 24.
- Патрушева, 1995 – Патрушева Н.Г. Цензурная реформа 1865 г. в карикатурах «Искры» // Книга: Исследования и материалы. М., 1995. Вып. 71. С. 228–239.

- Патрушева, 2013 – Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013.
- Политический маляр, 1883 – Политический маляр // Русский сатирический листок. 1883. № 30.
- Пугач, 1917 – Пугач. 1917. № 1.
- Пэм, 1913 – Пэм. Первый урок // Пэм. Карикатуры. СПб., 1913.
- Радаков, 1915 – Радаков А. Русский человек и энергия // Новый сатирикон. 1915. № 49.
- Рвение, 1884 – Рвение не по разуму // Русский сатирический листок. 1884. № 10.
- РГИА, 1850 – РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 2442. Дело о порядке наблюдения за привозимыми из-за границы гумм-эластическими фигурками разных лиц. 1850.
- РГИА, 1869 – РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 6. О запрещении карикатур для журнала «Будильник». 1869.
- РГИА, 1885 – РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 441. Дело об издании газеты «Новое время». 1885.
- РГИА, 1881a – РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1. Дело 1-го отделения канцелярии ГУДП к руководству относительно цензирования рисунков и карикатур для иллюстрированных сатирических изданий. 1881.
- РГИА, 1880-1887 – РГИА. Ф. 777. Оп. 3. Д. 97. Дело о запрещении опубликовать в журнале «Осколки» серии карикатур. 1880-1887.
- РГИА, 1881b – РГИА. Ф. 777. Оп. 3. Д. 107. 1881. По издаваемой князем Мещерским бесцензурной газеты «Гражданин».
- РГИА, 1875-1886 – РГИА. Ф. 777. Оп. 3. Д. 41. Выписки из журналов заседания Петербургского цензурного комитета о запрещении опубликования карикатур с приложением их оттисков. 1875-1886 и пр.
- РГИА, 1870 – РГИА. Ф. 779. Оп. 1. Д. 231. Центральный комитет цензуры иностранной. 1870.
- РГИА, 1874 – РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 736. Коллекция Юдина. 1874.
- Ремизов, 1913 – Ремизов Н.В. Шестая держава – пресса // Сатирикон. 1913. № 11.
- Рыбаченок и др., 2010 – Рыбаченок И.С., Голиков А.Г. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010.
- Сатирикон, 1908 – Сатирикон. 1908. № 34.
- Стрекоза, 1917 – Стрекоза. 1917. № 15.
- Стрижка, 1863 – Стрижка литературной шерсти // Оса. 1863. № 2.
- Тю-тю, 1905 – Тю-тю! Поминай, как звали! // Осколки. 1905. № 43.
- Утро, 1906 – Утро старого цензора // Буревал. 1906. № 4.
- Цензоры, 2013 – Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX века. Библиографический справочник. СПб., 2013.
- Цензура в России, 2003 – Цензура в России в конце XIX – начале XX века: Сб. воспоминаний / Сост., авт. вступ. ст., примеч. и указ. Н.Г. Патрушева. СПб., 2003.
- Швыров, 1903 – Швыров А.В. Иллюстрированная история карикатуры с древнейших времен до наших дней. СПб., 1903.
- Шут, 1914 – Шут. 1914. № 8.

References

- Bitovt, 1908 – Bitovt Yu. *Graf L.N. Tolstoy v karikaturakh i anekdotakh*. [Count L.N. Tolstoy in cartoons and jokes]. Moscow, 1908 (in Russian)
- Blyum, 2011 – Blyum A.V. *Russkie pisateli o tsenzure i tsenzorakh. Ot Radishcheva do nashikh dney: 1790-1990*. [Russian writers about censorship and censors. From Radishchev to nowadays: 1790-1990] St. Petersburg, Poligraf Publ. 2011. 608 p. (in Russian)
- Borel, 1863 – Borel P.F. Concerto in C. *Zanoza* [Splinter], 1863, appendix to no. 9. (in Russian)
- Burelom*, 1906 – *Burelom* [Windfall], 1906, no. 3. (in Russian)
- Goldstein, 1989 – Goldstein R.J. *Censorship of Political Caricature in Nineteenth-Century France*. Kent State University Press, London, 1989, 294 p.
- The struggle, 1883 – The struggle for existence Darwinian. *Oskolki* [Fragments], 1883, no. 2. (in Russian)
- Vatlin, Malashenko 2012 – Vatlin A.Yu., Malashenko L.N. *Istoriya VKP (b) v portretakh i karikaturakh ee vozhdoy*. [History of the CPSU (b) in portraits and caricatures of its leaders]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 143 p. (in Russian)
- Vsemirnyy karikaturist* 1906 – *Vsemirnyy karikaturist* [World cartoonist], 1906, no. 2. (in Russian)
- Gladyshev, 1989 – Gladyshev I.A. Index of illustrations. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, 1989. V. 87. (in Russian)
- Sacrifice, 1906 – Sacrifice to God Baal (I Bk. of Kings 16, 31). *Zanoza* [Splinter], 1906, no. 2. (in Russian)
- Zritel'*, 1908 – *Zritel'* [Spectator]. 1908, no. 1. (in Russian)
- Karamyshev, 1877 – Karamyshev I. Drop in on, dear. *Malyar* [Painter], 1877, no.12. (in Russian)

- Katalog karikatur, 1915 – Katalog karikatur i risunkov Pervogo salona yumoristov* [The catalog of cartoons and drawings of the first humorist's salon]. Petrograd, 1915. (in Russian)
- Lebedev, 1883 – Lebedev A. Was censored. *Shut* [Buffoon], 1883, no. 26. (in Russian)
- Lebedeva, 1959 – Lebedeva G.M. *Satiricheskiy zhurnal «Iskra» – organ peredovoy demokraticheskoy pechati, 1859–1873* [The satirical magazine "Spark" – an organ of progressive democratic press, 1859–1873]. Moscow, Soviet Russia, 1959.
- L'eclipse, 1874 – L'eclipse. 1874. № 219.
- Mandrika, 2013 – Mandrika Yu.L. *Tsenzura poetiki i poetika tsenzury: kolleksiya svedeniy o sibirskoy chastnoy pechati kontsa XIX – nachala XX v. v zhanre patchword* [Censorship of poetics and the poetics of censorship: a collection of information about the private print Siberian late XIX - early XX century in the genre "patchword"]. Tyumen', Mandr and K^o, 2013. V. 1.
- Moore, 1911 – Moore D.S. Humorist and finger. *Budil'nik* [Alarm-clock], 1911, no.38. (in Russian)
- Nevakhovich, 1847 – Nevakhovich M.L. Procession to the Temple of Fame. *Eralash* [Jumble], 1847. (in Russian)
- Neopublikovannye karikatury 1939 – Neopublikovannye karikatury «Iskry i «Gudka» 1861-1862. Vstup. stat'ya L. Dintsesa* [Unpublished caricatures from "Spark" and "Toot" 1861-1862. Introduction L. Dintses]. Moscow-Leningrad, 1939 (in Russian)
- New Literatorskie, 1906 – New Literatorskie bridges. *Nashe vremya* [Our time], 1906, no. 24. (in Russian)
- Patrusheva, 1995 – Patrusheva N.G. Censorship reform of 1865 in caricatures of "Iskra". *Issledovaniya i materialy* [Research and Materials]. Moscow, 1995. V. 71, pp. 228-239. (in Russian)
- Patrusheva, 2013 – Patrusheva N.G. *Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoy sisteme Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of XIX - early XX century]. St. Petersburg, Severnaya zvezda Publ., 2013. 620 p. (in Russian)
- Political painter, 1883 – Political painter. *Russkiy satiricheskiy listok* [Russian satirical piece], 1883, no. 30. (in Russian)
- Pugach*, 1917 – *Pugach* [Pop gun]. 1917, no.1. (in Russian)
- Pem, 1913 – Pem. The first lesson. *Pem. Karikatury*. [Pem. Cartoons], St. Petersburg, 1913. (in Russian)
- Radakov, 1915 – Radakov A. Russian people and the energy, *Novyy satirikon* [New Satyricon], 1915, no. 49. (in Russian)
- The zeal, 1884 – The zeal not according to knowledge. *Russkiy satiricheskiy listok* [Russian satirical piece], 1884, no. 10. (in Russian)
- RGIA, 1850 – RGIA. F. 772. Op. 1. D. 2442. *Delo o poryadke nablyudeniya za privozimymi iz-za granitsy gumm-elasticheskimi figurkami raznykh lits* [The Cause of the procedure for monitoring imported from abroad gum elastic figures of different people], 1850
- RGIA, 1869 – RGIA. F. 776. Op. 2. D. 6. *O zapreshchenii karikatur dlya zhurnala «Budil'nik»* [Prohibition of the cartoons for the magazine "Alarm-clock"], 1869.
- RGIA, 1885 – RGIA. F. 776. Op. 3. D. 441. *Delo ob izdanii gazety "Novoe vremya"* [The Cause of the publication of the newspaper "New time"]. 1885.
- RGIA, 1881a – RGIA. F. 776. Op. 8. D. 1. *Delo 1-go otdeleniya kantselyarii GUDP k rukovodstvu otnositel'no tsenzurovaniya risunkov i karikatur dlya illyustrirovannykh satiricheskikh izdaniy* [The cause of the 1-st department of the Office of the GUDP to lead about censorship of drawings and cartoons for the satirical illustrated editions]. 1881.
- RGIA, 1880-1887 – RGIA. F. 777. Op. 3. D. 97. *Delo o zapreshchenii opublikovat' v zhurnale «Oskolki» serii karikatur* [The Cause of prohibition to publish the series of cartoons in magazine "Fragments"]. 1880-1887.
- RGIA, 1881b – RGIA. F. 777. Op. 3. D. 107. 1881. *Po izdavaemoy knyazem Meshcherskim bestsenzurnoy gazety «Grazhdanin»* [As published by Prince Meshchersky uncensored newspaper "The Citizen"].
- RGIA, 1875-1886 – RGIA. F. 777. Op. 3. D. 41. *Vypiski iz zhurnalov zasedaniya Peterburgskogo tsenzurnogo komiteta o zapreshchenii opublikovaniya karikatur s prilozheniem ikh ottiskov* [Extractions from the minute-books of the St. Petersburg Censorship Committee banning the publication of cartoons of the application of their prints]. 1875-1886.
- RGIA, 1870 – RGIA. F. 779. Op. 1. D. 231. *Tsentral'nyy komitet tsenzury inostrannoy* [The central committee of foreign censorship]. 1870.
- RGIA, 1874 – RGIA. F. 1609. Op. 1. D. 736. *Kolleksiya Yudina* [Yudin collection]. 1874.
- Remizov, 1913 – Remizov N.V. The sixth power – the press. *Satirikon* [Satyricon], 1913, no.11. (in Russian)
- Rybachenok i dr., 2010 – Rybachenok I.S., Golikov A.G. *Smekh – delo ser'eznoe. Rossiya i mir na rubezhe XIX – XX vekov v politicheskoy karikature*. [Laughter - a serious matter. Russia and the world at the turn of XIX–XX centuries in the political cartoon]. Moscow, Institut istorii rossiyskoy akademii nauk publ., 2010. 328 p. (in Russian)

- Satirikon, 1908 – Satirikon* [Satyricon]. 1908, no. 34.
Strekoza, 1917 – Strekoza [Dragonfly]. 1917, no. 15.
Cut, 1863 – Cut of the literary wool. *Osa* [Wasp], 1863, no. 2.
Bye-bye, 1905 – Bye-bye! Watch smoke! *Oskolki* [Fragments], 1905, no. 43
Morning, 1906 – Morning of the old censor. *Bureval* [Wind-throw], 1906, no.4.
Tsenzory, 2013 – Tsenzory Rossiyskoy imperii. Konets XVIII – nachalo XX veka. Biobibliograficheskiy spravochnik. [The censors of the Russian Empire. The end of the XVIII - beginning of XX century. Bibliographic reference] St. Petersburg, Rossiyskaya natsional'naya biblioteka Publ., 2013. 480 p.
Censorship in Russia, 2003 – Censorship in Russia in the late XIX - early XX century; Coll. Memories. Compiler N.G. Patrusheva, St. Petersburg, 2003.
Shvyrov, 1903 – Shvyrov A.V. *Illyustrirovannaya istoriya karikatury s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [Illustrated history of cartoons from ancient times to nowadays]. St. Petersburg, 1903.
Shut, 1914 – Shut [Buffoon], 1914, no. 8.

УДК 7.049.2

Образ цензора в журнальной карикатуре России конца XIX – начала XX вв.

Елена Сергеевна Сони́на^{а, *}

^а Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. На основании изучения 17-ти тонких иллюстрированных юмористических и сатирических журналов, а также ряда отдельных художественных сборников исследуется около 30 карикатур 1847–1917 гг., посвященных цензору Российской империи (кроме того, выборочно – цензорам Франции, Германии, Дании и Швеции). Вычленяются основные типы изображаемых цензоров. Чаще всего отечественный цензор изображался в образе зловещей старухи, педантичного чиновника, в виде «указующего перста», с гиперболизированными подручными средствами – красным карандашом, ножницами и краской. Особенно разнообразно облик цензоров трансформировался в годы Первой русской революции (обыгрывались античная, цирковая и прочие темы). В статье приводятся шаржи на руководителей цензурных ведомств, имеющие портретное сходство, либо абстрактные изображения тех, кто по долгу службы ограничивал свободу печати. Демонстрируются условия цензурирования (срочность работы, зависимость от политической обстановки в стране). Все примеры подчеркивают преобладающий негативный подтекст сатирических изображений. Из 30 карикатур лишь один рисунок показывает цензора, помогающего литераторам пройти сложный путь к Храму литературы (1847 г.). Все остальные изображения говорят о запретительном характере труда цензоров. Опубликовать карикатуру на цензуру и цензоров было сложно; в статье приводятся данные из фондов Российского государственного исторического архива о массовых запретах сатирических изображений. Художники изобретали всевозможные способы обмана бдительных надсмотрщиков, но это мало помогало. В конце статьи делается вывод о неизбежности малого числа опубликованных художественных сатир в силу цензурных ограничений иллюстрированной периодики.

Ключевые слова: цензура, образ цензора, карикатура, карикатурист, журнал дореволюционной России.

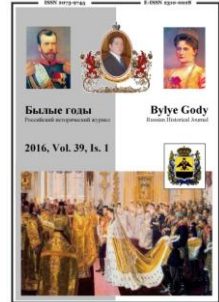
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: sonina@mail.ru (Е.С. Сони́на)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 109-119, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 940

The Ukrainian community of Western Siberia: specific features of formation and development in the 2nd half of the 19th – early 20th century

Vladimir N. Shaidurov^{a, *}

^a National Mineral Resources University (Mining University), Russian Federation

Abstract

The agrarian crisis in the European part of the Russian Empire in the middle of the 20th century seriously impeded agricultural progress. Agrarian overpopulation and peasants deprived of land in the course of the peasant reform of 1861 further aggravated the negative situation in the governorates of Central Russia, Belarus, and left-bank Ukraine. These factors provided fertile soil for migratory sentiments among peasants. It was resettlement in vacant lands in the Asiatic Russia and North Caucasus, which allowed most of them to preserve their homesteads. In the 2nd half of the 19th – early 20th century, Ukrainian peasants were actively engaged in the migration movement which was supported by the state. One of the main placement areas became Western Siberia where a large Ukrainian peasant community was formed. The history of research on the Ukrainian community in Western Siberia is fragmentary, as many aspects remain unstudied. Hence, the article focuses on the following questions: causes of the Ukrainian migration to the border lands of the Russian Empire; stages in the migration; main areas where Ukrainians resided in Siberia; population dynamics of the Ukrainian community; adaptation patterns specific for Ukrainian migrants in their new places of residence; their role in the economic life of Siberia in the early 20th century. This article utilizes primary data from the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917, which have been introduced for scientific use for the first time. As the methodological basis, the study draws on the system approach combining regional, neo-imperial and comparative principles.

Keywords: Ukrainians in Siberia, Ukrainian community, migration, Russian Empire, Siberia, adaptation.

1. Introduction

From the end of the 17th century, Ukrainians became Russia's second largest nation. Social, economic and political development of the country led to their more active role both in the internal migration, and the emigration movement. This gave birth to ethnic communities in various Russian regions, such as Siberia, North Caucasus, Central Asia, etc., and enabled new Ukrainian diasporas in Europe and America. Siberia became the region where one of such numerous communities took shape over the 19th and early 20th century.

The article looks at how the Ukrainian community in Western Siberia formed and economically developed in the pre-Soviet period.

2. Material and Methods

Information sources related to the Ukrainian community are quite diverse. On one side, we can set apart a block of record keeping documents which represent the process of people's moving from Little Russian governorates to Siberia. These are departmental correspondence, petitions filed by peasants, etc. These documents are instrumental in identifying and characterizing the features of the resettlement of

* Corresponding author

E-mail addresses: s-w-n@mail.ru (V.N. Shaidurov)

peasants, who came from specific Russian regions, in areas beyond the Urals. In addition, they are useful in describing what was specific and general in the placement and resettlement of migrants in the new place of residence and how they communicated with local indigenous peoples and old inhabitants in the region. A part of the record keeping documentation gives a more thorough picture of the entrepreneurial activity Ukrainians were engaged in in rural areas and cities in the period under consideration.

Special mention should be made of statistical sources. First of all, this are the materials of departmental statistics (kept by the Cabinet and ministries), which reveals the migration dynamics in the second half of the 19th – early 20th centuries. However, using this source is quite difficult because it contains almost no national indicators: the data emphasise the governorate of exit. The exception is the 1897 First General Population Census and data retrieved from the source make it possible to compose a regional portrait of communities (their size, territorial distribution, urban and rural breakdown, economic activities and so forth).

A unique source to reconstruct the economic history of the Ukrainian community is found in the materials of some agricultural censuses (1916, 1917). Particular attention should be given to the All-Russian Agricultural and Land Census carried out in 1917 – its initial sheets have been preserved in some Siberian archives (Barnaul, Tomsk). The questionnaires specifically highlight nationality, former place of residence and year of resettlement. On the other hand, they supply considerable details on the peasant economy covered by the Census. The complete set of the data (the questionnaire contains more than 160 items) allows us to more accurately define the features which distinguished the formation and socio-economic development of the Ukrainian community in the region.

The study uses a variety of methods. The comparative method was used as a tool to find out about general regularities and distinctive features of the community's social and economic evolution. The chronological technique is instrumental in breaking down the subject into a number of specific issues to be dealt with in chronological order. The statistical analysis makes it possible to isolate required information and generalize data from statistical sources on the community's economic development. Methods of historical geography help link historical, economic, and demographic phenomena to a specific area.

This paper's attention is centered on the Ukrainian community in Siberia in the second half of the 19th – early 20th century. This article makes use of the terms "Ukraine", "Ukrainian", "Little Russia" and "Little Russian", which require explanation. The term "Little Russia" was coined in the Byzantine ecclesiastical and administrative practices in the 14th century. It referred to the land in the Dnieper Basin. The name "Little Russia" was used in the Russian Empire until 1917 to generically denote the Volyn, Podolsk, Kharkov, Chernigov and Poltava governorates. The term "Ukraine" was utilized as a toponym to refer to the areas which were densely inhabited by Ukrainians.

3. Discussion

Ethnic communities have always been an object of avid interest to contemporaries and history scholars alike. This is totally attributable to the ethnic groups that lived in Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries. This is evidenced by quite an extensive array of historiographical materials both in the form of journalistic works and serious scientific publications. Today, however, the knowledge of different national minorities varies. For example, there are many works on the history of Siberian Germans. In the second half of the 19th century, Polish and Russian historians turned to Siberian Polonia. The early 20th century saw numerous studies published on various issues related to the history of Jews in Siberia. Meanwhile, the Ukrainian community stands out of the pack. Strangely enough, but the history of Ukrainians in Siberia has received no full understanding so far, and its historiography is rather scanty.

Studying the history of Ukrainians in Siberia is rather a novel line as it rarely attracted the scientific attention at the end of the 19th and over the 20th centuries. In the period of the Russian Empire, Little Russians were often viewed as part of a single Russian nation. The few publications at that time looked at the problems of resettlement of migrants in new locations.

The years between the 1920s and early 1930s brought about a series of works by Ukrainian migrants (Zaremsky, 1926; Bezhkovich & Mogilyanskaya, 1930), written mainly in the ethnographic aspect. A general historical article titled "Ukrainians" was prepared to be printed in the fifth volume of "Siberian Soviet Encyclopedia", which remained unpublished.

Between the 1940 – 70s, ethnic history was not a popular subject among history experts in the Soviet Union for political reasons. This also refers to the study of the history of Ukrainians in specific regions of Russia. Researchers at this time concentrated on the history of republics that constituted the Soviet Union, including Ukraine. But this did not mean that the national factor in history was left without scientific attention. At this time, a series of monographs, which analyzed the history from geographic and demographic perspectives, was published. The authors discussed such problems as the size, changes and location of groups of the population, including Ukrainians, in the Russian Empire in various periods (Rashin 1956; Kabuzan, 1963, 1971; Tikhonov, 1978). In particular, some of them mention Ukrainian migrations to Siberia in the general context, which allows us to draw conclusions on their scale.

In the early 1980s, the Joint Institute of History, Philosophy and Philology of the Siberian Branch of the USSR's Academy of Sciences channeled its efforts to study the agrarian history of Western and Eastern Siberia. The outcome was the appearance of the summarizing treatise "The peasantry in Siberia in the

capitalism age" (1983), which, among other things, mentions Ukrainian peasant settlers. In the 1980s, major scientific journals started publishing individual articles that also refer to Siberian Ukrainians (Bruk & Kabuzan, 1980). These works were made in the form of reviews. The main contribution made by the authors was the fact that they introduced a large amount of statistical data into the scientific use, which they obtained from published censuses.

In the 1990s, the Ukrainian community in Siberia once again became a specialty for historians and anthropologists. This was reflected in a number of dedicated publications (Kutilova, 1996; Korovushkin, 2006). These works typically dwelt on specific points in the history of migration and economic life of Ukrainians beyond the Urals. It was characteristic of the works that the events shown were described outside the general Siberian context. However, the situation has changed somewhat in the recent years, and the Ukrainians are being considered as part of the Siberian social environment (Skubnevsky, 1998; Karikh, 2004 and others).

One of the most prominent publications in the past years has become a monograph by B. Kabuzan titled "The Ukrainians in the world: The dynamics of their number and settlement, the 20s of the 18th century - 1989" (2006), in which he summarized many years of research into various aspects of Ukrainian demography. The author built his study on the comparative analysis of demographic development of the Ukrainian population in Russia and Austria (Austria-Hungary) as applied to the 18th – early 20th century. One side of the process which he gave much attention to concerned internal migrations which resulted in new Ukrainian territorial communities. Against this background, B. Kabuzan outlined the essential role in the Ukrainian agricultural migration, taken by Siberia as a region that in the early 20th century welcomed about 1 million Ukrainians, which amounted to approx. 20% of the total migratory flow in the late 19th – early 20th century.

In the 1990s - 2000s, the topic of Ukrainian migration attracted much attention from Ukrainian researchers. We will not dwell on the trends in the Ukrainian historiography. We should only generally note the monograph "Ukrainians on their native lands" by V.O. Romantsov (2004). Based on extensive statistical material, the author has pointed out that Siberia in the late 19th – early 20th century was a region in which the number of Ukrainian population showed most rapid growth.

Of course, the Ukrainian history is of much interest in the countries which formed large diasporas in the 20th century, such as Canada, USA, Argentina, Poland, etc. Researchers there conduct studies into the history of their formation. For example, some of them point to the political reasons that brought about the Ukrainian migration already in the early 18th century (Subtelny, 1978).

The deepest interest to diasporas and their histories is shown by Polish historians. The result of their work was the monograph titled "Argentine Poles, Rusyns and Ukrainians" (2011), where authors generalize their scientific findings on the Slavic migratory trends, including their Ukrainian element, and their consequences throughout the end of the 19th – 20th centuries. This is a presentation of a comprehensive study into Argentine colonies established by immigrants from Eastern Europe. This material makes it possible to draw parallels to the issues related to the adaptation of Ukrainian migrants across the world at the turn of the 19th – 20th century.

4. Results

Until the second half of the 17th century, Ukrainian lands were part of the Polish-Lithuanian Commonwealth. In 1667, Russia and Poland signed the Truce of Andrusovo in the Andrusovo village. Poland recognized the Left-Bank Ukraine, which retained the rule of hetman, as part of the Tsardom of Moscow. Empress Catherine II abolished the Hetmanate in 1764, and destroyed the Zaporozhian Host in 1775. Following the 1772 – 1795 Partitions of Poland, Galicia came into possession of the Austrian Habsburgs, and the rest of the Right-Bank Ukraine passed into ownership of the Russian Empire. The outcome of the 1768-1774 Russo-Turkish War was the recognition of the Crimean Khanate as an independent state, and in 1783 its lands were incorporated into Russia. The Tatar settlements in the steppe lands of Novorossiia and Taurida, as annexed by the Russian Empire, became sites for the founding of Russian localities, including some currently major cities, such as Zaporozhye (1770), Dnepropetrovsk (1776), Kherson and Mariupol (1778), Sevastopol (1783), Simferopol and Melitopol (1784), Nikolaev (1789), Odessa (1794), and Lugansk (the Lugansk plant established in 1795).

Until the late 18th century, there was the Little Russian governorate in the Ukrainian lands, with its capital city in Glukhov, and since 1775 in Kiev. It consisted of the Novgorod-Seversky, Chernigov and Kiev provinces. Until the late 18th – early 19th century, Ukraine was a predominantly agrarian territory. From the middle of 19th century, Ukraine's present eastern regions (Lugansk and Donetsk) and later the Kiev region began their growth as industrial areas thanks to the inflow of Russian and foreign capital.

The economy of feudal Russia demonstrated signs of the looming agrarian crisis in the first half of the 19th century, which manifested itself in the peasant land scarcity. Soaring land prices and high rents cramped the expansion of peasant lands. Therefore, Russian, Ukrainian, and Belarusian peasants were quite enthusiastic about resettling in unpopulated areas.

In the early 19th century, Ukrainians began to move to the Novorossiysk governorate general established on land that was annexed by the Russian Empire in the wars with Turkey. This gave rise to

numerous Ukrainian villages. It should be noted that this region was rapidly settled. It became home to many Russian villages as well as German, Bulgarian, Greek, and Jewish agricultural colonies.

Over the 17th – first half of the 19th century, the share of Ukrainians in the Siberian society was extremely small. The main source contributing to the community's growth was exile. In the late 17th century, it was Siberia that was the key area which received criminal and political offenders.

In the 1860-s, a set of laws was passed to open the floodgates for voluntary migrants to move to Siberia. The consequence was that already in the 1860s – 1870s their number amounted to approx. 500 thousand people, but the percentage of migrants from the Little Russian governorates was insignificant – just over 3.5 percent of the total flow (Yakimenko, 1983: 19).

From the mid-1870s, the number of Ukrainians, who resettled in Western Siberia, grew every year, not only in absolute terms but in their relative correlation as well. Some of them found new homes in cities, and in the first place, it was true to members of the lower middle class, who, for example, accounted for 36% of all Ukrainian migrants in Omsk in 1877 (Slovzov, 1880: 76).

The bulk of the settlers were peasants. It can quite clearly be seen in the example of the Altai mining district (South of Western Siberia), which kept a permanent record of migrants from various governorates. The fact that Ukrainians took part in migration flows can be confirmed, based on, for example, the 1888 data which indicate that the natives of the Kharkov governorate at this time ranked second in the massive resettlement and accounted for more than 12%. In total, from 1888 to 1892 about 16 thousand Ukrainians arrived in the Altai mining district from Kharkov, Poltava, Chernigov, Kiev and other governorates (GAAK. F. 3. Op. 1. D. 741. L. 2.).

The early 1890s were characterized by the growing number in migrants to the Altai, which was related to changes in the resettlement laws. The increase amounted to about 45% in 1890-1891, compared to 1889. The explanation to a large extent lied in a more intensive migration outflow from the Kursk, Kharkov, Tambov and some other governorates. The biggest emigration wave at this time experienced the Chernigov governorate (see. Table. 1).

Table 1: Dynamics of resettlement of peasants from the Chernigov governorate in the Altai (1888 – 1890)

Year	1888	1889	1890
No. of people	139	42	6973

Source: GAAK. F. 3. Op. 1. D. 741.

A peculiar feature pertaining to the demographic statistics in the Russian Empire until the end of the 19th century was that it did not divide the Russian population into Great Russians, Belarusians and Little Russians. This division was first applied when Russia went ahead with preparations for the First General Population Census of the Russian Empire in 1897. It was data of this statistical survey that give us the most complete picture of the size and demographic characteristics of the Ukrainian community.

Analysis of the published results of the 1897 population census proves that approx. 190 thousand Ukrainians resided in the territory of the Tobolsk and Tomsk governorates and Akmola region at that time. The majority of them migrated from the Poltava, Chernigov and Kharkov governorate – approx. 82 thousand people (Tikhonov, 1978: App. 1).

Little Russians were very unevenly distributed over the territory of Western Siberia. The largest community estimated at nearly 53% (approx. 100 thousand) lived Tomsk, while the smallest group was in the Tobolsk governorate – 20% (approx. 38 thousand). However, the proportion of Ukrainians in the population of governorates and regions looked totally different: Tobolsk 3.7%, Tomsk 5.2%, Akmola 7.5% (Akmolinskaia oblast', 1904: 52, 53, 55; Tobol'skaia guberniia, 1905: 84-87; Tomskaia guberniia, 1904: 76-81). But even within the region, Ukrainian migrants settled down in quite compact groups. One reason was the preserved communal spirit, brought by them from their previous place of residence, and on the other hand the policy pursued by local authorities.

There is a number of areas standing out in each of the three regions, which feature ethnically related settlement with regard to Ukrainians, as evidenced by the value of the concentration index. It shows how the ethnic group's proportion in the area's population was higher or lower comparing to this group's proportion in the total population. For example, the Akmola region has this type of area in the Petropavlovsk district (1.99), the Tobolsk governorate in the Tyukalinsk district (1.43), the Tomsk governorate in the Barnaul (1.7), Mariinsk (1.64) and Zmeinogorsk Districts (1.58) (Akmolinskaia oblast', 1904: 52, 53, 55; Tobol'skaia guberniia, 1905: 84-87; Tomskaia guberniia, 1904: 76-81).

Hence, specific Western Siberian areas brought about the active formation of Ukrainian communities. The distinctive characteristic of the process was that given the existing migration policy Little Russians were forced to settle in the villages populated by old inhabitants or in the few resettlement areas that were made frequently available on lands unsuitable for farming. Immature resettlement laws, poor state support for migrants, negative attitudes from old inhabitants and a number of other objective and subjective factors led to relatively low economic levels of Ukrainian households.

In the second half of the 19th century Ukrainians in Siberia rapidly lost their identity. The primary reason was that they cohabited with Russian and Siberians in the same settlements, and on the other hand, this process was caused by the scattered distribution of Ukrainians throughout regions. An eyewitness wrote in the late 19th century, that "Kursk Ukrainians have lost much of their Little Russian way of life over their five-year stay in Siberia and assimilated Siberian lifestyle traits" (Stankevich, 1895: 90).

At the new place of residence, Ukrainians faced with multiple problems. It was very difficult for them to adapt to new climatic and environmental conditions. In cold Siberian winters, salvation was found in living near to forests which were a source of firewood. Houses were designed in the traditional style: logs were processed inside and outside the house, and the walls daubed with clay. Later, Ukrainians stopped processing logs, as in this case, the walls did not freeze right through in winter.

They needed time and money to buy required agricultural tools. In their homeland, Ukrainians prepared soil for sowing with plow. In Siberia, it could only be used for already cultivated lands. But such plows broke in virgin soil, and Ukrainians had to use a Siberian sokha, a light wooden ard.

In the first years of life in a new place, Ukrainians tried to maintain the same agricultural structure. They sowed buckwheat, millet, corn, beans, watermelons, and melons, and planted apples and pears. However, all these agricultural crops were not adapted to the local climate. The harvest depended on nature. In this situation, it also determined welfare of Ukrainian peasants. The only exception was tobacco, which gave good harvests in the local environment (Ibid. 91).

An important role in the life of Ukrainians in places they previously resided went to corn and vegetable crops, including beans. An interesting fact was revealed by Polish historians when they studied Polish-Ukrainian colonies in Argentina: the share of corn in the crops structure accounted for up to 70% of the cultivated area, and vegetable crops, including beans, from 15 to 30% (Stemplowski, 2011: 140). The mild Argentine climate allowed Ukrainians to preserve their traditional cropping patterns.

The economic welfare of Ukrainians had an extremely low level in the first years of residence in the new area. The explanation was that they lacked capital to purchase cattle. For example, the Lebedinsky village, Tobolsk governorate, was home to 32 Ukrainian families (settlers from the Kharkov governorate) in 1893. A statistical survey, conducted by officials, found that 5 of the families had no horses to perform field works. The average proportion was as follows – 1 horse per 1 family, and 1 cow per 2 families (Stankevich, 1895: 91).

Long distances from Ukrainian villages to major administrative and economic centers (45 – 60 km) made Ukrainians heavily rely on old inhabitants who were more affluent. It was they who could provide migrants with additional earnings opportunities. The most widespread type of work was day labor in summer and autumn – harvesting, threshing, haymaking and other jobs. However, the remuneration was very low. Local traders of old inhabitants granted small monetary loans to Ukrainians and lent them bread.

All this made the economic situation of migrants direr. Not everyone was able to adapt to the new harsh living conditions. Remigration was common and amounted to up to 25-30%. Nevertheless, welfare improved in the Ukrainian villages where migrants were the better off the longer they lived in the place. For example, the Chernigovka village, Tobolsk governorate (first Ukrainians in this village came in Siberia in 1886 from the Chernigov governorate) and by 1893 we can see the following picture: 24 families had 77 horses, 67 cows and young cattle 82 heads (Ibid. 107).

A qualitatively new stage in the evolution of the Ukrainian community began in the Stolypin agrarian reform. This was associated with a combination of factors, such as easier exit from the community, more elaborate resettlement laws, policies to stimulate farmers in various aspects, and the allocation of a significant land fund to establish new resettlement sites. The main inflow of Ukrainians in the early 20th century was experienced in Barnaul and Zmeinogorsk districts, Altai part of the Tomsk governorate. There were more than 30% of Siberian Ukrainians living there already at the turn of the 19th – 20th centuries (Skubnevsky, 1998: 102). This was connected, on the one hand, with the similarity of the climatic conditions in Altaic steppes and Left-Bank Ukraine and Novorossiia. On the other hand, resettlement sites were allocated exactly in this area. Meanwhile, the geography of immigrants outflow also underwent changes: in the early 20th century, the bulk was provided by the Poltava, Ekaterinoslav, Taurida, Kherson and others governorates.

Over 1897–1913, the size of the Ukrainian community in Siberia grew several times. Hence, it increased from 137 thousand to 376 thousand people only in Western Siberia. There was a leap in the ratio between Ukrainians and the rest of the Siberian population: in Western Siberia from 4.1 % to 5.7 % and in Eastern Siberia from 1.9 % to 4.6 % (Romantsov, 2004: 60).

The post-reform period (1860 – 1880) gave a shape to the Ukrainian migration as the agricultural resettlement. This was largely due to the fact that the overwhelming majority of Ukrainians who migrated to Siberia were peasants who hoped to significantly improve their economic situation. This is also evidenced by the data of the 1897 census: from 77% of Ukrainian families in the Tobolsk governorate to 92% in the Akmola region were engaged in agriculture. Crafts were auxiliary activities and were most widely represented in the Tobolsk governorate (7.1%). In addition, Ukrainians included fairly high percentage of people who were servants and day laborers: from 2.2% in the Akmola region to 4.8% in the Tobolsk governorate. As we can see, more than 15% of Ukrainians were employed outside agriculture in the Tobolsk governorate, which is

explained by unfavorable conditions for farming and the lack of free land in the governorate (*Akmolinskaia oblast'*, 1904: 52, 53, 55; *Tobol'skaia guberniia*, 1905: 84-87; *Tomskaia guberniia*, 1904: 76-81).

At the beginning of the 20th century, the Siberian village began active development of capitalist relations. It was the migrants villages that were able to most adequately respond to the challenges of the time. In contrast to old inhabitants, settlers were much less tied by communal relations and the resettlement to Siberia itself as well as establishing households in the new place led to the growing economic differentiation of society. Eventually, this resulted in the deeper social and property stratification of society, more elaborate commodity-money relations, lease relations, capitalization of the peasant economy and other consequences.

An idea on the stratification level in the Ukrainian village can be drawn from the materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census based on the distribution of cultivation areas and working animals between resettlement households (see [Table 2](#)).

Table 2: Distribution of crops and livestock between resettlement households (as illustrated by the Novo-Nikolaevsky village, Tomsk governorate), %

Q-ty per 1 household	No horse	1-2 horses	3-4 horses	More than 5 horses
No crops	9,4	0	2,3	0
Crops up to 4 dessiatines	0	11,6	4,6	0
Crops from 4 to 10 dessiatines	2,3	9,4	6,9	0
Crops more than 10 dessiatines	0	9,4	30,2	13,9

Source: [GAAK. F. 233. Op. 1. D. 980](#).

In this case, we can say that approx. 50% of Ukrainian settler farms had a sufficient number of working animals and considerable land plots (over 10 dessiatines). Based on these indicators, the households can be described as prosperous. However, when we determine the role of a household in the economic structure of the settlement, it is necessary to take into account its size. At the same time the proportion of the poorer households was insignificant and amounted to approx. 11%.

Growing crops, as we have mentioned above, was the main occupation taken up by Ukrainian migrants. After they moved to Western Siberia, they had to deal with various agricultural practices, ranging from the old inhabitant version of land use (*zaimochno-zakhvatny*), where the right to land (*zaimka*) was determined by the initial grab of the land, to the four-year rotation used by settlers from German colonies in Southern Russia. Contemporaries repeatedly pointed out that German colonists exerted substantial cultural impact on their neighbors. This was also the case in the south of Western Siberia. One change was related to the transition from the communal land ownership to the individual one. Interestingly, Little Russian peasants said that it was easier for them to plow their own land.

The choice of crops was largely dictated by climatic conditions. In the first years of living in Siberia, settlers made attempts to farm the way they were accustomed to in the places they previously resided. But it took them very little time to realize that to survive they should make use of the experience accumulated by old inhabitants and borrow seed grains from them. At the same time the natives of Little Russian governorates contributed to the wider spread of watermelons, melons and gourds in steppe regions in the South of Western Siberia. It turned the communication between old inhabitants and migrant communities into a kind of agricultural dialogue.

Basic grains sowed by settlers were spring wheat of the local durum species, which accounted for up to 75 - 80% of the sown area. The second most wide-spread crops were barley and oats with approx. 15 - 20%. No other crops were represented in the sowing pattern. Ukrainians sowed a minor part of the cultivated area with industrial crops (sunflower, potato, tobacco) and in certain areas with gourds and melons.

The Ukrainian economy attached a major importance to raising livestock. Borrowings from indigenous population were also reported in the sphere. For example, in the steppe Irtysh regions, Ukrainians adapted thoroughbred fat-tailed sheep from Kazakhs, and some villages began to use camels as draft animals ([Tomilov, 2004: 21](#)). However, in terms of livestock provision, Ukrainians were significantly inferior to other categories of the population (see [Table 3](#)).

Table 3: Availability of livestock to various groups of agricultural population in Siberia in 1917

Ethnic group	Horses	Cattle	Sheep	Pigs	Total
Germans	2.3	2.2	1.4	1.4	13.2
Russian settlers	3.1	1.9	4.1	2.0	16.6
Russian old inhabitants	2.5	2.2	2.9	0.3	12.2
Estonians	2.3	5.6	11.7	1.7	27.8
Ukrainians	2.6	1.6	1.6	0.5	10.2

Source: GAAK. F. 233. Op. 1. DD. 799-803; Ibid. F. 233. Op. 1b. DD. 411, 575, 576.

In Siberia, Little Russians were forced to abandon the use of oxen as draft animals and switch to horses instead. Cattle were bred in the first place, in order to produce meat and dairy products. In the early 20th century, butter-making industry started booming in Siberia, which boosted the profitability of this line of business in livestock breeding. A system of butter-making cooperatives established before the First World War led to a dramatic increase in the number of cattle in resettlement villages, including Ukrainian households. Breeding sheep and pigs was uncommon among Ukrainians at the time.

In terms of available improved agricultural tools, Ukrainian settlers had much worse equipment than Russians, Germans, or Estonians. On average, 10 farms had 0.3 – 0.5 mowers and horse-drawn rakes. As to other of the above groups, the figure varied from 0.6 to 2.4 units (see Table 4).

Table 4: Availability of agricultural implements to various groups of the agricultural population in Siberia (per 10 households)

Ethnic group	Plows	Mowers	Horse-drawn rakes	Reapers	Threshers	Winnowers
Germans	9.14	0.97	0.8	4.8	0.46	2.6
Russians	1.25	N/A	N/A	3.13	0.95	2.5
Estonians	5.9	6.36	5.9	1.36	0.9	4.54
Ukrainians	9.65	0.3	0.3	5.5	0.3	0.7

Source: GAAK. F. 233. Op. 1. DD. 799-803; Ibid. F. 233. Op. 1b. DD. 411, 575, 576.

In this case, we can conclude that the availability of advanced agricultural implements to peasants directly depended on the agricultural specialization of a particular ethnic group. For example, Estonian peasant households were mostly oriented on commercial dairy husbandry. This explains why they were well supplied with handling implements (mowers, horse-drawn rakes). Data on Ukrainian peasants, who focused on grain farming, show that they were supplied with a certain level of appropriate implements (iron plows, reapers, etc.).

The 1910s demonstrate high rates of economic growth. Using sophisticated tools in the household activities became quite a cost-effective solution – a self-rake reaper usually paid off in one season. However, its high price made it unaffordable for everyone who wished to buy it. A way to deal with this situation was offered by implements lease. Ukrainians were no exception. The agricultural implements lease was sufficiently wide-spread (see Table 5).

Table 5: Harvesting machines lease by different population categories, Altai, 1917. (per 10 households)

	REAPERS	Winnowers
GERMANS	2.66	2.56
Russians	3.75	4.06
Ukrainians	4.14	8.6

Source: GAAK. F. 233. Op. 1. DD. 799-803; Ibid. F. 233. Op. 1b. DD. 411, 575, 576.

One of the key challenges met by Ukrainian peasants was processing their produce for own consumption and for sale on local markets. The consequence of this was the growing flour milling industry. Analysis of applications for the right to build mills in Siberia, however, suggests that Ukrainians themselves either due to their inadequate financial capacity or lack of capital had a limited role in the process. As a rule, they were compelled to lease out their land plots to Russian or German companies to construct mills powered by oil engines, stipulating for themselves a fixed price for grinding one pood of grain. The situation was quite

opposite in the butter-making industry which required much less initial investment. As a consequence, almost every Ukrainian village in Siberia operated its own butter-making artel. According to our estimates, approx. 50% of Ukrainian households in the steppes of Siberia were engaged in butter-making cooperatives. Products by artels had good quality and were subsequently sold to a Danish "Siberian Company" to be exported to Europe.

During the First World War, Ukrainians flowed in the stream of refugees from frontline governorates. Part of them found themselves in Siberia. However, their numbers in Siberia were not comparable with those of Poles, Latvians and Jews, who accounted for 13.4%, 8%, and 5.9% of the refugee population in Siberian regions. Some of them settled in rural areas, and some in cities, such as Tomsk, Omsk, Novo-Nikolaevsk, and Barnaul (Nam, 2003: 278).

5. Conclusion

Thus, throughout the second half of the 19th – early 20th centuries, numerous groups of "agrarian" Ukrainians – migrants from various Ukrainian regions – took shape in different provinces of the Russian Empire. One of the biggest communities was founded in Siberia in this period. Its main source was the voluntary resettlement. The disastrous economic situation created fertile ground for cultivating migration sentiments among Ukrainian peasants in the Left-Bank and Right-Bank Ukraine. The largest number of migrants came from the Kharkov, Poltava, Chernigov, and Kherson governorates. Fleeing from the devastation, part of the Ukrainians seized the opportunity to emigrate from the Russian Empire to America. However, the overwhelming majority of Ukrainian migrants took part in the resettlement in other regions inside the Russian Empire. As a result, there were approx. 827.5 thousand Ukrainians only in Western Siberia in 1920.

Strange climatic conditions and environments, complicated relations with the local population, and settlements away from main economic centers made the life of the migrants extremely hard. Once in Siberia, migrants from Ukrainian governorates tried to preserve their old economic ways, but various factors forced them to significantly transform the practices. The early 20th century marked beginning agrarian capitalism in Ukrainian migrant villages, which developed along the American path (emergence of small and medium farmers). Still, the pace of the capitalist development in Ukrainian communities was slower than, for example, that in German, Polish, or Estonian villages. Nevertheless, Ukrainians took an active part in the agricultural exploration and development of Siberia which before the First World War was one of Russia's fastest growing agrarian and industrial regions.

Примечания

Stemplowski R. *Slowianskie gospodarstwo rolne w Misiones (1897 - 1939)* // Polacy, Rusini i Ukrain'cy Argentyn'czycy. Osadnictwo w Misiones. 1892 - 2009. Ed. R. Stemplowski. Warszawa, 2011. S. 135-194.

Subtelny, 1978 - *Subtelny O.* Great Power Politics in Eastern Europe and the Ukrainian Emigres, 1709-42 // *Canadian-American Slavic Studies*. 1978. Volume 12, Issue 1, pp: 136 - 153.

Акмолинская область. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 81. Спб., 1904. 138 с.

Бежкович и др., 1930 - *Бежкович А.С., Могиланская С.Н.* Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии. Л., 1930. 253 с.

Блинов Н.В. и др., 1982 - *Блинов Н.В. и др.* Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: "Наука", 1982. 459 с.

Горюшкин и др., 1983 - *Горюшкин Л.М. и др.* Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: "Наука", 1983. 399 с.

Зарембский, 1926 - *Зарембский А.И.* Украинцы. Л.: Гос. тип. им. Ивана Федорова, 1926. 8 с.

Кабузан, 1963 - *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 230 с.

Кабузан, 1971 - *Кабузан В.М.* Изменения в размещении народонаселения России в XVIII – первой половине XIX в. М.: "Наука", 1971. 190 с.

Кабузан, 2006 - *Кабузан В.М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е гг. XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М.: "Наука", 2006. 658 с.

Карих, 2004 - *Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 233 с.

КГКУ ГААК - Краевое государственное казенное учреждение Государственный архив Алтайского края.

Коровушкин, 2006 - *Коровушкин Д.Г.* Расселение и численность украинцев на территории Омской области (конец XIX – начало XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII. Часть II. С. 106 – 111.

Кутилова, 1996 - *Кутилова Л.А.* Украинские переселенцы в Томской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Вып. 2. Томск, 1996.

Нам, И.В., 2003 - *Нам И.В.* Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, Издательство Алтайского университета, 2003. С. 278.

Рашин, 1956 - *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811 – 1913 гг.). Статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

Романцов, 2004 - *Романцов О.В.* Українці на одвічних землях (XVIII - початок XXI століття). К., Видавництво імені Олени Телеги, 2004. 200 с.

Скляр, 1962 - *Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 588 с.

Скубневский, 1998 - *Скубневский В.А.* Население Алтая по данным переписи 1897 года // Образование и социальное развитие региона. Барнаул. 1998. - № 1. С. 99 - 106.

Словцов, 1880 - *Словцов И.Я.* Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 года. Ч. 1. Омск, 1880. 433 с.

Станкевич А., 1895 - *Станкевич А. и др.* Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 1870-х до 1893 года). СПб., 1895. 541 с.

Тихонов, 1978 - *Тихонов Б.В.* Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М.: "Наука", 1978. 208 с.

Тобольская губерния. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78. СПб., 1905. 248 с.

Томилов Н.А. и др., 2004 - *Томилов Н.А., Реммлер В.В.* Украинцы Западной Сибири // Информационно-методический бюллетень российских немцев Омской области «Культура». Омск, 2004. С. 18-25.

Томская губерния. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 79. СПб., 1904. 246 с.

Якименко, 1983 - *Якименко Н.А.* Аграрные миграции в России (1861- 1917 гг.) // Вопросы истории. 1983. - № 3. С. 17-31.

References

Akmolinskaia oblast'. Pervaiia Vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. [Akmola oblast. The First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897]. Ed. N. Trojnitky. Vol. 81. Bechaskov, P. (ed.). St. Petersburg, 1904. M.Ya. Minkov Publ. 138 p. [in Russian].

Bezhkovich, 1930 - *Bezhkovich, A. S. and Mogilyanskaya, S. N.* Ukraintsy-pereselentsy Semipalatinskoi gubernii [Ukrainian settlers of the Semipalatinsk governorate]. Leningrad. 1930. 253 p. [in Russian].

Blinov, 1982 - *Blinov N.V. i dr.* Rabochij klass Sibiri v dooktjabr'skij period [The working class of Siberia in the pre-revolutionary period]. Ed. N.V. Blinov. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 1982. 459 p. [in Russian].

Goryushkin, 1983 - *Goryushkin L.M. i dr.* Krest'janstvo Sibiri v jepohu kapitalizma [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Ed. L.M. Goryushkin. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 1983. 399 p. [in Russian].

Kabuzan V.M., 2006 - *Kabuzan, V. M.* Ukraintsy v mire: dinamika chislennosti i rasseleniia. 20-e gg. XVIII veka – 1989 god: formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits ukrainskogo etnosa [Ukrainians in the world: The dynamics of their number and settlement, from the 20s of the 18th century to 1989: formation of ethnic and political boundaries of the Ukrainian ethnos]. Moscow: "Nauka" Publ., 2006. 658 p. [in Russian].

Kabuzan, 1963 - *Kabuzan V.M.* Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Population of Russia between the 18th and first half of 19th century]. Moscow: AN SSSR Press. 1963. 230 p. [in Russian].

Kabuzan, 1971 - *Kabuzan V.M.* Izmeneniia v razmeshchenii narodonaseleniia Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Changes in the distribution of the population in Russia in the 18th and first half of 19th century]. Moscow: "Nauka" Publ., 1971. 190 p. [in Russian].

Karikh, 2004 - *Karikh Ye.V.* Mezhetnicheskie otnosheniia v Zapadnoi Sibiri v protsesse ee khoziaistvennogo osvoeniia. XIX – nachalo XX v. [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic reclamation. The 19th – early 20th century]. Tomsk: Tomsk University Press, 2004. 233 p. [in Russian].

KGKU GAAK - Kraevoe gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archives of the Altai Krai].

Korovushkin, 2006 - *Korovushkin D.G.* Rasselenie i chislennost' ukrainitsev na territorii Omskoi oblasti (konets XIX – nachalo XXI veka) [Settlement and number of Ukrainians in the Omsk Oblast (end of the 19th and beginning of 21st century)] // Problems of archeology, Ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Novosibirsk, 2006. Vol. XII. Part II. Pages: 106 – 111. [in Russian].

Kutilova, 1996 - *Kutilova L.A.* Ukrainskie pereselentsy v Tomskoi gubernii (konets XIX – nachalo XX v.) [Ukrainian settlers in the Tomsk governorate (end of the 19th and beginning of the 20th century)]. From the history of revolutions in Russia. Issue 2. Tomsk. 1996. [in Russian].

Nam, 2003. - *Nam I.V.* Chislennost' i natsional'nyi sostav bezhentsev v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny [The number and ethnic composition of refugees in Siberia in the World War I] // The historical

experience of economic and cultural development in Western Siberia Editors V. Moiseev & Yu. Goncharov. Barnaul, 2003. P. 276 – 279. [in Russian].

Rashin, 1956 - *Rashin A.G.* Naselenie Rossii za 100 let (1811 – 1913 gg.). Statisticheskie ocherki [The population of Russia for 100 years (1813–1913). Statistical essays]. Moscow: Gosstatizdat. 1956. 352 p. [in Russian].

Romantsov, 2004 - *Romantsov O.V.* Ukraïntsi na odvichnikh zemliakh (XVIII - pochatok XXI stolittia) [Ukrainians on their native lands (18 - early 21 century)]. Kiev: Olen' Telega Press, 2004. 200 p. [in Ukrainian].

Sklarov, 1962 - *Sklyarov L.F.* Pereselenie i zemleustroïstvo v Sibiri v gody stolypinskoi agrarnoi reformy [Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1962. 588 p. [in Russian].

Skubnevsky, 1998 - *Skubnevsky V.A.* Naselenie Altaja po dannym perepisi 1897 goda [Altai population according to the 1897 census]. // Education and social development of the region. Barnaul. 1998. No. 1. P. 99 – 106. [in Russian].

Slovzov, 1880 - *Slovzov I. Ya.* Materialy po istorii i statistike Omska, izvlechennye iz odnodnevnoi perepisi 1877 goda [Materials on the history and statistics of the Omsk extracted from the one-day census of 1877]. Is. 1. Omsk, 1880. 433 p. [in Russian].

Stankevich, 1895 - *Stankevich A. i dr.* Materialy dlia izucheniia byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoi gubernii za 15 let (s kontsa 1870-kh do 1893 goda) [Materials for the study of life of migrants installed in the Tobolsk governorate over 15 years (from the end of 1870 until 1893)]. St. Petersburg: S. Yakovlev Press, 1895. 541 p. [in Russian].

Stemplowski, 2011 - *Stemplowski R.* Slowianskie gospodarstwo rolne w Misiones (1897 - 1939) // Polacy, Rusini i Ukrain'cy Argentyn'czycy. Osadnictwo w Misiones. 1892 - 2009. Ed. R. Stemplowski. Warszawa, 2011. P. 135-194. [in Polen].

Subtelny, 1978 - *Subtelny O.* Great Power Politics in Eastern Europe and the Ukrainian Emigres, 1709-42 // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Volume 12, Issue 1, P. 136 - 153.

Tikhonov, 1978 - *Tikhonov B.V.* Pereseleniia v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. Po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoi statistiki [Resettlements in Russia in the second half of the 19th century. According to the materials of the 1897 census and passport statistics]. Moscow: "Nauka" Publ., 1978. 208 p. [in Russian].

Tobol'skaia guberniia. Pervaia Vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. [Tobolsk governorate. The First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897]. Ed. N. Trojnitsky. Vol. 78. St. Petersburg, 1905. M.Ya. Minkov Publ. 248 p. [in Russian].

Tomilov, 2004 - *Tomilov N. A. and Remmler V. V.* Ukraïntsy Zapadnoi Sibiri [Ukrainians of Western Siberia]. Informatsionno-metodicheskii biulleten' rossiiskikh nemtsev Omskoi oblasti «Kul'tura». Omsk, 2004. P. 18-25. [in Russian].

Tomaskaia guberniia. Pervaia Vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. [Tomsk governorate. The First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897]. Ed. N. Trojnitsky. Vol. 79. Patkanov, S. (ed.). St. Petersburg, 1904. M.Ya. Minkov Publ. 246 p. [in Russian].

Yakimenko, 1983 - *Yakimenko N.A.* Agrarnye migratsii v Rossii (1861- 1917 gg.) [Agricultural migration in Russia (1861 - 1917)] // Voprosy istorii. 1983. Is. 3. P. 17-31. [in Russian].

Zaremsky, 1926 - *Zaremsky A.I.* Ukraïntsy [Ukrainians]. Leningrad: Ivan Fedorov's Press. 1926. 8 p. [in Russian].

УДК 940

Украинская община Западной Сибири: особенности формирования и развития во второй половине XIX – начале XX в.

Владимир Николаевич Шайдуров^{а, *}

^а Национальный минерально-сырьевой университет "Горный" (Горный университет), Российская Федерация

Аннотация. Аграрный кризис в Европейской части Российской империи к середине XIX в. стал серьезным препятствием в развитии сельского хозяйства. Аграрное перенаселение и обезземеливание крестьян в ходе проведения крестьянской реформы 1861 г. еще больше усугубляло негативную ситуацию в губерниях Центральной России, Белоруссии, левобережной Украины. Эти факторы способствовали формированию благоприятной почвы для миграционных настроений среди крестьян. Именно переселение на свободные земли в Азиатской России, на Северном Кавказе стало для большинства из них способом сохранить собственное хозяйство. Во второй половине XIX –

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s-w-n@mail.ru (В.Н. Шайдуров)

начале XX в. украинские крестьяне активно включились в переселенческое движение, которое поддерживалось государством. Одним из основных мест водворения стала Западная Сибирь, где сформировалась многочисленная украинская крестьянская община. История изучения украинской общины Западной Сибири фрагментарна. Незучеными остаются многие аспекты. В центре внимания в статье стоят следующие вопросы: причины переселения украинцев на окраины Российской империи; этапы миграций; основные районы проживания украинцев в Сибири; динамика численности украинской общины; особенности адаптации украинских переселенцев на новом месте жительства; место и роль в экономической жизни Сибири в начале XX в. В статье нами использованы первичные данные Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи населения 1917 г., которые впервые вводятся в научный оборот. Методологической основой исследования стал системный подход, сочетающий в себе историко-региональный, ново-имперский и историко-сравнительный (компаративный) принципы.

Ключевые слова: украинцы в Сибири, украинская община, миграция, Российская империя, Сибирь, адаптация.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 120-128, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Elena A. Shershneva^a

^a Altay State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

The problem of relations between the Russian Orthodox Church and the Muslim communities of Western Siberia in the context of state-confessional policy of the Russia in the second half of XIX - early XX century is considered in the article. The dominant position of the Russian Orthodox Church led to the fact that the government regarded it as a companion for the policy of russification and degradation of the features of non-Orthodox religions, including Islam. This line of national policy in Russia forced the Muslim community to defend their rights. The government's attempts to interfere in religious affairs did not lead to result, but caused the indignation in the Muslim world. A decree on strengthening the foundations of religious tolerance, adopted in 1905, reduced the number of foreigners who wanted to embrace Orthodoxy. Since that time a great opportunity offers for the functioning of the Muslim communities in different regions of the Russian Empire, although total freedom of conscience was absent.

Keywords: Islam, Orthodoxy, Western Siberia, state-confessional policy, Baptism, toleration.

1. Введение

Выстраивание межконфессионального диалога является одной из важнейших проблем в поликонфессиональном обществе. Россия, сложившаяся в силу исторических причин, как поликонфессиональное и полиэтничное государство, на протяжении длительного времени выстраивала национальную политику с учетом особенностей этнических и религиозных процессов. Расширение территориальных границ российского государства через присоединение Поволжья, Кавказа, Сибири, на которых традиционно проживало мусульманское население, закономерно поставило вопрос о построении межконфессионального диалога. Ислам, являющийся по данным переписи 1897 г. второй по численности конфессией Российской империи (Ибрагимова, 2006), вынуждал правительство принимать меры по его регулированию в рамках православного государства. К тому же следует отметить, что одной из проблем, с которой столкнулся ислам в рамках православно ориентированной страны, это невозможность полноценно заниматься миссионерской деятельностью. Одной из основных задач правительство видело в объединение народов, проживающих в государстве под покровительством православной церкви. В связи с этим, государственная власть оказывала поддержку церкви в миссионерской деятельности в инородческой среде. Благодаря Указу от 1773 г., который внес коррективы в жизнь мусульманских общин России, давление на них было несколько ослаблено (ПСЗ РИ, 1830: 775–776). В тоже время, через христианизацию инородческого населения государство стремилось решить важную задачу своей политики, направленную на приобщение к русской культуре, а порой непосредственно русификацию этих народов (Бессмертная и др., 2010: 132; Dashkovskiy, Shershneva, 2015: 218].

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpn.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), D2703@yandex.ru (E.A. Shershneva)

2. Материалы и методы

Наиболее объективно рассмотреть роль государства в выстраивание межрелигиозных взаимоотношений между двумя ведущими конфессиями — православием и исламом, позволяют архивные материалы. Они представлены циркулярными распоряжениями, отчетами миссионеров Русской православной церкви, различными прошениями мусульман, а также законодательными актами по регулированию жизни мусульманских общин в рамках православно ориентированного государства. При подготовке статьи использовались материалы, хранящиеся в архивах Алтайского края, Омской и Томской областей, а также историческом архиве Республики Башкортостан. Работа построена на методологических принципах историзма, которые позволяют рассматривать процесс взаимодействия конфессий, как обусловленный не только внутренними факторами развития конкретной религии на региональном уровне, но и спецификой государственно-конфессиональной политики Российской империи. В работе использовались сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и ретроспективный методы. Применение сравнительно-исторического метода позволило проследить взаимоотношения мусульманских и православных общин Западной Сибири. Проблемно-хронологический метод дал возможность рассмотреть государственную политику в отношении правового положения мусульманских народов в сибирском регионе. Ретроспективный метод использован для анализа процесса возвращения из православия в ислам инородческого населения.

3. Обсуждение

Проблема отношения государства к исламу в России рассматривалась такими исследователями как, И.Л. Алексеев, И.В. Октябрьская, Д.Ю. Арапов, А.К. Тихонов. В работах данных историков отмечаются неоднократное изменение государственной политики России в отношении народов мусульманского вероисповедания на всем протяжении имперского периода. Особое внимание ученые уделяли вопросу, связанному с массовым переходом крещенных мусульман в ислам. Как отмечают исследователи, правительство усмотрело в исламе угрозу самодержавной власти и нарушение устоев православной традиции. Однако, несмотря на это, проводимая правительством политика не стремилась к полному уничтожению исламской традиции (Алексеев, 2002: 34; Октябрьская, 2008: 342; Тихонов, 2008). Решение данных проблем, по мнению исламоведов, российское правительство видело в создании Управления делами инородцев. Это управление в последствии было преобразовано в Департамент Духовных дел иностранных исповеданий. В результате такой орган направил свою деятельность фактически на тотальный контроль со стороны государства, в т.ч. за представителями мусульманского вероисповедания. Кроме того, в 1857 г. был принят «Устав духовных дел иностранных исповеданий», один из разделов которого специально посвящен мусульманам (Ислам..., 2001: 20). Ряд исследователей отмечает так же усиливающееся влияние «татаро-мусульманского сепаратизма» и в целом влияние ислама на инородческое население страны (Ремнев, 2006: 14; Тихонов, 2007: 61–62; Шерстова, 2000: 106; Шершнева, 2013; Верг, 2012: 97). Отдельное внимание в отечественной историографии уделяется проблемам взаимоотношений мусульман с представителями православия в России в указанные временные рамки (Мавлютова, 2002; Октябрьская, 2002; Цысь, 2002).

4. Результаты

В процессе изучения данной тематики было установлено, что результатом возникших опасений со стороны российского правительства в отношении ислама стало обращение за помощью к православной церкви. При поддержке правительства в 1870 г. в Москве было создано Всероссийское православное миссионерское общество, которое распространила свою деятельность во всех епархиях Сибири. Следует отметить, что оказываемая миссиям со стороны правительства финансовая поддержка, была ориентирована во многом на сибирский регион и достигала 50%. К началу XX в. данный регион становится центром миссионерской деятельности, где в этот период действовало восемь православных миссий. Среди последних самыми крупными считались Алтайская, Иркутская и Забайкальская (Dashkovskiy, Shershneva, 2015: 219).

Последнее двадцатилетие XIX в. ознаменовалось наиболее жестким отношением к исламу в Российской империи. Неслучайно правительство начинает вводить ряд ограничений, ущемляющих духовные потребности мусульман. Так, было запрещено создание просветительских обществ, а также введены ограничения на паломнические поездки в Мекку (Султангалиева, 2007: 14). Данный период в истории Российского государства характеризуется политикой «православного консерватизма» и попытками ограничения в правах мусульманского населения со стороны государства. Относительной свободой были наделены мусульмане только в 1905 г. после выхода Указа «О веротерпимости» (ПСЗРИ, 1908: 258–262), который во многом способствовал активизации мусульманской проповедческой деятельности среди инородческого населения. Данный Указ усложнил деятельность православных духовных миссий и повлек за собой переход в ислам ранее крещенных мусульман. Принятие данного Указа вызвало, так же потребность введения мусульманами проповеди основ мусульманской веры. При этом миссионерская деятельность Русской православной церковью

начинает восприниматься инородческим населением крайне негативно, и расценивается как ущемление их религиозных свобод (Мавлютова, 2002: 196).

Следует подчеркнуть, что процессы взаимоотношений православия и ислама в контексте государственно-конфессиональной политики достаточно остро стояли в Западной Сибири. С момента вхождения данных территорий в состав Российского государства, вопрос взаимодействия двух конфессий – ислама и православия, являлся одним из ведущих. С появлением Алтайской духовной миссии, а также принятием правительством ряда законодательных актов регламентирующих жизнь представителей инославных конфессий на территории Российской империи, данная проблема стала как никогда актуальной. Весьма показательными в этом отношении являются сведения, приведенные Н.М. Ядринцевым о количестве мусульман среди инородцев Западной Сибири. Согласно его данным, в Тобольской и Томской губерниях, количество исповедующих ислам составляло 126126 человек, т.е. 85 % от всего инородческого населения данных губерний (Ядринцев, 2000: 219).

Важно отметить, что, несмотря на поддержку правительством Русской православной церкви, отношение к исламу на всей территории Российской империи, не было однородным. Так, государственная власть видела необходимость оказывать поддержку и содействие в распространение ислама, на приграничных территориях, в особенности в центральном-азиатском регионе. Распространяя ислам в «степном крае», правительство стремилось укрепить свои позиции в инородческой среде. Инородцы, по мнению правительства, на тот момент не имели никакого закона, кроме мусульманского. В этой связи, если пытаться искоренять ислам в их среде, то они могут стать опасными для стабильности государства. Активная поддержка со стороны правительства ислама в «степном крае» вызвало недовольство в киргизской среде и вынудило обратиться с прошением на имя императора о прекращении строительства на территории киргизской степи мечетей и школ, а также назначения ахунов и указных мулл. Кроме того, киргизы просили разрешить не отдавать детей на обучение в школы (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л. 6). Против деятельности правительства в Киргизской степи выступали и представители Русской православной церкви (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л. 70б.). Глава Алтайской духовной миссии в своем отчете отметил, что правительство в религиозном институте видит только средство управления народами, проживающими в государстве (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л. 90б.).

Изменение отношения к исламу в Российском государстве зависело от социально-экономических и геополитических аспектов взаимодействия с центрально-азиатским регионом. На протяжении всей истории ислам представлялся дестабилизирующим фактором власти Российского государства. Для обеспечения своей безопасности правительство осуществляло русификаторскую политику, иногда способствуя разжиганию конфликтов по религиозным и этническим вопросам. Кроме того, власть стремилась к ограничению зарубежных контактов в мусульманской среде (Томилов, 1993: 95). Русская православная церковь, как часть государственной структуры, взяла на себя обязанность по приведению инородческого населения к единой государственной вере (Поплавская, 1995: 101). Однако, несмотря на поддержку со стороны правительства, церковь не испытывала уверенности на инородческой территории.

С середины XIX в. отношение между исламом и православием в Западной Сибири изменяются. Правительство и представители Русской православной церкви видели своей задачей создание государства с размытыми как национальными, так и религиозными границами. Особое внимание в этот период начинает уделяться разработке теоретических основ ведения миссионерской деятельности. Одним из главных теоретиков принципов ведения миссионерской деятельности в инородческой среде становится архимандрит М. Глухарев, который видел успех миссионерства в принятии норм христианской морали, но при сохранении языковой идентичности инородческого населения (Глухарев, 1894). Правительство всячески оказывало содействие миссионерским станам, в результате чего в 1844–1848 гг. было образовано Черно-Ануйское отделение Алтайской духовной миссии, которое в последствие станет основой противомусульманского центра. В 1856 г. правительство приложило не мало сил по нейтрализации ислама вдоль казачьих линий в приграничных территориях. В 1882 г. Синодом был открыт еще один центр борьбы с мусульманским влиянием – Киргизская миссия. Целью данной миссии было ограничить распространение ислама среди инородческого населения «степного края» (Октябрьская, 2002). Теоретическая поддержка миссионерам выразилась и в издании с 1873 г. «Миссионерского противомусульманского сборника». Попытки публикации подобного рода литературы предпринимались и ранее. Так, с 1855 г. выходит в свет журнал «Православный собеседник», который становится ежемесячным изданием. С 1912 г. в нём начинают публиковать приложение «Инородческое образование» (Бессмертная и др., 2010: 140).

Подчеркнем, что Русская православная церковь стремилась сделать переход в православие как можно более необременительным и привлекательным для инородческого населения. Так, в 1854 г. и 1863 г. утверждаются новые правила перехода в православие, согласно которым не требовалось разрешение властей. Кроме того, для детей в возрасте 14 лет отменялось согласие родителей для такого перехода (Лысенко, 2010: 37). Данные послабления были направлены на препятствие влияния со стороны ислама на инородческое население. Несмотря на все предпринимаемые меры, до последней трети XIX в. не велась миссионерская деятельность в степных районах. Только экономический кризис подтолкнул кочевое инородческое население к принятию православия, т.к.

это позволяло получить некоторые льготы (Горбунова, 2003). Всплеск желающих принять православие в казахской среде отмечался только в 1868 г., что связывают с ухудшением политической обстановки в приграничных районах. Однако, массового перехода в православие, несмотря даже на экономический кризис среди инородческого населения, не наблюдался. Такие утверждения подкреплены и статистическими данными, свидетельствующими о том, что если с началом ухудшения положения инородческого населения в приграничных районах, желающих принять православие насчитывалось 1037 душ, то с улучшением обстановки в регионе их число сократилось до 328 душ (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л.16об.; Цысь, 2002: 244–246).

Следует так же отметить, что принятие православия носило лишь внешний характер, т.к. мусульмане, по-прежнему, оставались преданы своим традициям. Для привлечения к православной традиции новых последователей, правительство призывало духовенство быть как можно более лояльными, т.к. не соблюдение церковных правил может быть вызвано условиями жизни. В «Положении об инородцах» (1892 г.) вопросу отправления культов уделялось особое внимание, опираясь на «Устав духовных дел иностранных исповеданий». Согласно нормативным документам, священники должны только увещевать инородческое население. Волосные же начальники имели право принуждать уклоняющихся к исполнению церковного долга, тем самым, оказывая поддержку православной церкви (Конев, 2008: 319).

Следует подчеркнуть, что мусульмане всегда очень ревностно относились к своей религии. В этой связи, предавших религиозные устои, подвергали не только осуждению, но даже могли избить или убить. Такие сведения сообщались, например, миссионером Е. Елисеев (Басилов В.Н., Кармышева, 1997: 123). Миссионеры в своих записках очень часто информировали об отношении мусульман к своим близким, принявшим православие. Ими отмечались случаи воровства новокрещенных соплеменниками (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 14). Все эти действия часто носили разбойничий характер. Несмотря на это, мусульманам всячески запрещалось вести проповедническую деятельность среди своих соплеменников, а в случае нарушения правила, такие действия наказывались судом (ГААК, Ф. 164. Оп. 1 Д. 3-в). Не были исключением и лица, вернувшиеся в ислам из православия. Судопроизводство по данным вопросам было прописано в Министерстве внутренних дел и свидетельствовало о строгом наказании за отступничество. При этом духовные власти должны были активно принимать участие в таких судебных процессах и предоставлять сведения об увещевании, желающего перейти в ислам (ГАОО, Ф. 3 Оп. 13. Д. 17959).

В тоже время следует отметить, что процессы перехода не носили односторонний характер. Наблюдался процесс и принятия православия инородческим населением. Мусульмане видели проблему перехода в православие мусульманского населения в очень активной деятельности миссионеров, что в свою очередь, вызывало у них крайнее недовольство и протест. Так, например, телеут Курма Черин, старался всевозможными средствами расстроить деятельность Алтайской духовной миссии, в том числе даже вооружал и настраивал новокрещенное инородческое население против миссии и христианства в целом (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 4). Следует так же отметить, что деятельность духовной миссии тесным образом связана с русификаторской политикой государства. Отстаивая свою веру, мусульмане выступали за свою этническую независимость, т.к. ислам воспринимался ими как признак самоидентичности. Об этом, в частности, свидетельствует и приговор Туражской инородной управы в 1891 г. (Шерстова, 2005: 75)

Деятельность миссионеров заключалась в проповедовании на поселениях инородцев, где зачастую они вступали в споры с мусульманскими лидерами, в т.ч. приехавшими на Алтай (ГААК, Ф. 164. Оп. 2. Д. 2. Л.95об.). Беседы велись и с муллами, о чем есть упоминание в записках миссионеров. Так, священник Иоанн Никольский, рассказывая о своем общении с муллой, произошедшим в 1891 г. отмечает, что тот охотно рассказывал о своей деятельности среди мусульманского населения. Однако, как только зашел разговор об основах веры, он всячески старался уйти от разговора. Кроме того, мулла отметил, что «в какой человек вере родился в такой и должен умереть», после чего вообще перестал отвечать на любые вопросы (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 47. Л.15; Иванцова, Коновалова, 2002: 171). Нужно обратить внимание на то, что деятельность миссионеров часто носила агрессивный характер. Отмечались моменты, когда миссионеры, обратив в православие незначительную часть мусульманского населения, начинали преследование остальных инородцев (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 47. Л. 15об.; ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 48). Подобного рода отношения породили в миссионерской среде убеждение о фанатичности татарского населения в религиозных вопросах. Такие воззрения подтверждаются записками миссионера Большенарымского стана Киргизской миссии за 1891 г., в которых он сообщает, что киргизы «преданы... настолько, насколько может быть предан человек своей вере, ... По свойствам характера киргизы фанатиками быть не могут, и это счастье наше! Именно киргизы не имеют этих свойств характера, которые питают и разогревают фанатизм: нет в них характерной стойкости и религиозности, которыми отличаются татары, турки и прочие фанатические мусульмане. Впрочем, ислам способен перевоспитать и киргизов, если только допустить его в степь во всей силе» (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 48. Л. 11). Отмечали миссионеры так же и то, что инородцы «степного края» мало знакомы с мусульманской традицией», поэтому даже обряды не исполняют (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 13).

После враждебного отношения со стороны Русской православной церкви и правительства к инородческому населению, не вызывает удивления появившаяся в татарской городской среде антирусская литература, в которой прославлялся мусульманский народ и оплакивалась его зависимость от русского государства. Данная литература носила вид рукописных тетрадей, которые передавались из поколения в поколение в школах. Проведенная проверка, выявила факт наличия и печатной литературы Константинопольских изданий, в которых высказывались явно сепаратистские настроения (ГААК, Ф. 181. Оп. 1. Д. 41).

Следует так же отметить, что принятие православия зачастую являлось для мусульман вопросом финансового благополучия, а также наиболее комфортного устройства жизни. Данное утверждение подтверждается таким фактом, как прошение ссыльного крестьянина Енисейской губернии Красноярского уезда, отправленное на имя Томского епископа в 1907 г. о желание принять православие, т.к. нет возможности исполнять мусульманские обряды (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л.75–75об.). Крестьянин настаивал на отсутствие в Сибири мусульман, а соответственно и мечетей. Можно заметить, что принятие православия носило поверхностный характер, т.к. мусульмане не могли воспринять христианской догматики. Неслучайно, священник Черно-Ануйского отделения Алтайской духовной миссии сообщал, что инородцы, принявшие православие, оставались верны своим традициям (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 135. Л.10–10об.).

Следует подчеркнуть, что средний возраст просящих о переходе в православие составлял 20–30 лет. Данный факт не мог не сказаться в дальнейшем на возврат в веру предков, т.к. такая возрастная группа находилась под влиянием родственников. Нельзя не отметить и другое обстоятельство, а именно то, что, принимая православие, мусульмане либо избавлялись от ряда повинностей, либо согласно Своду законов Российской империи, они заменялись налоговыми выплатами (СЗ РИ, 1912: 86). Такая политика, проводимая государством, устраивала мусульманское инородческое население, что подтверждают и архивные источники. Так, один из инородцев приписал своему сыну в паспорте 10 лет, дав взятку старшине. Однако данный факт был раскрыт при крещении, т.к. потребность в сокрытии истинного возраста стала не нужна (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 3049. Л.130б.).

Зачастую мусульмане аргументировали предвзятое отношение к православию сложностью проживания в новой религиозной среде. Враждебное отношение со стороны русского населения, как отмечают миссионеры, не способствовало укреплению православия среди мусульманского населения. Более того, просвещение в вопросах веры приводило к затруднениям и как следствие к отступлению новокрещенных от православия (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 3049. Л.82об.).

Политика правительства, направленная на приостановление перехода в ислам крещенных татар, только увеличила количество желающих вернуться к вере предков. Не сдерживало этот процесс и то, что, вернувшиеся в ислам крещенные татары, становились группой лишенной всех прав. Именно вернувшиеся к вере отцов мусульмане вынуждены были отстаивать свои права на отправление мусульманских культов, а также разрешение быть причисленными к мусульманскому населению российского государства. Единоверцы оказывали всяческую поддержку вернувшимся из православия мусульманам (Лысенко, 2010: 133).

Участившийся переход их православия мусульманского населения, заставил Томского и Барнаульского архиепископа в 1905 г. установить правила крещения евреев и мусульман. Согласно принятым правилам, прежде чем креститься, инородец должен тщательно ознакомиться с основами православной веры. Священник, в свою очередь, должен осуществлять контроль за соблюдением религиозных норм, а также правил, предшествующих крещению (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л.20–21). Дела, связанные с переходом в мусульманскую веру, рассматривались с особой тщательностью. Наглядным примером, может стать дело крестьянина Кирилла Нифонтова, рассматриваемое в 1872 г. в Духовной консистории, которое, в свою очередь, направило его на рассмотрение областного правления. Статистическое управление и священник обязаны были провести вразумление данного крестьянина, а затем взять подписку о не уклонение его из православной веры (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 605. Л.1–3). С аналогичной проблемой столкнулась и Тобольская духовная консистория, рассматривающая дело по несоблюдению киргизом Федором Максимовым правил христианства. В результате расследования выяснилось, что еще и его тесть, считающийся православного вероисповедания, живет в действительности по мусульманскому обычаю, имеет двоих жен, что православной церковью расценивается как прелюбодеяние (ГАОО, Ф.3. Оп. 10. Д. 16318).

Подчеркнем, что процесс возвращения в православие был фактически делом государственной важности. Переход инородцев из православия рассматривались Духовной консисторией. Это подтверждается архивными материалами, касающихся уклонения крестьянина Илии Федорова от исполнения православного обряда. Несмотря на то, что крестьянин отрицал свою принадлежность к православной традиции, он был отдан под суд, а к делу приложены увещательный акт и выписка из метрической книги (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 2564. Л.3–9).

Несмотря на все старания государства и православной церкви, данный процесс перехода из православия в ислам был необратимым. В связи с этим, уже в 1905 г. Министерством внутренних дел, было сделано циркулярное предписание, согласно которому переход в иную конфессию, должен был сопровождаться прошением, написанным на имя губернатора. Только после этого проводилось

расследование, в ходе которого устанавливали какого вероисповедания были предки и уклонялся ли человек от исполнения христианских обрядов (ЦГИА РБ, Ф. 295. Оп. 11. Д.495). Дела, касающиеся вопросов оскорбления чувств верующих инославных исповеданий, как правило, всячески затягивались государственными органами, о чем свидетельствует, например, судебное дело по жалобе приказчика из г. Бийска об оскорблении его и мусульманской религии. Приказчик подал жалобу о том, что купец Гилеев оскорбил его в полицейском участке, назвав его и пророка Мухаммеда, обманщиками. Однако данное разбирательство продлилось несколько лет, и, несмотря на привлечение Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, купец так и не был наказан за клевету и оскорбление религиозных чувств (ЦГИА РБ, Ф. 295. Оп. 3. Д. 6230).

5. Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что Русская православная церковь являлась определенным средством для проведения государственной религиозной политики в Западной Сибири. К тому же, представители православной церкви часто проявляли свою не дальновидность, и, опираясь на поддержку правительства, выстраивали отношения с представителями мусульманской традиции преимущественно не в диалоговой форме, а в форме господства над ней, что воспитывало фанатизм в мусульманской среде. Несмотря на активную политику, проводимую государством и церковью по привлечению мусульман в православную веру, количество принявших крещение, оставалось не значительным. Не смогли решить власти так же и проблему массового перехода из православия в ислам инородческого населения. Следует отметить, что принятие православия носило зачастую формальный характер и рассматривалось инородческим населением, как устройство социально-экономического благополучия. Тем более, что предоставление льгот использовалось как наиболее привлекательный факт принятия православия. Указ 1905 г. о веротерпимости привел к обострению межконфессиональных противоречий в государстве, а также вызвал резкое сокращение количества желающих принять православие в регионе. Кроме того, правительство, несмотря на все попытки торможения перехода из православия инородческого населения, путем длительных и сложных судебных разбирательств, уже не могло сдержать желание мусульман вернуться к вере предков.

Литература

Алексеев, 2002 - Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик Российской истории) // Религиоведение. 2002. №2. С. 29–40.

Басилов, Кармышева, 1997 - Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М.: Восточная литература РАН, 1997. 240 с.

Бессмертная и др., 2010 - Бессмертная О.Ю., Журавский А.В., Смирнов А.В., Федорова Ю.Е., Чалисова Н.Ю. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.

Верт, 2012 - Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

ГААК - Государственный архив Алтайского края.

ГАОО - Государственный архив Омской области.

ГАТО - Государственный архив Томской области.

Глухарев, 1894 - Глухарев М. Мысли о способах к дальнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской империи. М., 1894.

Горбунова, 2003 - Горбунова С.В. Крещенные казахи Российской империи // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти З.М. Залкина: мат. конф. / под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: Азбука, 2003. С. 247–252.

Ибрагимова, 2006 - Ибрагимова З.Х. Ислам и христианство на Северном Кавказе: история взаимоотношений // Религия и право. 2006. №1–2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sclj.ru/news/detail> (дата обращения: 15.10.2014)

Иванцова, Коновалова, 2002 - Иванцова Г.И., Коновалова Е.Н. Противомусульманская миссия новокрещенного Ефрема Елисеева в Тобольской епархии // Тюркские народы: мат. V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 170–172.

Ислам..., 2001 - Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 367 с.

Конев, 2008 - Конев А.Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 303–319.

Лысенко, 2010 - Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 195 с.

Мавлютова, 2002 - Мавлютова Г.Ш. Об обращении в православие татар Западной Сибири // Тюркские народы: мат. V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 195–197.

Октябрьская, 2002 - Октябрьская И.В. Ислам и православие на Алтае. История и специфика диалога // Сибирь на перекрестке мировых религий: мат. межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 205–207.

Октябрьская, 2008 - Октябрьская И.В. Ислам и православие: опыт взаимодействия в свете стратегий межэтнической коммуникации (на примере казахов Алтая) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межэтнической коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 340–359.

Поплавская, 1995 - Поплавская Х.В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае (30–60-е гг. XIX в.) // ЭО. 1995. №5. С. 99–109.

ПСЗРИ, 1830 - Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб.: Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XIX. 1081 с.

ПСЗРИ, 1908 - Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1908. Собрание III. Т. XXV. 966 с.

Ремнев, 2006 - Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. №4. С. 5–31.

СЗ РИ, 1912 - Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 5. 780 с.

Султангалиева, 2007 - Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // Воронежский тюркологический сборник. Воронеж, 2007. Вып. 7. С. 5–29.

Тихонов, 2007 - Тихонов А.К. Исламский фактор в Поволжье в 1860–1870-е гг. // Отечественная история. 2007. №3. С. 60–65.

Тихонов, 2008 - Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последнее четверти XVIII – начале XX в. СПб.: СПбГУ, 2008. 368 с.

Томилов, 1993 - Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. 222 с.

ЦГИА РБ - Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

Цысь, 2002 - Цысь О.П. Миссионерская деятельность среди татар Тобольской епархии в конце XIX – начале XX в. // Тюркские народы: мат. V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 244–246.

Шерстова, 2000 - Шерстова Л.И. Влияние государственной политики на этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX в. // ЭО. 2000. №4. С. 102–108.

Шерстова, 2005 - Шерстова Л.И. «Новые» этносы и «новые» религии: к проблеме генезиса этнического самосознания (на материалах тюркских сообществ Западной Сибири XIX–XX вв.) // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 69–77.

Шершнева, 2013 - Шершнева Е.А. Положение мусульманских общин Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Автореферат на соискание степени к.и.н. Барнаул, 2013. 23 с.

Ядринцев, 2000 - Ядринцев Н.М. Сочинение: в 2 т. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.

Dashkovskiy, Shershneva, 2015 - Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX - early XX centuries // Bylye Gody. 2015. V. 36. Is.2. P. 338-346.

References

Alexeev, I.L. Some of the most historical country security and political evolution of the legal status of Islam and Muslims in the history of Russia "V. V. imp XIX – the beginning free the XX century (on the history of relations O. civilization the journal" problems of Russian logic) // Religious studies. 2002. No. 2. S. 29-40.

Basilov V.N., Karmyshev Neoclassical. X. Kazakhstan also Islam (until 1917). Moscow: Vostochnaya Literatura " of RAS, 1997. 240 p.

Central archive of historical national emblem of the Republic. F. 295. On. 11. D. 495.

Collection of laws of Russian Imperial history. SPb.: Typography II Branch E. I. V. Office, 1908. Assembly III. K. XXV. 966 p.

Czys O.P. In the area of the Tobolsk diocese of the Missionary outreach of the late XIX – early XX century. free // Mendeleev Turk peoples: Mat. V Sibirsk /Executive Committee of the Symposium "Cultural heritage of the peoples of Siberia "took part inventories" / resp. edited by A. V. Nesterov. Tobolsk; Omsk State Pedagogical University, 2002. P. 244-246.

Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2015. V. 36. Is.2. P. 338-346.

Glukharev M. Thoughts about how the Jews between the further spread of the Christian faith, and Mohammed, in which the imp is not a pagan history of Russia. M., 1894.

Gorbunov S.V. is Not baptized, comprising the Imperial history of Russia in Kazakhstan // *Central Asia and Siberia. First reading memory Zalina Z. M. Barnaul: Azbuka*, 2003. P. 247-252.

Ibragimova Z.H. Christianity and Islam in the North Caucasus: in the journal "the history of relations // law and religion. Spain. 2006. No. 1-2 [Electronic resource"]. – URL: <http://www.sclj.ru/news/detail> (date of the address: 15.10.2014)

Immortal O.Yu., Zhuravsky A.Yu., Smirnov A.Yu., Fedorova Yu.E., Chalisova N.Yu. Muslims at the address: Russia and the world: otherness as a problem. M: Not the shame of Slavic culture, 2010. 528 p.

Islam in Russian Imperia (legislative acts, description, statistics) / comp. D.Y. Arapov. M.: Akademkniga, 2001. 367 p.

Ivantsova G.I., Konovalova E.N. Efremov V. Eliseeva of Tobolsk novokreshenov Protivotumanki the mission of the diocese // *Mendelev Turk peoples: Mat. V Novosibirsk / Executive Committee of the Symposium "cultural heritage of the peoples of Siberia "took part inventories". Tobolsk; Omsk State Pedagogical University*, 2002. S. 170-172.

Konev A.Y. the Influence of religious factors on the status of aboriginal people. legal Novosibirsk (XVIII–XIX centuries) // *The population of Siberia: strategy and practice of intercultural communication (XVII – early XX centuries): collected articles. Novosibirsk: Publishing house of Institute of archeology and Ethnography of SB RAS*, 2008. P. 303-319.

Lysenko Yu.A. The Missionary work of the Russian Orthodox Church of Kazakhstan gathered in (Deut single half of XIX – early XX century). Barnaul: Publishing house of horses. University press, 2010. 195 p.

Mavlyutov In G. S. Conversion to Christianity in Siberia reserves // *Mendelev Turk peoples: Mat. V Sibirsk Executive Committee of the Symposium "cultural heritage of the peoples of Siberia "took part inventories" / resp. edited by A. V. Nesterov. Tobolsk; Omsk State Pedagogical University*, 2002. P. 195-197.

Oktyabrskaya I.V. Islam and Orthodoxy in the Altai. In the journal "the History and specifics of the dialogue // *Siberia at the crossroads of world religion," Mat. Mezhhregion. scientific.-practical. Novosibirsk: Nguyen*, 2002. P. 205-207.

Oktyabrskaya I.V. Orthodoxy and Islam: cooperation in inter-ethnic communication light on the experience of organizations (on the examples of Kazakhstan Altai) // *Population of Siberia: strategies and practices of inter-ethnic communication (XVII – early XX centuries): collected articles / ed. edited by A.V. Bavly. Novosibirsk: Publishing house of Institute of archeology and Ethnography of SB RAS*, 2008. P. 340-359.

Poplavskaya J. V. Problems of the Orthodox missionary in the Altai (30-60-ies of XIX century) // *EA*. 1995. No. 5. P. 99-109.

Remnyov A.V. Tatars in the Kazakh steppe: the ally and the opponent is not the Imperial history of Russia // *Bulletin of Evraz in the Czech Republic. M., 2006. No. 4. P. 5-31.*

Shershneva E.A. About the Situation of Muslims of Tomsk province in the context of a Single " General Church-state policy of Russia in second single the history of the Imperial half of the XIX – early XX century free author's abstract on competition of degree of candidate of historical Sciences Barnaul, 2013. 23 p.

Sherstova L.I. the Influence of state policy on the southern half of the XIX century ethnic the first such process in the Siberian V. // *EA*. 2000. No. 4. P., 102-108.

Sherstova L. I. "New" ethnic group and "new" religion in the Czech Republic: the Genesis of the problem of ethnic self-consciousness to it (Turk powder stock material on the community of Siberia XIX–XX centuries) // *The peoples " Evraz in the Czech Republic. Ethnicity, ethnic identity, ethnicity: issues of transformation and taught groups. Novosibirsk: Publishing house of Institute of archeology and Ethnography of SB RAS*, 2005. P. 69-77.

State archive of the Altai territory.

State archive of the Omsk One.

Sultangaliyev A. In the evolution of Islamic Kazakhstan V. // *Turkological collection Voronezh. Voronezh*, 2007. Vol. 7. P. 5-29.

Tikhonov A.K. the Factor of Russia in the Volga region in 1860-1870-ies. // *In the journal " Russian history. 2007. No. 3. P. 60-65.*

Tikhonov A.K. is Not Catholic, Muslim and Jew. the last imp is the fourth in the history of Russia XVIII – early XX century. St. Petersburg, 2008. 368 p.

The code of laws of Russian Imperial history. SPb.: Russian book organizations, homeowners associations "figure", 1912. K. 5. 780 p.

The laws of Russian Empire full of history with 1649 year. SPb.: Typography II Branch E. I.V. Office, 1830. I. Assembly of the XIX. 1081 p.

Tomilov N. And. In the magazine " that taught ethnic history (in Siberia I supply material). Tomsk: TSU Publishing house, 1993. 222 p.

Vert P. Orthodoxy, non-Orthodoxy, heterodoxy: sketches on the history of "history of Russia in the magazine" the diversity of religious empires. M.: New Outlook", 2012. 280 p.

Yadrintsev N.M. Sochin: V.K. 2 K. 2: Mendeleev Novosibirsk natives, their life and current situation. Tyumen: publishing house of the J. Andris, 2000. 336 p.

УДК 904

Взаимоотношения мусульманских общин и Русской православной церкви в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. в контексте религиозной политики России

Петр Константинович Дашковский^{a, *}, Елена Александровна Шершнёва^a

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимоотношений между Русской православной церковью и мусульманскими общинами Западной Сибири в контексте религиозной политики России во второй половине XIX – начале XX в. Господствующее положение Русской православной церкви привело к тому, что правительство видело в ней своего соратника по проведению русификаторской политики среди инородческого населения и размыванию религиозных особенностей инославных конфессий, в т.ч. ислама. Такая линия национальной политики России вынуждало представителей мусульманских общин к активному отстаиванию своих прав, а также к массовому отходу из православия лиц, ранее принявших данную религиозную традицию. Попытки правительства вмешаться в конфессиональные вопросы не приводили к желаемому результату, а наоборот вызывали в мусульманской среде негодование. Принятый в 1905 г. Указ о веротерпимости еще более сократил количество инородцев, желающих принять православие. С этого времени открылось больше возможностей для функционирования мусульманских общин в разных регионах Российской империи, хотя полной свободы совести еще не было.

Ключевые слова: ислам, православие, Западная Сибирь, государственно-конфессиональная политика, крещение, веротерпимость.

* Корреспондирующий автор

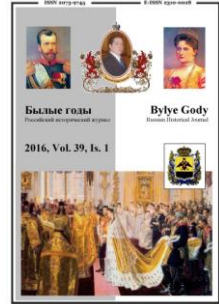
Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpn.asu.ru (П.К. Дашковский),
D2703@yandex.ru (Е.А. Шершнёва)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 39, Is. 1, pp. 129-136, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 305.0(09)

Reflection in Russian public opinion accession to the throne of Emperor Alexander II

Maxim N. Krot ^{a,*}, Oksana O. Zavyalova ^a

^a Southern Federal University, Institute of History and International Relations, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article deals with the perception of Russian society coming to the throne of Emperor Alexander II in 1855. The author analyzes the internal and external situation in Russia in this period, identifying the most significant factors that influenced the public's attitude to the new monarch, and the expectations that were associated with his coming to power. The article draws parallels between the initial period of the reign of the two liberal Russian monarchs of the XIX century – Alexander I and Alexander II, most clearly expressed not so much in the circumstances of their accession, but in the public mood that prevailed in the country. It presents a broad picture of the "awakening" of public consciousness and activity after the stagnation and oppression of the preceding reign, which was reflected primarily in an effort to think freely and to discuss pressing issues facing the country, as well as contribute to the supreme power in the modernization of social and political relations, awareness where necessary, at this time it becomes clearly. The author identifies semantic levels of social consciousness of the period, indicating the particular circumstances that have shaped them. Much attention is paid to the influence of Russian society of the Crimean War, which in many ways was the starting point of social upheaval transformed in 1855 from a national-patriotic in the socio-political. The author points out that at this time has unique conditions for overcoming the contradictions between state and society and their successful cooperation in the reform of the country. This suggests a significant, perhaps - the crucial role of the public in the selection of the vector conversion of Russia, which has become a feature of the reign of Alexander II.

Keywords: Alexander II, Russian Empire, public opinion, Crimean War, reform, social uplift, modernization, serfdom.

1. Введение

Вступление на престол Александра II было воспринято современниками как начало новой эпохи. В этот период в России формируется комплекс условий, которые в дальнейшем позволили самодержавной власти продемонстрировать свой реформационный потенциал и способность адекватно и своевременно реагировать на вызовы времени. Проблема определения пределов и характера преобразований, на которые была способна российская императорская власть в разные исторические периоды, а также влияние общественности на реформационный процесс имеет общественно-политическую и научную актуальность. Во-первых, для формирования в современной России продуктивной модели сотрудничества власти и общественности, которая является залогом успешности модернизационных преобразований, необходимо изучение исторических периодов активизации общественной инициативы в принятии властных решений. Во-вторых, реформационный потенциал царствования Александра II во многом был определен общественными настроениями, господствовавшими в России в первые месяцы его правления. Поэтому для

* Corresponding author

E-mail addresses: makkrot2010@rambler.ru (M.N. Krot), oxana-z10@rambler.ru (O.O. Zavyalova)

понимания сути Великих реформ, соотношения властных инициатив и общественного мнения при их разработке и проведении необходимо детально и всесторонне рассмотреть восприятие русской общественностью нового императора и формирование его образа под воздействием общественных ожиданий при его вступлении на престол в 1855 году.

2. Материалы и методы

2.1. Основу источниковой базы данного исследования составляют источники личного происхождения: воспоминания, дневники и эпистолярное наследие современников. Другая группа источников включает публицистические статьи видных общественных деятелей исследуемого периода, которые дают возможность проанализировать определенный пласт общественного сознания. Не менее важным источником выступают материалы периодических изданий, таких как «Отечественные записки», «Русский вестник», «Полярная звезда», «Современник».

2.2. Методология данной работы основана на использовании классических методов исторического исследования. Выделить этапы и закономерности в формировании и трансформации общественного сознания и идейных концепций русской общественности в указанный период времени позволил историко-генетический метод. В свою очередь, историко-сравнительный метод имел большее значение для выявления общих черт во взаимоотношениях власти и общества в начальный период двух либеральных Александровских царствований (Александра I и Александра II), что позволило охарактеризовать их как «весенние периоды» в истории России XIX века. Наряду с этим, при анализе источников были использованы методы интеллектуальной истории, позволяющие выявить условия возникновения и движения основных идей, взглядов и настроений общественности и рассмотреть их в конкретно-историческом социокультурном контексте.

3. Обсуждение

Реформы, совершенные в царствование Александра II, по своей значимости для судеб российского государства сопоставимы с европейскими буржуазными революциями, стали ключевым аспектом в изучении истории России XIX века среди исследователей разных поколений. При этом, взаимоотношения власти и общественности, осознавшей к середине XIX века свою способность и стремление содействовать проведению самодержавием широких преобразований, отходили в исторических исследованиях на второй план и выступали всего лишь общественно-политическим фоном, на котором происходила подготовка отмены крепостного права. Активизация интереса к начальному периоду преобразовательной эпохи среди дореволюционных исследователей происходила преимущественно в контексте празднования 50-летнего юбилея реформы по отмене крепостного права. Историки начала XX века большое внимание уделяли деятельности либеральной общественности и ее усилиям по оказанию помощи правительству Александра II в ликвидации крепостничества, выделяя при этом главенствующую роль императора в процессе изменения государственной политики (А. А. Корнилов, Г. А. Джаншиев, Л. Барриве, С. Г. Сватиков).

Для советских исследователей центральное место в изучении общественной жизни середины XIX века занимало революционно-демократическое движение; акцент делался на социально-экономических предпосылках подготовки крестьянской реформы, чье огромное, межформационное значение затмевало все прочие явления, происходившие в российском обществе в данный период (Г. Н. Сладкевич, Н. М. Дружинин, Ш. М. Левин). Несколько иной подход разрабатывался историками научной школы П.А. Зайончковского. Их внимание было сосредоточено на изучении внутренней политики правительства Александра II, становлении личности императора, формированию либеральной бюрократии и ее связям с общественностью (В. Г. Чернуха, Л. Г. Захарова). Начало эпохи преобразований привлекает внимание и зарубежных исследователей, которые связывают правление Александра II с проблемой формирования гражданского общества в России, политической борьбой в правительстве и обществе вокруг идеи реформ (Р. С. Уортман, А. Дж. Рибер, А. Кимбэлл).

Исследователи постсоветского периода, используя междисциплинарные подходы, в своих работах, посвященных данному периоду, анализируют способность образованной части русского общества влиять на формирование государственной политики и способствовать процессу модернизации (В. В. Шелохаев, В. Я. Гросул, Б. Н. Миронов, А. Н. Медушевский, Д. Г. Горин), а также выделяют разные формы взаимодействия власти и интеллектуальных сил в истории России XIX века, определяя взаимоотношение правительства Александра II и общественности как сотрудничество в общем деле реформирования страны. Однако, необходимо отметить, что целенаправленного анализа общественно-политической ситуации в момент прихода Александра II к власти, изучения трансформации общественного сознания в экстремальных условиях внешних и внутренних изменений и потрясений, происходивших в 1855 году, ранее не проводилось, что обуславливает обращение в данной статье именно к этому сюжету.

4. Результаты

Александр II стал императором в тяжелое, переломное для России время. Его Воцарение явилось началом новой эпохи, и, как на всякое начало, на новое царствование современники

возлагали большие надежды и ждали крупных изменений. «Только совершенный внутренний переворот, полная перемена всей системы может вызвать новую жизнь» – с таким утверждением было согласно подавляющее большинство русских людей (Аксакова). По мнению американского историка Р. С. Уортмана, иллюзию неуклонной динамики и постоянного обновления государственной жизни в сознании подданных создавала сама смена царствований, когда новый правитель представал освободителем, «чей беззаветный героизм спасает Россию от деспотизма и гибели» (Уортман, 2002: 22). Общественная атмосфера и реформаторский дух первых лет правления нового императора может быть сопоставлен с началом царствования Александра I, встреченного не менее радужными надеждами со стороны верхов общества. Александр Николаевич своей личной привлекательностью напоминал Александра I. Оба монарха приняли государственную власть при схожих общественных настроениях, вызванных смягчением внутривластного курса: радостного приветствия воцарения, доброжелательного внимания и восторженного обожания их обществом. Как и в начале XIX века, так и в 1855 году общественность почувствовала себя освобожденной от удушливой атмосферы предшествующих царствований. После сложных и неоднозначных правлений Павла I и Николая I соответственно, наступало всеобщее оживление, активизация творческого потенциала общественных сил, устремленность к либеральным преобразованиям, то есть, происходило качественное изменение общественного сознания, наступал новый этап формирования и развития общественного мнения.

При наличии многих внешних сходств, данные эпохи, тем не менее, имели принципиальные различия, заключавшиеся как в обстоятельствах вступления на престол императоров, так и в изменении характера взаимодействия власти и общественности в рамках этих правлений. Так, если реформы Александра I генерировались в тайне, то Александр II допустил их публичное обсуждение, что было воспринято общественностью как официальное поощрение к деятельности. Следует отметить, что решительность Александра II в вопросе отмены крепостного права, в отличие от колебаний Александра I, стала возможной благодаря унаследованному им «политическому ландшафту», в котором на протяжении шести десятилетий шло обсуждение различных вариантов освобождения крестьян (McCaffray, 2005: 1). К тому же, в отличие от предшественников, воцарение Александра II являло собой «чистое начало» и уже этим вызывало симпатии. В открытом письме от 11 марта 1855 году, Герцен, обращаясь к новому императору из Лондона, писал: «Государь, ваше царствование начинается под удивительно счастливым созвездием. На вас нет кровавых пятен, у вас нет угрызений совести» (Герцен, 1855а: 13).

1855 год является уникальным в истории России – год прихода к власти Александра II стал началом всеобщего «пробуждения» и стремления общественности выйти из состояния «мертвого оцепенения» на поле активной преобразовательной деятельности и инициативы. Р.С. Уортман считал, что в 1855 году с приходом к власти Александра II возник символический разрыв между царствованиями, несмотря на заявление Александра в верности принципам отца, он все же «отказался от всех основ николаевской авторитарности» (Уортман, 2004: 45). Тем не менее, «Россия сильно потрясена последними событиями, – писал Герцен в 1855 году. – Что бы ни было, она не может возвратиться к застою; мысль будет деятельнее, новые вопросы возникнут...» (Герцен, 1855b: 3). В экстремальных условиях внешних и внутренних изменений и потрясений, происходивших в 1855 году, происходила трансформация общественного сознания, что было обусловлено не только сменой носителя императорской власти, но и кризисной внешнеполитической обстановкой, перерастанием патриотического подъема времен начала Крымской войны в общественно-политический. Анализ структуры общественного сознания на стыке двух царствований позволяет понять внутреннюю логику последующих исторических событий, связанных с эпохой Великих реформ, а также выделить роль общественного мнения в принятии властных решений и подойти к проблеме формирования гражданского общества в России.

Применительно к середине XIX века можно выделить три ключевые точки общественного сознания, каждая из которых формировалась под воздействием определенных событий как внутренней, так и внешнеполитической жизни. Крымская война как событие мирового масштаба сформировала первый узловый уровень общественного сознания, оказав огромное влияние на современников. Среди доминирующих общественных настроений, связанных с восприятием войны следует выделить чувство растерянности, беспомощности, общего разочарования и крайне болезненное восприятие военных неудач. Например, письма видного общественного деятеля, профессора Московского университета Т. Н. Грановского, датируемые 1855 годом, проникнуты тоской и гневом. «Великая страна, еще недавно стоявшая на вершине славы и могущества, в два года приведена в самое печальное состояние... Эта война окончательно разорвала союз царя с народом, она опозорила это царствование», – писал он (Грановский, 1897: 454).

Война привела к осознанию обществом ненормальности, пагубности существующего строя, что иллюстрируют слова известного славянофила И.С. Аксакова, сказанные им в конце 1855 года: «Севастополь пал не случайно... он должен был пасть, чтобы явилось на нем дело Божие, т. е., обличение всей гнили правительственной системы, всех последствий удушающего принципа...» (Аксаков, 1892: 156). Вместе с тем, война вызвала патриотический подъем, общественное мнение, притесненное гнетом николаевского режима, нашло выход накопившейся прогрессивной энергии.

В особенности активной была деятельность славянофильских кругов, которые в своих публикациях озвучивали идеи «освобождения славян», в литературных кругах появилась серия патриотических произведений, проникнутых верноподданническими настроениями. Будущий консервативный идеолог князь В.П. Мещерский писал об этом времени: «Нигде, ни в каких умах не чувствовалось и не слышалось иного настроения, как патриотической готовности идти навстречу этой войне, невзирая ни на какие угрозы» (Мещерский, 2003: 19).

Всеобщее пробуждение мысли после духовного застоя конца 40-х – начала 50-х годов, неудачи русских войск на полях сражений, особенно падение Севастополя в августе 1855 г. обусловили трансформацию патриотического подъема в общественный. Недоумение и растерянность, вызванные «несчастной войной» на фоне всеобщего разочарования, сменились раздумьями над судьбой отечества на страницах публицистических текстов, осознанием необходимости политических преобразований. В «Думе русского во второй половине 1855 года», П. А. Валуев крайне эмоционально обозначает ряд вопросов: «Чем стяжали мы себе стольких врагов? Неужели только одним нашим величием? Но где это величие? Где силы наши? Где завет прежней славы и прежних успехов?» (Валуев, 1999: 624). Ответы на эти новые вопросы, волновавшие пробуждающееся общественное мнение должен был дать новый император.

Другим событием, теперь уже внутривластного характера, оказавшим значительное влияние на общественное сознание в 1855 году и сформировавшее второй его уровень, стала неожиданная смерть Николая I. Император являлся не только символом тридцатилетней эпохи, но и создателем той модели государственного управления, с которой отдельные представители русского общества стали связывать военные поражения и вообще все неурядицы русской жизни.

Смерть монарха воспринималась как начало нового периода в истории России, о чем писали многие, например, видный деятель славянофильства А.С. Хомяков: «Важная миновалась эпоха, что бы ни было, а будет уже не то. Эта эпоха в высшей степени наставительна» (Цит. по: Барсуков, 1899: 397). Публицист Н. А. Мельгунов противопоставлял наступающую преобразовательную эпоху предшествовавшему тридцатилетию «подавления всякого самостоятельного проявления мысли» (Цит. по: Репинецкий, 2010: 70). Сотрудник Главного управления цензуры А.В. Никитенко записал в своем «Дневнике» 18 февраля 1855 года: «В настоящих обстоятельствах смерть его является особенно важным событием, которое может повести к неожиданным результатам. Для России, очевидно, наступает новая эпоха... Длинная и, надо-таки сознаться, безотрадная страница в истории русского царства дописана до конца» (Никитенко, 2005: 352).

Таким образом, представленные ключевые точки общественного сознания, сформированные событиями 1855 года, во многом обусловили положительное отношение общества к Александру II. Его образ формировался и воспринимался современниками на основе сравнения с предшествующим ненавистным и порицаемым Николаем I – «суровый и непреклонный ум Николая» противопоставлялся «мягкой и доступной влияниям натуре» Александра. Отношение к новому монарху при вступлении на престол, весь комплекс ожиданий крупных изменений и надежд, возлагаемых на новое правление, составили основу третьего уровня общественного сознания в 1855 году. Александр II стал императором в кризисных условиях. Ф. М. Достоевский отмечал, что как раз к тому времени «...в России... обозначилось слишком много новых, неразрешенных и мучительных вопросов, и слишком много старых разочарований...» (Достоевский).

Гласность как особое явление середины XIX века возникла стихийно, отнюдь не «по манию царя». Гласности, возможности свободно мыслить и говорить жаждало все русское общество. Историк М.П. Погодин в 1855 году, указывая на основные язвы николаевской системы, описывал «лекарства», способные помочь России и новому императору в сложных и тяжелых общественно-политических условиях середины 1850-х годов. «Лекарство на первый случай, легкое, удобное и безопасное, общее, специальное для облегчения... есть гласность» (Погодин, 1874: 267). Погодин предлагает посредством гласности возродить и укрепить общественное мнение, которого не существовало при Николае I. По слова Б. Н. Чичерина, передавая часть русского общества стремилась и ждала от нового правительства «свободы умственной и гражданской» (Чичерин, 1991: 114). Следует отметить, что печать как средство выражения общественного мнения с 1855 года, заявила о себе как новая сила, способная повести за собой все прогрессивные элементы русского общества. Это было начало нового состояния журналистики, и, как отмечал в конце XIX столетия историк А.М. Скабичевский: «...Никогда ни до, ни после того печать не была так либеральна и смела, никогда ей так много не допускалось, никогда не имела она такого решающего, почти господствующего голоса в русской жизни» (Цит. по: Болдырева, 1997: 156).

Уникальность этого «славного года» в русской истории заключалась в том, что общественность и правительство стремились к одним, общим переменам, сливались в одну общую силу, способную предотвратить внутренний кризис. В особенности это проявилось в изменении характера материалов, публикуемых в правительственных органах печати. Современники отмечали, что даже такие специализированные издания, как «Военный сборник» и «Морской сборник» «совсем вышли из пределов своей прежней программы и ничем не отличались от обыкновенных толстых журналов» (Шелгунов, 1983: 94). Подобные изменения отмечает и В.С. Аксакова: «Получили номер 2-й «Морского сборника» и с наслаждением читаем все статьи в нем, даже все хозяйственные

распоряжения; во всем слышится правда, свобода мысли, откровенность, полная доверия; дышится отраднее, точно читаешь об чужом государстве; и как такое направление быстро принесло успех, вызвало жизнь, благородное решение на пользу общую, привлекало к деятельности прекрасных честных людей, как благотворно оно воспитывает всех своим влиянием!» (Аксакова).

Интересно восприятие общественной атмосферы генералом Д.А. Милютиным, посетившим Петербург после годичного отсутствия. Он писал на Кавказ своему начальнику князю А.И. Барятинскому 28 октября 1857 года: «Здесь вообще нашел я поразительное явление: стремление к преобразованиям, к изобретению чего-то нового обуюя всех и каждого; хотят, чтобы всё прежнее ломали тут же, прежде чем обдумано новое» (Милютин, 1999: 487).

Умственно и морально стесненное в предшествующее царствование общество стремилось к коллективной работе, к обновлению всего строя политической жизни. Слово – печатное или произнесенное публично – приобретает возможность оказывать благотворное воздействие как на общество, так и на власть, о чем мечтали еще в период предшествующего царствования представители русской литературы как, например, Н.В. Гоголь (Vassena, 2014: 47). Пристальное внимание мыслящих людей было сосредоточено на решении вопроса об отмене крепостного права. Крепнущее гражданское самосознание русской общественности, поддерживаемое духом времени, усматривало в наличии крепостного права источник невежества и общественных противоречий, причину утраты у привилегированной части общества «нравственных сил, отличающих человека и составляющих гражданина» (Лунин, 1988: 476). Строки, написанные декабристом Д. Завалишиным в 1825 году: «Тем боле должны вы стыдиться: / Рабов имея – в рабстве вы. / И вам ли думать о свободе, / Коль угнетаете других!» (Декабристы, 1975: 393) были осознаны широкими кругами русской общественности спустя 30 лет. Комплекс стыда в связи с сохранением крепостного права как один из долговременно действовавших социально-культурных факторов наиболее ярко проявил себя к середине XIX века. Русское просвещенное общество под долгим воздействием западных идей понимала всю несправедливость сохранения рабского положения большинства населения страны. В этом отношении 1855 год стал рубежной датой в формировании нового типа мышления, нового качества общественного сознания, чутко реагирующего на общественно-политическую ситуацию и осознавшего свою действительную возможность влиять на принятие властных решений, направлять курс правительственных преобразований.

Другим фактором, определяющим общественное сознание с приходом к власти Александра II, стало изменение отношения к наследию декабристов. Если в николаевское правление на эту тему был наложен запрет, правительство стремилось по словам декабриста Басаргина Н.В. «как можно ниже поставить нас [декабристов] в общественном мнении, лишить нас всяких средств иметь влияние на общество» (Басаргин, 1988: 468), то с приходом к власти Александра II ситуация значительно изменилась. Достоевский писал, что «изъятие декабристов», представлявших собой «чистый элемент» привело к изменению морального климата в обществе в худшую сторону: распространению цинизма и обеднению нравственного облика русского дворянства. В 1855 году правительство принимает ряд мер по оздоровлению общественной атмосферы, считаясь с популярностью в обществе декабристских сюжетов.

Выбор пути развития России на протяжении всего XIX века во многом зависел от личности императора – абсолютного монарха, мудрого государя, стоявшего над обществом и в идеале, учитывающего и защищающего его интересы. С приходом к власти Александра II впервые за всю историю России XIX века произошло успешное разрешение конфликта между властью и обществом относительно реформирования государственного устройства. Это было обусловлено общественно-политический подъемом, выразившимся в стремлении общественности к преобразованиям, гласности и сотрудничеству с верховной властью. В свою очередь Александр II воспринял тревожные общественные настроения и требования, осознал всю опасность положения, в котором оказалась страна в 1855 году. Общественность разрабатывала и предлагала основные направления реформационных преобразований, а у верховной власти «для счастья России нашелся Государь, который... исполнил все то, что было предначертано общественной мыслью» (Чичерин, 1900: 12). Уникальность периода реформ, а 1855 года как его начала отмечал и анархист П. А. Кропоткин: «За исключением немногих лет перед и вслед за освобождением крестьян, у нас не было политической жизни, и русский народ был лишен возможности принимать какое-либо активное участие в деле создания институций родной страны...» (Кропоткин, 1907: 2). Данное положение можно также подтвердить словами историка А.А. Корнилова о том, что «Император Николай опирался только на государственный совет, император Александр II обратился к чувствам всех, к труду всех, к тем громадным творческим и сознательным силам, которые хранились в нижнем течении» (Корнилов, 1909: 43).

5. Заключение

В середине XIX века передовая часть русского общества во главе с императором как никогда осознала необходимость социально-политического переустройства России. Под воздействием ряда факторов в 1855 году стал формироваться новый тип общественного сознания, который превратил образованных людей России в самостоятельную идейно-общественную силу. Система «постоянной

взаимной вражды и недоверия» между властью и мыслящей частью русского общества, созданная за тридцатилетнее правление Николая I стала для набирающей силу и формирующей свое мнение общественности совершенно невыносимой, сковывающей ее дальнейшее развитие. От нового императорского правительства требовалось осознание необходимости коренных преобразований всего общественно-политического устройства России, вступившей в новую эпоху. Сформировавшееся в историографии устойчивое убеждение о том, что инициатором преобразований выступала государственная власть и сам Александр II нуждается в уточнении. Император, не будучи человеком либеральных убеждений и обладая врожденной мягкостью натуры, в отличие от каменной «крепости духа», которой обладал его отец, сам вряд ли нашел бы в себе решимости освободить Россию от крепостной зависимости. Осуществить это великое дело ему помогало формирующееся общественное мнение, мыслящая часть русского общества, идейно подготовленная в николаевскую эпоху.

Комплекс уникальных обстоятельств и условий 1855 года во многом определил не имеющую аналогов в русской истории XIX столетия ситуацию своеобразной «зависимости» самодержавной власти от общественных настроений и требований, которая и составила суть «дней Александровых прекрасного начала...».

Литература

- Аксакова - Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855). [Электронный ресурс] URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (Дата обращения: 17.01.2016).
- Аксаков, 1892 - Аксаков И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. В 3 т. Т.3. (Письма 1851–1860). М.: Типография М. Волчанинова, 1892. 705 с.
- Барсуков, 1899 - Барсуков Н.П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Кн. 13. 413 с.
- Басаргин, 1988 - Басаргин Н.В. Записки // России верные сыны / Сост. В.Г. Тюкавкина. М.: Молодая гвардия, 1988. 541 с.
- Валуев, 1999 - Валуев П.А. Дума русского во второй половине 1855 года // Крымская война в художественной литературе и документах / Сост. С. Н. Семанов. М.: Вече, 1999. 639 с.
- Чичерин, 1991 - Воспоминания Б. Н. Чичерина // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II. М.: Издательство МГУ, 1991. 252 с.
- Милютин, 1999 - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: в 7 т. / Д. А. Милютин; ред. Л. Г. Захарова [и др.]. М.: Студия «ТРИТЭ»: Российский архив, 1999. Т. 3. 1860–1862. 559 с.
- Герцен, 1855a - Герцен А. И. Письмо к императору Александру второму // Полярная звезда. 1855. Книжка первая. С. 10–14.
- Герцен, 1855b - Герцен А. И. Третье обозрение освобождающейся Руси // Полярная звезда. 1855. Книжка первая. С. 3 – 10.
- Грановский, 1897 - Т. Н. Грановский и его переписка. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. – Т. II. 496 с.
- Декабристы, 1975 - Декабристы. Антология в двух томах // Сост. Вл. Орлова. Т. I. Л.: «Худож. лит.», 1975. 496 с.
- Достоевский - Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1877 год. [Электронный ресурс] URL: http://dugward.ru/library/dostoevskiy/dostoevskiy_dnevnik1877.html (Дата обращения: 17.01.2016).
- Болдырева, 1997 - Кантемир. Белинский. Добролюбов. Писарев. Гончаров: Биограф. повествования / Сост., общ. ред. и послесл. Н.Ф. Болдырева. Челябинск: «Урал», 1997. 563 с.
- Корнилов, 1909 - Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1909. 263 с.
- Кропоткин, 1907 - Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб: Труд, 1907. 368 с.
- Лунин, 1988 - Лунин М. С. Письма из Сибири // России верные сыны / Сост. В. Г. Тюкавкина. М.: Молодая гвардия, 1988. 541 с.
- Мещерский, 2003 - Мещерский В. П. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 862 с.
- Никитенко, 2005 - Никитенко А. В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. М.: Захаров, 2005. 640 с.
- Погодин, 1874 - Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853–1856. М.: Тип. В. М. Фриш, 1874. 390 с.
- Репинецкий, 2010 - Репинецкий С. А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. Москва – Самара: Издательство СамНЦ РАН, 2010. 351 с.
- Уортман, 2002 - Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.
- Уортман, 2004 - Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. 796 с.
- Чичерин, 1900 - Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Г. Штейниц, 1900. 180 с.
- Шелгунов, 1983 - Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего // Штурманы будущей бури:

Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге. / Сост. А.Н. Цамутали. Л.: Лениздат, 1983. 415 с.

McCaffray, S.P. Confronting Serfdom in the Age of Revolution: Projects for Serf Reform in the Time of Alexander I // *The Russian Review*, Vol. 64, No. 1 (2005), pp. 1 – 21.

Vassena R. "Chudo nevedomoi sily": Public Literary Readings in the Era of the Great Reforms // *The Russian Review*, Vol. 73, No. 1 (2014), pp. 47 – 63.

References:

Aksakova B. C. Dnevnik B. C. Aksakovoj [Diary of V. S. Aksakova (1854 – 1855)]. [Electronic resource] URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (Date of treatment: 06/12/2015). [in Russian]

Aksakov I. S. Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'mah. V 3 t. – T.Z. (Pis'ma 1851 – 1860) [Ivan Aksakov in his letters. – V. 3 (Letters 1851 - 1860)]. M.: Printing M. G. Voltchaninovs, 1892. 705 p. [in Russian]

Barsukov N. P. Zhizn' i trudy M. P. Pogodina. [Life and works of M. P. Pogodin]. St. Petersburg.: M.M. Stasyulevich printing, 1899. V. 13. 413 p. [in Russian]

Basargin N. V. Zapiski // Rossii vernye syny / Sost. V. G. Tyukavkina. [Notes // Russian faithful sons / Comp. V. G. Tyukavkina]. M.: Molodaya gvardiya, 1988. 541 p. [in Russian]

Valuev P. A. Duma russkogo vo vtoroj polovine 1855 goda // Krymskaya vojna v hudozhestvennoj literature i dokumentah / Sost. S. N. Semanov. [Russian Duma in the second half of 1855 // Crimean War in literature and documents / Sost. SN Semanov]. M.: Veche, 1999. 639 p. [in Russian]

Vospominaniya B. N. Chicherina // Russkoe obshchestvo 40–50-h godov XIX v. [Memories Chicherin B.N. // Russian society 40–50 of XIX century. Part II]. M.: Publishing house of the Moscow University, 1991. 252 p. [in Russian]

Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina [Memoirs of Field Marshal Count Dmitry Milyutin / D. A. Milutin; L. G. Zakharova]. M.: Studio "TRITE": Russian Archive, 1999. – V. 3. 1860–1862. 559 p. [in Russian]

Herzen A. I. Pis'mo k imperatoru Aleksandru vtoromu // Polyarnaya zvezda. [Letter to the Emperor Alexander II // Polyarnaya Zvezda]. 1855. The book first. S. 10 - 14[in Russian]

Herzen A. I. Tret'e obozrenie osvobodivshchey Rusi // Polyarnaya zvezda. [Third Review liberated Russia // Polyarnaya Zvezda]. 1855. The book first. S. 3 - 10. [in Russian]

T. N. Granovskij i ego perepiska [T. N. Granovsky and his correspondence]. – M.: Association of Printing A. I. Mamontov, 1897. V. II. 496 p. [in Russian]

Dekabristy. Antologiya v dvuh tomah // Sost. V. I. Orlova [Decembrists. Anthology in two volumes // Comp. V. Orlova]. V. I. L.: «Hudozh. literature», 1975. 496 p. [in Russian]

Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya 1877 god. [Diary of a Writer in 1877]. [Electronic resource] URL: http://dugward.ru/library/dostoevskiy/dostoevskiy_dnevnik1877.html (Date of treatment: 07/12/2015). [in Russian]

Kantemir. Belinskij. Dobrolyubov. Pisarev. Goncharov: Biogr. povestvovaniya / Sost., obshch. red. i poslesl. N.F. Boldyreva [Cantemir. Belinsky. Dob. Pisarev. Goncharov: Biogr. narrative / Comp. N.F. Boldyreva]. Chelyabinsk: "Ural", 1997. 563 p. [in Russian]

Kornilov A. A. Obshchestvennoe dvizhenie pri Aleksandre II (1855–1881) [Social Movement under Alexander II (1855 – 1881)]. M.: Association of Printing A. I. Mamontov, 1909. 263 p. [in Russian]

Kropotkin P. A. Idealy i dejstvitel'nost' v russkoj literature [Ideals and reality in Russian literature]. – St. Petersburg: Trud, 1907. 368 p. [in Russian]

Lunin M. S. Pis'ma iz Sibiri // Rossii vernye syny / Sost. V. G. Tyukavkina [Letters from Siberia // Russian faithful sons / Comp. V. G. Tyukavkina]. M.: Molodaya gvardiya, 1988. 541 p. [in Russian]

Meshcherskij V. P. Vospominaniya [Memories]. M.: Zakharov, 2003. 862 p. [in Russian]

Nikitenko A. V. Zapiski i dnevnik [Notes and diary]. V. 1. M.: Zakharov, 2005. 640 p. [in Russian]

Pogodin M. P. Istoriko-politicheskie pis'ma i zapiski v prodolzhenie Krymskoj vojny [Historical-political letters and notes during the Crimean War], 1853 - 1856. M.: Type. V. M. Frisch, 1874. 390 p. [in Russian]

Repineckij S. A. Formirovanie ideologii rossijskogo liberalizma v hode obsuzhdeniya krest'yanskogo voprosa publicistikoj 1856–1860 godov [Formation of ideology of Russian liberalism during the discussion of the peasant question in journalism 1856–1860 period]. Moscow – Samara: Publisher SamNTs RAS, 2010. 351 p. [in Russian]

Wortman R. S. Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Volume One: From Peter the Great to the Death of Nicholas I]. M.: OGI Press, 2002. 608 p. [in Russian]

Wortman R. S. Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii. Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Volume Second: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II]. – M.: OGI, 2004. – 796 p. [in Russian]

Chicherin B. N. Rossiya nakanune dvadcatogo stoletiya [Russia on the eve of the twentieth century]. – Berlin: Steinitz G., 1900. 180 p. [in Russian]

Shelgunov N. V. z proshlogo i nastoyashchego // SHTurmany budushchej buri: Vospominaniya uchastnikov revolyucionnogo dvizheniya 1860-h godov v Peterburge. / Sost. A. N. Camutali [From the past and the present // Navigator's future storms: Memoirs of participants of the revolutionary movement of the 1860 in St. Petersburg. / Comp. A. N. Tsamutali]. L.: Lenizdat, 1983. 415 p. [in Russian]

McCaffray S.P. Confronting Serfdom in the Age of Revolution: Projects for Serf Reform in the Time of Alexander I // The Russian Review, Vol. 64, No. 1 (2005), pp. 1 – 21.

Vassena R. "Chudo nevedomoi sily": Public Literary Readings in the Era of the Great Reforms // The Russian Review, Vol. 73, No. 1 (2014), pp. 47 – 63.

УДК 305.0(09)

Отражение в русском общественном сознании вступления на престол императора Александра II

Максим Николаевич Крот^{а,*}, Оксана Олеговна Завьялова^а

^а Южный Федеральный Университет, Институт истории и международных отношений, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия русским обществом вступления на престол императора Александра II в 1855 году. Автор анализирует внутреннее и внешнее состояние России в этот период, выявляя наиболее значимые факторы, оказавшие влияние на отношение общественности к новому монарху и те ожидания, которые связывались с его приходом к власти. В статье проводятся параллели между начальными периодами правления двух либеральных российских монархов XIX века – Александра I и Александра II, наиболее ярко выразившиеся не столько в обстоятельствах их воцарения, сколько в тех общественных настроениях, которые господствовали в стране. Представлена широкая картина «пробуждения» общественного сознания и активности после застоя и гнета предшествующего царствования, что выражалось, прежде всего, в стремлении свободно мыслить и обсуждать насущные проблемы, стоящие перед страной, а также содействовать верховной власти в деле модернизации социальных и политических отношений, осознание необходимости которой в это время становится явственным. Автор выделяет смысловые уровни общественного сознания данного периода, указывая конкретные обстоятельства, сформировавшие их. Большое внимание уделяется влиянию на русское общество Крымской войны, которая во многом стала отправной точкой общественного подъема, трансформировавшегося в 1855 году из национально-патриотического в общественно-политический. Автор указывает на то, что в это время сложились уникальные условия для преодоления противоречий между властью и обществом и их успешного сотрудничества в деле реформирования страны. Это позволяет сделать вывод о значительной, возможно – решающей роли общественности в выборе преобразовательного вектора развития России, ставшего характерной чертой царствования Александра II.

Ключевые слова: Александр II, Российская империя, общественное сознание, Крымская война, реформы, общественный подъем, модернизация, крепостное право.

* Корреспондирующий автор

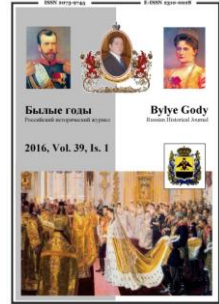
Адреса электронной почты: makkrot2010@rambler.ru (М.Н. Крот),
oxana-z10@rambler.ru (О.О. Завьялова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 137-145, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

**The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region:
 the history of the resettlement of one of the peasant community according
 the material of atamanskaya kotselyariya**

Artyom Y. Peretyatko^{a, *}

^a Laboratory of Military Research, International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the negative effects of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region. The author shows that the result of this reform was mass resettlement of peasants in Mius District without the right of choice of land and compensation for real estate. The main attention is paid to the passive resistance of the inhabitants of one village attempts to evict them on unprepared areas, selected by their former landlord. Results of the research are the findings that the interests of the peasants living on the land of the yurt were completely ignored during the conduct of the Emancipation Reform, and that until 1868 the local officials refused to go on any compromise. Only after the complete failure of the brutal policies local administration made concessions and allowed peasants to select sites for relocation.

Keywords: Don Peasantry, Emancipation Reform of 1861, village Gavrilovka, resettlement of peasants to the Mius District in 1860-1870, A. M. Dondukov-Korsakov, P. H. Grabbe, A. L. Potapov.

1. Введение

Любые исторические события, любые реформы и преобразования оказывают влияние на судьбы тысяч живых людей, иногда облегчая их, а иногда и калеча. Что-то попадает в периодическую печать, становится содержанием даже художественной литературы, но большая часть фактов остается запечатлена только в чиновничьих рапортах и донесениях, молчаливо лежащих на полках архивов. Между тем некоторые из этих историй, изложенных сухим, чиновничьим языком, описывают подлинно драматические сюжеты. Обращение к ним позволяет понять неприглядную изнанку известных фактов, узнать цену, которую платили простые люди за те или иные преобразования.

1860 гг., разгар эпохи «великих реформ», были временем множества ярких событий, привлекавших внимание как столичной публики, так и провинциалов. На Дону это время запомнилось достаточно громкой полемикой «прогрессистов» и «казакоманов», следы которой можно проследить не только в донской, но и в столичной печати (Перетятко, 2015: 227-233). Шла подготовка к созданию земств на территории Земли Войска Донского (Волвенко, 1998: 49-58), начальника войскового штаба, князя А.М. Дондукова-Корсакова его противники обвиняли чуть ли не в попытке разжечь казачье восстание (Volvenko, 2015: 22-33). На фоне этих процессов драма многочисленных переселенцев с юртовых земель, глухо отозвавшись в сборнике трудов Донского статистического комитета и на страницах местных газет, оказалась забыта историками. Мы попытаемся хоть немного исправить эту несправедливость, показав, насколько сложно и тяжело для части бывших крепостных протекала крестьянская реформа на Дону.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (Artyom Y. Peretyatko)

2. Материалы и методы

2.1. Документы, в которых нашли отражение различные аспекты процесса освобождения крестьян на территории Земли Войска Донского, крайне разнообразны. В их числе и правительственные распоряжение о облегчении положения временнообязанных (ГАРО, 692: 1-3), и отчеты чиновника, присланного на Дон для контроля за ходом реформы (ГАРО, 748: 37-86), и материалы по истории отдельных поселений (ГАРО, 671: 1-60).

2.2. На основании совокупности источников, применяя историко-системный метод, мы можем выполнить интересующую нас задачу: реконструировать в общих чертах как ход крестьянской реформы в целом, так и его влияние на жизнь отдельно взятой крестьянской общины. В то же время, используя историко-сравнительный метод, мы убедимся, что выбранное нами поселение было типичным, и аналогичные ситуации происходили как рядом с ним, так и в других округах Земли Войска Донского. Таким образом, мы надеемся дать хотя бы общее представление о некоторых особенностях освобождения крестьян на Дону в рамках небольшого исследования.

3. Обсуждение

Данная задача представляется нам весьма актуальной, поскольку ход крестьянской реформы на территории Земли Войска Донского не привлекал сколько-либо серьезного внимания современных исследователей. Некоторые из них вообще предлагают считать, что до середины XIX в. Дон был односословным, казачьим регионом, а потеря этого статуса связана с введением в 1868 г. в действие закона, позволяющего селиться на его территории лицам невойскового сословия (Тикиджьян, 1996: 250). Между тем, по свидетельствам современников, уже к 1861 г. крестьяне оставляли около 1/3 населения Земли Войска Донского (Краснов, 1863: 227). Выпущена и монография, посвященная крестьянству Дона в дореформенный период (Ревин, 2005: 3-185).

Ход крестьянской реформы 1861 г. в общих чертах был описан уже в 1867 г. А.А. Карасевым в его исследовании истории донского крестьянства (Карасев, 1867: 69-121). Он отмечал и тяжелейшее положение, в которое поставила реформа бывших крепостных, проживающих на юртовых землях, и крайне жесткую позицию администрации по отношению к ним, и пассивное сопротивление многих поселений правительственным распоряжениям. Несмотря на неизбежные недостатки, написанная по горячим следам статья А.А. Карасева остается, пожалуй, лучшей работой о освобождении донских крестьян по сей день. Однако ей изучение крестьянской реформы на Дону фактически и ограничилось. Е.П. Савельев в своей книге о донском крестьянстве (Савельев, 1917: 2-78) только пересказал материалы, собранные А.А. Карасевым, существенно сократив их. В немногочисленных современных работах главное внимание уделяется подготовке освобождения крестьян на Дону, а ее претворение принятых при этом решений в жизнь описывается предельно кратко (Ревин, 2008: 138-141). Понятно, что в этих условиях отдельные аспекты крестьянской реформы остаются неизвестными. В частности, поскольку большая часть авторов опирается на статью А.А. Карасева, события после 1867 г. оказались вне их поля зрения. Между тем, как мы покажем ниже, выселение крестьянских и помещичьих хозяйств с юртовых земель, предусмотренное реформой 1861 г., закончилось только в 1877 гг.

4. Результаты

В одной из своих прошлых работ мы отмечали, что в дореформенный период многие крестьяне, в основном малороссийского происхождения, жили при казачьих станицах. С 1835 г. это было формально запрещено, и крестьянские хозяйства, расположенные на станичных землях, подлежали выселению, главным образом в Миусский округ. Однако на практике местные власти не прилагали активных усилий в данном направлении, и значительная часть донского крестьянства к 1861 г. продолжала пользоваться станичной землей (Peretyatko, 2015: 260-264). В соответствии с представлениями Войсковой канцелярии, донским крестьянам не принадлежали не только их участки, но и даже их дома и церкви (Лишин, 1894: 221). В 1861 г. для многих крестьян это оказалось настоящей катастрофой: поместья их хозяев могли находиться в другом округе, и «наделение землей» на практике означало переселение, в некоторых случаях более чем за 200 верст (ГАРО, 692: 1-3). Более того, владения отдельных донских помещиков существовали только на бумаге, представляя собой голую степь, поскольку и они сами, и все их крестьяне жили при казачьих станицах (ГАРО, 671: 1, 33). Даже временнообязанные, подлежащие переселению на войсковые земли, так как их хозяева не имели обмежеванных поместий, оказались в аналогичной ситуации: их могли выселить на любой свободный участок, признанный пригодным к обработке, в пределах Земли Войска Донского, без права выбора (ГАРО, 692: 2).

На первый взгляд могло показаться, что войсковое присутствие по крестьянским делам в этих условиях повело себя достаточно гуманно, обратившись в Военное Министерство и МВД с просьбой разобраться в ситуации и облегчить положение переселенцев (ГАРО, 692: 1). На практике, однако, подобное человеколюбие было неприкрытым издевательством. Дело в том, что для переселения отводились сроки не более полутора лет, и войсковые власти всерьез озаботились судьбой помещиков, интересы которых могли пострадать из-за переселения до рассмотрения данного обращения. Им удалось добиться целого ряда отсрочек, и, в конце концов, для донских дворян срок

переселения был продлен до 1870 г. (ГАРО, 1083: 4). Однако для крестьян ничего подобного сделано не было, и они оказались в безвыходной ситуации. С одной стороны, «многим из них» (дословная цитата) было известно, что в Санкт-Петербурге рассматривается обращение войсковых властей о облегчении их положения, и, возможно, им будет дано право выбирать землю для переселения, а часть расходов на обустройство возьмет на себя казна. С другой стороны, по закону они не могли ждать, пока данное обращение будет рассмотрено, а должны были переселяться немедленно, по старым правилам. Понятно, что многие хозяйства всеми правдами и неправдами затягивали подготовку к «наделению землей», но войсковое присутствие по крестьянским делам не считало возможным идти им навстречу (ГАРО, 748: 10).

Такова была общая картина, когда началось долгая, упорная, и, в конечном счете, успешная борьба крестьян одного из донских поселений с местной администрацией. Мы пишем «одного из поселений» потому, что оно не имело даже общепризнанного имени. Донской помещик Ираклий Колпаков в 1831 г. купил несколько десятков крепостных, и поселил их, не предоставив отчета о том, под Новочеркасском. До 1852 г. местные власти делали вид, что не замечают крестьян, живущих вопреки имперскому законодательству на юртовых землях. Когда ситуация вскрылась, Ираклий Колпаков получил в пользование соответствующий количеству крестьян участок в Миусском округе, куда и должен был переселить их всех за два года, т.е. к 1854 г. (ГАРО, 671: 906). Однако выполнять данное распоряжение он не собирался, и даже не проверил пригодности к земледелию предоставленного ему участка. Новочеркасские власти до 1861 г. снова одолела странная слепота, и поселение Колпакова до его «освобождения» опять не привлекало их внимания (ГАРО, 671: 33). Поэтому нет ничего удивительного, что в разных инстанциях официально несуществующее поселение называли по-разному: и Гавриловкой, и Кундрючинско-Гавриловкой, и Колпаково-Кундрючинском, и Гаврилово-Колпаковым (ГАРО, 671: 1-33).

1861 г. обернулся для жителей Гавриловки шоком. Оказалось, что по официальным бумагам они уже несколько лет жили в Миусском округе, на земле, которую никто из крестьян в глаза не видел. При этом насколько прежде администрация была терпима к Ираклию Колпакову, настолько теперь мировой посредник оказался бескомпромиссен по отношению к его бывшим крепостным: от них требовали переселиться в течении года, несмотря на то, что на новом месте не было ни домов, ни хозяйственных построек, ни посевов, только голая степь (ГАРО, 671: 1a). Никаких объективных причин для такой поспешности не было, отношения крестьян с казаками были самые добрососедские, и станичное правление не возражало против задержки (ГАРО, 1083: 14). Но на компромисс чиновники не шли, была отклонена даже просьба жителей Гавриловки разрешить выборным вместе с мировым посредником освидетельствовать предоставленные участки в Миусском округе (ГАРО, 671: 1). Именно это и стало своеобразным спусковым крючком драмы: некто Фрол Кузьмиченков заявил, что Ираклий Колпаков, выбирая участок вслепую, взял безводные, непригодные к обработке земли (ГАРО, 671: 5-7).

Как следует из документов, ни местный съезд мировых посредников, ни войсковое по крестьянским делам присутствие просто не захотели слушать крестьян. С их точки зрения все происходило в рамках закона, поскольку новые наделы проходили по документам Межевой комиссии как удобные, и, следовательно, нужды в их дополнительном освидетельствовании не было (ГАРО, 671: 2-7). Любопытно отметить, что если в рамках дела о жителях Гавриловки войсковое по крестьянским делам присутствие руководствовалось подобным, чисто формальным подходом, то с нежелающими переселяться помещиками войсковые власти занимали совершенно иную позицию: одно из дел ГАРО состоит из прошений от различных местных и войсковых органов Военному Министерству о предоставлении ряду помещиков 1 и 2 Донского округов не предусмотренных законом льгот, например, потому, что предназначенная им для переселения земля хотя и числится удобной, но менее плодородна, чем прежние участки (ГАРО, 741: 1-98). В итоге временнообязанные Ираклия Колпакова обратились с жалобой напрямую в Военное Министерство, которое, разумеется, сумело рассмотреть ее далеко не сразу. Только 11 сентября 1862 г., когда по закону жители Гавриловки уже должны были быть водворены на новое место, в Санкт-Петербурге распорядились все-таки провести освидетельствование предложенных им участков на пригодность к обработке (ГАРО, 671: 1).

Но исполнявший обязанности войскового атамана князь А.М. Дондуков-Корсаков поручил проведение освидетельствования войсковому по крестьянским делам присутствию, т.е., органу, уже отвергнувшему просьбы жителей Гавриловки как незаконные. На практике землю осматривал мировой посредник Миусского округа без свидетелей, и в составленном отчете нашла отражение только его точка зрения. Он утверждал, что предложенные для переселения участки намного удобнее прежних, и единственной причиной жалобы бывших крепостных Ираклия Колпакова является их «упрямство» (ГАРО, 671: 2-7). Хотя в дальнейшем данную оценку никто не пытался оспаривать, сама практика осмотра земли одним мировым посредником представляется нам порочной: на Дону имели место случаи, когда на данную должность назначались заведомо некомпетентные лица. В частности, мировой посредник 3 участка Донецкого округа подполковник Скасырский ранее состоял под судом. Однако во время его назначения на новую должность это не было учтено, и вскрылось только через несколько лет, после проявленной нерадивости на новом посту (ГАРО, 906: 2-3).

Войсковое присутствие к мнению мирового посредника присовокупило, что нежелание временнообязанных переселяться является недопустимым, и призывало зачинщиков, в первую очередь Флора Кузьмиченкова, предать суду, а крестьян выселить из-под Новочеркаска немедленно (ГАРО, 671: 2-7). Обратим внимание на очередной пример поразительной логики местной администрации: формально дело жителей Гавриловки еще не было закрыто, участки для их переселения не были утверждены Военным Министерством, а на сам процесс переселения отводился, как мы отмечали выше, один год. Но войсковое по крестьянским делам присутствие отсчитывало год не с момента принятия окончательного решения о месте переселения, а с сентября 1861 г., делая из этого вывод, что все законные сроки уже вышли. Отметим так же, что в документах, составленных донскими чиновниками, ни словом не упоминалось о вине Ираклия Колпакова, не организовавшего переселения до отмены крепостного права, хотя и отмечалось, что жители Гавриловки вообще проживают на своих участках незаконно, и должны были быть переселены еще в 1854 г. (ГАРО, 671: 90б).

Глубокой осенью 1862 г. в Гавриловку въехала 5 сотня 43 казачьего полка. Бюрократическая машина Российской империи снова словно издевалась над простыми людьми: процесс переселения должен был считаться добровольным, и, как гласит документ, крестьяне под угрозой силы «выразили желание переселиться». В Миусский округ было отправлено несколько мужчин для подготовки к созданию поселения на новом месте, но большей части жителей разрешили остаться в своих домах на зиму. Казачья сотня ушла в соседние деревни, так же проявляющие «упрямство», по терминологии войскового присутствия (ГАРО, 671: 8). Но история борьбы за землю только начиналась...

23 марта 1863 г. Военное Министерство, наконец, определилось со льготами для переселенцев. Казалось, что самый важный вопрос решен все-таки в пользу крестьян: тем из них, которые жили на войсковых и станичных запасных землях, было разрешено остаться, а переселенцы с юртовых станичных земель теперь могли выбирать участки для переселения. Войсковые власти должны были показывать выборным от крестьянских обществ подходящие угодья, причем, по возможности, расположенные рядом со старыми (хотя бы в пределах одного округа). Более того, каждый переселенец получал право на компенсацию из казны, в размере не менее 50 рублей, и освобождение от повинностей на 1-1,5 года. Военное Министерство подчеркивало, что право на льготы имеют все переселенцы, в том числе и проживающие на юртовых землях незаконно (ГАРО, 692: 1-3). Однако войсковое по крестьянским делам присутствие с уже знакомым нам формализмом обошло данное постановление: оно сочло возможным применять его только к тем крестьянам, для которых официальный срок переселения истек после 23 марта 1863 г. Таким образом, борьба многих хозяйств за то, чтобы продержаться на старой земле дольше отведенного мировыми посредниками срока, оказалась бесполезной: они дождались утверждения льгот для переселенцев, но по инициативе местной администрации на них эти льготы распространены не были (ГАРО, 748: 10-11). А вот донские помещики, для которых, напомним, войсковое присутствие добилося отсрочки переселения до 1870 г., свои льготы получили: теперь за каждого крестьянина, числившегося в собственности по 8-й ревизии, переселяющийся дворянин имел право на компенсацию в размере 5 десятин земли (ГАРО, 692: 1-3).

13 мая 1863 г. Военное Министерство одобрило распоряжения войскового по крестьянским делам присутствия о переселении жителей поселения Гавриловки (ГАРО, 671: 28-29). Но последние не торопились отправляться в путь, возможно, обнадеженные новым постановлением о льготах. Мировой посредник был этим крайне недоволен, однако с уходом казачьей сотни реальных инструментов воздействия на непокорных крестьян не имел (ГАРО, 671: 38-39). Развитие драмы приостановилось на целый год: только в марте 1864 г. временнообязанные Ираклия Колпакова предприняли последнюю попытку договориться с властями, направив прошение войсковому атаману П.Х. Граббе. Именно в нем подробно расписывалась предыстория сложившейся ситуации, и показывалось, что переселения до 1861 г. не произошло исключительно по вине помещика, даже не уведомившего крестьян, что они получили участки в Миусском округе. Авторы прошения признавали, что по закону права на льготы они не имеют, но просили атамана позволить им самим выбрать землю для переселения, мотивируя это тем, что казна от подобного убытка не потерпит, а жителям Гавриловки будет много проще переселяться не далеко на запад, а на ближайшую удобную свободную землю. П.Х. Граббе счел возможным данное прошение удовлетворить, но воплощено в жизнь оно не было (ГАРО, 671: 33).

Мировой посредник, в течение последних лет безуспешно пытавшийся выселить бывших крепостных Ираклия Колпакова, вовсе не собирался идти на какие-либо уступки. Получив предписание помочь крестьянам выбрать землю, он немедленно обратился к тому же П.Х. Граббе, убеждая его переменить принятое решение. При этом руководствовался мировой посредник весьма своеобразной логикой: по его мнению, распоряжение войскового атамана ставило в невыгодное положение тех немногочисленных жителей Гавриловки, которые уже переселились (ГАРО, 671: 38-39). Отметим, что прежняя риторика о том, что участки в Миусском округе лучшего качества и отказ от переселения связан только с упрямым, была отброшена: мировой посредник наконец признал, что переселяться в соседний округ без какой-либо компенсации все-таки неудобно. Однако на смену этой риторике пришла новая, не менее лицемерная: теперь подчеркивалось, что раз часть крестьян

уже переселилась на прежних, крайне тяжелых условиях, подобным же образом надо переселить всех, иначе будет нарушена «справедливость» (мы берем это слово в кавычки, так как оно является цитатой). Многолетняя борьба крестьян за свои права была, по мнению мирового посредника, дополнительным отягощающим фактором: он утверждал, что любая уступка жителям Гавриловки подорвет его авторитет, а временнообязанные соседних поселений убедятся, что борьба с решениями войскового по крестьянским делам присутствия может закончиться в пользу переселенцев (ГАРО 671: 38-39).

Нам представляется, что личности донских атаманов оказывали существенное влияние на ход крестьянской реформы на Дону. А.А. Карасев характеризует правление П.Х. Граббе как крайне бессистемное, несмотря на личную доброту генерала (Карасев, 1899: 108-109). Это сказалось и в отношении Гавриловки: П.Х. Граббе, уже удовлетворивший прошение ее жителей, затем прислушался к доводам мирового посредника, и вместо права выбора земли бывшие крепостные Ираклия Колпакова получили новую проблему. Местной администрации в помощь снова была дана войсковая команда (ГАРО, 671: 44-47), однако жители Гавриловки быстро научились бороться и с ней. Следующие несколько лет развивались по одному и тому же трагикомическому сценарию. Каждую осень в поселение вступали войска, и силой заставляли временнообязанных «выразить желание переселиться». Однако переселяться было некуда, участки в Миусском округе так и оставались необустроенными. Мировой посредник позволял крестьянам остаться в своих домах на последнюю зиму, с условием, что с весны начнется серьезная подготовка к уходу на новое место. Реально проверить, насколько активно ведется данная подготовка мировым посредником не мог, и к концу лета обнаруживал, что по существу ничего не сделано. Он вызывал войсковую команду, и все начиналось сначала (ГАРО, 671: 50-54).

Не только в Гавриловке крестьяне не желали переселяться на условиях войскового по крестьянским делам правления. Ситуация даже привлекла внимание имперских властей, и в 1865 г. на Дон по распоряжению императора (не Военного министерства) был направлен генерал-майор А.Л. Потапов с задачей проследить за ходом реформы. Напомним, что А.Л. Потапов в 1861-1864 гг. был управляющим III отделением и исполняющим должность начальника штаба корпуса жандармов. Он принадлежал к числу сторонников П.А. Шувалова, критиковавших Д.А. Милютину с консервативных позиций (Волвенко, 2014: 386). Войсковое по крестьянским делам присутствие представило прибывшему из столицы чиновнику подробное обоснование своих действий, риторика которого была близка к риторике мирового посредника, требовавшего переселения жителей Гавриловки. Члены присутствия признавали, что распоряжение Военного Министерства о предоставлении льгот переселенцам допускало двоякую трактовку. Льготы могли быть предоставлены как всем крестьянам, реально не переселившимся до 23 марта 1863 г., так и только тем, кто официально должен был быть переселен после этого срока. Донские крестьяне считали верным первый вариант, но войсковое присутствие придерживалось совершенно иного мнения. Во-первых, отказываясь переселяться в срок, временнообязанные уже нарушали закон, а давать льготы нарушителям было странно. Во-вторых, из «справедливости» не следовало давать одним переселенцам существенных привилегий над другими (ГАРО, 748: 10-12). Таким образом, признавая проблемы при проведении крестьянской реформы на Дону, местные власти возлагали их исключительно на самих крестьян. Войсковое присутствие по крестьянским делам еще раз показало, что придерживается сугубо формальных подходов, интересуясь только исполнением законов и «справедливостью», но не думая о тяжелейшем положении, в котором оказывались крестьяне. При этом «справедливость» была крайне своеобразной: распоряжение Военного Министерства выплачивать переселенцам деньги на обустройство (которые можно было рассматривать как компенсацию за теряемую недвижимость) справедливым членам войскового присутствия почему-то не показалось.

Как бы там ни было, А.Л. Потапова данные ему объяснения вполне удовлетворили, и в своем отчете он фактически повторил их (ГАРО, 748: 15-43). В этом нет ничего удивительного, поскольку характер посланного на Дон ревизора характеризовался, по мнению А.А. Карасева, в первую очередь двумя качествами: чиновничьей любовью к бумагам и страхом перед «потрясением основ» (Карасев, 1899: 109). Поскольку именно А.Л. Потапов сменил П.Х. Граббе на посту атамана, дальнейшее развитие ситуации с переселенцами было вполне предсказуемым: войсковые власти продолжали действовать крайне жестко, не идя на компромиссы и активно используя казачьи части для принуждения крестьян.

А.Л. Потапова не остановило даже то, что на практике, как показывает пример Гавриловки, подобная политика была крайне неэффективной. Правда, крестьяне больше не пытались ни убедить, ни смягчить местные власти, но их пассивное сопротивление оказалось крайне проблематично подавить грубой силой. События развивались по все тому же сценарию: каждую осень под давлением войсковой команды временнообязанные Ираклия Колпакова подтверждали «желание переселиться», но с уходом казаков все приготовления к переселению заканчивались. Число не переселенных крестьянских общин даже в начале 1870 гг. исчислялось десятками (ГАРО, 1083: 1-21), и, понятно, держать в каждой из них военную часть было физически невозможно. К осени 1867 г. терпение мирового посредника и войскового по крестьянским делам присутствия истощилось настолько, что

они обратились напрямую к А.Л. Потапову, требуя от того принять «самые жесткие» меры (ГАРО, 671: 55-56). Однако и атаман не смог предложить ничего, кроме уже опробованных вариантов: в Гавриловку была снова введена казачья команда, и снова оказалось, что переселяться немедленно физически невозможно. Крестьянам было сделано последнее предупреждение, но им в очередной раз удалось добиться отсрочки на зиму (ГАРО, 671: 55-56).

Дело о переселении жителей Гавриловки не заканчивается, а обрывается. Последним документом является распоряжение передать его в архив, как утратившее актуальность (ГАРО, 671: 60-61). Между тем из других архивных материалов явствует, что еще в 1872 г. бывшие крепостные Ираклия Колпакова проживали под Новочеркасском, и должны были быть выселены с юртовых земель (ГАРО, 1083: 14). Таким образом, и в 1868 г. переселения не произошло, возможно, из-за смены атамана: на смену А.Л. Потапову пришел М.И. Чертков. Понял ли новый атаман неэффективность мер предшественника, или на то были иные, неизвестные нам причины, но в конце 1860 гг. произошло внезапное изменение правительственной политики по отношению к крестьянам. Возможно, сказала и сама личность нового атамана: от своего предшественника он выгодно отличался широтой взглядов, что проявлялось и в его служебной деятельности. Кроме того, он был губернатором Воронежской губернии непосредственно после 1861 г., и на этом посту уже сталкивался с проблемами временнообязанных, хотя и совершенно иного свойства. Чем на Дону (Карасев, 1899: 110-111).

К сожалению, именно в период 1868-1872 гг. крестьянский вопрос почти не нашел отражения в фондах атаманской канцелярии. Судя по позднейшим документам, в это время местные власти все-таки признали право временнообязанных самим выбирать землю, но это привело к новым проблемам. Оказалось, что правильно организовать процесс переселения не на помещичьи, а на свободные участки намного сложнее. Необходимо было представить Военному Министерству данные как о численности крестьян, так и о выбранной ими земле, и получить разрешение на переселение. Иногда документы терялись где-то в цепочке чиновников между мировым посредником и Санкт-Петербургом, и процесс затягивался на неопределенный срок (ГАРО, 1057: 4-6, 38). Кроме того, большая часть свободной земли была не обмежевана, а землемеров на местах не было. Не помогли ни запросы вышестоящей администрации, ни деньги: так, войсковые власти просто проигнорировали просьбу мирового съезда Усть-Медведицкого округа о помощи с размежеванием земли, а нанятый в частном порядке землемер просто скрылся с оплатой (ГАРО, 1057: 3). Впрочем, с переселяющимися помещиками дело обстояло еще хуже: когда в 1870 г. истек срок их законного пребывания на старом месте, и войсковые власти затребовали данные о отказавшихся переселяться, Межевая Комиссия представила сведения «неудовлетворительные», а полицейские управления «неполные и не верные». Только ревизор с особыми полномочиями сумел уладить дело (ГАРО, 1083: 12).

Фактически ни местные, ни войсковые власти после 1868 г. не торопили крестьян с выселением, в связи с чем дело о жителях Гавриловки и было, по-видимому, признано утратившим актуальность. Они все-таки сумели настоять на своем, и теперь числились в списках тех, кому должны были обмежевать землю по выбору (ГАРО, 1083: 14). В то же время Военное Министерство пребывало в счастливой уверенности, что к 1870 г. процесс переселения был завершен, раз связанные с ним беспорядки прекратились. Однако подобная ситуация создавала потенциальную опасность не только для крестьян, но и для помещиков. Опасаясь, что если ситуация вскрыется, донских дворян начнут насильно сгонять с юртовых земель, в 1872 г. войсковые власти обратились в Санкт-Петербург, прося еще дольше продлить для них сроки переселения. О крестьянах в этом документе не было ни слова, хотя они находились в аналогичных условиях (ГАРО, 1083: 4).

Однако Военное Министерство не разделяло любви войсковых властей к донским дворянам, и считало, что и срок в 9 лет, до 1870 г., был вполне достаточным для переселения. Вместо продления срока на Дон пришел приказ прислать исчерпывающие данные о не переселившихся помещиках, и принять по отношению к ним жесткие меры (ГАРО, 1083: 5-9). Только тут местная администрация и вспомнила о крестьянах, включив их в список наравне с донскими дворянами (ГАРО, 1083: 5-21). Однако, послав данный список в Санкт-Петербург, войсковое правление присовокупило, что переселенцы не виноваты, а переселения провести невозможно из-за не обмежеванности участков (ГАРО, 1083: 55-56).

К сожалению, судьба отдельных поселений из этого списка не отражена в архиве, и мы не знаем, когда точно жители Гавриловки получили вожделенные участки в своем округе. Но и этот процесс был не простым для крестьян: если помещикам землю обмежевывали сразу, то для временнообязанных сроки иногда переносили на годы, из-за «занятости землемеров». Так, в 1874 г. 12 общин уже подготовились к переселению, но были вынуждены остаться на старом месте (ГАРО, 1083: 71). Военное Министерство проявляло крайнее нетерпение, регулярно обращаясь в войсковое правление и требуя отчета о том, как идет процесс (ГАРО, 1083: 65-67). Любопытно отметить, что последними не обмежеванными были участки помещиков, хотя землемеров им высылали без годовых задержек: в 1877 г. еще 5 помещиков проживало на юртовых землях (ГАРО, 1083: 77). К этому времени терпение у Военного Министерства кончилось окончательно, и, хотя войсковые власти просили еще отсрочку, было приказано просто отдать их участки в пользование станичных обществ (ГАРО, 1083: 78-81).

5. Заключение

Итак, на примере Гавриловки хорошо видно, что для крестьян, проживающих на земле казачьих станиц, реформа 1861 г. стала катастрофой. Крепостное право на Дону вне районов со сплошным крестьянским населением было, по свидетельствам современников, относительно мягким (Peretyatko, 2015: 260-264), а платой за его отмену стало переселение за десятки, а то и сотни верст, причем проводить его предполагалось в сжатые сроки, без какой-либо компенсации за недвижимое имущество. Ситуацию дополнительно осложняла крайне формалистическая позиция войскового по крестьянским делам присутствия: под различными предлогами оно запрещало крестьянам самим выбирать землю для переселения, даже когда в 1863 г. Военное Министерство разрешило это. Страх временнообязанных бросать наделы, которые они обрабатывали десятилетиями, чтобы переселиться на участки, иногда совершенно незнакомые и находящиеся в голой степи, местные чиновники считали упрямством. А после 1863 г. они встали на защиту «справедливости», требуя, чтобы новые переселенцы были поставлены в те же условия, что и переселенные ранее. Особенно лицемерно данная позиция выглядела на фоне отношения к донским помещикам, для которых по инициативе тех же местных властей срок переселения был максимально продлен.

К счастью, подобная жестокость властей в значительной степени компенсировалась отсутствием у них средств для достижения своих целей. Важную роль играло зачастую теплое отношение рядовых казаков и станичных администраций к переселенцам: в случае с бывшими крепостными Ираклия Колпакова станичные власти никак не пытались согнать временнообязанных со своей земли, напротив, еще в 1872 г. они докладывали, что крестьяне живут в станице с их согласия (ГАРО, 1083: 14). В этих условиях пассивное сопротивление оказалось неожиданно эффективным. Исчерпав все методы давления, с 1868 г. чиновники резко смягчили свою позицию, и крестьянам, не переселившимся до этого, удалось осуществить переселение на своих условиях. Тем не менее, для многих донских крестьян освобождение стало если не трагедией, то тяжелейшей драмой, не заслуживающей того, чтобы память о ней была полностью забыта.

Литература:

Волвенко, 2014 - Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860-1870-е годы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. №3(2). С. 382-391.

Волвенко, 1998 - Волвенко А.А. Земская реформа в Области войска Донского (1864-1882) // Государственная власть и местное самоуправление, 1998. №1. С. 49-58.

ГАРО - Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 671. Дело о отказе крестьян переселяться из Донецкого в Миусский округ из-за непригодности назначенной им земли. 1862-1868.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 692. Дело о переселении крестьян из юртовых станичных земель Земли Войска Донского. 1863.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 741. Дело о распределении земель 1 и 2 Донского округов между помещиками и крестьянами. 1865-1870.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 748. Дело о организации быта бывших помещичьих крестьян на Дону. 1865.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 906. Дело о неправильных действиях бывшего мирового посредника полковника Скасырского. 1868.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1057. Дело о наделении крестьян душевыми наделами в юртах станиц Усть-Медведицкого округа. 1871-1877.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1083. Дело о выселении донских помещиков со станичных юртов. 1872-1877.

Карасев, 1867 - Карасев А.А. Донские крестьяне // Труды Донского Войскового статистического комитета. Вып. I. Новочеркасск: Тип. газеты «Донской вестник», 1867. С. 69-121.

Карасев, 1899 - Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив, 1899. Кн. 2. С. 106-116.

Краснов, 1863 - Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1863. 522 с.

Лишин, 1894 - Лишин. А.А. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 3. Новочеркасск: тип. А.А. Карасева, 1894. 440 с.

Перетятыко, 2015 - Перетятыко А.Ю. Донской сепаратизм 1860 гг.: мифы, реальность и влияние на правительственную политику // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья. Ростов-на-Дону: изд. ЮНЦ РАН, 2015. С. 227-233.

Ревин, 2005 - Ревин И.А. Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в. – 1861 г. Ростов н/Д: Изд-во: СКНЦ ВШ, 2005. 188 с.

Ревин, 2008 - Ревин И.А. Накануне крестьянской реформы. Комитет по улучшению быта крепостных крестьян // Донской временник. 2008. С. 138-141.

Савельев, 1917 - Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск: Донская епархиальная типография, 1917. 80 с.

Тикиджьян, 1996 - Тикиджьян Р.Г. Казачество и иногороднее население Дона в пореформенный период (1861-1905 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар: изд. КубГУ, 1996. С. 249-260.

Peretyatko, 2015 - Peretyatko A.Y. Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR // Русская старина. 2015. Vol.(16), Is. 4, pp. 258-282.

Volvenko, 2015 - Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Русская старина. 2015. Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37.

References:

Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s)], Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences, 2014, Vol. 16, Nr.3(2), Pp. 382-391[in Russian].

Volvenko A.A. Zemskaja reforma v Oblasti vojska Donskogo (1864-1882) [Zemskaja reform in the Don Host Oblast (1864-1882)], State power and local self-government, 1998, Nr. 1, Pp. 49-58 [in Russian].

State archive of the Rostov region (next – GARO). F. 46. Op. 1. D. 671. Delo o otkaze krest'jan pereseljat'sja iz Doneckogo v Miususkij okrug iz-za neprigodnosti naznachenoj im zemli. [The matter of the refusal of peasants to move from Donetsk in Mius district because of the unsuitability of the land assigned to them]. 1862-1868. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 692. Delo o pereselenii krest'jan iz jurtovyh stanichnyh zemel' Zemli Vojska Donskogo. [The matter of the resettlement of peasants from yurt lands Don Host Oblast]. 1863. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 741. Delo o raspredelenii zemel' 1 i 2 Donskogo okrugov mezhdru pomeshhikami i krest'janami. [The matter of the distribution of lands 1 and 2 Don districts between landlordss and peasants.]. 1865-1870. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 748. Delo o organizacii byta byvshih pomeshhich'ih krest'jan na Donu. [The matter of the welfare of former landlords' peasants on the Don.]. 1865. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 906. Delo o nepravil'nyh dejstvijah byvshego mirovogo posrednika polkovnika Skasyrskogo. [The matter of wrong actions of the former conciliator Colonel Skosirsky.]. 1868. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 1057. Delo o nadelenii krest'jan dushevymi nadelami v jurtah stanic Ust'-Medvedickogo okruga. [The matter of the empowerment of peasants dushevymi nadelami in yurt of Ust-Medveditskaya district.]. 1871-1877. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 1083. Delo o vyselenii donskih pomeshhikov so stanichnyh jurtovyh. [The matter of eviction landlords with the land of don cossaks yurt.]. 1872-1877. [In Russian].

Karasev A.A. Donskie atamany za poslednie polveka [Atamans of the Don Host Oblast over the past half century], Russkii arkhiv, 1899, Nr. 2, Pp. 106-116 [in Russian].

Karasev A.A. Donskie krest'jane [Peasants of Don region], Works of the Statistical Committee of Don Host Oblast. Vol. I. Novocherkassk: Printing house of the newspaper "Vestnik Donskoi", 1867. Pp. 69-121 [in Russian].

Krasnov N.I. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb.: Printing house of the Department of the General staff, 1863. P. 227 [in Russian].

Lishin. A.A. Akty, odnosjashiesja k Istorii Vojska Donskogo, sobrannye general-majorom A.A. Lishinym [Acts about the history of the Don Cossacks, collected by General-Major A. A. Lishin]. Vol. 3. Novocherkassk: printing house of A. A. Karasev, 1894. P. 221 [in Russian].

Peretjat'ko A.Ju. Donskoj separatizm 1860 gg.: mify, real'nost' i vlijanie na pravitel'stvennuju politiku [Don Cossacks separatism in 1860s: the myths, the reality and influence to government policy], The Problemsof Poly-Ethnic Macro-Region under the Destabilization Conditions in the Countries of the Caspian-Black Sea Region. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2015. Pp. 227-233 [in Russian].

Revin I.A. Nakanune krest'janskoy reformy. Komitet po uluchsheniju byta krepostnyh krest'jan [On the eve of the Emancipation Reform of 1861. The committee for the improvement of living conditions of the serfs], Don Vremennik. 2008. Pp. 138-141 [in Russian].

Revin I.A. Stanovlenie krest'janskogo soslovija na Donu i v Priazov'e: vtoraja polovina XVIII v. – 1861 g. [The formation of the peasant class on the Don region and in the Azov region: the second half of the XVIII century – 1861]. Rostov-on-Don: SCSC HS Publishers, 2005. P. 188 [in Russian].

Savel'ev E.P. Krest'janskij vopros na Donu v svjazi s kazach'im [The peasant question in connection with Don Cossacks]. Novocherkassk: printing house of don diocese, 1917. P. 80 [in Russian].

Tikidzh'jan R.G. Kazachestvo i inogorodnee naselenie Dona v poreformennyj period (1861-1905gg.) [The Cossacks and nonresident population of the Don region in the post-reform period (1861-1905 gg.)]. Kuban Cossacks: three centuries of the historical path. Krasnodar: publishing house of Kuban State University, 1996. P. 249-260 [in Russian].

Peretyatko A.Y. Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR // Russkaya Starina, 2015. Vol.(16), Is. 4, pp. 258-282. [in Russian].

Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina, 2015. Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37. [in Russian].

УДК 93/94

Темная изнанка крестьянской реформы 1861 г. на Дону: история переселения одной крестьянской общины на основе материалов фонда атаманской канцелярии

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, *}

^a Лаборатория военных исследований, Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена негативным последствиям крестьянской реформы 1861 г. на Дону. Автор показывает, что ее результатом стало массовое переселение крестьян в Миусский округ без права выбора земли и компенсации за недвижимое имущество. Основное внимание уделено пассивному сопротивлению жителей одного поселения попыткам выселить их на неподготовленные участки, выбранные их бывшим помещиком. Результатом исследования являются выводы о том, что при проведении крестьянской реформы были полностью проигнорированы интересы крестьян, живущих на юртовой земле, и о том, что до 1868 г. местные чиновники отказывались идти на какой-либо компромисс. Только после полного провала политики жестоких мер войсковая администрация пошла на уступки, и разрешила крестьянам выбирать участки для переселения.

Ключевые слова: донское крестьянство, крестьянская реформа 1861 г., поселение Гавриловка, переселение крестьян в Миусский округ в 1860-1870 гг., А.М. Дондуков-Корсаков, П.Х. Граббе, А.Л. Потапов.

* Корреспондирующий автор

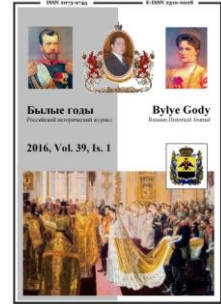
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 39, Is. 1, pp. 146-154, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 348.58:27-772:008(571.56) "18/19"

The spiritual proceedings of the Yakutsk diocese in the second half of XIX – early XX centuries, as a factor of inter-civilization interaction

Inna I. Yurganova^{a, *}

^a Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

The article examines, on the basis of the first introduced in the scientific revolution of historical sources, the judicial work of the Yakut diocese of the Russian Orthodox Church in the second half of XIX – early XX centuries, as an element of integration of the Orthodox Empire in the suburbs of the Russian statehood, as the Yakut spiritual Consistory, whose terms of reference included the investigation and judicial practice in respect of spiritual and secular persons, acted as one of the elements of the state apparatus. It is defined that the Orthodox population of the region was informed on the rights, showed the number of marriages and divorces, found the most characteristic of the Yakut diocese charge of the parish clergy, consisting in the wedding of a minor, due to the family law traditions of the Yakuts. Identified exceptions to the general rules made at the national legislative level, regarding the application marriage law, taking into account to the specifics of residence in the Far North: the remoteness of the diocese, the significance of its territory, climatic conditions, the difficulties of transportation and the conclusion has been made that the government, recognizing the difficulties of the Ministry, supported Yakut clergy. It is obvious that in connection with the conduct of spiritual justice, the customary law of the Yakuts began to be replaced by Christian Orthodox morals and to the early twentieth century in the area formed the ethno-religious understanding of the family legislation, when at obligatory Church the sanctification of marriage, kept the concept of it as a property transaction and, in general, the local population perceived the laws and customs of Orthodoxy not only through the Christian rituals, but also through the spiritual court, which regulates family and marital relationships.

Keywords: the Russian Orthodox Church, spiritual proceeding, spiritual Consistory, diocesan court, spiritual marriage right, wedding, diocese, bishop, epitimia, priest.

1. Введение

Русская православная церковь до 1917 г. обладала функциями по осуществлению духовного суда, что являлось одним из направлений интеграции православных жителей имперских окраин в российскую цивилизацию. Актуализация внимания к данной проблеме обусловлена как модернизационными процессами и поисками оптимальной модели взаимодействия светской и духовной властей в современной Российской Федерации в целом, так и в субъектах Федерации, и в отдельных епархиях.

2. Материалы и методы

2.1. Источником для написания статьи стали архивные документы, впервые вводимые в научный оборот. Основной комплекс документальных материалов о деятельности Якутской епархии находится на хранении в Национальном архиве РС(Я) и их объем составляет более 18 тыс. ед.хр.

* Corresponding author

E-mail addresses: inna.yurganova@mail.ru (I.I. Yurganova)

(Барашкова и др., 2007: 164-182). Особую значимость для определения законодательно установленных норм церковного судопроизводства имеет утвержденный в 1883 г., устав духовной консистории (ПСЗ РИ, 1886: 131-154).

2.2. Исследования в области церковного судопроизводства находятся на стыке истории, юриспруденции и богословия и носят междисциплинарный характер. Методика исследования включает принципы конкретности, когда духовное судопроизводство изучается с учетом неповторимости его содержания, определенности места и времени развития – Якутская епархия во второй половине XIX – начало XX вв.; историзма, рассматривающего епархиальное судопроизводство в развитии; системности, заключающейся во взаимосвязи духовного суда Якутии с духовным законодательством империи, а также принципов опоры на исторические источники, состоящего во введении в научный оборот неопубликованного массива архивных документов и историографической традиции, учитывающей результаты предшествующего научного изучения.

3. Обсуждение

Проблема развития церковного права привлекала внимание исследователей в основном в дореволюционный период. Наиболее значимым являлся курс церковного законоведения, разработанный епископом Иоанном (Соколовым), указывающим на принципиальные различия между государственным и церковным правом (Соколов, 1851). В середине XIX в., после проведения судебной реформы, были изданы труды М.П. Альбова и М.И. Богословского (Альбов, 1882; Богословский, 1885). В конце XIX – начале XX вв. в русском обществе состоялась дискуссия о реформе церковного суда, которая нашла отражение в работах Н.Д. Кузнецова и М.Е. Красножена (Кузнецов, 1906; Красножен, 1907). Представляется убедительным вывод, что "ни один из официальных источников не давал представления о системе церковного права. Не была решена эта проблема и в Своде законов Российской империи и ... до 1917 г. системы церковного права создавали только ученые и возникали различные мнения" (Дорская, 2007: 21).

В первые десятилетия советской историографии преобладало негативное отношение к деятельности Русской православной церкви в целом. К вопросам духовного суда обращались и некоторые зарубежные исследователи (Троицкий, 1933). Изменения, связанные с объективностью в оценке деятельности РПЦ, соотносимы со второй половиной XX в., так, в труде авторского коллектива «Русское православие: веки истории» освещается широкий круг проблем и, в том числе, особенности церковного судопроизводства (Клибанов и др., 1989).

В современной историографии возрождается интерес к проблеме, но исследования имеют или богословский и юридический подходы, или посвящены теоретико-правовым проблемам церковного права, отражающих кодификацию семейно-брачных отношений в России (Цыпин, 2009; Белякова, 2004; Антокольская, 1999; Семенова, 2000).

Вне исследовательского интереса, по-прежнему, остается региональный аспект темы. Первым обобщающим трудом по истории церковно-судебной системы Центрально-Черноземного района Российской империи стала монография Е.С. Матвеевой, в которой рассмотрено становление церковного судопроизводства России в отдельном регионе в контексте дихотомии светской и духовной власти (Матвеева, 2014).

Некоторые сведения о судебной деятельности якутского духовенства имеются в летописи Якутского края, составленной членом-сотрудником Императорского географического общества В.Л. Приклонским (Приклонский, 1898). Брачное право якутов стало одной из тем исследования участника Сибиряковской экспедиции по изучению языка, быта, нравов, истории и экономики народов, населяющих Якутскую область (1894-1896 гг.) Д.М. Павлинова (Павлинов и др., 1929: XXVIII-XXIX). Упоминания о духовном судопроизводстве в Якутии есть в труде В.Л. Серошевского (Серошевский, 1993). Изучение семейно-брачного и наследственного права якутов в XVII – нач. XX вв. проведено А.А. Борисовым (Борисов, 2002). Но, в целом, церковное судопроизводство Якутской епархии как одно из направлений деятельности РПЦ, направленных на интеграцию населения Якутии в российскую цивилизацию, не рассматривалось и труды по истории данного вопроса отсутствуют.

4. Результаты

До учреждения Якутской епархии (1870) духовное судопроизводство производилось архиереем и органом управления той епархии, к которой относилась территория Якутии в церковно-административном отношении (Тобольская митрополия, Иркутская и Камчатская епархии). Учреждение отдельного епархиального судопроизводства стало одной из причин создания самостоятельной епархии в Якутии. Известный миссионер Сибири и Дальнего Востока архиепископ Иннокентий (Вениаминов), обосновывая необходимость образования Якутской епархии указывал на обширность территории и её малозаселенность, затрудненность в транспортной схеме, отмечая самобытность Якутии, которая «своими местными обычаями и своим бытом несколько не похожа на соседние (местности И.Ю.)». Архиепископ писал о необходимости введения духовного судопроизводства, так как «само собой разумеется, что разбирательство и решение таковых дел гораздо более удобнее и скорее может быть на месте в г.Якутске», так как, в связи с большой

отдаленностью от центра епархии, ответы на запросы приходили через несколько лет и решение судебных дел растягивалось на десятилетия (ГАИО).

Основанием для рассмотрения дел епархиальным судом являлись закон Божий и каноны, Духовный регламент, постановления и решения Синода, а также действующее гражданское (светское) законодательство. Духовному суду подлежали лица и духовные, и светские. Первые судились за проступки и преступления против должности, благочиния и благоповедения, а лица светские по делам о браке и за проступки, подвергающиеся церковной эпитимии. Правила и порядок ведения церковного судопроизводства предусматривались Уставом духовных консисторий в ведении которой находился духовный суд.

Основными статьями обвинения против должности, благочиния и благоповедения являлись обвинения в пьянстве, картежной игре, торговле, неисполнении своих пасторских обязанностей и венчании несовершеннолетних (Юрганова, 2007: 92).

Духовная консистория, на основании Устава духовных консисторий и по согласованию с епархиальным архиереем, имела право применять разнообразные наказания - выносить замечания (выговора), назначать штрафы, исключать из штата, увольнять с места службы, назначать временное испытание в монастыре или архиерейском доме, временное запрещение священнослужительства (с переводом в причетники-псаломщики). Самым серьезным наказанием являлось лишение духовного сана (с исключением из духовного ведомства), которому подвергались священно- и церковнослужители, обвиненные в уголовных преступлениях и осужденные гражданским (светским) судом, а также «уличенные в отходе» от православия.

Ежегодно Якутской консисторией рассматривалось до 20-ти судебно-следственных дел. Например, в 1913 г. в отношении духовных лиц епархии было вынесено 5 судебных решений. Так, священник Хаятхсытской церкви за «недобросовестное отношение к богослужениям, ведению церковных дел и церковного хозяйства» был отстранен от должности и отправлен в Якутский Спасский монастырь на два месяца, иерею Дулгалахской церкви был вынесен строгий выговор с занесением в послужной список за участие в игре в карты. священник Таттинской Николаевской церкви «за нетрезвость, игру в карты, занятие охотой, растрату церковных денег» и прочие проступки был понижен в причетника (псаломщика) без права повышения (НА РС(Я)).

Недостойное поведение духовного лица влияло на его финансовое положение и, помимо сокращения суммы жалования, духовная консистория имела право и, как показывает практика, неоднократно его использовала, лишая священно-церковнослужителя пенсионного обеспечения, если в его послужном списке имелись указания на привлечение к епархиальному суду (НА РС(Я)).

Церковное покаяние (эпитимия) налагалось епархиальным архиереем или консисторией на светских лиц по делам, связанным с духовным ведомством или по приговорам гражданской (светской) власти. В 1870 г. в консистории рассматривался вопрос о казачке Иркутского казачьего полка Е. Никитиной, «преданной публичной эпитимии» и высланной в Якутскую область за «прелюбодеяние» (НА РС(Я)).

Духовному суду подлежало все духовенство епархии. В 1916-1917 г. рассматривалось дело священника Ф. Сивцева, обвиняемого в государственном преступлении, а именно, неуважительном отношении «к ныне царствующему Государю Императору... среди якутского населения позволил говорить дерзкие слова... пропагандировал не платить подати». Это единичный документально установленный, факт, когда представитель духовного сословия Якутии обвинялся в политической неблагонадежности, так как местное священство представляло консервативно-монархическую часть якутского общества (НА РС(Я)).

Церковное право оказало значительное влияние на становление семейного права. В конце XIX – начале XX вв. государственная власть, несмотря на разработку проектов введения гражданского брака и развода, старалась максимально сохранить привычный порядок - церковную форму брака, условия вступления в брак, отнесение разводов к церковным судам и, по мнению некоторых исследователей, это способствовало стагнации семейного права как отрасли права гражданского (Дорская, 2007: 129).

Наиболее частыми проступками духовенства в Якутии являлось венчание несовершеннолетних. Указом Синода 1830 г. был определен возраст для вступления в брак (для мужчин – 18, для женщин – 16 лет), который должен был совершаться по взаимному согласию и без принуждения. В исключительных случаях архиереям предоставлялось право разрешать браки когда жениху или невесте до совершеннолетия оставалось не более полугода (НА РС(Я)).

Местом венчания являлась церковь, но в Якутии, где священник сам выезжал для исполнения треб (обрядов), в том числе и брака, он мог проводить венчание в юрте и в часовне. В 1862 г. архиепископ Иннокентий (Вениаминов) ходатайствовал о разрешении для священников Камчатской епархии (в состав которой входила тогда Якутская область) венчать браки местных жителей без обязательных троекратного оглашения, составления обысков и письменных разрешений на вступление в брак, при одном поручителя от каждого венчавшегося. Был издан специальный Указ Синода в устанавливающий, что так как «прихожане Камчатской епархии в большинстве своём не могут в точности исполнять правила для вступления в брак, в связи с отдаленностью проживания их

от церкви, то возможно разрешать браки инородцев с соблюдением тех из установленных законом правил, которые будут возможны, учитывая местные условия» (НА РС(Я)).

Помимо этого на заседании Синода, по просьбе епископа Якутского и Вилюйского Макария (Павлова), рассматривался вопрос о возможности совершения обрядов венчания в запрещенные церковью дни, так как иереи северных округов (Верхоянского и Колымского) совершали поездки по приходам один раз в год в зимнее время. Указом Синода в 1905 г. было определено, что священники Якутской епархии в «дни поста... (имеют право совершать браки И.Ю)... лишь в крайних случаях... и о каждом таком случае доводить до сведения епархиального архиерея с объяснением обстоятельств» (НА РС(Я)).

Исследователи отмечают, что «у якутов нельзя искать однообразных правил брака и одинаковых юридических последствий брака.... В тех местах ... которые находятся под постоянным влиянием русской жизни, нельзя уже встретить обычаев прямо несогласных с духом православной церкви» (Павлинов, 1929: 49-57). В то же время, и началу XX в., в основе заключения якутского брака нахотся, прежде всего, экономический интерес, состоящий в выплате калыма, выдаче приданого и обязанности их возвращения в случае расторжения брака. Параллельно с православным обрядом венчания присутствовали и традиционные формы брака - брак по сватовству, брак с отработкой калыма, брак с похищением невесты, когда «сговор» на венчание происходил в младенческом возрасте будущих молодоженов (Борисов, 2002: 68, 93).

В документах духовного ведомства Якутии отмечалось, что родители нередко прибавляют к возрасту вступающих в брак «от 1 до 4 лет и таким образом приводят к венцу невест 12 и 13 лет, а женихов 15 и 16 лет, а требовать от них метрические свидетельства совершенно невозможно из-за отдаленности церквей от места жительства большей части якутов и трудности переездов» (НА РС(Я)). Принятой консисторией постановление об обязательном предоставлении сведений приходским о возрасте вступающих в брак и о возможности родства между ними, не являлось гарантией соблюдения норм бракосочетания, так как имелись случаи предоставления поддельных документов. Консисторией рассматривались дела возбужденные по факту венчания несовершеннолетних. На вступивших в заведомо противозаконный брак не распространялся срок давности и, после признания его незаконности и недействительности, в метрической книге делалась соответствующая отметка.

В 1881 г. было возбуждено дело священника С. Попова о незаконном венчании жителя Батурусского улуса И. Евграфова (18-ти лет) с девицей М. Петровой (15-ти лет). Решением духовного суда Попову было запрещено священнослужительство (НА РС(Я)).

Традиционно придерживаясь взгляда на единобрачие, Русская православная церковь, не могла не учитывать реалии жизни. Разрешалось расторгать брак в случаях, если один из супругов приговаривался к наказанию, связанному с лишением всех сословных прав; в связи с физиологической неспособностью одного из супругов к супружеской жизни, супружеской изменой (прелюбодеянием), в случае безвестного отсутствия одного из супругов (в течение 5 лет), а также в связи со смертью одного из супругов (ПЗС РИ, 1886: 131-154). Процедура расторжения брака была сложной и, с учетом, расстояний между населенными пунктами в Якутии, долговременной. Иски о разводе начинались с подачи заявления и оплаты гербового сбора, затем следовало обязательное. Проводимое по поручению консистории благочинным или приходским священником, «увещание супругам, чтобы они прекратили несогласие христианским примирением и оставались в брачном союзе» и только после начиналось производство судебного дела (ПЗС РИ, 1886: 142).

Специфика проживания в Якутии вызывала дополнительные трудности и при рассмотрении бракоразводных дел. Истец обязан был присутствовать при решении дела или уполномочить доверителя, что было проблематично для жителей отдаленных наслегов. Несколько лет безуспешно рассматривалось дело о расторжении брака крестьянина Костромской губернии Ф. Гусакова, так как истец, проживая в Олекминском округе, неоднократно обращался в консисторию, разъясняя причины невозможности прибыть в Якутск, и настаивая на заочном вынесении решения, но итогом стал отказ в разводе, на основании указа Синода (1896 г.) об обязательном присутствии одного из супругов при рассмотрении бракоразводных дел (НА РС(Я)).

За 1886-1914 гг. духовным судом Якутской епархии было расторгнуто 54 брака. Наиболее часто причиной развода являлась супружеская неверность, другими поводами служили отсутствие одного из супругов и ссылка (табл. 1).

Таблица 1. Причины расторжения браков

Год	Причины						
	Вступление в брак без расторжения прежнего	Близкое родство	Невозможность супружества (по мед. показаниям)	Супружеская неверность	Отсутствие одного из супругов	Ссылка (кагора) одного из супругов	Всего
1886	-	-	-	-	-	1	1
1880	-	-	1	7	1	-	9
1891	-	-	-	3	-	1	4
1893	-	-	2	2	-	3	7
1896	-	-	-	1	2	1	4
1897	1	-	-	1	-	-	2
1898	-	-	-	1	-	-	2
1900	-	-	-	4	-	-	4
1904	-	-	-	2	2	-	4
1905	-	-	1	2	-	-	3
1906	-	-	-	3	-	1	4
1907	-	-	1	3	-	1	5
1914	-	-	-	2	3	-	5
Всего	1	-	5	31	8	7	54

Источник: Составлена по сведениям приложений «Всепопданейших отчетов обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания» за 1884–1914 гг. СПб., 1884–1916 гг.

Не установлено бракоразводных дел, связанных с близким (кровным) родством супругов. Духовным законодательством империи устанавливалось два вида родства: кровное и духовно. Духовным родством считались отношения между крестной матерью и крестником, крестным отцом и крестницей, служащие препятствием к браку. У якутов кровное родство учитывалось в основном по мужской линии и обычай, в этом случае, был важнее закона. Уважимо было и родство духовное, в северных округах считали, что браки лиц, состоящих в духовном родстве, могут быть причиной несчастья (Юрганова, 2007: 103).

Очевидно, что количество разводов немногочисленно, так как Православная церковь, в лице органов местного духовного управления, старалась сохранить брак и примирить супругов. В случае расторжения брака виновному запрещалось вступать в новый брак, а бракоразводным документом являлась выписка из протокола заседания духовной консистории.

В 1909 г. было начато дело М. Охлопковой по заявлению о возбуждении бракоразводного процесса в связи «с физиологической неспособностью её мужа к семейной жизни». После проведения медицинского освидетельствования члены якутской консистории не сочли доводы истицы убедительными и ей было отказано в расторжении брака. Но Охлопкову не удовлетворило данное решение и она подала апелляцию в Синод, который, истребовав материалы по делу, вынес постановление о разводе. Это первый случай апелляции прихожанки из Якутской епархии в высший орган духовного управления Российской империи (НА РС(Я)).

Епископ Якутский Дионисий (Хитров) с сожалением писал «нельзя не обратить внимание на то, что в последние два-три года стали возникать между якутами во множестве бракоразводные дела, о чем до ...второй половины текущего столетия не было даже и слуху» и отмечал, что ранее взаимные жалобы между супругами чаще всего заканчивались примирением. В 1862 г. якутка П. Борисова подала жалобу на своего супруга и в 1883 г. брак был расторгнут (т.е. потребовался 21 год, что также свидетельствует о долговременности и сложности процедуры развода - !) и «эта чета и открыла путь к расторжению браков между якутами...» (НА РС(Я)).

5. Заключение

Очевидно, что церковное право дореволюционной России имело свой объект регулирования включающий все сферы жизни, прямо или косвенно связанные с интересами церкви. Православная церковь входила в систему управления русского государства и Якутская духовная консистория выступала в качестве одного из звеньев государственного аппарата. В компетенцию консистории входили следствие и вопросы судебной практики, как в отношении и духовных, так и светских лиц и,

в качестве мер наказания, был задействован весь арсенал законодательно установленных норм и правил. Прерогативой Русской церкви являлась кодификация брачного права, причем не только собственно правовые и религиозные, но, в определенной степени, и этические, и физические элементы брака.

К началу XX в. православное население Якутии было осведомлено о своих правах и, в большинстве случаев, конфликтные ситуации жизнедеятельности причтов регулировалось путем обращения к гражданским или духовным властям, при взаимодействии последних. Анализ судебных дел Якутской епархии предоставляет возможность установить, что самым распространенным обвинением духовенства епархии было венчание несовершеннолетних. Выявлены, сделанные на государственном уровне, исключения из общих правил в отношении судопроизводства и брачного права Якутской епархии с учетом специфики проживания в условиях крайнего Севера и, очевидно, что власть, понимая трудности служения в Якутской области, оказывала поддержку духовенству. Установлено, что в связи с введением в Якутии духовного судопроизводства, базирующееся на обычном праве, семейное право якутов начинает уступать свои позиции христианской православной морали, проводником которой выступала Якутская епархия Русской православной церкви.

В Якутии сложилось этноконфессиональное понимание семейного законодательства, когда при обязательном церковном освящении брака, сохранялось понятие о браке как об имущественной сделке но, безусловно, что местное население воспринимало нормы и обычаи православия не только через христианские обряды, но и через духовный суд, регулирующий семейно-брачные отношения и осуществлявший интеграцию отдаленной Якутии в общеимперское духовное судопроизводство.

Литература

- Барашкова и др., 2007 - Барашкова А.И., Горохова В.В., Каженкина И.Н. и др. Национальный архив Саха (Якутия): путеводитель. Часть 1. - Якутск, 2007. 216 с.
- ПСЗ РИ, 1886 - Полное собрание законов Российской империи. Собр.3 Т.III. - СПб., 1886. № 1495. Устав духовных консисторий. С.131-154.
- Соколов, 1851 - Епископ Иоанн (Соколов). Опыт курса церковного законовещения. - СПб., 1851. 490 с.
- Альбов, 1882 - Альбов М.П. Краткий курс лекций по церковному праву. - СПб., 1882. 378 с.
- Богословский, 1885 - Богословский М.И. Курс общего церковного права. - М., 1885. 345 с.
- Кузнецов, 1906 - Кузнецов Н.Д. Преобразования в русской церкви. - М., 1906. 164 с.
- Красножен, 1907 - Красножен М.Е. Церковное право. - Юрьев, 1907. 157 с.
- Дорская, 2007 - Дорская А.А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. - СПб., 2007. 158 с.
- Троицкий, 1933 - Троицкий С.В. Христианская философия брака. - Париж, 1933. 127 с.
- Клибанов и др., 1989 - Русское православие: вехи истории/ науч.ред. А.И. Клибанов. - М., 1989. 719 с.
- Цыпин, 2009 - Цыпин В., пр. Каноническое право. - М., 2009. 864 с.
- Белякова, 2004 - Белякова Е.В. Поместный Собор 1917-1918 гг. и предсоборный период. Церковный суд и проблемы церковной жизни. Серия: Церковные реформы. - М., 2004. 664 с.
- Антокольская, 1999 - Антокольская М.В. Семейное право. Учебник. - М., 1999. 335 с.
- Семенова, 2000 - Семенова А.И. Семейное право. - М., 2000. С. 13-15.
- Матвеева, 2014 - Матвеева Е.С. Церковное судопроизводство Орловской губернии во вт. пол. XIX – нач. XX вв.- Орел, 2014. 212 с.
- Приклонский, 1898 - Приклонский В.Л. Летопись Якутского края. - Красноярск, 1898. 226 с.
- Павлинов и др., 1929 - Павлинов Д.М., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Т. IV. - Л., 1929. С. XXVIII- XXIX.
- Серошевский, 1993 - Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. - М., 1993. 1200 с.
- Борисов, 2002 - Борисов А.А. Якутское общество и обычное право в XVII - нач. XX вв. - М., 2002. 128 с.
- ГАИО - Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 45. Дело об открытии в Якутской области особой епархии. 1865-1866 гг. Л. 4 - 5.
- Юрганова, 2007 - Юрганова И.И. История Якутской епархии. 1870-1919 гг. (деятельность духовной консистории). - Якутск, 2007. 148 с.
- НА РС(Я) - Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф.226-и. Оп. 1. Д. 3890. Ведомость о лицах всякого звания, заключенных в монастырь Якутской епархии на эпитимьи и др. 1913 г. Л. 102.
- НА РС(Я) - НА РС (Я). Ф.226-и. Оп. 2. Д. 3296. Журналы заседаний духовной консистории. 1900 г. Л. 41.
- НА РС(Я) - НА РС (Я). Ф.226-и. Оп.2. Д. 1514. Журналы заседаний духовной консистории. 1870 г. Л. 62.
- НА РС(Я) - НА РС (Я). Ф.226-и. Оп.2. Д.1883. Дело по обвинению священника Ф. Сивцева. 1916-1917 гг. Л.14-30.

- НА РС(Я) - НА РС (Я). Ф.225-и. Оп.1. Д.1925. Указы Святейшего Синода. 1820-1888 гг.
 НА РС(Я) - НА РС (Я). Ф. 226 - и. Оп. 1. Д. 657. Документы духовного правления и консистории. 1865- 1885 гг. Л. 33 - 35.
 НА РС(Я) - НА РС (Я). Ф. 237 - и Оп. 1. Д. 1. Дела поступившие причту Абыйско-Индибирской Спасской церкви. 1911 г. Л. 21.
 НА РС(Я) - НА РС (Я). Ф. 226 - и. Оп. 1. Д. 657. Документы духовного правления и консистории. 1865- 1885 гг. Л. 33 - 35.
 НА РС(Я) - НА РС (Я). Ф. 226 - и. Оп. 1. Д. 657. Документы духовного правления и консистории. 1865- 1885 гг. Л. 84.
 НА РС(Я) - НА РС (Я). Ф.226-и. Оп.1. Д.2105. Прощение крестьянина Ф. Гусакова о расторжении брака. 1897 г. Л.1-7.
 НА РС(Я) - НА РС (Я). Ф. 226 - и. Оп. 1. Д. 3572. Протоколы Якутской духовной консистории. 1909 г.; Д. 3665. Журналы заседаний Якутской духовной консистории. 1910 г. Л. 25 - 28, 495 - 496.
 РГАИ - Российский государственный исторический архив (РГИА) . Ф. 796. Оп. 442. Д. 1010. Отчет о состоянии Якутской епархии за 1884 г. Л. 479 (об.).

References

- Barashkova i dr., 2007 - Barashkova A.I., Gorokhova V.V., Kazhenkina I.N. i dr. National Archives of Sakha (Yakutia): the guide. [National Archives of Sakha (Yakutia): the guide]. Vol.1, Yakutsk, 2007, pp.164-182 [in Russian].
- PSZ RI, 1886 - Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Works.3 Vol.III. St. Petersburg. 1886, Nr 1495. Ustav dukhovnykh konsistorii [The Charter of spiritual consistories], pp.131-154 [in Russian].
- Sokolov, 1851 - Episkop Ioann (Sokolov). Opyt kursa tserkovnogo zakonovedeniya [The experience of the course of church jurisprudence]. St. Petersburg, 1851, 490 p. [in Russian].
- Al'bov, 1882 - Al'bov M.P. Kratkii kurs lektzii po tserkovnomu pravu [A short course of lectures on canon law]. St. Petersburg, 1882, 378 p. [in Russian].
- Bogoslovskii, 1885 - Bogoslovskii M.I. Kurs obshchego tserkovnogo prava [Course general church law]. Moskow, 1885, 345 p. [in Russian].
- Kuznetsov, 1906 - Kuznetsov N.D. Preobrazovaniya v russkoi tserkvi [Transformations in the Russian Church]. Moskow, 1906, 164 p. [in Russian].
- Krasnozhen, 1907 - Krasnozhen M.E. Tserkovnoe pravo [Canon law]. Yur'ev, 1907, 157 p. [in Russian].
- Dorskaya, 2007 - Dorskaya A.A. Vliyanie tserkovno-pravovykh norm na razvitie otraslei rossiiskogo prava [Influence of church and legal standards in the development of branches of Russian law.]. St. Petersburg, 2007, 158 p. [in Russian].
- Troitskii, 1933 - Troitskii S.V. Khristianskaya filosofiya braka [Christian philosophy of marriage]. Paris, 1933, 127 p. [in France].
- Klibanov i dr., 1989 - Russkoe pravoslavie: vekhi istorii [Russian Orthodoxy: milestones] nauch.red. A.I. Klibanov. Moskow, 1989, 719 p. [in Russian].
- Tsylin, 2009 - Tsylin V., pr. Kanonicheskoe pravo [Canon Law]. Moskow, 2009, 864 p. [in Russian].
- Belyakova, 2004 - Belyakova E.V. Pomestnyi Sobor 1917-1918 gg. i predsobornyi period. Tserkovnyi sud i problemy tserkovnoi zhizni. Seriya: Tserkovnye reform [The Local Council of 1917-1918. and the pre-election period. Ecclesiastical Court and the problems of church life. Series: The Church reforms]. Moskow, 2004, 664 p. [in Russian].
- Antokol'skaya, 1999 - Antokol'skaya M.V. Semeinoe pravo. Uchebnik [Family Law. Tutorial]. Moskow, 1999, 335 p. [in Russian].
- Semenova, 2000 - Semenova A.I. Semeinoe pravo [Family Law.]. Moskow, 2000, 216 p. [in Russian].
- Matveeva, 2014 - Matveeva E.S. Tserkovnoe sudoproizvodstvo Orlovskoi gubernii vo vt. pol. XIX - nach. KhKh vv.x [Church trial Oryol province in wats. floor. XIX - beg. XX centuries]. Orel, 2014, 212 p. [in Russian].
- Priklonskii, 1898 - Priklonskii V.L. Letopis' Yakutskogo kraja [Annals of the Yakutsk region]. Krasnoyarsk, 1898, 226 p. [in Russian].
- Pavlinov i dr., 1929 - Pavlinov D.M., Vitashevskii N.A., Levental' L.G. Materialy po obychnomu pravu i obshchestvennomu bytu yakutov [Materials on customary law and public life of the Yakuts]. Vol. IV. Leningrad, 1929, pp. C.XXVIII- XXIX. [in Russian].
- Seroshevskii, 1993 - Seroshevskii V.L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [Yakutia. The experience of ethnographic research]. Moskow, 1993, 1200 p. [in Russian].
- Borisov, 2002 - Borisov A.A. Yakutskoe obshchestvo i obychnoe pravo v XVII - nach.XX vv. [Yakut society and customary law in XVII - nach.XX centuries]. Moskow, 2002, 128 p. [in Russian].
- GAIO - Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO) [State Archives of the Irkutsk region]. F. 24. Op. 9. D. 45 [F. 24. Inv. 9. B. 45. S. 4-5]. Delo ob otkrytii v Yakutskoi oblasti osoboii eparkhii. 1865-1866 gg. [The thing about the opening of a special area in the Yakut diocese]. P. 4 - 5.

Yurganova, 2007 – Yurganova I.I. Istoriya Yakutskoi eparkhii. 1870-1919 gg. (deyatel'nost' dukhovnoi konsistorii) [History of the Yakut diocese. 1870-1919 years. (activities Spiritual Consistory)]. Yakutsk, 2007, 148 p. [in Russian].

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.226-i. Op. 1. D. 3890 [F. 226-i. Inv. 1. B. 3890. S. 102]. Vedomost' o litsakh vsyakogo zvaniya zaklyuchennykh v monastyr' Yakutskoi eparkhii na epitim'i i dr. 1913 g. [Statement of persons of all ranks of prisoners in the monastery in the diocese of Yakutsk penance and others. 1913]. P. 102.

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.226-i. Op. 2. D. 3296 [F. 226-i. Inv. 2. B. 3296]. Zhurnaly zasedanii dukhovnoi konsistorii. 1900 g. [The minutes of the spiritual consistory. 1900]. P.41.

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.226-i. Op. 2. D. 1514 [F. 226-i. Inv. 2. B. 1514]. Zhurnaly zasedanii dukhovnoi konsistorii. 1870 g. [The minutes of the spiritual consistory. 1870]. P.62.

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.226-i. Op. 2. D. 1883 [F. 226-i. Inv. 2. B. 1883]. Delo po obvineniyu svyashchennika F. Sivtseva. 1916-1917 gg. [The case against the priest f. Sivtseva. 1916-1917 years]. P.14-30.

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.225-i. Op. 1. D. 1925 [F. 225-i. Inv. 1. B. 1925]. Ukazy Svyateishego Sinoda. 1820-1888 gg. [Decrees of the Holy Synod. 1820-1888 years].

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.226-i. Op. 1. D. 657 [F. 226-i. Inv. 1. B. 657]. Dokumenty dukhovnogo pravleniya i konsistorii. 1865- 1885 gg. [The documents of the Board and spiritual consistory. 1865-1885 years].S. 33-35.

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.237-i. Op. 1. D. 1 [F. 237-i. Inv. 1. B.1]. Dela postupivshie prichtu Abyisko-Indigirskoi Spasskoi tserkvi. 1911 g. [Cases received parable Abyisky-Indigirka Saviour Church. 1911]. P.21.

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.226-i. Op. 1. D. 657 [F. 226-i. Inv. 1. B. 657]. Dokumenty dukhovnogo pravleniya i konsistorii. 1865- 1885 gg. [The documents of the Board and spiritual consistory. 1865-1885 years]. P. 33.

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.226-i. Op. 1. D. 657 [F. 226-i. Inv. 1. B. 657]. Dokumenty dukhovnogo pravleniya i konsistorii. 1865- 1885 gg. [The documents of the Board and spiritual consistory. 1865-1885 years]. P.84.

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.226-i. Op. 1. D. 2105 [F. 226-i. Inv. 1. B. 2105]. Proshenie krest'yanina F. Gusakova o rastorzhenii braka [etition peasant f. Ushakov divorce. 1911]. 1897 g. P. 1-7.

NA RS(Ya) - Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya) [The National Archives of the Republic of Sakha]. F.226-i. Op. 1. D. 3572 [F. 226-i. Inv. 1. B. 3572]. Protokoly Yakutskoi dukhovnoi konsistorii. 1909 g [Minutes of the Yakut spiritual consistory. 1909]; D. 3665 [B.3665] Zhurnaly zasedanii yakutskoi dukhovnoi konsistorii. 1910 g. [The minutes of the Yakut spiritual consistory. 1910]. P.25-28, 495-496.

RGAI - Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [The Russian State Historical Archive]. F. 796. Op. 442. D. 1010. [F. 796. Inv. 442. B. 1010. S.479 (traff.)] Otchet o sostoyanii Yakutskoi eparkhii za 1884 g. [The report on the state of the diocese of Yakutsk in 1884]. P.479 (traff.).

УДК 348.58:27-772:008(571.56) "18/19"

Духовное судопроизводство в Якутской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. как фактор межцивилизационного взаимодействия

Инна Игоревна Юрганова ^{a, *}

^a Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Якутск, Российская Федерация

Аннотация. В статье, на основе впервые вводимых в научный оборот исторических источников, рассматривается судебная деятельность Якутской епархии Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. как элемент интеграции православных окраин империи в российскую государственность, так как Якутская духовная консистория, в компетенцию которого входили следствие и вопросы судебной практики в отношении духовных и светских лиц, выступала в качестве одного из звеньев государственного аппарата. Определено, что православное население

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: inna.yurganova@mail.ru (И.И. Юрганова)

области было осведомлено о своих правах, выявлено количество браков и разводов, установлено наиболее характерное для Якутской епархии обвинение приходского духовенства, состоящее в венчании несовершеннолетних, обусловленное традициями семейного права якутов. Выявлены исключения из общих правил, сделанные на общероссийском законодательном уровне, в отношении применения норм брачного права с учетом специфики проживания в условиях крайнего Севера: отдаленности епархии, значительности её территории, климатических условий, трудностей транспортного сообщения и, сделан вывод, что власть, понимая трудности служения, оказывала поддержку якутскому духовенству. Очевидно, что в связи с ведением духовного судопроизводства, обычное право якутов начинает заменяться христианской православной моралью и к началу XX в. в области складывается этноконфессиональное понимание семейного законодательства, когда при обязательном церковном освящении брака, сохранялось понятие о нем как об имущественной сделке и, в целом, местное население воспринимало нормы и обычаи православия не только через христианские обряды, но и через духовный суд, регулирующий семейно-брачные отношения.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовное судопроизводство, духовная консистория, епархиальный суд, духовное брачное право, венчание, эпитимия, епархия, епископ, священник.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 155-165, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(57) "18/19"

Relations between settlers and indigenous population of the Steppe Territory in colonization process during the second half of XIX-th – early XX-th centuries

Michael K. Churkin ^{a, *}, Bakyt S. Tokmurzayev ^a, Almagul A. Sirbayeva ^b

^a Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^b "Sirdariya" University, Zhetysai, Kazakhstan

Abstract

The period of the second half of XIX-th - early XX-th centuries was a time of the Russian sedentism intrusion into the Steppe Territory of Western Siberia, the beginning of the agricultural colonization of the region. Illegal migration practice to Akmola and Semipalatinsk region, intensified in the 1870s, stimulated the production of new imperial strategy of the Steppe Territory development, which resulted in the change of the colonization vector, when its main subject and the actor became the peasantry. As a consequence, the agricultural development area of the steppe regions becomes the scene of collisions between economic and socio-cultural interests of local communities: settlers and indigenous population of the region. The relationships of these groups in the economic and socio-psychological aspects, during the chronological period under study, were the subject of imperial policy aimed at involving autochthonous groups into the empire-wide space.

Keywords: settlers, indigenous population, central and regional authorities, the imperial practices.

1. Введение

Аграрное освоение Степного края Западной Сибири, начавшееся в 1870-х гг., явилось одним из проявлений имперской политики России в отношении восточных окраин страны. В данной связи, неотъемлемой частью имперского проекта колонизации степных областей, можно назвать внедрение практик, направленных на оценку и урегулирование взаимоотношений между переселенцами из европейских губерний России и коренным населением региона, реализуемых в мероприятиях центральной и местной региональной бюрократии.

2. Материалы и методы

Работа основывается на источниках законодательного характера, а также материалов официального делопроизводства, извлечённых из фондов Центрального государственного архива республики Казахстан (ЦГА РК) и Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО), что выразилось в привлечении к исследованию вопроса регулирования взаимоотношений переселенцев и коренного сегмента социума Степного края документов отчётной категории, переписки чиновничества центрального и регионального звеньев управления, нормативно-правовых актов, в разные годы регулировавших поземельные отношения мигрантов и автохтонного населения степных областей Западной Сибири. Включение в исследовательский конструкт названных источников, позволило выявить содержание имперских практик в аспекте инкорпорации различных акторов колонизации в общеимперское пространство.

* Corresponding author

E-mail addresses: proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev), a.sirbayeva@mail.ru (Almagul A. Sirbayeva)

Методологической базой исследования являются научно-исследовательские подходы и практики «новой истории империи», позволившие раскрыть модели взаимодействия центральных и региональных властей по вопросам интеграции локальных сообществ региона в российское социокультурное пространство, а также наработок проекта «новой локальной истории», что дало возможность рассматривать Степной край Западной Сибири в исследуемый временной промежуток в качестве единого коммуникативного поля.

3. Обсуждение

В отечественной и национальной казахстанской историографии, тема взаимоотношений локальных сообществ переселенцев и коренного населения региона, обсуждалась в качестве знакового сюжета империостроительства, что определило постоянное присутствие идеологической составляющей в характеристике социальных, политических и культурных аспектов колонизационного процесса. В работах исследователей второй половины XIX – начала XXI вв. были выявлены социально-экономические условия, обеспечившие продуктивность земледельческого освоения степных пространств, описаны усилия центральной власти по распространению в крае аграрных практик, в масштабах научной полемики установлены последствия эскалации аграрных переселений для коренного населения региона, охарактеризована степень вовлечённости и социальные функции локальных сообществ в колонизационном процессе (Балакшин, 1887: 56; Bassin, 1993: 479; Нурғалиев, 1995: 268; Бекмаханова, 1986: 286; Rieber, 2007: 332; Ремнёв и др., 2013: 248; Чуркин, 2001: 116).

В качестве общего знаменателя в исследовании проблемы, следует отметить признание учёным сообществом факта потенциального присутствия конфликтности между названными группами, располагавшейся в двух плоскостях: экономической, предполагавшей возникновение и эскалацию противоречий по вопросу поземельных отношений между группами, и социально-психологической, что было обусловлено столкновением в колонизируемом регионе представителей различных культурных типов. Последний момент представляется весьма существенным, поскольку перемещение в зоны аграрной колонизации крестьянства во второй половине XIX столетия, осуществлялось уже на фоне осознания империей собственного призвания к преобразованию «пространства, предназначенного для пастбищ, в зоны сельского хозяйства» (Ларюэль, 2004: 123). Для государства и переселенцев колонизация степных пространств за Уралом, разворачивалась в формате уверенности, что эти земли – «лишние» и «бесполезные» для местного населения, а потому могут быть заняты в результате «завоевания» или трудового «освоения», обращены в «общенародное достояние», воспринимаемое в традиционных категориях «божественного» или «царского» дара. В таких условиях крестьянское переселенческое движение достигало в российской общественно-политической мысли высокой степени обобщения и включалось в геополитические конструкции внутреннего обустройства империи (Ремнёв и др., 2013: 248). Таким образом, шёл процесс ментального освоения сибирских территорий, которые в массовом сознании, прежде всего крестьянском, реализующем имперское видение проблемы, воспринимались как земли русские, «наши».

Кроме прочего, как определил М.К. Любавский «...могучее народное движение... заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им» (Любавский, 1996: 474).

4. Результаты

Переходя к вопросу о причинах и содержании конфликтов переселенцев с «инородческим» сегментом населения в плоскости экономической, а также реакции и деятельности властей в этой сфере, необходимо остановиться на вопросе формирования колонизационного фонда в Степном крае.

Очевидно, что до Великой реформы крестьянская колонизация, и, соответственно образование в степных областях Западной Сибири фонда для организации переселенческих хозяйств, не входили в разряд стратегических задач имперской политики России. Только после ликвидации системы крепостных отношений и с возникновением двойственной ситуации – обретением крестьянством возможности выхода в сочетании с расширявшимся малоземельем, вопрос о территориальном рассредоточении избыточной массы крестьянства, приобрёл остроту и значимость.

В 1875 г., после признания Н.Г. Казнаковым в качестве необходимости привлечения к колонизации Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края лиц земледельческого сословия, были предприняты первые шаги к обнаружению удобных для поселения мест и их обмежеванию. В результате подготовительных работ, в Акмолинской области, при почтовых и торговых трактах была отмежевана земля для образования 30 посёлков, в 19 из которых водворилось 4 000 переселенцев (Остафьев, 1897: 151).

«Сбои» и неопределённость в организации переселенческой практики, в начальный период аграрной колонизации степных районов, во многом предопределили взрывоопасность последующих взаимоотношений переселенцев с коренным населением региона. Проблема заключалась в том, что несмотря на запреты и ограничения, которые с точки зрения административной бюрократии были призваны привести в соответствии формируемый колонизационный фонд с реальным

переселенческим движением, заселение Степного края продолжало осуществляться «теньвыми», не фиксируемыми властями мигрантами. Один из исследователей переселенческого движения в Сибирь, А. Омельченко, писал: «Наше переселение носит какой-то вулканический характер: то Курская губерния выбросит из себя тысячи человек, то Вятка и Пермь, посылая сначала тысячи в Сибирь, через год не могут выделить нескольких десятков» (Чуркин, 2006: 199).

Так, в Акмолинской области, переселенческая масса в 1870–1880-х гг. стала активно оседать на киргизских землях в качестве арендаторов, основывая здесь посёлки «невзирая на протесты киргизских обществ» (Остафьев, 1897: 151). В 1884 г. администрацией были обнаружены переселенческие деревни «Явленная» и «Кундук» в 50 дворов, образовавшиеся на киргизских землях Акмолинской области вопреки воле правительства (Остафьев, 1897: 151).

В менявшихся условиях экономической жизни Сибири, происходили и определённые трансформации в организации переселенческого дела. В данной связи, на основании Высочайше утвержденного 22 апреля 1885 года мнения Государственного Совета, при Западно-Сибирском Управлении государственными имуществами был мобилизован особый отряд чинов по образованию из казенных земель Западной Сибири переселенческих участков (Азиатская Россия, 1914: 638). В период с 1885 года по 1893 гг. переселенческим отрядом на территории Степного края было образовано 28 участков площадью в 284 843 десятины земли, из которых 251 779 дес. в границах Акмолинской области; 33 064 – в пределах области Семипалатинской (Шиловский, 2006: 112).

Со строительством Сибирской железной дороги и учреждением Комитета Сибирской железной дороги в 1892 г. происходит очередная рекогносцировка, прямо коснувшаяся переселенческой практики и заготовки колонизационного фонда. Так, проводимые в Степном крае землеотводные работы, стали учитывать вероятность заселения этих местностей самовольными переселенцами. До учреждения КСЖД, на землеотводные работы и водворение переселенцев, начиная с 1885 года, отпускалось всего 40 000 рублей в год; КСЖД, уже в первый год своего существования отпустил на заготовление переселенческих участков 229 550 рублей (Бекмаханова, 1986: 94). С организацией Переселенческого управления все работы по образованию переселенческого земельного фонда были сосредоточены в его районных отделениях.

В конце XIX – начале XX в.в. на территории Степного края было организованы 5 переселенческих районов со своими переселенческими партиями: для северных уездов Акмолинской области в 1863 г., для южных – в 1896 г.; для Тургайской области – в 1896 г.; для Семипалатинской – в 1900 г.; для Уральской – в 1904 г. и для Семиреченской – в 1905 г. По статистическим и исследовательским данным, только за период с 1870 по 1896 гг. на территорию степных областей переселилось 416 270 крестьян, разместившихся по преимуществу на лучших плодородных землях Степного края, и в первую очередь Акмолинской области (Бекмаханова, 1986: 94). К 1896 г. в восьми уездах Акмолинской и Семипалатинской областей было образовано 43 волости, а в пользовании русского населения находилось 1,4 миллиона десятин земли (Сулейменов и др., 1981: 138). Кроме того, крестьяне-переселенцы арендовали у коренного населения более 88 тысяч десятин земли (Сулейменов и др., 1981: 138). Симптоматично, что в оценке предварительных результатов формирования колонизационного фонда в Степном крае, редкое единодушие проявляли представители российской и национальной элит. Т.И. Седельников, характеризуя обстоятельства организации и деятельности заготовительных партий, констатировал: «Каждая партия организовывалась второпях, на ходу, из разнородных и часто совершенно не пригодных к делу элементов. На ходу же выработывались всякие «инструкции», так как, кроме оклада содержания, никто из состава партии на первых порах не знал ничего определенного относительно своей предстоящей деятельности» (Седельников, 1907: 79). Букейханов А.Н., описывая методики работы по отводу земель в переселенческий фонд, отмечал: «производители работ замышляют в участки наиболее ценные для скотоводства угодья: покосы, зимние пастбища, пашни, лучшие водопои, оставляя киргизам камни, пески, солонцы, болота, безводные степи...» (Нургалиев, 1995: 250-251).

В порядке комментария, необходимо отметить, что амбиции русских поселенцев, на рубеже XIX – XX вв. лишь отчасти амортизировались патерналистскими действиями центральных и региональных властей, когда последние более упорядоченно относились к земельным экспроприациям, проводя изъятие земель не у оседлых, а у кочевых «инородцев», выплачивая им соответствующую компенсацию. Так, сведения об образовании переселенческого участка Тахта-Куль в 1898 г. содержат следующую информацию: «За вошедшие в площадь участка зимовые стойбища киргизов... – выдать владельцам денежное вознаграждение, согласно оценочному акту... в сумме 445 рублей» (ГИАОО, Ф.355. Оп.1. Д.3. Л.5.). Однако, очевидно, что такие действия властей носили, как правило, выборочный или спорадический характер.

Вопрос о качестве земель, в продолжение второй половины XIX – начала XX вв., отводимых в переселенческий фонд, решался, как правило, по прецеденту, когда межуемые земли дифференцировали по признаку: «удобные» и «неудобные». В соответствии с «Инструкцией для межевых работ, производимых в целях заготовления переселенческих и запасных участков и др.» от 5 мая 1903 года в категорию «удобных» угодий были включены: «удобные в сельскохозяйственном отношении земли, к которым относятся: земли удобные для пашни, сенокосы и земли удобные только для пастбищ, леса и кустарники и, наконец, усадебные и приусадебные места». В категорию

неудобных: солонец, камень и каменистые места, песок, глина, кладбища и казахские могилы, овраги, рытвины, обрывы, болота, щелеватости, расположенные под водой, дороги (караванные, кочевые, скотопробойные и пр.), доли от площадей, отнесенных к пастбищным угодьям, улицы, проулки и площади (ЦГА РК, Ф. И-19. Оп. 1, Д. 2. Л. 9-9 об.).

Таким образом, включение в понятие «удобные» земли участков, годных для хлебопашества и сенокоса, автоматически лишало «инородцев» возможности их использования, что соответствовало имперскому принципу важности этих земель для переселенцев.

Процесс формирования системы взаимоотношений между русской переселенческой деревней и «инородческими» аулами в Степном крае, отличался сложностью и многообразием. Контакты, главными субъектами которых выступало крестьянство Европейской России, приносившее в регион сложившиеся модели организации жизни и стереотипы экономического поведения, с одной стороны, и представители коренного населения – носители кочевнического культурного типа – с другой, выстраивались с учётом конкретной ситуации: земельного фонда, соотношения численности групп, активности административной бюрократии.

Соотношение и взаимодействие названных факторов, определяли степень экономического и социокультурного успеха локальных групп в регионе, а также модели взаимоотношений между ними – от взаимовыгодных, до конфликтных. Совершенно очевидно, что интенсивность контактов и длительность совместного проживания, накладывали отпечаток на формировавшиеся способы и модели ведения хозяйства переселенцами и «инородцами» края, способствовали эволюции образа жизни и хозяйственно-экономических отношений.

Системообразующим фактором, послужившим импульсом к формированию основ взаимоотношений исследуемых групп, следует назвать относительную давность русских земледельческих практик в регионе.

В период с 1870 по 1894 гг. главными земледельцами были казаки, так как посев разного рода хлебов составлял у них 98 % общего посева, тогда как у автохтонов оно составляло всего 2%, у крестьян и прочего населения около 9 % (Обзор Акмолинской области, 1915: 39).

В начале 1890-х годов положение начинает постепенно меняться. Так, в 1894 году казачьи посевы достигли 54,5% от общего посевного объёма в крае, мещан 12,4, крестьян 21,8 и инородцев 11,3 (Обзор Акмолинской области, 1915: 39).

Распространение земледелия среди кочевого населения происходило по нескольким основаниям и имело неоднозначные последствия. По утверждению Г.Н. Потанина «хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для земледелия, но все же, нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия; большая часть территории бесплодна, но нет почти местности, где бы ни нашлось оазиса для пашен, и удобных хлебопахотных мест легко хватит для всего нынешнего населения степи. Что киргизский народ не предназначен исключительно к пастушеской культуре, это видно уже и из того, что он сам, без внешних побуждений, взялся за силу и с успехом упражняется в возделывании земли во многих отдельных местностях (Потанин, 1861: 2).

Факты производственного сотрудничества крестьян-переселенцев с «инородцами», переходившими к оседлому образу жизни, приводятся в материалах экспедиции Ф.А. Щербина: «Так делал крестьянин, это мы узнали от крестьянина, так водится у крестьян и прочее - постоянно слышалось от киргиз...» (Материалы по киргизскому землепользованию, 1902: 135).

Более сдержанная и реалистичная позиция относительно роли и значения хлебопашества в среде коренного населения, была представлена в размышлениях земского чиновника и статистика А.А.Кауфман: «...для северных степей влияние крестьянской колонизации представляется собой факт... Наплыв переселенцев-арендаторов, давая киргизам возможность освоить земледельческие навыки, вместе с тем оказывает на них деморализующее влияние: зачем в самом деле пахать киргизу пашню, когда он может получить готовую пашню, хлеб, деньги от арендаторов-испольщиков?» (Кауфман, 1905: 79).

Действительно, в условиях отсутствия прав на свободное пользование землей, крестьяне обращались к практике аренды. Не обладая значительными денежными средствами, крестьяне чаще всего прибегали к испольщине, при которой земля и орудия обработки – сохи, бороны, рабочий скот – обыкновенно принадлежали хозяину – «инородцу», а крестьянину переселенцу – навык в использовании этих орудий. Данная форма аренды была привлекательна для автохтонов, так как не требовала значительных затрат и расходов, кроме издержек на покупку сохи и бороны. Что же касается рабочего скота, то кочевое хозяйство в этой сфере исторически не испытывало дефицита (ЦГА РК, Ф.369. Оп.1., Кн.1, Д.1038. Л.23).

Важно отметить, что успешная хозяйственная деятельность переселенцев, испытывавших серьёзный недостаток в финансовых средствах, носила во многом случайный характер и достигалась посредством элементарных навыков предприимчивости. По свидетельству М.А. Терентьева: «...Весной вся степь в зелени и цветах, переселенцы усердно занялись кошением и наматали кругом своих становищ множество стогов сена. К зиме нарыли землянок, засели и ждут... У киргизов, такой моды косить траву нет, а зима подошла снежная, тебеневки невозможны... вот и являются они к русским покупать сено, денег нет — меняют на скот. За зиму у переселенцев набралось огромное

количество скота — сразу они разбогатели!» (Материалы по киргизскому землепользованию, 1902: 152).

В сложившейся ситуации нестабильности, часто возникали прецеденты, когда автохтоны выступали в качестве кредиторов переселенцев и даже доводили их до определенной зависимости. Так в рапорте Петропавловского Уездного начальника сообщалось: «Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что киргиз Средней волости Байгаска Сандыбаев пользуясь просьбой крестьян селения Всесвятского по непомерно высокой цене и дает деньги под большие проценты. Доказать это обстоятельство путем дознания весьма трудно и потому не представляется возможным привлечь Сандыбаева к соответствующей законной ответственности» (ЦГА РК. Ф.369. Оп.1., Кн.2., Д.3806. Л.3).

Увеличение в структуре населения доли крестьян-переселенцев и рост производства товарного зерна в обстоятельствах отсутствия развитой инфраструктуры (наличие судоходных рек, железных и благоустроенных грунтовых дорог, небольшая емкость внутреннего рынка хлебопродуктов и удаленность от внешних рынков сбыта) привели к тому, что очень быстро потребности в хлебопродуктах на местном уровне были полностью удовлетворены.

По оценкам специалистов, например, Акмолинского уездного начальника А.И. Троицкого, хлебный кризис начал проявляться уже с середины 1890-х гг., когда некоторые крестьяне, имея хлеб, но, не имея возможности его продать, попадали в черные списки: за ними числились большие суммы недоимок по платежам налогов и податей. Тогда самые предприимчивые из них, используя опыт кочевников-скотоводов, стали закупать или выменивать на хлеб молодняк, откармливать его и продавать на Константиновской ярмарке, получая за это наличные деньги.

Таким образом, медленно, но верно разрушалась системность кочевого хозяйства, возникала естественная путаница в кочевых маршрутах, стирались границы родов, провоцируя конфликты, как между отдельными кочевьями, так и между переселенцами и «инородцами» края.

Не прекращавшийся приток в Степной край крестьянского населения, способствовал развитию в среде кочевого населения оригинальной практики распашки своих земель с целью уберечь их от перечисления в колонизационный фонд. О существовании прямой корреляции между появлением переселенцев и увеличением вынужденной распашки, свидетельствуют следующие данные: если в 1892 году в Омском уезде не было ни одного крестьянского поселения и земледелием занимались 29 представителей коренного населения, которыми было посеяно 43 четверти ярового хлеба и 12 четвертей овса, то уже в 1897 году было образовано 25 крестьянских селений при 1 711 семьях и автохтонами уже было засеяно 2 043 пуда яровой пшеницы, 653 – овса, 18 – ярицы (Морозов, 1900: 14).

Подобная ситуация, пусть и принудительно, способствовала развитию земледельческих навыков в «инородческой» среде, однако, отсутствие прав коренного населения на получение ссуд и пособий, зафиксированное законодательно, практически полностью отменяло перспективы земледельческого хозяйства.

Следует отметить, что не только рост переселений являлся стимулом к эскалации конфликтов между локальными группами мигрантов и коренного населения. В.А. Остафьев, например, отмечал невероятную путаницу, сложившуюся в землевладении «инородцев» ещё до начала массовых миграций в Степной край. Представители высшей административной бюрократии столкнулись в регионе с родовым делением волостей, и, признав его неудобным, разделили кочевые владения на волости, что, в конечном счёте, поспособствовало социальному разобщению внутри киргизских родов и значительно стимулировало конфликтность (Остафьев, 1897: 32-33).

Как бы то ни было, на рубеже XIX–XX столетий, конфликты между переселенцами и представителями коренного населения, возникавшие по экономическим поводам, становятся повсеместным явлением.

Одним из распространённых поводов для возникновения конфликта становились потравы, самовольные покосы, и уничтожение призимовочных леса и зимовки.

Проблема, по большому счёту, заключалась в несовпадении представлений крестьян и «инородцев» о границах: автохтоны признавали лишь естественные границы земли: хребты гор, луга, реки, озера, увалы, долины-водостоки. Крестьяне же, считая за предел владения вспаханную борозду, отказывались понимать своих соседей. На этой почве обычно и возникали столкновения, начинавшиеся с перехода казахского скота через межу крестьянского надела и его потравы. Так, в постановлении № 96 от 8 ноября 1898 г. Вознесенский станичный суд разобрал жалобу крестьянина-казака поселка Вознесенского Епифантия Любых, который просил взыскать с казахов Утемисова и Курманбаева за потравленный хлеб 30 р. 40 коп. В ходе недолгого разбирательства станичный суд «на основании постановленного акта и свидетельских показаний постановил взыскать с казахов Утемисова и Курманбаева в пользу казака пос. Вознесенского Епифантия Любых в связи с понесенными убытками 25 руб.» (ГИАОО, Ф.67. Оп.2., Д.2042. Л.3).

Говоря о социально-психологических аспектах взаимоотношений переселенцев с «инородцами» Степного края, необходимо обратить внимание на то, что конфликты между локальными группами региона, во многом инспирировались имперскими установлениями, на фоне которых культурные антинормы проявлялись наиболее рельефно.

Уже в стартовый период аграрной колонизации края, устами представителей высшей региональной административной бюрократии, были озвучены базовые подходы к устройству в Степном крае коренного населения, в основе которых лежали патерналистские установления. Во Всеподданнейшем отчете Военного губернатора Акмолинской области за 1876 год, прямо говорилось: «Осторожное водворение русских в означенной местности, с течением времени уравнило бы преобладающий в ней киргизско-мусульманский элемент, и не только не вызывало бы ни какого кризиса в пастушьем быту киргизов, напротив послужило бы по мнению моему к их же обеспечению в экономическом отношении усиливая производство в степях и способствуя развитию торгового движения, но, что бы русские поселения действительно возникали сообразно объясненной цели, необходимо размещать их в обдуманном систематическом порядке, ...этот порядок мог бы заключаться в том, чтобы в начале, поселения состояли из небольшого числа дворов и располагались бы на расстоянии нескольких десятков верст один от другого, устанавливая сообщения между степными городами... При таком порядке заселения степей постепенно образовались бы земледельческие полосы, которые разделяли бы собою сплошное киргизское кочевое хозяйство на отдельные пространства...» (ГИАОО, Ф.3. Оп.8. Д.13315. Л.561 -об. 562).

Данная идея, в полной мере укладывалась в контекст уже сформировавшихся в имперском сознании убеждений, озвученных Ф.Г. Тернером о том, что «Россия обладает в своих азиатских владениях свободными землями, на которые могут изливаться избытки сельского населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа...большему сплочению этих стран с Россией» (Кауфман, 1905: 5).

Таким образом, аграрное переселение в Сибирь вообще, и в Степной край, в частности, риторически включалось в идеологию «внутреннего империализма», а на стыке XIX–XX вв. стало рассматриваться задачей первостепенной государственной важности.

В данном отношении, водворение и обустройство крестьян переселенцев в Степном крае, равно как и практические мероприятия чиновничества различных рангов, заметно стимулировались этим миссионерским, в сущности – имперским ощущением.

Симптоматично, что массовое крестьянское монархическое сознание оказалось внутренне подготовлено к поддержанию и трансляции миссионерских установок империи. Несмотря на возникавшие прецеденты запрета или ограничения переселений, большинство крестьян было твёрдо убеждено в том, что за их спинами стоит именно царская власть, а они реализуют царскую волю. В том случае, когда переселение не было санкционировано правительством, самовольные мигранты, по прибытию в Сибирь, были уверены в своей правоте, требуя от властей вспомоществований в обустройстве: «Мы царские и земля царская... Мы явились..., и, следовательно, имеем право селиться» (ЦГА РК, Ф. 369. Оп.1. Д.4591. Л.30).

Используя прагматичную философию крестьянства, власти, стремились не только к экономическому освоению новых территорий, но и присвоению таковых, прикреплению их к государственному ядру. Характерно, что в начале XX в., когда переселенческое движение приобретает повсеместный характер, идея «присвоения» включается в программные установки правых партий: «Переселенец делает пользу не только себе и своей семье, но и всему русскому государству. Переселяясь в Сибирь, он увеличивает ее русское население и тем самым закрепляет Сибирь за Россией, усиливает и укрепляет оплот против желтого нашествия» (Ухтубужский, 1913: 11).

Миссионерский апломб в отношении Степного края, точно зафиксировал в своей статье С. Пономарёв: «Невольно чувствуется близкое падение обособленности края; невольно прислушиваешься к родному великорусскому говору; невольно идешь в эту шумящую на разные лады толпу и видишь ликующие физиономии с печатью изумления пред веками нетронутыми полями, роскошной и сочной растительностью, перед тучными и обильными лугами, перед колосающей высокой, рослой и наливной пшеницей» (Пономарёв, 1884: 141). Исследователи взаимоотношений русского и «иностранного» населения Степного края верно отмечали: «Переселенческая масса смотрит на вольные киргизские земли как на свою собственность, омытую кровью дедов, а потому немудрено, что новосёлы относятся к киргизам как к пасынкам» (Чуркин, 2000: 23)

Имперские черты сознания, носителями которых на степных окраинах страны выступали крестьяне-переселенцы, в отдельных эпизодах, приобретали агрессивные формы. Так, даже представители местной администрации, сориентированные центром на оказание содействия переселенческому движению, признавали, что прибывшие из России крестьяне настроены в духе насильственных захватов. В рапорте Петропавловского уездного начальника Акмолинскому губернатору отмечалось: «прибывшие из России крестьяне настроены вообще в духе насильственных земельных захватов, к этому следует отнести полное незнание киргизов, иного скотоводческого хозяйства, бытовых а также исторических условий жизни и современного поземельного устройства. В силу изложенных причин на сходах раздавались речи, что земля, занимаемая киргизами – есть казенная, и при этом свободная, так как на огромных пространствах не встречается поселков, аулов или отдельных хуторов, что вся казенная земля должна поступить в пользование крестьян, и что об этом им объявлялось в России. Некоторые лица, особенно из числа запасных солдат, не стесняясь, высказывали, что киргизы собаки, и что их следует потеснить» (ЦГА РК, Ф. 369. Оп.1., Кн.1, Д.952. Л.18 об.). Последний аргумент представлялся переселенцам вполне законным, поскольку

освобождение коренных народов от воинской повинности становилось основанием для утеснения их в земельных правах.

Примечательно, что если в локальных конфликтах, разворачивавшихся в ходе аграрной колонизации Степного края, переселенцы руководствовались миссионерскими, основанными на «монархических» убеждениях, доводами, то представители коренного населения, апеллировали своими историческими правами, которые базировались на «официальных грамотах», потерявших юридическую силу, но обосновывавших законность их проживания и кочевания.

В данной ситуации, возникал уже не конфликт интересов, а конфликт культур и стереотипов поведения. Крестьянам казались дикими протесты кочевников – стеснения в землепользовании, они считали странным жалобы номадов – «пасти скот негде», когда везде была «безбрежная степь».

Значимым фактором, оказавшим влияние на конфликтный характер взаимоотношений конкурирующих локальных групп в регионе, следует назвать характер и подходы к организации переселенцами хозяйственной деятельности в регионе. А.А. Кауфман, полемизируя с корреспондентами «Русского вестника» о причинах подвижности российского крестьянства, полагал, что причина таковой заключалась не только в традиционном малоземелье, но и способе земледелия, при котором экстенсивные формы хлебопашества, исторически становились неотъемлемой практикой в крестьянском производстве. Данные практики транслировались и в новых обстоятельствах жизни в условиях Степного края, где «киргизская степь с её лёгкой и дешёвой арендой, создаёт благоприятную среду для азартного и спекулятивного хозяйства» (Кауфман, 1905: 334). Далее, А.А. Кауфман резюмировал: «На почве лёгкой... создаётся особый тип переселенца, который вовсе не думает о прочной оседлости, следовательно, не имеет надобности заботиться о земле. Когда истощится надел, он будет арендовать киргизскую землю, когда истощатся в округе и киргизские земли, - он переселится ещё куда-нибудь» (Кауфман, 1905: 334). В практической плоскости, имперская тональность, с характерным восхищением «отвагой» первопоселенцев и их колонизационной энергией, сочеталась с негативными оценками самовольства, склонности к бродяжничеству, хищничества в отношении природных ресурсов и беспредела в эксплуатации туземного населения.

Имперские власти, столкнувшись в Степном крае с проблемой регулярной конфликтности, пытались предпринимать меры, направленные на предупреждение столкновений между переселенческим и «иностранческим» населением. Однако, эти решения, по сути дела носили паллиативный и не системный характер, растворяясь в общей программе аграрной колонизации, ориентированной на «присвоение» региона и включение его в общеимперское пространство. Так, во Всеподданнейшем отчёте Военного губернатора Акмолинской области, содержались сведения об устройстве в 1875 и 1876 гг. мужских и женских и интернатов для коренного населения края, а также отданных распоряжениях об устройстве в мужских интернатах сельскохозяйственных ферм, на которые киргизские мальчики обучались бы хлебопашеству, огородничеству и разведению лесов. Однако, цель, которую ставили перед собой организаторы, вряд ли могла в полной мере ликвидировать почву для возникновения конфликтных отношений: «...для проведения между киргизами русской цивилизации и сближения их с русскими,... чтобы при помощи этих интернатов проводить в степях понятие о русском сельском хозяйстве (ГИАОО, Ф. 3. Оп 9, Д. 15380. Л. 229-233 об.).

По заключению В.А. Остафьева, опыт учреждения сельскохозяйственных школ и интернатов, не мог быть положительным хотя бы потому, что сами слова «земледелец», «пахарь», в наречии коренных народов имели ярко выраженный негативный оттенок. Поэтому, утверждает В.А. Остафьев, «киргизы, когда начальство предложило добровольно ставить в открытые сельскохозяйственные школы по одному мальчику и одной девочке – отказались наотрез...» (Остафьев, 1897: 55). Ситуация с распространением передовых земледельческих знаний в «иностранческой» среде, осталось неизменной и в начале XX в. Т.И. Тихонов, в докладе о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Степном крае, с горечью констатировал, что девять сельскохозяйственных школ, организованных к 1903 г. в регионе, ни одного киргиза не сделали земледельцем или хорошим хозяином. С точки зрения крестьянского чиновника, русская грамота и русский язык, которым выучились автохтоны в школах, «...создавали в степи более лёгкий труд волостного писаря, который живёт куда лучше бедного джатака-земледельца» (Седельников, 1907: 48).

В целом, общероссийский проект организации сельскохозяйственных школ для переселенцев, тематических аграрных чтений и бесед, в областях Степного края реализовывался не регулярно, а попытки интенсификации крестьянского хозяйства не дали сколько-нибудь серьёзных результатов.

5. Заключение

Таким образом, реализация имперского проекта аграрной колонизации Степного края Западной Сибири, осуществлялась во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях интенсификации переселенческого процесса, что инициировало активное практическое включение административных органов и аппарата чиновников в подготовительные мероприятия по образованию колонизационного фонда. Землеустроительные и межевые работы в регионе имели не только технический характер, но и важное идеологическое содержание. Акцентуация имперских

приоритетов значительно усиливалась в процессе изъятия так называемых «излишних» земель у коренного населения, что свидетельствовало о смене патерналистских принципов, собственнической политикой в отношении организации быта и хозяйственной деятельности автохтонов.

В сложившейся обстановке, крестьянство, невольно оказавшееся в роли своеобразного «представителя» интересов Российской империи в областях Степного края, получило серьёзные материальные и, главным образом, моральные прерогативы при обустройстве и водворении в регионе. С одной стороны, данный процесс способствовал лучшей организации практик вспомоществования переселенцам, являлся фактором примирения радикально настроенной народнической интеллигенции с государством, с другой – инициировал конфликты между мигрантами и «инородцами».

В экономическом отношении, переселенческое движение в Степной край, представляло собой традиционный опыт трансляции русским крестьянством стереотипов хозяйственного поведения с ориентацией на экстенсивные земледельческие практики, что приводило к регулярному воспроизводству поземельных конфликтов с «инородческим» населением региона.

Сближение ареалов проживания и экономической деятельности русских новосёлков с коренными этническими группами края, способствовало переходу конфликтов в социально-психологическую и культурную плоскость, когда и без того напряжённые отношения приобретали формы откровенного противостояния и вражды.

Литература

Азиатская Россия, 1914 - Азиатская Россия: в 3 т. с атласом (полный комплект). СПб.: Издание Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т.1: Люди и порядки за Уралом. VIII, 576, II с.: ил., 69 л.ил., карт. Т. 2: Земля и хозяйство. [4], 638 с.

Балакшин, 1887 - Балакшин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. 56 с.

Bassin, 1993 - Bassin M. Turner, Solov'ev and the «Frontier Hypothesis»: the Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of the Modern History. 1993. N 65. P. 473–511.

Бекмаханова, 1986 - Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. - 1917 г.). М.: Наука, 1986. 94 с.

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Главное управление Западной Сибири. Оп 9, Д. 15380. Л. 229-233 об.

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф.3. Главное управление Западной Сибири. Оп.8. Д.13315. Л.561 -об. 562.

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф.355. Чиновник особых поручений переселенческого управления. Оп.1. Д.3. Л.5.

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф.67. Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска. Оп.2., Д.2042. Л.3.

Кауфман, 1905 - Кауфман А.А. Переселение и колонизация: [С прил.]. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 445 с.

Ларюэль, 2004 - Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: «Ната-лис», 2004. 287 с.

Любавский, 1996 - Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М.: Изд-во Московского университета, 1996. 474 с.

Материалы по киргизскому землепользованию 1902 - Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей / Департамент гос. зем. Имуществ: Акмолинская область, Омский уезд. Омск, 1902. 235 с.

Морозов, 1900 - Морозов А. А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году //Записки ЗСОИРГО. Омск, 1900. Кн. XXVII. 1-25 с.

Нургалиев, 1995 - Букейханов А. Киргизы на совещании Степного генерал-губернатора // Букейханов А. Тандамалы (избранное) / Глав. ред. Р. Нургалиев. А.: «Казак энциклопедиясы», 1995. с.250-251.

Обзор Акмолинской области 1915 - Обзор Акмолинской области. За 1914 год. Омск, 1915. 39 с.

Остафьев, 1897 - Остафьев В. А. Очерк Акмолинской области // Сведения о Сибири. СПб.: Б.м., 1897. 151 с.

Пономарёв, 1884 - Пономарёв С.О. Лето среди переселенцев // Вестник Европы. 1884. Т.5. 141 с.

Потанин, 1861 - Потанин Г. Н. Заметка о хлебопашестве в киргизской степи / Г. Н. Потанин // Газета для сельских хозяев. 1861. № 18. 1 ноября. 2 с.

Rieber, 2007 - Rieber Alfred J. «Colonizing Eurasia», Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. Routledge, 2007. P. 269, 272.

Ремнёв и др., 2013 - Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: монография. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.

Седелников, 1907 - Седелников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. 127 с.

Сулейменов, Басин 1981 - Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: «Наука», 1981. 247 с.

Ухтубужский, 1913 - Ухтубужский П. Русский народ в Азии. I) Переселение в Сибирь. II) Жёлтая опасность / С послесловием В.М.Пуришкевича. СПб.: Типография Товарищества «Свет», 1913. 11 с.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Акмолинское областное правление МВД. Оп.1. Д.4591. Л.30.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Акмолинское областное правление МВД. Оп.1., Кн.1, Д.952. Л.18 об.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. И-19. Заведующий переселенческим делом в Семипалатинском районе главного управления землеустройства и земледелия г. Верного Семиреченской области. Оп. 1, Д. 2. Л. 9-9 об.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.369. Акмолинское областное правление МВД. Оп.1., Кн.2., Д.380б. Л.3.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.369. Акмолинское областное правление МВД. Оп.1., Кн.1, Д.1038. Л.23.

Чуркин, 2000 - Чуркин М.К. Культурный и этнопсихологический аспект взаимоотношений переселенцев из европейских губерний России и инородцев Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Евразийского университета. 2000. № 1. С.21-27.

Чуркин, 2006 - Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

Шиловский, 2006 - Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: Сборник документов / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Издательский дом "Сова", 2006. 135 с.

References

Asian Russia, 1914 - Aziatskaya Rossiya: v 3 t. s atlasom (polnyi komplekt). [Asian Russia: 3 m. With an atlas, (complete set)]. SPb.: Publication of Resettlement Department chief management of land management and agriculture, 1914. Volume 1: People and orders beyond the Urals. VIII, 576, II.: Ill., 69 l.il., maps. T. 2: Land and Agriculture. [4] 638 p. (In Russian)

Balakshin, 1887 - Balakshin N.N. O kirgizakh i voobshche o podvlastnykh Rossii musul'manakh. [About Kirghiz and all Muslims subordinated to Russia]. St Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1887. 56 p. (In Russian)

Bassin, 1993 - Bassin M. Turner, Solov'ev and the «Frontier Hypothesis»: the Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of the Modern History. 1993. N 65. P. 473–511

Bekmakhanov, 1986 - Bekmakhanov N.E. Mnogonatsional'noe naselenie Kazakhstana i Kirgizii v epokhu kapitalizma (60-e gody XIX v. - 1917 g.). [The multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (the 60s of XIX century. - 1917)]. M.: Nauka, 1986. 94 p. (In Russian)

The State Historical Archives of Omsk region (SHAOR). F. 3. Glavnoe upravlenie Zapadnoi Sibiri. [General Administration of Western Siberia]. Op 9, 15380. D. L. 229-233 of. (In Russian)

The State Historical Archives of Omsk region (SHAOR). F. 3. Glavnoe upravlenie Zapadnoi Sibiri. [General Directorate of Western Siberia]. Op.8. D.13315. -About L.561. 562. (In Russian)

The State Historical Archives of Omsk region (SHAOR). F.355. Chinovnik osobykh poruchenii pereselencheskogo upravleniya. [An official for special assignments at Resettlement Administration]. Op.1. E.3. L.5. (In Russian)

The State Historical Archives of Omsk region (SHAOR). F.67. Voiskovoe khozyaistvennoe pravlenie Sibirskogo kazach'ego voiska. [Siberian Cossack Army economic board Cossack army]. Op.2., D.2042. L.3. (In Russian)

Kaufman, 1905 - Kaufman A.A. Pereselenie i kolonizaciya: [S pril.]. [The resettlement and colonization: [With appendix]]. St.Petersburg: Publ. "Obshestvennaya polza", 1905. 445 p. (In Russian)

Laruelle, 2004 - Laruelle M. Ideologiya russkogo evraziizta, ili Mysli o velichii imperii [Ideology of Russian Eurasianism, or Thoughts about the greatness of the empire]. M.: "Nata-lis", 2004. 287 p. (In Russian)

Liubavskii, 1996 - Liubavskii M.K. Obzor istorii russkoi kolonizacii [Review the history of Russian colonization]. M.: Publishing House of Moscow University, 1996, 474 p. (In Russian)

Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu 1902 - Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspedicii po issledovaniyu stepnykh oblastei. [Materials on the Kyrgyz land use 1902 - Materials on the Kyrgyz land use collected and developed by expedition to study the steppe regions] / Department of State Land Possessions: Akmola region, Omsk district. Omsk, 1902. 235 p. (In Russian)

Morozov, 1900 - Morozov A.A. Pereselencheskie poselki Omskogo uezda v 1897 godu. [Resettlement villages Omsk county in 1897] // Notes ZSOIRGO. Omsk, 1900. Kn. XXVII. pp.1-25. (In Russian)

Nurgaliev, 1995 - Bukeikhanov A. Kirgizy na soveshchaniy Stepnogo general-gubernatora. [Kirgiz at a meeting of the Steppe Governor-General A]. // Bukeikhanov Tandamaly (favorites) / Ed. R. Nurgaliev. A.: «Cossack entsiklopediyasy», 1995. pp. 250-251. (In Russian)

Review of the Akmola region 1915 - Obzor Akmolinskoi oblasti. Za 1914 god [Review of the Akmola region. For 1914]. Omsk, 1915. 39 p. (In Russian)

Ostafyev, 1897 - Ostafyev V.A. Ocherk Akmolinskoi oblasti. [Studies of the Akmola region] // Details about Siberia. SPb.: BM, 1897. 151 p. (In Russian)

Ponomarev, 1884 - Ponomarev S.O. Leto sredi pereselencev. [Summer among the settlers] // Herald of Europe. 1884 V.5. 141 p. (In Russian)

Potanin, 1861 - Potanin G.N. Zametka o khlebopashestve v kirgizskoi stepi. [Note on arable farming in the Kirghiz steppe] / G.N.Potanin // Newspaper for farmers. 1861. № 18. November 1st. 2 p. (In Russian)

Rieber, 2007 - Rieber Alfred J. «Colonizing Eurasia», Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. Routledge, 2007. P. 269, 272.

Remnev i dr., 2013 - Remnev A.V. Suvorova N.G. Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i nacional'nye scenariy vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka: monografiya. [The colonization of Asiatic Russia: Imperial and national scenario, the second half of XIX - early XX century: a monograph]. Omsk: Publishing House "Science", 2013. 248 p. (In Russian)

Sedelnikov, 1907 - Sedelnikov T.I. Bor'ba za zemlyu v kirgizskoi stepi (Kirgizskii zemel'nyi vopros i kolonizatsionnaya politika pravitel'stva). [The struggle for land in the Kirghiz steppe (Kyrgyz land issue and the colonization policy of the government)]. SPb.: Publishing after A. Charushnikova and C. Dorovatovskogo, 1907. 127 p. (In Russian)

Suleimenov i dr., 1981 - Suleimenov B.S., Basin V.Y. Kazakhstan v sostave Rossii. [Kazakhstan within Russia]. Alma-Ata: "Science", 1981. 247 p. (In Russian)

Uhtubuzhsky P. Russkii narod v Azii. I) Pereselenie v Sibir'. II) Zheltaya opasnost' / S poslesloviem V.M.Purishkevicha. [Russian people in Asia. I) The relocation to Siberia. II) Yellow danger / With an afterword V.M.Purishkevicha]. SPb.: Printing Partnership "Svet", 1913. 11 p. (In Russian)

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F. 369. Akmolinskoe oblastnoe pravlenie MVD. [Akmola regional board of the Interior Ministry]. Op.1. D.4591. L.30. (In Russian)

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F. 369. Akmolinskoe oblastnoe pravlenie MVD. [Akmola regional board of the Interior Ministry]. Op.1., Book 1, D.952. L.18 on. (In Russian)

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F. I-19. Zaveduyushchii pereselencheskim delom v Semipalatinskoy oblasti glavnoy upravleniya zemleustroystva i zemledeliya g. Vernogo Semirechenskoy oblasti. [Head of colonization affair in the Semipalatinsk region of the main department of agriculture and land management at Vernyi town in Semirechensk region]. Op. 1, 2. D. L. 9-9 vol. (In Russian)

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F.369. Akmolinskoe oblastnoe pravlenie MVD. [Akmola regional board of the Interior Ministry]. Op.1., Kn.2., D.3806. L.3. (In Russian)

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F.369. Akmolinskoe oblastnoe pravlenie MVD. [Akmola regional board of the Interior Ministry]. Op.1., Book 1, D.1038. L.23. (In Russian)

Churkin, 2000 - Churkin M.K. Kulturnyj i etnologiceskij aspekt vzaimootnosenij pereselencev iz evropejskikh gubernij Rossii i inorodcev Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nacale XX vv. // Vestnik Evrazijskogo universiteta. 2000. № 1. pp.21-27.

Churkin, 2006 - Churkin M.K. Pereseleniya krest'yan chernozemnogo centra Evropeiskoi Rossii v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoi mobil'nosti i adaptatsii. [Resettlement of peasants from black earth center of European Russia to Western Siberia in the second half of XIX - early XX centuries.: determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk University OGPU, 2006. 376 p. (In Russian)

Shilovskiy, 2006 - Sibirskie pereseleniya. Vypusk 2. Komitet Sibirskoy zheleznoi dorogi kak organizator pereselenii: Sbornik dokumentov. [Siberian resettlement. 2nd Issue of the Siberian railway as an organizer of migrations: Collection of documents] / Editor. Ed. M.V Shilovskiy. Novosibirsk: Publishing House "Sova", 2006. 135 p. (In Russian)

УДК 94(57) "18/19"

Взаимоотношения переселенцев и коренного населения Степного края в колонизационном процессе второй половины XIX – начала XX вв.

Михаил Константинович Чуркин ^{a, *}, Бакыт Салманович Токмурзаев ^a, Алмагуль Абдиевна Сирбаева ^b

^a Омский государственный педагогический университет, Омск, Российская Федерация

^b Университет "Сырдария", Жетысай, Казахстан

Аннотация. Период второй половины XIX – начала XX вв. стал временем проникновения русской оседлости в Степной край Западной Сибири, началом аграрной колонизации региона. Нелегитимная практика переселений в Акмолинскую и Семипалатинскую области, усилившаяся в 1870-х гг. стимулировала выработку новых имперских стратегий освоения Степного края, что выразилось в смене вектора колонизации, когда главным её субъектом и действующим лицом становится крестьянство. В результате, зона аграрного освоения степных областей, становится ареной столкновения хозяйственно-экономических и социокультурных интересов локальных сообществ: переселенцев и коренного населения края. Взаимоотношения данных групп, в экономическом и социально-психологическом аспектах, в исследуемый хронологический отрезок, являлись предметом имперской политики, направленной на вовлечение автохтонных групп населения в общеимперское пространство.

Ключевые слова: переселенцы, коренное население, центральные и региональные власти, имперские практики.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин),
b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев), a.sirbayeva@mail.ru (А.А. Сирбаева)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 166-172, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Censorship and Printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries

Pavel N. Biriukov^{a, *}, Elena S. Ustinovich^b, Pavel G. Shelengovskiy^b

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with the issues of censorship and printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries. The special attention is given to censorship during the First Russian revolution (1905-1907 years).

Among the materials are the archival documents from the national archives of Georgia, as well as materials of pre-revolutionary periodicals and legislation dedicated to this issue. The scientific publications are important too.

The authors come to the conclusion that in the late of XIX – early XX centuries in the Caucasus, as in the whole of the territory of the Russian Empire, there was a sharp rise of printing and publishing periodicals – magazines. With the growth of revolutionary events there was a need in the institute of censorship to control over the printed word. Especially the role of this institution was high during the First Russian revolution. Despite the small number of states and different problems, the censorship has contributed to the stabilization of the political and crime situation in the territory of the Caucasian viceroyalty.

Keywords: censorship, printing, the Caucasian governorship, the end of XIX – early XX centuries.

1. Введение

Обращение к цензуре было характерно для исторического развития многих цивилизованных обществ, в особенности это касалось территорий, недавно приобретенных или охваченных социальными противоречиями. В составе Российской империи одной из таких территорий был Кавказ. В обязанности специалистов в области цензуры вменялось удержание мнения прессы в пределах, указанных правительственной властью. Исходя из этого цензура делилась на предварительную и карательную. Предварительная цензура вычитывала произведения до их печати, а карательная – после их публикации. При этом карательная цензура подвергала установленным карам авторов, редакторов и издателей за нарушение правил о печати. В России существовали обе эти системы; в Европе в конце XIX века сохранялась только карательная цензура (*Большая энциклопедия, 1904: 706*).

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для подготовки статьи стали архивные документы из Национального архива Грузии, а также материалы дореволюционной периодической печати и законодательные акты, посвященные данному вопросу. Важное значение имеют и научные публикации.

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений

* Corresponding author

E-mail addresses: birukovpn@yandex.ru (P.N. Biriukov), lenausti@mail.ru (E.S. Ustinovich), SHelengovskiy.PG@rea.ru (P.G. Shelengovskiy)

в развитии и контексте исторической обстановки. Эти методологические принципы и подходы были применены при рассмотрении следующих связей: Россия и Первая русская революция, влияние враждебной турецкой агентуры на прессу и оградительное влияние карательной и предварительной цензуры на прессу.

3. Обсуждение

Степень изученности имеет свои характерные особенности.

Так, в дореволюционный период изучением цензуры в печати занимались, в большей степени, специалисты в области права. К таким авторам можно отнести К.К. Арсеньева (Арсеньев, 1903), А.Н. Котовича (Котович, 1909) и др.

В советский период рассмотрение данного вопроса происходило в контексте борьбы самодержавия с революционным движением. В результате такого подхода выводы советских историков были политизированы и не объективны. Примером здесь может послужить работа И.В. Новожиловой (Новожилова, 1971).

В постсоветский период изучение данной темы продолжалось. Из работ по региональной истории периодической печати и цензуры на территории одной из губерний Наместничества Кавказа необходимо назвать работу Л.Г. Поляковой (Polyakova, 2012). Важную роль в оппозиционной печати играл либеральный лагерь России. Влияние этого лагеря на российское общество в период Первой мировой войны рассмотрел Джошуа Санборн (Sanborn, 2007).

4. Результаты

Заведывание делами цензуры и печати в Российской империи с XIX века сосредотачивалась в министерстве внутренних дел, в главном управлении по делам печати под высшим наблюдением министра.

Цензура разделялась на внутреннюю и внешнюю (инострannую). Первая рассматривала произведения словесности, наук и искусств, предназначенных к изданию внутри государства. Вторая позволяла или запрещала продажу книг, повременных изданий, эстампов и т.п., привозимых из-за границы (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.910. Л. 1).

Цензура, согласно Уставу о цензуре и печати 1890, 1905–1906 гг. не допускала нарушение:

- 1) уважения к учению и обрядам христианской церкви;
- 2) неприкосновенности верховной власти;
- 3) уважения к особам царствующего дома;
- 4) непоколебимость основных законов, народную нравственность, честь и личную жизнь каждого;
- 5) вредные учения социализма и коммунизма;
- 6) статьи, в которых возбуждалась неприязнь одного сословия к другому;
- 7) имена лиц из администрации или судебных мест в рассуждениях о недостатках и злоупотреблении данных инстанций;
- 8) в исторических и политических сочинениях оскорблений, как для российского правительства, так и для правительств, состоящих с Россией в дружественных отношениях (ст. 93-113) (Устав..., 1912).

Так, в 1905 г. по распоряжению генерал-губернатора была закрыта газета «Кавказское слово» (На Кавказе, 1906: 12 января). В 1906 г. за вредное направление была приостановлена газета «Баку», но вновь разрешена по просьбе издателя обещавшего переменить направление. Часть сотрудников вышла из состава редакции (На Кавказе, 1906: 22 января). По распоряжению тифлисского генерал-губернатора был конфискован сатирический журнал «Комар». Редактор Давидянц арестован. Типография опечатана (На Кавказе, 1906: 14 сентября). В том же 1906 году в Сочи (Черноморская губерния) начала издаваться и вскоре была закрыта газета «Сочинский курьер» (Полякова и Черкасов, 2006: 26).

В 1907 г. был закрыт грузинский сатирический журнал «Хумари». Редактор, поэт Акакий Церетели, арестован. Но, по просьбе грузинской аристократии, освобожден (На Кавказе, 1907: 2 марта). Газета «Тифлис», вышедшая вместо «Закавказья», также была закрыта, шрифты конфискованы, а редактора выслали за пределы губернии (На Кавказе, 1907: 2 июля).

В 1908 г. новый градоначальник Баку генерал Фольбаум пригласил редакторов всех местных газет и в своей речи сказал им, что для проведения в жизнь реформ 17-го октября необходимо успокоение умов. «Поэтому, - заявил градоначальник, - печать должна осторожно обращаться с фактами, избегая непроверенных, неправильных сообщений. Отвечая этим требованиям, печать всегда найдет во мне сочувствие. Как представитель власти, я стою вне партий, и одинаково буду преследовать правонарушения, откуда бы они не являлись» (На Кавказе, 1908: 6 февраля).

По распоряжению наместника Кавказа графа И.И. Воронцова-Дашкова в 1908 г. был арестован Филиппин, редактор издания «Голос Кавказа». В газете появился ряд статей, направленных против грузин, с обвинением всей нации в убийстве экзарха Никона. Один из номеров газеты был арестован (На Кавказе, 1908: 25 июня).

Были произведены обыски в редакции и типографии грузинской газеты «Дроеба», на квартирах сотрудников и представителей интеллигенции. Арестован редактор «Дроебы» Агаладзе и сотрудники Кавтарадзе, Гелиадзе, Пирцхалава и Мачарашвили. Произведены обыски в дворянском земельном банке (На Кавказе, 1910). Причиной таких действий властей стала повышенная террористическая активность революционных организаций.

Необходимо отметить, что комитеты по делам печати находились только в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Тифлисе.

Кавказский цензурный комитет или в последующем Тифлисский Комитет по делам печати, был основан, как самостоятельное учреждение в 1849 году, находился сперва в ведении министерства народного просвещения, а с 1863 г. перешел в ведение министерства внутренних дел.

С 1874 г. штат Комитета состоял из председателя (должность IV класса, с содержанием в 4000 руб.), двух старших цензоров (V класса, содержание 2500 руб.) и одного младшего цензора (VI класса, содержание 2000 руб.). С 1884 г. личный состав Комитета был усилен: одним младшим цензором (VI класса с содержанием в 2000 руб.), инспектором типографий (VI класса с содержанием 2000 руб.) и секретарем (VIII класса с содержанием 1200 руб.) (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.910. Л. 1).

За 29 лет неоднократно поднимался вопрос об увеличении личного состава и денежных средств Комитета, но, несмотря на то, что и высшая Кавказская администрация и главное управление по делам печати признавали необходимость и неотложность реформы, ей не было суждено осуществиться.

Новый закон о печати, изданный в конце 1905 – начале 1906 гг., отменившей предварительную цензуру и тем создавший новую эру в печати всей Российской империи, уделил надзору за печатью Кавказа чрезвычайно мало внимания. Так о правилах Тифлисского Комитета по делам печати было сказано только в Приложении к Уставу, где говорилось, что Комитет подчинялся Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе. Комитет занимался наблюдением за издаваемыми в пределах Кавказского края сочинениями, цензурованием повременных изданий, рассмотрением привозимых в край из-за границы материалов на русском и европейских, а также грузинском, армянском и других восточных языках (Приложение к Уставу о печати, ч.2., п.2) (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.910. Л. 2).

Таблица. Кавказская печать в 1879–1912 гг.

Рассмотрение издания на русских и туземных языках	1879	1904	1912
Повременных	15	21	156
Не повременных	150	379	1151
Драматических	-	86	146

Приведенные цифры относятся к отечественным произведениям печати, главным образом Кавказа, но на Тифлисском комитете лежал просмотр не только этих изданий, но и всех ввозимых из-за границы на восточных и иностранных языках (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.910. Л. 2).

Тогда как до издания закона 1905–1906 г. из-за границы привозилось ограниченное число периодических изданий, то после одних газет и журналов на европейских языках насчитывалось около 200 названий, на армянском языке – 92, а на наречиях мусульманских племен – 48.

В итоге на внутреннюю и иностранную цензуру проходило более 500 периодических изданий на разных языках.

Ежедневно почта и таможня отправляли в Комитет посылки. В 1911 г. поступило более 7 тыс. пудов иностранных произведений печати, в 1912 г. – более 11 тыс. пудов (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.910. Л. 3). Само собой разумеется, что при более чем скромных штатах Комитета, о подробной регистрации получаемых сотен тысяч бандеролей, брошюр и книг речи быть не могло, для этого надо было бы удвоить или утроить личный состав Комитета.

В декабре 1906 г. распоряжением Наместника Его Императорского Величества на Кавказе на Комитет была возложена обязанность сообщать Временному Генералу-Губернатору о статьях «вредного направления», появлявшихся в местной туземной печати; это распоряжение вызывало необходимость снабжать административную власть переводами таких статей.

Но помимо того, Комитет считал своим долгом осведомлять начальников подлежащих ведомств, или учреждений о таких сообщениях туземной прессы, которые могли бы вызвать необходимость в принятии разных запретительных мер.

Относительно переводов у некоторых должностных лиц и учреждений, установился взгляд, что Комитет как учреждение, обязанное знать туземные языки, должно снабжать другие учреждения переводами. Комитету приходилось серьезно бороться с таким ошибочным взглядом, и дело доходило до жалоб Наместнику.

На самом деле в крае не существовало другого учреждения, которое могло бы считаться, в смысле знания туземных языков, более компетентным, чем Комитет по делам печати.

Таким образом, в нем составлялись безвозмездно переводы на туземные языки самого разнообразного характера: высочайших указов, правил крестьянского банка, мелкого кредита, газетных статей осведомительного характера для военного и других ведомств и пр.

Немаловажную роль в деятельности Тифлисского Комитета сыграло революционное время, богатое преступлениями печати. Комитету по 1914 г. приходилось ликвидировать дела по изданиям 1905 и 1906 годов.

Тифлиссский Комитет стоял среди других в совершенно исключительном положении: каждый доклад по изданиям на туземных языках требовал устного, а часто и письменного перевода для Комитета, а затем, в случае возбуждения уголовного преследования, требовался для суда обстоятельный письменный перевод иногда целых брошюр. Объемистые трактаты, в основании которых были положены учения Маркса, Бебеля, Энгельса и др. перетолкованные грузинскими и армянскими философами и разбавленные малопонятными иностранными словами, ставили иногда цензора-переводчика в затруднительное положение (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.910. Л. 3).

Таким образом, в Тифлиссском Комитете были сосредоточены следующие функции наблюдение за всей печатью Кавказа, цензура внутренняя, иностранная (европейских и кавказских туземных языков), драматическая, осведомление других должностных лиц и учреждений и снабжение их, в случае надобности, переводами.

Казалось бы, что столь разносторонняя и ответственная деятельность распределяется между соответственным числом подготовленных для этого работников, в соответствующей материальной обстановке.

В действительности же весь этот труд, подавляющий своей массой, лежал на малочисленном по своему составу учреждении, с годовым бюджетом в 16 тыс. руб.

Уже одно то обстоятельство, что штаты Тифлиссского комитета были утверждены в 1884 г. и в течение 29 лет не подвергались изменениям свидетельствовало о том, на сколько это учреждение отстало от требования жизни того времени.

Главнoначальствующий гражданской частью на Кавказе князь Г.С. Голицын неоднократно (1900, 1902 и в 1903 гг.) обращался в высшие инстанции с просьбами пополнить штат Кавказского цензурного комитета одним помощником инспектора типографии и одним младшим цензором. Он считал, что при наличии такого количества подведомственных заведений у инспектора типографий и книжной торговли для выполнения всех обязанностей, предусмотренных инструкцией, «не хватит и календарных дней». Министр финансов отклонил эти прошения (Ибрагимова, 2010: 3).

Личный состав Комитета в 1905–1914 гг., как и в 1884 году, состоял из председателя, двух старших и двух младших членов комитета и секретаря.

Помимо общих соображений, что рост печати и удорожание жизни в Тифлисе вызывали необходимость расширить штат Тифлиссского Комитета, существовала и еще одна особенность, которая исключала возможность оставаться далее при существующих штатах: для грузинского, армянского и татарского языков имелось лишь по одному цензору, и в случае смерти, болезни или отпуска одного из них замены не было, так что цензура данного языка прекращалась.

В особенно острой форме этот недостаток проявлялся в отношении цензуры грузинского и армянского языков, представляющихся более сложными; тогда как татарская печать была более примитивна.

Выделение из функций Комитета драматической цензуры не помогло бы делу и притом было неосуществимо; количество пьес (около 150 в год) слишком незначительно для учреждения отдельного Комитета, а так как эти пьесы распределяются между тремя наиболее распространенными на Кавказе языками (грузинском, армянском и татарском), то и должность отдельного цензора драматической цензуры учредить нельзя, так как подходящего лица, знающего все эти языки хорошо, найти было невозможно (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.910. Л. 4).

Несмотря на это, например, в 1905 г. после двух представлений пьеса «Весенний поток» Косоротова полицмейстером была снята с репертуара труппы Мейерхольда. Были запрещены также «Доктор Штокман» и пьесы Горького (На Кавказе, 1905).

Выделение иностранной цензуры европейских языков в отдельную единицу тоже не привело бы к цели; на практике произведения печати на европейских и туземных языках так переплетались между собою, в одной посылке получали издания и на тех и других языках, что отдельное цензирование их вызвало бы неудобство, а главное больное место Тифлиссского комитета не было бы устранено такой реформой: для грузинского и армянского языков в составе Комитета оставалось бы как и прежде по одному цензору.

Единственным выходом из этого положения являлось усиление личного состава и штатов существующего Комитета по делам печати: в составе его должно было быть для русского, европейских, грузинского, армянского и татарского языков по одному цензору.

Чтобы дать Комитету возможность вознаграждать лиц приглашаемых к участию в наблюдении за печатью на второстепенных языках: греческом, осетинском, ассирийском, абхазском, эстонском, эсперанто и пр., а также лиц наблюдающих за периодическими изданиями в городах и местечках, где нет учреждений по делам печати, выделяемые средства были незначительны.

Комитет в поисках за цензорами для туземных газет, издававшихся вне Тифлиса, встречал непреодолимое препятствие в том, что не располагал никакими денежными средствами для вознаграждения таких цензоров. И понятно, что никто не соглашался принять на себя бесплатно труд, который сулил одни неприятности и не сопряжен с какими-либо выгодами.

При этом особое внимание уделялось личности цензора, так он должен был исполнять свои обязанности «по словам и разуму Цензурного устава», ему нельзя было выказывать свои предубеждения, взгляды и пристрастия. Цензор не имел права изменять что-либо в предоставляемых ему рукописях и печатных книгах, а также добавлять от себя какие-либо примечания и толкования. В процессе обработки красным цветом выделялось нарушение и возвращалось сочинителю для исправлений.

Цензор, как по внутренней, так и по иностранной цензуре могли быть определены только чиновники, получившие образование в высших учебных заведениях (ст. 25) (Устав..., 1912: 67-68) или другим способом получившие знания, притом, он должен быть достаточно ознакомлен с историческим развитием и современным движением отечественной или иностранной словесности. Во время занятия должности цензор не имел права заниматься какой-либо другой деятельностью.

Да и сам процесс цензирования был нелегко, так, чтобы попасть в продажу рукопись должна была пройти следующее: каждая поступающая в цензуру рукопись или книга вносилась секретарем в общую опись, она должна быть чисто и четко переписана, для этого издатель должен был получить позволительный билет. Типографщик приступал к набору только получив данный билет. Далее материал передавался цензору, который прочитав и одобрив, давал разрешение печатать. Затем возвращался секретарю для выдачи автору под расписку. Разрешение цензора выдавалось на следующие сроки: однотомные – на 1 год, от двух до трех томов – на 2 года, более объемные – на 3 года (Устав..., 1912: 69).

Если автор нес убытки за повторный пересмотр листов рукописи, то комитет возмещал убытки.

После печати рукописи 2 экземпляра представлялись в комитет для сверки с позволительным билетом. В случае сходства напечатанного материала с утвержденным, цензор подписывал позволительный билет на выпуск в продажу и прикреплял к одному экземпляру, который возвращался типографии или книжному магазину. Второй экземпляр оставался в комитете (ст. 54) (Устав..., 1912: 69).

Если цензор находил в рассмотренной им книге или статье в периодическом издании, что она не может быть напечатана, то представлял это комитету на общем заседании, который принимал решение большинством голосов. В случае не согласия председателя с большинством он имел право остановить исполнение до получения разрешения от главного управления по делам печати (ст. 56).

В силу ст. 84 Устава о цензуре, предоставляющей Наместнику Его Императорского Величества право разрешать драматические произведения к постановке на сценах Кавказского края, на Тифлисский комитет возлагалась и драматическая цензура. В 1911 г. в комитет были представлены на цензуру 146 рукописей пьес (на грузинском языке – 68 и на армянском – 55).

По соглашению с Наместником Его Императорского Величества на Кавказе, на основании ст. 15 Устава о цензуре были учреждены две временные должности инспекторов по делам печати: одна в 1905 году в Баку, другая в сентябре 1913 г. в г. Кутаиси (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.910. Л. 5).

Бакинский инспектор наблюдал лишь за печатью на русском языке в пределах Бакинского градоначальства, тогда как армянские, татарские и грузинские издания направлялись для просмотра в Тифлисский комитет; Кутаисский инспектор имел под своим наблюдением кроме русской печати и грузинскую печать в Кутаиси и Кутаисской губернии.

Обе эти должности в штатах не значились и содержались на ассигнуемые в распоряжении министерства внутренних дел средства. Бакинский инспектор получал 2 тыс. руб. содержания, 700 руб. на канцелярию и на наем письмоводителя, Кутаисский получал 1,2 тыс. руб. содержания и 300 руб. на канцелярию.

Необходимость надзора за печатью такого крупного промышленного центра, как Баку, очевидно, осознавалась давно, и эта должность учреждена была ранее. Назначение инспектора по делам печати в Кутаиси, осуществленное в сентябре 1913 года было вызвано тем обстоятельством, что оппозиционная грузинская печать обосновалась в Кутаиси, где надзор за ней, благодаря отдаленности от Тифлисского комитета, был крайне затруднен. Тоже явление наблюдалось относительно армянской оппозиционной печати, она избрала себе центром Баку и так как газеты, как из Кутаиси, так и из Баку поступали в Тифлисский комитет несколькими днями позже их выхода, то предупредить распространение подлежащих задержанию газет было практически невозможно.

В аналогичном положении находилась также и татарская печать; так и в татарской печати наблюдались стремления впасть в тон оппозиции слева, возбудить мусульманский мир против России и призвать мусульман, к объединению и «самоопределению». Бакинская татарская печать тогда оказалась вне непосредственного надзора со стороны Тифлисского комитета, которому приходилось прибегать к содействию Бакинского градоначальника, энергичными мерами которого это явление было устранено.

Печать, как мера культуры, была сосредоточена в небольшом числе культурных центров, таких как города Тифлис, Баку, Екатеринодар, Владикавказ, Кутаиси, по остальной территории она была

рассеяна довольно скудно, хотя общее количество периодических изданий на Кавказе было значительно – 156 (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.910. Л. 6).

Распределение периодической и не периодической печати по территории соответствовало и распределению органически связанных с печатью предприятий, типографий, книжной торговли, библиотек и пр.

По утвержденным 31 января 1884 г. штатам при бывшем Кавказском цензурном комитете была положена должность инспектора типографии, литографии, книжной торговли и т.п. заведений в г. Тифлисе. Должности этой присвоен VI класс и содержание в 2 тыс. руб. в год.

Должность инспектора типографии в Тифлисе была единственной во всем Наместничестве Кавказском, поэтому за исключением города Тифлиса во всех губерниях, областях и округах надзор за типографиями осуществлялся через лиц губернской, окружной или уездной администрации, без отпуска специально на эти надобности каких-либо средств из казны.

В 1906 г. в г. Тифлисе книжных магазинов, лавок и складов, библиотек и кабинетов для чтения, картинных и нотных магазинов было 274, из них типографий – 26, литографий – 10, фототипий – 7, цинкографий – 4, словолитень – 5, фотографий – 22, заведений, производящих и продающих принадлежности тиснения – 8, заведений для выдачи каучуковых штампов – 9, книжных магазинов, лавок и складов – 52, библиотек и кабинетов для чтения – 16, картинных магазинов – 30, нотных магазинов – 7, магазинов канцелярских принадлежностей и др. магазинов, продающих мелкие произведения печати – 78 (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.116. Л. 1).

Деятельность инспектора в это время была направлена, главным образом, к надзору за типографиями и книжной торговлей. При каждом посещении книжных магазинов, лавок и складов производился осмотр всему содержимому в них печатному материалу, и все запрещенное к обращению конфисковалось и представлялось для уничтожения в комитет по делам печати (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.116. Л. 2).

Так при обновленном порядке открытия типографии, библиотек, книжной торговли и т.п. заведений, подобного рода предприятия стали возникать не только в крупных городах, но и во второстепенных городах и местечках, то в таких условиях надзор за типографиями нельзя было назвать поставленным удовлетворительно, так, например, число типографий, литографий, библиотек и др. подлежащих надзору инспекции заведений в 1913 г. только в одном было в Тифлисе 306 (НАГ. Ф.480. Оп. 2. Д.910. Л. 6).

5. Заключение

Завершая, хочется отметить, что в конце XIX – начале XX вв. на Кавказе, как и в целом на территории Российской империи, происходил резкий подъем книгопечатания и выпуска периодических изданий – журналов. С нарастанием революционных событий потребовался и контроль за печатным словом – институт цензуры. Особенно роль этого учреждения была высока в период Первой русской революции. Несмотря на малочисленность штатов и различные проблемы, цензура внесла свой вклад в стабилизацию политической и криминогенной обстановке на территории Кавказского Наместничества.

Литература

- Арсеньев, 1903 - Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903.
 Большая энциклопедия, 1904 - Большая энциклопедия / под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 19. СПб., 1904.
 Ибрагимова, 2010 - Ибрагимова З.Х. Аппарат цензуры в Российской Империи: его трансформация во времени. М., 2010.
 Котович, 1909 - Котович А.Н. Духовная цензура в России: 1799-1855 гг. СПб., 1909.
 НАГ – Национальный архив Грузии.
 На Кавказе, 1905 - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1905. 17 февраля.
 На Кавказе, 1906: 12 января - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1906. 12 января
 На Кавказе, 1906: 22 января - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1906. 22 января
 На Кавказе, 1906: 14 сентября - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1906. 14 сентября
 На Кавказе, 1907: 2 марта - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1907. 2 марта
 На Кавказе, 1907: 2 июля - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1907. 2 июля
 На Кавказе, 1908: 6 февраля - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 6 февраля
 На Кавказе, 1908: 25 июня - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 25 июня
 На Кавказе, 1910 - На Кавказе. Тифлис // Русское слово (Москва), 1910. 17 мая
 Новожилова, 1971 - Новожилова И.В. Политика царского правительства в области законодательства о печати (1905 – 1914 гг.). Л., 1971.
 Полякова и Черкасов, 2006 - Полякова Л.Г., Черкасов А.А. К 100-летию сочинской периодической печати: становление // Былые годы. 2006. № 1.
 Устав..., 1912 - Устав о цензуре и печати 1890 г. // Свод законов Российской империи. В 5 кн. Кн.1. Т.2. / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912.

Polyakova, 2012 - Polyakova L.G. (2012) Periodical Press as a Means to Study Rear Area Activities in the First World War (Black Sea Province Case Study). *Bylye Gody*. (3), 25: 42-51.

Sanborn, 2007 - Sanborn, Joshua A. (2007) Liberals and bureaucrats at war *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History* 8, 1 (Winter 2007): 141-62.

References

Arsen'ev, 1903 - Arsen'ev K.K. *Zakonodatel'stvo o pechati*. SPb., 1903.

Bol'shaya entsiklopediya, 1904 - Bol'shaya entsiklopediya / pod red. S.N. Yuzhakova. V 22 t. T. 19. SPb., 1904.

Ibragimova, 2010 - Ibragimova Z.Kh. *Apparat tsenzury v Rossiiskoi Imperii: ego transformatsiya vo vremeni*. M., 2010.

Kotovich, 1909 - Kotovich A.N. *Dukhovnaya tsenzura v Rossii: 1799-1855 gg.* SPb., 1909.

NAG – Natsional'nyi arkhiv Gruzii.

Na Kavkaze, 1905 - Na Kavkaze // *Russkoe slovo* (Moskva), 1905. 17 fevralya.

Na Kavkaze, 1906: 12 yanvarya - Na Kavkaze // *Russkoe slovo* (Moskva), 1906. 12 yanvarya

Na Kavkaze, 1906: 22 yanvarya - Na Kavkaze // *Russkoe slovo* (Moskva), 1906. 22 yanvarya

Na Kavkaze, 1906: 14 sentyabrya - Na Kavkaze // *Russkoe slovo* (Moskva), 1906. 14 sentyabrya

Na Kavkaze, 1907: 2 marta - Na Kavkaze // *Russkoe slovo* (Moskva), 1907. 2 marta

Na Kavkaze, 1907: 2 iyulya - Na Kavkaze // *Russkoe slovo* (Moskva), 1907. 2 iyulya

Na Kavkaze, 1908: 6 fevralya - Na Kavkaze // *Russkoe slovo* (Moskva), 1908. 6 fevralya

Na Kavkaze, 1908: 25 iyunya - Na Kavkaze // *Russkoe slovo* (Moskva), 1908. 25 iyunya

Na Kavkaze, 1910 - Na Kavkaze. Tiflis // *Russkoe slovo* (Moskva), 1910. 17 maya

Novozhilova, 1971 - Novozhilova I.V. *Politika tsarskogo pravitel'stva v oblasti zakonodatel'stva o pechati* (1905 – 1914 gg.). L., 1971.

Polyakova i Cherkasov, 2006 - Polyakova L.G., Cherkasov A.A. K 100-letiyu sochinskoi periodicheskoi pechati: stanovlenie // *Bylye gody*. 2006. № 1.

Ustav..., 1912 - Ustav o tsenzure i pechati 1890 g. // *Svod zakonov Rossiiskoi imperii*. V 5 kn. Kn.1. T.2. / Pod red. I.D. Mordukhai-Boltovskogo. SPb., 1912.

Polyakova, 2012 - Polyakova L.G. (2012) Periodical Press as a Means to Study Rear Area Activities in the First World War (Black Sea Province Case Study). *Bylye Gody*. (3), 25: 42-51.

Sanborn, 2007 - Sanborn, Joshua A. (2007) Liberals and bureaucrats at war *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History* 8, 1 (Winter 2007): 141-62.

УДК 94

Цензура и печать на Кавказе в конце XIX – начале XX вв.

Павел Николаевич Бирюков^{a, *}, Елена Степановна Устинович^b, Павел Геннадиевич Шеленговский^b

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цензуры и печати на территории Кавказа в конце XIX – начале XX вв. Особое внимание уделяется цензуре в период Первой русской революции (1905–1907 гг.).

Материалами для подготовки статьи стали архивные документы из Национального архива Грузии, а также материалы дореволюционной периодической печати и законодательные акты, посвященные данному вопросу. Важное значение имеют и научные публикации.

Авторы приходят к выводу, что в конце XIX – начале XX вв. на Кавказе, как и в целом на территории Российской империи, происходил резкий подъем книгопечатания и выпуска периодических изданий – журналов. С нарастанием революционных событий потребовался и контроль за печатным словом – институт цензуры. Особенно роль этого учреждения была высока в период Первой русской революции. Несмотря на малочисленность штатов и различные проблемы, цензура внесла свой вклад в стабилизацию политической и криминогенной обстановке на территории Кавказского Наместничества.

Ключевые слова: цензура, печать, наместничество Кавказское, конец XIX – начало XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: birukovpn@yandex.ru (П.Н. Бирюков), lenausti@mail.ru (Е.С. Устинович), SHelengovskiy.PG@rea.ru (П.Г. Шеленговский)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 173-182, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47).082

Causes of ransom private railways in the Russian Empire during the reign of Alexander III

Pavel A. Gurianov^{a, *}

^a National Mineral Resources University (Mining University), Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

This article focuses on a number of reasons, redemption of private railways in the Russian Empire during the reign of Alexander III. Preconditions for this step. After the defeat in the Crimean War, the state began to consider two basic ways construction of railways: the expense of the treasury at the expense of private capital, including foreign ones. Attempts to organize joint capital of private foreign and domestic on the example of the main Russian Railway Company ended sadly. Foreign capital is mainly interested in speculation on the Russian stock exchange, as a result the majority of the company's shares went to the Russian capital. To support the private Russian capital the government has gone the way of the guarantee capital, in certain cases, as a joint stock or bond or one of the types of capital. When distribution concessions were not crucial economic factors, and the proximity to the elite or the corruption component. Often concession won by those who offered the lowest price, which affects the quality of railway construction in the country. As a result of the concession is not got the most professionally trained people who are almost entirely the burden shifted to the state, and profits for the most part getting any private owners. As a result, such practice is ruinous for the Treasury forced the government to buy back a significant portion of private railways on acceptable terms. As a result, initially malpractice and corruption safeguards prevent a real manifestation of self-employment initiatives

Keywords: ransom, government concessions railway construction, business risks, Russian railways, private railways, management efficiency

1. Введение

В научной литературе неоднократно писали о неудачной политики строительства частных железных дорог в России; в результате чего государство было вынуждено выкупить их значительную часть при императоре Александре III. В данной работе мы затронем основные причины принятия данного трудного решения и разберем дискуссионную полемику вокруг данной проблематики. Исследование позволяет сформировать целостную картину истории выкупа ряда частных железных дорог в рассматриваемый период.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для подготовки статьи стали статистические сборники министерства путей сообщения Российской Империи и фундаментальные работы И.С. Блюха, П.И. Георгиевского, А.И. Чупрова и А.М. Соловьевой.

2.2. Методологической основой работы стали общенаучные методы: анализа, синтеза, обобщения. Автор опирался на системный подход в работе. Применены принцип социально-экономических структур и принцип историзма, который предполагает анализ широкого массива фактов с учетом их взаимосвязи с общеисторическим процессом. В исследовании использованы

* Corresponding author

E-mail addresses: pavelgurianov19@gmail.com (Pavel A. Gurianov)

проблемно-хронологический и метод институциональной теории, позволившие рассмотреть поставленные научные проблемы в их последовательном развитии.

3. Обсуждение

Данная проблематика активно обсуждалась в конце XIX – начале XX века в многочисленных работах. Здесь необходимо отметить труды: (Георгиевский, 1887; Мертенс, 1919; Мигулин, 1900; Чупров, 1909).

Выкуп в казну частных железных дорог в советской историко-экономической литературе почти не исследовался (Соловьева, 1968: 89). В дальнейшем исследователи, как российские, так и зарубежные лишь мимоходом затрагивали тему выкупа. Или ученые анализировали процедуру выкупа отдельных железных дорог (Недорубов, 2004; Тестов, 2013).

Известно, что железные дороги внесли существенный вклад в экономическое развитие России, тем еще более странным выглядит скромное количество работ посвященных данной тематике, эффективности различных форм хозяйствования (Goldsmith, 1961; Metzger, 1974; Хусаинов, 2012).

Кратко к дискуссиям на эту острую тему вернулись в свете возможной приватизации ОАО РЖД ряд исследователей по историческим и экономическим наукам в конце XX – в начале XXI веков. Например, одни считают, что от выкупа больше выиграли железнодорожные общества (т.е. их учредители), хорошо заработав не только на самом строительстве в период железнодорожного бума, но и на спекулятивной игре на бирже соответствующими ценными бумагами (Алиев, Благих, 2012: 391). Заработали учредители и от откупных операций, так как правительство явно переплатило за них (Кульжинский, 1909; Соловьева, 1975).

А.И. Чупров доказывал, что правительство в результате выкупа частных железных дорог не только не переплатило предпринимателям, а, наоборот, в некоторых случаях, выкупило их дешевле ряда пунктов прописанных в уставе ряда обществ (Чупров, 1909: 147, 150-153).

Другую точку зрения, высказывает О. Мертенс, что выкуп не был обязательным условием того времени (Мертенс, 1919). Ярым сторонником изменения государственной политики в отношении строительства железных дорог был П.И. Георгиевский, который подробно и убедительно отстаивал точку зрения, что большинство частных обществ реально не несут никаких предпринимательских рисков (Георгиевский, 1887). К этим же выводам пришли и другие исследователи (Мигулин, 1900; Соловьева, 1975).

Необходимость выкупа казной железных дорог доказывают в своих работах ряд современных исследователей (Недорубов, 2004; Тестов, 2009, 2013). Им возражают, что частный капитал априори эффективней государственного и вмешательство правительства в частные дела приводит только к провалам рынка (Хусаинов, 2012).

Существует компромиссная точка зрения, что должны существовать обе системы государственного и частного хозяйствования. Государство же должно выкупать только убыточные железные дороги (Гулидова, 2011).

4. Результаты

Основной бум строительства железных дорог начался с 1870 г., за этот год было построено 2565 км., что составляло более 30 % от уже построенных дорог за период с 1838 по 1869 гг. За 1871 г. было введено еще больше – 2910 км. Исследователи связывают данное событие с мировым экономическим подъемом 1868–1872 гг. Еще более существенным фактором железнодорожного бума являлась выдача государством концессий. Если в 1866 г. правительство выдало всего лишь одну, то в 1869 г. уже 139 (Карпенкова, 2014: 151). Выдавались они на разных условиях, в зависимости от близости к элитным слоям Российской Империи (Георгиевский, 1887: 24).

Дороги в подавляющем большинстве относились к частной собственности. К 1 января 1876 г. протяженность русской железнодорожной сети составляла 17749 верст, которые за исключением 57-верстной Ливенской линии, принадлежавшей казне, эксплуатировались 42 частными обществами (Тестов, 2009: 81). К 1 января 1883 г. русская железнодорожная сеть составляла 21593 версты из которых государственных было только 1116 верст (Статистический сборник МПС, 1885: 9).

Частным предпринимателям за короткий промежуток времени удалось достигнуть существенных результатов. Так, в частности, К.В. Чевкин писал, что «частная деятельность, привлечение иностранных капиталов и пособие от правительства – единственно возможное решение задачи устройства у нас железных дорог» (Гулидова, 2011, 70). Зарубежный исследователь, симпатизирующий частному капиталу в железнодорожном строительстве констатировал, что «частное предпринимательство в ожидании значительных барышей, широко использовало представившейся счастливый случай» (Мертенс, 1919: 5-6).

Часть железных дорог была построена государством, а часть – акционерными железнодорожными обществами. Практика показала и доказала, что в силу ограниченности государственных ресурсов, бюрократических проволочек и формализма государственное строительство железных дорог существенно уступало частному (Гулидова, 2011: 72).

Развитие железнодорожной сети в стране представлено в табл. 1 (Хромов, 1950: 462). Более активно оно пошло после болезненного поражения в Крымской войне (Starns, 2012: 34-35).

Во времена царствования Николая I строительство железных дорог происходило за счет государства. Император не доверял ни своим, ни иностранным предпринимателям, считая их неспособными в полной мере соблюдать национальные интересы страны (Гулидова, 2011: 136).

10 октября 1856 г., по приказу императора Александра II, осознававшего необходимость развивать в Российской Империи железнодорожный транспорт, состоялось экстренное заседание Комитета министров для рассмотрения данного вопроса. Из двух вариантов возможного строительства: за счет государства или за счет частного капитала комитет не смог выбрать ни один из вариантов. В дальнейшем пришли к консенсусу и 26 января 1857 г. Александр II подписал Указ о создании в стране сети железных дорог. Для реализации указа была заключена концессия с компанией А.Л. Штигица и создано Главное общество российских железных дорог с участием русского (37,5 %), английского (28,3 %), французского (21 %) и прусского банковского капитала. Правительство сильно рассчитывало на привлечение иностранного капитала. Оно гарантировало учредителям общества ежегодный доход в размере 5 % (Гулидова, 2011: 138; Карпенкова, 2014: 150). К 1859 г. большинство акций принадлежали российским гражданам (Лизунов, 2008: 32). Фактически это был провал операции по привлечению крупного иностранного капитала в строительство железных дорог Российской Империи.

15 июня 1865 г. император Александр II издал Указ об учреждении Министерства путей сообщения (МПС), что способствовало железнодорожному буму, но в это же время продолжились многочисленные дискуссии по поводу за чей счет строить железные дороги. Министр путей сообщения П.П. Мельников был сторонник строительства за счет казны. Его же оппонентом стал министр финансов М.Х. Рейтерн, настойчиво предлагающий осуществлять строительство за счет частного капитала. Министра финансов поддержал император Александр II (Гулидова, 2011: 140-141).

В результате П. Мельников покинул пост министра путей сообщения. К этому времени было изменено законодательство по выдаче концессий на сооружение железных дорог. Прежде всего, была понижена стоимость постройки железных дорог по концессии, что привело к тому, что соискатели концессий стали соревноваться между собой в предложении стоимости постройки, что, практически, всегда, приводило к снижению качества работ (Краткий исторический очерк, 1898: 151). Зачастую к строительству железных дорог допускались совершенно некомпетентные люди (Westwood, 1964: 42).

Железнодорожный бум стимулировал бурный рост во многих отраслях российской промышленности, прежде всего, в металлургии, машиностроении и в горнодобывающем производстве, способствовал общему экономическому развитию страны (Blanchard, 2000; Goldsmith, 1961; Nykänen, 2015: 26). Строительство новых железных дорог придало новый импульс международной зерновой торговле. Российская Империя была тесно интегрирована в международную торговлю зерном и хлебом (Давыдов, 2010; Goodwin, Grennes, 1998).

За годы царствования Александра III (1881–1894 гг.) было построено около 12 тыс. км. железной сети. Скорость строительства железных дорог несколько сократилась, при Александре II только за период с 1870 г. по 1880 г. было построено 14699 км железной сети, после смерти императора Александра III, за период 1894–1900 гг. было введено около 18 тыс. км. Частные предприниматели строили дороги быстрее и сравнительно дешевле, чем государство (это при том, что в накладные расходы входили колоссальные взятки и неофициальная цена концессии, полученной через влиятельных посредников) (Гулидова, 2011: 72).

В годы правления Александра III началась политика огосударствления частных дорог. Исследователь В.Н. Тестов отмечает, что в одном из государственных отчетов приходят к выводу, что вследствие неоправдавшихся надежд, возлагавшихся на ряд акционерных обществ, правительство приняло решение о прекращении выдачи новых концессий и возвращении к практике государственного финансирования железнодорожного строительства. Кроме этого, было принято решение приступить к постепенной ликвидации ряда акционерных железнодорожных обществ посредством досрочного выкупа у них железных дорог в казну на основаниях, предусмотренных в уставах обществ, или по особым соглашениям (Тестов, 2013: 32).

Выкуп железных дорог осуществлялся с небывалой быстротой. Если к 1890 г. в ведении казны было 7386 верст железных дорог, то к концу 1892 г. 10293 версты, а к 1 февраля 1895 г. – 20126 верст (Чупров, 1909: 146). К концу 1895 г. в казенном управлении министерством путей сообщения было 20403 версты, в частной собственности – 12702 версты (Статистический сборник МПС, 1897: I).

В дальнейшем выкуп осуществлялся не в столь значительном масштабе, за период с 1897 по 1901 гг. было передано казне лишь 2937 верст. (Мертенс, 1919: 14). Подавляющее большинство железных дорог России (87,4 %) находились на территории Европейской части России, без учета Княжества Финляндского. (Статистический сборник МПС, 1907: VII) Большая их часть к 1901 г. принадлежала казне, в результате выкупных операций, в то время как все 100 % железных дорог на территории азиатской части Российской империи были казенными (Ежегодник России, 1905).

Таблица 1. Развитие железной сети в России, в км.

Годы	Строительная длина железной сети на конец года	Годы	Строительная длина железной сети на конец года
1838	27	1884	25 007
1845	144	1885	26 024
1850	501	1886	27 345
1851	1 004	1887	28 240
1853	1 049	1888	29 428
1857	1 170	1889	29 933
1860	1 626	1890	30 596
1861	2 238	1891	30 723
1862	3 516	1892	31 202
1866	4 573	1893	32 870
1869	8 166	1894	35 206
1870	10 731	1895	37 058
1874	18 220	1896	39 546
1880	22 865	1897	41 585
1881	23 091	1898	44 622
1882	23 429	1899	49 870
1883	24 145	1900	53 234

Финансовые результаты эксплуатации сети железных дорог представлены в [табл. 2](#) ([Статистический сборник МПС, 1885: 2-3](#); [Статистический сборник МПС, 1897: IX-X](#)). В динамике они выглядят благоприятно, если не знать обо всех тонкостях предоставления концессий.

Таблица 2. Финансовые результаты эксплуатации сети железных дорог, тыс. руб.

Год	Валовой доход	Расход по эксплуатации	Чистый доход по эксплуатации
1873	123 865	71 744	52 121
1874	141 832	88 899	52 933
1875	142 408	93 568	48 840
1876	147 680	100 433	47 247
1877	193 543	121 694	71 849
1878	221 696	145 736	75 960
1879	213 158	152 698	60 460
1880	193 206	151 651	41 555
1881	200 840	145 126	55 714
1882	215 163	144 722	70 391
1884	229 766	143 490	86 286
1885	234 375	141 330	93 045
1886	225 217	141 458	83 859
1887	252 987	144 264	108 723
1888	283 383	160 058	123 325
1889	282 691	168 833	113 858
1890	284 531	171 774	112 757
1891	296 087	177 651	118 436
1892	301 079	194 032	107 677
1893	328 793	199 362	129 431
1894	367 725	214 626	153 099
1895	391 887	226 783	165 104
1896	420 873	244 140	176 733
1897	437 363	258 057	179 306
1898	465 741	277 576	188 165

Какие же причины побудили верховную власть начать данный выкуп? Слишком большие расходы несла казна, из-за «странной» концессионной политики. Виной, которой были, во многом, коррупционные составляющие.

Почти каждый год министерству путей сообщения правительство было вынуждено добавлять денежные средства сверх сметы, часть из которых шла на покрытие гарантий капитала для частных железнодорожных обществ ([Блюх, 1882: 252-253, 296-299](#)). В результате, частные железнодорожные

общества сильно задолжали правительству, см. табл. 3 (Блиох, 1878: 78; Статистический сборник МПС, 1885: 2; Статистический сборник МПС, 1901: XVII).

Таблица 3. Цифры долгов железнодорожных обществ Правительству, руб.

К 1 января 1869	99 350 000
К 1 января 1876	239 580 000
К 1 января 1881	629 096 356
К 1 января 1882	720 982 868
К 1 января 1883	781 888 880
К 1 января 1895	477 455 000
К 1 января 1897	160 404 000
К 1 января 1899	92 294 000

Выдача концессий, обычно, зависела не от министра финансов или министра путей сообщения, а от приближенных императора. А.Н. Куломзин вспоминал, что под воздействием министра двора графа Адлерберга Александр II утверждал передачу концессий на очень невыгодных для казны условиях (Голицын, 2011: 17).

К середине 1870-х гг. сумма долгов железнодорожных обществ правительству по невыплаченным процентам, возмещенным ссудам и авансам достигла приблизительно 174 млн. руб. Государство ежегодно выделяло около 50 млн. руб. на выплату процентов и сумм погашения по займам (Гулидова, 2011).

П.И. Георгиевский верно утверждал, что большинство частных дорог в стране фактически ими не являются (62,4 % длины от всех частных железных дорог). Более подробно расписано в табл. 2. «Никакого риска, никакого намека на частный предпринимательский капитал мы здесь не находим» (Георгиевский, 1887: 7). Точнее в данном случае, надо говорить об аренде дорог у государства на очень выгодных условиях. Казне значительные убытки, а арендатору, обычно, вся прибыль или в худшем варианте ее половина (Георгиевский, 1887).

Об этом же пишет и другой исследователь «все выгоды передавались компаниям, а весь риск и жертвы возлагались на казну» (Чупров, 1909: 147). Ю. Гулидова констатировала, что «частные предприниматели чувствовали себя весьма вольготно. Фактически бесконтрольно ведая железнодорожным делом, они наживались не только на строительстве дорог, но и на их эксплуатации, не проявляя при этом должной заботы об улучшении качества рельсовых путей» (Гулидова, 2011).

В ходе приватизации 1990-х гг. исследователи заговорили об неэффективных частных собственниках, но как мы видим данный феномен уже ярко проявил себя и в Российской Империи, при этом значительная часть вины, что тогда, что сейчас лежит на неэффективной государственной политике; некоторых влиятельных государственных чиновниках, ставящих свои личные интересы, выше государственных, т.е. интересов всего общества в целом.

В данной ситуации, важно осознать, что именно государство, а точнее часть влиятельной бюрократии создала данную порочную систему. Фактически она развращала номинальных частных предпринимателей.

С.Ю. Витте точно заметил, отличие нашей государственной политики от американской: «В Америке, по крайней мере, все железные дороги частные не по названию, а в действительности, поэтому казна в капиталах железных дорог совершенно не заинтересована, а, следовательно, если железные дороги и режутся, то казна дефицит не приплачивает» (Витте, 2014: 187).

Мы видим, что С.Ю. Витте поддерживал тезис о том, что частные дороги в России только по названию, а не по сути своей. Заметим, что в 1880-е гг., когда в России начала реализовываться идея о выкупе частных дорог, в мире подавляющее большинство железных дорог поддерживалось частным капиталом (70 % от всех железных дорог) (Алиев, Благих, 2012: 389).

П.И. Георгиевский также отказывал в праве частной собственности (государство полностью гарантировало акционерный капитал и частично облигационный капитал), таким обществам как Рига-динабургская, Балтийская и Юго-западные; «представляются особо привилегированными арендами, дающими права на получение избытков дохода и не налагающими обязанностей отвечать за убытки» (Георгиевский, 1887: 9-10).

В общем итоге «частные» железные дороги обходились российской казне ежегодно приблизительно в 45 млн. рублей, это не считая процентов, которые казна должна была уплачивать по беспроцентному для железнодорожных обществ долгу (Георгиевский, 1887: 6).

Намек на частную собственность увидел П. Георгиевский (гарантирован облигационный капитал и 60 % акционерного) в ряде железнодорожных обществ, таких как Варшаво-бромбергская, Козлово-воронежско-ростовская, Орлово-грязская и Шуйско-ивановская (Георгиевский, 1887).

Мы видим, что имитационные частные железные дороги России в массе своей накапливали долги (табл. 4). (Георгиевский, 1887). У многих они в разы превышали их акционерный капитал. Эффективное управление было только на Курско-киевской и Рязанско-козловской железных дорогах. В данной ситуации, выкуп частных дорог был разумным шагом, с последующим изменением «правил игры», когда государство уже не выступало полностью гарантом по обязательствам частных обществ.

За 1895–1903 гг. казной было построено 10,6 тыс. верст, а частными обществами – 11,7 тыс. верст, что говорит о том, что ряд частных компаний вполне могли конкурировать с казенными дорогами на равных (Тарасевич и др., 2000).

Важно понимать, что с позиции теории институционализма в Российской Империи не эффективно работали многие «институты», что в итоге приводило к снижению эффективности управления, как частными, так и государственными дорогами.

Таблица 4. Общества частных железных дорог в России с государственными гарантиями

Общества железных дорог	Облигационный капитал, тыс. кредитных рублей	Акционерный капитал, тыс. кредитных рублей	Сумма долговых обязательств, тыс. кредитных рублей	Долг в %, к акционерному капиталу
Варшаво-тереспольская	8 103	8 320	7 554	90,8
Владикавказская	70 619	8 642	29 035	335,9
Главное общество	311 910	120 000	105 034	85,7
Грязе-царпцынская	25 847	33 984	35 381	104,1
Динабург-витебская	-	20 800	20 707	99,5
Донецкая	41 400	9 122	23 245	254,8
Закавказская	122 930	11 296	38 617	341,8
Курско-киевская	30 000	15 000	-	-
Курско-харьковско-азовская	67 213	20 753	53 598	258,2
Лодзинская	-	2 038	926	45,4
Лозово-севастопольская	47 690	13 068	47 397	362,6
Митавская	7 259	2 400	6 736	280,6
Моршанско-сызранская	28 758	8 983	25 184	280,3
Московско-бретская	86 709	18 878	55 013	291,4
Оренбургская	30 834	8 158	18 400	225,5
Орлово-витебская	40 000	15 000	38 527	256,8
Привислинская	29 597	6 588	16 212	261,2
Ряжско-вяземская	35 849	11 211	39 431	351,7
Ряжско-моршанская	9 407	2 972	9 394	316,0
Рязанско-козловская	15 882	7 825	3 196	40,8
Уральская	61 850	10 457	28 593	273,3
Фастовская	17 635	4 665	9 668	207,1

Фактически частных обществ в сфере строительства железных дорог в стране насчитывалось только четыре (см. табл. 5). (Георгиевский, 1887) Обращает внимание тот факт, что половина из них не имела долгов, а остальные имели их в небольшом размере.

Общий долг данных 4 компаний составлял 5,4 % от общего акционерного капитала. Когда государство не является гарантом, собственник (менеджмент) компаний начинает более эффективно работать, так как рассчитывать приходится исключительно только на себя.

Таблица 5. Частные общества железных дорог

Общества железных дорог	Облигационный капитал, тыс. кредитных рублей	Акционерный капитал, тыс. кредитных рублей	Сумма долговых обязательств, тыс. кредитных рублей	Долг в %, к акционерному капиталу
Варшавско-венская	38 110	12 500	-	-
Риго-тукумская	4 245	2 122	556	26,2
Рыбинско-козловская	18 977	20 000	-	-
Тамбово-козловская	3 200	3 596	1514	42,1

Заключение

По результатам данного исследования выявлено, что правительству не удалось привлечь массово крупный иностранный капитал к строительству железных дорог в стране. Правительство было вынуждено опираться на российский капитал, который не обладал столь значительными средствами, что иностранный.

Для поддержки правительство гарантировало многим частным железнодорожным обществам капитал. Иногда облигационный, иногда акционерный, в определенных случаях тот и другой. Многие же предприниматели ухватились за столь привлекательную возможность и стали перераспределять: себе доходы, а государству расходы.

В конце концов, терпение правительства закончилось, и оно было вынуждено выкупить ряд частных железных дорог.

Литература:

Алиев, Благих 2012 – Алиев Ш.И., Благих И.А. Особенности государственно-частного партнерства в России (на примере строительства и эксплуатации железных дорог) // Проблемы современной экономики. 2012. № 1. С. 388-392.

Блиох 1878 – Блиох И.С. Влияние железных дорог на экономическое состояние России СПб., 1878. Т. 1.

Блиох 1882 – Блиох И.С. Финансы России XIX столетия. История и статистика. СПб., 1882. Т. 4. 337 с.

Витте 2014 – Витте С.Ю. Воспоминания. М., 2014. Т. 1.

Георгиевский 1887 – Георгиевский П.И. Финансовые отношения государства и частных ж.-дорожных обществ в России и западно-европейских государств СПб., 1887.

Голицын 2011 – Голицын Ю. Ценные бумаги и злоупотребления при строительстве железных дорог во второй половине XIX века // Биржевое обозрение. 2011. № 1. С. 16-18.

Гулидова 2011 – Гулидова Ю.И. Железнодорожная революция в России во второй половине XIX – начале XX в. // Экономический журнал. 2011. № 2. С. 135-142.

Давыдов 2010 – Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. 830 с.

Ежегодник России 1905 – Ежегодник России 1904 г. СПб., 1905.

Карпенкова 2014 – Карпенкова Т.В. Политика Российского государства в железнодорожном строительстве (1860–1914) // Известия Тульского государственного университета. 2014. № 4. С. 149-160.

Краткий исторический 1898 – Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования (1798-1898). СПб., 1898.

Кульжинский 1909 – Кульжинский С. К вопросу о частных железных дорогах в России // Особая высшая комиссия по всестороннему обследованию железнодорожного дела в России. СПб., 1909. Вып. 18.

Лизунов 2008 – Лизунов П.В. Главное общество российских железных дорог: надежды и разочарования // Вестник Северного федерального университета. Сер. гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 29-37.

Мертенс 1919 – Мертенс О. Тридцать лет (1882-1911гг.) русской железнодорожной политики и ее экономическое значение М., 1919.

Мигулин 1900 – Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1899). Харьков, 1900. Т. 2.

Недорунов 2004 – Недорунов А.Н. Правовые основы и организационное устройство государственных и частных железных дорог России в начале XX века (на примере дорог южного направления). Ростов н/Д., 2004. 166 с.

Соловьева 1968 – Соловьева А.М. Из истории выкупа частных железных дорог в России в конце XIX века // Исторические записки. 1968. Т. 82. С. 89-119.

Соловьева 1975 – Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. 315 с.

- Статистический сборник МПС 1885 – Статистический сборник МПС. выпуск 10. СПб., 1885.
 Статистический сборник МПС 1897 – Статистический сборник МПС. выпуск 46. СПб., 1897.
 Статистический сборник МПС 1901 – Статистический сборник МПС. выпуск 65. СПб., 1901.
 Тарасевич и др. 2000 – Тарасевич Л.С., Гальперин В.М., Игнатъев С.М. 50 лекций по микроэкономике. М., 2000. 862 с.
 Тестов 2013 – Тестов В.Н. Из истории выкупа Курско-Харьково-Азовской железной дороги в 90-х г. XIX в. // Вестник московского государственного областного университета, Сер. История и политические науки. 2013. № 2. С. 32-36.
 Тестов 2009 – Тестов В.Н. Преобразования в системе управление российскими железными дорогами в последней четверти XIX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета, Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 1. С. 80-87.
 Хромов 1950 – Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX-XX веках. М., 1950.
 Хусаинов 2012 – Хусаинов Ф.И. Экономические реформы на железнодорожном транспорте. М., 2012. 192 с.
 Чупров 1909 – Чупров А.И. Из прошлого русских железных дорог. М., 1909.
 Blanchard 2000 – Blanchard I. Russian railway construction and the Urals charcoal iron and steel industry, 1851-1914 // The Economic History Review. 2000. № 1 (53). pp. 107-126.
 Goldsmith 1961 – Goldsmith R. The Economic Growth of Tsarist Russia 1860-1913 // Economic Development and Cultural Change. 1961. 3 (9). pp. 441-475.
 Goodwin Grennes, 1998 – Goodwin B., Grennes T. Tsarist Russia and the World Wheat Market // Explorations in Economic History. 1998. № 4 (35). pp. 405-430.
 Metzer 1974 – Metzer J. Railroad Development and Market Integration: The Case of Tsarist Russia // The Journal of Economic History. 1974. № 3 (34). pp. 529-550.
 Nykänen 2013 – Nykänen N. Industrial Clusters in the Russian Empire 1860–1913. Jyväskylä, 2015.
 Starns 2012 – Starns K. The Russian Railways and Imperial Intersections in the Russian Empire. Washington, 2012.
 Westwood 1964 – Westwood J. A History of Russian Railways. London, 1964.

References:

- Aliev, Blagikh 2012 – Aliev Sh.I., Blagikh I.A. Osobennosti gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii (na primere stroitel'stva i ekspluatatsii zheleznykh dorog) [Features of public-private partnership in Russia (for example, the construction and operation of railways)] // Problemy sovremennoi ekonomiki, 2012. № 1. pp. 388-392 [in Russian]
 Bliokh 1878 – Bliokh I.S. Vliyanie zheleznykh dorog na ekonomicheskoe sostoyanie Rossii. [Influence of railways on the economic situation in Russia] SPb, 1878. Т. 1. [in Russian]
 Bliokh 1882 – Bliokh I.S. Finansy Rossii XIX stoletiya. Istoriya i statistika. [Finance Russia of the XIX century. History and Statistics] SPb., 1882. Т. 4. 337 p. [in Russian]
 Vitte 2014 – Vitte S.Yu. Vospominaniya [Memories]. М., 2014. Т. 1 [in Russian]
 Georgievskii 1887 – Georgievskii P.I. Finansovye otnosheniya gosudarstva i chastnykh zh.-dorozhnykh obshchestv v Rossii i zapadno-evropeiskikh gosudarstv [Financial relations between the state and private Jean-road companies in Russia and Western European countries]. SPb., 1887. [in Russian]
 Golitsyn 2011 – Golitsyn Yu. Tsennye bumagi i zloupotrebleniya pri stroitel'stve zheleznykh dorog vo vtoroi polovine XIX veka [Securities and abuse in the construction of railroads in the second half of the XIX century] // Birzhevoe obozrenie, 2011. № 1. pp. 16-18. [in Russian]
 Gulidova 2011 – Gulidova Yu.I. Zheleznodorozhnaya revolyutsiya v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The railway revolution in Russia in the second half of XIX - early XX century] // Ekonomicheskii zhurnal, 2011. № 2. pp. 135-142 [in Russian]
 Davydov 2010 – Davydov M.A. Vserossiiskii rynek v kontse XIX — nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika. SPb., 2010. 830 p. [in Russian]
 Ezhegodnik Rossii 1905 – Ezhegodnik Rossii. 1904g. [Russian Yearbook. 1904]. SPb., 1905 [in Russian]
 Karpenkova 2014 – Karpenkova T.V. Politika Rossiiskogo gosudarstva v zheleznodorozhnom stroitel'stve (1860-1914) [The policy of the Russian state in railway construction (1860-1914)] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. № 4. pp. 149-160 [in Russian]
 Kratkii istoricheskii 1898 – Kratkii istoricheskii ocherk razvitiya i deyatelnosti vedomstva putei soobshcheniya za 100 let ego sushchestvovaniya (1798-1898) [A brief historical sketch of the development and activities of the Ministry of Railways for 100 years of its existence (1798-1898)]. SPb., 1898. [in Russian]
 Kul'zhinskii 1909 – Kul'zhinskii S. K voprosu o chastnykh zheleznykh dorogakh v Rossii // Osobaya vysshaya komissiya po vsestoronnemu obsledovaniyu zheleznodorozhnogo dela v Rossii. SPb., 1909. Vyp. 18. [in Russian]
 Lizunov 2008 – Lizunov P.V. Glavnoe obshchestvo rossiiskikh zheleznykh dorog: nadezhdy i razocharovaniya [Main Company of Russian Railways: hopes and disappointments] // Vestnik Severnogo federal'nogo universiteta. Ser. gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2008. № 4. pp. 29-37. [in Russian]

Mertens 1919 – Mertens O. Tridtsat' let (1882-1911) russkoi zheleznodorozhnoi politiki i ee ekonomicheskoe znachenie [Thirty years (1882-1911 gg.) Russian railway policy and its economic importance]. M., 1919. [in Russian]

Migulin 1900 – Migulin P.P. Russkii gosudarstvennyi kredit (1769-1899) Khar'kov, 1900. T. 2. [in Russian]

Nedorubov 2004 – Nedorubov A.N. Pravovye osnovy i organizatsionnoe ustroistvo gosudarstvennykh i chastnykh zheleznykh dorog Rossii v nachale XX veka (na primere dorog yuzhnogo napravleniya). Rostov n/D., 2004. 166 p. [in Russian]

Solov'eva 1968 – Solov'eva A.M. Iz istorii vykupa chastnykh zheleznykh dorog v Rossii v kontse XIX veka // Istoricheskie zapiski. 1968. T. 82. pp. 89-119. [in Russian]

Solov'eva 1975 – Solov'eva A.M. Zheleznodorozhnyi transport Rossii vo vtoroi polovine XIX veka. M., 1975. 315 p. [in Russian]

Statisticheskii Sbornik MPS 1885 – Statisticheskii sbornik MPS. vypusk 10. [Statistical Yearbook of the Ministry of Railways. release 10]. SPb., 1885 [in Russian]

Statisticheskii Sbornik MPS 1897 – Statisticheskii sbornik MPS. vypusk 46. [Statistical Yearbook of the Ministry of Railways. release 46]. SPb., 1897 [in Russian]

Statisticheskii Sbornik MPS 1901 – Statisticheskii sbornik MPS. vypusk 65. SPb., 1901 [Statistical Yearbook of the Ministry of Railways. release 65] [in Russian]

Tarasevich 2000 – Tarasevich L.S., Gal'perin V.M., Ignat'ev S.M. 50 lektzii po mikroekonomike [50 lectures on microeconomics]. M., 2000. 862 p. [in Russian]

Testov 2013 – Testov V.N. Iz istorii vykupa Kursko-Khar'kovo-Azovskoi zheleznoi dorogi v 90-kh g. XIX v. [From the history of redemption Kursk-Kharkiv-Azov railroad in the 90th of the XIX century] // Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Ser. Istoriya i politicheskie nauki, 2013. № 2. pp. 32-36 [in Russian]

Testov 2009 – Testov V.N. Preobrazovaniya v sisteme upravleniya rossiiskimi zheleznyimi dorogami v poslednei chetverti XIX veka [Transformations in the management of Russian Railways in the last quarter of the XIX century] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika, 2009. № 1. pp. 80-87 [in Russian]

Khromov 1950 – Khromov P.A. Ekonomicheskoe razvitiye Rossii v XIX-XX vekakh. [The economic development of Russia in XIX-XX centuries]. M., 1950. [in Russian]

Khusainov 2012 – Khusainov F.I. Ekonomicheskie reformy na zheleznodorozhnom transporte M., 2012. 192 p.

Chuprov 1909 – Chuprov A.I. Iz proshlogo russkikh zheleznykh dorog [From past Russian Railways]. M., 1909. [in Russian]

Blanchard 2000 – Blanchard I. Russian railway construction and the Urals charcoal iron and steel industry, 1851-1914 // The Economic History Review. 2000. № 1 (53). pp. 107-126.

Goldsmith 1961 – Goldsmith R. The Economic Growth of Tsarist Russia 1860-1913 // Economic Development and Cultural Change. 1961. 3 (9). pp. 441-475.

Goodwin, Grennes 1998 – Goodwin B., Grennes T. Tsarist Russia and the World Wheat Market // Explorations in Economic History. 1998. № 4 (35). pp. 405-430.

Metzer 1974 – Metzer J. Railroad Development and Market Integration: The Case of Tsarist Russia // The Journal of Economic History. 1974. № 3 (34). pp. 529-550.

Nykänen 2013 – Nykänen N. Industrial Clusters in the Russian Empire 1860–1913. Jyväskylä, 2015.

Starns 2012 – Starns K. The Russian Railways and Imperial Intersections in the Russian Empire. Washington, 2012.

Westwood 1964 – Westwood J. A History of Russian Railways. London, 1964.

УДК 94(47).082

Причины выкупа частных железных дорог в Российской Империи в период царствования Александра III

Павел Алексеевич Гурьянов^{а,*}

^а Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена причинам выкупа ряда частных железных дорог в Российской Империи в период царствования Александра III. Рассматриваются предпосылки к данному шагу. После поражения в Крымской войне государство стало рассматривать два основных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pavelgurianov19@gmail.com (П.А. Гурьянов)

пути строительства железных дорог: за счет казны и за счет частных капиталов, в том числе иностранных. Попытки организации совместных капиталов частного иностранного и отечественного на примере Главного Российского общества железных дорог окончились печально. Зарубежный капитал интересовала в основном спекулятивная игра на российской бирже, в итоге большинство акций общества достались российскому капиталу. Для поддержки частного российского капитала правительство пошло по пути гарантии капитала, в определенных случаях как акционерного, так и облигационного или одного из видов капитала. При раздаче концессий огромное значение имели не экономические факторы, а близость к элите или коррупционная составляющая. Не редко выигрывали концессии те, кто предлагал наименьшую цену, что сказывалось на качестве строительства железных дорог в стране. В итоге концессии достались не самым профессионально подготовленным людям, которые практически полностью бремя расходов переложили на государство, а барыши в массе своей доставались частным владельцам. В итоге столь разорительная практика для казны вынудило правительство выкупить значительную часть частных железных дорог на приемлемых для себя условиях. В итоге изначально порочная практика гарантий и коррупции помешало проявлению реальной частной предпринимательской инициативы

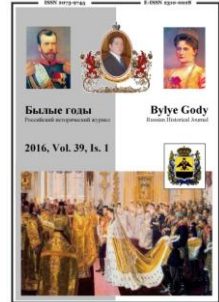
Ключевые слова: выкуп, государственные концессии, железнодорожное строительство, предпринимательские риски, русские железные дороги, частные железные дороги, эффективность управления.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 183-189, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47).082 (470.56)

Public works as a way of overcoming of a food crisis: historical experience of the Orenburg region (1891–1892 years)

Sergey V. Lyubichankovskiy^{a, *}, Olesya Yu. Nikolaeva^a

^a Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Abstract

The subject of food crisis of 1891-1892 in the Russian Empire, including the organization of public works by the government, has long history of studying. This problem gradually moved from the periphery to the center of attention of researchers. The Orenburg region in this context is the real terra incognita as its rich sources materials wasn't attracted at the solution of the matter at all though this region appeared among the most affected territories. Government campaign of the help to the population which was injured from a crop failure of 1891 included measures for regulation of the grain prices and railway tariffs, food aid in the form of grain loans and the labor help. Within the Orenburg region the main actions were the loan operation and the organization of public works. Unlike the loan operation introduction of public works in the Orenburg region in practice was inefficient – only 4% of the needing population used this type of the help. The reasons of so obvious failure of campaign for opening of public works consisted in the wrong approach to its organization: the untimely beginning (the majority of works opened in the spring of 1892 when crisis declined, and peasants were busy in their fields), the wrong choice of works (the majority of works were connected with construction and demanded special skills which peasants didn't possess).

Keywords: public works, food crisis, Orenburg region, efficiency, peasantry, government help.

1. Введение

Неурожай в России – явление нередкое, но неурожай 1891 г. стал самым сильным в пореформенной России; по официальным данным, пострадали 17 губерний центрально-черноземной части Российской империи и Поволжья: Воронежская, Вятская, Казанская, Калужская, Курская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Уфимская, а также частично Архангельская, Олонецкая, Таврическая, Харьковская, Херсонская губернии.

Изучение исторического опыта выхода из продовольственного кризиса, борьбы с ним – задача всегда актуальная, ибо гарантии от повторения аналогичной ситуации не может дать никто. Эта тема затрагивает комплекс проблем экономического, общественно-политического и социального плана, многие из которых в современной историографии носят дискуссионный характер и позволяют по-разному взглянуть на потенциал развития пореформенной России.

В качестве одной из важнейших мер помощи населению, пострадавшему от неурожая в 1891 году, правительством была предложена идея общественных работ. Идея эта не нова и уже неоднократно применялась по всему миру. В России такой вид помощи пострадавшему от бедствий населению применялся еще при Борисе Годунове, позже к нему прибегала и Екатерина II, и уже тогда был сформирован главный принцип общественных работ – доступность всему населению, не зависимо от возраста и профессиональных навыков (Клинчин, 1911: 1495) Устраивая такие работы,

* Corresponding author

E-mail addresses: svlubich@yandex.ru (S.V. Lyubichankovskiy),
olesyapanferova@yandex.ru (O.Yu. Nikolaeva)

правительство преследовало цель оказать помощь нуждающимся не в виде ссуд и займов, выдаваемых заведомо неплатежеспособному населению, а в виде заработков, чтобы не поощрять паразитические настроения. Опасения правительства были не напрасны, так как среди многих крестьян господствовало убеждение, что царь поможет в любом случае. Известны ситуации, когда крестьяне, отправившись на заработки в город, возвращались обратно, убежденные, что в деревне их царь «как-нибудь прокормит» (Любичанковский, 2007: 11-15).

Целью настоящей статьи является анализ практики применения общественных работ в Оренбургской губернии в 1891-1892 гг. в качестве механизма преодоления последствий продовольственного кризиса.

2. Материалы и методы

Целевые установки исследования определили необходимость обращения к достаточно большому кругу как архивных, так и опубликованных исторических источников. Архивные материалы являются делопроизводственными документами. Они были извлечены из фондов Государственного архива Оренбургской области. Это циркуляры МВД губернаторам пострадавших регионов, рапорты уполномоченного от МВД в Оренбургскую губернию флигель-адъютанта полковника Косача о состоянии продовольственного дела в уездах Оренбургской губернии, еженедельные отчеты губернатора о выдаче ссуд, жалобы жителей Оренбургской губернии, сведения о злоупотреблениях при заготовках хлеба, переписка между местными и центральными органами государственной власти по вопросам проведения в жизнь государственных мероприятий, направленных на оказание помощи голодающему населению.

Отдельный пласт источников составляют различные издания периодической печати. Помимо центральной газеты «Московские ведомости», которая хорошо отражала общероссийские данные о ситуации в стране в период голода 1891 года, это еще и первая частная газета Оренбургской губернии – «Оренбургский листок». Данное издание особенно значительно в качестве исторического источника, так как дает ценную информацию о жизни губернии во время голода, о состоянии хлебного рынка, о развитии благотворительности, об активности населения в деле организации помощи голодающим, о настроениях в губернии, об отношении к правительственной помощи.

Считаем важным подчеркнуть, что выявленные источники вводятся в научный оборот впервые. Вовлечение данного комплекса материалов позволяет объективно и всесторонне рассмотреть тему общественных работ на территории Оренбургской губернии в условиях продовольственного кризиса 1891-1892 гг.

3. Обсуждение

Востребованность анализа названной проблематики обусловлена и ее малоизученностью: специальных монографий по проблеме взаимодействия власти и общества в условиях бедствия 1891 года в России издано не было. Голод 1891 года в Оренбургской губернии вообще не являлся еще объектом специального анализа, это настоящая terra incognita.

Первые работы о голоде 1891–1892 гг. были написаны непосредственными очевидцами событий, а потому зачастую носили публицистический характер и несли отпечаток политических взглядов их авторов (Сухоплюев, 1907). В дореволюционный период выходит ряд работ, посвященных продовольственному кризису 1891-1892 гг. Пристальное внимание к проблеме объяснялось, прежде всего, ее особой значимостью для населения России и прикладным характером исследований. Из всей массы дореволюционных работ, посвященных продовольственному делу, выделяются книги министра земледелия и государственных имуществ в 1894-1905 гг., видного ученого-агронома и публициста А.С. Ермолова, вышедшие в 1892 и 1909 гг. (Ермолов, 1892). Автор дал им положительную оценку как высокоэффективным. В труде В. Максимова (Максимов, 1905), напротив, реализация общественных работ как способа борьбы с голодом была оценена как неэффективная и страдавшая от коррупции (Максимов, 1905: 148). Подчеркнем, что в этих работах материал Оренбургской губернии вообще не привлекался, хотя она находилась в эпицентре голода.

Советская историография при обращении к теме правительственной помощи голодающим брала за основу ленинскую характеристику, согласно которой продовольственная политика в голодные годы была не чем иным, как «борьбой с голодающими» (Ленин, 1967: 277-284). Специальных работ, посвященных продовольственному кризису 1891-1892 гг., на всем протяжении советского этапа не создавалось, однако данная тема поднималась историками главным образом в связи с изучением положения крестьянских хозяйств перед революцией. Лейтмотивом всех исследований указанного периода стало признание недостаточности правительственных мероприятий по борьбе с голодом и высокая оценка общественной помощи. Важно, что и в советский период не появилось ни одной работы, в которой затрагивалась бы история продовольственного кризиса 1891-1892 гг. именно в Оренбургской губернии.

Третий этап в развитии отечественной историографии наступил с начала 1990-х годов. В 1997 г. была защищена диссертация М.Д. Книги – одно из первых исследований, специально посвященных истории продовольственного кризиса 1891-1892 гг. (Книга, 1997). Важно подчеркнуть, что несмотря на свое название, в данной диссертации высокопрофессионально была подвергнута конкретно-

историческому анализу ситуация продовольственного кризиса 1891-1892 гг. именно в Воронежской губернии, которая в очень большой степени пострадала от голода. Проблема изучения характерных черт разворачивания продовольственного кризиса 1891-1892 гг. и способов борьбы с ним в других регионах позднеимперской России, включая и Оренбургскую губернию, по-прежнему остается открытой.

Очень активно в последнее десятилетие идет изучение роли негосударственных организаций в борьбе с голодом, а именно благотворительных обществ (Мокроносова, 2002), органов местного самоуправления (Коробейников, 2003), церкви (Власова, 2011), периодической печати (Нечипорук, 2005: 44-47). В центре внимания ученых такие губернии, как Тамбовская, Пермская, Орловская, Воронежская. Между тем общепризнано, что продовольственный кризис охватил 17 губерний. Таким образом, полномасштабное изучение проблемы сегодня возможно только за счет исторического исследования ситуации в других регионах, охваченных неурожаем.

Таким образом, тема продовольственного кризиса 1891-1892 гг. и устройства общественных работ в Российской империи имеет длительную историю изучения. Данная проблема постепенно перемещалась из периферии к центру внимания исследователей. Имеющийся историографический задел позволяет, с одной стороны, констатировать важность анализа истории продовольственного кризиса 1891-1892 гг. для понимания проблемы развития взаимоотношений власти и общества в позднеимперской России; с другой стороны, отметить перекося исследовательского внимания при изучении данного кризиса на территорию центральной России, тогда как полноценное и полномасштабное понимание происходивших в условиях кризиса исторических процессов возможно только на основе изучения всех регионов, попавших под его воздействие. И это делает важным и актуальным последовательное исследование региональной составляющей продовольственного кризиса 1891-1892 гг. Оренбургская губерния в этом контексте является настоящей *terra incognita*, поскольку ранее ее богатый источниковый материал вообще не привлекался при решении данного вопроса, хотя она оказалась в числе наиболее пострадавших регионов по целому ряду параметров.

4. Результаты

Центральная власть достаточно оперативно отреагировала на сообщения с мест о гибели урожая в 1891 году и тяжелой продовольственной ситуации. Весь комплекс правительственных мер по борьбе с голодом можно разделить на несколько направлений: регулирование хлебного экспорта и железнодорожных тарифов, оказание продовольственной и трудовой помощи пострадавшему населению, организация благотворительной деятельности.

Основным видом правительственной помощи населению, пострадавшему от неурожая, стала ссуда на обсеменение и продовольствие. За период с осени 1891 г. по лето 1892 г. в Оренбургской губернии было выдано 4 282 769 пудов хлеба и 136 825 руб. деньгами, т.е. более 98 % всей ссуды выдавалось зерном (Временник..., 1894: 400). Правительственную помощь повсеместно в губернии стали выдавать в октябре 1891 г., но наиболее активно государственная ссуда в Оренбургской губернии выдавалась в период с декабря 1891 г., по май 1892 г., в те месяцы, когда население нуждалось в помощи особенно сильно. Так как Оренбургская губерния не располагала достаточным запасом хлеба, кроме того, цены на местном рынке стали существенно подниматься, хлеб для выдачи ссуд пришлось закупать в других регионах. При проведении ссудной операции в Оренбургской губернии местная администрация столкнулась с рядом трудностей – нехватка кадров (что осложняло процедуру проверки списков нуждающихся), неразвитость путей сообщения (что мешало своевременной доставке зерна на места), злоупотребления среди должностных лиц (что вело и к поставкам некачественного хлеба и к нарушениям правил раздачи ссуды). Но, несмотря на эти недостатки, ссудную операцию можно назвать самой успешной из всего комплекса правительственных мер по преодолению продовольственного кризиса 1891-1892 гг., так как ею было охвачено 45,5 % населения Оренбургской губернии.

Предложение об открытии общественных работ в пострадавших от неурожая 1891 года регионах рассматривалось в министерстве внутренних дел уже к концу июля 1891 года, однако организация работ началась только осенью 1891 – зимой 1892 гг. С этой целью был создан специальный комитет по общественным работам, во главе с генералом М. Н. Анненковым. Кандидатуру М.Н. Анненкова предложил министр внутренних дел И. Н. Дурново, полагая, что он как человек военный, возглавлявший строительство Транскаспийской железной дороги, сможет организовать и контролировать общественные работы. Однако в дальнейшем выяснилось, что выбор был не вполне удачный.

Идея общественных работ была неоднозначно воспринята общественностью, что можно проследить на примере печати. Так, например, газета «Новое время» горячо приветствует идею: «Крупная новость дня: решено приступить к организации общественных работ в широких размерах для предоставления заработков населению пострадавших от неурожая местностей» (Новое время, 1891). Газета «Московские ведомости» подводит итог: «Мысль не новая, но не совершенно верная» (Московские ведомости, 1891). Событие это нашло отражение и в местных газетах, в том числе и в первой частной газете Оренбургской губернии «Оренбургском листке». Редакция газеты положительно воспринимает саму идею организации работ: «Общественные работы в Оренбурге

были бы истинным благодеянием нашему мещанству, которое состоит почти все из земледельцев. Оно зимою решительно не знает, за что зацепить свои рабочие руки, и только проедается, а теперь должна, так как частных работ нет вовсе» (*Оренбургский листок*, 1891). Однако тут же, в этой же статье автор критикует саму организацию данного мероприятия, жалуясь, что столь важное дело приняло «водевильный характер».

Вопрос об открытии общественных работ в Оренбургской губернии и в г. Оренбурге был рассмотрен городской думой и Оренбургским губернским распорядительным комитетом еще в декабре 1891 года вследствие телеграммы генерал-лейтенанта М.Н. Анненкова (ГАОО, Ф. 137. Оп. 1. Д. 13. Л. 3). В телеграмме М.Н. Анненкова были намечены следующие работы: исправление и капитальный ремонт почтовых грунтовых дорог, исправление и постройка дорожных сооружений, постройка запасных хлебных амбаров, постройка элеватора в г. Оренбурге, и постройка шоссе от г. Троицка до Кустаная. Часть работ бралась оплатить казна, остальные средства должен был выделить город. На заседании губернского распорядительного комитета 18 января 1892 г. предложение М.Н. Анненкова было пересмотрено с учетом необходимости намеченных им работ. В итоге комитет признал необходимость постройки элеватора в г. Оренбурге, исправление некоторых участков на Миасско-Троицком и Орском трактах, проведение нового почтового тракта от Верхнеуральска до станции «Вязовой» Уфа-Златоусовской железной дороги, а также постройку сельских лечебниц. Сельские лечебницы было решено построить еще по утверждению государственного совета от 10 мая 1888 г., но к 1892 году их было устроено всего 4 из запланированных 10 и то в наемных и неподходящих для этих целей помещениях, теперь же губернский распорядительный комитет посчитал хорошей возможностью построить лечебницы в счет общественных работ (ГАОО, Ф. 137. Оп. 1. Д. 13. Л. 7).

Свой список предполагаемых работ составляет и городская дума на заседании 7 января 1892 г. Было решено: 1) вымостить дорогу от Оренбургского менового двора до железнодорожной станции «Оренбург», вымостить торговые площади и некоторые улицы; 2) устроить постоянный мост на каменных устоях через р. Урал с каменной дамбой до менового двора; 3) построить элеватор в г. Оренбурге; 4) укрепить берега реки Урал. На том же заседании была избрана комиссия, которая подсчитала затраты: на мост – 250 тыс. руб., на элеватор – 350 тыс. руб., на мощение дороги и площадей – 150 тыс. руб., на укрепление берегов Урала – 20 тыс. руб., на канализацию для спуска нечистот – 100 тыс. руб., на постройку скотобойни – 200 тыс. руб. Всего получилось 1070 тыс. рублей. Строительство элеватора полностью брала на себя казна, остальные же расходы необходимо было делить пополам, поэтому дума также постановила просить рассрочку у государства на 30 лет без процентов, предполагая начать выплачивать займ с 1895 года (ГАОО, Ф. 137. Оп. 1. Д. 3. Л. 4).

Как видно из журналов Оренбургской городской думы и губернского распорядительного комитета, планы были грандиозные, но деньги на их осуществление необходимо было просить у казны, и зачастую приходилось слышать отказ. Так произошло с проектом мощения дороги от Оренбургского менового двора до железнодорожной станции «Оренбург», а также площадей и улиц города. Еще в марте месяце Оренбургский городской голова, возглавляющий комиссию гласных в городской думе, которая отвечала за общественные работы, обратился к заведующему общественными работами по Оренбургской губернии М.С. Кропотову с просьбой поддержать ходатайство на займ для мощения дороги, площадей и улиц. Вместе с письмом голова высылает смету на 197537 руб. 49 коп. М.С. Кропотов просит сократить запрашиваемую сумму, в ответ вновь составляется смета, но уже на 75 тыс. руб. В итоге к апрелю сумма была снижена до 50 тыс. руб., однако ответ от М.Н. Анненкова все равно был отрицательным: «Особое совещание на заседании 26 апреля в виду распределения всех отпущенных в его распоряжение средств и считая население пострадавших от неурожая местностей по возможности обеспеченным в насущном пропитании теми работами, которые уже предприняты на счет ассигнованного кредита. А равно ссудами, назначенными правительством и частною благотворительностью, не признало возможным испрашивать какие-либо новые средства и постановило отклонить все дальнейшие ходатайства» (ГАОО, Ф. 137. Оп. 1. Д. 3. Л. 5).

Несмотря на то, что было запланировано множество работ, воплотить удалось не все, а только следующие: постройка церквей со школами в селах Оренбургской губернии, постройка элеватора в г. Оренбурге, поставка телеграфных столбов для линии Троицк – Кустанай, заготовка леса, постройка хлебных магазинов в п. Кустанай, устройство канализации для стока нечистот в г. Оренбурге (ГАОО, Ф. 137. Оп. 1. Д. 16. Л. 2). На все эти работы за 3 года было потрачено 451974 руб.

Теперь попробуем выяснить, насколько эффективными оказались общественные работы с точки зрения помощи пострадавшим от неурожая. Судить об этом можно было бы, если бы мы знали, сколько человек были задействованы в работах. К сожалению точных данных нет, но можно высчитать примерное количество. Известно, что средняя заработная плата рабочего составляла 60 копеек в день. Нам известна общая сумма потраченных средств, теперь необходимо выяснить, какая часть от этой суммы пошла на зарплату рабочим. Для этого обратимся к [таблице 1](#).

Таблица 1. Средства, затраченные на строительство элеватора в г. Оренбурге за 1893 год, руб.

месяц	общий расход	зарплата рабочих
февраль	19,1	Нет данных
март	3767,15	1022,57
апрель	48,9	29,25
май	661,23	Нет данных
июнь	309,68	199,55
июль	3575,72	801,23
август	4876,52	490,8
сентябрь	2968,43	829,52
октябрь	2017,28	122,76
ноябрь	1912,98	687,72
декабрь	1857,93	435,57
итого	22014,92	4618,97

Источник: (ГАОО, Ф. 137. Оп. 1. Д. 16. Л. 13-14)

Из таблицы видно, что на зарплату ушла примерно 1/5 часть всех потраченных денег. Допустим погрешность расчетов и тот факт, что на других работах соотношение может быть иным, и примем за среднее число – 1/3 часть. Тогда получается, что за 3 года на зарплату была потрачена 1/3 часть от общей суммы – 150658 руб. Теперь разделим на количество дней. За 3 года получается 1095 дней, но, учитывая, что не все дни были рабочими, округлим эту цифру до 1000 дней. В итоге, в день на заработанную плату для рабочих уходило в среднем по 150 руб. 70 коп. Теперь разделим на среднюю зарплату одного рабочего и получим, что в день было задействовано всего 252 человека. Предположим, что 1 человек кормил семью из четверых, выходит цифра в 1008 человек. Конечно же, это количество ничтожно мало, если учесть, что только в Оренбурге, по признанию членов городской думы, было около 40000 нуждающихся (ГАОО, Ф. 137. Оп. 1. Д. 3. Л. 8). Вскрытая проблема не являлась специфически оренбургской: известно, в Саратовской губернии получили заработок только 6,7% нуждающихся в работах, в Самарской – 5,5%.

5. Заключение

Итак, своей главной задачи – обеспечения пострадавшего от неурожая населения заработком – кампания по проведению общественных работ в Оренбургской губернии не выполнила. В чем же причины неудачи данного мероприятия? Это пытались объяснить еще современники, указывая в качестве причин и организационные просчеты, и некомпетентность высшего руководства в лице М.Н. Анненкова, и даже некультурность населения, не желавшего принимать участие в этих работах (Клинчин, 1911: 14). Последнее доказывают свидетельства газет, печатающих истории с мест. В частности, в одном из номеров «Московских ведомостей» за 1891 год была опубликована история о том, как земский начальник прибывает в деревню и интересуется у мужиков, как они живут. Крестьяне отвечают, что плохо, так как нет хлеба, на что земский начальник берется найти им работу. Прибыв через некоторое время в ту же деревню с вопросом, сколько работников они могут поставить, начальник видит замешательство среди крестьян и слышит фразу: «Какие из нас работники?» (Московские ведомости, 1891а: 6). Такое поведение крестьян вполне объяснимо, так как они привыкли к сельскохозяйственному труду, а большинство общественных работ требовали от них навыков в строительном деле. На это несоответствие указывал американский профессор Ричард Роббинс, говоря о причинах неудачи мероприятий по проведению общественных работ (Robbins, 1975: 184).

Однако главной причиной провала кампании, на наш взгляд, можно назвать ее масштабность. Те работы, которые были запланированы в качестве общественных, требовали огромных финансовых затрат. Кроме того, чаще всего, они были рассчитаны не на один год, что несло с собой дополнительные трудности.

Таким образом, общественные работы в Оренбургской губернии были запланированы с большим размахом, но ощутимой пользы населению не принесли. Они стали самым слабым местом во всей кампании по оказанию помощи голодающим. Исторический опыт Оренбургской губернии, которая являлась одной из наиболее пострадавших в период продовольственного кризиса 1891-1892 гг., позволяет развенчать сложившийся в историографии миф о том, что общественные работы стали для поздней имперской России новаторским мероприятием, сыгравшим роль панацеи в борьбе с голодом. По крайней мере в одном из крупных аграрных регионов России – Оренбургском крае – эта мера не смогла оказать того позитивного воздействия, которого от нее ожидало правительство.

Литература

Власова, 2011 - Власова А.В. Социальная деятельность Русской Православной Церкви на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: автореферат диссертации кандидата исторических наук. Челябинск, 2011. 25 с.

Временник..., 1894 - Временник центрального статистического комитета министерства внутренних дел. 1894. № 28.

ГАОО - Государственный архив Оренбургской области.

Ермолов, 1892 - Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. 214 с.

Клинчин, 1911 - Клинчин Ф. Общественные работы, как мера борьбы с последствиями неурожая // Земское дело. 1911. №22. С. 1495.

Книга, 1997 - Книга М.Д. История голода 1891–1892 гг. в России: автореферат диссертации кандидата исторических наук. Воронеж, 1997. 22 с.

Коробейников, 2003 - Коробейников Ю.В. Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления России в 1864-1917 гг.: автореферат диссертации кандидата исторических наук. Ставрополь, 2003. 22 с.

Ленин, 1967 - Ленин В.И. Борьба с голодающими // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 5. М.: Политиздат, 1967. С. 277-284.

Любичанковский, 2007 - Любичанковский С.В. Миф о власти и власть мифа // Родина. 2007. №1. С.11-15.

Максимов, 1905 - Максимов В. Очерки по истории общественных работ в России. СПб., 1905. 301 с.

Мокроносова, 2002 - Мокроносова О.М. Благотворительные организации во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Южного Урала: автореферат диссертации кандидата исторических наук. Оренбург, 2002. 24 с.

Московские ведомости, 1891 - Московские ведомости, 1891. №323. С.4.

Московские ведомости, 1891а - Московские ведомости, 1891а. №349. С.6.

Нечипорук, 2005 - Нечипорук Д.М. Освещение голода в России 1891-1892 гг. на страницах газеты «Free Russia» // Клио. 2005. №3. С.44-47.

Новое время, 1891 - Новое время, 1891. №5650. С.2.

Оренбургский листок, 1891 - Оренбургский листок, 1891. 4 декабря. С.4.

Сухоплюев, 1907 - Сухоплюев И.К. Исторический обзор источников и литературных пособий по продовольственному делу. Чернигов: Губернская типография, 1907. 120 с.

Robbins, 1975 - Robbins R. Famine in Russia 1891-1892. New York: Itacka Press, 1975.

References:

Ermolov A. Crop failure and national disaster. Sankt-Peterburg, 1892. 214 p. (In Russian).

Klinchin F. Public works as measure of fight against crop failure consequences. *Zemskoe delo*. 1911. №22. P. 1495. (In Russian).

Kniga M. History of hunger of 1891 - 1892 in Russia: abstract of the thesis of the candidate of historical sciences. Voronezh, 1997. 22 p. (In Russian).

Korobeinikov V. Historical experience of implementation of a public aid needing local governments of Russia in 1864-1917: abstract of the thesis of the candidate of historical sciences. Stavropol, 2003. 22p. (In Russian).

Lenin V. Fight with starving. *Complete works*. Vol. 5. Moscow: Politizdat, 1967. P. 277-284. (In Russian).

Lyubichankovskiy S. The myth about the authorities and the power of the myth. *Rodina*. 2007. №1. P.11-15. (In Russian).

Maksimov V. Sketches on stories of public works in Russia. Sankt-Peterburg, 1905. 301p. (In Russian).

Modern times. 1891. №5650. P.2. (In Russian).

Mokronosova O. The charitable organizations in the second half of XIX - the beginning of the XX centuries: on materials of South Ural: abstract of the thesis of the candidate of historical sciences. Orenburg, 2002. 24p. (In Russian).

Moscow sheets. 1891. №323. P.4. (In Russian).

Moscow sheets. 1891a. №349. P.6. (In Russian).

Nechiporuk D. Publicizing of hunger in Russia 1891-1892 on pages of the Free Russia newspaper. *Klio*. 2005. №3. P.44-47. (In Russian).

Orenburg page. 1891. December, 4. P.4. (In Russian).

Suhopluev I. The historical review of sources and literary grants on food business. Chernigov: Provincial Printing House, 1907. 120 p. (In Russian).

State Archive of the Orenburg Region (GAOO).

Vlasova A. Social activity of Russian Orthodox Church in the Urals in the second half of XIX – the beginning of the XX century: abstract of the thesis of the candidate of historical sciences. Chelyabinsk, 2011. 25p. (In Russian).

Vremennik of the central statistical committee of the Ministry of Internal Affairs. 1894. № 28. P.400. (In Russian).

Robbins R. Famine in Russia 1891-1892. New York: Itacka Press, 1975. P.184.

УДК 94 (47).082 (470.56)

Общественные работы как способ преодоления продовольственного кризиса: исторический опыт Оренбургской губернии (1891–1892)Сергей Валентинович Любичанковский^{а, *}, Олеся Юрьевна Николаева^а^а Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. Тема продовольственного кризиса 1891-1892 гг. в Российской империи, включая организацию правительством общественных работ, имеет длительную историю изучения. Данная проблема постепенно перемещалась из периферии в центр внимания исследователей. Оренбургская губерния в этом контексте является настоящей terra incognita, поскольку ее богатый источниковый материал вообще не привлекался при решении данного вопроса, хотя данный регион оказался в числе наиболее пострадавших территорий. Правительственная кампания помощи населению, пострадавшему от неурожая 1891 г., включала в себя меры по регулированию хлебных цен и железнодорожных тарифов, продовольственную помощь в виде хлебных ссуд и трудовую помощь. В рамках Оренбургской губернии основными мероприятиями стали ссудная операция и организация общественных работ. В отличие от ссудной операции введение общественных работ в Оренбургской губернии на деле оказалось неэффективным – только 4 % нуждающегося населения воспользовались данным видом помощи. Причины столь очевидного провала кампании по открытию общественных работ заключались в неправильном подходе к ее организации: несвоевременное начало (большинство работ открывались весной 1892 г., когда кризис пошел на спад, а крестьяне были заняты работой в поле), неправильный выбор самих работ (большинство работ были связаны со строительством и требовали специальных навыков, которыми крестьяне не обладали).

Ключевые слова: общественные работы, продовольственный кризис, Оренбургская губерния, эффективность, крестьянство, правительственная помощь.

* Корреспондирующий автор

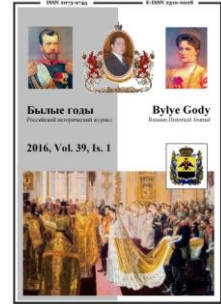
Адреса электронной почты: svlubich@yandex.ru (С.В. Любичанковский),
olesyapanferova@yandex.ru (О.Ю. Николаева)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 190-195, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The healthcare system in the Caucasus at the beginning of the XX century: the development features

Tatiana E. Gvarliani ^{a, *}, Rashad A. Kurbanov ^b, Teymur E. Zulfugarzade ^b

^a Laboratory of studying the problems of economic and social interaction, International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article based on the archival material deals with the healthcare system in the Caucasus at the beginning of the XX century.

In writing this article, the authors made use of reports from national archives of Georgia (Tbilisi, Georgia), the archival department of administration of Sochi (Sochi, Russian Federation). There is given the statistics from the works of Russian and foreign authors, and also reference literature.

The authors' use of the principles of objectivity, historicism, systematic, the integrated consideration of socio-subjective in the subject of study and the maximum possible neutrality of the relationship of the researcher to interpret and evaluate the factual material.

In conclusion, the authors stated that in the late of XIX – early XX centuries the healthcare system in the Caucasus has experienced a period of significant development. In this time, taking into account the regional peculiarities, there were developed the institutions of the health system, and have been taken measures of anti-epidemic struggle. Despite the difficulties of conducting the health activities in a multinational region the Russian administration managed to significantly reduce the number of patients in the Caucasus.

Keywords: the healthcare system, the Caucasian governorship, the beginning of the XX century.

Введение

Система здравоохранения в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. находилась в процессе модернизации. Этот процесс был связан с промышленным переворотом и увеличением численности индустриального общества. Отток населения из аграрного сектора в города потребовал и увеличения затрат на систему здравоохранения. Так, в с 1880 по 1913 г. численность врачей всех специальностей увеличилась с 13,5 тыс. до 28,1 тыс. человек (Миронов, 2015: 772). В 1901 г. в России медицинскую помощь получили 49 млн. чел., через три года, в 1904 – 57 млн., еще через три года, в 1907 – 69 млн., в 1910 – 86 млн. и в 1913 – 98 млн. То есть, если в 1901 г. только каждый 3-й житель империи имел возможность обратиться в лечебные учреждения, то в 1913 г. обратившихся за помощью было уже две трети всего населения (Новосельский, 1916: 82). В данной статье мы хотели бы рассмотреть систему здравоохранения на Кавказе в начале XX века.

Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали архивные документы национального архива Грузии (Тбилиси, Грузия), архивного отдела администрации города Сочи (Сочи, Российская Федерация).

* Corresponding author

E-mail addresses: antana-tata@mail.ru (Tatiana E. Gvarliani), Kurbanov.RA@rea.ru (Rashad A. Kurbanov), Zulfugarzade.TE@rea.ru (Teymur E. Zulfugarzade)

Привлечены статистические данные из трудов российских и зарубежных авторов, а также справочная литература.

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала.

Обсуждение

Историографию по теме развития здравоохранения в дореволюционный период можно разделить на три хронологических периода: дореволюционный, советский и современный российский периоды.

К дореволюционным авторам, которые рассматривали систему здравоохранения в России можно отнести работы С.А. Глебовского и В.И. Гребенщикова (Глебовский и Гребенщиков, 1907), помимо этого, важное значение имеет труд С.А. Новосельского (Новосельский, 1916). Среди авторов рассматривавших систему здравоохранения на Кавказе необходимо назвать работу П. Леонтьева (Леонтьев, 1899).

В советский период к данной теме исследования обращались такие авторы как Н.М. Пирунова (Пирумова, 1986), Л.Я. Скороходов (Скороходов, 1926) и др. В это время проблемы системы здравоохранения рассматривались в негативном свете, многие достижения здравоохранения не изучались или их результаты искажались.

В современный российский период к теме в общероссийском масштабе обращались Б.Н. Миронов и Г.Н. Ульянова (Ульянова, 2002: 624-651). Проблемам здравоохранения на Кавказе в период первой половины XIX века уделил внимание О.С. Пылков (Пылков, 2014). Становление и развитие медицины на территории Дагестана рассмотрел М.И. Ибрагимов (Ибрагимов, 2012). Автором был проанализирован процесс формирования прослойки медицинской интеллигенции в Дагестане, а также приведены данные о строительстве врачебной инфраструктуры. Важное внимание уделялось изучению опыта становления развитой системы здравоохранения и преодоления проблем в процессе её создания.

Результаты

Прежде чем приступить к рассмотрению поставленного вопроса, необходимо напомнить, что Кавказ был сравнительно недавно инкорпорирован в Российскую империю (Кавказская война завершилась только в 1864 г., сложности колонизации, введение новых социальных институтов, все это сильно задерживало реформирование).

В начале XX века заведование делами сельско-врачебной части Кавказского края, наблюдение за ее состоянием и деятельностью сельских медицинских чинов возлагалось:

- в губерниях Тифлисской, Кутаисской, Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской, а также в областях Дагестанской и Карской на помощников губернских и областных врачей;

- в Черноморской губернии – на местных врачебных инспекторов и помощников по сельско-врачебной части;

- Батумской области – на местного областного врача и в округах Сухумском и Закатальском – на Управление медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 3об.).

Управляющим медицинской частью на Кавказе был действительный статский советник Ф.Л. Фехнер (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 4).

Помощники губернаторского врачебного инспектора и губернских и областных врачей по сельско-врачебной части получали по 1840 руб. содержания в год, на разъезды по 350 руб. в год (в Черноморской губернии разъездные не предусматривались).

Необходимо отметить, что финансирование здравоохранения происходило за счет средств государства и земств. В 1900-е гг. финансирование строительства зданий под лечебницы на территории Кавказа осуществлялось за счет государства, в то время как земства в этих вопросах финансово не участвовали.

Что касается общих расходов на сельско-врачебную часть по отдельным губерниям и областям, в том числе, квартирные и разъездные по всему сельско-врачебному персоналу, то они выражались следующими цифрами. См. таблицу 1, по губернии:

Таблица 1. Расходы на сельско-врачебную часть на Кавказе

Административный район	Количество средств, в руб.
Губернии	
Тифлисской	105 518
Кутаисской	82 934
Бакинской	71 642
Елисаветпольской	94 226

Эриванской	82 934
Черноморской	25 482
Области	
Батумской	22 584
Карской	49 058
Дагестанской	105 518
В округе	
Сухумском	11 292
Закатальском	17 238
Управление	
Управление медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе	2 000
Всего	670 426

Источник: (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 2)

Не считая расходов на медикаменты, отпуск на которые выразился сметным назначением в 1907–1909 гг. в сумме по 84 тыс. руб. в год.

В начале XX века в России были особенно распространены острозаразные болезни. Среди них можно назвать оспу, тиф, скарлатину, корь, дифтерит, коклюш и др. (Таблица 2)

Таблица 2. Болезни, ставшие причиной смерти в Российской империи по годам

Годы	Среднее количество умерших в год (тыс.чел.)	От оспы (тыс. чел.)	От скарлатины (тыс. чел.)	От дифтерита (тыс. чел.)	От кори (тыс. чел.)	От коклюша (тыс. чел.)	От тифов (тыс. чел.)
1901-1905	466,3	41,9	112,4	53,3	107,8	73,3	78,4
1906-1910	423,1	42,0	106,6	57,6	80,3	63,9	72,7
1911-1914	374,3	29,0	86,9	54,8	85,1	58,2	60,2

Источник: (Ульянова, 2002: 624-651)

На Кавказе у заболевших были свои характерные особенности. Так, на территории Черноморской губернии в течение 1904 г. было зарегистрировано 67140 больных, из которых 3024 пользовались стационарным и 64116 амбулаторным лечением. Из общего числа больных на гор. Новороссийск приходилось 40952 чел. (61,0 %). Преобладающими болезнями были перемежающаяся лихорадка и болотная кахексия (тоже, что и малярия), дававшие 13716 случаев заболеваний, из них в г. Новороссийске — 5575 (40,6 %), в Новороссийском округе — 1685 (12,3 %), в Туапсинском — 1416 (10,3 %) и в Сочинском — 5040 (36,7 %) (Справочник..., 1907: 281-283).

Преобладающим заболеванием в Причерноморье была малярия. Практические наблюдения показали, что болотной лихорадкой заболевали преимущественно жители побережья и долин по течению рек, особенно где имелись застойная вода и болота — места выплода малярийного комара. Однако, чем выше располагались селения, тем меньше их жители болели малярией, а на высоте 600 и более метров заболеваемость ею сводилась к нулю.

По мере заселения и освоения региона, осушения болот, проведение хинизации населения губернии, малярия отступала, в первую очередь значительно уменьшилась смертность от нее, хотя число заболевших в абсолютном значении оставалось высоким.

Второе место по числу заболеваний среди населения губернии занимал сифилис и другие венерические болезни, особенно в этом плане выделялся Новороссийск, что характерно и сейчас для всех крупных портовых городов мира.

Затем по числу заболевших в губернии шел брюшной тиф, который также преимущественно регистрировался в Новороссийском округе. Основной причиной распространения здесь тифа было плохое качество питьевой воды, а также отсутствие водопроводов, несоблюдение правил санитарии и личной гигиены, обусловленные низким культурным уровнем большинства населения.

Остальные заразные, эпидемические болезни не имели в губернии широкого распространения, хотя периодически регистрировались локальные эпидемии (среди детей отдельных селений) скарлатины, кори, дифтерита, коклюша (Леонтьев, 1899: 117-118). Так, например, в 1889 г. в ряде населенных пунктов Сочинского округа вспыхнула эпидемия кори, которая значительно увеличила

смертность среди детей и даже молодых людей в посаде Сочи и дер. Пластунской (АОАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 246 об—247, 254 об.—255).

В 1909–1910 гг. происходил процесс открытия новых лечебниц. Так, в Эриванской губернии Катарлинская сельская лечебница Александропольского уезда была открыта 30 декабря 1909 г., Басаргечарская, Новобаязетского уезда – 25 ноября 1909 г., 8 марта 1910 г. – Кульпинская Сурмалинского уезда, 25 ноября 1909 г. – Курдукулинская Эчмиадзинского уезда, 7 декабря 1909 г. в Кутаисской губернии лечебница осталась без помещения. В Дагестанской области открыто 4 лечебницы. В связи с этим на медикаменты и перевязочный материал был увеличен кредит для каждой лечебницы до 1 тыс. руб. в год, причем этот кредит должен был отпускаться в общей сумме на губернию или область в распоряжении губернатора, с правом перераспределения его между лечебницами по имеющейся необходимости (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 2).

К 1909 г. в столицах и некоторых генерал-губернаторствах были открыты центральные аптечные склады. Причиной введения этого новшества стала необходимость быстрого реагирования на возможные эпидемические вспышки среди городского и сельского населения. Однако создание такого склада на Кавказе не было поддержано управлением медицинской частью гражданского ведомства. Тем не менее, было признано крайне желательным осуществить выписку от производителя по оптовым ценам наиболее необходимых и непортящихся препаратов, а также приборов и т.п.

Из других новаций и характерных особенностей для Кавказа стало признание необходимым учреждение должности переводчика, при сельских лечебницах в Дагестанской области, который в тоже время должен был служить проводником врачу в его разъездах и иметь собственную лошадь. Вознаграждение для этой должности предполагалось в 240 руб. в год. Данная мера была необходима, так как население области состояло из многочисленных племен, говорящих на разных языках и наречиях. Необходимо пояснить, что в данное время в области употреблялось до 5 языков, распадающихся на 12 наречий. Врачей из туземного населения в Дагестане не было. Таким образом, русский врач должен был владеть 2–3 языками, которые господствовали на его участке, чтобы расспросить пациента о его болезни и с назначением лечения, дать соответствующие наставления. В противном случае врач становился в очень затруднительном положении.

Изучение такого большого количества языков и наречий было бы возможно для врачей, если бы они на много лет оставались на одном и том же участке, на самом же деле часто происходила смена врачей: они переводились из округа в округ или в другие губернии, либо совсем покидали сельско-врачебную службу.

Кроме того управление предложило установление особого кредита на выписку книг и журналов в размере 50 руб. в год для каждой лечебницы. Необходимость такого ассигнования вытекает прямо из существа дела: сельские врачи, занимающиеся в своей деятельности всеми отраслями практической медицины, естественно должны иметь в своем распоряжении, как текущую журнальную литературу, так и ценные издания по многим медицинским специальностям: скромный бюджет сельских врачей не позволял им заводить и пополнять собственную библиотеку в нужных размерах; в виду это управление признало ассигнования на библиотеки крайне необходимыми и целесообразными (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 3).

К числу крупных недочетов организации сельско-врачебной части в Кавказском крае можно отнести отсутствие в штатном расписании на фельдшерских пунктах сторожей. В результате фельдшеры вынуждены были наряду со своими обязанностями исполнять и обязанности сторожей. Со временем на наем сторожа на фельдшерских пунктах стали выдаваться дополнительные суммы в 180 руб. в год (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 3).

Содержание старших фельдшеров обходилось государству по 420 руб. в год, младших по 360 руб. в год.

Фельдшерские пункты служили только для бесплатного амбулаторного пользования больных с бесплатным отпуском медикаментов; на наем помещений их с отоплением и освещением отпускалось по 180 руб. ежегодно (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 3об.).

Повивальные бабки работали при лечебницах, при них находились кастелянши. Они отправлялись в селения для оказания акушерской помощи роженицам и получали по 420 руб. в год.

Сельские лечебницы на Кавказе имели по 6 кроватей каждая, исключение из этого правила имели лечебницы на территории Черноморской губернии (по 12 кроватей). Лечебницы служили для бесплатного стационарного и амбулаторного лечения больных и помещались в наемных зданиях. На наем помещений, отопление, освещение, питание больных, пополнение инвентаря, прислугу и другие хозяйственные расходы отпускалось ежегодно по 1,5 тыс. руб., кроме Черноморской губернии (по 2 тыс. руб.) на лечебницу (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 3об.).

На принятие экстренных мер против эпидемических болезней отпускалось ежегодно по 1 тыс. руб. для губерний: Тифлисской, Кутаисской, Бакинской, Елисаветпольской, Эриванской, Черноморской и для областей Карской и Дагестанской. Для Закатальского округа отпускалось по 500 руб., а для области Батумской и округа Сухумского средств на эти нужды не выделялось (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 3).

Места для больниц и фельдшерских пунктов и постоянного пребывания сельских врачей, а также границы врачебных участков определялись губернатором или начальником области (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 306.).

На совещаниях управления медицинской частью на Кавказе не раз рассматривались предложения о преобразовании в медицинском управлении по губерниям (областям) и уездам (округам) (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 6). Обсуждались следующие вопросы:

1) О расширении штата канцелярий при врачебных отделениях, в связи с тем, что губернские и областные врачи были нередко заняты лично составлением более или менее важных бумаг, значительную часть времени врачи уделяли канцелярской работе в ущерб врачебному делу и врачебно-административной деятельности (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 6).

2) Об изменении материального обеспечения губернских врачей и их помощников. Существовавшие оклады не соответствовали ни тем задачам и ответственным обязанностям, которые в губернии выполнялись этими должностными лицами, ни экономическими условиями в крае, где цены на предметы первой необходимости увеличились в 3 раза (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 6-7). К тому же одну из главных обязанностей уездных врачей в крае составляло производство судебно-медицинских освидетельствований и вскрытий (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 8).

3) Об организации врачебного управления в Бакинской губернии, так как Баку являлся крупным промышленным городом, с населением более 200 тыс. человек, большая часть которого состояла из рабочих. Принимая во внимание малокультурность населения, его первобытный уклад жизни и малое его знакомство с требованиями общей гигиены, а также, то обстоятельство, что город Баку является первым по угрозе пунктом в крае и государстве в холерном отношении по водному пути из Персии, необходимо признать, что наблюдение за санитарным благоустройством в Бакинском градоначальстве представляло крайне сложную и ответственную задачу (НАГ. Ф.1615. Оп. 1. Д.15. Л. 7).

При торговых портах на Кавказе имелись амбулатории, деятельность которых заключалась:

1) В приеме амбулаторных больных, как служащих управления торгового порта, так и портовых рабочих с их семьями;

2) В лечении на дому тяжелых больных служащих управления порта и их семейств;

3) В бесплатной выдаче медикаментов амбулаторным больным;

4) В заведывании санитарным отделом береговой полосы;

5) В истреблении крыс в районе береговой полосы (НАГ. Ф.13. Оп. 12. Д.125. Л. 200б.).

Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. система здравоохранения на Кавказе пережила период значительного развития. В это время были разработаны, с учетом региональных особенностей, штаты учреждений системы здравоохранения и приняты меры противоэпидемиологической борьбы. Несмотря на сложности проведения здравоохранительных мероприятий в многонациональном регионе русская администрация сумела значительно снизить количество больных на Кавказе.

Литература

АОАГС – Архивный отдел администрации города Сочи.

Глебовский и Гребенщиков, 1907 - Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907.

Ибрагимов, 2012 - Ибрагимов М.И. Становление и развитие системы здравоохранения Дагестана. Махачкала, 2012.

Леонтьев, 1899 - Леонтьев П. Справочная книга Черноморской губернии на 1899 год. Новороссийск, 1899.

Миронов, 2015 - Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 3. СПб., 2015.

НАГ – Национальный архив Грузии

Новосельский, 1916 - Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг., 1916.

Пирумова, 1986 - Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986.

Пылков, 2014 - Пылков О.С. "Средство, способствующее к смягчению нравов горцев" (о политике российских военных властей на Северо-западном Кавказе в первой половине XIX в. по оказанию медицинской помощи коренному населению) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 158-161.

Скороходов, 1926 - Скороходов Л.Я. Краткий очерк истории русской медицины. Л., 1926.

Справочник..., 1907 - Справочник и путеводитель по Черноморской губернии. Новороссийск, 1907.

Ульянова, 2002 - Ульянова Г.Н. Здравоохранение и медицина // Россия в начале XX века. М., 2002.

References

- AOAGS – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi.
Glebovskii i Grebenshchikov, 1907 - Glebovskii S.A., Grebenshchikov V.I. Detskaya smertnost' v Rossii // Obshchestvennoe i chastnoe prizrenie v Rossii. SPb., 1907.
Ibragimov, 2012 - Ibragimov M.I. Stanovlenie i razvitie sistemy zdravookhraneniya Dagestana. Makhachkala, 2012.
Leont'ev, 1899 - Leont'ev P. Spravochnaya kniga Chernomorskoj gubernii na 1899 god. Novorossiisk, 1899.
Mironov, 2015 - Mironov B.N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu. V 3 t. T. 3. SPb., 2015.
NAG – Natsional'nyi arkhiv Gruzii
Novosel'skii, 1916 - Novosel'skii S. A. Obzor glavneishikh dannykh po demografii i sanitarnoi statistike Rossii. Pg., 1916.
Pirumova, 1986 - Pirumova N.M. Zemskaya intelligentsiya i ee rol' v obshchestvennoi bor'be do nachala XX v. M., 1986.
Pylkov, 2014 - Pylkov O.S. "Sredstvo, sposobstvuyushchee k smyagcheniyu npravov gortsev" (o politike rossiiskikh voennykh vlastei na Severo-zapadnom Kavkaze v pervoi polovine XIX v. po okazaniyu meditsinskoj pomoshchi korennomu naseleniyu) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 12 (50): v 3-kh ch. Ch. II. С. 158-161.
Skorokhodov, 1926 - Skorokhodov L.Ya. Kratkii ocherk istorii russkoj meditsiny. L., 1926.
Spravochnik..., 1907 - Spravochnik i putevoditel' po Chernomorskoj gubernii. Novorossiisk, 1907.
Ul'yanova, 2002 - Ul'yanova G.N. Zdravookhranenie i meditsina // Rossiya v nachale XX veka. M., 2002.

УДК 94

Система здравоохранения на Кавказе в начале XX века: особенности развития

Татьяна Евгеньевна Гварлиани ^{a,*}, Рашад Афатович Курбанов ^b, Теймур Эльдарович Зульфугазаде ^b

^a Лаборатория исследования проблем экономического и социального взаимодействия, Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивного материала рассматривается система здравоохранения на Кавказе в начале XX века.

Материалами для подготовки статьи стали архивные документы национального архива Грузии (Тбилиси, Грузия), архивного отдела администрации города Сочи (Сочи, Российская Федерация). Привлечены статистические данные из трудов российских и зарубежных авторов, а также справочная литература.

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала.

В заключении авторы констатировали, что в конце XIX – начале XX вв. система здравоохранения на Кавказе пережила период значительного развития. В это время были разработаны, с учетом региональных особенностей, штаты учреждений системы здравоохранения и приняты меры противоэпидемиологической борьбы. Несмотря на сложности проведения здравоохранительных мероприятий в многонациональном регионе русская администрация сумела значительно снизить количество больных на Кавказе.

Ключевые слова: система здравоохранения, Кавказское наместничество, начало XX века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: antana-tata@mail.ru (Т.Е. Гварлиани), Kurbanov.RA@rea.ru (Р.А. Курбанов), Zulfugarzade.TE@rea.ru (Т.Э. Зульфугазаде)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 196-203, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(430)"15/19"

Prussian phenomenon and its historical distortion

Oleg Y. Plenkov^{a,*}, Vladimir N. Baryshnikov^a, Viktor N. Borisenko^a, Vladimir L. Piankewich^a,
 Nina E. Adamova^a

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article deals with the phenomenon of Prussia. Once, Prussia had been the largest continental Protestant state in Europe. The main issue of this phenomenon is that upon the tragic events of the World War II Prussian history and heritage had been considerably distorted, in order to compensate somehow for the dreadful casualties suffered by the victorious powers. The common European misconception implied that Prussia had been the bulwark of militarism, and therefore had to bear all the responsibility for the atrocities of war.

Unfortunately, the majority of modern German historians share such misinterpretation of Prussian heritage in order to please false political correctness, perhaps, as an act of contrition for National Socialism and its crimes.

However, the Prussian tradition and history go far beyond this militarism, and this article explains what ways. The authors believe that there should not be any prejudices and biases, that any subject should be examined sine ira et studio. Moreover, given that it is possible to characterize the Great French Revolution as a juristic one, and the Great October revolution – as a social one, the Prussian revolution “from above”, led by the first representatives of the Hohenzollern family, may be well considered as a pedagogical revolution. This revolution did bring definitely positive changes; they are surveyed in the article. The French Revolution has not eliminated the covetousness of the bourgeoisie after 1789; despotism of the authorities and people’s passiveness similarly have remained unaltered in Russia after 1917. On the contrary, Federal Republic of Germany of nowadays, distinctive for its law, order and effective responsible government is unthinkable without Prussian heritage.

Keywords: Prussia, Federal Republic of Germany, pietism, Prussian Enlightenment, the Hohenzollern dynasty, Friedrich II, Weimar Republic, Nazism.

1. Введение

После Второй мировой войны наследие и история Пруссии были полностью пересмотрены. Прусские добродетели – традиционная толерантность, правопорядок, прусское Просвещение стали замалчиваться, что привело к значительному искажению исторической картины Пруссии в угоду политическим целям.

Все дело в обстоятельствах кончины Пруссии. История знает разные формы исчезновения государств: вхождение в состав другого государства, объединение нескольких независимых государств в конфедерацию, наконец – полное исчезновение, как произошло с Карфагеном после завершения Третьей Пунической войны. Пруссии была суждена именно такая участь – 20 февраля 1947 г. она была ликвидирована решением СКС (Союзного контрольного совета) с тем обоснованием, что это

* Corresponding author

E-mail addresses: o.plenkov@spbu.ru (O.Y. Plenkov), v.baryshnikov@spbu.ru (V.N. Baryshnikov),
v.borisenko@spbu.ru (V.N. Borisenko), v.pyankewich@spbu.ru (V.L. Piankewich),
n.adamova@spbu.ru (N.E. Adamova)

государство милитаристское, агрессивное, империалистическое. Разумеется, это решение было эмоциональным, обусловленным горьким опытом войны и связанными с ней жуткими потерями, а также было обусловлено страхом перед распространением реваншизма в связи с выселением многомиллионного населения немцев с востока Европы. Но почему именно Пруссия, а не какое-либо другое немецкое государство? В чем причина того, что Пруссия стала объектом ненависти, или, по крайней мере, подозрения и недоверия соседей? В этом следует разобраться, обратившись к далекому теперь прусскому прошлому.

2. Материалы и методы

2.1. Поскольку объектом исследования в данной статье является не только сама прусская новая история XVII-XIX вв., но и немецкая историография и ее реакция на рассматриваемый предмет (пруссские древности и их место в немецкой истории), то источником послужили изданные в ФРГ публикации по этой теме. Такой выбор источников позволяет раскрыть эволюцию восприятия Пруссии в современной Германии, попутно показав многочисленные «политкорректные» искажения прусской традиции в угоду немецкому покаянию за нацизм и преступления в годы Второй мировой войны.

2.2. В работе использован сравнительно-исторический метод, в целом исследование построено на принципах историзма, объективности, сравнительного метода и хронологического порядка.

3. Обсуждение

С недавних пор заметные упущения в изучении прошлого Пруссии и определении ее места в истории в немецкой историографии стали постепенно наверстываться – примером тому являются публикации известных немецких историков Марион Денхофф ([Dönhoff, 2009](#)), Лотара Галла ([Gall, 2007: 355-372](#)), Томаса Ниппердея ([Nipperdey, 1993](#)), блестящего публициста Себастьяна Хаффнера, его коллеги историка Вернера Венора ([Haffner, 1989; Haffner, 1980](#)), прочие публикации ([Epkenhans, 2011; Preußen, 2008](#)). Особенно большой всплеск интереса к Пруссии наблюдался в 2012 г., когда исполнилось 300 лет со дня рождения Фридриха Великого ([Kugler, 2012](#)). Значительный вклад в ревизию прежних взглядов на Пруссию внес, что характерно, не немец, а австро-английский ученый из Кембриджа (Англия) Кристофер Кларк ([Clark, 2007](#)). Он смог представить прусскую историю не как олицетворение адской милитаристской машинерии, а как составную часть немецкой истории, которая, как и всякая другая национальная история представляет собой уникальный *Sonderweg* (особый путь) с его позитивными и негативными явлениями и традицией.

В связи с этим повышением интереса к прусскому прошлому и в отечественной историографии стали появляться некоторые работы, переосмысливающие феномен Пруссии и его роль в истории Германии ([Крейцберг, 2012: 95-99; Вишнеv, 2012: 100-103](#)).

4. Результаты

Последовательно рассмотрим те примечательные свойства прусского государства, которые часто ему ставили в вину.

Прусский экспансионизм. Прежде всего, с Пруссией связано представление о германском рейхе немецкой нации. В противовес Пруссии Священная Римская империя германской нации была некоторое время общегерманским мифом-мечтой о немецком господстве в Европе, даже в годы Веймарской республики некоторые историки поэтически прославляли военные походы Гогенштауфенов, грезы о восстановлении империи Карла Великого (768–814). Эти мечты, однако, никакой реальной основы под собой не имели. Напротив, именно на востоке Европы немцы добились многого в процессе колонизации, которая смела старую границу между рейхом и славянами, которая прежде проходила по Эльбе. Пруссия постепенно превратилась в оплот немецкого владычества на славянских землях.

Также, как и австрийский, прусский империализм с его экспансионизмом не является чем-то уникальным, активный экспансионизм исповедовали по сути все европейские державы в XVIII в. Крайне неблагоприятные условия экспансии (преобладающее славянское окружение, немногочисленность колонистов, отсутствие естественных укрытий на восточных равнинах, отсутствие поддержки со стороны метрополии) требовали особых качеств — постоянной готовности к борьбе, дисциплины, самоконтроля, напряжения воли, предвидения, осторожности, то есть всех тех прусских качеств, которые долгое время были объектом восхищения в Европе. К тому же Пруссия выступила духовным наследником Немецкого ордена, который хотя и умер, но оставил свои духовные принципы и организацию.

Именно на этой основе и сформировался прусский империализм (если под империализмом понимать готовность к неограниченной внешней экспансии) и прусский милитаризм (“милитаристскими” в XVIII в. были по сути все европейские державы). Можно ли свести милитаризм только к феномену немецко-прусской истории? Очевидно нет, поскольку многие исторические эпохи у разных народов подпадают под подозрение в милитаризме – Александр Македонский, Спарта, Чингисхан, Кромвель, европейские монархии XVII века (Швеция, Россия, Франция), Наполеон,

Франция в период дела Дрейфуса, Япония в первой трети XX века. Все эти феномены выказывают полное родство с милитаризмом.

Специфику немецкого экспансионизма определило центральное геополитическое положение Германии. Немецкий историк Эрих Нольте остроумно выделил три разновидности экспансионизма. Первая разновидность — это планомерный захват заморских территорий венецианцами, испанцами, португальцами, голландцами, англичанами; вторая — это территориальные захваты русских и американцев; и третья — это прусская восточная колонизация. Прусская колонизация в первой фазе была аннексионистской, а во второй способствовала внедрению более высокой формы экономической и политической организации среди христианских народов, иными словами, имела большое цивилизаторское значение. Этим она отличалась от русских территориальных захватов в Восточной Европе, которые не способствовали экономическому развитию и политической модернизации (Nolte, 1963: 37).

У Пруссии было и значительное ограничение в экспансии, которое остроумно сформулировал Бисмарк. Когда в 1888 г. один из сторонников активной колониальной политики Германии в Африке разложил перед Бисмарком карту и стал описывать преимущества обладания разными природными богатствами этого континента, Бисмарк сказал, что «моя карта Африке в Европе. Здесь Россия, а здесь Франция, а мы в середине. Вот моя карта Африки» (Haffner, 1989: 71; Иваняков, 2006: 149-150).

Прусская служебная этика. Пруссия представляла собой самое крупное протестантское государство континентальной Европы, и она культивировала особую этику, связанную с лютеранством и пиетизмом. Именно лютеранство во многом определило развитие страны. В соответствии с учением немецкого социолога Макса Вебера, в основе всякого политического сознания лежит религиозное сознание. Наверное, так оно и есть, что и объясняет феномен Пруссии.

Если наиболее существенным в католицизме является то, что в нем ответственность социализируется, на место личной ответственности встает религиозный коллективизм, то Реформация считала это неоправданным снижением, дискредитацией божественной справедливости: никто и ничто не может снять ответственность с человека, считали протестанты. В этом подходе кроются настоящие причины буржуазного индивидуализма, особой, отличной от католицизма, этики. Учение о предопределении сделало протестантизм более мрачным, менее оптимистичным, чем католицизм (Hellpach, 1954: 69).

Но протестантизм неоднороден: лучшие устремления Реформации возникли в Германии, но они утвердились в Англии, а затем были перенесены в Америку, где и возникла первая политическая демократия, основанная на особой религиозной этике. Действительно, между немецкой разновидностью Реформации (лютеранством) и кальвинизмом, утвердившимся в Скандинавских странах, Швейцарии, Голландии, Англии, существуют довольно серьезные различия. Если кальвинизм и пуританство были религией буржуазии, осознавшей себя как ведущий общественный класс, который стремится к политической власти в целях упрочения своего положения, то Мартин Лютер занимал в этом вопросе иную позицию — квинтэссенция его политической философии сводится к формуле: «Каждый должен подчиняться власти <...> так как нет власти, которая не от Бога. Тот же, кто оказывает сопротивление власти, противодействует божественному порядку» (Jaeger, 1903: 219).

Знаменитую формулу Лютера следует понимать не в смысле беспрекословного подчинения деспотической власти князя, а в смысле лояльности власти, находящейся в полном сознании своей ответственности. Знаменательно выражение Лютера: «Единственный, кто является в государстве подчиненным, — это власть. Тот, кем она повелевает, — это раб раба». В другом своем изречении Лютер осуждает сразу и бунтовщиков и тиранов, говоря, что чернью могут лучше всего править тираны, которые «подобны дубине, привязанной на шею собаке» (Ritter, 1966: 15).

Если с кальвинистской точки зрения земного оправдания можно добиться личным успехом в работе, блестящей карьерой, лютеранская же трудовая этика, как писал М. Дибелиус о прусских чиновниках, обосновывалась несколько иначе: «Старания на службе земному господину ради Господа всевышнего при очень тяжелой работе и скудном жаловании, без каких-либо грандиозных чаяний и мечтаний о карьере — вот специфически лютеранское понимание профессионального долга». Макс Вебер полагал, что лютеранство отличается от кальвинизма как отличается стремление быть сосудом божественной власти и стремление быть ее орудием. «В первом случае, — писал Вебер, — его религиозная жизнь тяготеет к мистическо-эмоциональной культуре, во втором — к аскетической деятельности. Первому типу близок Лютер, ко второму принадлежит кальвинизм» (Вебер, 1990: 150).

Лютеранство в Германии по сравнению с прочими европейскими государствами было значительной предпосылкой для модернизации. На самом деле не только кальвинизм (как показал Макс Вебер) сильно содействовал модернизации, но и лютеранство, хотя и на свой манер. Поскольку в лютеранстве церковь не являлась средоточием устремлений и воздаяний, то светская деятельность, работа получали статус исполнения профессионального долга, «призвания» (*Beruf*), что считалось исполнением высшего предназначения прямо религиозного свойства. Поскольку религиозная и светская жизнь были строго отделены друг от друга, прекратилось смешение религиозной и светской власти, и светский мир был освобожден от опеки церкви. Лютеранская церковь не была ни церковью только священников или только мирян, а скорее церковью образованных и ученых теологов. Поэтому в

Германии центральное место заняли университет, наука, книга, а это дало для модернизации значительный толчок (Nipperdey, 1986: 47).

Интереснейшей особенностью Пруссии было то, что прусская королевская династия в отличие от своих подданных-лютеран, была кальвинистской. Дед Великого курфюрста в 1713 г. обратился в кальвинизм, женившись на кальвинистке — дочери своего кумира Фридриха Генриха Оранского. Кальвинистская и лютеранская церкви в Пруссии были объединены в 1817 г., что еще более упрочило позиции абсолютистского государства, поскольку стремление к власти у Гогенцоллернов было рационализировано кальвинистской этикой, стремление к власти не выступало необузданной демонической силой, и сама власть осуществлялась методично, расчетливо, как осознанная профессиональная задача правителя, что совсем не характерно для континентальных монархий.

Роль пиетизма. Весьма характерным для развития Пруссии было учение о моральном обновлении человека — пиетизм, который обосновывал необходимость активности человека не в личных интересах (как в кальвинизме), а в интересах общности. По меткому выражению Карла Хинрикса, «если пуританство — это религия предпринимателей, то пиетизм — это религия чиновников» (Hinricks, 1964: 53).

Наиболее крупным представителем этого учения был Герман Август Франке (1663—1727). Франке с большим рвением и очень плодотворно занимался народными школами, которые до него находились в заброшенном состоянии. Пиетизм был аскетической и мистической реакцией религиозного чувства на упадок живой веры и формализацию церкви. Под воздействием идей Франке выросло много поколений прусских учителей, священников, чиновников, офицеров. Как нигде в мире государственная служба в Германии стояла на высоте.

С пиетизма начался век народных школ, реальных училищ, работных, сиротских, инвалидных домов, обставленных не карикатурными диккенсовскими уродствами, а устроенных с прусской педантичностью, основательностью, порядком. Кроме того, пиетизм удовлетворял потребность народных масс в религиозном возбуждении, на что указывал Эрнст Трельч. Романтический протест против западного рационализма — это тоже влияние пиетизма (Лихтенберже, 1914: 199).

Кредо пиетизма выразил в своем завещании прусский король Фридрих II: «Наша жизнь — это быстрый переход от момента рождения к смерти. В этом промежутке времени человек должен упорно трудиться на благо государства, которому он принадлежит» (Haffner, 1980: 60). Первенство в немецком Просвещении принадлежит тому же Фридриху II. При вступлении на трон он объявил о даровании равных прав всем вероисповеданиям в королевстве. Безусловно, его деятельность не была деятельностью либерала, но слава о прусском порядке, особенно правопорядке, превосходной организации государственного управления распространилась на всю Европу. Излишне упоминать о том, что современниками Пруссия воспринималась не как тирания, а как прогрессивное правление, несмотря на деспотизм Фридриха II. Последний, наверно, очень удивился бы, если бы узнал, что сделался героем антилиберального немецкого национализма. В этой связи Герхард Риттер весьма резонно отмечал, что национал-социализм так же радикально отличается от национализма времени Фридриха Великого, как флейтовый концерт в Сан-Суси отличается от гимна «Хорст Вессель» (Ritter, 1966: 30). Ясно, что его фигура Фридриха II до крайности противоречива: король-просветитель, реформатор, поборник терпимости, воспитатель народа, мятежник против средневековых порядков — удивительно, что при всех этих качествах Фридрих Великий долгое время почитался левыми как олицетворение реакции. На самом же деле гуманистическая традиция вовсе не была уничтожена доминирующим положением Пруссии в XIX веке (Крейг, 1999: 64).

В XVIII веке Пруссия стала классической страной бюрократии — академически образованной, хорошо вышколенной, рациональной и профессионально блестяще подготовленной. Эта бюрократия стала мотором последующей модернизации. Прусская бюрократия, несмотря на ее фундаментально консервативную ориентацию, была сторонницей частичных реформ, относительной модернизации.

Об этом не принято говорить, но в определенном смысле Пруссия на славянских землях выполняла цивилизаторскую роль, ведь не случайно районы наиболее значительной немецкой колонизации — Силезия, Познань, Померания, Богемия, Моравия, Прибалтика — наиболее развитые в промышленном отношении. Национальные меньшинства были даже представлены в бисмарковском рейхстаге, распространять нацистский обскурантизм в национальном вопросе на Пруссию нет никаких оснований. Конечно, нельзя отрицать и целеустремленной политики германизации со стороны Пруссии, но, например, политика русификации Польши осуществлялась гораздо жестче. Немецкое господство было нацелено на экономическое освоение восточных земель и их интеграцию, а российское господство — на утверждение простого политического приоритета и политического преобладания. Вследствие этого, немецкая колонизация имела качественно иные следствия, чем российское владычество. Эту разницу блестяще подметил один польский политик межвоенной поры, заявивший, что с русскими поляки потеряют только национальное государство, а с немцами — национальную душу.

В религиозном плане Пруссия была одним из самых терпимых государств Европы, если не самым терпимым. В 1689 г. Гогенцоллерны пригласили 20 тысяч французских гугенотов в Пруссию, впоследствии они приняли активное участие в жизни своей новой родины; именно гугеноты составили ядро формировавшейся прусской бюрократии, прославившейся своей деятельностью.

Религиозная терпимость Фридриха II распространялась на мусульман, евреев. Прусское государство в числе первых приступило к эмансипации евреев. Знаменитый французский мыслитель эпохи Просвещения, сформулировавший основополагающий демократический принцип «разделения властей» Шарль Луи Монтескье (1689-1755), автор классического труда «О духе законов» отметил однажды, что ни один король в Европе не удосужился прочесть его книгу, кроме прусского короля (Haffner, 1980: 41).

Удивительно, но отвращение Фридриха II ко всему немецкому доходило до того, что он не понимал величия творчества Лессинга, не говоря уже о Клопштоке и Виланде. Это отсутствие «национализма» у Фридриха II не помешало нацистам и Гитлеру сделать знаменитого прусского короля своим кумиром, даже частью национального мифа.

Прусское наследие в исторической перспективе. Тем не менее, прусский путь оказался на поверку ложным, прусское общество было всего лишь обществом верноподданных, имевших определенные свободы и правовые гарантии, но у этого общества не было возможностей (вернее, их было очень мало по сравнению с другими странами Запада) демократически влиять на политику. Немецкий политолог Мартин Грейффенхаген справедливо отмечал, что «с момента победы демократического принципа над абсолютизмом Пруссия неизбежно должна была стать реакционным государством» (Greiffenhagen, 1986: 28). Первыми пруссаками, которые попытались создать условия для демократического самоуправления, политической ответственности и активности граждан, были Штейн и Гарденберг. Барон Штейн с почтением отзывался о наследии Фридриха II, хвалил его усилия во внутренней политике. Недостатки же его правления, по мнению Штейна, заключались в самодержавии, отсутствии сословной конституции, государственного совета, где бы формировалась общая воля.

И все же, несмотря на указанные свойства Пруссии, первый крупный толчок к модернизации – это реформы начала XIX века. Во-первых, речь шла о реформировании общества: освобождение крестьян, роспуск феодально-корпоративной системы, введение гражданских свобод. Демографическая революция, урбанизация, индустриализация, капитализм – это следствия этих поначалу аграрных преобразований. Во-вторых, речь шла о реформе образования, введении общего школьного образования, реформе университетов в интересах развития науки. В-третьих, речь шла о модернизации государства. Оно стало рационально-бюрократической неличностной организацией и оно выступало против всех частных (партикулярных) интересов, ввело обязательные военную, налоговую, школьную обязанности. В-четвертых, подданные в определенной степени были эмансипированы от государственной опеки и получили определенные партикулярные права.

Прусская бюрократически-этакетическая модернизация имела безусловно либеральные цели – государство не стремилось (как в XX веке тоталитарные системы) все контролировать, а только хотело пробудить активность граждан. С другой стороны, это государство, конечно, было авторитарным (Nipperdey, 1986: 50). Это авторитарное государство, понятно, не тронуло старых элит, относящихся ко времени до модерна – землевладельцев, военных, аристократию. С другой стороны, таким образом были минимализированы политические последствия модернизации, обычно – очень тяжелые.

Объективно эпохи Фридриха II и Просвещения содействовали укреплению в немецком сознании самодовлеющей роли государства; как писал Гегель, в этом государстве нет ничего трансцендентального, оно само трансцендентальность, у которой могут быть лишь первые слуги и подданные. Если на Западе Просвещение было связано с постепенным развитием гражданских прав, то в Пруссии, по словам М. Грейффенхагена, «Просвещение проникло не только в государственный аппарат, но и в церковь. Просвещение стало содержанием протестантизма, а протестантизм – формой Просвещения. Лютеранская ориентация на государство развилась вместе с прусским Просвещением в своего рода благочестие по отношению к государству, в котором любовь к Богу была связана с государственным резонансом» (Greiffenhagen, 1986: 25).

Чисто прусское стремление к эволюционному пути и сохранению исторической преемственности в конечном счете позволило оградить от упадка и разорения крестьянство и средние слои и в значительно большей степени, чем в других европейских странах, интегрировать рабочий класс в государственную систему. Очень показательны, что даже столь убежденный либерал, как Эрнест Ренан, восхищался Пруссией, ее жесткостью, иерархией. Пруссия, по Ренану, – это единственная из европейских стран, которая смогла сохранить к концу XIX в., несмотря на весь свой реформизм (или благодаря ему), основные элементы силы: дворянство, иерархию, жесткое обращение с народом (Nolte, 1963: 79).

В бисмарковские времена традиции Фридриха II были переняты: бисмарковский рейх по социальному законодательству, порядку, правовым основам государства часто опережал Англию и Францию, где социальная активность была гораздо выше. Государство продолжало быть весьма деятельным, что лишало немцев поводов для активности, делало их законопослушными и лояльными гражданами государства. Алексис де Токвиль облек эту немецкую особенность в шутливую форму: «В Германии не может быть революции, так как революция там запрещена полицией». Чуть ли не врожденная вера пруссаков в правовое государство превосходно иллюстрируется образом правового фанатика Михаэля Кольхааса из одноименной повести Генриха фон Клейста. Невероятный правовой фанатизм Кольхааса подтверждает ироническое высказывание

Д. Б. Шоу о том, что немцы обладают способностью своим упорством превращать всякое хорошее дело в его противоположность (Eich, 1963: 27).

К тому же, несмотря на колоссальную роль и влияние государства, как в Пруссии, так и в Германии, это эффективное и функциональное государство не имело за собой духовно освященной традиции национально-государственной идеи. Если США с момента своего возникновения строили государство на мифах демократии, если в Англии и Франции государство строилось на различных интерпретациях буржуазной революции, то Пруссия, а затем Германия, как отмечал Мартин Грейффенхаген, была исключительно государством рассудка, строившимся на рациональности; прусский консерватор Адам Мюллер называл Пруссию государством-машиной. “Эффективность, – писал Мартин Грейффенхаген, – была законом, в соответствии с которым оно функционировало и благодаря которому это государство жило”. Немецкий же историк Себастьян Хаффнер придумал очень точное определение для прусской политической культуры, назвав Пруссию “государством без свойств” (Greiffenhagen, 1986: 32). Впрочем, это нисколько не помешало сделать из Пруссии национальный миф в годы Веймарской республики.

Пруссия была ликвидирована союзниками по антигитлеровской коалиции после войны как оплот реакции и милитаризма. Действительно, в отдельные периоды своей истории Пруссия была реакционным государством; а какое государство не было таковым когда-либо? То же следует сказать и о милитаризме. Фридрих II вел агрессивную внешнюю политику, нацеленную на расширение собственного господства, но разве Карл XII, Петр I, Екатерина II не делали то же самое? В разгар Второй мировой войны американский юрист Квинси Райт подсчитал, что с 1480 по 1940 г. чаще всего в войнах принимала участие Великобритания – 28% случаев, затем следуют Франция, Испания, Россия, Австрия, Турция, Польша, Италия, а германский рейх (включая войны Пруссии), несмотря на свое центральное положение в Европе, со своими 8% стоит на 9-м месте (Mehnert, 1967: 32).

Следует отметить, что в период Веймарской республики Пруссия, наоборот, была оплотом социал-демократии, республики, порядка. Министр президента Пруссии с оттенком шутки, но уважительно, называли “прусским королем”, поскольку в отличие от других земель и от Германии в целом, где постоянно происходила правительственная чехарда, правительство Отто Брауна бесценно находилось у власти весь период Веймарской республики. Еще более примечателен факт, что Пруссия не была представлена в верхнем эшелоне власти нацистов и, наоборот, консервативное сопротивление (движение 20 июля 1944 г.) составили почти исключительно пруссаки. После заговора 20 июля 1944 г. нацисты уничтожили лучших представителей прусского дворянства, что означало конец немецкой политической элиты старых времен. Ушло в прошлое пруссачество, которое долгое время представляло из себя “тесную связь подчеркнута солдатского духа и христианско-евангелического этоса. Прусский стиль – это чувство долга, скромность, умеренность, правовой порядок в государстве. От прусских королей не проведешь прямую линию к Гитлеру, поскольку экстремальный радикализм национал-социализма нашел своего вождя в австрийке католической веры, а прусский трезвый дух кальвинизма и Просвещения отвергал этот радикализм” (Grebing, 1964: 137).

5. Заключение

Ныне понятно, что апелляции к Пруссии связаны с тоской по порядку и дисциплине. По этой причине много лет спустя после 1945 г. прусские символы взяли на вооружение даже власти ГДР: Сан-Суси, памятник Фридриху Великому на Унтер ден Линден, голландский квартал в Потсдаме, Новая Вахта Карла Фридриха Шинкеля в центре Берлина....

После объединения Германии в 1990 г. стало ясно видно, как далека Западная Германия от понимания Пруссии – в старой ФРГ более склонялись к конституционному патриотизму, а не национальному, поэтому там ни на момент не допускают возвращения Пруссии в общественном сознании. Свидетельством тому является то, что при перезахоронении останков Фридриха Великого в 1991 г. канцлер присутствовал на церемонии, но как частное лицо, дабы соблюсти дистанцию к прусскому прошлому.

Несмотря на нынешнюю немецкую политкорректность по отношению к прусскому наследию, и, не взирая на то, что Пруссия не может быть освобождена от вины за нацизм, но и делать из нее козла отпущения за нацизм не следует, отмечал Себастьян Хаффнер (Haffner, 1985: 35). Иными словами, по всей видимости, приказ Союзного контрольного совета № 46 от 23 февраля 1946 г. о ликвидации Пруссии как «оплота милитаризма и реакции в Германии» следует признать скорее актом эмоциональным, нежели основанным на объективных оценках, чего было трудно ожидать от победителей после окончания самой ужасной из всех войн.

С другой стороны, без знаменитой прусской милитаристской традиции и безупречной воинской организации нацисты остались бы нулями в войну, ибо в нацистской системе доминировала не организация, а скорее дезорганизация и борьба компетенций. Ставить это в вину Пруссии, однако, совершенно неправомерно, ибо прусский служебный этос и организация были действительно образцовыми и достойными подражания. Исходя из этого, надо признать, что история Пруссии должна быть постепенно освобождена от одностороннего рассмотрения и возвращена в европейский контекст.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв., шифр в ИАС: 5.38.275.2014.

Литература

- Вебер, 1990 - Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вишнев, 2012 - Вишнев М.Р. Национальная идея и география в Германии: Ф. Науманн и К. Хаусхофер // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 100–103.
- Иваняков, 2006 - Иваняков Р.И. Переписка Бисмарка как источник изучения его деятельности в период нахождения на посту посланника в Санкт-Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2006. Вып. 3.
- Крейг, 1999 - Крейг Г.Э. Немцы. М.: Ладомир, 1999.
- Крейцберг, 2012 - Крейцберг К.А. «Новый национализм» Юнгера как часть немецкой «консервативной революции» // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 95–99.
- Лихтенберже, 1914 - Лихтенберже А. Современная Германия. М.: М. и С. Сабашниковы, 1914.
- Clark, 2007 - Clark Chr. M. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600-1947. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 2007. 896 p.
- Dönhoff, 2009 - Dönhoff M. Preußen. Maß und Maßlosigkeit. München: Siedler Verlag, 2009. 80 p.
- Eich, 1963 - Eich E. Die unheimlichen Deutschen. Düsseldorf, Wien: Econ-Verl., 1963.
- Epkenhans, 2011 - Epkenhans M. Preußen. Aufstieg und Fall einer Grossmacht / M. Epkenhans, Groß G., B. Köster. Stuttgart: Theiss, 2011. 216 p.
- Gall, 2007 - Gall L. Bismarck, Preußen und nationale Einigung // Historische Zeitschrift. 2007. Bd. 285. H. 5. p. 355-372.
- Grebing, 1964 - Grebing H. Der Nationalsozialismus. München: Olzog, 1964.
- Greiffenhagen, 1986 - Greiffenhagen M. Von Potsdam nach Bonn. München: Piper, 1986.
- Haffner, 1980 - Haffner S. Preußische Profile / S. Haffner, W. Venohr. Königstein/Ts.: Athenäum, 1980. 268 p.
- Haffner, 1985 - Haffner S. Im Schatten der Geschichte. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1985.
- Haffner, 1989 - Haffner S. Von Bismarck zu Hitler. Ein Rückblick. München: Kindler, 1989. 330 p.
- Hellpach, 1954 - Hellpach W. Der deutsche Charakter. Bonn: Athenäum-Verl., 1954.
- Hinricks, 1964 - Hinricks C. Preußen als historische Problem // Gesammelte Abhandlungen des Deutschen Lederinstituts Freiberg, Sachsen. Berlin: Akademie-Verl., 1964.
- Jaeger, 1903 - Jaeger G. Die politischen Ideen Luthers // Preußische Jahrbücher. 1903. Bd. 113.
- Kugler, 2012 - Kugler F. Friedrich der Große. Berlin: Jazzybee Verlag, 2012. 439 p.
- Mehnert, 1967 - Mehnert K. Deutsche Standort. Stuttgart: Dt. Verl. Anst., 1967.
- Nipperdey, 1986 - Nipperdey T. Nachdenken über die deutsche Geschichte. München: Beck, 1986.
- Nipperdey, 1993 - Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800-1866. Bürgerwelt und starker Staat. München: Verlag C.H. Beck, 1993. 838 p.
- Nolte, 1963 - Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München: Piper, 1963.
- Preußen, 2008 - Preußen: Die unbekannte Großmacht / S. Burgdorff, S. Beyer (Hg). München: Dt. Verl.-Anst.; Hamburg: Spiegel-Verl., 2008. 318 p.
- Ritter, 1966 - Ritter G. Das deutsche Problem. München: Oldenbourg, 1966.

References

- Veber, 1990 - Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. M.: Progress, 1990.
- Vishnev, 2012 - Vishnev M.R. Natsional'naya ideya i geografiya v Germanii: F. Naumann i K. Khauskhofer // Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni. 2012. № 8. S. 100–103.
- Ivanyakov, 2006 - Ivanyakov R.I. Perepiska Bismarka kak istochnik izucheniya ego deyatel'nosti v period nakhozhdeniya na postu poslannika v Sankt-Peterburge // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. 2006. Vyp. 3.
- Kreig, 1999 - Kreig G.E. Nemtsy. M.: Ladomir, 1999.
- Kreitsberg, 2012 - Kreitsberg K.A. «Novyi natsionalizm» Yungera kak chast' nemetskoj «konservativnoi revolyutsii» // Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni. 2012. № 8. S. 95–99.
- Likhtenberzhe, 1914 - Likhtenberzhe A. Sovremennaya Germaniya. M.: M. i S. Sabashnikovy, 1914.
- Clark, 2007 - Clark Chr. M. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600-1947. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 2007. 896 p.
- Dönhoff, 2009 - Dönhoff M. Preußen. Maß und Maßlosigkeit. München: Siedler Verlag, 2009. 80 p.
- Eich, 1963 - Eich E. Die unheimlichen Deutschen. Düsseldorf, Wien: Econ-Verl., 1963.
- Epkenhans, 2011 - Epkenhans M. Preußen. Aufstieg und Fall einer Grossmacht / M. Epkenhans, Groß G., B. Köster. Stuttgart: Theiss, 2011. 216 p.
- Gall, 2007 - Gall L. Bismarck, Preußen und nationale Einigung // Historische Zeitschrift. 2007. Bd. 285. H. 5. p. 355-372.
- Grebing, 1964 - Grebing H. Der Nationalsozialismus. München: Olzog, 1964.

- Greiffenhagen, 1986 - Greiffenhagen M. Von Potsdam nach Bonn. München: Piper, 1986.
Haffner, 1980 - Haffner S. Preußische Profile / S. Haffner, W. Venohr. Königsten/Ts.: Athenäum, 1980. 268 p.
Haffner, 1985 - Haffner S. Im Schatten der Geschichte. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst, 1985.
Haffner, 1989 - Haffner S. Von Bismarck zu Hitler. Ein Rückblick. München: Kindler, 1989. 330 p.
Hellpach, 1954 - Hellpach W. Der deutsche Charakter. Bonn: Athenäum-Verl., 1954.
Hinricks, 1964 - Hinricks C. Preußen als historische Problem // Gesammelte Abhandlungen des Deutschen Lederinstituts Freiberg, Sachsen. Berlin: Akademie-Verl., 1964.
Jaeger, 1903 - Jaeger G. Die politischen Ideen Luthers // Preußische Jahrbücher. 1903. Bd. 113.
Kugler, 2012 - Kugler F. Friedrich der Große. Berlin: Jazzybee Verlag, 2012. 439 p.
Mehnert, 1967 - Mehnert K. Deutsche Standort. Stuttgart: Dt. Verl. Anst., 1967.
Nipperdey, 1986 - Nipperdey T. Nachdenken über die deutsche Geschichte. München: Beck, 1986.
Nipperdey, 1993 - Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800-1866. Bürgerwelt und starker Staat. München: Verlag C.H. Beck, 1993. 838 p.
Nolte, 1963 - Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München: Piper, 1963.
Preußen, 2008 - Preußen: Die unbekannte Großmacht / S. Burgdorff, S. Beyer (Hg). München: Dt. Verl.-Anst.; Hamburg: Spiegel-Verl., 2008. 318 p.
Ritter, 1966 - Ritter G. Das deutsche Problem. München: Oldenbourg, 1966.

УДК 94(430)"15/19"

Феномен Пруссии и его искажение в истории

Олег Юрьевич Пленков^{а, *}, Владимир Николаевич Барышников^а, Виктор Николаевич Борисенко^а, Владимир Леонидович Пянкевич^а, Нина Эдуардовна Адамова^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье речь идет о феномене Пруссии – некогда самом крупном континентальном европейском протестантском государстве. Главная проблема, связанная с этим феноменом в том, что вследствие трагических для всей Европы событий Второй мировой войны прусская история и прусское наследие подверглись значительным искажениям, связанным с потребностью как-либо компенсировать ужасающие жертвы, которые народы, участвовавшие войне, принесли на алтарь победы. Расхожий европейский стереотип состоял в том, что Пруссия считалась оплотом милитаризма, и как таковая должна была нести ответственность за происшедшее во время войны.

К сожалению, этот стереотип искажения прусского наследия в угоду ложной политкорректности поддерживает значительная часть современной немецкой историографии, вероятно, в качестве части покаяния за национал-социализм и его преступления.

Но прусская традиция и история значительно шире этого милитаризма, в чем же именно, – и обсуждается в данной статье. Авторы полагают, что в историографии не должно оставаться предвзятых и партийных мнений, что любой объект должен рассматриваться *sine ira et studio*. Тем более, что если Великую Французскую революцию можно считать юридической, Великую Октябрьскую революцию – социальной, то прусскую революцию «сверху», проведенную первыми Гогенцоллернами, можно считать педагогической революцией. И эта революция принесла действительно позитивные перемены, о которых и идет речь в статье. Французская революция и после 1789 г. не изменила алчности буржуазии, а деспотизм начальства и пассивность масс оставались неизменными в России и после 1917 г. Что касается прусского наследия, то без него немыслима современная ФРГ с ее правопорядком и эффективной ответственной администрацией.

Ключевые слова: Пруссия, ФРГ, пиетизм, прусское Просвещение, Фридрих II, Гогенцоллерны, Веймарская республика, нацизм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: o.plenkov@spbu.ru (О.Ю. Пленков), v.baryshnikov@spbu.ru (В.Н. Барышников), v.borisenko@spbu.ru (В.Н. Борисенко), v.pyankewich@spbu.ru (В.Л. Пянкевич), n.adamova@spbu.ru (Н.Э. Адамова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 39, Is. 1, pp. 204-209, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 371.83/.84(430) «20»+93(430) «20»

The youth organizations in Germany at the beginning twentieth century: from the self-education to the political struggle

Sergei I. Belentsov ^{a,*}, Marina N. Vetchinova ^b, Elena A. Nikitina ^a, Oksana P. Dovger ^c, Alesia A. Kuznetsova ^c

^a Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^b Kursk State University, Kursk, Russian Federation

^c Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation

Abstract

The authors of this article consider the students movement in Germany in the early twentieth century. The purpose is the revealing its ideological basis, directions and forms of manifestation. The work of the two largest German youth organization describes. «The migratory birds» was organized in 1901. Apolitical in the initial period of a existence, during the First World War the association was strongly of the state policy. The boys, of course under the influence of adults, solved serious problems of their country. Researchers of the children's movement in Germany was considered a controversial children's participation in their decision and were severely criticized the state's actions to promote this initiative students. Other youthful association «The free Germans» was created in 1913. It tried to become a protest movement, is committed to the destruction of the statehood in Germany. Confirms, in government circles work «The free of the Germans» represents a radical. The character of the movement was self-education at this stage of the historical development. The attempts to involve youth in the anti-government, radical social activities were, but a social activity of the German students were apolitical and was peaceful, cultural.

Keywords: the history of education, a discipling movement, Germany.

1. Введение

В настоящее время при осуществлении воспитательной работы с ученической молодежью серьезное внимание необходимо уделять положительным практикам ее применения. К таковым относится вовлечение школьников к участию в добровольческой деятельности, создание отрядов экологической, трудовой, патриотической, гражданской направленности.

Существенную значимость представляют «уроки истории» как важнейшие итоги пройденного поколениями жизненного пути. В этом отношении наиболее полезна деятельность ученических организаций начала XX веков. Ее историко-педагогический анализ позволяет не только представить основные этапы формирования и развития детско-юношеского движения, но и совершенствовать процесс взаимодействия участников образовательного процесса в вопросах гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения.

Особый интерес представляют юношеские объединения Германии. В рассматриваемый период русские педагоги-исследователи активно знакомились с опытом германской педагогики и школы, представляя его наиболее значимым и продвинутым в деле развития юношества.

* Corresponding author

E-mail addresses: si_bel@mail.ru (S. I. Belentsov), marx2003@list.ru (M.N. Vetchinova), eanikitina72@mail.ru (E.A. Nikitina), odovger@yandex.ru (O.P. Dovger), kuznetsova.a80@mail.ru (A.A. Kuznetsova)

2. Материалы и методы

Материалами для написания статьи стали документы, касающиеся деятельности объединений учащейся молодежи в рассматриваемый период: Доклад Харьковского городского головы А. Погорелко «О содействии общества к прекращению возникших в учебных заведениях беспорядков» (1905) (Доклад..., 1905); Записка «О различных организациях среди учащихся и учащихся в различных учебных заведениях Министерства Народного просвещения», составленная по поручению министра народного просвещения членом совета министров народного просвещения тайным советником А.Ф. Спешковым в 1908 году (Записка..., 1908), а также монографические работы обобщающего характера, материалы периодической печати.

Методологическую базу составили положения истории, философии, истории педагогики, выявляющие закономерности общественно-исторического развития, особенно в вопросах воспитания подрастающего поколения.

В связи с этим авторы статьи использовали принципы системности, историзма. Актуализируется сравнительно-исторический метод, позволивший рассмотреть особенности представления материалов и фактов в источниках. Осуществляется выяснение причинно-следственных связей, единства теории и практики, исторического и логического в контексте современных подходов к рассмотрению историко-педагогических процессов (парадигмальный, цивилизационный, культурологический) и другие.

В используемой системе методов присутствует изучение деятельности юношеских объединений германской молодежи в начале XX века, ретроспективный анализ педагогического опыта работы с организациями учащейся молодежи отдельных авторов.

Отказ от идеологического контекста используемых исторических источников, вышедших в послереволюционный период (после 1917 г.), позволяет пересмотреть итоги исследователей по рассматриваемой проблеме. Осуществляемый нами подход должен отразить единство основных направлений принципа историзма в историко-педагогической науке.

3. Обсуждение

Вопросы общественного движения учащейся молодежи в начале XX века за рубежом исследованы не достаточно полно. В дореволюционной историографии имеется ряд работ, рассматривающих юношеские объединения в России и сравнивающих их деятельность с подобными в зарубежных странах. К таковым относятся труды В. Динзе (Динзе, 1909), Ал. Пилленко (Забастовки, 1906).

В советской историографии социальная активность юношества, в том числе в Германии, в рассматриваемый период характеризовалась с явным идеологическим уклоном (Работы С.А. Дианина (Дианин, 1926), И. Кулешова (Кулешов, 1931), В. Мирошевского (Мирошевский, 1924), Ф. Рейнгарда, Г. Гопфе (Рейнгард и Гопфе, 1928)). В результате подобного контекста произошло смещение акцентов в определении ее направленности и форм проявления.

Особую ценность имеют историко-педагогические материалы дореволюционного периода о деятельности организаций в Германии С.А. Левитина (Левитин, 1916), Р. Шиллера (Шиллер, 1918), F. Shlyunts (Shlyunts, 1917).

В настоящее время опубликован ряд работ, в которых дается объективная историческая характеристика освещаемых событий. К таковым относятся труды М.В. Богуславского (Богуславский, 2000), Н. С. Ватника (Ватник, 2012), А.Г. Вигдорова (Вигдоров, 1958).

4. Результаты

Движение учащейся молодежи в Германии возникло в среде гимназистов в 1880–1890-х гг. Основной причиной создания ученических организаций стала демократизация германской средней и высшей школы.

Наибольшую активность юношество демонстрировало в 90-е годы. Оно возникло из-за стихийного стремления учащейся молодёжи «к природе». Одновременно в различных населенных пунктах Германии, независимо друг от друга, стали возникать детские объединения с общими целями и задачами: изучать природу родного края, путешествовать по отдаленным местностям, знакомиться с богатствами природы родной страны.

Первым в 1897 году недалеко от Берлина в городе Штеглиц школьник Карл Фишер организовал кружок с целью проведения загородных экскурсий. В ходе экскурсий учащиеся знакомились со школьниками из других городов Германии. Данный опыт создал подобие организации, на первых порах официальным образом неоформленный. Некоторые из обучающихся выходили из школьного возраста, но теме не менее, по-прежнему, принимали активное участие в походах.

Организационное оформление и объединение всех кружков произошло в ноябре 1901 года, в том же Штеглице. Новый юношеский союз получил название «Перелетная птица».

Как отмечал В. Мирошевский, «целыми неделями школьники бродили они с песнями по холмам и лесам, ночевали под открытым небом, ели простую пищу, участвовали в деревенских празднествах, знакомились с простым народным говором, с народными песнями и плясками. Они стремились к телесному у и духовному у оздоровлению, - и ради этого они призывали отказать от

нездоровых привычек, от употребления табака и спиртных напитков; они проповедовали упрощение, впадали в своеобразное «народничество», культивировали народные пляски и песни; они стремились установить свободные и естественные отношения между полами, исключаяющую всякую искусственность и основанные исключительно на чувстве товарищества» (Мирошевский, 1924: 17).

С.А. Левитин также описывал путешествия школьников: «Небольшими группами в 10-12 человек отправляются (обыкновенно с субботы на воскресенье или под праздник) «перелетные птички» в странствование, с палкой в руках и котомкой за плечами. Странствуют «перелетные птицы» каждое воскресенье и праздники; обыкновенно, не особенно далеко. Зато во время летних и даже зимних каникул предпринимают более далекие путешествия» (Левитин, 1916: 24).

Таким образом, исследователи В. Мирошевский, С. А. Левитин, Ф. Рейнгард, Г. Гопфе отмечали культурный, самообразовательный характер детских организаций в Германии на начальном этапе их существования.

Расцвет движения пришелся на 1907 год. В 1906 году было всего 70 местных групп «Перелетной птицы»; в 1911 г. их было уже 412. В 1911 году союз насчитывал 1300 членов; в 1913 году – 21800 (Левитин, 1916: 26).

Вместе с тем, в период с 1907 по 1913 г. одновременно с увеличением общей численности движение переживало и целый ряд внутренних конфликтов. В это время существовало три отдельных, хотя и близких по содержанию, союзов.

1. «Перелетная птица» (Wandervogel E. V.) - крупнейший из всех трех союзов.
2. «Старая перелетная птица» (Altwandervogel) - отличалась от первого объединения, во-первых, тем, что считала недопустимым организацию совместных экскурсий юношей и девушек, и, во-вторых, тем, что запрещение табака и спиртных напитков распространялось только на младших членов союза.
3. «Молодая перелетная птица» (Jungwandervogel) - настаивала, как и «Перелетная птица», на отказе от табака и алкоголя для всех возрастов, но высказывалась и против совместных экскурсий обоих полов (Левитин, 1916: 28).

Все три союза работали в тесном контакте; идеологически ничем практически друг от друга не отличаясь.

Первая мировая война, разразившаяся в 1914 году, резко изменила характер деятельности школьников. Патриотический подъем, характерный для большей части населения Германии, охватил и учащуюся молодежь. Многие участники «Перелетной птицы» ушли на фронт и тем самым демонстрировали свою положительную гражданскую позицию.

Таким образом, «Старая перелетная птица», в предшествующие годы совершенно аполитичная организация, в годы войны взяла твердый государственный курс. Юноши, естественно под влиянием взрослых, втянулись в решение серьезных проблем своего отечества. Большинство исследователей детского движения в Германии считали спорным участие детей в их решении и подвергали серьезной критике действия государства по поощрению подобной самодеятельности школьников.

Наряду с ранними «Перелетными птицами», возник еще целый ряд новых организаций с патриотической направленностью. Таковы, по мнению В. Мирошевского, «Völkischer Bund Wandervogel», «Deutsche Wandervogelgemeinschaft», «Deutscher Wandervogel», «Wirkung» и другие (Мирошевский, 1924: 19).

Прежние программы, формы деятельности, «прогулки» уже не удовлетворяли новых участников «Перелетных птиц». Они стремились к решению серьезных государственных проблем. Так, союз «Landfahrer» хотел «превратиться из экскурсионного общества в коллектив активных творцов жизни»... Движение «перелетных птиц» весьма слабо напоминало предвоенное.

Другое движение - «свободных немцев» - возникло в октябре 1913 года на молодежном празднике на горе Гоген-Мейсснер, на котором присутствовало около 2000 обучающихся.

Сущность своих устремлений юноши изложили в так называемой мейсснерской программе: «Свободная немецкая молодежь стремится устроить свою жизнь по собственному усмотрению, согласно внутреннему чувству правды...» (Рейнгард и Гопфе, 1928: 43). Ее Составителями были Густав Франке, Кнут Альборн и Эйгеп Дидерихс.

Новая организация получила название «Свободные немцы», предложенное Фридрихом-Вильгельмом Фульде. Членами этого движения стала, преимущественно, студенческая молодежь, главным образом бывшие члены «Германского академического товарищества», студенческого общества «Вандалия», Союза воздерживающихся от алкоголя студентов» и т. д. Были среди них и члены «Перелетной птицы».

Рассмотрим идеологию «Свободных немцев».

Вот что писал «свободный немец» Фр. Шлюнц по вопросу создания новой организации: «Движение будет стремиться к достижению известных общественных целей, как-то: земельная реформа, изменение колониальной политики, борьба против алкоголя и прочих социальных ядов, борьба за отвечающую требованиям молодежи школу, быть может, и политическая борьба в собственном смысле слова. Свободный немец подвергает критике все явления, встречающиеся на его жизненном пути. Критерием для оценки служит его собственное сердце...» (Shlyunts, 1917: 24).

Таким образом, движение «свободных немцев» попыталось стать своего рода протестным движением, стремившимся к разрушению государственности в Германии. Можно утверждать, в кругах правительства их деятельность представлялась радикальной. Ясно, что отношение власти к нему стало резко враждебным: ведь «свободные немцы» стали еще большими крамольниками, чем относительно безобидные «перелетные птицы» (Левитин, 1916: 28).

«Свободных немцев» стали рассматривать, по мнению В. Мирошевского, как новую анархическую «секту» (Мирошевский, 1924: 24), безусловно подлежащую уничтожению. Против них была начата клеветническая кампания; развернулись репрессии. Тяжелее всего пришлось «свободным немцам» в Баварии.

27 января 1914 г. баварские власти запретили печатный орган «свободных немцев».

29 января появился анонимный памфлет «Юношеская культура», полный грязнейших инсинуаций (вплоть до обвинения в половых извращениях!) и клеветнических выпадов против интеллигентской молодежи.

В тот же день депутат баварского ландтага (парламента) Шлиттенбауер, член католической партии, произнес речь, в которой заявил: «Цели всего этого свободно-германского юношеского движения заключаются в борьбе против родительского дома и школы, против всякой религии, против христианской морали и здорового патриотизма... Связь этого движения с материализмом ясна сама по себе!»

Ряд периодических изданий воспроизвел речь Шлиттепбауера, сопровождая ее сочувственными комментариями. После этого все германское бюргерство буквально ополчилось на учащееся юношество. В печати появились жесткие сравнения «свободных немцев» с сокрушителями основ - безбожными анархистами... (Шиллер, 1918: 18).

Подобные действия государственных органов и печати застали новое движение врасплох. Вольнодумные студенты, демонстрировавшие на Гоген-Мейсснере свое недовольство современными порядками, не предполагали, что их действия назовут антигосударственными.

В феврале 1914 года на пленарном заседании Центрального Комитета «свободных немцев» в Мюнхене царила растерянность и раздавались голоса в пользу отказа от некоторых идейных позиций.

На конференции в Марбурге (март 1914 г.) произошел формальный раскол. «Левые» во главе с Густавом Винекеном отстаивали политическую активность и социальные цели «свободно-германского» движения. «Правые», составлявшие подавляющее большинство и возглавляемые Кнудом Альборном, настаивали на том, что организация не должна разрабатывать политическую программу.

Один из вождей «правых» Лемке выразил это следующими словами: «Организация должна охватывать только такие группы молодежи, которые готовы предоставить каждому в з своих членов полнейшую самостоятельность. Нашим лозунгом должен быть «нейтралитет» или, как было бы еще лучше сказать, - полнейшая свобода воззрений».

«Мы отклоняем всякое участие в экономической, религиозной и политической борьбе, как преждевременное и препятствующее нашему саморазвитию», - заявили участники Марбургской конференции.

Таким образом, «правые» открывали доступ в ряды «свободных немцев» представителям даже самых умеренных течений, верующим христианам и убежденным националистам. Они высказались в поддержку государственности и предлагали направить свою социальную активность в мирное, культурное русло общественной работы.

Результат не заставил себя ожидать. Уже в начале Первой мировой войны большинство участников «свободных немцев» добровольцами отправились на фронт.

5. Заключение

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть довольно большой процент вовлеченности учащейся молодежи в работу юношеских объединений Германии в начале XX века (2,5 млн человек).

Основной причиной создания ученических организаций стала демократизация германской средней и высшей школы.

Общественное движение учащейся молодежи на данном этапе исторического развития носила самообразовательный характер. Основной интерес участников состоял в организации экскурсий, рассмотрении общественных и литературных тем. Часто художественная литература привлекала не своей эстетической ценностью, а общественно-политическим значением, осуществлялся перевес в сторону социальных интересов в противовес художественным.

Были попытки взрослых втянуть юношество в антигосударственную, радикальную общественную деятельность, вместе с тем, в целом, можно утверждать, что социальная активность германской учащейся в рассматриваемый период была аполитичной и носила мирный, культурный характер.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 14-06-00166).

Примечания:

Богуславский, 2000 - Богуславский М.В. Дореволюционная гимназия: содержание и организация обучения. М., 2000. 160 с.

Ватник, 2012 - Ватник Н.С. «Школьный вопрос» и правительственное реформаторство в России начала XX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2012. №1. С. 46-55.

Вигдоров, 1958 - Вигдоров А.Г. Движение учащихся средних школ в период первой русской революции. // Ученые записки МГПИ. Т.9. Вып. 2. М., 1958. С. 98-118.

Дианин, 1926 - Дианин С.А. Революционная молодежь в Петербурге. 1897 – 1917 (Исторический очерк). Л., 1926. 248 с.

Динзе, 1909 - Динзе В. Очерки по истории среднешкольного движения. СПб., 1909. 70 с.

Доклад..., 1905 - Доклад Городского Головы о содействии общества к прекращению возникших в учебных заведениях беспорядков. Харьков, 1905. 25 с.

Забастовки, 1906 - Забастовки в средних учебных заведениях Санкт-Петербурга. Составил Ал. Пиленко. СПб., 1906. 218 с.

Записка..., 1908 - Записка, составленная по поручению Министра Народного Просвещения Членом Совета Министра Народного Просвещения Тайным Советником Спешковым о различных организациях среди учащихся и учащихся в различных учебных заведениях Министерства Народного Просвещения. СПб., 1908. 29 с.

Кулешов, 1931 - Кулешов И. Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений (с 90-х гг. по октябрь 1917 гг.). Л., 1931. 135 с.

Левитин, 1916 - Левитин С.А. Милитаризация юношества Германии и других странах Европы. М., 1916. 156 с.

Мирошевский, 1924 - Мирошевский В. Буржуазные юношеские организации в Германии. М., 1924. 110 с.

Рейнгард и Гопфе, 1928 - Рейнгард Ф. и Гопфе Г. История пролетарского юношеского движения Германии. М. Л., 1928. 130 с.

Шиллер, 1918 - Шиллер Р. Рабочая молодежь Запада после войны. М., 1918.

Shlyunts, 1917 - Shlyunts F. Die deutsche Jugendpflegeverbände. Berlin, 1917.

References:

Boguslavskiy M. Pre-revolutionary gymnasium: the maintenance and organization training. Moscow, 2000. 160 p.

Dianin S. Revolutionary youth in St. Petersburg. 1897 - 1917 (Historical Review). L., 1926. 248 p.

Dinze V. Essays on the History sredneshkolnogo movement. SPb., 1909. 70 p.

From the history of I. Kuleshov movement among secondary school students (from 90th. October 1917.). L., 1931. 135 p.

Levitin S. The militarization of youth in Germany and other European countries. Moscow, 1916. 156 p.

Miroshevsky B. Bourgeois youth organizations in Germany. Moscow, 1924. 110 p.

Note, compiled on behalf of the Minister of Education, Member of the Council of Minister of Education Privy Counsellor Speshkovym of different organizations and among the students who teach in different educational institutions of the Ministry of National Education. SPb., 1908. 29 p.

Reinhard F. and Hopf H. The history of the proletarian youth-movement in Germany. ML, 1928. 130 p.

Report of the mayor of the assistance community to stop any unrest in schools. Kharkov, 1905. 25 p.

Schiller R. Young workers of the West after the war. M., 1918.

Shlyunts F. Die deutsche Jugendpflegeverbände. Berlin, 1917.

Strikes in secondary schools in St. Petersburg. Compiled by Al. Pylenko. SPb., 1906. 218 p.

Vatnik N. «School issue» Government and reformism in Russia in the early twentieth century // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: History. 2012. №1. S. 46-55.

Vigdorov A. The movement of students in secondary schools in the period of the first Russian revolution. // Scientific notes of Moscow State Pedagogical Institute. V.9. Vol. 2. M., 1958. S. 98-118.

УДК 371.83/.84(430) «20»+93(430) «20»

**Организации учащейся молодежи в Германии в начале XX века:
от самообразования к политической борьбе**Сергей Иванович Беленцов ^{a, *}, Марина Николаевна Ветчинова ^b, Елена Александровна Никитина ^a,
Оксана Павловна Довгер ^c, Алеся Анатольевна Кузнецова ^c^a Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация^b Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация^c Курский государственный медицинский университет, Курск, Российская Федерация

Аннотация. Авторы данной статьи рассматривают ученическое движение в Германии в начале XX века с целью выявления его идеологической основы, направленности и форм проявления. Характеризуется деятельность двух крупнейших германских юношеских организаций. «Перелетная птица» была организована в 1901 году. Аполитичная в начальное время своего существования, в годы Первой мировой войны данное объединение придерживалась твердого государственного курса. Юноши, естественно под влиянием взрослых, решали серьезные проблемы своего отечества. Большинство исследователей детского движения в Германии считали спорным участие детей в их решении и подвергали серьезной критике действия государства по поощрению подобной самостоятельности школьников. Другое юношеское объединение «Свободные немцы» было создано в 1913 году. Оно попыталось стать своего рода протестным движением, стремившимся к разрушению государственности в Германии. Можно утверждать, в кругах правительства деятельность «свободных немцев» представлялась радикальной. В целом, авторы приходят к выводу о самообразовательном характере общественного движения учащейся молодежи Германии на данном этапе исторического развития. Были попытки втянуть юношество в антигосударственную, радикальную общественную деятельность, вместе с тем, в целом, можно утверждать, что социальная активность германской учащейся в рассматриваемый период была аполитичной и носила мирный, культурный характер.

Ключевые слова: история образования, ученическое движение, Германия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: si_bel@mail.ru (С.И. Беленцов), marx2003@list.ru (М.Н. Ветчинова), eanikitina72@mail.ru (Е.А. Никитина), odovger@yandex.ru (О.П. Довгер), kuznetsova.a80@mail.ru (А.А. Кузнецова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 39, Is. 1, pp. 210-221, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 378(091); 342.733

Patronage and enlightenment in pre-revolutionary Russia: Alfons Shanyavsky and his "Free School"

Roman A. Fando ^{a, *}

^a S.I. Vavilov Institute for the history of science and technology, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the history of establishment of the private university in pre-revolutionary Russia on the sponsors's donations. Alfons L. Shanyavsky was the initiator of the creation of this university, he filed a petition for the opening of the Public University to the Moscow City Duma and to the Ministry of Education in 1905. After long resistance by the officials the University was opened in 1908, after the death of its founder. Public University was attractive for various audiences, as had a great opportunities to practice the science and the getting of high education in selected cycles and courses. For teaching at the university were attracted highly qualified specialists, who were able to unite around talented students. These students became ahead of Russian science after decades.

Keywords: A.L. Shanyavsky Moscow City Public University; non-governmental higher education; patronage and enlightenment

1. Введение

На рубеже XIX и XX вв. в России все более заметную роль в развитии культуры, образования и науки играло меценатство, которое как широкое общественно-благотворительное движение приняло самые разнообразные формы. Кроме традиционных пожертвований библиотекам, музеям, театрам, достаточно распространенными в российском обществе стали частные образовательные и научно-исследовательские учреждения, финансируемые за счет меценатов. Благодаря благотворительным инициативам предпринимателей были созданы такие известные вузы как Московская практическая академия коммерческих наук, Лазаревский институт восточных языков, Санкт-Петербургские и Московские высшие женские курсы, Московский городской народный университет Шанявского. Частные институты не были обременены бюрократическими и идеологическими пережитками, которые существовали в императорских университетах. Кроме того зарождающаяся в России изучаемого периода система негосударственного высшего образования предоставляла широкий спектр возможностей для реализации образовательных потребностей молодежи. Обращение к исследованию феномена благотворительности в вузах дореволюционной России позволит восполнить многочисленные пробелы, существующие в истории отечественной науки и образования данного периода.

2. Материалы и методы

В основу работы положены различные методы исторического исследования: сравнительный, типологический, системный. История возникновения Народного университета Шанявского рассмотрена с учетом политических, экономических и социокультурных факторов, что помогает реконструировать события прошлого наиболее полно и объективно.

* Corresponding author

E-mail addresses: fando@mail.ru (R.A. Fando)

Источниковедческая база изучаемого вопроса достаточно скудная. Восстановить историческую картину позволили немногие материалы, которые находятся в отечественных архивах: Государственном архиве Российской Федерации, Центральном историческом архиве города Москвы, Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Информация о деятельности Народного университета также содержится в его ежегодных отчетах, опубликованных Обществом взаимопомощи слушателей МГНУ им. А.Л. Шанявского.

3. Обсуждение

История благотворительной деятельности в образовании неоднократно обсуждалась отечественными и зарубежными авторами (Аронов, 2012; Горбунова, 2010; Леванов и др., 2010; Шабалина, 2006; Thurston, 1984; Edward, 2006; Leckey, 2011; Bradley, 2012). Частная поддержка стала отличительной чертой отечественной науки XIX – начала XX вв. (Чеснова и др., 2008).

Благодаря капиталу различных обществ и отдельных меценатов в начале XIX века в России стали появляться первые негосударственные учебные заведения. В 1810 г. Купеческим обществом любителей коммерческих знаний была открыта Московская практическая академия коммерческих наук – первая общественная академия в России. Академия восполнила пробел, который появился после перевода в Санкт-Петербург Коммерческого училища П.А. Демидова при Воспитательном доме. Она имела сугубо практический характер и ориентировалась на подготовку специалистов в области торговли и промышленности (Бурлова, 2003).

В 1815 г. в Москве появляется частный вуз, который сначала назывался Армянским училищем, а с 1827 г. стал именоваться Лазаревским институтом восточных языков. Данное заведение было организовано полностью на средства братьев Лазаревых, богатых армянских предпринимателей, активных борцов за независимость Армении от персидских и турецких завоевателей. В 1920-е гг. Лазаревский институт вошел в состав Московского института востоковедения, а в 1954 г. основная его часть была присоединена к Московскому государственному институту международных отношений (МГИМО) (Базиянц, 1973; Воевода, 2015).

Целая эпоха в истории отечественного образования была связана с решением «женского вопроса». Как известно, женщины в дореволюционной России имели ограниченные права в получении университетского образования (Engel, 1999; Агамова и др., 2000; Валькова, 2006). Вопреки протесту общественности состав студенчества жестко регулировался по признаку пола (ЦИАМ, Ф. 363. Оп. 1. Д. 15. Л. 50). Тем не менее, многие женщины, желая получить образование, приближенное к университетскому, проходили обучение на негосударственных Высших женских курсах, где преподавали ведущие профессора и ученые.

Первый негосударственный женский вуз – Московские высшие женские курсы Герье В.И. были учреждены в 1872 г., Петербургские – в 1878 г. и носили имя их официального руководителя историка К.Н. Бестужева-Рюмина (Шнырова, 1997).

В 1872 г. в Санкт-Петербурге были открыты Высшие женские медицинские курсы. В 1900 г. по инициативе известного общественного деятеля и ученого И.А. Стебута при московских сельскохозяйственных заведениях были организованы Высшие женские сельскохозяйственные курсы. При его активном участии и под патронажем Общества содействию высшему сельскохозяйственному образованию в 1904 г. распахнули свои двери для слушательниц Петербургские Высшие женские сельскохозяйственные курсы, названные позднее в честь их основателя Стебутовскими. В 1908 г. по инициативе княгини С.К. Голицыной в Москве были открыты Высшие женские (Голицынские) сельскохозяйственные курсы, директором которых с 1908 по 1917 гг. был Д.Н. Прянишников. В 1905 г. был учрежден Женский технический институт, открытие которого произошло только в 1906 г. в Санкт-Петербурге с новым названием – Высшие женские политехнические курсы. Важным этапом развития женского технического образования стало учреждение в 1915 г. Петроградского женского политехнического института.

1905–1907 годы в отечественной истории ознаменовались небывалым интересом к развитию частного образования. К существовавшим до того времени 14 негосударственным высшим учебным заведениям присоединилось сразу 36. В период 1908–1913 гг. в России возникло еще 26 «вольных высших школ», причем половина из них в 1908–1909 гг. Негосударственные вузы в 1914–1917 гг. пополнились еще 12 учебными заведениями. По подсчетам А.Е. Иванова до февральской революции в стране насчитывалось более 80 общественных и частных учебных заведений. Число их резко сократилось в феврале 1917 г. до 59 (Иванов, 1991: 100).

Массовые забастовки и волнения студентов в 1905 г. заставили правительство напрямую заняться вопросами реформирования высшего образования. В то время во главе Министерства народного просвещения стал И.И. Толстой. Благодаря его активной работе были разработаны проекты новых уставов для различных типов высших учебных заведений (Порхова, 2007).

И.И. Толстой пытался стереть границы между государственным и негосударственным образованием, привнося новые поправки в законодательную базу. В частности ему удалось заручиться поддержкой Николая II и пролоббировать «всеподданнейший доклад» (от 3 декабря 1905 г.), документ, упрощающий процедуру открытия негосударственных высших учебных заведений, минуя Совет министров, как это делалось раньше. В связи с этим Министерство народного

просвещения могло самостоятельно санкционировать появление частных курсов по программам высшего образования.

А.Е. Иванов отмечает, что численность студентов в России возрастала в период с 1897 по 1917 гг., хотя и в угасающем темпе: в 1897-1908 гг. в среднем на 19,5 % в год; в 1908-1914 гг. – на 5,5 % в год; в 1914-1917 гг. – на 3,1 % в год (Иванов, 1991: 253). Если в 1897 г. в Российской империи насчитывалась 31 тыс. студентов, то уже к 1917 г. их число составляло 135 тыс.

Рост числа студентов в дореволюционный период был обеспечен в большей степени слушателями негосударственных учебных заведений. А.Е. Иванов (1991) проанализировал динамику изменения соотношения численности студентов государственных, общественных и частных вузов за период с 1897 по 1914 гг. Так в 1897–1898 учебном году в императорских университетах обучались 93,3 тыс. студентов, в негосударственных высших учебных заведениях – 6,7 тыс., в 1907-1908 уч.г. соответственно – 67 и 33 тыс., в 1913-1914 уч.г. – 57,8 и 42,2 тыс. Таким образом в российском образовании в начале прошлого столетия наметилась устойчивая тенденция к росту числа студентов частных вузов. Дело в том, что негосударственное образование повышало свой престиж в лице обычных граждан, привлекая к работе видных профессоров и преподавателей, создавая современную материальную базу для обучения и проведения научных исследований, разрабатывая и внедряя новые учебные курсы. Но особую привлекательность эти учебные заведения снискали из-за духа свободы и независимости, царившего среди молодых людей различных интересов, различного происхождения и различного материального достатка.

Одним из таких привлекательных и популярных частных вузов дореволюционной России был Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского. Название этого университета нашим современникам мало о чем говорит, тем не менее, он был знаменит своими высококвалифицированными кадрами, прекрасными условиями и средствами обучения, высокой численностью слушателей и невероятной популярностью среди представителей различных сословий. Также в нем были заложены традиции, которые в дальнейшем распространились в других научно-образовательных центрах, созданных в советское время.

Истории организации Народного университета посвящено незначительное количество работ отечественных исследователей (Воробьева, 1970, 1977, 1994, 1999; Глебова и др., 2004), которые ввели в научный оборот архивные документы, описывающие все сложности в истории открытия народного университета и утверждения его устава. В этих работах приводится множество писем, распоряжений и циркуляров Московской городской думы, Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел по вопросу открытия в Москве Городского университета.

К сожалению, мало кто из исследователей в своих работах обращается к благотворительной и просветительской деятельности А.Л. Шанявского, как главного вдохновителя идеи создания народного университета в Москве. Попробуем исправить сложившееся положение и обратимся к биографии известного мецената и проанализируем его роль в организации университета нового типа.

4. Результаты

Идея организации народного университета в Москве на частные пожертвования принадлежала Альфонсу Леоновичу Шанявскому (1837–1905), известному просветителю и меценату, обладавшему высокими нравственными идеалами и стремлением к бескорыстному служению российскому народу. Родился он в Седелецкой губернии в родовом имении Шанявы (территория современной Польши). В 1846 г. попал в рекрутский набор мальчиков из польских дворянских семей, став воспитанником Тульского кадетского корпуса для малолетних. Затем был переведен в Орловский корпус, откуда определен в Петербург, в Дворянский полк.

Рис. Альфонс Леонович Шанявский (1837-1905). Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 554. Картон 1. Ед.хр. 26. Л. 1

По окончании обучения А.Л. Шанявский стал офицером Егерского полка, но продолжал дополнительно получать образование в Академии генерального штаба. По состоянию здоровья он покинул Петербург и принимает приглашение переехать в Восточную Сибирь, чтобы принять участие в устройстве недавно присоединенного к России Амурского края. В 1872 г. венчался с Лидией Алексеевной Родственной, которой от отца досталось золотопромышленное дело. Совместно с В.Н. Сабашниковым Шанявские создали компанию по добычи золота на Амуре, что принесло им огромную прибыль и позволило заняться благотворительностью.

Мечтой А.Л. Шанявского было открытие на собственные средства высшего учебного заведения, в котором могли бы обучаться люди разных социальных групп, где могли бы проводиться исследования, прорывные для науки того периода. 15 сентября 1905 г., с того самого дня А.Л. Шанявский написал письмо министру народного просвещения генералу В.Г. Глазову, изложив необходимость создания частного университета для всех, кому было недоступно обучение в казенных высших учебных заведениях. Текст письма, написанный великим сподвижником, не потерял актуальности и в наши дни: «Несомненно, нам нужно как можно больше умных образованных людей; в них вся наша сила и наше спасение, а в недостатке их – причина всех наших бед и несчастий и того прискорбного положения, в котором очутилась ныне вся Россия. <...> В 1885 г. я пробыл почти год в Японии, при мне шла ее кипучая работа по обучению и образованию народа во всех сферах деятельности, и теперь мне пришлось быть свидетелем японского торжества и нашей полной несостоятельности. Но такие удары судьбы даже такая страна, как наша, не может сносить, не востепенувшись вся, и вот она жаждет теперь изгладить свое унижение, она жаждет дать выход гению населения России – не тупее же оно в самом деле монгольской расы. Но если оно прибывает доселе в

принудительном невежестве, то теперь настало время, когда оно рвется из него выйти и со всех сторон раздаются призывы к знанию, учению и возрождению» (Возникновение..., 1913: 21-22).

В тот же день он обратился в Московскую городскую думу со следующими словами: «В нынешние тяжелые дни нашей общественной жизни, признавая, что одним из скорейших способов ее обновления и оздоровления должно служить широкое распространение просвещения и привлечение симпатии народа к науке и знанию – этим источникам добра и силы, я желал бы, по возможности, оказать содействие скорейшему возникновению учреждения, удовлетворяющего потребности высшего образования; поэтому я прошу Московское Городское Общественное Управление принять от меня, для почина, в дар городу Москве принадлежащее мне в Москве <...>недвижимое имущество – дом с землей, для устройства и содержания в нем или из доходов с него Народного Университета» (Возникновение..., 1913: 20). Шанявский предлагал на собственные пожертвования создать свободный университет в ведении Городского общественного управления. Данное заведение должно было быть доступным для всех желающих учиться без различия пола, национальностей и вероисповеданий, с взиманием умеренной платы за слушание лекций и стремлением в будущем к бесплатному образованию.

Шанявский предлагал ввести систему общественного управления в лице Попечительского совета, половина членов которого должна была избираться Городской думой, а половина должна была назначаться со стороны учредителя, то есть жертвователя. Важным нововведением стало его предложение о членстве в совете женщин и лиц с высшей ученой степенью. А.Л. был убежден, что став частью общественного самоуправления, университет сможет лучше развиваться и процветать, нежели, если его организовать на положении частного заведения.

Московская Городская Дума и Московский градоначальник приняли дар мецената и поддержали его начинания по организации народного университета. После подписания дарственной, в тот же день, 7 ноября 1905 г., Альфонс Леонович умирает, а все его дела переходят супруге Лидии Алексеевне Шанявской. Супруга великого мецената самым активным образом продолжила начатое дело своего мужа. В общей сложности она пожертвовала университету 689 466 руб. (из них 615.000 руб. на постройку здания университета) (Никульшин и др., 2013: 13). Три года прошло с того момента, как было принято пожертвование генерал-майора до юридического открытия долгожданного учебного заведения. Проект продвигался очень медленно по вине чиновников Министерства просвещения, Главного управления по делам местного хозяйства, Мосгордумы, Министерства внутренних дел, Генерала-Губернатора.

В газете «Русские Ведомости» от 6 апреля 1908 г. читаем: «Московская городская Дума, поставленная перед альтернативой потерять имущество, условно завещанное г. Москве А.Л. Шанявским, или изменить проект положения о народном университете согласно требованиям нового министра народного просвещения, избрала второй путь и внесла в проект указанные ей министром изменения. Сделала она это, скрипя сердце, при громком ропоте даже самых консервативных гласных, возмущенных такой политикой министерства. Но согласиться ей пришлось, ибо «жестoko ты ешь против рожну прати»¹ (ОР РГБ, Ф. 554. Кар. 3. Ед.хр. 31. Л. 6).

Торжественное открытие университета состоялось 1 октября 1908 года. В свой первый учебный год (1908–1909) университет не был разделен на факультеты. Преподавание дисциплин велось по двум циклам: естественно-историческому и общественно-юридическому (Московский..., 1914). Студентам можно было записаться или на все предметы какого-то из циклов, или на избранные ими научные курсы обоих циклов. В 1908–1909 учебном году на посещение полных циклов записалось 287 человек, а на индивидуальные учебные планы – 677 человек.

Первые студенты университета были представителями разных социальных групп, имели различную подготовку и соответственно не могли на достаточном уровне воспринимать академические лекции профессоров. Вот так описывает свое впечатление о первых слушателях университета Н.В. Сперанский: «Университет всем открывал двери к истинной науке, но мы еще не доросли до настоящего демократизма: лица, носящие разные одежды, с подозрением смотрели друг на друга. «Для кого же будет этот университет: для нас или для них, - вон, что стоят там барышни в котиковых шапочках? – спрашивают лица, одетые в рабочие одежды. А «котиковые шапочки» в свою очередь выражают опасение, не будет ли «слишком народно» университетское преподавание. С трудом вмещают многие головы и мысль, что новый университет, твердо решив быть высшей школой, в то же время не собирается быть рабской копией Императорских университетов» (Сперанский, 1911: 3).

Ко второму году работы назрела острая необходимость в разделении слушателей на два потока: одни должны были слушать более упрощенные лекции, тем самым готовясь к восприятию преподавания на университетском уровне. В результате в университете было создано два отделения: научно-популярное и академическое. На первом происходила подготовка к поступлению на академическое отделение. Слушатели обучались на этом подготовительном отделении четыре года и

¹ Поговорка, вошедшая в русскую речь из славянского перевода «Деяний апостолов». Означает дословно: «Трудно тебе идти против рожна (острого кола для погонки быков)», то есть «бесполезно бороться с сильными мира сего».

получали среднее образование, аналогичное гимназическому. Студенты академического отделения обучались три года и получали высшее образование. На академическом отделении было три потока: естественно-исторический, общественно-юридический и историко-философский. Занятия на отделении проводились в вечернее время с 17 до 22 часов, чтобы дать возможность студентам зарабатывать в дневное время.

Плата за обучение бралась небольшая. Годовая стоимость обучения на научно-популярном отделении составляла 6 рублей в год, на академическом – 40 руб. (Власов, 2012). За слушание отдельного систематического курса лекций взималась плата в размере 4 руб. в год, годовой цикл практических занятий по какому-либо предмету также стоил 4 руб. Сверх этого студенты вносили 1 руб. за имматрикуляцию¹. При посещении научно-популярных лекций взималась по 10 копеек за лекцию (Московский..., 1914). В университете допускались рассрочки при оплате систематических курсов, и существовала система льгот для малоимущих студентов.

Отличительной чертой новой высшей школы стало привлечение к чтению лекций ведущих ученых с признанными научными заслугами. Уже в первый год работы университета были привлечены к чтению лекций Ю.В. Вульф (кристаллография и минералогия), А.Н. Реформатский (неорганическая и органическая химия), В.П. Шереметевский (математика), Н.К. Кольцов (зоология), П.П. Лазарев (физика) (Отчет..., 1909).

Известный зоолог и борец за демократизацию высшего образования Н.М. Кулагин, отмечал, что многие выдающиеся ученые считали за честь быть преподавателями университета Шанявского. Наряду с чтением лекций в университете шла интенсивная работа в лабораториях и на семинарах. В изданиях Императорской Академии наук и в других ученых изданиях стали появляться научные работы с пометкой «из лаборатории университета Шанявского» (Выборы..., 1912).

На следующий год педагогический состав был усилен следующими преподавателями: С.Н. Блажко (астрономия), А.П. Артари (морфология и систематика растений), А.Е. Ферсманом (описательная минералогия), Н.Н. Худяковым (ботаника и физиология растений), Н.М. Кулагиным (зоология), Д.Ф. Синицыным (зоология), М.Н. Шатерниковым (физиология животных), А.П. Ивановым (геология), П.А. Казанским (историческая геология), М.В. Павловой (палеонтология) (Отчет..., 1910).

Особенно приток высококвалифицированных преподавателей наблюдался в 1911 году, когда часть профессоров покинула Московский университет в знак протеста против ограничений университетской автономии министром народного просвещения Л.А. Кассо. В отставку подали и ректор Мануйлов А.А. и проректоры Мензбир М.А. и Минаков П.А. Для Университета Шанявского переход ведущих ученых Московского университета стало подарком судьбы. Здесь они нашли для себя долгожданную свободу научного творчества и преподавания. Кроме этого для работы в народном университете не важны были регалии и чины приглашенных преподавателей.

«Не официальный диплом на «звание» ученого, а научные труды, талант, ученое имя – вот единственный критерий для признания «достойного» вступить на кафедру вольного университета. При подобных условиях, в вольной научной школе, которая не только передает научное знание своим абитуриентам, но и самостоятельно разрабатывает науку, не может быть места для дипломированного «ученого» невежества, хотя бы и возведенного в «степень», но зато в ней никогда не окажется «лишним» подлинный ученый и серьезный исследователь, который так часто оказывается «не ко двору» в официальной государственной школе, вынужденный скитаться далеко за рубежом своей родины. Таким образом свободное признание ученых заслуг – такова основная гарантия научности творческой работы и преподавания в высшей вольной школе» (Сыромятников, 1916: 17).

Благодаря переходу в народный университет талантливых ученых удалось в значительной степени не только повысить уровень преподавания, но и уровень научно-исследовательской работы. Так, например, в 1911–1912 гг. в физической лаборатории П.Н. Лебедева научными разработками занималось – 18 человек, в другой физической лаборатории под руководством П.П. Лазарева – еще 16 человек. Получалось, что исследованиями в области физики в Университете Шанявского занималось больше ученых, чем в Берлинском университете (Московский..., 1914).

Благодаря строительству нового корпуса университета появилась возможность для расширения исследовательской базы. Естественно-историческое отделение стало занимать все три этажа левой части нового здания. В одном месте были сосредоточены лекционные аудитории, фундаментальная библиотека, кабинеты и лаборатории физики, минералогии, кристаллографии, геологии, ботанике, зоологии, физиологии растений и экспериментальной биологии. Кроме этого с левой стороны главного здания была сделана пристройка химического института на средства известной благотворительницы В.А. Морозовой, которая пожертвовала на эти цели 52 тыс. рублей.

Для помощи в проведении научных исследований на должном уровне находилось библиотечное дело. Фундаментальная библиотека постоянно пополнялась специальной литературой

¹ Имматрикуляция (от лат. *Immatriculare* – «внести в список») – прием в студенческое братство, посвящение в студенты. С 1861 г. в России была введена обязательная имматрикуляция, то есть внесение студентов в университетские списки для взыскания с них денег за право посещений лекций.

на средства меценатов и передач в дар книг из личных коллекций. Ценными пожертвованиями для библиотеки стали книги М. и С. Сабашниковых (87 тыс. томов), А.Н. Реформатского (340 тыс. томов), В.В. Пржевальского (340 тыс. томов), В.К. Рота (400 тыс. томов) (*Отчет..., 1910*).

Особый интерес представляет анализ состава «шанявцев». Такие социологические исследования проводились студентами университета. Обобщение полученных результатов анкетирования, проведенного почти сто лет назад, позволяет нам сегодня выявить отличительные черты студентов, выбравших для обучения негосударственные высшие учебные заведения. «Состав слушателей университета Шанявского помимо общего интереса имеет и особый ему лишь принадлежащий интерес. Ведь народный университет, общественный и по средствам и по задачам, - своеобразное учебно-научное учреждение. Ставя своей задачей «распространение высшего образования», не обеспечиваемого «правами», университет тем самым создает особый тип своего слушателя. Сама физиономия университета имени Шанявского должна накладывать на слушателя свой отпечаток» (*Университет..., 1914: 65*).

В Университете занимались три группы слушателей: академического и научно-популярного отделений и слушатели специальных курсов. Высокий интерес слушателей к выбору дополнительных предметов показывал, что большинство студентов Университета Шанявского имели приличную подготовку и расширяли свои знания только в определенных областях, кроме того они либо были заняты учебой в Императорском университете, либо основной работой, либо домашними делами, особенно последнее касалось женщин. Надо отметить, что женщин среди слушателей Университета Шанявского было даже больше, нежели мужчин.

Стремление студенчества к расширению общественно полезной работы выражалось в создании «Общества медицинской помощи учащимся в высших учебных заведениях города Москвы», «Студенческого издательства». Не обошла стороной подобная практика и «вольный университет» – в его стенах было организовано «Общество взаимопомощи слушателей Московского городского народного Университета имени А.Л. Шанявского». Так как материальное положение студенчества было крайне невелико, Общество ставило перед собой основной задачей – денежную помощь особо нуждающимся категориям. Кроме того члены общества добровольно помогали «приезжим» безболезненно адаптироваться к жизни в большом городе, приобщая их к интеллектуальной и культурной жизни Москвы. Общество старалось опекать, в первую очередь, наиболее способных и талантливых студентов, тем самым поддерживая наиболее ценных и полезных для страны граждан.

Общество имело собственную столовую, бюро труда, издательское и книжное дело, комиссию по усилению средств общества, хозяйственную комиссию, экскурсионное бюро. Многие студенты даже подрабатывали в подразделениях и предприятиях Общества.

Деятельность Общества регламентировалось уставом и координировалась Правлением. Кроме того шел активный контроль за Обществом со стороны полиции, которой предоставлялись не только уставные документы, но и отчеты по расходованию денежных средств. Важнейшие задачи, вставшие перед Правлением, заключались в определении нужного направления деятельности Общества взаимопомощи, соблюдении принципов общественной кооперации, взаимодействии с другими студенческими организациями.

Общественники проводили следующие конкретные мероприятия: 1) выдавали ссуды и пособия; 2) кормили бесплатными обедами и льготными обедами по сниженным ценам нуждающихся студентов; 3) предоставляли в определенных магазинах возможность покупки одежды и обуви в рассрочку; 4) путем соглашения с некоторыми аптеками помогали приобретать лекарства с большими скидками; 5) решали вопрос с арендой жилья; 6) организовывали научные и культурно-просветительские экскурсии.

На большой охват Обществом малоимущих студентов указывает тот факт, что в 1913 г. число отпущенных ежедневных обедов достигало 360 (*Московский..., 1914: 20*). Цены на обеды в столовой Общества Взаимопомощи были очень низкими: первое блюдо с мясом – 15 коп., без мяса – 10 коп., порция второго блюда – 20 коп. (половина порции – 14 коп.), третье блюдо с выпечкой – 7-12 коп.

В 1913 г. Общество взаимопомощи слушателей Московского городского народного Университета имени А.Л. Шанявского и Бюро землячеств, объединявшем 39 организаций московских вузов, предприняли попытку создания кооперативного издательства. В связи с распадом Бюро землячеств, вопрос этот ненадолго был отложен, однако в том же 1913 г. эту идею поддержало Общество взаимопомощи Московского университета. В результате в организации Студенческого издательства приняли участие 38 высших школ. В последствие число их выросло до 45. О масштабе деятельности Студенческого издательства говорит тот факт, что в 1916 г. на его складе находились книги и брошюры общей стоимостью 30 тыс. рублей, а годовой издательский оборот составлял 100 тыс. рублей (*Иванов, 2010*).

Кроме обществ, ставящих перед собой образовательные и благотворительные цели, среди студентов начала XX века были популярны религиозные и философские кружки, но больше всего студентов привлекали политические объединения. «Характерным качеством массового сознания молодой интеллигенции являлась его политизированность, особенно интенсивная накануне и в период Первой русской революции. Политические интересы студенчества в то время превалировали даже над интересами материально-бытовыми и академическими, хотя последние, будучи постоянно

ущемляемыми, непосредственно подогревали студенческое недовольство, а нередко являлись тем детонатором, который вызывал взрыв массового недовольства» (Иванов, 2004: 10).

Университет им. А.Л. Шанявского снискал славу «неблагонадежного» учебного заведения, так как в нем обучались члены социально-демократической партии, участники различных революционных кружков. За многими слушателями была установлена слежка, на лекциях часто присутствовали тайные агенты полиции, о чем свидетельствуют их подробные донесения в Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве¹ при Управлении Московского градоначальника (ГАРФ, Ф. 63. Оп. 46. Д. 110).

В агентурной записке от 16 ноября 1911 года Московского Охранного отделения о народном университете имени А.Л. Шанявского читаем: «В этом университете среди слушателей очень много горячего материала, элементами коего являются студенты правительственных высших учебных заведений и евреи. Они вносят брожение в среду слушателей, которая настроена довольно мирно и серьезно, и некоторые из них стремятся захватить в свои руки руководство. В этот университет идут многие студенты, которые недовольны настоящей постановкой преподавания в Императорском Университете, т.е. элемент оппозиционный. В отношении евреев здесь никаких ограничений не существует, и многочисленность их бросается в глаза» (ГАРФ, Ф. 63. Оп. 46. Д. 110. Л. 10).

Известный советский политический деятель М.И. Лацис (настоящее имя – Ян Фридрихович Судрабс) даже в качестве конспирации поступил в Университет Шанявского, что помогло ему не попасть под наблюдение московской полиции. Об этом эпизоде своей жизни он писал: «Университет Шанявского был либеральным, культурным очагом. При поступлении в университет не требовалось держать испытательных экзаменов. Это было большим облегчением для всех «неблагонадежных», выброшенных из учебных заведений и не получивших документов об образовательном цензе. <...> К этому университету тянулись и политически неблагонадежные элементы. Часть из них, порвав с революционным прошлым, уходила в академизм и радовалась, что сравнительно легко отделалась от «грехов молодости», другие продолжали участвовать в революционной борьбе и накапливали теоретический багаж» (Лацис, 1935: 9).

«Вольный университет» дал глоток свежего воздуха талантливой молодежи, несмотря на их политические пристрастия. Студентами-шанявцами были известные поэты: Н.А. Клюев, Е. Чаренц, Е.Л. Кропивницкий, Г.А. Санников, С.А. Есенин, биологи: А.Л. Чижевский, Н.В. Тимофеев-Рессовский, А.С. Серебровский, Р.И. Серебровская (Гальперин), М.М. Завадовский, С.Н. Скадовский, Г.О. Роскин, психолог Л.С. Выготский.

Идея создания первого «вольного университета»² имела большую поддержку со стороны населения, не случайно колоссальные средства людей разных сословий были пожертвованы на развитие материально-технической базы и привлечение высококлассных специалистов для организации учебной и научно-исследовательской работы. Негосударственные высшие учебные заведения стали появляться и в других городах России: Дом науки имени Макушина в Томске, Нижегородский вольный университет, университет имени Лутугина, преобразованный в частный университет Психо-неврологический институт в Петрограде.

Как справедливо заметил Б.И. Сыромятников в отношении создания первых вольных высших школ: «Явление это, конечно, не случайность, не простая манифестация «благотворительной» воли «добрых людей». Оно симптоматически отмечает определенный поворот, обозначившийся в современной жизни и общественном сознании. В нем запечатлелись, с одной стороны, судьбы высшего образования в России, с другой – стремления широких народных кругов приобщиться к высшей культуре. <...> Это демократическое движение является объективным показателем того кризиса, который переживает теперь «привилегированная» высшая школа, застывшая в своей академической рутине» (Сыромятников, 1916: 6-7).

Революционный переворот, так сильно изменивший социально-экономическое состояние России, внес значительные коррективы и в систему высшего образования. В 1918 г. Университет Шанявского был национализирован, а в 1919 г. его академические отделения были присоединены к факультетам МГУ. В 1920 г. бывшее научно-популярное отделение перешло Коммунистическому университету им. Я.М. Свердлова, поселившемуся на Миусской площади, в бывшем здании «вольно университета». В настоящее время в этих стенах располагается один из корпусов Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Отделение по охране общественной безопасности и порядка (Охранное отделение, в просторечии – охранка) – структурное подразделение полиции, ведавшее политическим сыском. В конце XIX – начале XX вв. занимало ведущую роль в системе государственного управления и контроля за деятельностью подпольных политических организаций.

² Определение «вольный университет» в отношении Университета имени А.Л. Шанявского дал впервые Б.И. Сыромятников в своей речи, произнесенной в торжественном собрании в память А.Л. Шанявского 7 ноября 1916 г. в городском народном университете.

5. Заключение

История организации Московского народного университета является характерным примером благотворительной инициативы в области высшего образования дореволюционной России. Несмотря на короткий период своего существования Университет Шаняевского широко распространил идеи обучения, свободного от навязанных обществом предрассудков и вековых догм. Идеи вольной высшей школы были тождественны идеям неформальных научных объединений (научных школ) и следовали в интересах свободных научных исследований, независимого преподавания и самостоятельности слушателей. Благодаря привлечению в народный университет выдающихся ученых с мировым именем вокруг научных лидеров выкристаллизовывались коллективы исследователей. Свобода в организации учебного процесса позволила воспитывать научные кадры в соответствии с актуальными потребностями науки и практики. Авторитет лидеров научных школ способствовал привлечению в стены Университета А.Л. Шаняевского талантливых студентов, которые спустя десятилетия уже находились в авангарде отечественной науки.

Изучение опыта одного из авторитетных частных высших учебных заведений дореволюционного периода является как никогда актуальным сегодня, когда в России уже на протяжении последних двух десятилетий наблюдается рост студентов негосударственных вузов. Описанный в статье пример появления частной высшей школы в дореволюционной России, лишний раз доказывает нам, что привлечение талантливых ученых, одержимых идеей служения во благо науки и образования, а также продуманная политика по привлечению дополнительных финансов могут сделать негосударственное учебное заведение престижным научно-образовательным центром. Хочется надеяться, что благородный почин А.Л. Шаняевского будет продолжен будущими поколениями людей, проникнутых осознанием общественного долга и стремлением к служению во благо России.

Литература

- Агамова и др., 2000 – *Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г.* Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. №1. С. 141–153.
- Аронов, 2012 – *Аронов А.А.* Меценаты России – отечественной культуре. Москва: Экон-Информ, 2012. 178 с.
- Базиянц, 1973 – *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. Москва: Наука, 1973. 224 с.
- Боханов, 1989 – *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. Москва: Наука, 1989. 187 с.
- Бурлова, 2003 – *Бурлова Н.В.* Возникновение и развитие системы негосударственного образования в России (конец XIX – начало XX вв.). М.: Государственная академия славянской культуры, 2003. 55 с.
- Валькова, 2006 – *Валькова О.А.* Дискуссия о высшем женском образовании в Московском университете (1861 г.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. №4. С. 82–96.
- Власов, 2012 – *Власов В.А.* Народный университет имени Шаняевского // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. № 27. С. 527–532.
- Воевода, 2015 – *Воевода Е.В.* Из истории российской ориенталистики: к 200-летию Лазаревского института восточных языков // Человеческий капитал. 2015. №6. С. 62–65.
- Возникновение..., 1913 – Возникновение Московского Городского Народного Университета имени А.Л. Шаняевского. М.: Городская типография, 1913. 34 с.
- Воробьева, 1970 – *Воробьева Ю.С.* Архивные документы о народном университете им. А.Л. Шаняевского // Советские архивы. 1970. № 4. С. 104–106.
- Воробьева, 1977 – *Воробьева Ю.С.* Как был создан университет им А.Л. Шаняевского // Вопросы истории. 1977. № 8. С. 208–210.
- Воробьева, 1994 – *Воробьева Ю.С.* Общественность и высшая школа в России в начале XX века. Москва: Рос. Архив, 1994. 175 с.
- Воробьева, 1999 – *Воробьева Ю.С.* Примечания: К истории народного университета им. А.Л. Шаняевского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Москва: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. С. 441–443.
- Выборы..., 1912 – Выборы в университет имени А.Л. Шаняевского. Речь проф. Кулагина // Русские Ведомости. № 211. 13 сентября 1912 года.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 63. Оп. 46. Д. 110. Л. 10.
- Глебова и др., 2004 – «...Начинание на благо и возрождение России» (создание Университета имени А.Л. Шаняевского) / [Сост. Глебова И.И., Крушельницкий А.В., Степанский А.Д.]. М.: РГГУ, 2004. 352 с.
- Горбунова, 2010 – *Горбунова Е.Ю.* Благотворители и меценаты в истории Московского университета. М.: Изд-во Московского университета, 2010. 313 с.
- Иванов, 1991 – *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. Москва: Институт истории СССР, 1991. 392 с.

- Иванов, 2004 – *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. Москва: Новый хронограф, 2004. 407 с.
- Иванов, 2010 – *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. Москва: Новый хронограф, 2010. 331 с.
- Лацис, 1935 – *Лацис М.И.* В последней схватке с царизмом. Воспоминания о работе московских большевиков в годы империалистической войны. Москва: Московский рабочий, 1935. 108 с.
- Леванов и др., 2010 – *Леванов Б.В., Орчакова Л.Г.* История российского предпринимательства. Москва: Российский университет дружбы народов, 2010. 228 с.
- Лопухина, 2003 – *Лопухина Е.М.* Самые знаменитые меценаты России. Москва: Вече, 2003. 378 с.
- Московский..., 1914 – Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Научные и экономические организации Университета. Учебные планы, обзоры лекций и практических занятий на 1914-1915 академический год. Москва: Изд. Об-ва взаимопомощи слушателей М.Г.Н. Университета имени А.Л. Шанявского, 1914. 137 с.
- Никульшин и др., 2013 – *Никульшин Н.В., Фукс И.В.* Из истории МГНУ им. А.Л. Шанявского. Формирование библиотеки университета. Москва: Пашков дом, 2013. 394 с.
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 554. Кар. 3. Ед.хр. 31. Л. 6.
- Отчет..., 1909 – Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1908-1909 академический год. Москва: Городская Типография, 1909. 11 с.
- Отчет..., 1910 – Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1909-1910 академический год. Москва: Городская Типография, 1910. 29 с.
- Сперанский, 1911 – *Сперанский Н.В.* «Первый слушатель» университета имени Шанявского (Памяти Н.А. Шингарева) // Русские ведомости. 1911. № 91. 22 апреля 1911 г.
- Сыромятников, 1916 – *Сыромятников Б.И.* Высшая «вольная» школа. Москва: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1916. 19 с.
- Университет..., 1914 – Университет имени А.Л. Шанявского. Исторический очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. Москва: Общество взаимопомощи слушателей МГНУ им. А.Л. Шанявского, 1914. 268 с.
- Фотопортрет Шанявского А.Л. 1870-е гг. – Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 554. Картон 1. Ед.хр. 26. Л. 1.
- Чеснова и др., 2008 – *Чеснова Л.В., Фандо Р.А.* Российские естествоиспытатели (на рубеже XIX и XX веков) // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 12. С. 1103–1110.
- ЦИАМ – Центральный исторический архив города Москвы (ЦИАМ). Ф. 363. Оп. 1. Д. 15. Л. 50.
- Шабалина, 2006 – *Шабалина Л.Н.* Русские меценаты. Москва: Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2006. 158 с.
- Шнырова, 1997 – *Шнырова О.В.* Проблема женского образования в российской общественной мысли 60-х годов XIX века // Женщины в отечественной науке и образовании. Иваново: Юнона, 1997. С. 36–39.
- Bradley, 2012 – *Bradley J.* The St. Petersburg Literacy Committee and Russian Education: Government Tutelage or Public Trust? // The Russian Review. 2012. Vol. 71. Iss. 2. P. 267-294.
- Edward, 2006 – *Edward A.G.* Patrons of enlightenment. Toronto: University of Toronto press, 2006. 284 p.
- Engel, 1999 – *Engel B.A.* Women's Rights á la Russe // The Russian Review. 1999. Vol. 58. Is. 3. P. 355-360.
- Leckey, 2011 – *Leckey C.* Patrons of Enlightenment. The Free Economic Society in Eighteenth-Century of Russia. Newark: University of Delaware Press, 2011. 231 p.
- Thurston, 1984 – *Thurston R.* Developing education in late Imperial Russia: the concerns of state, «society», and people in Moscow, 1906-14 // Russian History. 1984. Vol. 11. Is. 1. P. 53-82.

References

- Agamova i dr., 2000 – *Agamova N.S., Allakhverdyan A.G.* Rossiiskie zhenshchiny v nauke i vysshei shkole: istoriko-nauchnye i naukovedcheskie aspekty [Russian women in science and higher education: historical and science of scientific aspects], Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki, 2000, №1, p. 141–153. [in Russian].
- Aronov, 2012 – *Aronov A.A.* Metsenaty Rossii – otechestvennoi kul'ture [Patrons of Russia – to Russian culture]. Moscow: Ekon-Inform, 2012. 178 p. [in Russian].
- Baziyants, 1973 – *Baziyants A.P.* Lazarevskii institut v istorii otechestvennogo vostokovedeniya [Lazarevsky Institute in the history of Oriental Studies in Russia]. Moscow: Nauka, 1973. 224 p. [in Russian].
- Bokhanov, 1989 – *Bokhanov A.N.* Kollektionery i metsenaty v Rossii [Collectors and patrons in Russia]. Moscow: Nauka, 1989. 187 p. [in Russian].
- Bradley, 2012 – *Bradley J.* The St. Petersburg Literacy Committee and Russian Education: Government Tutelage or Public Trust?, The Russian Review, 2012, Vol. 71, Iss. 2, p. 267-294.
- Burlova, 2003 – *Burlova N.V.* Vozniknovenie i razvitie sistemy negosudarstvennogo obrazovaniya v Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [The emergence and development of non-public education in Russia (the end of XIX – early XX centuries)]. М.: State Academy of Slavic Culture. 55 p. [in Russian].

- Chesnova i dr., 2008 – *Chesnova L.V., Fando R.A.* Rossiiskie estestvoispytateli (na rubezhe XIX i XX vekov) [Russian scientists at the turn of XIX–XX centuries], *Vestnik RAN*, 2008, Vol. 78, № 12, pp. 1103–1110. [in Russian].
- Edward, 2006 – *Edward A.G.* Patrons of enlightenment. Toronto: University of Toronto press, 2006. 284 p.
- Engel, 1999 – *Engel B.A.* Women's Rights á la Russe, *The Russian Review*, 1999, Vol. 58, Iss. 3, P. 355-360. GARF – State Archive of the Russian Federation. Fonds 63. Series 46. File 110. Item 10. [in Russian].
- Glebova et al., 2004 – Glebova I.I., Krushel'nitskii A.V., Stepanskii A.D. «...Nachinanie na blago i vrozozhdenie Rossii» (sozdanie Universiteta imeni A.L. Shanyavskogo) [Starting for the benefit and the revival of Russia (the establishment of A.L. Shanyavsky University)]. Moscow: RGGU (Russian State University for the Humanities), 2004. 352 p. [in Russian].
- Gorbunova, 2010 – *Gorbunova E.Yu.* Blagotvoriteli i metsenaty v istorii Moskovskogo universiteta [Benefactors and patrons in the history of Moscow University]. Moscow: Publishing house of the Moscow University, 2010. 313 p. [in Russian].
- Ivanov, 1991 – *Ivanov A.E.* Vysshaya shkola v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Higher School in Russia in the late XIX - early XX century]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1991. 392 p. [in Russian].
- Ivanov, 2004 – *Ivanov A.E.* Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoi i politicheskoi samoorganizatsii. [Student Corporation of Russia in the late XIX century – early XX century: the experience of the cultural and political self-organization]. Moscow: Novyi khronograf, 2004. 407 p. [in Russian].
- Ivanov, 2010 – *Ivanov A.E.* Mir rossiiskogo studenchestva. Konets XIX – nachalo XX veka. [World Russian students. The end of XIX century - early XX century]. Moscow: Novyi khronograf, 2010. 331 p. [in Russian].
- Leckey, 2011 – *Leckey C.* Patrons of Enlightenment. The Free Economic Society in Eighteenth-Century of Russia. Newark: University of Delaware Press, 2011. 231 p.
- Latsis, 1935 – *Latsis M.I.* V poslednei skhvatke s tsarizmom. Vospominaniya o rabote moskovskikh bol'shevikov v gody imperialisticheskoi voyny. [The last battle with the tsarism. Memories of the Moscow Bolsheviks during the imperialist war]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1935. 108 p. [in Russian].
- Levanov i dr., 2010 – *Levanov B.V., Orchakova L.G.* Istoriya rossiiskogo predprinimatel'stva [The history of Russian business]. Moscow: Russian University of Peoples Friendship, 2010. 228 p. [in Russian].
- Lopukhina, 2003 – *Lopukhina E.M.* Samye znamenitye metsenaty Rossii. [The most famous Russian patrons]. Moscow: Veche, 2003. 378 p. [in Russian].
- Moskovskii..., 1914 – Moskovskii gorodskoi narodnyi universitet imeni A.L. Shanyavskogo. Nauchnye i ekonomicheskie organizatsii Universiteta. Uchebnye plany, obzory lektsii i prakticheskikh zanyatii na 1914-1915 akademicheskii god. [A.L. Shanyavsky Moscow City Public University. Scientific and economic organization of the University. Study plans, reviews of lectures and workshops on the 1914-1915 academic year]. Moscow: Izd. Ob-va vzaimopomoshchi slushatelei M.G.N. Universiteta imeni A.L. Shanyavskogo, 1914. 137 s. [in Russian].
- Nikul'shin I dr., 2013 – *Nikul'shin N.V., Fuks I.V.* Iz istorii MGNU im. A.L. Shanyavskogo. Formirovanie biblioteki universiteta. [From the history of the A.L. Shanyavsky Moscow Public University. Formation of the University Library]. Moscow: Pashkov dom, 2013. 394 p. [in Russian].
- OR RGB. – Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fonds 554. Series 3. File 31. Item 6. [in Russian].
- Otchet..., 1909 – Otchet Moskovskogo gorodskogo narodnogo universiteta imeni A.L. Shanyavskogo za 1908-1909 akademicheskii god. [The report of the A.L. Shanyavsky Moscow City Public University for the 1908-1909 academic year]. Moscow: Gorodskaya Tipografiya, 1909. 11 p. [in Russian].
- Otchet..., 1910 – Otchet Moskovskogo gorodskogo narodnogo universiteta imeni A.L. Shanyavskogo za 1909-1910 akademicheskii god. [The report of the A.L. Shanyavsky Moscow City Public University for the 1909-1910 academic year]. Moscow: Gorodskaya Tipografiya, 1910. 29 p. [in Russian].
- Photograf of A.L. Shanyavsky 1870-ss. – Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fonds 554. Series 1. File 26. Item 1. [in Russian].
- Shabalina, 2006 – *Shabalina L.N.* Russkie metsenaty [Russian patrons]. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute, 2006. 158 p. [in Russian].
- Shnyrova, 1997 – *Shnyrova O.V.* Problema zhenskogo obrazovaniya v rossiiskoi obshchestvennoi mysli 60-kh godov XIX veka [The problem of women's education in the Russian social thought the 60-s of the XIX century], *Zhenshchiny v otechestvennoi nauke i obrazovanii*. Ivanovo: Yunona, 1997. p. 36–39. [in Russian].
- Speranskii, 1911 – *Speranskii N.V.* «Pervyi slushatel'» universiteta imeni Shanyavskogo (Pamyati N.A. Shingareva) [The first student of Shanyavsky University (In memoriam of N.A. Shingarev)], *Russkie vedomosti*, 1911, № 91, April 22, 1911. [in Russian].
- Syromyatnikov, 1916 – *Syromyatnikov B.I.* Vysshaya «vol'naya» shkola. [High School Freestyle]. Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnerev and Ko, 1916. 19 p. [in Russian].
- Thurston, 1984 – *Thurston R.* Developing education in late Imperial Russia: the concerns of state, «society», and people in Moscow, 1906-14, *Russian History*, 1984, Vol. 11, Iss. 1, P. 53-82.

TsIAM – Central Historical Archive of the City of Moscow (TsIAM). Fonds 363. Series 1. File 15. Item 50. [in Russian].

Valkova, 2006 – *Valkova O.A.* Diskussiya o vysshem zhenskom obrazovanii v Moskovskom universitete (1861 g.) [Discussion on higher education for women in the Moscow University (1861)], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki*, 2006, №4, p. 82–96. [in Russian].

Vlasov, 2012 – *Vlasov V.A.* Narodnyi universitet imeni Shanyavskogo [Shanyavsky Public University], *Proceeding of V.G. Belinsky Penza State Pedagogical University*, 2012, №27, p. 527–532. [in Russian].

Voevoda, 2015 – *Voevoda E.V.* Iz istorii rossiiskoi orientalistiki: k 200th letiyu Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov [From the history of Russian Orientalism: the 200th anniversary of the Lazarevsky Institute of Oriental Languages], *Chelovecheskii kapital*, 2015, №6, p. 62–65. [in Russian].

Vorob'eva, 1970 – *Vorob'eva Yu.S.* Arkhivnye dokumenty o narodnom universitete im. A.L. Shanyavskogo [Archival documents of A.L. Shanyavsky Public University], *Sovetskie arkhivy*, 1970, №4, p. 104–106. [in Russian].

Vorob'eva, 1977 – *Vorob'eva Yu.S.* Kak byl sozdan universitet im A.L. Shanyavskogo [As it was established A.L. Shanyavsky University], *Voprosy istorii*, 1977, № 8, p. 208–210. [in Russian].

Vorob'eva, 1994 – *Vorob'eva Yu.S.* Obshchestvennost' i vysshaya shkola v Rossii v nachale XX veka [The public and higher education in Russia in the early twentieth century]. Moscow: Ros. Arkhiv, 1994. 175 p. [in Russian].

Vorob'eva, 1999 – *Vorob'eva Yu.S.* Primechaniya: K istorii narodnogo universiteta im. A.L. Shanyavskogo [Notes: On the History of A.L. Shanyavsky Public University]// Rossiiskii Arkhiv: Istoriya Otechestva v svydetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh. Moskva: Studiya TRITE: Ros. Arkhiv, 1999, p. 441–443. [in Russian].

Vozniknovenie..., 1913 – *Vozniknovenie Moskovskogo Gorodskogo Narodnogo Universiteta imeni A.L. Shanyavskogo.* [The emergence of the Shanyavsky Moscow City Public University]. Moscow: Gorodskaya tipografiya, 1913. 34 p. [in Russian].

Vybory v universitet imeni A.L. Shanyavskogo. Rech' prof. Kulagina [Elections to the A.L. Shanyavsky University. Speech of professor Kulagina], *Russkie Vedomosti*, № 211, September 13, 1912. [in Russian].

Universitet..., 1914 – *Universitet imeni A.L. Shanyavskogo. Istoricheskie ocherk. Slushateli universiteta. Obshchestvo vzaimopomoshchi slushatelei. Uchebnye plany i programmy lektsii* [A.L. Shanyavsky University. Historical Review. Students of the university. Mutual Society students. Curricula and programs of lectures]. Moscow: Obshchestvo vzaimopomoshchi slushatelei A.L. Shanyavsky MСPУ, 1914. 268 p. [in Russian].

УДК 378(091); 342.733

Меценатство и просветительство в дореволюционной России: Альфонс Шанявский и его «вольная школа»

Роман Алексеевич Фандо^{a, *}

^a Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории создания в дореволюционной России частного университета, созданного полностью на средства меценатов. Инициатором создания этого учреждения был Альфонс Леонович Шанявский, который в 1905 году подал ходатайство об открытии народного университета в Московскую городскую думу и Министерство народного просвещения. После длительного сопротивления со стороны чиновников университет все-таки был открыт в 1908 г., уже после смерти его основателя. Народный университет был привлекателен для различной категории слушателей, так как имел большие возможности для занятий наукой и получения образования по выбранным циклам и курсам. Для преподавательской работы в университет были привлечены высококвалифицированные специалисты, которые смогли объединить вокруг себя талантливых студентов, которые спустя десятилетия уже находились в авангарде отечественной науки.

Ключевые слова: Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского, негосударственное высшее образование, меценатство и просветительство

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: fando@mail.ru (П.А. Фандо)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 222-228, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years)

Olga V. Natolochnaya ^{a,*}, Nina I. Kryukova ^b, Stanislav I. Buslaev ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article discusses the development of the public education system in the Caucasus in the period from 1905 to 1917 years. The article is paid attention to the problems of public education in the First Russian revolution, and also the role of parochial schools in the Caucasus.

Among the materials are the documents of the national archive of Georgia, published reports and materials of pre-revolutionary periodicals. The main importance is given to the modern research on the history of the public education system of the Russian Empire.

The methodological basis of research were the principles of objectivity and historicism, assuming an unbiased approach to the analysis of the problems, critical attitude to the sources, making judgments as a result of the analysis of a set of facts or phenomena in the development context and the historical setting.

In conclusion, the authors note that the system of public education in the period from 1905 to 1917 years was the path of dynamic development. The increase in literacy in this period led to a sharp increase in labor productivity, both in agriculture and in industrial enterprises. But, most importantly, the system of public education has contributed to the strengthening of tolerance in the multinational Caucasus.

Keywords: public education system, primary school, the Caucasus, the parochial schools.

1. Введение

В 1905 г. в Российской империи была запущена 10-летняя программа, в результате которой должно было быть введено всеобщее начальное образование. В условиях Первой русской революции правительство ассигновало значительные средства на эти нужды, а в последующие годы это финансирование только увеличивалось.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами послужили документы национального архива Грузии, опубликованные отчеты, а также материалы дореволюционной периодической печати. Важное значение в работе имеют и современные исследования по истории системы народного образования Российской империи.

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

* Corresponding author

E-mail addresses: natolochnaia@yandex.ru (O.V. Natolochnaya), Kryukova.NIIV@rea.ru (N.I. Kryukova), SIBuslaev@fa.ru (S.I. Buslaev)

3. Обсуждение

3.1. Проблемам попечения о системе народного образования в дореволюционный период уделялось значительное внимание. Это обуславливалось рядом факторов: во-первых, повышенным вниманием правительства, которое видело в этом базис принципиально нового витка развития русского общества; во-вторых, позицией либеральной интеллигенции, которая критиковала правительство в этих вопросах. Если учесть, что публикационной активностью правительство не отличалось (в своем большинстве правительством публиковались только отчеты), то основная масса публикаций в дореволюционный период носила критический характер, рассматривая дело о введении всеобщего начального образования. К таким работам мы можем отнести исследования Н. Андреева (Андреев, 1916), М.А. Лукацкого (Лукацкий, 2006) и др.

3.2. В советский период говорить об успехах системы народного образования Российской империи и вовсе было не принято. Дело в том, что октябрьская революция и последующая гражданская война затянули процесс введения всеобщего начального образования более чем на 10 лет. В результате в СССР переход к всеобщему начальному образованию произошел лишь в 1930 году. Как итог о Российской империи в советское время было создано множество мифов, в том числе о неграмотной России.

3.3. Лишь в постсоветский период исследователи смогли вернуться к теме и рассмотреть вопросы народного образования в дореволюционной России без идеологических клише. Среди этих авторов необходимо назвать А.А. Черкасова (Cherkasov, 2011), И.В. Мятникова (Мятников, 2005), Т.А. Магсумова (Magsumov, 2015) и др.

4. Результаты

Динамического развития Кавказского Наместничества без мер по расширению народной грамотности было не достижимо, поэтому среди забот о культурном подъеме Кавказа видное место при наместнике графе И.И. Воронцове-Дашкове отводилось народному просвещению. Политическое значение русской школы на Кавказе, как проводника русской государственности было достаточно велико. За 1905–1914 гг. наместничества количество начальных училищ увеличилось более чем на 30 % (3037 школ), а число учащихся в них почти на 50 % (302664 человек). Число общеобразовательных низших училищ с 67 возросло до 107 с 20 тысячами учеников, число средних учебных заведений с 202 увеличилось до 263, а число учащихся в них с 25 тыс. поднялось до 42 тыс. детей школьного возраста. Число специальных учебных заведений для подготовки учителей с 14 увеличено до 24, где получили подготовительное образование до 1,1 тыс. человек, число промышленных училищ увеличилось незначительно, и их всего в крае было 29 с 3 тыс. учащихся. При школах открывались ремесленные и сельскохозяйственно-ремесленные отделения, всего было открыто в 1910–1913 гг. – 56. Наконец, число коммерческих учебных заведений возросло с 7 до 30, а число учащихся в них с 1,6 тыс. до 4,2 тыс. человек (Воронцов-Дашков, 1913: 31).

Первая русская революция 1905–1907 гг. коснулась и систему народного просвещения на Кавказе. В этот период происходит разложение учебного дела и замечаются попытки воспитанников средних учебных заведений повлиять на процесс обучения. Так, в 1906 г. ученики реального училища города Тифлис собрались на сходку, для обсуждения вопроса об уничтожении отметок. В виду незаконности сходки распоряжением попечителя кавказского учебного округа училище закрыто (Телеграммы..., 1906). Но генерал-губернатор пригласил учеников старших классов реального училища с родителями, сделал внушение и приказал возобновить занятия под угрозой немедленной высылки родителей из пределов генерал-губернаторства. Занятия в училище возобновились (На Кавказе, 1906: 25 ноября).

Революционное движение в 1907 г. особенно отразилось на Кутаисской классической гимназии, в которой возникли массовые беспорядки с применением взрывов петард. Однако предложения администрации о производстве в гимназии обыска были отменены по просьбе попечителя учебного округа (Красный архив, 1929: 188). В 1908 г. во 2-й мужской гимназии перед началом некрасовского утра, когда гимназические певчие начали гимн, с хоров было брошено два разрывных снаряда, разорвавшиеся со страшным треском. Бросившие снаряд не обнаружены (На Кавказе, 1908: 4 марта). В мае этого же года возле женской гимназии учащиеся пытались застрелить своего учителя Когана, но промахнулись (На Кавказе, 1908: 19 мая). В следствие были арестованы трое учеников мужской гимназии и одна бывшая ученица. В этом же году в другом районе уволенный ученик Николаевского городского училища Отарашвили, явившись в училище за документами, тяжело ранил из револьвера учителя Литвинова и прибежавшего на помощь сторожа (Драма..., 1908).

Преступность среди учеников в этот период возросла настолько, что пришлось даже новое построенное здание, предназначавшееся под духовную семинарию, передать тюремному ведомству. Здесь была устроена центральная тюрьма на 1,2 тыс. человек (На Кавказе, 1908: 13 августа).

Большие размахи приобрели случаи похищения детей из богатых семей, похитители которых требовали большой денежный выкуп, так был похищен гимназист Хазаров отец, которого заплатил за выкуп 17 тыс. руб., за юношу Пуцунашвили требовали 30 тыс., но похитители были найдены и юношу освободили, за студента Шимкевича потребовали выкуп в 30 тыс. руб., а за сына Юзбашева, похищенного 15 января 1908 г. – 60 тыс. руб. (На Кавказе, 1908: 25 февраля)

Одновременно с окончанием Первой русской революции были прекращены и беспорядки среди учеников.

В послереволюционный период школьные требования были значительно повышены и преподавательский персонал улучшен, чему способствовало увеличение оплаты труда учителей. На подготовку учителей для мусульманских школ было обращено особенное внимание, посредством организации специальных педагогических курсов и увеличения стипендий в учительских семинариях. Для обеспечения успеха русской школы среди горцев, не имеющих своей письменности, изданы, с целью обучения детей родному языку буквари на абхазском, кабардинском, чеченском, даргинском и кюринском языках.

При открытии высшей начальной школы в армянских поселках так называемого министерского типа, местная армянская церковная школа грамотности закрывалась из-за отсутствия желающих в ней обучаться.

В 1914 г. на повестку дня встало открытие в Тифлисе высшего учебного заведения – Политехнического института со следующими факультетами: сельскохозяйственный, механический, химический и экономический (НАГ, Ф.13. Оп. 28. Д.127. Л. 2).

Представители всех народностей стремились научить своих детей русскому языку, в тоже время обучали и родному.

На заседаниях общественных организаций и учреждений прения, за малым исключением, велась на русском языке, причем каждый выступающий стремился говорить по-русски, если же речь была произнесена на местном диалекте, она обычно сразу переводилась на русский, так как присутствующие представители других национальностей требовали этого. Таким образом русский язык для кавказских народностей являлся языком культурным, русская литература оказывала серьезное влияние на местных писателей, воспитавшихся на ней.

В 1908 г. в Тифлисе читались лекции на высших курсах по кавказоведению, была объявлена программа курсов: 1) сравнительный обзор кавказских языков; 2) история передней Азии; 3) завоевание арабами Кавказа; 4) армянская история и литература и пр. В первом полугодии лекции читали проф. А.А. Исаев и В.Ф. Тотомиянц. Желающих поступить на курсы было много (Нам пишут, 1908: 27 сентября).

В тоже время циркуляром департамента общих дел от 28 января 1908 г. № 4 вменялось в необходимую обязанность местным губернским (областным) и полицейским властям иметь строгое наблюдение за устраиваемыми обществами народных университетов и другими просветительными обществами, лекциями и разными чтениями относительно темы и содержания таковых лекций, и требовалось, в случае уклонения устроителями и лекторами в сторону политической пропаганды и агитации, а также от обязательных для них согласно уставом, условий деятельности принимать решительные меры вплоть до закрытия этих обществ (НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л.1).

С развитием сельского хозяйства и торговли при школах стали устраиваться опытные поля и плантации, чтобы приобщать население к опытным формам сельскохозяйственной культуры. Появляются сельскохозяйственные печатные издания периодические и непериодические. Это свидетельствовало том, что крестьяне стали проявлять интерес к науке и руководствоваться ею в своей практике. Очевидно, что без увеличения народной грамотности этого бы не происходило. В деревне все больше стало появляться образованных людей и уже в 1914 г. редко можно было встретить крестьянина, который не пытался бы дать своему ребенку хотя бы начальное образование. В результате этого за 7 лет (с 1905 по 1912 гг.) число учащихся возросло в два раза (Закарая и Черкасов, 2010а: 40). Так, Имеретинское Епархиальное Гаврииловское женское училище посещало в 1910–1911 уч. гг. более 400 воспитанниц.

Учебная программа училища включала в себя следующие дисциплины:

- Закон Божий (I приг. кл. – VIII кл.),
- русский язык (I приг. кл. – IV кл.),
- грузинский язык (I приг. кл. – VIII кл.),
- арифметика (I приг. кл. – IV кл.),
- география (II кл. – V кл.),
- гражданская история (II кл. – III кл.),
- история (IV кл. – VIII кл.),
- природоведение (V кл. и VII кл.),
- словесность (V кл.),
- геометрия (V кл. – VII кл.),
- алгебра (V кл. – VII кл.),
- литература (VI кл. – VII кл.),
- физика (VI кл. – VII кл.),
- дидактика (VI кл.),
- космография (VI кл.),
- педагогическая психология (VII кл.),
- методы арифметики (VII кл. – VIII кл.),
- гигиена (VII кл.),

- русская литература (VIII кл.),
- иностранная литература (VIII кл.),
- методика русского языка (VIII кл.),
- история педагогики (VIII кл.),
- логика (VIII кл.) (НАГ, Ф.503. Оп.1. Д.2. Л.6-7).

К тому же в отношении развития учебного дела училище находилось в самых неблагоприятных условиях. Отсутствие интерната при училище и крайняя разбросанность ученических квартир по отдаленным и самым грязным закоулкам города, теснота, сырость, холод, грязь и т.п. антигигиенические условия вызывали значительный процент заболеваемости среди воспитанниц (НАГ, Ф.503. Оп.1. Д.2. Л.7).

В Тифлисе также предлагалось устроить кадетский корпус для обучения «казеннокоштных стипендиатов из детей неслужащих и неслуживших дворян Закавказья» (НАГ, Ф.13. Оп. 28. Д.127. Л. 7).

Начальное народное образование в начале XX века подразделялось на школы нескольких типов. Так, выделялись земские, церковно-приходские, сельско-общественные, правительственные начальные, частные и др. школы. В количественном отношении к 1911 г. из 100749 начальных школ, около 1/3 представляли школы церковно-приходские (33942 школы) (Андреев, 1916: 309).

В Закавказье таких школ насчитывалось 790, обучалось в них в основном православное сельское население, но не отказывалось в обучении «сектантам, инославным и даже нехристианам» (НАГ, Ф.13. Оп. 24. Д.640. Л. 1). И те и другие школы имели много общего в постановке учебно-воспитательного дела, различаясь, лишь по своим задачам. Министерские школы обильно получали казенные и общественные средства и могли расширяться, а также улучшать процесс получения образования. Церковно-приходские школы не всегда и не везде пользовались содействием и вниманием государства и вынуждены были существовать на общественные, частные и церковные средства. Церковно-приходские школы были введены в период правления Александра III и пользовались высочайшим покровительством Николая II. Учебные программы ЦПШ (учебный план 1902 г. и программы 1903 г. изд. Святейшего Синода) (НАГ, Ф.13. Оп. 24. Д.640. Л. 2) не в чем не уступали программам других начальных школ, а в некоторых позициях превосходили (например, по Закону Божьему и Церковному пению). Учебный курс одноклассной школы – четырёхгодичный, двухклассной школы – шестигодичный, предметы преподавания, те же, что и в министерских школах, но особое внимание уделяется Закону Божьему и русскому языку. Учителями в ЦПШ работали лица со средним или специальным учительским образованием и лишь в необходимых случаях допускались лица, имеющие звание учителя начального училища. Начальная церковная школа являлась, по преимуществу, школой христианского воспитания, школой молитвы, труда и уважения к старшим, а также преданности к Царю и Отечеству (указ Св. Синода от 12 июня 1884 г.) (НАГ, Ф.13. Оп. 24. Д.640. Л. 2).

Помимо этого, значение ЦПШ на Кавказе имело еще один смысл, так как они объединяли все христианские народности края идеей веры в Бога и любви к Царю, изучением необходимого всем государственного языка, церковная школа постепенно сглаживала те ненормальности и шероховатости, которые существовали со дня присоединения Кавказского края к России. В связи с политикой «русификации», которая на тот момент проводилась в России, и являлась одним из важнейших направлений.

Церковная школа оказывала благоприятное влияние на представителей других вероисповеданий. Так, например, мусульмане и сектанты боялись миссии, но не боялись школы, и именно здесь можно было без всякого принуждения, постепенно втянуть их в круг христианских понятий, ознакомить с веро-право-учением. Иноверное население относилось к ЦПШ с доверием и расположением: мусульмане, соседи русских посылали своих детей в церковные школы (НАГ, Ф.13. Оп. 24. Д.640. Л. 3).

Кроме того, в Закавказье повсюду были переселенческие населенные пункты русских поселенцев из внутренних губерний России. Положение русских поселенцев, особенно на первых порах, без церквей и школ, было крайне тяжелое. Оторванные от родины без привычного с детства родного храма, священника и школы, простые малограмотные русские люди, лишённые привычных церковных укладов, часто попадали в поле деятельности сектантов, а иногда не выдерживали тяжелых лишений и возвращались на прежние места. Поэтому церковные школы среди поселенцев Закавказья были незаменимы. При отсутствии во многих переселенческих селах храмов, церковные школы заменяли молитвенные дома: в них совершались всенощные бдения и другие церковные службы. Церковные школы посещались не только детьми, но взрослыми, особенно в праздничные и воскресные дни. Таким образом церковная школа была надежным средством укрепить переселенцев на новых местах и оградить их от влияния сектантов (Закарая и Черкасов, 2010b: 126).

В церковных школах так же, как и в министерских, кроме предметов учебного курса, дети обучались и практическим прикладным знаниям. Во всех женских ЦПШ девочки обучались рукоделию. В некоторых школах прикладные занятия были значительно расширены. Так, например, при Озургетской ЦПШ существовала шелкоткацкая мастерская, в которой кроме учениц обучались и взрослые, при Матанской школе дети обучались столярному мастерству, в церковных школах

Сухумского округа и Черноморской губернии, там где при школах имелись земельные участки, велись занятия садоводства и огородничества, учителями, побывавшими на курсах, устраиваемых ежегодно Сухумским обществом сельского хозяйства. В некоторых школах Кутаисской губернии занимались разведением чая на школьных участках. При Мцхетской двухклассной школе девочки обучались ткачеству и ковроткачеству.

О важности церковно-приходских школ свидетельствовал член Государственной Думы третьего созыва фон Анреп: «Говорить, что церковная школа плоха, а земская (министерская) хороша, так же не справедливо, как и сказать наоборот. Я могу привести вам, по собственному опыту, целый ряд церковных школ превосходных, и могу привести школы земские, которые очень слабы» (речь 2 ноября 1908 года) (НАГ, Ф.13. Оп. 24. Д.640. Л. 5).

В 1908 г. попечитель учебного округа циркулярно запретил принимать евреев в бакинские средние учебные заведения в количестве больше, чем 5 %. До этого времени в бакинских школах процентная норма не соблюдалась (На Кавказе, 1908: 12 июня).

В 1911 г. министерством внутренних дел по инициативе директора департамента духовных дел действительного статского советника Харузина, учредились курсы по исламоведению. Означенные курсы имели целью готовить из лиц, уже состоящих на государственной службе, административных деятелей для местностей с магометанским населением, знакомых с языком, бытом и условиями религиозной жизни мусульманства. Ближайшей задачей курсов было ознакомление слушателей с классическим арабским языком (как богослужебным и связующим весь мусульманский мир), затем ознакомление с Кораном, его толкованиям, главнейшими богословскими трактатами, а также и с мусульманским правом, и, наконец, практическое изучение наиболее распространенного среди российских мусульман татарского языка (Курсы..., 1911).

В 1914 году в связи с началом военных действий на западных фронтах с Германией и Австро-Венгрией, а затем и на Кавказском театре с Турцией, правительство России было вынуждено изыскивать ресурсы для покрытия военных расходов путём экономии, как отпущенных уже средств по сметам разных ведомств, так и путём сокращения расходов по проектам смет на предстоящие годы (НАГ, Ф.13. Оп. 24. Д.647. Л. 490б.).

В связи с этим были сокращены расходы по некоторым статьям сметы Закавказья на 1915-1917 гг. Одной из таких статей являлись расходы на Народное образование. Так, если в марте 1914 года членами Совета Наместника было предложено выделить на статью «Народное образование» на трёхлетие 1915-1917 гг. 1188283 рубля, то в октябре 1914 года эта сумма уже составляла 956329 рублей (НАГ, Ф.13. Оп. 24. Д.647. Л. 50).

После этого окружной надзиратель церковных школ грузинского экзархата обратился с докладом в Совет Наместника на Кавказе о народном образовании, с просьбой увеличить в будущем земском трёхлетии (1915-1917 гг.) отпускаемые ежегодно пособия на содержание церковно-приходских школ.

В период правления Николая II народному образованию уделялось большое внимание и роль церковно-приходских школ в русификации на Кавказе была значительна. Однако Первая мировая война, а затем и революции помешали развитию этого процесса и церковно-приходские школы с приходом к власти большевиков прекратили свое существование.

Октябрьская революция сильно дезорганизовала систему образования на Кавказе. В результате во многих местах в 1920 г. пришлось начинать все сначала (Mamadaliyev, 2015: 388-393).

5. Заключение

Завершая, необходимо отметить, что система народного образования в период с 1905 по 1917 гг. прошла путь динамичного развития. Увеличение грамотности населения в этот период привело к резкому увеличению производительности труда, как в сельском хозяйстве, так и на промышленных предприятиях. Но, самое главное, система народного образования способствовала укреплению толерантности на многонациональном Кавказе.

Литература

Андреев, 1916 - Андреев Н. Когда же Россия станет грамотной? // Летопись. 1916. № 12.

Воронцов-Дашков, 1913 - Воронцов-Дашков И.И. Всеподданийший отчет за восемь лет управления Кавказом. СПб., 1913.

Драма..., 1908 - Драма в городском училище. Телеграммы // Петербургский листок (Санкт-Петербург), 1908. 27 декабря.

Закарая и Черкасов, 2010а - Закарая Э.И., Черкасов А.А. Народное просвещение на Кавказе в период наместничества графа И.И. Воронцова-Дашкова (1905-1915 гг.) // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 40.

Закарая и Черкасов, 2010б - Закарая Э.И., Черкасов А.А. К вопросу о деятельности церковно-приходских школ на территории Наместничества Кавказского в период царствования императора Николая II. // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Материалы 8-й Всерос. науч.-метод. конф., г. Сочи, 19-20 февраля 2010 г. / Отв. ред. А.А. Черкасов. Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2010.

- Красный архив, 1929 - Красный архив. 1929. Т.3 (34).
 Курсы..., 1911 - Курсы по исламоведению // Тифлисский листок (Тифлис), 1911. № 227.
 Лукацкий, 2006 - Лукацкий М.А. Народное просвещение и третья Государственная Дума // Образование и общество. 2006. № 4.
 Мятников, 2005 - Мятников И.В. Государственная политика России в области народного образования в начале XX века: дисс. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Курск, 2005.
 На Кавказе, 1908: 25 февраля - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 25 февраля.
 На Кавказе, 1908: 4 марта - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 4 марта.
 На Кавказе, 1908: 19 мая - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 19 мая.
 На Кавказе, 1908: 12 июня - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 12 июня.
 На Кавказе, 1908: 13 августа - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 13 августа.
 На Кавказе, 1906: 25 ноября - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1906. 25 ноября.
 Нам пишут, 1908: 27 сентября - Нам пишут // Русское слово (Москва), 1908. 27 сентября.
 НАГ – Национальный архив Грузии.
 Телеграммы..., 1906 - Телеграммы наших корреспондентов // Русское слово (Москва), 1906. 6 ноября.
 Cherkasov, 2011 - Cherkasov, A.A. (2011) All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. (2), 10: 138-149.
 Magsumov, 2015 - Magsumov, T.A. (2015) The Additional Professional Training in the Late Russian Empire. *Bylye Gody*. (2), 36: 327-337.
 Mamadaliev, 2015 - Mamadaliev, A.M. (2015) The Everyday Activity of Rural Schools in the Early 1920s (through the Example of Schools in the Village of Aibga). *Bylye Gody*. (2), 36: 388-393.

References

- Andreev, 1916 - Andreev N. Kogda zhe Rossiya stanet gramotnoi? // Letopis'. 1916. № 12.
 Vorontsov-Dashkov, 1913 - Vorontsov-Dashkov I.I. Vsepozdaniishii otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom. SPb., 1913.
 Drama..., 1908 - Drama v gorodskom uchilishche. Telegrammy // Peterburgskii listok (Sankt-Peterburg), 1908. 27 dekabrya.
 Zakaraya i Cherkasov, 2010a - Zakaraya E.I., Cherkasov A.A. Narodnoe prosveshchenie na Kavkaze v period namestnichestva grafa I.I. Vorontsova-Dashkova (1905-1915 gg.) // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2010. № 7. S. 40.
 Zakaraya i Cherkasov, 2010b - Zakaraya E.I., Cherkasov A.A. K voprosu o deyatel'nosti tserkovno-prikhodskikh shkol na territorii Namestnichestva Kavkazskogo v period tsarstvovaniya imperatora Nikolaya II. // Gumanitarnye nauki: issledovaniya i metodika prepodavaniya v vysshei shkole: Materialy 8-i Vseros. nauch.-metod. konf., g. Sochi, 19-20 fevralya 2010 g. / Otv. red. A.A. Cherkasov. Sochi: RITs SGUTiKD, 2010.
 Krasnyi arkhiv, 1929 - Krasnyi arkhiv. 1929. Т.3 (34).
 Курсы..., 1911 - Курсы по исламоведению // Тифлисский листок (Тифлис), 1911. № 227.
 Лукатский, 2006 - Лукатский М.А. Народное просвещение и третья Государственная Дума // Образование и общество. 2006. № 4.
 Мятников, 2005 - Мятников И.В. Государственная политика России в области народного образования в начале XX века: дисс. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Курск, 2005.
 На Кавказе, 1908: 25 февраля - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 25 февраля.
 На Кавказе, 1908: 4 марта - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 4 марта.
 На Кавказе, 1908: 19 мая - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 19 мая.
 На Кавказе, 1908: 12 июня - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 12 июня.
 На Кавказе, 1908: 13 августа - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 13 августа.
 На Кавказе, 1906: 25 ноября - На Кавказе // Русское слово (Москва), 1906. 25 ноября.
 Нам пишут, 1908: 27 сентября - Нам пишут // Русское слово (Москва), 1908. 27 сентября.
 НАГ – Национальный архив Грузии.
 Телеграммы..., 1906 - Телеграммы наших корреспондентов // Русское слово (Москва), 1906. 6 ноября.
 Cherkasov, 2011 - Cherkasov, A.A. (2011) All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. (2), 10: 138-149.
 Magsumov, 2015 - Magsumov, T.A. (2015) The Additional Professional Training in the Late Russian Empire. *Bylye Gody*. (2), 36: 327-337.
 Mamadaliev, 2015 - Mamadaliev, A.M. (2015) The Everyday Activity of Rural Schools in the Early 1920s (through the Example of Schools in the Village of Aibga). *Bylye Gody*. (2), 36: 388-393.

УДК 94

**Развитие системы народного образования на Кавказе
в предреволюционный период (1905–1917 гг.)**Ольга Васильевна Натолочная ^{a, *}, Нина Ивановна Крюкова ^b, Станислав Иванович Буслаев ^c^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация^b Российский экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития системы народного образования на Кавказе в период с 1905 по 1917 гг. Уделено внимание проблемам народного образования в период Первой русской революции, а также роли церковно-приходских школ на Кавказе.

Материалами послужили документы национального архива Грузии, опубликованные отчеты, а также материалы дореволюционной периодической печати. Важное значение в работе имеют и современные исследования по истории системы народного образования Российской империи.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

В заключении авторы отмечают, что система народного образования в период с 1905 по 1917 гг. прошла путь динамичного развития. Увеличение грамотности населения в этот период привело к резкому увеличению производительности труда, как в сельском хозяйстве, так и на промышленных предприятиях. Но, самое главное, система народного образования способствовала укреплению толерантности на многонациональном Кавказе.

Ключевые слова: система народного образования, начальные школы, Кавказ, церковно-приходские школы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: natolochnaia@yandex.ru (О.В. Натолочная), Kryukova.NIIV@rea.ru (Н.И. Крюкова), SIBuslaev@fa.ru (С.И. Буслаев)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 229-236, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905–1907 years) (on the materials of the Black Sea province)

Konstantin V. Taran ^{a,*}, Alexey V. Dyuzhov ^b, Svetlana A. Kocherga ^b

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article on the basis of archival documents examines the role of teaching staff of educational institutions of the Black Sea province during the First Russian revolution. The attention is paid to the participation of students of senior classes in the revolutionary movement.

Among the materials are the archival documents of central and regional archives, namely the state archive of the Russian Federation, Russian state military historical archive, the state archive of the Krasnodar Krai, the center for documentation of contemporary history of Krasnodar Krai and the archive department of historical museum of city-resort Sochi.

The authors come to the conclusion that on the territory of the Black Sea province, the activities of significant part of the teaching staff were aimed at destabilization of the political situation, contributing to the overthrow of the existing government. Rather than to protect the high schools students from the influence of political propaganda and to return students to the classrooms, some teachers have contributed to reverse the process, encouraging the study of the political programs of the parties and the desire to participate in the revolutionary movement. As a result, the schoolchildren, minors with unsettled teenage psychology participated in various revolutionary actions, which could lead to the tragic consequences.

Keywords: teachers, gymnasia pupils, the system of public education, the First Russian Revolution, the Black Sea province.

1. Введение

Революционные события 1905–1907 гг. отразились на общественно-политической обстановке в Российской империи и затронули практически все слои населения. Не остались в стороне и представители народного образования, деятельность которых можно проследить на примере коллег в Черноморской губернии. Необходимо отметить, что премьер-министр П.А. Столыпин не скрывал своего разочарования системой образования в России, сравнивая ее с германской: «Школа в Германии, великолепа. Школьный учитель там — не только учитель детей, но и советник народа по важным вопросам его жизни. Школа развивает там высокий патриотизм, лучшие стороны духа и ума. То ли у нас? Какова была роль сельских учителей в эпоху народной смуты? Кто стоял во главе погромщиков в Саратовской губернии? Где вы найдете нужное число учителей, проникнутых сознанием патриотического долга, с положительными идеалами, вместо анархических или революционных бредней? Ведь, ни много ни мало — нужен кадр из 150 тыс. человек! Для их образования — ежегодно десятки миллионов! А мы едва вырвались из внешних займов» (Шубинской, 1913: 8).

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran), Dyuzhov.AV@rea.ru (A.V. Dyuzhov), Kocherga.SA@rea.ru (S.A. Kocherga)

В данной статье делается попытка рассмотреть деятельность преподавателей учебных заведений Черноморской губернии в период Первой русской революции 1905–1907 гг., их влияние на население Черноморской губернии, т.к. эта деятельность преподавателей нами уже освещалась более подробно (Taran, 2014).

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов были использованы архивные документы центральных и региональных архивохранилищ, а именно государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, государственного архива Краснодарского края, центра документации новейшей истории Краснодарского края и архивного отдела музея истории города-курорта Сочи.

2.2. Методологическую основу нашей работы составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, а также критическое отношение к источникам.

3. Результаты

В начале XX века на территории Черноморской губернии имелись 84 начальные школы (училища). Педагогический состав этих заведений насчитывал от 1 до 5 преподавателей в начальных училищах (1–2 классные), в зависимости от комплекта учеников и до 10 учителей в 3–4 классных училищах. Училища подразделялись на несколько типов:

1. Церковно-приходские;
2. Министерства народного просвещения;
3. Частные (Cherkasov, 2011).

К 1898–1899 учебному году в Сочинском округе Черноморской губернии функционировало 9 церковно-приходских училищ и 10 училищ Министерства народного просвещения (Меркулова и Бугаева, 2006: 149).

Губернским центром являлся город Новороссийск, который располагал шестью городскими, одним трехлетним и одним благотворительным женскими училищами. Кроме этого, в городе была одна школа кройки и шитья и одна ремесленная школа. В таблице 1 представлен учительский состав учебных заведений города, по состоянию на начало 1905 г.

Таблица 1. Педагогический состав учебных заведений г. Новороссийска в 1905 г.

Заведения	Педагогический состав
Училище 1-е	Павел Петрович Самойлов, священник Петр Отдельнов, Степан Чудак, Гавриил Гапон.
Училище 2-е	Иван Мефодиевич Бирюлькин, священник Александр Филиппов, Евгения Реббо, Александра Сорокина
Училище 3-е	Евгения Павловна Жукова, Александра Ракович, Л. Петрова
Училище 4-е	Наталья Тупкина, священник Петр Ильинский, Серафима Святошева, Мария Шандыбина, Леонид Рожен
Училище 5-е	Екатерина Соттири, Александр Мишенин, Василиса Триполитова
Училище 6-е	Мария Константиновна Мошкина
Городское трехлетнее училище	Инспектор училища Абгар Сергеевич Бекзадов, законоучитель священник Константин Петрович Изотов Штатные учителя: Александра Георгиевна Дижучели, Владимир Константинович Ткебучава Помощники учителя: Степан Михайлович Гардавадзе, Александр Иванович Утургаури, врач Степан Евдокимович Нестеров Учителя по обязательным предметам: французский язык – Любовь Осиповна Рено, немецкий язык – Сигизмунд Иванович Гриберг, учитель Иван Петрович Аверин
Школа кройки и шитья	Екатерина Петровна Минц, Анна Владимировна Тихоненко, Евдокия Семеновна Платонова, Мария Михайловна Ченцова
Ремесленная школа	Иван Григорьевич Кизилов, Серафима Марковна Кизилова, слесарный мастер Федор Петрович Тыщенко, кузнечный мастер Александр Валентьевич Годзинский, помощник слесарного мастера Михаил Дмитриевич Аверьянов
Благотворительное женское училище	Антонина Павловна Щеголева

Источник: ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 210. Л. 16.

Необходимо отметить, что в период Первой русской революции педагогический состав не был постоянным и периодически изменялся. Помимо этого, в Новороссийске существовали мужская и женская гимназии, а также ведомственное училище – железнодорожное, которое возглавлял заведующий коллежский асессор Кобеляцкий Владимир Александрович (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 479. Л. 33).

Уже в конце 1904 г. местные власти обратили внимание на активную деятельность учителей, которые являлись членами партий социал-демократов и социалистов-революционеров. Среди таких активных учителей были: Л.О. Рено, Е. Соттири, И.А. Утургаури и школьный врач С.Е. Нестеров.

В мае 1905 г. в Новороссийске прошли антиправительственные манифестации. В ходе выступлений революционеры применили оружие и антиправительственную пропаганду. В результате ответных действий властей было задержано 29 человек (ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 216. Л. 30), среди которых и учитель И.А. Утургаури. В полицейских ведомостях о лицах, подлежащих розыску, значились А.О. Мутафова (Прохорова) и А.Г. Назаренко (ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 208. Л. 164, 173, 190).

Политическая позиция части учителей не замедлила отразиться и на поведении школьников. Через месяц после начала учебного года 7 октября 1905 г. началась забастовка учащихся мужской гимназии. Учащиеся старших классов выставили следующие требования: иметь возможность пользоваться учительской библиотекой, устраивать литературные вечера и иные собрания, открыть курительную комнату и установить спортивные тренажеры. На следующий день, 8 октября 1905 г. забастовали учащиеся женской гимназии, которые представили свои претензии: получить возможность пользоваться фундаментальной библиотекой, вместо врача мужчины принять на работу врача женщину, введение урока законоведения, замена холодных завтраков горячими под наблюдением врача и устройство литературных вечеров. После совещания родителей и преподавателей требования гимназистов были частично исполнены, после чего занятия в гимназиях с 13 октября 1905 г. возобновились (Герасименко и Санеев, 1998: 339-340).

После опубликования Манифеста от 17 октября 1905 г. была объявлена амнистия и из тюрьмы Новороссийска были выпущены ранее задержанные представители социалистических партий, среди которых был учитель А. Утургаури (ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 208. Л. 548, 571, 572). Эта снисходительность властей имела в Черноморской губернии обратный эффект, так как социал-демократы тут же призвали население к вооруженному восстанию (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24180. Л. 31. Б).

Массовые шествия населения, посвященные публикации царского манифеста, прошли в Новороссийске и других населенных пунктах Черноморской губернии – Сочи, Адлере, Хосте, Гагре, Геленджике, Туапсе и т.д. Примечательно, что на одной из таких манифестаций в Сочи, возглавляемой социал-демократами Сальниковым и Гватуа, учитель Павелко задействовал учащихся, которых разместили в передних рядах, фактически используя несовершеннолетних как живой щит, на случай столкновения с конно-полицейской стражей (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 173).

При содействии социалистов-революционеров и городского головы А. Никулина было создано в Новороссийске бюро Всероссийского союза учителей и деятелей народного образования. На бланках, принадлежащих городскому голове, 7 ноября 1905 г. были разосланы приглашения во все учебные учреждения города с приглашением на учредительное собрание, которое состоялось 8 ноября 1905 г., где председателем избрали учителя Синюхаева, членами Бодянского, Жукову, Соттири и Бутыркину. Кроме этого, от учащихся были избраны депутаты Зипалов и Эпштейн (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24184. Л. 81; ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 479. Л. 38).

После этого, несмотря на протесты родителей и преподавателей, Синюхаев и Бодянский начали вовлекать учащихся в революционное движение. На ученической сходке, состоявшейся 29 ноября 1905 г., они настаивали на закрытии гимназии. На закрытие учебных заведений в городе, по данным полиции, Синюхаев и Бодянский настаивали также и на совещании с родителями, состоявшемся 2 декабря 1905 г. При этом социалист-революционер Краснов ходил по квартирам учениц и подговаривал их не ходить на занятия (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24184. Л. 81; Черноморское побережье (Новороссийск). 1905. 4 дек.). Как отмечал заведующий гимназией Ф.В. Лях, в конце ноября родители и преподаватели, за исключением Синюхаева и Бодянского, проголосовали о безусловном продолжении занятий, они мотивировали это распущенностью учеников, чтобы занимались больше ученики наукой и избавились от политических увлечений (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 165).

Иную точку зрения на происходящие события Синюхаев изложил в своей статье «Школа и жизнь», опубликованной в газете «Черноморское побережье» № 830 от 4 декабря 1905 г., в которой он считал желание учеников старших классов (несовершеннолетних) принимать участие в политической жизни естественным. Другое высказывание Синюхаева: «жизнь, несущая нам каждый день все новые и новые кровавые сюрпризы, несомненно сильно увлекает наших учеников, отрывая их на это время и от семьи, и от школы» (Черноморское побережье, 1905).

В начале декабря 1905 г. было объявлена всероссийская стачка, о чем в Черноморской губернии узнали из телеграммы, поступившей из Ростова-на-Дону, в которой сообщалось, что Петербургский и Московский Советы рабочих депутатов, организации 29-ти железных дорог и центральный комитет

бюро железнодорожного союза постановили – начать всеобщую политическую забастовку с целью свержения самодержавия (Невский, 1923: 26).

После этого известия новороссийские железнодорожники 8 декабря 1905 г. объявили забастовку, к которой 12 декабря 1905 г. присоединились преподаватели из бюро союза учителей и деятелей народного образования (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 479. Л. 33).

Среди учителей были и противники участия забастовки, в связи с чем, заведующий новороссийским железнодорожным училищем А.В. Кобеляцкий отправил в бюро Всероссийского союза учителей и деятелей народного образования петицию, в которой в частности отмечалось: «Считаем своим нравственным долгом, устранить себя от участия в работах Союза, т.к. находим невозможным, игнорировать многие общества, а в особенности родителей, которые признали забастовку низших училищ, неблаговидной. Просим бюро настояще наше заявление прочесть, на первом Общественном собрании. 14 декабря 1905 г. Станция Новороссийск. Кобеляцкий. Учителя Я. Портяжкина, М. Петрова, Я. Карпов, А. Остажевская» (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 479. Л. 35).

Несмотря на то, что местное бюро союза решило прекратить занятия в училищах Новороссийска с 12 декабря 1905 г., преподаватели железнодорожного училища отказались поддержать коллег, но не стабильная обстановка в городе вынудила их прервать учебный процесс. Педагогический совет железнодорожного училища на собрании 14 декабря 1905 г. постановил: *в виду крайней возбужденности и нервного состояния учеников, прекратить занятия и отправить учеников в отпуск на Рождественские каникулы до 9 января 1906 г., во избежание столкновений с учениками.* Заведующий железнодорожным училищем А.В. Кобеляцкий возмущался насильственными действиями руководителей революционного движения в Новороссийске, которые втягивали в этот процесс несовершеннолетних, он был убежденным противником забастовки учащих и учителей (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 479. Л. 33).

В посаде Сочи происходили идентичные события. Инженер Константинов 13 декабря 1905 г. в городской управе заявил, что «в училище происходит разногласия между учителями, вносящих в среду учеников нарушение школьной дисциплины, что не соответствует проходному курсу – вопросы учащихся к учителям». Для этого разбирательства была избрана комиссия, в состав которой вошли И. Одинцов, Тарковский, Годзи и Е.И. Иванов (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 62. Л. 18).

Вместо того, чтобы направить энергию подростков в иное русло и исключить их участие в революционном процессе, где возможны различные ситуации, учителя Синюхаев, Бодянский и их единомышленники, устранились от выполнения своих прямых должностных и функциональных обязанностей, приняли активное участие в революционном движении, в которое вовлекали подростков. Кроме этого, по данным полиции, педагоги участвовали и в иных акциях. Например, Бодянский и учительница Рудакова 13 декабря 1905 г. способствовали закрытию выездной сессии Екатеринодарского окружного суда, в связи с чем, было вынесено следующее определение: «1905 год 14 декабря. По Указу Его Императорского Величества Екатеринодарский окружной суд по второму уголовному отделению в распорядительном заседании, в котором присутствовали: Председательствующий член суда А.А. Балкашин, член суда Войнаковский и мировой судья первого участка г. Новороссийска Рушковский, при помощнике секретаре Копелевц и при участии товарища прокурора Платковского, выслушав доложенное господином председательствующим письменное заявление делегатов РСДРП о прекращении суда под угрозой противодействия со стороны социал-демократов и приняв во соображения а) наличность «мертвой забастовки», угрожающей перейти в активное противодействие и сопротивление на случай продолжения судебных заседаний, б) нравственное угнетенное состояние судей, быть в каждый момент в ожидании противодействия и насильственного сопротивления партии социал-демократов, лишаящего необходимого спокойствия для отправления правосудия, в) отсутствие в городе достаточной охраны, т.к. на полицию и полицейских служителей рассчитывать нельзя, ибо суд был свидетелем тому, что в ноябре все городские открыто присоединились к социал-демократам, а управляющий губернией прекратил занятие в своей канцелярии, а сам скрылся под охрану казаков 2-го Урупского полка расположенном на товарном дворе Владикавказской железной дороге, г) забастовка повела к тому, что городская управа и городская дума прекратили свои занятия, о чем вывешено объявление, а помимо того магазины закрыты, извозчики не выехали на биржу, д) неявка в настоящее время в судебное заседание вызывающихся свидетелей и обвиняемых, которые были оставлены не свободе, в виду чего и рассмотрение всех дел, назначенных на сие число, отложены, каковая неявка, надо полагать, объясняется давлением социал-демократов, е) отсутствие сообщений, неполучения обратно повесток, ж) возможность демонстративных беспорядков в зале суда, т.к. делегаты являлись в суд проверить, исполнено ли предъявленное ими требование, з) что в настоящее время в Новороссийск прибыло лишь двое судей, а именно Балкашин и Войнаковский, вследствие чего является значительное затруднение образования состава суда в течение всей сессии при участии почетных судей: Суд по выслушивании заключения представителей обвинительной власти определил: рассмотрение назначенных к слушанию дел с 14 по 21 декабря 1905 г. отложить, о чем вывесить объявление на дворах помещений съезда мировых судей с предупреждением, что свидетели по отдельным делам, в случае желанья получат

прогонные и суточные деньги должны о том заявить судебному приставу Маевскому» (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 150).

Полицмейстер г. Новороссийска Н.П. Киреев 15 декабря 1905 г. докладывал черноморскому губернатору, что на основании агентурных источников стало известно о выборах на квартире врача Нестерова, где учителя Синюхаева избрали *диктатором или губернатором революционного правительства*, при этом Синюхаев благодарил за оказанную ему честь в выборе его губернатором и выразился таким образом: *«Г.г. этим назначением я бросаю перчатку старому правительству, и если мы проиграем, мне первому грозит смерть. Тогда роль моя должна перейти к Бодянскому и прошу вас г.г. позаботиться о моей семье»*. Далее Киреев сообщал, что он никаких проявлений деятельности революционного правительства и в частности участия Синюхаева в революционном движении не замечал (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 122-123).

Чиновник Бартошек отмечал в своем дневнике: *«по городу слухи, что Синюхаев избран революционерами губернатором, Гречкин обер-полицмейстером, Герман начальником почтово-телеграфной конторы, Лордкипанидзе его помощником и депутатом в Совет рабочих депутатов, Максимов заведующим телефонной сетью»*. Также была информация, что избран революционный совет из Бодянского, Лира, Нестерова, Краснова и других лиц, а Синюхаеву приписывали титул президента (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 121, 161; РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24184. Л. 84).

Редактор газеты «Черноморское побережье» Леонтович, считал слухи об избрании революционного правительства во главе с Синюхаевым *«грязной уткой»*. Полицмейстер Киреев также пришел к такому заключению и указывал, что выводы о революционном правительстве с Синюхаевым, были сделаны им на основании непроверенной информации из донесений своих агентов, которые не всегда оказывались неверными, а при проверке слухи эти оказались *вздорными* (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 161, 123).

Следует отметить, что лица, вошедшие в состав революционного правительства, не были избраны в Совет рабочих депутатов Новороссийска. Поэтому можно предполагать, что радикально настроенная интеллигенция, избрав «революционное правительство» намеревалась таким образом закрепить за собой право лидерства в общественно-политической жизни города и губернии, в случае победы революционных сил над правительством в этом регионе.

После ликвидации в декабре 1905 г. Совета рабочих депутатов в Новороссийске и вооруженного восстания в посаде Сочи, власти принялись наводить порядок в губернии. В донесении полицмейстера Киреева судебному следователю Лыжину, прибывшему в Новороссийск для разбирательства революционных событий, предоставил список революционеров-учащихся Новороссийской мужской гимназии: *«5 класс – ораторы-пропагандисты: Даценко, Шаршанин, Ярцев.*

6 класс – боевая дружина: Азад Баград.

Члены товарищеского суда – ораторы: Элькинд Рафаил, Василькиоти Виктор.

Ораторы приносившие в класс брошюры и прокламации: Обрадович Николио, Калинин Михаил, Гагуа Константин.

Ораторы, подбивавшие на забастовку: Шапшал, Глонти Михаил, Вирсотский, Шпикотер, Шульман.

7 класс – читали возмутительные речи на сходках и литературно-музыкальных вечерах: Ярцев, Каспаров, Халилов, Хомяков, Эпштейн.

8 класс – председательствовали на сходках: Мишенин, Зипалов.

Отбирали оружие с дружинниками в Кабардинке и Владимировке: Два брата Самойловы.

Полиц. – все указанные участвовали в боевой дружине и на демонстрациях. Они занимались с октября чисткой от шпионов и провокаторов.

По сведениям охранного отделения, активные революционеры-учащиеся:

- 1) *Миллер Герш, 13 лет, участвовал в оборудовании революционного лазарета;*
- 2) *Чижик Григорий, 13 лет, участвовал в дружине и демонстрациях;*
- 3) *Брейдбарт Ефрем, 15 лет, рабочий переплетной мастерской, самоучка;*
- 4) *Якунин Василий, 15 лет, работал на цементном заводе слесарем (36 коп. в день);*
- 5) *Побойский Давид;*
- 6) *Николаев Федор, работал в экспедиции цементного завода «Цепь»;*
- 7) *Ломаджория Михаил;*
- 8) *Куринский Саломон;*
- 9) *Дело о малолетних на 143 листах 19 том обвинительного акта. Калинин и Побойский скрылись» (ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 183. Л. 1).*

Предварительно властями в отношении несовершеннолетних было принято следующее решение: *«Николаев, Калинин, Рубен Бекзаров, Урыновский, Красса, Брейдбарт, Миллер и Чижик – их под надзор родителей или благонадежных людей. Чижик несовершеннолетний, что может быть принято судом во внимание, но для Миллера это не может быть основанием к полному их освобождению от ответственности» (ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 183. Л. 1).*

Революционная атмосфера 1905 г. хаоса и нестабильности в общественно-политической жизни благоприятствовала бунтарству несовершеннолетних, традиционные ценности подверглись

переоценке (Гейфман, 1997: 243), при этом со стороны радикальной интеллигенции, тем более учителей, была оказана поддержка, которая негативно отразилась на морально-психологическом состоянии молодежи. Пройдет 3–4 года и указанные выше несовершеннолетние, не много возмужавшие, войдут в состав социалистов-революционеров максималистов – Шапшал Моисей Азарьев (*Гимназист*) и Уриновский Соломон (*Базарный*), а Лейба Брейтбард будет заключен в Екатеринодарскую тюрьму, в связи с подозрением в убийстве некоего Шкиля (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 9. Ч. 85. А. Л. 1; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 22; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 5).

В отношении новороссийских преподавателей Синюхаева, Бодянского и других будет проведено тщательное расследование. Учителя Новороссийского округа Циммер и Шульженко, а также деятели народного образования Туапсинского округа Виноградов и Васильев, также попадут под наблюдение властей за активную агитацию среди крестьян (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 9, 14).

Учителя Сочинского округа будут также преследуемы властями за антиправительственную агитацию сельского населения. Среди этих учителей особо следует отметить Е. Одинцова (с. Абазинка) (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 62. Л. 75), Е. Славгородского (с. Аибга) (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 174), Н. Кузнецова (с. Веселое) и Плохотникова (с. Пиленково) (Таран, 2014: 31).

Кроме указанных учителей, в Сочинском округе были и менее заметные преподаватели. Например, в с. Лесное у учителя Шевченко при обыске квартиры в январе 1906 г. найдут письмо с заглавием: «*Да здравствует Социал-Революционная рабочая партия!*», в котором он приветствовал вооруженное восстание в посаде Сочи: «*Торжество прав народа в Сочи, полицию выгнали, у меня 8 января 1906 г. ночевало 4 человека с самым главным*» (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 62. Л. 79-80).

Жандармским унтер-офицером Федоренко в январе 1906 г. был составлен список служащих государственных ведомств, которые содействовали революционному движению и желали возникновения на территории Сочинского округа демократической республики. В этот список вошли учителя и деятели народного образования учитель 2-х классов сельского училища Евдокия Павловна Павелко, сельский учитель Евгений Алексеевич Одинцов, учителя трехклассного городского училища Василий Федорович Гловачук и Григорий Павлович Павелко (ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 213. Л. 122-123).

Ликвидировав две группировки социалистов-революционеров в течение 1906–1907 гг., силовые структуры обратили внимание на представителей существовавшей в Сочи группы Черноморского комитета РСДРП, в которой состояли и деятели народного образования: регент собора Михаила Архангела Александр Иванович Шмелев, Филипп Цхомария – нелегальный, учитель без места Джанашия и учитель Коченовский – член комитета. В связи с тем, что социал-демократы бездействовали, власти решили не применять к этой группе репрессивных мер и не произвели арестов (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 5. Ч. 79. Л. 4-10).

В селении Аибга Сочинского округа в 1907 г. учитель Шульженко сплотил вокруг себя и возглавил группу социалистов-революционеров, возраст которых соответствовал 17–21 годам. Несмотря на политический окрас этой группы, она являлась криминальным объединением и представляла угрозу общественному порядку настолько, что в ее ликвидации принимал участие черноморский генерал-губернатор А.А. Березников. Во время проведения этой операции 4 преступника были убиты и 11 захвачено властями (Очерки истории..., 2002: 499). И только Шульженко, Картозии, Ральму и Цхурии, удалось скрыться (РГВИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 890. Л. 9).

Необходимо отметить, что не стабильная политическая и криминогенная обстановка, в которой активное участие принимали деятели народного образования, имела место на всей территории Кавказского наместничества, в состав которой входила Черноморская губерния (Закарая и Черкасов, 2010: 39-40).

4. Заключение

Таким образом, на территории Черноморской губернии, деятельность значительной части педагогического состава была направлена на дестабилизацию политической обстановки, способствующей свержению существующей власти.

Вместо того, чтобы учащихся гимназий уберечь от влияния политической пропаганды и вернуть учеников за парты, некоторые учителя способствовали обратному процессу, поощряя изучение политических программ партий и стремление к участию в революционном движении. В итоге, школьники, несовершеннолетние с неустоявшейся подростковой психологией принимали участие в различных революционных акциях, которые могли привести к трагическим последствиям.

В свою очередь учащиеся и подростки, испытав все «прелести» участия в боевых дружинах по взысканию с имущего населения губернии денежных средств, в дальнейшем пополняли организации социалистов-революционеров максималистов и анархистов, деятельность которых была направлена на шантаж и вымогательство под политическими предлогами, а фактически все эти объединения представляли собой так называемые преступные группировки.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)» международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований. Шифр: 100.01

Литература

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гейфман, 1997 - Гейфман А. Революционный террор в России. 1894 – 1917 гг. М., 1997.

Герасименко и Санеев, 1998 - Герасименко А., Санеев С. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998.

Закарая и Черкасов, 2010 - Закарая Э.И., Черкасов А.А. Народное просвещение на Кавказе в период наместничества графа И.И. Воронцова-Дашкова (1905-1915 гг.) // История и историки в контексте времени. 2010, № 7.

Меркулова и Бугаева, 2006 - Меркулова Л.К., Бугаева Э.С. К вопросу о становлении системы народного просвещения на территории Сочинского округа в конце XIX – начале XX вв. // Большой Сочи в прошлом и настоящем. Материалы 2-й межвузовской научно-практической конференции в г. Сочи, 21-22 апреля 2006 г. Сочи. 2006.

МИГКС – Музей истории города-курорта Сочи.

Невский, 1923 - Невский В.И. Новороссийская республика. Пролетарская революция. 1923. № 11(23). С. 26.

Очерки истории..., 2002 - Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.) // Под редакцией В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2002.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

Черноморское побережье, 1905 - Черноморское побережье (Новороссийск). 1905. 4 дек.

Шубинской, 1913 - Шубинской Н.П. Памяти П.А. Столыпина. М., 1913.

Cherkasov, 2011 - Cherkasov, A.A. (2011) All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. (2), 10: 138-149.

Taran, 2014 - Taran, K.V. (2014) The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905-1907): Monograph. Banská Bystrica : Matej Bel University, 194. (In Russian)

References

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia.

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii.

Geifman, 1997 - Geifman A. Revolyutsionnyi terror v Rossii. 1894 – 1917 gg. M., 1997.

Gerasimenko i Saneev, 1998 - Gerasimenko A., Saneev S. Novorossiisk – ot ukrepleniya k gubernskomu gorodu. Krasnodar, 1998.

Zakaraya i Cherkasov, 2010 - Zakaraya E.I., Cherkasov A.A. Narodnoe prosveshchenie na Kavkaze v period namestnichestva grafa I.I. Vorontsova-Dashkova (1905-1915 gg.) // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2010, № 7.

Merkulova i Bugaeva, 2006 - Merkulova L.K., Bugaeva E.S. K voprosu o stanovlenii sistemy narodnogo prosveshcheniya na territorii Sochinskogo okruga v kontse KhIKh – nachale KhKh vv. // Bol'shoi Sochi v proshlom i nastoyashchem. Materialy 2-i mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v g. Sochi, 21-22 aprelya 2006 g. Sochi. 2006.

MIGKS – Muzi istorii goroda-kurorta Sochi.

Nevskii, 1923 - Nevskii V.I. Novorossiiskaya respublika. Proletarskaya revolyutsiya. 1923. № 11(23). S. 26.

Ocherki istorii..., 2002 - Ocherki istorii organov vnutrennikh del Kubani (1793–1917 gg.) // Pod redaktsiei V.N. Ratushnyaka. Krasnodar, 2002.

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv.

TsDNIKK - Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraia.

Chernomorskoe poberezh'e, 1905 - Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1905. 4 dek.

Shubinskoi, 1913 - Shubinskoi N.P. Pamyati P.A. Stolypina. M., 1913.

Cherkasov, 2011 - Cherkasov, A.A. (2011) All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. (2), 10: 138-149.

Taran, 2014 - Taran, K.V. (2014) The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905-1907): Monograph. Banská Bystrica : Matej Bel University, 194. (In Russian)

УДК 94

Учительский состав системы народного образования в период Первой русской революции (1905–1907 гг.) (на материалах Черноморской губернии)

Константин Викторович Таран ^{a, *}, Алексей Владимирович Дюжов ^b,
Светлана Александровна Кочерга ^b

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассматривается роль учительского состава учебных заведений Черноморской губернии в период Первой русской революции. Уделено внимание участию гимназистов старших классов в революционном движении.

В качестве материалов были использованы архивные документы центральных и региональных архивохранилищ, а именно государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, государственного архива Краснодарского края, центра документации новейшей истории Краснодарского края и архивного отдела музея истории города-курорта Сочи.

В заключении авторы приходят к выводу, что на территории Черноморской губернии, деятельность значительной части педагогического состава была направлена на дестабилизацию политической обстановки, способствующей свержению существующей власти. Вместо того чтобы учащиеся гимназий уберечь от влияния политической пропаганды и вернуть учеников за парты, некоторые учителя способствовали обратному процессу, поощряя изучение политических программ партий и стремление к участию в революционном движении. В итоге, школьники, несовершеннолетние с неустоявшейся подростковой психологией принимали участие в различных революционных акциях, которые могли привести к трагическим последствиям.

Ключевые слова: учителя, гимназисты, система народного образования, Первая русская революция, Черноморская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран), Dyuzhov.AV@rea.ru (А.В. Дюжов), Kocherga.SA@rea.ru (С.А. Кочерга)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 237-245, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:339.542(470+430)

«The Schichau Case»: on the history of the one Russian Navy order of 1912 that had been failed

Stanislav N. Sinegubov^{a, *}, Sergei P. Shilov^a

^a Ishim Teacher Training Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University, Ishim, Russian Federation

Abstract

Basing on the archive materials the article regards the participation of the German ship-building company «Schichau» in the contest that was to distribute Russian orders on «a large» Navy program of 1912-1917 – it was called in History «the Schichau case». The Russian research literature on this issue does not reflect all of the details clearly enough. Besides, the historiographical values of what had happened seem to have an accusative dominance and do not always take into consideration a number of objective circumstances that resulted in a complete failure of the participation of Schichau in the contest of 1912 for the Russian Fleet and for the country`s budget in general. Basing on the analysis of sources the authors make a conclusion that the participation of the German shipbuilding company to the tender of navy orders was caused by a complex of subjective and objective reasons. Neither the officials of the Navy Ministry nor the representatives of the German firm had a malicious intent to fail the order or to make illegal money. But the main reason of the unhappy final of this event was the predominance of state foreign interests over the economic plans of the German company.

Keywords: «a large» Russian Navy program of 1912-1917”, the German shipbuilding company «Schichau».

1. Введение

В истории российско-германских отношений накануне Первой мировой войны имеется еще немало лакунных тем, требующих нового переосмысления. Одной из таких дискуссионных проблем является так называемое «Дело Шихау». Оно возникло в результате того, что Морское ведомство во главе с И.К. Григоровичем для исполнения российского «Закона о флоте» в 1912 г. в нарушении действовавших тогда правовых норм передало на достаточно большую сумму часть заказов немецкой фирме «Шихау». Начавшаяся Первая мировая война привела к тому что, Россия не смогла получить обещанных кораблей и вернуть затраченные на их строительство деньги. В советской, постсоветской и немецкой историографии эта проблема не получила специального изучения, что позволяет существовать некоторым недоговоренностям и недоказанным утверждениям, бросающим тень на профессиональную и личностную репутацию персонажей этой запутанной истории.

2. Материалы и методы

2.1. При написании данной статьи основным источником явились документы Государственного архива Военно-Морского Флота Российской Федерации в г. Санкт-Петербурге (РГА ВМФ), а также немногочисленные публикации, в которых так или иначе затрагивается тема, связанная с «Делом Шихау». Кроме того, авторы использовали некоторые собственные исследовательские наработки,

* Corresponding author

E-mail addresses: globus_75@inbox.ru (S.N. Sinegubov), sshilov@mail.ru (S.P. Shilov)

касающиеся деятельности немецких судостроительных фирм на российском рынке в предвоенные годы.

2.2. При написании работы был использован комплекс методов научного познания. Идеографический метод способствовал раскрытию сущности процессов, происходивших в сфере российского военно-морского судостроения в предвоенные годы и роли в нем немецкой компании «Шихау». Он также помог пониманию субъективных и объективных факторов, которые позволили немцам получить заказ в, казалось бы, неблагоприятной для них ситуации. Сравнительно-исторический метод дал возможность выделить и кратко охарактеризовать различные этапы деятельности фирмы «Шихау» на российском рынке военного кораблестроения. Историко-генетический метод раскрыл причинно-следственные связи обращения Морского министерства к услугам именно «шихаусцев» в 1912 г., а также показал динамику формирования позитивного реноме немецкой компании в России. Системный метод выявил целенаправленность и долгосрочную перспективность «русской политики» предприятия «Шихау». Метод сравнительного анализа обнаружил особенности работы руководства компании с российскими заказчиками на разных этапах периода второй половины XIX – начала XX вв. в зависимости от политической и экономической конъюнктуры. Историко-ситуационный метод позволил проанализировать деятельность отдельных высших чинов Морского министерства по распределению заказов большой военно-морской программы 1912–1917 гг. в контексте сложившейся соответствующей исторической ситуации. Диалектико-материалистический метод способствовал более глубокому пониманию экономических, политических, идеологических, а также субъективно-личностных обстоятельств формированию истории под названием «Дело Шихау».

3. Обсуждение

Как уже отмечалось, тема, связанная с «Делом Шихау», затрагивалась в отечественной исторической литературе. О ней говорил в своих сочинениях известный советский, российский исследователь К.Ф. Шацлло. Если кратко сформулировать его тезисы по изучаемой проблеме, то они сводятся к следующим положениям: германская компания «Шихау» непосредственно и через свой филиал в России под названием «Мюльграбенская верфь-Рига» сумела в обход действовавшего тогда законодательства получить заказ на два лёгких крейсера и девять миноносцев. Изначально, по утверждению исследователя, действия немцев носили жульнический характер. Они на полную мощь применили административный ресурс в лице кайзера Вильгельма II, чтобы тот надавил на Николая II, а последний на своих подчиненных. Представители компании использовали подлог документов, осуществили подкуп российских высших должностных лиц, в том числе и морского министра И.К. Григоровича (Шацлло, 1992: 182-184).

Последнее утверждение вызвало несогласие у ряда историков. В частности, И.Ф. Цветков полагает, что И.К. Григорович в своих предпочтениях при передаче военно-морских заказов руководствовался не личной корыстной заинтересованностью, а стремлением скорейшего воссоздания мощи российского флота, понесшего серьезные потери после русско-японской войны 1904-1905 гг. (Цветков, 1993: 5-21). С этим утверждением полностью солидаризируется Б.И. Гаврилов (Гаврилов, 2003: 234). С.П. Шилов в одной из своих работ обосновывает мысль о том, что «прорыв» в 1912 г. фирмы «Шихау» на частном рынке российских морских заказов произошел при активном участии высших политических и военных структур Германии (Шилов, 2001: 116).

Если говорить о современных немецких исследователях, то они проблеме «Шихау – 1912» практически не уделили никакого внимания. Один из ведущих исследователей страны в области истории германского военного судостроения М. Эпкенханс, создавший целый ряд интереснейших и фундаментальных трудов, вообще хранит «гробовое молчание» (Epkenhans, 1991). Х. Пинл в одной из своих статей, посвященной германо-российскому сотрудничеству в строительстве верфей, буквально мимоходом упоминает о неудавшейся попытке фирмы «Шихау» в предвоенный период создать собственный филиал в Риге (Pinl, 2004: 205).

4. Результаты

Несмотря на значимость и ценность представленных российскими учеными данных из них все-таки не формируется целостная картина объективных и субъективных факторов, обусловившими, при, казалось бы, формальной невозможности, получения немцами военно-морского заказа в 1912 г. Поэтому возникает необходимость еще раз пройти всю цепочку событий, чтобы попытаться расставить, как говорится, все точки над «i».

В начале следует рассмотреть объективные факторы, позволившие предприятию «Шихау» выиграть тендер. При этом первое, что бросается в глаза это, как говорят в банковском мире, «позитивная кредитная история компании». Действительно, завод «Шихау», специализировавшаяся в основном на сооружении миноносных кораблей и малых крейсеров как для германского, так и зарубежных флотов, начал сотрудничество с российскими властями еще с конца 70-х – середины 80-х гг. XIX в. Причем выбор в пользу именно «Шихау» из всех немецких фирм уже тогда был вполне осознанным. В этой связи нельзя не привести высказывание русского военно-морского агента в Германии капитана II-го ранга А.А. Вирениуса, сделанное им в 1885 г. о «профессиональной

пригодности и надежности» этого завода. Он, сравнивая его с другим, не менее известным предприятием — «Германией», сказал буквально следующее: «...завод «Германия» в техническом отношении стоит очень высоко и не уступает «Шихау», но, к сожалению, находится в руках нескольких берлинских банкиров, которые смотрят на завод исключительно со спекулятивной точки зрения, потому случается, что заводы иногда внезапно прекращают работы и переходят в другие руки, причем, конечно, сроки контрактов не могут быть соблюдены, как это случилось при постройке авизо «Blitz», где 2 месяца работы были совершенно приостановлены» (РГА ВМФ, Ф. 417. Оп. 1. Д. 123. Л. 10-10 об.).

К 1912 г. компания «Шихау» имела в своем «послужном списке» целый ряд успешно выполненных русских заказов (РГА ВМФ, Ф. 417. Оп. 1. Д. 722. Л. 1-82). В их числе был и знаменитый крейсер II-го ранга «Новик», прославившейся в годы русско-японской войны (Штер, 2001). В Петербурге не забыли и бескорыстность «шихаусцев», проявленную ими в 1908 г. Тогда они предоставили беспроцентный кредит на 3 млн. рублей на два года «Доброфлоту», одной из старейших парходных российских компаний, на постройку пяти коммерческих кораблей — двух малых и трех больших судов и в самые короткие сроки качественно выполнили это поручение (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 181).

Таким образом, в «шорт листе» иностранных предприятий, с которыми сотрудничало российское Морское министерство в предвоенные годы, «Шихау» занимало одно из самых почетных мест. Компания вполне могла рассчитывать не только на участие в возможных конкурсах на новые заказы, но и на получение их части. Тем более, что Россия после бесславных событий 1904-1905 гг. нуждалась в современном, построенном по последнему слову техники, боевом флоте. Это можно отнести ко второму объективному обстоятельству, обусловившим выигрыш немцами одного из подрядов, предусмотренных «большой» военно-морской программой 1912-1917 гг. Данный проект, как известно, был направлен на строительство кораблей для Балтийского флота. Общее его запланированное финансирование составляло 436 млн. руб. (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 76 об.).

Третий объективный момент, как это может быть показано странному на первый взгляд, заключался в том, что действовавшее тогда российское законодательство не исключало полностью участие иностранных судостроительных компаний в исполнении русских заказов. Ведь критики действий морского министра И.К. Григоровича, одоббившего контракт с «Шихау» в 1912 г., упирают именно на то, что он нарушил исполнявшиеся в ту пору постановления Комитета Министров от 27 февраля 1901 г. и 10 декабря 1902 г., а также положения Совета Министров от 18 февраля 1907 г. И здесь следует дать некоторые пояснения.

Действительно, еще в 1901 г. в России начало действовать «Высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 27 февраля 1901 г.» (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 85). Оно стимулировало развитие отечественного военного судостроения. Почти через двадцать один месяц, 10 декабря 1902 г., документ был дополнен «Высочайше утвержденным положением Комитета Министров об ограничении правительственных заказов за границей» (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 84 об.). В пункте №2 этого нормативного акта говорилось, что «при производстве заказов внутри России, в контракты, заключаемые с поставщиками и комиссионерами, должно быть включено условие, чтобы заказы полностью выполнялись на русских заводах и из материалов, коих в России не имеется, при этом в отношении крупных заказов /ст. 4 сего отдела/ по соглашению с Министерством торговли и Промышленности» (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 84). При этом «крупность заказа» определялась 10 тыс. руб.

Появившиеся на свет «Положение Совета Министров» от 18 февраля 1907 г. не исключало категорически участие иностранных компаний в исполнении российских военно-морских заказов. Так пункт № 4 этого документа гласил: «О всех крупных казенных заказах /превышающих ценностью 10.000 р./, сдаваемых **иностраным** (выделено – С.С., С.Ш.) или финляндским заводчикам, в тех случаях, ведомство дающее заказ, обязано, по предварительном сношении с Министерством Торговли и Промышленности, доводить до сведения Совета Министров, с объяснением причин, оправдывающих необходимость заказа» (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 84).

Из приведенной выдержки прямо следовало, что иностранные фирмы могли быть допущены в конкурсах на получении заказов. Кроме того, положение 1907 г. не оговаривало и объемы этих заказов для «зарубежников». Имеется ввиду, что в нем четко не прописывалось, что, например, иностранные производители имели право только на заказ отдельных деталей или узлов для судов и не могли заниматься строительства корабля в целом. Хотя конечно, следует признать, что российское правительство этим нормативным актом очевидным образом стремилось в первую очередь обеспечить работой отечественные судостроительные заводы.

Далее в ходе развития событий, связанными с распределением контрактов «большой» военно-морской программы 1912-1917 гг., стали проявляться субъективные факторы. В них во всей полноте отразилась инициативность, напористость, дальновидность, сообразительность руководства и представителей фирмы «Шихау». Они широко использовали и личные контакты как с собственными немецкими властными структурами (вплоть до кайзера Вильгельма II и военно-морского статс-секретаря А. Тирпица), которые могли быть «ходатаями» их интересов, так и наработанные многими годами связи с российским истеблишментом.

Параллельно с этим велась активная пиар-компания, призванная показать «во всей красе» достоинства немецкого предприятия. Так, например, его сотрудники хорошо отработали, что называется, ее презентативную часть: в значимые для немцев российские органы власти рассылались альбомы-проспекты с описанием завода и характеристикой заказов, которые заключались ранее и успешно выполнялись не только по отношению к России, но и другим государствам (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 136-136 об.). Однако руководства фирмы «Шихау» не собиралось ограничиваться только «почтовой компанией» по распространению рекламных буклетов, так как ее эффективность по определению не могла быть высокой. Требовалась более серьезная и основательная гарантия получения российских военно-морских заказов.

Когда Государственная Дума утвердила так называемую «малую» судостроительную программу в 1908 г., немцы тут же предложили свои услуги Морскому министерству. Ввиду действовавших законоположений 1901, 1902 и 1907 гг., обеспечивающих преимущественным правом отечественных производителей, ведомство ответило, что для получения заказов требуется построить верфь в России. Фирма «Шихау» дало на это согласие. Поскольку ее владелец К.А. Цизе, как германский подданный, не мог купить недвижимость (землю) в России, на которой можно было бы открыть завод, то пришлось привлечь к этому процессу ближайших родственников. Р.А. Цизе, брат К.А. Цизе, являющейся на протяжении тридцати двух лет представителем фирмы «Шихау» в России, уговаривает своего сына К.Р. Цизе получить российское подданство для создания судовой верфи «Цизе» (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 43. Л. 13). По причине того, что эта процедура требовала определенного времени, влиявшего на сроки учреждения нового предприятия, фирма «Шихау» одновременно решала вопрос о приобретении земли под верфь. По всей видимости, для формальности вначале была сделана попытка закрепить на участке в порту Императора Александра III (Либава). Однако после протеста его командира земля для производственных целей покупается под Ригой. В нее входили имения Пюркельн, Коддиак и Рамменгоф (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 43. Л. 7 об.). Общая площадь этой территории составляла 15000 десятин земли. С 30 марта 1910 г. их владельцем считался дворянин Петербургской губернии К.Л. Иессен (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 43. Л. 18). Именно здесь и будет создана компания «Цизе», получившая затем официальное название «Мюльграбенская верфь-Рига».

Как показывают материалы доклада начальника контрразведывательного отделения Северного фронта, датированные январем 1917 г., указанные земли в действительности уже с ноября 1908 г. через подставных лиц контролировались фирмой «Шихау» и целесообразность смены их владельцев определялась именно ее руководством (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 43. Л. 8). К.Л. Иессен являлся лишь одним из промежуточных звеньев этой цепи собственников. 5 ноября 1911 г. он продал земли уже известному К.Р. Цизе для организации судостроительного производства.

В действительности К.Р. Цизе никакого участия в делах только что организованной компании не принимал. Всем занимался статский советник Ф.А. Гедике. Он же представлял и интересы предприятия «Шихау» в России. В его ведении находился переговорный процесс с начальником Главного Управления Кораблестроения (ГУК) контр-адмиралом П.П. Муравьевым. Одной из главных тем этих обсуждений являлся вопрос о возможных объемах будущих заказов. Компания «Шихау» через Ф.А. Гедике недвусмысленно заявляла, что хочет получить подряд на строительство как минимум двенадцати миноносцев (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 179). Руководство Морского ведомства было в очень непростой ситуации. Ведь и на этапе предварительного обсуждения будущей морской программы, и при утверждении ее в июне 1912 г. в Государственной Думе И.К. Григорович делал однозначные заявления о том, что все корабли будут строиться силами отечественной промышленности (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 119 об.). С другой стороны, в представлении Морского министерства Государственной Думе, датированном 1 марта 1912 г., говорилось о предположении дать в 1912 г. частные заказы на строительство двух малых крейсеров по уже готовым чертежам с тем, чтобы ввести их в строй в 1914 г. Да и стоимость строительства этих судов определялась с учетом действовавших на тот период зарубежных расценок — 4 млн. руб. за каждый корабль.

Сжатые сроки неизбежно обуславливали обращение с подобным заказом к иностранным производителям, поскольку отечественные предприятия не могли строить так быстро и качественно (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 26). Кроме того, при реализации утвержденной Государственной Думой 23 июня 1912 г. программы военного судостроения Морскому министерству надо было решать две важные задачи — техническую и финансовую, то есть требовалось создать не только современные во всех отношениях боевые суда, но и при этом, по возможности, заплатить за них не очень высокую цену. Эти, несомненно, бесспорные основания могли служить определенным оправданием Морского министерства его последующих «реверансов» в сторону «Шихау».

Если говорить о двух малых крейсерах, строительство которых предусматривалось пятилетней программой, то их создание преследовало двойную цель. Во-первых, оснащенные новым турбинным оборудованием, они рассматривались в качестве учебных судов для подготовки машинных команд для других кораблей с подобными двигателями (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 93). Кроме того, эти крейсера должны были заменить устаревшие корабли «Аскольд» и «Жемчуг», входившие в состав тихоокеанской эскадры. Неслучайно они получили название, имеющие прямое отношение к истории

Дальнего Востока – «Муравьев-Амурский» и «Адмирал Невельской» (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 80-80 об.).

Еще в октябре 1911 г. кораблестроительный отдел ГУК сделал запрос Товариществу «Воссидло и К», являвшимся представительством немецких сталелитейных, прокатных и машиностроительных заводов в России, о разработке проекта малого крейсера водоизмещением 4600 т. (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп.1. Д. 41. Л. 102). В качестве образца немцы предложили корабль, спроектированный заводом «Вулкан» в Гамбурге и на основе которого в Германии уже были построены такие боевые суда, как «Любек», «Штеттин» и «Майнц». При этом они были готовы учесть все конструктивные требования российской стороны. Однако ведомство И.К. Григоровича не откликнулось на это предложение и заявка «Вулкана» в итоге не получила поддержки.

В двадцатых числах февраля 1912 г. ГУК направил частным и казенным российским судостроительным предприятиям предложение принять участие в конкурсе на составление «крейсерского проекта» (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп.1. Д. 41. Л. 117). Откликов на этот «призыв» было немного не только в силу малочисленности профильных предприятий, специализировавшихся на строительстве малых крейсеров, но и по причине отсутствия у них опыта создания кораблей с турбинными агрегатами.

Буквально через два месяца, 24 апреля 1912 г., из министерства ушли запросы заводам о цене и сроках постройки миноносцев для Балтийского флота. В числе адресатов была фирма «Цизе». Следует отметить главную причину, по которой ей направлялось такое письмо, — стремление Морского министерства использовать любую возможность, чтобы сбить невероятно высокие цены отечественных судозаводчиков. Ведь еще во второй половине 1911 г. Морской Генеральный Штаб (МГШ) предварительно интересовалось у них возможными расценками на их продукцию. Ответы для военных оказались шокирующими: 51 млн. руб. за линейный крейсер, 15 млн. руб. за легкий крейсер (Шацилло, 1968: 269).

На фоне таких высоких расценок фирма «Цизе» определила стоимость на миноноски на вполне приемлемом для Морского ведомства уровне — 1 млн. 950 тыс. руб. за корабль. При этом, правда оговаривалось, что общий пакет заказа должен был составлять двенадцать миноносцев, для шести из которых машины и котлы обеспечивались бы непосредственно фирмой «Шихау» (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп.1. Д. 42. Л. 136 об.). Кроме того, компания «Цизе» обещала, что построенные с помощью немцев в России корабли будут обладать скоростью в 35 узлов, что немного превышало показатели, отраженные в «русских проектах».

Негативную реакцию отечественных судостроительных предприятий на предложения «Цизе» предугадать было несложно. Поэтому Морское министерство решило вопрос «по-справедливому», т.е. передало часть заказов русским заводам. При этом внакладе не остались и немцы — будущая верфь «Цизе» получала право на сооружение девяти миноносцев, а непосредственно фирма «Шихау» — двух легких крейсеров (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 76 об.).

Как уже отмечалось, внешнеполитический фактор также сыграл свою роль именно в таком благоприятном для немцев исходе распределения русского морского заказа. В июле 1912 г. во время встречи Николая II с Вильгельмом II на рейде Бьерке была затронута тема удовлетворения интересов «Шихау» в России. Царь пошел на уступку, пытаясь этим как-то смягчить раздраженность кайзера от его очередной неудавшейся попытки отколоть Россию от Антанты. Проследить логику такого шага царя вполне возможно. Несмотря на всю рискованность сделанного хода, ввиду все более очевидных признаков скорой большой войны, которая должна была развернуться между двумя странами, в том числе и на Балтике, он в определенной степени имел под собой основания.

Во-первых, никто тогда точно не знал, когда наступят роковые события. Косвенным подтверждением этого является то, что, например, часть четвертого платежа в размере 700 тыс. руб. за первый крейсер был переведен фирме «Шихау» в начале мая 1914 г., когда до начала Первой мировой войны оставалось меньше трех месяцев (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп.1. Д. 41. Л. 11). Во-вторых, несомненно, с русской стороны была надежда, что крейсера будут построены до войны. Ведь речь шла не о линкорах, требовавших на свое сооружение в среднем 46 месяцев, а судах значительно меньшего класса. На их создание планировалось затратить 20 с небольшими месяцами. В-третьих, заказ передавался проверенной за не одно десятилетие фирме «Шихау». В-четвертых, крейсера должны были войти в состав не Балтийского, а Тихоокеанского флота, т.е. теоретически они никак не влияли на усиление группы российских кораблей на Балтике. В-пятых, за заказ на строительство двух крейсеров немецкая сторона обещала содействие в постройке завода и мастерских с современным оборудованием. В-шестых, в случае, так сказать, форс-мажорной ситуации (изъятия их немцами в свою пользу) эти крейсера вполне могли быть заменены другими судами. Кстати, критики передачи этого заказа указывали на это обстоятельство, утверждая, что для подготовки машинистов-турбинистов следовало ограничиться покупкой обыкновенных пароходов с турбинными двигателями. Наконец, в-седьмых, решение передать создание двух крейсеров за границу по своей сути не являлось каким-либо «шокирующим» или абсолютно неожиданным. За него выступали не только отдельные высшие представители Морского министерства, но и депутаты Государственной Думы. В частности, А.Н. Лихачев, П.Н. Крупенский настойчиво ратовали за то, чтобы осуществить часть заказов боевых

судов за рубежом, поскольку это обеспечило бы не только их быстрое создание, но и экономию бюджетных средств до 30 млн. руб. (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 56 об.).

С российской стороны самое деятельное участие в продвижение интересов «Шихау» принимали контр-адмирал М.В. Бубнов, товарищ морского министра, и одновременно Председатель Сопровождающего судостроению, а также контр-адмирал П.П. Муравьев. Именно с подачи последнего 13 сентября 1912 г. вне повестки Сопровождающего судостроению И.К. Григорович, несмотря на сопротивление представителей гражданских ведомств, поднял вопрос о передаче заказа на два малых крейсера фирме «Шихау». Стоимость каждого из кораблей определялась в 3,5 млн. руб. без артиллерии и мин (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 119 об.). Срок ввода их в строй определялся июлем и второй половиной 1914 г.

Такие условия (по цене и срокам) были значительно лучшими, чем то, что предлагали не только русские, но и другие зарубежные производители. Правда, конкурирующая итальянская фирма «Ансальдо» заявила, что сможет построить первый крейсер за 19 месяцев, что было на 3 месяца быстрее заявки «Шихау». Однако Морское министерство не приняло это предложение ввиду его сомнительности. Там считали, что итальянцы пошли на «сознательное блефование» с целью выиграть конкурс.

Есть основания полагать, что негласное оформление договора между фирмой «Шихау» и Морским министерством о заказе на сооружение двух крейсеров произошло примерно 15 сентября 1912 г. (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 120). Именно в это время в Санкт-Петербурге «случайно» оказался директор фирмы «Шихау» К. Лейкс с готовыми чертежами легкого крейсера «Кольберг». Этим же числом датируется документ, составленный П.П. Муравьевым, и который планировалось передать на заседание Совета министров. В нем как раз шла речь о передаче германской фирме «Шихау» подряда на строительство двух малых крейсеров.

Действительно через два дня, 17 сентября 1912 г., на заседании Совета министров обсуждалось это представление Морского министерства за № 6287 (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 24). Аргументы контр-адмирала П.П. Муравьева относительно преимуществ проекта компании «Шихау», особенно его более низкой стоимости, по сравнению с другими заявками, сыграли свою роль. Совет Министров в принципе согласился с возможностью передачи заказа на два легких крейсера иностранному производителю, но не именно фирме «Шихау». Компанию должно было выбрать Морское министерство. Оно же при выборе конкурсантов руководствовалось двумя факторами – стоимостью и сроками исполнения подряда. В этом, как известно, было преимущество у «Шихау». Поэтому на том же заседании представители Морского министерства однозначно заявили, что предпочтение отдают немецкому предприятию.

Почти через три недели, 4 октября 1912 г., состоялось очередные слушания «морских заказов» в Совете Министров. На них по существу была узаконена предстоящая сделка. 4 декабря 1912 г. ГУК официально заключил контракт с машиностроительной компанией «Ф. Шихау» в Эльбинге на постройку двух малых крейсеров со скоростью 27,5 узлов для Императорского Российского Правительства. Первый корабль, согласно договору, должен был быть предъявлен к пробным испытаниям 15 июля 1914 г. (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 179 об.). Однако этого не произошло по целому ряду причин. Началось с того, что Морское министерство задержало утверждение представленных компанией чертежей, выявив в них много недостатков. Затем при исполнении работ российские наблюдающие инженеры выявили брак в отливке крупных частей турбин для крейсеров. По этому поводу даже возник конфликт, который улаживал начальник ГУКа П.П. Муравьевым. Он в начале марта 1914 г. специально ездил в Эльбинг и Данциг (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 48-49).

В числе обсуждаемых проблем с руководством компании «Шихау» стоял и вопрос отставания немцев от намеченных сроков постройки судов. Попытка его решения введением ночных работ к успеху не привела. К началу Первой мировой войны оснащение кораблей еще не завершилось. Крейсера были конфискованы германским правительством и достраивались уже как «Пиллау» и «Эльбинг». Они вошли в состав немецких военно-морских сил соответственно в декабре 1914 г. и сентябре 1915 г. Судьбу их счастливой назвать никак нельзя. «Эльбинг» затонул в ходе Ютландского сражения в мае 1916 г. «Пиллау» по репарациям передала Италии, где судно получило имя «Бари». В 1943 г. в Ливорно оно было уничтожено американской авиацией.

Распределения заказа на создание 36 миноносцев по военно-морской программе 1912-1917 гг. стоимостью в 92 528 064 руб. шло значительно труднее, чем других типов судов (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 42). В числе претендентов, как уже отмечалось, П.П. Муравьев называл фирму «Цизе». Пикантность ситуации заключалась в том, что реально компании еще не существовала, но она уже претендовала на ¼ от планируемых к строительству кораблей, т.е. на 9 единиц. Нет никаких сомнений в том, что одна из причин упорной защиты «Цизе» со стороны руководства Морского министерства заключалась в том, что эта компания, пусть даже в ее эфемерном состоянии, помогала бороться с реальным финансово-экономическим «заговором» в российском судостроительном производстве. Кроме того, запуск завода и турбинных мастерских в Риге позволял надеяться на привлечение современных немецких технологий и укоренение их на российской почве. Поскольку представители гражданских ведомств в Сопровождающем судостроению аргументированно возражали против привлечения «Цизе» к участию в конкурсе на постройку миноносцев, то, в соответствии с

пунктом № 8 действующего положением об этом органе, Морское министерство 3 октября 1912 г. обратилось в Совет Министров с просьбой обсудить «цизовскую проблему» и принять по ней решение.

Главными «дуэлянтами» на заседании, которое состоялось 4 октября 1912 г., выступили Морской министр И.К. Григорович и товарищ министра Торговли и Промышленности тайный советник А.И. Коновалов, защищавший интересы гражданских ведомств. Последний особенно подчеркивал недопустимость передачи заказов еще реально не существующей фирме. Кроме того, он считал ненужным строить новое судостроительное предприятие, да к тому же по сути немецкое, создавая тем самым дополнительную конкуренцию отечественным производителям, в частности Невскому заводу.

С подачи Морского министра Совет Министров привел свои контраргументы. Участие Невского завода в постройке миноносцев вообще считалось нежелательным, поскольку у него не имелось современного технического оборудования для качественного выполнения такого рода работ. К тому же, являясь филиальным отделением Путиловского предприятия, которое привлекалось к выполнению военно-морской программы, он гарантировал себе загрузку собственных мощностей, а, следовательно, передача части заказов на миноносцы «Цизе» вряд ли наносила ему ущерб. Довод А.И. Коновалова о грозящей государственной безопасности в связи с привлечением к выполнению военно-морской программы «новоиспеченной» фирмы Совет Министров также отверг. Как было заявлено, все российские судостроительные заводы «находятся в ближайшей технической связи с иностранными, притом нередко германскими, а потому совместная работа завода «Цизе» с вышеназванной фирмой (имеется ввиду «Шихау» – С.С., С.Ш.) не может, сама по себе, служить основанием к устранению его из числа конкурирующих на получение судостроительного заказа предприятий» (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 71).

Не осталось без внимания со стороны Совета Министров и соглашение русских предпринимателей, заявивших «по взаимному уговору, за постройку судов непомерно высокие цены, значительно превышавшие все первоначальные сметные предложения», что могло нанести серьезный ущерб (более 120 млн. рублей) государственному казначейству. В то время как последовательность фирмы «Цизе», твердо державшейся заявленной цены в 1 млн. 950 тыс. руб. за миноносец, способствовала тому, что российские заводы сократили свои требования на 20% и уменьшили стоимость за корабль с 2,5 млн. руб. до 2 млн. руб. (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 71 об.). Договор с компанией был заключен 23 марта 1913 г. Ведомство И.К. Григоровича имело заверения от фирмы «Шихау», согласно которым немцы гарантировали техническую и финансовую поддержку «Мюльграбенской верфи», а также выполнение контракта от 23 марта 1913 г. (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 16 об.).

С началом войны все контакты между германской головной организацией и ее филиалом в России, естественно, прекратились. Однако к этому времени «Мюльграбенская верфь» уже получила денежные выплаты от Морского министерства на сумму 3 млн. 675 тыс. руб., которые, как оказалось, были недостаточно обеспечены. Проверка комиссией Морского министерства выявила обременение имущества «Мюльграбенской верфи» в пользу третьего лица на сумму 5,3 млн. руб. (РГА ВМФ, Ф. 1248. Оп. 1. Д. 43. Л. 4). Это не позволяло компенсировать затраченные средства путем конфискации предприятия. Общим же итогом «мюльграбенского миноносного проекта» для российского правительства стали финансовые потери и ноль в графе «построенные корабли». В условиях, когда немцы и русские сошлись в жесткой схватке другого ожидать не приходилось. Германия, как известно, имела далеко идущие захватнические планы в отношении «варварской» России и намеревалась их реализовать в ходе Первой мировой войны (Шацилло, 2014).

5. Заключение

Таким образом, последний заказ немецкой фирмы «Шихау» для России оказался полностью провальным. Казна понесла ущерб на несколько миллионов рублей. Русский флот не получил ни одного судна. Понятно, что такой плачевный результат был обусловлен прежде всего начавшейся Первой мировой войной, но предопределен ли он был изначально, как об этом говорят некоторые исследователи. Возникает вопрос о виновных лицах с российской стороны в «деле Шихау». Конечно, формальную и неформальную ответственность за это несет руководство Морского министерства в лице И.К. Григоровича, П.П. Муравьева, М.В. Бубнова и некоторых других чиновников. Но был ли в их действиях, во всяком случае этих трех лиц, что называется, преступный умысел, их подкуп представителями немецкой компании? Следственная комиссия, созданная Временным правительством, этого не сумела доказать. Собранные ею свидетельства показывают, что какого-то особого расположения высших чинов Морского ведомства по отношению к «Шихау» не было. Как представляется, усилия должностных лиц по продвижению заказа этой германской компании диктовались стремлением быстро, качественно и недорого построить корабли у проверенного временем предприятия в преддверии грядущего военного катаклизма, масштабы которого никто из военных и политиков по-настоящему оценить еще не мог. Скорее всего, в Морском министерстве поначалу всерьез полагали, что успеют в отведенное договором время выполнить поставленную задачу. Когда же стало очевидным, что ожидания не оправдываются, то включился традиционный

русский принцип «авось». Однако в этой истории он не сработал. Нельзя также забывать и о давлении на чиновников Морского ведомства при распределении заказов со стороны Николая II. Российский император, сообразуясь внешнеполитическими расчетами, пошел на уступку Вильгельму II, «замолвившего словечко» о фирме «Шихау» на очередном randеву монархов.

В намерениях самой компании «Шихау» изначально не было замысла обмануть российское Морское министерство, получить деньги и не выполнить заказ. Да, она применяла не совсем законные методы при учреждении фирмы «Цизе», но с целью как можно глубже укорениться на перспективном для нее российском рынке и заниматься своим бизнесом, т.е. немцы планировали свою деятельность «всерьез и надолго». Фиаско с российским заказом 1912 г. для фирмы «Шихау» был обусловлен в первую очередь внешним обстоятельством. Можно сказать, что немецкий завод стал заложником политической ситуации, когда он был вынужден подчиниться решениям германских властей в условиях разразившейся военной катастрофы. Примеры подобного подминания экономических интересов политическим в достаточном количестве показывает современная действительность. Однако такая практика существовала во все времена, когда происходило резкое обострение отношений между государствами, борющимися за лидерство в мире.

Литература

Гаврилов, 2003 - *Гаврилов Б.И.* И.К. Григорович и большая морская программа // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. М.: Институт российской истории РАН, 2003. С. 191-244.

РГА ВМФ - Российский государственный архив военно-морского флота в г. Санкт-Петербурге.

Цветков, 1993 - *Цветков И.Ф.* Последний морской министр российского императорского флота // Воспоминания бывшего морского министра. СПб.: Дева, 1993. С. 5-21.

Шацилло, 2014 - *Шацилло В.К.* Август 1914: Россия перед выбором // Русская история. 2014. № 2. URL: https://rus-istoria.ru/library/text/item/1088-august_1914-rossia-pered-vyborom (дата обращения 11.02.2016).

Шацилло, 1992 - *Шацилло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России конец XIX - 1914 г. М.: Наука 1992. 270 с.

Шацилло, 1968 - *Шацилло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1968. 368 с.

Шилов, 2001 - *Шилов С.П.* Немецкие фирмы на судостроительном рынке России перед первой мировой войной // Вопросы истории. 2001. №3. С. 111-121.

Штер, 2001 - *Штер А. П.* На крейсере «Новик». СПб.: Гангут, 2001. 112 с.

Epkenhans, 1991 - *Epkenhans M.* Die wilhelminische Flottenrüstung. 1908-1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale Integration. München: R Oldenbourg Verl., 1991. 488 S.

Pinl, 2004 - *Pinl H.* Deutsche-russische Werftenzusammenarbeit vor 1918 // Jahrbuch der Schiffbautechnischen Gesellschaft. 2004. Bd. 98. S. 202-207.

References:

Gavrilov, 2003 - Gavrilov B. I. I. K. Grigorovich i bolshaia morskaiia programma [Grigorovich and a large» Navy program], Rossiia: mezhdunarodnoe polozhenie i voennyi potentsial. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2003, p. 191-244. [in Russian].

RGA VMF- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota v Sankt-Peterburge. [in Russian].

Tsvetkov, 1993 - Tsvetkov I. F. Poslednii morskoi ministr rossiiskogo imperatorskogo flota [The last naval Minister of the Russian Imperial Navy], Vospominaniia byvshego morskogo ministra. SPb.: Deva, 1993, p. 5-21. [in Russian]

Shatsillo, 2014 - Shatsillo V.K. Avgust 1914: Rossia pered vyborom [August 1914: Russia before a choice], Russkaia Istorii. 2014, №2. URL:<https://rus-istoria.ru/library/text/item/1088-august1914-rossia-pered-vyborom> (data obrashcheniia 11.02.2016). [in Russian].

Shatsillo, 1992 - Shatsillo K. F. Gosudarstvo i monopolii v voennoi promyshlennosti Rossii konets XIX - 1914 g. [The state and the monopoly of the military industry in Russia of the end XIX - 1914] M.: Nauka, 1992, 270 p. [in Russian]

Shatsillo, 1968 - Shatsillo K. F. Russkii imperializm i razvitie flota nakanune pervoi mirovoi voiny. [Russian imperialism and the development of the fleet before the First World War.] M.: Nauka, 1968, 368 p. [in Russian].

Shilov, 2001 - Shilov S. P. Nemetskie firmy na sudostroitel'nom rynke Rossii pered pervoi mirovoi voinoi [The German shipbuilding company on the Russian market before the First World War], Voprosy Istorii. 2001, N. 3, p. 111-121. [in Russian].

Shter, 2001 - Shter A P. Na kreisere «Novik» [On the cruiser "Novik"]. SPb., 2001. 112 p. [in Russian].

Epkenhans, 1991 - Epkenhans M. Die wilhelminische Flottenrüstung. 1908-1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale Integration. München: R Oldenbourg Verl., 1991. 488 S. [In Deutsch].

Pinl, 2004 - Pinl H. Deutsche-russische Werftenzusammenarbeit vor 1918 // Jahrbuch der Schiffbautechnischen Gesellschaft. 2004. Bd. 98. S. 202-207. [In Deutsch].

УДК 94:339.542(470+430)

"Дело Шихау": к истории невыполненного военно-морского заказа 1912 г.

Станислав Николаевич Синегубов^{а,*}, Сергей Павлович Шилов^а

^а Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал ТюмГУ), Ишим, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивного материала анализируется история участия германской судостроительной компании «Шихау» в конкурсе распределения российских заказов в 1912 г., и ставшая известной как «Дело Шихау». Авторы показывают, что существующие в историографии оценки произошедшего, в которых доминирует обвинительная составляющая, не всегда учитывают ряд объективных обстоятельств, обусловившие в итоге для российского флота и бюджета страны в целом отрицательный итог причастности германского завода к проведенному тендеру. Исследователи, опираясь на документальные свидетельства приходят к выводу, что ни с одной из сторон — ни со стороны чиновников Морского министерства, ни со стороны представителей немецкой фирмы — изначально не было злого умысла в провале заказа и незаконного обогащения. А главная причина неудачного финала российского судостроительного проекта «Шихау» заключается в доминировании внешнеполитических интересов государств над экономическими планами германского предприятия.

Ключевые слова: российская «большая» военно-морская программа 1912–1917 гг., немецкая судостроительная фирма «Шихау».

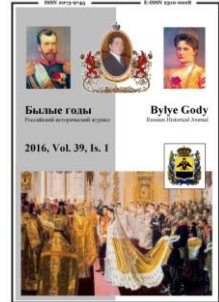
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: globus_75@inbox.ru (С.Н. Синегубов),
sshilov@mail.ru (С.П. Шилов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 246-252, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908

Charitable activities in Tsaritsyn during the World War I (on materials of periodicals)

Oksana A. Karagodina ^{a, *}

^a Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The main purpose of the article is to identify the charitable activities carried out in the city of Tsaritsyn during the World War I. As a method of research used analysis of materials of pre-revolutionary periodicals published in the city in time of war. The main source of analysis is the issues of the newspaper «Tsaritsyno Bulletin» for the period from July 1914 to February 1917. The analysis allowed to identify the most priority directions of charitable aid, carried out in Tsaritsyn in the war. Also, the article discusses the activities of public organizations and associations, involved in the provision of charitable assistance to the sick and wounded soldiers, their wives and children, refugees. In particular, the reports of the Ladies' Committee of Tsaritsyn and the Tsaritsyn branch of the Russian Red Cross Society are analyzed and the features of the activity of these organizations are revealed.

Keywords: World War I, local history, rear, newspaper source, charity, Ladies' Committee, provincial society.

1. Введение

Война как социокультурный феномен неоднократно становилась объектом исследования многих научных направлений и подходов. Для исторической науки анализ различных сторон войны, причин ее возникновения и последствий является весьма значимым, поскольку позволяет выявлять каузальные связи тех или иных явлений и событий, делать более объективные выводы и учиться на ошибках предыдущих поколений, не повторяя их.

В советской и постсоветской науке гораздо большее внимание уделялось вопросам Второй мировой войны, а военные события столетней давности несправедливо «уходили в тень». В частности, для волгоградской научной общественности «Великая война», казалось бы, навсегда могла остаться «забытой». Осложняет ситуацию для исследователей отсутствие документальных источников, материалов сталинградских архивов, которые навсегда были утрачены во время битвы за город.

Однако Первая мировая война является одним из самых масштабных и трагических событий начала XX столетия. Количество исследований, посвященных данной странице истории, сегодня значительно возросло, в том числе, в связи с недавним юбилеем – 100-летием ее начала. В настоящее время актуален интерес к вопросам влияния войны на социально-культурную сторону жизни тыловых российских регионов, ярким примером которой является благотворительная деятельность в провинциальном социуме. Тем не менее, обобщающее исследование о жизни общества в военном тылу еще не вышло в свет.

В связи с этим отдельные аспекты жизнедеятельности тылового общества Нижнего Поволжья периода Первой мировой войны, основанные на новых документальных свидетельствах, являются не только актуальным, значимым, но и интересным объектом исследования.

* Corresponding author

E-mail addresses: karagodina@volsu.ru (O.A. Karagodina)

2. Материалы и методы

2.1. Основную базу источников составили материалы периодической печати г. Царицына периода с июля 1914 г. по февраль 1917 г. Это обусловлено, главным образом, тем, что газеты представляют собой «злободневный» источник информации, быстро реагирующий и отражающий события, происходящие в городе и стране. Именно газеты являются наиболее информативным и сравнительно легко доступным материалом в деле изучения социальных процессов. Ключевым источником для рассмотрения проблемы благотворительности тылового общества в условиях войны выступили материалы газеты «Царицынский вестник», которая представляла не политическую, а либеральную прессу города и выходила ежедневно, кроме понедельника.

2.2. Для решения исследовательских задач в процессе работы применялись общенаучные методы (анализа и синтеза, дедукции и индукции) и специальные методы исторического анализа (преимущественно сравнительно-исторический и цивилизационный методы).

3. Обсуждение

Вопросы, связанные с изучением гражданского общества в России, нашли отражение в мировой научной мысли. Среди зарубежных авторов следует выделить Ж. Кадио ([Cadiot, 2005](#)) и А. Линденмайер ([Lindenmeyr, 2012](#)).

Исследованием жизни тыла в эпоху Первой мировой войны занимались отечественные авторы С.В. Куликов ([Куликов, 2008](#)), Е.Ю. Семенова ([Семенова, 2013](#)), А.С. Туманова ([Туманова, 2012](#)).

Отметим работу А.С. Тумановой, посвященную анализу деятельности государства и общества в отношении поддержки фронта, семей воинов и других пострадавших от войны категорий населения ([Туманова, 2012](#)). Автор исследует комплекс организационных и правовых мероприятий, предпринятых правительством и гражданским обществом Российской империи в годы Первой мировой войны с целью формирования системы государственно-общественного попечения о беженцах.

Аналізу тыловой жизни Царицына посвящены работы И.Н. Литвиновой ([Литвинова, 2015](#)), Е.П. Воробьева ([Воробьев, 2013](#)), Д.И. Тушканова ([Тушканов, 2015](#)).

В рамках рассматриваемой проблематики, интересной представляется работа И.Н. Литвиновой, в которой автор анализирует проблему консолидации общества нижеволжской провинции в годы великих испытаний Первой мировой войны. В статье выявлены новые приемы и методы, применяемые благотворительными структурами для поступления пожертвований от горожан, а также формы добровольной активности самих представителей провинциального социума в оказании помощи семьям призванных на фронт воинов, раненым, детям, беженцам ([Литвинова, 2015](#)).

Однако, несмотря на наличие отдельных исследований в сфере жизнедеятельности провинциального социума, спектр вопросов, касающихся этой тематики, весьма многообразен и требует дальнейшего поиска новых источников, изучения новых фактов и углубления знаний об этой странице истории.

В данной статье представлены результаты анализа материалов периодической печати дореволюционного периода, представляющего историческую ценность для исследователей региона, в частности, и направления «культура тыла» периода войны, в целом.

4. Результаты

Первая мировая война со всеми ее лишениями и тяготами ставила стратегические задачи не только для участников непосредственных боевых действий, но и для людей, находившихся в тылу. Как и на линии фронта, здесь так же шла своя борьба – с голодом, бедностью, социальной неустроенностью и другими проблемами, вызванными военным конфликтом. В таких условиях государство, приоритеты которого расставлены в пользу всяческой поддержки армии, не могло в полной мере поддерживать жизнедеятельность социума и ответственность на себя взяло гражданское общество. Анализ периодических изданий Царицына военного времени позволил выявить определенные тенденции и особенности данного периода.

Стоит отметить, что Первая мировая война послужила мощным катализатором для патриотического подъема жителей российских городов и, несмотря на то, что со временем эти настроения постепенно ослабевали, в первые, самые важные месяцы военных действий, рост патриотизма внес свой весомый вклад в дело формирования силы духа русской армии и поддержания чувства единства и братства.

В номерах «Царицынского вестника» лета 1914 г. неоднократно встречаются упоминания о патриотических манифестациях и шествиях. В качестве примера можно привести несколько эпизодов. Так, еще до официального вступления России в войну, 17 июля, в Царицыне состоялось масштабное шествие горожан, когда «от станции Царицын до берега Волги громадная толпа прошла с криками «Ура! Берегись Австрия!» ([На улицах Царицына, 1914: 2](#)). На следующий день, 18 июля, шествие повторилось, а численность манифестантов достигла уже нескольких тысяч. Люди с флагами и лозунгами собирались в Александровском сквере, саду Общественного собрания, около Успенского собора, где затем был отслужен молебен «в честь Государя Императора, всего Царствующего Дома, правительствующего Сената, христолюбивого воинства и за победу сербов над врагами» ([Ночные](#)

патриотические манифестации, 1914: 2). Более того, после молебна манифестантами была послана телеграмма императору с выражением верноподданнических чувств жителей Царицына. После вступления России в войну, манифестации продолжались несколько дней. Патриотические чувства, которые испытывали граждане, выплеснулись в приветствия военных действий. Основные лозунги тех дней: «Да здравствует Россия!», «Боже, царя храни!», «Долой Германию и Австрию!», «Да здравствуют братья-славяне!». Отметим, что согласно имеющимся сведениям, в день 17 июля в Царицыне бушевал страшный ветер с пылью, едва не сбивавший с ног человека, однако тогда это никого не остановило. Через какое-то время начался ливень, который и рассеял толпу. Казалось, сама природа была против ликования и восторга граждан от начала войны, что предвещало большие несчастья.

В те дни во всех храмах города служились молебны, причем помимо православных храмов, молебны о даровании победы русскому оружию проходили в мечетях, синагогах и кирхах. Таким образом, в первые дни и месяцы войны в Царицыне наблюдался колоссальный рост патриотизма, который проявился вскоре широкой благотворительной деятельностью по отношению к пострадавшим от военных действий. В частности, в городе активно организовывались новые благотворительные и добровольческие комитеты, активизировалась работа ранее действовавших организаций. Все силы общества были направлены на обеспечение потребностей различных категорий населения, в том числе, беженцев из других губерний и стран.

Проведенное исследование документальных источников позволило выделить наиболее приоритетные направления благотворительной помощи, реализуемой в Царицыне в период Первой мировой войны. Среди них помощь: 1) раненым, 2) беженцам, 3) больным, 4) детям, в том числе помощь детям раненых, 5) пострадавшим от стихийных бедствий, 6) семьям граждан, призванных на войну. Каждое из этих направлений подробно отражено в периодической печати того времени.

В целом оказываемая помощь носила как единичный, ситуационный, так и организованный характер. Как отмечено ранее, во время войны в городе были основаны общественные организации и объединения, занимавшиеся оказанием благотворительной помощи. Одним из наиболее известных объединений военного времени являлся Царицынский Дамский комитет, оказывавший помощь больным и раненым воинам. Первое упоминание о Комитете содержится в «Царицынском вестнике» от 5 августа, где, в частности, сообщается, о том, что «... с 4 августа преступлено к организации комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам ... по инициативе местных дам-благотворительниц» (Комитет, 1914: 3). Согласно источникам, благотворительная деятельность комитета была весьма масштабной и разноплановой. Дамы организовывали сборы вещей и денежных средств в пользу раненых воинов, устраивали благотворительные лотереи и концерты, совместно с местным Обществом Красного Креста участвовали в создании лазаретов, а также в решении проблем беженцев.

Пожертвования в Дамский комитет поступали из разных источников. Так, известно о поступлении от царицынского Орудийного завода средств в размере 971 руб. 46 коп., вырученных от лотереи-аллегри (В Дамском Комитете, 1914b: 3). Были и отчисления из заработка служащих предприятий. Например, приказчики магазина Вервейкина ежемесячно отчисляли 1% от жалованья (Собрание, 1914: 3). В распоряжение Комитета поступала продукция от различных торговых фирм, в частности, от владельца чувячной фабрики Алпетьяна, в августе 1914 г., поступило 25 пар чувяков (В Дамском Комитете, 1914a: 2).

Большое внимание в Дамском комитете уделяли оказанию непосредственной помощи раненым воинам. В сентябре 1914 г., когда из г. Саратова прибыла первая партия раненых, Комитет подготовил им теплую встречу чаем, молоком, бульоном. Раненых воинов распределили по всем имеющимся лазаретам. Более того, «дамы взяли на себя обязанность устроить дневные и ночные дежурства для наблюдения за аккуратным выполнением служителями своих обязанностей» (Прибытие раненых, 1914: 2).

Как было отмечено, для сбора средств Комитет неоднократно организовывал лотереи. Приведем один из многочисленных примеров. В январе 1915 г. в числе выигрышей лотереи-аллегри были жилой дом, лошадь, корова, много золотых и серебряных вещей. Согласно отчету, опубликованному в газете, поступления составили 4622 руб. 10 коп., причем выручка от продажи входных билетов составила 434 руб. 10 коп., а от продажи лотерейных билетов – 4188 руб. (Отчет, 1915: 2). Важно отметить, что специально для этой лотереи комитету был передан «высочайший дар» – ваза, пожертвованная вдовствующей императрицей Марией Федоровной. В газетных статьях отмечается, что ваза была «чудной художественной работы, размер ее очень велик, вес более пуда» (Ваза, 1915: 2)

Анализ финансовых отчетов Дамского комитета выявил факты, свидетельствующие о разнообразии денежной помощи, поступающей от различных слоев населения. Средства, которые жертвовали царицынцы, составляли от нескольких копеек – от гимназистов и учащихся, до нескольких сотен рублей – от состоятельных граждан. Известен случай, когда пять гимназистов пожертвовали в Дамский комитет 72 коп., полученные от родителей на завтраки (Воробьев, 2013). Пожертвования в помощь воинам и беженцам поступали от жителей города, в том числе, вещами и продуктами – это были варежки, теплые рубашки и носки, кисеты, махорка, спички, папиросы,

курительная и почтовая бумага, конверты. В перечне наименований продуктов чаще всего встречаются крендели, чай, сахар, конфеты и даже колбаса.

Важный вклад в развитие благотворительности в период мировой войны внесло Царицынское отделение Российского Общества Красного Креста. Только в 1914 г. Царицынский Красный Крест открыл 13 лазаретов на 632 койки на средства, пожертвованные от горожан (ГАСО). Общество периодически организовывало кружечные сборы и лотереи, которые, как правило, были приурочены к какому-нибудь празднику. Например, накануне Рождества 1915 г., благодаря кружечному сбору, были получены средства в размере 420 руб. 54 коп. (*В Красном Кресте, 1915: 3*). Наряду с непосредственными денежными сборами, устраивались музыкальные концерты, театральные постановки и творческие вечера, выручка от которых шла на нужды фронта. Согласно сведениям газеты, в среднем, ежемесячные поступления в отделение организации составляли около 30 тыс. руб. (*Отчет, 1916: 2*).

Помимо известных общероссийских общественных и общественно-государственных структур периода мировой войны, таких как Красный Крест, Императорское Человеколюбивое общество, Общество помощи пострадавшим от войны и переселенцам, земских, губернских и духовных комитетов по оказанию помощи семьям воинов и беженцам, в Царицыне действовали различные местные сообщества. Среди них следует выделить следующие ассоциации: 1) Комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам, организованный при Царицынском отделении Государственного банка; 2) Царицынское Общество содействия внешкольному образованию; 3) Армянский дамский комитет; 4) Царицынское общество помощи жертвам войны; 5) Царицынское общество призрения и попечения о детях воинов, пострадавших во 2-ю Отечественную войну. Эти объединения граждан внесли значительный вклад в развитие провинциальной благотворительности в условиях Первой мировой войны.

Необходимо отметить, что в качестве благотворителей выступали обычные горожане – гимназисты и учителя, казаки и офицеры, служащие и владельцы промышленных предприятий, лавок, коммерческих банков. Данный фактор свидетельствует о том, что проявление патриотических чувств в виде оказания помощи нуждавшимся в ней, было свойственно и лицам из высокопоставленных чинов, и простым гражданам. Данная ситуация была характерной для всей Саратовской губернии, всей России военных лет. Несостоятельные жители города и дети, в меру своих возможностей, также старались проявить участие и сострадание раненым воинам. В частности, в одной из октябрьских газет 1914 г. описывается трогательный эпизод, когда после проведения кружечного сбора Царицынским Красным Крестом, из кружек, кроме прочего, были извлечены две записки следующего содержания: «Два брата жертвуют раненым солдатикам 3 копейки. Выздоровляйте, родненькие! Леня и Боря». Вторая: «Спасибо тому, кто собирает эту лепту». Всего в ходе того мероприятия было выручено 2300 руб. (*Сбор, 1914: 3*).

Многие жители записывались на фронт в качестве добровольцев. В газетах того времени имеются факты, свидетельствующие о неоднократных ходатайствах ряда лиц, отбывавших тюремное наказание, с просьбой разрешить им отправиться добровольцами в действующую армию, а наказание отбыть по окончании войны. Внимая просьбам, губернскими властями было принято решение удовлетворять подобные ходатайства, но в исключительных случаях, когда заключенные зарекомендовали себя примерным поведением (*Ходатайство, 1914: 4*).

Отметим, что значимый вклад в дело оказания помощи городу внесли крупные промышленники-благотворители и почетные граждане Царицына. В качестве примеров приведем несколько эпизодов, описанных в «Царицынском вестнике». В сентябре 1914 г. на центральной площади города продолжалось строительство самого крупного царицынского собора во имя Александра Невского. Потомственный почетный гражданин Царицына Серебряков Г.Н. пожертвовал в пользу нового собора церковной утвари и икон на сумму свыше 7000 руб. (*Пожертвование, 1914: 2*), а в январе 1917 г. Г. Серебряков выделил городу 400 тыс. руб. на постройку коммерческому училищу собственного здания (*К пожертвованию, 1917: 2*).

Другой известный царицынский благотворитель, Г.И. Воронин, являвшийся членом Общества Красного Креста, предоставил в своем доме одну из квартир под лазарет для раненых. Благотворитель взял на себя содержание 10 коек на все время войны (оплачивая их по 30 руб. в месяц), а также расходы по отоплению и освещению квартиры, отводимой под лазарет (*В помощь раненым, 1914*).

В годы войны основная помощь была направлена на нужды фронта, а поддержке образования уделялось меньшее внимание. В связи с чем, благотворители, участвуя в организации помощи армии и гражданским лицам, пострадавшим от войны, не снимали с себя ответственности по поддержке несостоятельных, но успешных учеников. Например, почетный попечитель Царицынской Александровской 1-й мужской гимназии А.А. Репников в начале 1917 г. внес капитал в 1300 руб. процентными бумагами на учреждение стипендии имени Александра и Августы Репниковых. Стипендией мог пользоваться один из бедных учеников гимназии, православного вероисповедания, с хорошими успехами и поведением (*Наши жертвователи, 1917: 3*). Кроме того, благотворитель передал девять 5%-х облигаций городского займа на 900 руб. для учреждения именной стипендии в Царицынской городской торговой школе (*Пожертвование, 1917: 2*).

Таким образом, в трудное для города и страны время, наблюдалось всеобщее сплочение граждан вокруг нужд фронта и пострадавших от войны категорий населения, которое проявлялось в форме благотворительности. В свою очередь, это является ярким примером социально-культурной стороны жизни общества тыловых российских регионов.

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что благотворительная деятельность была относительно широко развита в г. Царицыне в годы Первой мировой войны, причем состав благотворителей включал как общественные организации – Царицынский Дамский комитет, местное отделение Общества Красного Креста, так и частных лиц. Более того, жертвователями на благотворительные цели являлись представители всех сословий – от жен офицеров и потомственных почетных граждан, до гимназистов и крестьянских детей. Патриотический подъем и горячий отклик в сердцах жителей провинциального тылового города на события и тяготы военного времени привели к созданию общественных структур, которые способствовали улучшению жизни общества г. Царицына в условиях страшной, жестокой войны.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-13-34004 а(р) и Администрации Волгоградской области в рамках проекта «Гражданское общество Царицына в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.)».

Литература

- В Дамском Комитете, 1914а – В Дамском Комитете // Царицынский вестник. 1914. 28 августа. № 4675.
- В Дамском Комитете, 1914б – В Дамском Комитете // Царицынский вестник. 1914. 17 сентября. № 4690.
- В Красном Кресте, 1915 – В Красном Кресте // Царицынский вестник. 1915. 10 января. № 4780.
- В помощь раненым, 1914 – В помощь раненым // Царицынский вестник. 1914. 16 октября. № 4715.
- Ваза, 1915 – Ваза новый Высочайший дар на лотерею // Царицынский вестник. 1915. 10 января. № 4780.
- Воробьев, 2013 – Воробьев Е.П. «Победа будет на нашей стороне, ибо армия опирается на тыл...». Царицын в годы испытаний Первой мировой войны (1914-1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 4. С. 50–53.
- ГАСО – Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 573. Оп. 1. Д. 29. Л. 26.
- К пожертвованию, 1917 – К пожертвованию Г.Н. Серебрякова // Царицынский вестник. 1917. 20 января. № 5361.
- Комитет, 1914 – Комитет по оказанию помощи // Царицынский вестник. 1914. 5 августа. № 4657.
- Куликов, 2008 – Куликов С.В. Финансовые аспекты деятельности Российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования / Под ред. Л.А. Булгаковой. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 369–396.
- Литвинова, 2015 – Литвинова И.Н. Формы консолидации провинциального общества в условиях Первой мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. №. 38. Вып. 4. С. 1085–1092.
- На улицах Царицына, 1914 – На улицах Царицына 17 и 18 июля // Царицынский вестник. 1914. 19 июля. № 4643.
- Наши жертвователи, 1917 – Наши жертвователи // Царицынский вестник. 1917. 24 января. № 5364.
- Ночные патриотические манифестации, 1914 – Ночные патриотические манифестации // Царицынский вестник. 1914. 19 июля. –№ 4643.
- Отчет, 1915 – ОТЧЕТ по лотереи-аллеги, устроенной Царицынским Дамским Комитетом 25 янв. 1915 г. // Царицынский вестник. 1915. 28 января. № 4795.
- Отчет 1916 – Отчет Царицынского комитета Российского Общества Красного Креста // Царицынский вестник. 1916. 21 декабря. № 5340.
- Пожертвование, 1914 – Пожертвование // Царицынский вестник. 1914. 12 сентября. № 4686.
- Пожертвование, 1917 – Пожертвование четы Репниковых // Царицынский вестник. 1917. 25 января. № 5365.
- Прибытие раненых, 1914 – Прибытие раненых // Царицынский вестник. 1914. 18 сентября. № 4691.
- Сбор, 1914 – Сбор пожертвований // Царицынский вестник. 1914. 3 октября. № 4704.

Семенова, 2013 – Семенова Е.Ю. Виды и формы досуга горожан Поволжья в годы Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. №1. Том 15. С. 60–67.

Собрание, 1914 – Собрание приказчиков // Царицынский вестник. 1914. 20 августа. № 4668.

Туманова, 2012 – Туманова А.С. Организация помощи фронту и жертвам войны как результат совместных усилий власти и гражданского общества в годы первой мировой войны: институциональный и правовой аспекты // Гражданское общество в России и за рубежом. 2012. № 4. С. 34–40.

Тушканов, 2015 – Тушканов Д.И. Благотворительная деятельность в Царицыне в начале Первой мировой войны (по материалам периодической печати) // Известия ВГПУ. 2015. №5 (100) С. 272–277.

Ходатайство, 1914 – Ходатайство заключенных в тюрьмах // Царицынский вестник. 1914. 2 сентября. № 4678.

Cadiot, 2005 – Cadiot J. Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917) // The Russian Review Vol. 64, Release 3 (July, 2005). pp. 440–455.

Lindenmeyr, 2012 – Lindenmeyr A. Building a Civil Society One Brick at a Time: People's Houses and Worker Enlightenment in Late Imperial Russia // The Journal of Modern History, Vol. 84, № 1 (March 2012). University of Chicago Press. pp. 1–39.

References

V Damskom Komitete, 1914a – V Damskom Komitete [In the Ladies' Committee], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1914. – August 28. – № 4675 [In Russian].

V Damskom Komitete, 1914b – V Damskom Komitete [In the Ladies' Committee], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1914. – September 17. – № 4690 [In Russian].

V Krasnom Kreste, 1915 – V Krasnom Kreste [In the Red Cross], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1915. – January 10. – № 4780 [In Russian].

V pomoshch' ranenym, 1914 – V pomoshch' ranenym [To help the wounded], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1914. – October 16. – № 4715 [In Russian].

Vaza, 1915 – Vaza novyi Vysochaishii dar na lotereyu [The vase is the new superlative gift for the lottery], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1915. – January 10. – № 4780 [In Russian].

Vorob'ev, 2013 – Vorob'ev, E.P. «Pobeda budet na nashei storone, ibo armiya opiraetsya na tyl...». Tsaritsyn v gody ispytaniy Pervoi mirovoi voiny (1914-1918 gg.) ["Victory will be on our side, because the army relies on the rear...". Tsaritsyn during the test of the World War I (1914-1918)], *Voенно-istoricheskii zhurnal – Military Historical Journal*, 2013, № 4, pp. 50–53 [In Russian].

GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti (GASO) [The State archive of Saratov region (GASO)], F. 573. Op. 1. D. 29. L. 26 [In Russian].

K pozhertvovaniyu, 1917 – K pozhertvovaniyu G.N. Serebryakova [To donation G.N. Serebryakov], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1917. – January 20. – № 5361 [In Russian].

Komitet, 1914 – Komitet po okazaniyu pomoshchi [Committee on assistance], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1914. – August 5. – № 4657 [In Russian].

Kulikov. 2008 – Kulikov, S.V. Finansovye aspekty deyatel'nosti Rossiiskikh blagotvoritel'nykh organizatsii voennogo vremeni (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.) [Financial aspects of Russian charitable organizations of wartime (July 1914 – February 1917)], *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii. Novye dokumenty i issledovaniya – Charity in Russia's history. New documents and researches* / ed. by L. A. Bulgakova. St. Petersburg. Nestor-Istoriya, 2008, pp. 369–396 [In Russian].

Litvinova, 2015 – Litvinova I.N. Formy konsolidatsii provintsial'nogo obshchestva v usloviyakh Pervoi mirovoi voiny [Forms of Consolidation of Provincial Society in the Conditions of World War I], *Bylye Gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal – Foretimes. Russian Historical Magazine*, 2015, № 38. Is. 4, pp. 1085–1092 [In Russian].

Na ulitsakh Tsaritsyna, 1914 – Na ulitsakh Tsaritsyna 17 i 18 iyulya [On the streets of Tsaritsyn on 17 and 18 July], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1914 – July 19. – № 4643 [In Russian].

Nashi zhertvovateli, 1917 – Nashi zhertvovateli [Our contributors], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1917. – January 24. – № 5364 [In Russian].

Nochnye patrioticheskie manifestatsii, 1914 – Nochnye patrioticheskie manifestatsii [Night patriotic demonstrations], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1914 – July 19. – № 4643 [In Russian].

Otchet, 1915 – Otchet po loterei-allegri, ustroennoi Tsaritsynskim Damskim Komitetom 25 yanvarya. 1915 g. [The report about lottery-alegre arranged Tsaritsyn Duma Committee of January 25, 1915], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1915. – January 28. – № 4795 [In Russian].

Otchet, 1916 – Otchet Tsaritsynskogo komiteta Rossiiskogo Obshchestva Krasnogo Kresta [The report of the Tsaritsyn Committee of the Russian Red Cross Society], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1916. – December 21. – № 5340 [In Russian].

Pozhertvovanie 1914 – Pozhertvovanie [Donation], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1914. – September 12. – № 4686 [In Russian].

Pozhertvovanie, 1917 – Pozhertvovanie [Donation], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1917. – January 25. – № 5365 [In Russian].

Pribytie ranenykh, 1914 – Pribytie ranenykh [The arrival of the wounded], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1914. – September 18. – № 4691 [In Russian].

Sbor, 1914 – Sbor pozhertvovaniia [Fundraiser], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. 1914. October 3. № 4704 [In Russian].

Semenova, 2013 – Semenova, E.Yu. Vidy i formy dosuga gorozhan Povolzh'ya v gody Pervoi mirovoi voiny [Types and forms of leisure of citizens of the Volga region in the years of World War I], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk – News of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences*, 2013, № 1. T. 15, pp. 60–67 [In Russian].

Sobranie, 1914 – Sobranie prikazchikov [Meeting of counterman], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1914. – August 20. – № 4668 [In Russian].

Tumanova, 2012 – Tumanova, A.S. Organizatsiya pomoshchi frontu i zhertvam voiny kak rezul'tat sovmestnykh usilii vlasti i grazhdanskogo obshchestva v gody pervoi mirovoi voiny: institutsional'nyi i pravovoi aspekty [Organization of assistance to the front and to the victims of the war as a result of the joint efforts of government and civil society during the World War I: the institutional and legal aspects], *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom – Civil society in Russia and abroad*, 2012, № 4, pp. 34–40 [In Russian].

Tushkanov, 2015 – Tushkanov, D.I. Blagotvoritel'naya deyatelnost' v Tsaritsyne v nachale Pervoi mirovoi voiny (po materialam periodicheskoi pechati) [Charitable activities in Tsaritsyn in the beginning of the World War I (on materials of periodicals press)], *Izvestiya VGPU – News of the VSPU*, 2015, №5 (100), pp. 272–277 [In Russian].

Hodataistvo, 1914 – Hodataistvo zaklyuchennykh v tyur'makh [The petition of prisoners in prisons], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyno Bulletin*. – 1914. – September 2. – № 4678 [In Russian].

Cadiot, 2005 – Cadiot J. Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917) // *The Russian Review* Vol. 64, Release 3 (July, 2005). pp. 440–455 [In English].

Lindenmeyr, 2012 – Lindenmeyr A. Building a Civil Society One Brick at a Time: People's Houses and Worker Enlightenment in Late Imperial Russia // *The Journal of Modern History*, Vol. 84, № 1 (March 2012). University of Chicago Press. pp. 1–39 [In English].

УДК 908

Благотворительная деятельность в Царицыне в годы Первой мировой войны (по материалам периодической печати)

Оксана Александровна Карагодина ^{а,*}

^а Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Основная цель статьи заключается в выявлении направлений благотворительной деятельности, осуществляемой в г. Царицыне в годы Первой мировой войны. В качестве метода исследования применялся анализ материалов дореволюционной периодической печати, издаваемых в городе в военное время и представляющих историческую ценность для исследователей направления «культура тыла» периода войны. Главным источником выступили выпуски газеты «Царицынский вестник» за период с июля 1914 г. по февраль 1917 г. Проведенный анализ позволил выделить наиболее приоритетные направления благотворительной помощи, реализуемой в г. Царицыне в годы войны. Кроме того, в статье рассмотрена деятельность общественных организаций и объединений, занимавшихся оказанием благотворительной помощи больным и раненым воинам, их женам и детям, беженцам. В частности, проанализированы отчеты Царицынского Дамского комитета и Царицынского отделения Российского Общества Красного Креста, выявлены особенности деятельности данных организаций.

Ключевые слова: Первая мировая война, локальная история, тыл, газета-источник, благотворительность, Дамский комитет, провинциальное общество.

* Корреспондирующий автор

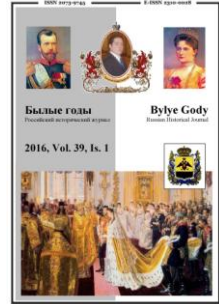
Адреса электронной почты: karagodina@volsu.ru (О.А. Карагодина)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 253-260, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930(470):94(574) "16/17"

Some of the issues of modern Russian historiography towards Kazakh-Dzhungarian relations

Turganzhan Tulebaev ^{a, *}, Nurgul Kurmanalina ^a, Nurzipa Alpysbaeva ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The relationship between Kazakh people and the Dzhungar Khanate in the 17th - the first half of the 18th centuries was an important milestone in the development of Kazakh sovereignty. Kazakh Khanate had its own place in the development of international relations of the Central Asian countries. The historiography of this problem is very wide. For many years many researchers of post-Soviet, Western, Central Asian countries dedicated their work to this issue. Russian historiography is notable among others for its features. The article discusses some concepts of the modern Russian scientists regarding Kazakh-Dzhungarian relations.

Russian historiography of Kazakh-Dzhungarian relations started to develop from the pre-revolutionary period and continues to these days. Kazakhstan scientists of the Soviet period also contributed to the study of international relations in Central Asia in the 17th-18th centuries in line with the required methodological and ideological direction. However, at present in connection with the sovereignization and becoming independent states of the post-Soviet countries, there is some differentiation in the areas of Russian and Kazakh social sciences and humanities. Today our society intentionally seeks to rethink the key milestones of the passed way, know itself and define its new place in the contemporary reality. Therefore, the Russian research on the history of international relations is especially relevant to the public.

Keywords: Kazakhs, Dzhungar Khanate, Kazakh-Dzhungarian relations, Russian researchers, the concept, the statement.

1. Введение

Взаимоотношение казахов с «последней большой кочевой империей в Средней Азии» (Бартольд, 1968: 539), – Джунгарским ханством – одна из наиболее актуальных проблем в истории международных отношений в Центральной Азии позднего средневековья (Моисеев, 1991: 3). Проблема изучалась в дореволюционном периоде, в Советское время и продолжает изучаться на современном этапе. Историография взаимоотношений двух соседних кочевых государств являются не менее важным, чем сама история данных международных событий. Само существование Джунгарского ханства и его внешняя политика в свое время сильно повлияло на геополитическую ситуацию в Центральной Азии. В связи с этим историография проблематики, касающаяся внешней политики Джунгарской империи, весьма широкая и является значимой по изучению истории ряда стран, таких как: Казахстан, Россия, Китай, Монголия и страны Центральной Азии. Особенную роль играли в геополитических преобразованиях позднего средневековья Центральной Азии крупные державы – Россия и Китай. Джунгарский фактор и в постсоветский период остается интересным объектом исследования для российской исторической науки. Российских историков также можно назвать основоположниками в изучении джунгаро-казахских войн, поэтому определение основных тенденций российской историографии борьбы казахского народа против джунгарской агрессии стало объектом изучения данной научной статьи.

* Corresponding author

E-mail addresses: tur-07@mail.ru (T. Tulebaev), nurgulca@mail.ru (N. Kurmanalina), nurzipakz@mail.ru (N. Alpysbaeva)

2. Материалы и методы

Историографическими источниками для написания работы являлись в основном труды российских, а также казахстанских и западных историков, опубликованные в виде научных статей, монографии и т.д.

При рассмотрении проблемы изучения казахско-джунгарских отношений в современной российской историографии авторы основывались на традиционные и современные направления методологии науки. Были использованы методы сравнительного анализа концепций исследователей.

а) рассмотрены разные версии причины освобождения Аблай султана от плена джунгарского хунтайджи;

б) приводится оценка российских историков по концепциям современных казахстанских ученых;

в) определяется основная роль России в казахско-джунгарских отношениях.

3. Обсуждение

В начале, по нашему мнению, для ясности мыслей не лишним будет определиться с особо проблематичными терминами. Проблематичные они потому, что даже в процессе сортировки дел в российских архивах была путаница. Об этом свидетельствуют слова В.Л. Котвича: «Камнем преткновения оказался терминъ «калмыки», обычно применяемый въ документахъ ко всемъ ойратскимъ племенамъ, какъ къ собственнымъ калмыкамъ, расселившимся въ бассейнахъ рекъ Яика (Урала), Волги и Дона, такъ и къ ойратамъ Джунгаріи и Сибири (Въ отличіе отъ тѣленгутовъ (телеутовъ), именовавшихся белыми калмыками, ойраты часто назывались черными калмыками). Реже ойраты именуется зюнгорцами или зенгорцами, т.е. зюнгарами (джунгарами) по имени главенствовавшего въ то время ойратскаго племени, во главе котораго стояли хунтайджи (контайши), или просто мунгалами такъ же, какъ и собственные (восточные) монголы. Разобраться въ этихъ особенностяхъ терминологіи архивисту не удалось и ойратскія дела онъ одинаково легко включалъ и в калмыцкія и в зюнгорскія и въ мунгалскія» ([Русские архивные документы, 1919: 1209](#)).

Эту неурядицу как указывает Г.О. Авляев, замечали и другие исследователи, такие как И.Я. Златкин, М.Л. Кичиков, П.С. Преображенская. Автор отмечает: «...многие русские монголоеды и путешественники XVII–XVIII веков в своих трудах не различали четко волжских калмыков от современных им ойратов Джунгарского и Хошоутского ханства в Центральной Азии, именуя их всех «калмыками» (или ойраты – Авляев Г.) уже начали политически и территориально обособляться от своих бывших соплеменников» ([Авляев, 1994: 9](#)).

В.Л. Котвич в своей же статье отмечая, сложность разграничения вышеперечисленных этнонимов, он пришел к нижеследующему выводу по решению сложного вопроса: «Для обозначенія западныхъ монголовъ въ русской и иностранной литературе употребляются чаще всего 3 термина: ойраты – изъ монгольскихъ источниковъ, калмыки – изъ мусульманскихъ, которымъ следуютъ и старые русскіе источники, въ томъ числе архивные документы, и элюты (ёлоты, Eleuths) – изъ китайскихъ. Здесь принять монгольскій терминъ ойраты; за терминомъ же калмыки сохранено его специальное употребленіе для обозначенія той группы ойратовъ, которая проживаетъ по рр. Волге, Дону и Уралу и усвоила себе это наименованіе, забыв старое имя ойраты» ([Русские архивные документы, 1919: 791](#)).

Данное определение по терминам стало концептуальным, так как многие русские историки-востоковеды на своих работах ссылаются именно на В.Л. Котвича ([Златкин, 1964; Моисеев, 1991](#)).

И на сегодняшний день историки продолжают уделять свое внимание вопросам этнонимов, которые касаются истории ойратов. И.И. Дремов в своей статье рассматривает проблему возникновения термина «калмак». Автор приводит многочисленные факты с разных источников. По заключению автора, подтверждается утверждение Утемиш-Хаджи, говорившего в «Чингиз-намэ», что в горах Улуг-Таг, то есть на северо-востоке Дешт-и-Кыпчака, на северо-западе современного Казахстана в Казахском мелкопесочнике (Сары-Арка) во времена Золотой Орды жили калмаки, а в XVI в. здесь продолжали говорить так же, как и при Узбеке, используя монгольские слова, то есть сохранялась своеобразная этническая группа, именуемая тюркоязычными мусульманами «калмак» ([Дремов, 2013: 127](#)).

Но окончательная точка по смыслу и периоду появления вышесказанных этнонимов еще не поставлена. К таким проблемным этнонимам относится и термин «джунгар».

По мнению В.А. Моисеева «этноним «джунгары», «чжунгары» появились лишь к концу первой половины XVII в., после образования Джунгарского ханства. В войсках Чингис-хана ойраты во время сражений располагались на левом крыле, что по-монгольски переводится как «зюн-гар». Постепенно этот термин приобрел этническую окраску. Территория, которую к XVII столетию заняли ойраты, стала называться Джунгария (Чжунгария, Зенгория) ([Моисеев, 1994: 6](#)).

В свою очередь хочется уведомить, что под термином «калмык» правильно будет понимать ойратов, которые переселились вдоль р. Волги в начале XVII в., под термином же «ойрат» определяем жителей Джунгарского ханства, после образования данного государства, а «ойратами» можно назвать и общих предков данных народов или употреблять «ойрат» как синонима к слову «джунгар».

Многие историки считают, что владельцы ойратского государства ставили себе примером Чингис-хана и старались продолжить традицию в правительской деятельности схожую с Чингисханским. В.А. Моисеев (Моисеев, 1994: 19) поддерживая мнение А.Ш. Кадырбаева, замечает намерения у ойратских владельцев старания подражать великому кахану «...ойратский хан намеревался возродить практику великих монгольских императоров, править завоеванными странами с помощью администраторов из мусульманских народов и прежде всего уйгуров (Кадырбаев, 1982). Такую же тенденцию оценивали и западноевропейские исследователи. Например, Р. Груссе писал: «... the western Mongols tried to snatch the empire of the steppes from the filing hands of the eastern tribes, and like Jenghiz Khan achieve the conquest of China» (Grousset, 1970: 539). Если привести дословный перевод высказывания автора: «...западные монголы попытались вырвать из рук империю степей из падающих рук восточных племен и подобно Чингиз-хану добиться завоевания Китая». Также исследователь, описывая характер джунгарского правителя Галдана, называет его неким неудачным Чингиз-ханом. По мнению автора, джунгарский хан мечтал восстановить старую монгольскую империю под своим предводительством с помощью западных монголов. Он пишет: «the Sungars had as their chief an extraordinary character called Galdan, a sort of unsuccessful Genghis Khan, who dreamed of re-establishing the old Mongol empire under the domination of his own Western Mongols» (Grousset, 1952: 285).

В казахско-джунгарских и казахско-русских отношениях немаловажную роль играли разного рода экспедиции и посольства, которые занимались сбором информации, решали вопросы межгосударственного уровня и т.д. Среди них история посольства Миллера является не безинтересным. Особенно вопрос освобождения султана Аблая из плена Галдан-Цэрена и роль Миллера противоречиво излагаются исследователями. В советской историографии крепко устоялось концепция о том, что по указанию царской России Миллеру удалось освободить Аблай султана из плена.

По мнению Н.Г. Аполловой в планы посольства Миллера входил вопрос освобождения из плена знатного султана «путем личных переговоров с Галдан-Цэреном Миллер должен был выяснить действительные взаимоотношения хана Абулмамбета и султана Среднего жуза с джунгарским правительством, а также договориться об освобождении из плена султана Аблая» (Басин, 1970: 391). Как указывает автор, результаты переговоров достигли цели по освобождению Аблая и этот факт укрепил дружбу между народами «посольство Миллера, ускорившее освобождение султана Аблая из джунгарского плена в 1743 г., укрепило мирную политику Аблая в отношении России» (Басин, 1970: 414).

В.Я. Басин в своей монографии, ссылаясь на работы Аполловой отмечает, что Миллеру давалась установка сделать все зависящее от него для освобождения из джунгарского плена султана Среднего жуза Аблая с его спутниками (Аполлова, 1960: 176). Басин также упоминает о письме Неплюева: «Ставя в известность Галдан-Цэрена о направлении к нему российского посольства во главе с К. Миллером, И. Неплюев убедительно просил освободить плененных джунгарами султана Аблая с его людьми» (Аполлова, 1960: 177).

Советский историк Н.Г. Аполлова отмечала, что «ему (Миллеру – автору) удалось освободить из джунгарского плена султана Среднего жуза Аблая» (Аполлова и др., 1972: 154). И эта же версия причины спасения Аблая от пленения джунгарского хунтайджи распространилась в западных исследованиях: «...Galdantzeren proclaimed that he still favored peace with the Russian empire. he accepted a letter addressed to him from the Russian empress outlining Russia's position in the contention between the Oirats and the Kazakhs. As a gesture of good will to Russia, Galdantzeren also consented to set Sultan Ablai free» (Bergholz, 1993: 376). Здесь говорится о том, что Галдан-Цэрен одобрил мир с Российской империей. Он принял письмо, адресованное ему от российской императрицы, обрисовывающей в общих чертах положение России между ойратами и казахами. Как жест доброй воли в Россию, Галдан-Цэрен также согласился освободить Султана Аблая.

Однако российский историк В.А. Моисеев в своей работе, вышедшей в свет еще в 1990-е годы, опровергал предлагаемую версию причины спасения Аблая. Он пишет: «Возвращение из плена Аблая, на наш взгляд, произошло не столько вследствие дипломатического наступления России, сколько явилось результатом новой тактики джунгарского правительства в отношении казахов Среднего и Младшего жузов, стремившегося «добрым» отношением привлечь казахских владельцев в свою сторону в борьбе с усиливавшимся Кокондским бекством и возникновением напряженности отношениях с Россией (Моисеев, 1991: 157). Тем более сам автор дальше отмечает: «Тот факт, что Галдан-Цэрен отпусти султана Аблая и других казахских пленников, как это ни странно, еще больше встревожил царскую администрацию. «Опасаясь, - писал 9 июня 1743 г. в Коллегию иностранных дел И.И. Неплюев, дабы от предпреченного владельца по его чинимым интригам отпуском Аблая-Салтана и возвратом ханского сына (Абулфеиза – В. Моисеев) киргиз-кайсацкие владельцы, а паче Абулхаир-хан, наиболее от верности не поколебались». В связи с чем информировал правительство о том, что вновь направляет эмиссаров к хану Абулмамбету, султанам Бараку и Аблаю с приглашением приехать в Орск (Моисеев, 1991: 153). Как мы видим российская администрация не то что освободить Аблай султана, напротив она даже опасалась от данного действия, то есть от освобождения из плена Аблая.

Казахстанский историк З. Кинаятулы приводит свои аргументы по поводу вышесказанного вопроса: «Егер орыстар шынымен Абылайды азат етуді ізгі максат тұтса патшаға патша хат жазуы керек еді. Бірақ Миллер Галданцеренге патшаның емес, Орынбор губернаторының хатын апарған. Жоңғарияға бара жатқан жолында К. Миллер қазақтармен кездескенде Ұлы жүздің батыры Наурыз оның «Абылайды азат етуге бара жатырмын» деген сөзіне сенбей хатты көрсетуін талап еткен. Бірақ ол хатты қазақтарға көрсетпеген» (Кинаятулы, 2012: 21). Во-первых, З. Кинаятулы отмечает, что если русские и вправду были нацелены освободить Аблая, императрица сама написала бы письмо самому хунтайджи. Но, - пишет исследователь, - Миллер отнес Галдан-Цэрэну письмо от оренбургского губернатора. Во-вторых, Миллер на пути в Джунгарию, когда он встретился с казаками, батыр Наурыз со Старшего жуза потребовал в виде доказательств его намерений о спасении Аблая показать письмо. Однако Миллер не стал этого делать. По мнению автора, причиной освобождения султана из плена стала то, что у монгольских правителей был обычай почитать ханское потомство по линии Чингиз-хана, к которому относился и Абылай султан. Он пишет: «...моңғол билеушілерінде Шыңғыс ханнан тарған хан ұрпағын қастерлейтін салт бар. Абалай хан ұрпағы» (Кинаятулы, 2013: 40). В итоге Галдан-Цэрэн не только освободил Абылая, но и подписал с ним соседский мирный договор между казаками и джунгарами – «қазақ-жоңғар арасында тату көршілік бітіміне» (Кинаятулы, 2013: 40). Об этом документе хунтайджи говорится и в трудах других авторов (Моисеев, 1991: 132-133).

В современной российской историографии замечается распространение утверждений В.А. Моисеева, известного историка по джунгарскому вопросу. Он пишет в своей монографии: «После расчленения СССР и провозглашения Казахстана независимым государством оценки политики России в Центральной Азии изменилась на прямо противоположные. Русское государство предстало на страницах работ казахских историков и публицистов «кровожадным северным хищником», таким же историческим врагом казахов, как и Джунгария. Более того, царское правительство якобы провоцировало джунгаро-казахские войны, снабжало ойратов оружием и натравливало их на казахов» (Моисеев, 1991: 6).

М.О. Акишин поддерживая мнение предшественника, пишет: «в 1990-х гг. в Казахстане стало развиваться «новое» направление, в работах историков и публицистов Россия стала представляться «кровожадным северным хищником», таким же историческим врагом казахов, как и Джунгария» (Моисеев, 1998).

Историк Л. Бобров также отмечает: «в постсоветский период некоторые авторы поспешили выступить с «сенсационными» заявлениями, согласно которым Россия якобы целенаправленно снабжала оружием джунгар и поощряла их вторжения на территорию Казахстана» (Бобров, 2014: 46). Однако российские ученые не приводят конкретных фактов, то есть не ссылаются на конкретные работы казахстанских исследователей. Со своей стороны мы не можем отрицать, что в связи с приобретением Казахстана независимости, подходы в исторической науке трансформировались.

Тем не менее, в работе В.А. Моисеева имеется факт о доступности русского оружия джунгарам, хотя речь не идет о специальном снабжении предметом войны джунгаров со стороны русских. «В Москве и Петербурге ойратские послы были частыми гостями царских дворцов, неоднократно бывали «при балах и маскарадах». Развлекаясь в свете и заводя нужные знакомства, в то же время тайно закупали оружие. В 1744 г. в доме посла в Москве, в Китай-городе, обнаружили 38 пищалей, 31 саблю, 18 панцирей» (Моисеев, 1998: 105).

О большой склонности к ойратам, нежели казахам со стороны российской администрации свидетельствует и такой незаметный факт. Р.А. Кушнерик, говоря о содержании в России послов, отмечает об избирательном подходе к ним. «Так ойратские посольства обеспечивались продуктами, вином и пивом по более высокой норме, чем казахские. Например, летом 1730 г. в Москве находилось джунгарское посольство Цой Намкы и казахское посольство от хана Младшего жуза Абулхайра с просьбой о принятии его в российское подданство. Несмотря на всю значимость казахских предложений, главам его (Кутлумбету Коштаеву и Сейткулу Кудайгулову), рядовым членам и слугам выдавалось продуктов на порядок меньше, чем ойратскому посольству» (Кушнерик, 2008: 93-94).

И.А. Ноздрина оценивая геополитическую роль России в международных отношениях Центральной Азии позднего средневековья отмечает, что на протяжении первой половины XVIII в. Россия выступала в роли стабилизирующего фактора центральноазиатской системы международных отношений. По ее мнению, русская дипломатия успешно справлялась с задачей не допустить образования джунгаро-калмыцкого или китайско-калмыцкого военно-политического альянса, который привел бы к усилению либо Джунгарии, либо цинского Китая (Ноздрина, 2007).

Во время в сложных международных ситуациях в Центральной Азии потенциальными были самые разные союзы и альянсы между странами Россия – Джунгария – Казахстан – Китай – Калмыки – ряд других государств данного региона. Например, есть утверждение о том, что в борьбе с Джунгарским ханством цинское правительство рассчитывало на помощь Российской империи, в том числе на использование против ойратов конницы калмыцкого хана Аюки, кочевавшего в Приволжье (Непомнин, 2005: 119). Однако же результаты китайского посольства 1713–1714 и 1731–1732 гг. в Россию по вышесказанному вопросу не привели к втягиванию Петербурга в ойрато-китайскую войну, добавляет автор.

После гибели Джунгарского ханства мультиполярная система международных отношений в Центральной Азии (Россия – цинский Китай – Джунгария) трансформировалась в скором времени в биполярную (Россия – цинский Китай). Между Российской и Цинской империями развернулась конкуренция за политико-территориальное и экономическое доминирование в регионе (Ноздрина, 2007). Безусловно доминирующую роль в геополитических преобразованиях Центральной Азии в позднее средневековье играли эти два авторитетных государства. И на сегодняшний день немаловажное место отводится к политическому, общественному и научному точкам зрения этих больших государств в мировом пространстве.

Согласно российским ученым, «...Китай в подобной ситуации объявляет своими неотъемлемыми частями Монголию, Тибет и Восточный Туркестан, а их жителей – китайцами, издревле связанными в «единую семью» с ханьцами» (Дмитриев и др., 2012: 17). Причиной концепции – «единой китайской нации» стала обоснование Китая своих «прав» на Монголию, Тибет и Восточный Туркестан (Акишин, 2013: 19). Однако со стороны российских коллег данная концепция не считается верной.

Как правильно акцентировал М.О. Акишин, вышесказанная тенденция в китайском монголоведении была замечена еще советскими историками. У китайцев господствует мнение, что «Джунгария никогда не была в прошлом независимым государством», а являлась «неотъемлемой частью Китая». Войны Китайской империи против ойратов трактуется как подавление «раскольнических мятежей» джунгарской аристократии, как «справедливая» борьба за «единство» страны, поддерживаемая ойратским народом. Политика же России по отношению к Джунгарии рассматривается как захват китайской территории (Гуревич и др., 1979: 44). В российской историографии Джунгарское ханство рассматривается как независимое государство (Акишин, 2013).

4. Заключение

На современном этапе продолжается исследование международных отношений Центрально-азиатского региона периода позднего средневековья российскими исследователями. Некоторые вопросы современной российской историографии направлены на переосмысление исторических событий по новому видению, также как в странах постсоветского пространства. В связи обширностью доступных источников некоторые факты, касающиеся казахско-джунгарских отношений, подвергаются корректировке, уточняются и дополняются. Например, в освобождении из джунгарского плена султана Среднего жуза Аблая главное место не отводится Миллеру и он не был причастен к решению данного вопроса. Данная теория подтверждается казахстанскими исследователями, а также поддерживается российскими учеными.

После приобретения Казахстаном независимости национальная идея страны предстала на новый путь развития. Отмечается тенденция восприятия народной истории в призмах новых методологических подходов вместо устоявшего со времен советского союза марксизма и ленинизма. Изменение оценки политики России в Казахстане обусловлено вышесказанными факторами. Отдельные факты, например, о том, что царское правительство снабжало ойратов оружием и натравливало их на казахов, требует тщательного анализа и объективного рассмотрения со стороны профессиональных историков данной области.

Россия, Китай и Джунгарское ханство играли большую роль в геополитических процессах Центральной Азии позднего средневековья.

У каждого государства свои политические и идеологические направления. Поэтому же по вопросу истории Джунгарского ханства основные концепции российских ученых отличаются от трактовки данного вопроса китайскими монголоведами, также казахстанская историография имеет свои особенности в изучении джунгарского фактора.

Российская историография казахско-джунгарских отношений выделяется богатой историей, русские исследователи стали своего рода основоположниками в изучении отношений двух кочевых народов. Сегодня российская историография межгосударственных отношений позднего средневековья пополняется, обогащается со своими особенностями и продолжает славную русскую исследовательскую традицию.

Литература

Авляев, 1994 – Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX – I четверть XVIII вв.). Москва-Елиста, 1994. 248 с.

Акишин, 2013 – Акишин М.О. Джунгарское ханство во внешней политике Петра Великого // Дореволюционная Россия 02.10.2013. URL: <http://statehistory.ru/4217/Dzhungarskoe-khanstvo-vo-vneshney-politike-Petra-Velikogo/> (дата обращения: 12.09.2015). [Электронный ресурс].

Аполлова, 1960 – Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 456 с.

Аполлова и др., 1972 – Аполлова Н.Г., Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI- XVIII веках. Рецензия. // Вопросы истории. 1972. №2. С. 151-155.

Бартольд, 1968 – Бартольд В.В. Калмыки // Бартольд В.В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М.: Издательство «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1968. 757 с.

- Басин, 1970 – Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. (Казахстан в системе внешне политики Российской империи). Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1970. 271 с.
- Бобров, 2014 – Бобров Л. Россия – Казахстан Военно-политическое сотрудничество конца XVI – середины XIX вв. // *Mangilik El.* 1(3) 02.2014. С. 44-49.
- Гуревич и др., 1979 – Гуревич Б.П., Моисеев В.А. Взаимоотношения цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография // *Вопросы истории.* 1979. № 3. С. 42-55.
- Дмитриев и др., 2012 – Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Что такое Китай? Среднее государство в историческом мифе и реальной политике // *Восток (Oriens).* 2012. № 3. С. 5-19.
- Дремов, 2013 – Дремов И.И. Золотая Орда и возникновение этнонима «Калмак» // *Вопросы истории.* № 3. 2013. С. 119-129.
- Златкин, 1964 – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1964. 481 с.
- Кадырбаев, 1982 – Кадырбаев А.Ш. Уйгуры в империи Чингис-хана и его приемников. XIII-XIV вв. // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1982.*
- Кинаятулы, 2012 – Кинаятұлы З. Жонгар шапкыншылықтарыныи казак халкына экелгеы қасіреті (XVII-XVIII ғасырлар) // *История социально-экономических и политических катаклизмов: теоретико-методологическое осмысление в рамках традиционных Бекмахановских чтений: Материалы научно-практической конференции (6-7 апреля 2012 г.). Алматы, 2012. С. 18-21.*
- Кинаятулы, 2013 – Кинаятұлы З. Абылай хан жоңғарлар үшін кейде қайырымдылық қадамдар жасады // *Аңыз адам.* 2013. №21. С. 40-41.
- Кушнерик, 2008 – Кушнерик Р.А. Дипломатический этикет и порядок приема послов в России XVII–XVIII вв. (на примере русско-джунгарских отношений) // *Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы научной конференции. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2008. 432 с.*
- Моисеев, 1991 – Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Моисеев, 1994 – Моисеев В.А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV–XVII вв. // *Востоковедные исследования на Алтае: Сб.ст. / Под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: Изд. Алтайск. ун-та, 1994. 136 с.*
- Моисеев, 1998 – Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. 175 с.
- Непомнин, 2005 – Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Ноздрин, 2007 – Ноздрин И.А. Калмыцкое ханство в системе международных отношений в Центральной Азии в XVIII веке: автореф. дис. канд. истор. наук. Томск, 2007.
- Русские архивные документы, 1919 – Русские архивные документы по сношениямъ съ ойратами въ XVII-XVIII вв. В.Л. Котвича (Представлено академикомъ С. Э. Ольденбургомъ въ заседаніи Отделенія Историческихъ Наукъ и Филологіи 2 апреля 1919 года). III. – *Известія Россійской Академіи Наукъ.* Петроград. 1919. №12-15. С. 1199-1214.
- Bergholz, 1993 – Bergholz Fred W. (1993) *The partition of the steppe: the struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for empire in Central Asia, 1619-1758: a study in power politics / New York: P. Lang. 522 p.*
- Grousset R. (1952) *The rise and splendour of the Chinese empire.* London: Geoffrey Bles. 312 p.
- Grousset R. (1970) *The empire of the steppes; a history of central Asia.* Translated from the French by Naomi Walford. New Brunswick, N.J., Rutgers University Press. 687 p.

References

- Avlyayev, 1994 – Avlyayev G.O. Proiskhozhdenie kalmytskogo naroda (seredina IX – I chetvert' XVIII vv.). Moskva-Elista, 1994. 248 s.
- Akishin, 2013 – Akishin M.O. Dzhungarskoe khanstvo vo vneshnei politike Petra Velikogo // *Dorevolyutsionnaya Rossiya* 02.10.2013. URL: <http://statehistory.ru/4217/Dzhungarskoe-khanstvo-vo-vneshney-politike-Petra-Velikogo/> (data obrashcheniya: 12.09.2015). [Elektronnyi resurs].
- Apollova, 1960 – Apollova N.G. Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII – nachale XIX v. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1960. 456 s.
- Apollova i dr., 1972 – Apollova N.G., Basin V.Ya. Rossiya i kazahskie khanstva v XVI-XVIII vekakh. Retsenziya. // *Voprosy istorii.* 1972. №2. S. 151-155.
- Bartol'd, 1968 – Bartol'd V.V. Kalmyki // *Bartol'd V.V. Sobr. soch.: v 9 t. T. 5. M.: Izdatel'stvo «Nauka» Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1968. 757 s.*
- Basin, 1970 – Basin V.Ya. Rossiya i kazahskie khanstva v XVI-XVIII vv. (Kazakhstan v sisteme vneshne politiki Rossiiskoi imperii). Alma-Ata: Izdatel'stvo «Nauka» Kazahskoi SSR, 1970. 271 s.
- Bobrov, 2014 – Bobrov L. Rossiya – Kazakhstan Voенно-politicheskoe sotrudnichestvo kontsa XVI – serediny XIX vv. // *Mangilik El.* 1(3) 02.2014. S. 44-49.

- Gurevich i dr., 1979 – Gurevich B.P., Moiseev V.A. Vzaimootnosheniya tsinskogo Kitaya i Rossii s Dzhungarskim khanstvom v XVII–XVIII vv. i kitaiskaya istoriografiya // Voprosy istorii. 1979. № 3. s. 42-55.
- Dmitriev i dr., 2012 – Dmitriev S.V., Kuz'min S.L. Chto takoe Kitai? Sredinnoe gosudarstvo v istoricheskom mife i real'noi politike // Vostok (Oriens). 2012. № 3. S. 5-19.
- Dremov, 2013 – Dremov I.I. Zolotaya Orda i vozniknovenie etnonima «Kalmak» // Voprosy istorii. 2013. № 3. S. 119-129.
- Zlatkin, 1964 – Zlatkin I.Ya. Istoriya Dzhungarskogo khanstva. M.: Nauka, 1964. 481 s.
- Kadyrbaev, 1982 – Kadyrbaev A.Sh. Ugury v imperii Chingis-khana i ego priemnikov. XIII-XIV vv. // Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XVII godichnaya sessiya LO IV AN SSSR. M., 1982.
- Kinayatuly, 2012 – Kinayatuly Z. Zhongar shapkyshlyktaryny kazak khalkyna ekelgey kasireti (XVII-XVIII ғасырлар) // Istoriya sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh kataklizmov: teoretiko-metodologicheskoe osmyslenie v ramkakh traditsionnykh Bekmakhanovskikh chtenii: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (6-7 aprelya 2012 g.). Almaty, 2012. S. 18-21.
- Kinayatuly, 2013 – Kinayatuly Z. Abylai khan zhongarlar yshin keide qaygymdylyk kadamdar zhasady // Аңыз адам. 2013. №21. S. 40-41.
- Kushnerik, 2008 – Kushnerik R.A. Diplomaticeskii etiket i poryadok priema poslov v Rossii XVII–XVIII vv. (na primere russko-dzhungarskikh otnoshenii) // Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noi Azii: istoriya i sovremennost'. Materialy nauchnoi konferentsii. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 432 s.
- Moiseev, 1991 – Moiseev V.A. Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII–XVIII vv.). Alma-Ata: Gylym, 1991. 238 s.
- Moiseev, 1994 – Moiseev V.A. Vzaimootnosheniya oiratov Dzhungarii i uigurov Vostochnogo Turkestana. XV–XVII vv. // Vostokovednye issledovaniya na Altae: Sb.st. / Pod red. V.A. Moiseeva. Barnaul: Izd. Altaisk. un-ta, 1994. 136 s.
- Moiseev, 1998 – Moiseev V.A. Rossiya i Dzhungarskoe khanstvo v XVIII v. (Ocherk vneshnepoliticheskikh otnoshenii). Barnaul: Izd-vo AGU, 1998. 175 s.
- Nepomnin, 2005 – Nepomnin O.E. Istoriya Kitaya: epokha Tsin. XVII – nachalo XX veka. M.: Vost. lit., 2005. 712 s.
- Nozdrina, 2007 – Nozdrina I.A. Kalmytskoe khanstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentral'noi Azii v XVIII veke: avtoref. dis. kand. istor. nauk. Tomsk, 2007.
- Russkie arkhivnye dokumenty, 1919 – Russkie arkhivnye dokumenty po snosheniyam" s" oiratami v" XVII-XVIII vv. V.L. Kotvicha (Predstavleno akademikom" S.Θ. Ol'denburgom" v" zasedanii Otdeleniya Istoricheskikh" Nauk" i Filologii 2 aprelya 1919 goda). III. – Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk". Petrograd. 1919. №12-15. S. 1199-1214.
- Bergholz, 1993 – Bergholz Fred W. (1993) The partition of the steppe: the struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for empire in Central Asia, 1619-1758: a study in power politics / New York: P. Lang. 522 p.
- Grousset R. (1952) The rise and splendour of the Chinese empire. London: Geoffrey Bles. 312 p.
- Grousset R. (1970) The empire of the steppes; a history of central Asia. Translated from the French by Naomi Walford. New Brunswick, N.J., Rutgers University Press. 687 p.

УДК 930(470):94(574) “16/17”

Некоторые вопросы современной российской историографии казахско-джунгарских отношений

Турганжан Тулебаев^{a,*}, Нургуль Курманалина^a, Нурзипа Алпысбаева^a

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. Взаимоотношение казахского народа с Джунгарским ханством в XVII- первой половине XVIII вв. являлось важным этапом развития казахской государственности. Казахское ханство имело особое место в развитии международных отношений центрально-азиатских стран. Историография данной проблематики очень широка. На протяжении многих лет этому вопросу свои работы посвящали многие исследователи постсоветских, западных, центрально-азиатских стран. Среди них особо выделяется российская историография своеобразной оценкой исследуемого нами вопроса.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tur-07@mail.ru (Т. Тулебаев), nurgulca@mail.ru (Н. Курманалина), nurzipakz@mail.ru (Н. Алпысбаева)

Российская историография казахско-джунгарских отношений развивалась, начиная с дореволюционного периода, и продолжается до сегодняшних дней. Казахские ученые советского периода также внесли свой вклад в исследовании международных отношений Центральной Азии XVII–XVIII вв. в русле требуемого методологического и идеологического направления. Однако на сегодняшний день в связи с суверенизацией и становлением независимыми государствами постсоветских стран, имеются некоторые дифференциации в направлениях российской и казахстанской общественной и гуманитарной наук. Сегодня наше общество, целенаправленно стремится заново осмыслить основные вехи пройденного пути, познать самого себя и определить свое новое место в современной действительности. Поэтому российские исследования по истории международных отношений особо актуальны для общественности.

В статье рассматриваются некоторые концепции современных российских ученых по вопросу казахско-джунгарских отношений.

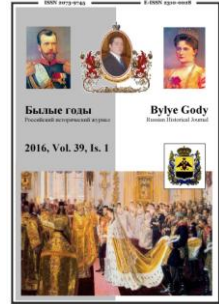
Ключевые слова: казахи, Джунгарское ханство, казахско-джунгарские отношения, российские исследователи, концепция; утверждение.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 261-281, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Confessions in Imperial Russia: analytical overview of historiography

Gregory L. Freeze ^{a, b, *}

^a Saint-Petersburg Institute of History, the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation

^b Brandeis University, Waltham, MA 02454, USA

Abstract

Scholarship on confessional history—the history of religious institutions, practices, and interaction—has undergone profound change, especially in the last quarter century. Although bibliographical resources are woefully inadequate, the change has been enormous, reflecting all four dimensions of “confessional history”: (1) institutional religion (and its servitors); (2) believers; (3) ethno-confessional interrelations; and (4) the state’s relationship to all of the foregoing. That massive accumulation, and of late more diversified and independent, makes possible a systematic analysis of the “confessional factor” in ethnic issues and the state’s response to them. It is essential, as all this literature demonstrates, to emphasize not only the diachronic (temporal) but also spatial (geographic) dimension, for the role of the religious factor varied sharply, not only for particular confessions, but also over time and space. The historiography has undergone a corresponding evolution, reflecting at once the dynamics and desiderata of Russian political history as well as the disciplinary evolution of scholarship on religion in the modern world. In the Russian case, this evolution falls into three main periods: pre-revolutionary, twentieth-century (Soviet), and post-Soviet, a periodization that applies for both Russian and foreign scholarship.

Keywords: Russian Empire, confessional policy, historiography.

Pre-revolutionary Historiography: An Uneven Legacy

There is no single, comprehensive bibliography on “religion in Russia,” but such works do exist for specific confessions. In the case of the Russian Orthodox Church, by far the most inclusive is the encyclopedic bibliographies (Smolitsch 1964, 1991). The online “Oxford Bibliographies” provide annotated, continually bibliographies for specific ethnic and national groups; the most valuable include “Jews,” “Islam in Central Asia,” “Islam in Russian,” and “Caucasus.” A full list of bibliographies (available by paid subscription only) (URL: <http://www.oxfordbibliographies.com/obo/page/subject-list> (accessed 15 September 2015)).

The eighteenth and nineteenth centuries represented a period of “institution-building”—not only for the state (administrative organs, system of law, civil service, and the like), but also for individual confessions, including the Russian Orthodox Church. By the mid-nineteenth century, the Orthodox Church had constructed a network of secondary schools (seminaries) and tertiary institutions (spiritual academies), with a lay and clerical faculty who constituted the principal source of historical scholarship on Russian Orthodoxy. At its peak, this system generated a plethora of dissertations and publications; whether published in the extended system of ecclesiastical journals or as self-standing monographs, that research focused overwhelmingly on the Church’s institutions and clergy (especially prominent hierarchs). Like its secular counterpart, Church scholarship relied initially on legal documents, but increasingly turned to archival materials—even to reconstruct the history and operation of institutions, such as the Synod or the office of the

* Corresponding author

E-mail addresses: freeze@brandeis.edu (G.L. Freeze)

chief procurator (*ober-prokuror*) Верховской 1916). By the late nineteenth century that elite scholarship found replication at the provincial level, as parish priests and seminary teachers zealously published documents, books, and articles (often in the diocesan gazette [*eparkhial'nye vedomosti*]) about their own diocese and seminary, and many became active, productive participants in provincial learned societies and serials. Although the volume of output grew exponentially, this scholarship remained very “confessional”—i.e., inclined to reflect and propagate the views and interest of the Church itself. This confessional scholarship was subject to an unrelenting ecclesiastical censorship that was that proved far more rigorous than state censorship and tended to impose a straight-jacket on provincial church scholarship (Freeze, 1983: 42-48, 131-132, 197-198, 215-216, 230-234, 336-340, 414-417). As a result, “church history” was precisely that—the history of the institutional Church, with little attention to its worldly role, to the role and impact on believers (let alone adherents of other confessions). Hence, the mass of Church scholarship concentrated narrowly on the Church and “official Orthodoxy,” tending to disparage “popular Orthodoxy” and to deride the baneful influence of superstition or (in areas, like the Western provinces) the proselytizing of other confessions (especially Roman Catholicism).

Significantly, secular scholarship on the Orthodox Church was remarkably thin. In part, that was due to the Russian university system, which lacked the theological faculties of European counterparts and therefore did not support a corps of lay church historians. Important too, no doubt, was the growing irreligious attitudes of the Russian educated elite, its secularity further reinforced by the commonplace European anticlericalism and by the view that the Russian Church was a mere “handmaiden” of autocracy (hence a barrier to “progress”) and in any case doomed to irrelevance by an inexorable “secularization.” (Bailey, 2001; Frede, 2011; Freeze, 1991). Even when interested in the history of Orthodoxy and the Church, secular scholars faced serious obstacles: apart from the menace of ecclesiastical censorship, lay scholars had difficulty gaining access to Church archives. As a result, scholarship on Russian Orthodoxy was massive but confessional created by the Church and devoted to the interests of its institutions and clergy (Freeze, 1986).

The pre-revolutionary historiography on other confessions was considerably more modest. The scholarship generated by state officials and, later, by the new discipline of ethnography did generate some research on non-Christians—Jews, Muslims, and Buddhists—but in relatively small quantity compared to that produced by the Russian Orthodox Church. Here, however, Lutheran and Catholic scholarship represent a significant exception, as scholars within and outside the Russian Empire produced substantial and sophisticated research. That was particularly evident for the Lutheran Church, especially with respect to the Baltic provinces; ecclesiastical and secular elites, along with peers in Germany itself, produced substantial works on their church, especially after the confrontation with St. Petersburg in the 1880s (Stael v. Holstein, 1901; Dalton, 1887, 1881, 1889). The Roman Catholic Church, regarded by Russian authorities as seditious and incendiary (and especially suspect because of the Polish rebellions of 1830-1831 and 1863), produced works to defend its interests and to challenge the official Russian representation of confessional history (Likowski, 1880).

Historiography in the Soviet Era

Soviet power not only disestablished the Church but interdicted its scholarship—not so much by repression as by the forcible closing of the Orthodox educational establishment and confiscation of the ecclesiastical press and publishing houses. The prerevolutionary flood of publications turned into a mere trickle and then disappeared entirely for nearly three decades. Although the regime itself published some works, these were predictably polemical and increasingly tendentious, determined to demonstrate the Church’s subservient role under tsarism and its own history of exploitation and repression (Кандидов, 1926, 1927, 1927b, 1928, 1928b, 1930). Even biased, antireligious publications largely disappeared after the “Great Turn” in religious policy in 1929, when the regime shifted from disestablishment to destruction, with its full-scale assault directed not only at the clergy but at lay believers as well. Coercion replaced suasion—and hence obviated the imperative for much antireligious propaganda about the Church’s tainted historical past (Кандидов, 1935; Эвенчик, 1939).

The seismic shift in religious policy in 1943, resulting in the reestablishment of the patriarchate and the reopening of churches and monasteries, also entailed a partial re-establishment of the ecclesiastical educational system, and that in turned enabled the Church to resume some research and a very modest level of publications (Борисов, 1973). In particular, the Leningrad and Moscow academies, despite police controls and scant resources, did generate some research and produce some dissertations for advanced degrees (Сапсай, 1959; Лозинский, 1969). The antireligious campaign of 1958-64 curtailed such activities, but in the last phase of Soviet rule the Church did produce occasional studies, but its publications concentrated on theological-liturgical, historical subjects (*Zhurnal moskovskoi patriarkhi, 1943-2016; Bogoslovskie Trudy, 1960-2016*).

In the post-Stalin era Soviet historiography continued to marginalize and ignore religious history: the mainline historical periodicals rarely published articles on religious history, even of an anticlerical and antireligious variety. Apart from scattered works aspiring to demonstrate the “counter-revolutionary” role of the Church, and sometimes giving attention to non-Russian and non-Orthodox peoples (Лисник, 1974; Лаурайтис, 1974; Солдаткин, 1974), most historians ignored Orthodoxy and the other confessions, partly because official secularist policy excluded the subject from the academic “plan,” but partly because secular

historians had neither sympathy nor understanding for a religious culture that “secularization” apparently predestined to extinction in any event (Религия и церковь, 1975). To be fair, however, the post-Stalin era did produce some substantive if biased work, chiefly on church-state collaboration and popular anticlericalism (Козлов, 1970; Кадсон, 1963, 1969, 1972, 1973, 1981; Емелях, 1965, 1975; Платонов, 1960; Зырянов, 1984). Only in the 1980s, especially with the onset of *perestroika*, did the quantity and objectivity palpably increase, with the first wave of dissertations and publications reflecting a new, emerging accommodation for the country’s religious institutions (Нечаев, 1988; Денисова, 1986; Фоминых, 1987; Фруменкова, 1986).

Even before *perestroika*, however, Soviet historiography showed far more interest and even sympathy with respect to Old Believers and sectarians. That sentiment had strong roots in the early Soviet period, when the new regime gave preferential treatment to Old Believers and sectarians—long-time adversaries and targets of tsarist repression (Müller, 1989). The re-emerging school of historical anthropology, gathered around A.I. Klibanov in Moscow (Huhn в печати), produced some significant scholarship on the sectarians, not only field research on the contemporary situation, but also historical studies (Клибанов, 1965; Балаева, 1971). Another highly productive center of scholarship was Novosibirsk, where N.N. Pokrovskii and his students produced a steady stream of high-quality research on Old Believers and, occasionally, on their adversary, the official Orthodox Church (Pokrovskii, 2009; Гурьянова, 1988; Байдин, 1983; Зольникова, 1981).

Far more expansive scholarship appeared outside the Soviet Union, especially on the Russian Orthodox Church. While some works date back to the Stalin era (most notably, John S. Curtiss’s monograph on the Church in late Imperial Russia) (Curtiss, 1940), the scholarship proliferated in the postwar decades, initially in the Federal Republic of Germany, later in the United States and elsewhere (Jockwig, 1971; Rouët de Journel, 1922). One striking, original theme was the autonomy and progressive engagement of the Church—in contrast to the negative descriptions prevailing in Soviet works (Cunningham, 1981). Although this scholarship initially relied solely on printed sources (Cracraft, 1971; Верховской, 1916) from the 1970s Western scholars began to tap unpublished materials in Soviet archives, producing the first wave of dissertations and monographs from the 1970s (Freeze, 1977, 1983). In many respects, however, much of this “new” research was not new: it tended to focus on institutions and the clergy, with relatively little attention to believers and religious practice, and in some cases drew heavily on prerevolutionary scholarship (Bissonnette, 1962; Kyriakos, 1985). Western scholars, like their Soviet counterparts, also displayed a particular interest in dissenters (especially Old Believers) (Hildermeier, 1990; Klippenstein, 1984), but produced far less on non-Christian confessions (Bennigsen, 1960; Glazik, 1954; Glazik, 1959; Zenkovsky, 1967). By far the most extensive research concerned the Lutheran Church, especially in the Baltics. Some of this work went beyond the traditional institutional history to address both the conversions of the 1840s as well as the confrontation of Lutheranism and the state in the 1880s (Amburger, 1961; Koch, 1929). The Jews also elicited growing attention in Western scholarship, which now sought to transcend the traditional “lachrymose” historiography (bemoaning oppression and purely negative) and began to portray a far more complex, protean interaction with the Russian state and society (Klier, 1986; Stanislawski, 1983; Zipperstein, 1985; Aronson, 1990; Rogger, 1986; Frankel, 1981; Hildermeier, 1984; Löwe, 1993, 1978).

It would not be unfair to say that, compared to any other Western country, the historiography on confessions in the Russian Empire—by the time the Soviet Union was dissolved in 1991—was extraordinarily deficient. For decades German, French, British, American, and other national historical schools had posed essential questions, collected mass data, and at the very least charted the patterns of development of religious institutions and (increasingly) quotidian religious practice in their own countries. Such was obviously not the case for “Holy Russia”—notwithstanding the Church’s institutional prominence or the extraordinarily high rates of religious observance by ordinary believers. Partly because of the Russian intelligentsia’s cultural secularity, partly because of the Soviet government’s conscious secularization and antireligious policies, by 1991 scholars had produced only the barest outlines of confessional history and the government’s attempts to manage the religious sphere in a multi-national, multi-confessional empire.

Post-1991: “The Religious Turn”

Although some antecedents can be found earlier (whether in Western scholarship or in some innovative works under *perestroika*), the radical shift and explosion of interest in confessional history came in the 1990s. Two factors help to account for a sudden interest and rapid increase in scholarly production. The first factor was most important inside the former Soviet Union: breakup of the USSR and elimination of the communist monopoly on power ended decades of antireligious policy and the downsizing of the ecclesiastical academia. On the one hand, post-Soviet authorities embarked on the famous “archival revolution” of the 1990s; despite persisting (even renewed) restrictions, historians gained access to previously closed materials in central and, more important, provincial archives (Фриз, 2007). That access enabled a less institutional approach, one driven less by what the chief procurator and Synod collected than by the richly anarchic collection of materials at the local level. Simultaneously, the Church not only reestablished its earlier system of seminaries and academies but also created new institutions, such as the Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii humanitarnyi universitet. Significantly, because the Russian government (as in prerevolutionary times) does not recognize “theology” as a scholarly (“scientific”) field, many would-be

theologians turn to history as the subject of dissertations, thereby conforming to the policies of the Vysshiaia attestatsionnaia komissiiia (pri Ministerstve Obrazovaniia) and significantly enhancing the volume of publications in church history.

The second factor has been important in Western scholarship: religion suddenly loomed much larger in significance. Initially, that was because of the “cultural turn” (valorizing a shift from institutional and social history to culture, including religion) and increasingly because of the critique of the long-prevalent “secularization” thesis. “Secularization,” once conceived as self-evident, ubiquitous and inevitable, has been the focus of theoretical and empirical criticism. Recent scholarship has largely rejected this paradigm (at least in its classic formulation) and, even where the data suggest a sharp decline in traditional institutional religion, has recalibrated the periodization and rate, emphasizing differentials over space, and recasting the analysis as transformation rather than disappearance of religiosity (Chaves, 1994; Clark, 2012; Gorski, 2008; Crockett, 2006; McLeod, 2003; McLeod, 2007; Morris, 2012; Nash, 2004; Pollack, 2009). Adumbrated by Max Weber and Emile Durkheim a century earlier, codified by Western sociologists in the 1960s (such as Peter Berger), the secularization thesis suddenly appeared vulnerable and just plain wrong. Berger himself publicly recanted his earlier work (*The Desecularization*, 1999), and the explosion of ethnic and confessional conflict in the 1990s led social scientists to appreciate anew the importance of religion—as in Samuel Huntington’s seminal thesis about the clash of civilizations (Huntington, 1996). All that seemed particular salient in the countries of post-Soviet space, with the surge of ethnic and confessional tensions both in the Russian Federation and in the “near abroad.” It was no longer difficult to demonstrate the *aktual’nost’* of a dissertation on some aspect of religious and confessional history, and the result has been a tremendous increase in the sheer volume and enormous variety of published works. Western scholars, whether inspired by the “religious turn” or sudden surge of funding and appointments for religious and ethnic minorities in former Soviet space, have also joined in the rush to produce an unprecedented volume of scholarship.

The new research on the Russian Orthodox Church has also led to a fundamental revision in the traditional stereotype of “handmaiden of the state”—popular among the prerevolutionary intelligentsia and the Soviet anti-religious propagandists. On the contrary, the clergy—high and low—demonstrated growing alienation from the state (Freeze, 1999). In fact, from the very outset, the Synodal system had generated frictions, and the tensions steadily increased over time, but especially from the mid-nineteenth century (Freeze, 1985). The government, despite its traditional ties to the Orthodox Church, showed a growing inclination toward *raison d’état*, preferring social stability to preservation of the Church’s privileges and perquisites. As the newer research demonstrates, that policy provoked growing discontent from Church authorities, who were increasingly concerned about signs of disbelief and dissent—as, for example, in the reported (and clearly under-reported) growth of the Old Belief and various sects. As recent scholarship has shown, relations grew increasingly tense under the imperious, intrusive chief procurator K.P. Pobedonostsev (Полунов, 1996), and only increased after his demise—partly because of the proclamation of freedom of conscience in 1905, partly because of the reputed (if exaggerated) influence of “dark forces” like Grigorii Rasputin-Novykh, but also because of state intrusion even into sacrosanct spheres like canonization (Бычков, 2002; Завьялова, 2005; Полунов, 2010). It is important, however, to recognize not only the state’s impact on the Church, but the contrary as well; A.A. Dorskaia and N. S. Nizhnik have stressed how the Church and canon law shaped state law and policy (Дорская, 2004, 2007; Нижник, 2006: 11-198).

As in Western scholarship, researchers have increasingly shifted the focus from central institutions to local history, recognizing the kaleidoscopic differences in religiosity, resources, and results among the various dioceses. That new research, both Russian and foreign, has produced some path-breaking diocesan studies, which survey a broad range of issues, draw on local archives, and provide a grass-roots perspective on the diversity of the Church. While still largely in form of dissertations, even those that are analytically shallow nonetheless bring into *nauchnyi oborot* valuable local data—on the Church regions and dioceses like Orenburg (Королева, 2007), Zabaikal’e (Анохина, 2000), Voronezh (Ерошов, 2007; Chulos, 2003), Simferopol (Катунин, 1994), Tambov (Лисюнин, 2006), Middle Volga (Мендюков, 2001), Vologda (Shevzov, 2004), Perm’ (Вяткин, 2005), Volyn’ (Жилюк, 1996), Iakutiia (Юрганова, 2003), Ufa (Абдулов, 2006), and Dal’nii Vostok (Курбатов, 2003). While that focus is still largely institutions, some scholars have also given attention to the parish (Freeze, 2001; Белоногова, 2010; Ключарева, 2009; Фриз, 2012) and to para-ecclesiastical organizations, especially the fraternities and charitable organizations that proliferated after the middle of the nineteenth century (Голованова, 2004; Цысь, 2003).

Significantly, however, recent scholarship has underscored the political “defection” of rank-and-file parish clergy. A number of monographs, such as the pioneering work of T. G. Leont’eva, have shown the development of a liberal sentiment among the parish clergy, and that in turned fueled their social engagement in the final decades of the ancient regime (Леонтьева, 2002; Herrlinger, 2007; Scarborough, 2012). That attitude shaped widespread clerical support for the “liberation movement” and their radicalism in 1905-7 (and again in the first months of 1917) (Freeze, 2014b; Pisiotis, 2000). Parish clergy also demonstrated a growing determination to “serve the people” if not the tsar (Freeze, 1988, 1989; Зубанова, 2002; Скутнев, 2005, 2012). The Church laid particular emphasis on education, which became increasingly important in the socialization of youth and combatting problems like “hooliganism” and unbelief. Although secular educators were wont to disparage parish schools, some recent studies (Веденский, 2003; Житнев,

2004; Козлов, 2004; Мудролюбова, 2006; Наумова, 2002; Осипов, 2002; Фидченко, 2003; Шуклина, 2005) have given a much less negative picture and help to explain why most believers so adamantly defended them after the Soviet decree “on the separation of Church from state and the Church from the School” in January 1918.

While most post-Soviet scholarship has focused on the Church and clergy, it has begun to give more attention to the main dynamo of religious history—the believers. While that quotient remains relatively small, attention to “everyday Orthodoxy” is essential: while state policy and Church engagement are important, the most important—and determining element—is the response and behavior of rank-and-file believers. That has long been the principal focus of Western scholarship, where the paradigms of “individuation” and “privatization” have provided central elements in the reassessment and reconceptualization of religious history. Whatever the dynamics of “state-church” relations, ultimately what mattered most was the religiosity and attitudes of rank-and-file believers (Freeze, 2014, 2004; Барабаш, 2006; Никифорова, 2006; Смилянская, 2004).

Scholars have also given much more attention to “new believers”—converts won through the Church’s “inner mission” working to proselytize among other faiths and convert the “other” to Orthodoxy. Aaron Michaelson’s dissertation surveys the Russian Orthodox Missionary Society from its founding in 1870 to 1917, showing motives, resources, and results of this “religious and educational enterprise” (Michaelson, 1999). The substantial volume by Aleksandr Kravetskii similarly provides a comprehensive account of the inner mission to the various confessions outside the Church (Кравецкий, 2012). That work accompanies specialize studies on particular areas and specific confessions (Михайлова, 2010; Князева, 2000; Исааков, 2008; Курляндский, 2002) on the activities of Orthodox fraternities (*bratstva*) (Гажва, 2008; Носова, 2006; Johnson, 2005), on the role of missions in buttressing state authority and integration of new territories (Kozelsky, 2010), and on missions to specific confessional populations (Гусейнова, 2004; Далецкая, 2004; Камзина, 2004; Морохов, 2004).

While most post-Soviet scholarship has focused on the Russian Orthodox Church, some historians have examined the problem of confessional history more broadly. Some of that new scholarship has focused specifically on the state and its confessional policy. Heinz-Dietrich Löwe published one of the first generalizing works, drawing on his own research on Jews and offering a comparative study that also included Catholic Poles and Muslim Tatars (Löwe, 2000). Ralph Tuchtenhagen’s monograph compares state policy in the late Imperial period toward all the various confessional minorities, showing where—in the wake of the manifesto on religious tolerance of 1905—the state acted to continue or to stall further accommodations (Tuchtenhagen, 1995). Some attention has been given to the intellectual history of the confessional question, such as the evolution in the meaning of “freedom of conscience” (Werth, 2012; Пинкевич, 2000; Полунов, 2012; Сафонов, 2007; Шингарева, 2006). Several monographs and collections examine different aspects of state confessional policy, leading to a better appreciation for the complexity and heterogeneity of the “confessional question” and the state’s differentiated response (La Religion de l’Autre, 2009; Of Religion and Empire, 2001; Кадырметова, 2004; Леонтьева, 2012). The most systematic treatment of religious policy for the entire imperial period is the monograph by Paul Werth, who examines the state’s interaction with the non-Orthodox populations from the late eighteenth century to 1914. It traces the state policy in the first half of the nineteenth century, as the state sought to institutionalize and regulate the various other confessions, from Buddhism to Catholicism. This work shows how state policy demonstrated growing anxiety from the 1860s, its tendency to see religious fervor as political, and its inability to resolve the dilemma between maintaining the privileges of the Orthodox Church and establishing real freedom of conscience for other confessions (Werth, 2014; Лиценбергер, 2005).

The confessional question, however, has elicited particularly intense interest with respect to the western provinces and Ukraine — not only because of their geopolitical importance, but also because of the fusion of confessional and national identities. Irina Vibe’s study examines state confessional policy in the prereform era (Вибе, 2009), Robert Blobaum investigates the interconnection of Catholicism and Polish nationalism (Blobaum, 1990), Mikhail Dolbilov and Darius Staliunas examined proposals in the Russian government to unify Catholicism and Orthodoxy (Долбилов, 2010), and Dolbilov published a monumental study of interconfessional conflict and policy in the western provinces (Долбилов, 2010b). Of particular importance is the research by Ricarda Vulpius, who has analyzed the critical interrelationship between Ukrainian identity and religion and developed a broader conception about the “sacralization of the national” (Himka, 2001; Vulpius, 2005, 2001).

The German Evangelical-Lutheran Church has also been the subject of continuous attention. Most attention has been directed at the Baltics, where the German Lutheran dominance faced growing challenges both from the indigenous minorities and from the Russian Church and state (Freeze, 2004b). Daniel Ryan’s doctoral dissertation provides a systematic, archivally based reexamination of the conversion issue from the initial wave of non-Germans embracing Orthodoxy to the protracted conflict over the following three decades (Ryan, 2008). Building on the wealth of prerevolutionary publicistics and other sources (primarily German), recent historians have examined the general thrust of policy under the influence of K.P. Pobedonostsev (Polunov, 2001), and Karen Weber has produced a close study of the controversial decision to prosecute and then punish or deport Lutheran Pastors (Weber, 2013).

Post-Soviet scholarship has also given considerable attention to other segments of the Christian population — Old Believers and sectarians. Research on the latter has shed light on the growing number of protesant-like sectarian movements (Breyfogle, 2005; Coleman, 2005; Urry, 1995, 1989; Zhuk, 2005; Никольская, 2009) as well as more radical groups like the notorious *skoptsy* and little-known nineteenth-century “Judaizers” (Engelstein, 1999). Far more attention has been given to the Old Belief, particularly to state and church policy toward Old Believers, whether at the national level (Апанасенко, 2004; Виноградов, 2008; Ершова, 1994, 1999; Кочергина, 2008; Обухович, 2008; Порватова, 2003; Рыжонюк, 2009; Селезнев, 2008; Стороженко, 2004), or in specialized studies of particular regions (Ершова, 2000; Машковцева, 2002; Морохин, 2005; Суслова, 2002). But some scholarship focused more specifically on the Old Belief itself—its organization, teachings, leadership, and even rank-and-file adherents. For example, O.V. Iagudina explores the development of the Old Belief among the Ural and Orenburg Cossack units (Ягудина, 2005), N.V. Prokofeva draws on local sources to describe the Old Belief in the Upper Volga (Прокофьева, 2001) (showing the complicated relations with local authorities), and A.A. Vinogradov examines Old Belief in Simbirsk (Виноградов, 2008). Other works have reconsidered the dynamics behind the growth in the number, influence, and economy of Old Believers—as in the studies by R.O. Crummey (Crummey, 2011), R.R. Robson (Robson, 1995), and A.V. Pyzhikov (Пыжиков, 2013). Important too is the interdisciplinary research of Irina Paert (with a focus on gender as well as the role of spiritual elders) (Paert, 2003, 2010) and the historical anthropology of Douglas Rogers (Rogers, 2009). Some attention as well has been given to *edinoverie*, the religious transitional zone seeking to entice Old Believers back to the Church by according some recognition and tolerance of their traditional ritual and praxis (White, 2014; Павлова, 2007).

Post-Soviet scholarship has also given more attention to the non-Christian populations. Russian scholars have produced some substantial contributions both on the Jews and on policy toward them (Комолятова, 2009), but still more extensive is the research published abroad. Apart from general overviews (Фельдман, 2005), specialized studies have explored the phenomenon of Jewish conversion (Avrutin, 2006; Endelman, 1997; Schainker, 2010) the impact of military conscription (Petrovsky-Shtern, 2009), the Jewish role in late imperial cultural life (Veidlinger, 2009), the impact of state documentation on Jewish identity (Avrutin, 2010), the Jewish role in the revolution of 1905-07 (The Revolution of 1905, 2008), the emerging public discourse about the “Jewish Question” (Gassenschmidt, 1995; Klier, 1995; Lederhendler, 1989; Миндлин, 2014), the composition and identity of Jewish communities in St. Petersburg (Nathans, 2002) and in the western borderlands (Corrsin, 1989; F. Guesnet, 1997, 1998; Meir, 2010; Weeks, 2006), and the problem of antisemitism and pogroms (Anti-Jewish Violence, 2011; Klier, 2011). ChaeRan Y. Freeze has moved from the traditional political and cultural spheres to explore issues of marriage and gender as well as the dynamics of everyday life; contrary to traditional historiography, she demonstrates that the state not only increased its interaction with the Jewish population but played a progressive role, especially in adjudicating matters of spousal relations and defending the interests of Jewish women (Freeze, 2002). For an interpretive compendium of documents emphasizing the Jewish quotidian, see (Everyday Jewish Life, 2013).

The Islamic population—amidst all the ethnic conflicts of the post-Cold War era—has predictably been the subject of considerable historical research (Yemelianova, 2002). Apart from isolated studies of earlier phases of Muslim history in Russia (Макаров, 2000; Сатушиева, 2012) much more substantial and innovative research pertains to the status and development of Islam, especially in the late imperial period. In addition to the publication of key primary sources (Арапов, 2006, 2001), historians have produced a number of general overviews, regional studies, and specialized monographs (Bobrovnikov, 2006; Campbell, 2007; Арапов, 2004; Идрисов, 1997; Карпенкова, 2004; Мультигули, 2013; Сатушиева, 2012; Ямаева, 2002). Robert Crews, emulating the Freeze thesis with respect to Jews, argues that the state actually sought not to repress but to recruit Muslims as loyal, productive citizens, and to do that endeavored to rule through, not against, existing Muslim social and political hierarchies (Crews, 2006). Kh.M. Abdullin has focused on a specific sphere of military service (Абдуллин, 2009), and Allen Frank has charted the growing connection between Islamic religious schools and thinkers in Russia and Bukhara (Frank, 2012). Historians have given particular attention to Islam in the last decades of tsarism, when powerful nationalist and confessional identities emerged as the driving forces of popular movements. D.A. Amanzholova’s and Christian Noack’s studies of the nationalist movement among Tatars and Bashkir analyze the interplay of state policy, internal social and cultural development of Islam, and the influence of exogenous pan-Islamic movements (Noack, 2000; Аманжолова, 1995). Other historians have also given particular attention to Islam in Kazan, especially the interaction with the state (Azade-Ayshe, 1986; Geraci, 2001; Naganawa, 2007; Голубкина, 2005); the Caucasus has also elicited some attention, especially the interaction between the central state and the Caucasus Muslims (Mostashari, 2006, Zelkina, 2000). Another focus has been the plight of converts, with their problematic relationship to Russian authorities (state and ecclesiastical) as well as their former co-religionists (Kefeli-Clay, 2001, Taimasov, 2007).

Buddhism, although numerically limited, was nonetheless of considerable interest to the state—and historians—because of the geopolitical implications in Asia. Although Soviet historiography essentially abandoned prerevolutionary Buddhology (Ермакова, 1998), in recent decades scholars have resumed the interrupted research. That new research, which resumed in the late Soviet era (Ламаизм в Бурятии, 1983), has led to a growing body of studies, with particular attention to state policy. Bazar Tsybenov has shed new

light on the spread of Buddhism and interaction with the state, showing how transnational, geopolitical considerations figured heavily in shaping the government's response to the new and growing confession (Баяртуева, 2007; Цыбенков, 2001).

In conclusion, this overview of historiography shows that research has been substantial, draws increasingly on archival documents, and has become increasingly diversified (giving attention not only to the Orthodox Church that serves approximately three-quarters of the population, but to other confessions as well. While that published research is immense, it is still deficient in several respects: most of it is spatially, temporally, or thematically narrow, rarely offering broader conclusions based on theory and comparative analysis. It does, however, provide the essential components for an integrated analysis, one that charts not only state intentionality and institutional development, but also the interaction of state, institutions, and believers, with the task being to see how those three agents interacted in this important confessional sphere.

Acknowledgements

This research was supported by grant N 15-18-00119 from Russian Science Foundation.

Литература

- Amburger, 1961 - *Amburger E.* Geschichte des Protestantismus in Rußland. Stuttgart: Evangelisches Verlag, 1961. 210 p.
- Anti-Jewish Violence, 2011 - *Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History / Dekel-Chen J. et al. (eds.).* Bloomington: Indiana University Press, 2011. 220 p.
- Aronson, 1990 - *Aronson I.M.* Troubled Waters: The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1990. 286 p.
- Avrutin, 2006 - *Avrutin E.M.* Returning to Judaism after the 1905 Law on Religious Freedom in Tsarist Russia // *Slavic Review.* 2006. Vol. 65. P. 90-110.
- Avrutin, 2010 - *Avrutin E.* Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2010. 216 p.
- Azade-Ayshe, 1986 - *Azade-Ayshe R.* The Volga Tatars: A Profile of National Resilience. Stanford, 1986.
- Bailey, 2001 - *Bailey H.L.* Ernest Renan's Life of Jesus and the Orthodox Struggle against the Dechristianization of Christ in Russia, 1863-1917. Ph.D. diss. University of Minnesota. 2001. 285 p.
- Bennigsen, 1960 - *Bennigsen A. and Quelquejay C.* Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie. 2 vols. Paris: Mouton, 1960.
- Bibliography, 1995 - *Bibliography of Islamic Central Asia: in 3 vols. / Yu. Bregel (ed.).* Bloomington: Indiana University Press, 1995.
- Bissonnette, 1962 - *Bissonnette G.* Pufendorf and the Church Reforms of Peter the Great. Ph.D. diss. Columbia University, 1962. 347 p.
- Blobaum, 1990 - *Blobaum R.* Toleration and Ethno-Religious Strife: The Struggle between Catholics and Orthodox Christians in the Chełm Region of Russian Poland, 1906-1906 // *Polish Review.* 1990. Vol. 35. P. 111-124.
- Bobrovnikov, 2006 - *Bobrovnikov B.V.* Islam in the Russian Empire // *The Cambridge History of Russia / D. Lieven (ed.).* Vol. 2. Cambridge, 2006. P. 202-223.
- Breyfogle, 2005 - *Breyfogle N.B.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 347 p.
- Brumanis, 1968 - *Brumanis A.A.* Aux origines de la hierarchie latine au Russie. Mgr. Stanislav Siestrzencewicz-Bohusz, premier archeveque metropolitaine de Mohilev 1731-1826. Louvain: Publications universitaires de Louvain, 1968. 387 p.
- Campbell, 2007 - *Campbell E.* The Muslim Question in Late Imperial Russia // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930 / J. Burbank, M. von Hagen, and Anatolyi Remnev (eds.).* Bloomington: Indiana University Press, 2007. P. 320-347.
- Chaves, 1994 - *Chaves M.* Secularization as Declining Religious Authority // *Social Forces.* 1994. Vol. 72. P. 749-774.
- Chulos, 2003 - *Chulos C.J.* Converging Worlds: Religion and Community in Peasant Russia, 1861-1917. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 201p.
- Clark, 2012 - *Clark J.C.D.* Secularization and Modernization: The Failure of a 'Grand Narrative' // *The Historical Journal.* 2012. Vol. 55. P. 161-191.
- Coleman, 2005 - *Coleman H.* Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905-1929. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 304 p.
- Corrsin, 1989 - *Corrsin S.D.* Warsaw before the First World War: Poles and Jews in the Third City of the Russian Empire, 1880-1914. Boulder: East European Monographs, 1989. 183p.
- Cracraft, 1971 - *Cracraft J.* The Church Reform of Peter the Great. Stanford: Stanford University Press, 1971. 336 p.
- Crews, 2006 - *Crews R.D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 463 p.

- Crockett, 2006 - *Crockett A., Voas D.* Generations of Decline: Religious Change in Twentieth-Century Britain // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2006. Vol. 45. P. 567-584.
- Crummey, 2011 - *Crummey R.O.* Old Believers in a Changing World. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011. 267 p.
- Cunningham, 1981 - *Cunningham J.W.* A Vanquished Hope. The Movement for Church Renewal in Russia, 1905-1906. Tuckahoe: St. Vladimir's Seminary Press, 1981. 384 p.
- Curtiss, 1940 - *Curtiss J.S.* Church and State in Russia. The Last Years of the Empire, 1900-1917. New York, 1940. 442 p.
- Dalton, 1881 - *Dalton H.* Evangelische Strömungen in der russischen Kirche der Gegenwart. Heilbronn: [n.p.], 1881.
- Dalton, 1887 - *Dalton H.* Verfassungsgeschichte der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Rußland. Gotha: F. A. Perthes, 1887. 344 S.
- Dalton, 1889 - *Dalton H.* Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Rußland. Gotha: F. A. Perthes, 1887-1889.
- Endelman, 1997 - *Endelman T.M.* Jewish Converts in Nineteenth-Century Warsaw: A Quantitative Analysis // *Jewish Social Studies*. 1997. Vol. 4. P. 28-59.
- Engelstein, 1999 - *Engelstein L.* Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 283 p.
- Everyday Jewish Life 2013 - *Everyday Jewish Life in Imperial Russia / Freeze C.Y., Harris, J. (eds.)*. Waltham: Brandeis University Press, 2013. 635 p.
- Fox, 2004 - *Fox J.* The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945-2001 // *Journal of Peace Research*. 2004. Vol. 41. P. 715-31.
- Fox, 2012 - *Fox J.* The Religious Wave: Religion and Domestic Conflict from 1960 to 2009 // *Civil Wars*. 2012. Vol. 14. P. 141-58.
- Frank, 2012 - *Frank A.J.* Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. Leiden: Brill, 2012. 215 p.
- Frankel, 1981 - *Frankel F.* Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and Russian Jews, 1882-1917. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 686 p.
- Frede, 2011 - *Frede V.* Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia. Madison: University of Wisconsin Press, 2011. 313 p.
- Freeze, 1977 - *Freeze G.L.* The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge: Harvard University Press, 1977. 325 p.
- Freeze, 1983 - *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.
- Freeze, 1985 - *Freeze G.L.* Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered // *Journal of Ecclesiastical History*. 1985. Vol. 36. P. 82-102.
- Freeze, 1986 - *Freeze G.L.* Church and Religion in Russian Historiography: The Case of V.O. Kliuchevskii // *Canadian-American Slavic Studies*, 1986. Vol. 20. P. 399-416.
- Freeze, 1988 - *Freeze G.L.* A Social Mission for Russian Orthodoxy: The Kazan Requiem of 1861 / M. Shatz, E. Mendelsohn // *Imperial Russia, 1700-1917: State, Society, Opposition*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1988. P. 115-135.
- Freeze, 1989 - *Freeze G.L.* The Orthodox Church and Serfdom in Prereform Russia // *Slavic Review*, 1989. Vol. 48. P. 361-387.
- Freeze, 1991 - *Freeze G.L.* 'Going to the Intelligentsia': The Church and Its Urban Mission in Post-Reform Russia // *Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / J. West et al. (eds.)*. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 215-32.
- Freeze, 1999 - *Freeze G.L.* Church and Politics in Late Imperial Russia: Crisis and Radicalization of the Orthodox Clergy // *Russia under the Last Tsar: Opposition and Subversion, 1894-1917 / A. Geifman (ed.)*. Oxford: Blackwell, 1999. P. 269-297.
- Freeze, 2001 - *Freeze G.L.* All Power to the Parish? The Problem and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia // *Social Identities in Revolutionary Russia / M. Palat (ed.)*. London: Palegrave, 2001. P. 174-208.
- Freeze, 2004 - *Freeze G.L.* A Pious Folk? Religious Observance in Vladimir Diocese, 1900-1914 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2004. Bd. 52. P. 323-340.
- Freeze, 2004b - *Freeze G.L.* Lutheranism and Orthodoxy in Russia: A Critical Reassessment // *Luther zwischen Kulturen / H. Medick (ed.)*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. S. 297-317.
- Freeze, 2004 - *Freeze G.L.* Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia // *Theology, Culture, Education*. 2004. Vol. 9. No. 2. P. 234-274.
- Freeze, 2012 - *Freeze G.L.* All Power to the Parishes: The Revival of Orthodox in the 1920s // *State and Church*. 2012. No. 3/4. P. 86-105.
- Freeze, 2014 - *Freeze G.L.* Dechristianization in Holy Rus'? Reports from Vladimir Diocese on Popular Piety, 1900-1913 // *Faith and Story: Orthodox Narratives in Imperial Russia / H. Coleman (ed.)*. Bloomington: Indiana University Press, 2014. P. 208-228.

- Freeze, 2014b - *Freeze G.L.* Priests and Revolution: The Parish Clergy of Vladimir in 1905 // Rethinking the Russian Revolution of 1905: The Russian Revolution of 1905 in Transcultural Perspective: Identities, Peripheries, and the Flow of Ideas / F. von Weikersthal et al. (eds.). Bloomington, 2014. P. 19-38.
- Freeze, 2002 - *Freeze C.Y.* Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia. Hanover: New England University Press, 2002. 399 p.
- Gassenschmidt, 1995 - *Gassenschmidt C.* Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia. New York: New York University Press, 1995. 244 p.
- Geraci, 2001 - *Geraci R.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca: Ithaca University Press, 2001. 389 p.
- Glazik, 1954 - *Glazik J.* Die russisch-orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Großen. Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1954. 270 p.
- Glazik, 1959 - *Glazik S.* Die Islammission der russisch-orthodoxen Kirche. Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1959. 192 p.
- Gorski, 2008 - *Gorski P., Altinordu A.* After Secularization? // Annual Review of Sociology. 2008. Vol. 34. P. 55-85.
- Guesnet, 1997 - *Guesnet F.* Lodzer Juden im 19. Jahrhundert: Ihr Ort in einer multikulturellen Stadtgesellschaft. Leipzig: Simon-Dubnow-Institut für Jüdische Geschichte und Kultur, 1997. 35 p.
- Guesnet, 1998 - *Guesnet F.* Polnische Juden im 19. Jahrhundert. Köln: Böhlau, 1998. 494 p.
- Herrlinger, 2007 - *Herrlinger P.* Working Souls: Russian Orthodoxy and Factory labor in St. Petersburg, 1881-1917. Bloomington: Slavica, 2007. 290 p.
- Hildermeier, 1984 - *Hildermeier M.* Die jüdische Frage im Zarenreich: Zum Problem der unterbliebenen Emanzipation // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1984. Bd. 32. S. 321-357.
- Hildermeier, 1990 - *Hildermeier M.* Der alte Glaube und neue Welt: Zur Sozialgeschichte des Raskol im 18. und 19. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1990. Bd. 38. S. 372-98, 504-525.
- Himka, 2001 - *Himka J.P.* The Place of Religion in the Ukrainian National Revival // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. Bd. 49. S. 89-99.
- Huhn в печати, - *Huhn U.* Die Wiedergeburt der Ethnologie aus dem Geist des Atheismus: Zur Erforschung des zeitgenössischen Sektierertums im Rahmen von Chrusčevs antireligiöser Kampagne // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (в печати).
- Huntington, 1996 - *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. 367 p.
- Jockwig, 1971 - *Jockwig F.* Kirche und Staatsduma. Zur politischen Aktivität der Russisch-Orthodoxen Kirche am Vorabend der Revolution / // Wegzeichen. Festgabe zum 60. Geburtstag von Prof. Dr. H.H. Biedermann / H.G. Biedermann, E.C. Stuttner. Würzburg: Augustinus-Verlag, 1971. S. 437-50.
- Johnson, 2005 - *Johnson M.* Imperial Commission or Orthodox Mission: Nikolai Il'minskii's Work among the Tatars of Kazan, 1862-1891. Ph.D. diss. University of Illinois at Chicago. 2005. 336 p.
- Judge, 1992 - *Judge E.* Easter in Kishinev: Anatomy of a Pogrom. New York: New York University Press, 1992. 186 p.
- Kahle, 1959 - *Kahle W.* Die Begegnung des baltischen Protestantismus mit der russisch-orthodoxen Kirche. Leiden: Brill, 1959. 295 p.
- Kefeli-Clay, 2001 - *Kefeli-Clay A.* Krashen Apostasy: Popular Religion, Education, and the Contest over Tatar Identity (1856-1917). Ph.D. diss. Arizona State University, 2001. 437 p.
- Klier, 1986 - *Klier J.D.* Russia Gathers Her Jews: The Origins of the "Jewish Question" in Russia, 1772-1825. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1986. 236 p.
- Klier, 1995 - *Klier J.D.* Imperial Russia's Jewish Question, 1855-1881. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 534 p.
- Klier, 2011 - *Klier J.D.* Russians, Jews, and the Pogroms of 1881-1882. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 492 p.
- Klippenstein, 1984 - *Klippenstein L.* Mennonite Pacifism and State Service in Russia: A Case Study in Church-State Relations 1789-1936. Ph.D. diss. University of Minnesota, 1984. 418 p.
- Koch, 1929 - *Koch H.* Die russische Orthodoxie im petrinschen Zeitalter. Ein Beitrag zur Geschichte weltlicher Einflüsse auf das ostslavische Denken. Breslau: Priebatsch's Buchhandlung, 1929. 191 p.
- Kozelsky, 2010 - *Kozelsky M.* Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010. 270 p.
- Kyriakos, 1985 - *Kyriakos S.* The Church and the Emancipation of Serfs in Russia 1857-1861. Ph.D. diss. Yale University 1985. 415 p.
- La Religion de l'Autre, 2009 - *La Religion de l'Autre: Réactions et interactions entre religions dans le monde russe / D. Savelli (ed.).* Toulouse: Université de Toulouse, 2009. 526 p.
- Lederhendler, 1989 - *Lederhendler E.* The Road to Modern Jewish Politics: Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community of Tsarist Russia. New York: Oxford University Press, 1989. 240 p.
- Likowski, 1880 - *Likowski E.* Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku. Poznan: W Poznaniu, Nakł. Jaroslawa Leitgebra, 1880. 495 s.

- Löwe, 1978 - *Löwe H.* Antisemitismus und Reaktionäre Utopie: Russischer Konservatismus in Kampf gegen den Wandel von Staat und Gesellschaft, 1890-1917. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1978. 303 p.
- Löwe, 1993 - *Löwe H.* The Tsars and the Jews: Reform, Reaction, and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772-1917. Chur: Harwood Academic Publishers, 1993. 455p.
- Löwe, 2000 - *Löwe H.* Poles, Jews, and Tartars: Religion, Ethnicity, and Social Structure in Tsarist Nationality Policies // *Jewish Social Studies*. 2000. Vol. 6. P. 52-96.
- Marsden, 2015 - *Marsden T.* The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia. Bibikov's System for the Old Believers, 1841-1855. Oxford, 2015. 280 p.
- McLeod, 2003 - *McLeod H., Ustorf W.* The Decline of Christendom in Western Europe, 1750-2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 234 p.
- McLeod, 2007 - *McLeod H.* The Religious Crisis of the 1960s. Oxford: Oxford University Press, 2007. 290 p.
- Meir, 2010 - *Meir N.M.* Kiev: Jewish Metropolis: A History, 1859-1914. Bloomington: Indiana University Press, 2010. 403 p.
- Michaelson, 1999 - *Michaelson A.N.* The Russian Orthodox Missionary Society, 1870-1917. Ph.D. diss. University of Minnesota, 1999. 392 p.
- Morris, 2012 - *Morris J.* Secularization and Religious Experience: Arguments in the Historiography of Modern British Religion // *The Historical Journal*. 2012. Vol.55. P. 195-219.
- Mostashari, 2006 - *Mostashari F.* On the Religious Frontier: Tsarist Russia and Islam in the Caucasus. New York: I.B. Tauris, 2006. 203 p.
- Müller, 1989 - *Müller E.* Die frühe bolschewistische Sektenpolitik // *Tausend Jahre Russische Kirche / R. Kluge, H. Setze*. Tübingen: Attempto, 1989. S. 197-218.
- Naganawa, 2007 - *Naganawa N.* Islam and Empire Observed: Muslims in the Volga-Ural Region after the 1905 Revolution // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / K. Matsuzato* (ed.). Sapporo: Hokkaido University, 2007. P. 68-84.
- Nash, 2004 - *Nash D.* Reconnecting Religion with Social and Cultural History: Secularization's Failure as a Master Narrative // *Cultural and Social History*. 2004. Vol. 1. P. 302-325.
- Nathans, 2002 - *Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 2002. 424 p.
- Noack, 2000 - *Noack C.* Muslimischer Nationalismus im russischen Reich: Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861-1917. Stuttgart: F. Steiner Verlag, 2000. 614 S.
- Of Religion and Empire, 2001- *Of Religion and Empire / R. Geraci, M. Khodarkovsky* (eds.). Ithaca: Cornell University Press, 2001. 356 p.
- Paert, 2003 - *Paert I.* Old Believers, Religious Dissent, and Gender in Russia, 1760-1850. Manchester: Manchester University Press, 2003. 257 p.
- Paert, 2010 - *Paert I.* Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy. DeKalb: Northern University Press, 2010. 286 p.
- Petrovsky-Shtern, 2009 - *Petrovsky-Shtern I.* Jews in the Russian Army, 1827-1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 307 p.
- Pisiotis, 2000 - *Pisiotis A.K.* Orthodoxy versus Autocracy: The Orthodox Church and Clerical Political Dissent in Late Imperial Russia, 1905-1914. Ph.D. diss. Georgetown University, 2000.
- Pokrovskii, 2009 - *Pokrovskii N.N.* Trends in Studying the History of Old Belief among Russian Scholars // *Russia's Dissident Old Believers 1650-1950 / G. Michyels, R. Nichols* (eds.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. P. 17-38.
- Pollack, 2009 - *Pollack D.* Rückkehr des Religiösen? Studien zum religiösen Wandel in Deutschland und Europa. Tübingen: Attempto, 2009. 367 S.
- Polunov, 2001 - *Polunov A.Ju.* The Orthodox Church in the Baltic region and the Policies of Alexander III's Government // *Russian Studies in History*. 2001. Vol. 39. P. 66-76.
- Robson, 1995 - *Robson R.R.* Old Believers in Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995. 188 p.
- Rogers, 2009 - *Rogers D.* The Old Faith and the Russian Land: A Historical Ethnography of Ethics in the Urals. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 338 p.
- Rogger, 1986 - *Rogger H.* Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 1986. 289 p.
- Rorlich, 1986 - *Rorlich A.* The Volga Tatars: A Profile of National Resilience. Stanford: Stanford University Press, 1986. 288 p.
- Rouët de Journel, 1922 - *Rouët de Journel M.J.* Compagnie de Jésus en Russie. Un collège de jésuites a Saint Petersburg. Paris: Perrin. 1922. 322 p.
- Ryan, 2008 - *Ryan D.C.* The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics, and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic Periphery, 1845-1870s. Ph.D. diss., University of California at Los Angeles. 2008. 384 p.
- Scarborough, 2012 - *Scarborough D.* The White Priest at Work: Orthodox Pastoral Activism and the Public Sphere in Late Imperial Russia. Ph.D. diss., Georgetown University, 2012. 329 p.

- Schainker, 2010 - Schainker E. *Imperial Hybrids: Russian-Jewish Converts in the Nineteenth Century*. Ph.D. diss. University of Pennsylvania, 2010. 336 p.
- Schnabel, 2015 - Schnabel, A., Grötsch, F. *Das religiöse Argument in Europa—Zum Erklärungskomplex von Religion und nationalen Identitäten in Europa // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2015. Bd. 67. S. 1-25.
- Shevzov, 2004 - Shevzov V. *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. New York: Oxford University Press, 2004. 358 p.
- Smith, 2000 - Smith A.D. *The 'Sacred' Dimension of Nationalism // Millennium: Journal of International Studies*. 2000. Vol. 29. P. 791-814
- Smith, 2003 - Smith A.D. *Chosen Peoples*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 330 p.
- Smolitsch, 1964 - Smolitsch I. *Geschichte der russischen Kirche*. Vol. 1. Leiden: E.J. Brill, 1964. 734 p.
- Smolitsch, 1991 - Smolitsch I. *Geschichte der russischen Kirche*. Vol. 2. Leiden: E.J. Brill, 1991. 536 p.
- Stael v. Holstein, 1901 - Stael v. Holstein R.B. *Zur Geschichte des Kirchengesetzes vom Jahre 1832 // Baltische Monatsschrift*. 1901. Bd. 52. S. 126-176.
- Stanislawski, 1983 - Stanislawski M. *Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825-1855*. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1983. 246 p.
- Taimasov, 2007 - Taimasov L. *From 'Kazan's Newly Converted' to 'Orthodox Inorodtsy': The Historical Stages of the Affirmation of Christianity in the Middle Volga Region // Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire // K. Matsuzato*. Sapporo: Hokkaido University, 2007. P. 111-138.
- The Desecularization, 1999 - *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / P. Berger (ed.)*. Grand Rapids: W.B. Eerdmans Pub. Co., 1999. 135 p.
- The Revolution of 1905, 2008 - *The Revolution of 1905 and Russia's Jews / S. Hoffman, E. Mendelsohn (eds.)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 320 p.
- Tuchtenhagen, 1995 - Tuchtenhagen R. *Religion als minderer Status*. Frankfurt: P. Lange, 1995. 350 s.
- Urry, 1989 - Urry J. *None but Saints: The Transformation of Mennonite Life in Russia, 1789-1889*. Winnipeg: Hyperion Press, 1989. 328 p.
- Urry, 1995 - Urry J. *The Mennonites in Russia and the Soviet Union // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen*. 1995. Bd. 5. S. 129-145.
- Veidlinger, 2009 - Veidlinger J. *Jewish Public Culture in the Late Russian Empire*. Bloomington: Indiana University Press, 2009. 382 p.
- Vulpus, 2001 - Vulpus R. *Ukrainische Nation und zwei Konfessionen. Der Klerus und die ukrainische Frage, 1861-1921 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. Bd. 49. S. 240-256.
- Vulpus, 2005 - Vulpus R. *Nationalisierung der Religion: Russifizierungspolitik und Ukrainische Nationalbildung, 1860-1920*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. 475 S.
- Vulpus, 2006 - Vulpus R. *Der Kirchenkampf in der Ukraine als Beispiel für Sakralisierung der Nation und Nationalisierung der Religion (1917-1921) // Nationalisierung der Religion und Sakralisierung der Nation im östlichen Europa / M. Schulze Wessel. (Hrsg.)*. Stuttgart: F. Steiner Verlag, 2006. S. 101-118.
- Weber, 2013 - Weber K. *Religion and Law in the Russian Empire: Lutheran Pastors on Trial, 1860-1917*. Ph.D. diss., New York University, 2013. 398 p.
- Weeks, 2006 - Weeks T.R. *From Assimilation to Antisemitism: The Jewish Question in Poland, 1850-1914*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006. 242 p.
- Werth, 2012 - Werth P. *The Emergence of 'Freedom of Conscience' in Imperial Russia // Kritika*. 2012. Vol. 13. P. 585-610.
- Werth, 2014 - Werth P. *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 288 p.
- White, 2014 - White J.M. *A Bridge to the Schism: Edinoverie, Russian Orthodoxy, and the Ritual Formation of Confessions, 1800-1918*. Ph.D. diss. Florence, 2014. 373 p.
- Yemelianova, 2002 - Yemelianova G.M. *Russia and Islam: A Historical Survey*. New York: Palegrave, 2002. 243 p.
- Zelkina, 2000 - Zelkina Z. *In Quest for God and Freedom: The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus*. New York: New York University Press, 2000. 265 p.
- Zenkovsky, 1967 - Zenkovsky S.A. *Pan-Turkism and Islam in Russia*. 3rd ed. Cambridge: Harvard University Press, 1967. 345 p.
- Zhuk, 2005 - Zhuk S. *Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830-1917*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. 457 p.
- Zipperstein, 1985 - Zipperstein S. *The Jews of Odessa: A Cultural History*. Stanford: Stanford University Press, 1985. 212 p.
- Абдуллин, 2009 - Абдуллин Х. М. *Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи: сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 148 с.
- Абдулов, 2006 - Абдулов Н.Т. *Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: 1917-1991: дис. ... канд. ист. наук*. Уфа, 2006. 303 с.

- Аманжолова, 1995 - Аманжолова Д. А. Мусульманское движение в России в начале XX века // Религия, церковь в России и за рубежом. 1995. №6. С. 39-47.
- Андреева, 2006 – *Андреева Ю.С.* Деятельность Русской православной церкви по духовному воспитанию населения Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 256 с.
- Анохина, 2000 – *Анохина М. В.* История русской православной церкви в Забайкалье (17-20 в.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 192 с.
- Апанасенок, 2004 - *Апанасенок А.В.* Старообрядчество Курской губернии в конце XIX–начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. 201 с.
- Арапов, 2001 - *Арапов Д.Ю.* Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. М.: Академкнига. 2001. 366 с.
- Арапов, 2004 - *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М.: МПГУ, 2004. 287 с.
- Арапов, 2006 - *Арапов Д.Ю.* Императорская Россия и мусульманский мир. М.: Наталис, 2006. 479 с.
- Байдин, 1983 – *Байдин В.И.* Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII – середина XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983. 194 с.
- Балаева, 1971 – *Балаева Н.М.* История религиозного сектантства на Дальнем востоке СССР (1859-1936): дис. ... докт. ист. наук. М., 1971. 596 с.
- Барабаш, 2006 – *Барабаш М.Н.* Религиозное сознание православного населения в Ярославской и Костромской губерниях (вторая половина XIX - начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2006. 205 с.
- Баяртуева, 2007 - *Баяртуева Д.Л.* Творческое и духовное наследие буддийского деятеля Лубсан-Самдана Цыденова: дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2007. 150 с.
- Белоногова, 2010 – *Белоногова Ю.Н.* Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М.: ПСТГУ, 2010. 175 с.
- Борисов, 1973 - *Борисов А.* Из духовного наследия преподобного Серафима Саровского, всея России чудотворца // Журнал московского патриархата. 1973. № 9. С. 71-79.
- Бычков, 2002 – *Бычков С.С.* Православная российская церковь и императорская власть, 1900 - 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 390 с.
- Веденский, 2003 - *Веденский Е.С.* Деятельность Русской православной церкви в области начального народного образования во второй половине XIX - начале XX вв. (По материалам Ярославской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2003. 314 с.
- Верховской, 1916 - *Верховской П.В.* Учреждение духовной коллегии и духовный регламент: в 2 т. Пг: Типография Киришбаума, 1916.
- Вибе, 2009 - *Вибе И.Н.* Вероисповедная политика самодержавия в Западном крае (1830–1855): дис. ... канд. ист. н. СПб, 2009. 231 с.
- Виноградов, 2008 – *Виноградов А.А.* Старообрядцы симбирско-ульяновского Поволжья середины XIX – первой трети XX вв. (основные черты хозяйства, материальной культуры, быта и семьи): дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2008. 259 с.
- Вяткин, 2005 - *Вяткин В.В.* История Пермской епархии в XIX - нач. XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005. 316 с.
- Гажва, 2008 - *Гажва И.А.* Религиозно-просветительская деятельность православных братств Центральной Росс во второй половине XIX - начале XX вв. (на материалах Владимирской и костромской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 179 с.
- Голованова, 2004 - *Голованова М.А.* История православных приходов и духовного сословия Верхнеудинска (конец XVII - начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 211 с.
- Голубкина, 2005 - *Голубкина Т.М.* Самодержавие и мусульмане Среднего Поволжья в конце XIX в. - 1917 г. (по материалам Казанской, Самарской, Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2005. 207 с.
- Гурьянова, 1988 – *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимоноархический протест старообрядческой в эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. 186 с.
- Гусейнова, 2004 - *Гусейнова Т.Н.* Миссионерская деятельность русской православной церкви среди старообрядцев в Забайкалье (18 - начало 19 вв.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 249 с.
- Далецкая, 2004 – *Далецкая В.Ю.* Политика российского государства и церкви в отношении сектантов в XVIII-XIX веках: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 222 р.
- Денисова, 1986 - *Денисова Е.В.* Дифференциация социальной позиции духовенства в годы первой русской революции как отражение кризиса идеологии русского православия: дис. ... канд. филос. наук. Л, 1986. 170 с.
- Долбилов, 2010 - Долбилов М., Сталюнас Д. Обратная Уния. Из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи. 1840-1873 Вильнюс: Leidykla. 2010. 276 с.
- Долдидлов, 2010b - *Долдидлов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛО, 2010. 999 с.

- Дорская 2004 - *Дорская А. А.* Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 227 с.
- Дорская, 2007 - *Дорская А. А.* Влияние церковноправовых норм на развитие отраслей российского права. СПб.: Астерион, 2007. 158 с.
- Емелях 1965 - *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение в период первой русской революции. М.: Наука, 1965. 199 с.
- Емелях, 1975 - *Емелях Л.И.* Исторические предпосылки преодоления религии в советской деревне: Секуляризация деревни накануне Великого Октября. Л.: Б. и., 1975. 152 с.
- Ермакова, 1998 - *Ермакова Т.В.* Буддийский мир глазами российских исследователей XIX - первой трети XX в. (Россия и сопредельные страны). СПб.: Наука, 1998. 340 с.
- Ерошов, 2007 - *Ерошов Б. А.* Церковь в русской провинции в XIX в. (на материалах Воронежской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. 186 с.
- Ершова, 1994 - *Ершова О.П.* Стаообрядчество Москвы и Московской губернии в середине XIX в. // *Стаоробрядчество. История, традиции, современность.* 1994. №1. С. 71-78.
- Ершова, 1999 - *Ершов О.П.* Старообрядчество и власть. М.: Уникум-Центр, 1999. 203 с.
- Ершова, 2000 - *Ершова О. П.* Старообрядчество и государственная политика России в области вероисповедания во второй половине XIX - начале XX вв.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. 350 с.
- Жилюк, 1996 - *Жилюк С.И.* Русская православная церковь на Волыни (1793-1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Житомир, 1996. 174 с.
- Житнев, 2004 - *Житнев Т.Е.* Церковноприходские школы в России 1884-1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 301 с.
- Завьялова, 2005 - *Завьялова Е.В.* История православной канонизации россиян в начале XX столетия: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. 239 с.
- Зольникова, 1981 - *Зольникова Н.Д.* Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1981. 183 с.
- Зубанова, 2002 - *Зубанова С.Г.* Социальное служение Русской Православной Церкви в XIX веке: дис. ... докт. ист.н. М., 2002. 408 с.
- Зырянов, 1984 - *Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.
- Идрисов, 1997 - *Идрисов У.Ю.* Из истории нижегородских мусульманских общин в XIX - 30-х годах XX века Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. 182 с.
- Исхаков, 2008 - *Исхаков Р.Р.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в отношении мусульман Среднего Поволжья в XIX - нач. XX вв. (1800-1917 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2008. 292 с.
- Кадсон, 1963 - *Кадсон И.З.* Крестьянская война 1773—1775 гг. в России и церковь. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1963. 21 с.
- Кадсон, 1969 - *Кадсон И.З.* Антицерковная борьба народных масс в России в трудах советских историков // *Вопросы истории.* 1969. №3. С. 151-157.
- Кадсон, 1972 - *Кадсон И.З.* Отношение рабочих различных регионов к религии и церкви // *Рабочие России в эпоху капитализма.* Ростов н/Д: Ростовский государственный университет, 1972. С. 208-219.
- Кадсон, 1973 - *Кадсон И.З.* О положении в Русской православной церкви в последние годы существования царизма // *Атеизм, религия, современность.* Л., 1973. С. 66-87
- Кадсон, 1981 - *Кадсон И.З.* Депутаты из духовенства в III Государственной думе // *Исторические записки.* 1981. №106. С. 302-322.
- Кадырметова, 2004 - *Кадырметова Н.Н.* Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX веке по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 200 с.
- Камзина, 2004 - *Камзина А.Д.* Старообрядчество как объект миссионерской деятельности Русской православной церкви в Оренбургской епархии (1859—1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. 203 с.
- Кандидов, 1926 - *Кандидов В.П.* Церковь и 1905 г. М.: Атеист, 1926. 123 с.
- Кандидов 1927 - *Кандидов В.П.* Антисемитизм и православие // *Антирелигиозник.* 1927. № 4. С. 23-38.
- Кандидов, 1927b - *Кандидов В.П.* Обогащение Дома Романовых. М.: Безбожник, 1927. 63 с.
- Кандидов, 1928 - *Кандидов В.П.* Религия в царской армии. М.: Безбожник, 1928. 92 с.
- Кандидов, 1928b - *Кандидов В.П.* Крестом и нагайкой. М.: Безбожник, 1928. 39 с.
- Кандидов, 1930 - *Кандидов В.П.* Церковно-белогвардейский собор в Ставрополе в мае 1919. Материалы по вопросу об организации церковной контрреволюции в годы Гражданской войны. М.: Московский рабочий, 1930. 94 с.
- Кандидов, 1935 - *Кандидов В.П.* Религиозная контрреволюция и антирелигиозное движение в 1905-1906 гг. // *Антирелигиозник.* 1935. № 6. С. 26-34.
- Карпенкова, 2004 - *Карпенкова Т.В.* Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (Вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.): дис... докт. ист. наук. М., 2004. 402 с.

- Катунин, 1994 - *Катунин Ю.А.* История Таврической и Симферопольской епархии (Вторая половина XIX - начало XX века): дис. ... канд. ист. наук. Запорожье, 1994. 186 с.
- Клибанов, 1965 - *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России 60-е гг. XIX в. — 1917 г. М.: Наука, 1965. 345 с.
- Ключарева, 2009 - *Ключарева А.В.* Жизнедеятельность православного прихода в русской провинции в 1881–1917 гг. (по материалам Тульской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2009. 303 с.
- Князева, 2000 – *Князева О.Р.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в 1905 - 1917 гг. (на примере епархий Пермской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000. 217 с.
- Козлов, 1970 - *Козлов О.Ф.* Церковная реформа первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. 32 с.
- Козлов, 2004 – *Козлов К.В.* Политика Русской Православной церкви в области образования и ее реализация в деятельности епархий Центрального Черноземья. 1884-1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2004. 249 с.
- Комолятова, 2009 - *Комолятова А.Н.* Этноконфессиональная политика Российской империи в отношении еврейского населения XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2009. 219 с.
- Королева, 2007 - *Королева Е.Д.* Церковно-общественная жизнь православного населения Оренбургской губернии во второй половине XIX - начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007. 186 с.
- Кочергина, 2008 - *Кочергина М.В.* Старообрядчество юго-запада России (1760-1860 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. 276 с.
- Кравецкий, 2012 - *Кравецкий А.* Церковная миссия в эпоху перемен. Между проповедью и диалогом. М.: Духовная библиотека, 2012. 712 с.
- Курбатов, 2003 – *Курбатов О.А.* Книжный магазин: 'Русская православная церковь на Дальнем Востоке: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 261с.
- Курляндский, 2002 - *Курляндский, И.А.* Иннокентий (Вениаминов) – митрополит московский и коломенский. Москва: ИРИ РАН, 2002. 330 с.
- Ламаизм в Бурятии, 1983 - *Ламаизм в Бурятии. XVIII – начало XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Г.Р. Галданова, К.М. Герасимова, Д.Б. Дашиев (ред.).* Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.
- Лаурайтис, 1974 – *Лаурайтис В.А.* Католическая церковь в Литве в 1905-1907 гг. и борьба против нее революционных социал-демократов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1974. 27 с.
- Леонтьева, 2002 – *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX - начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 266 с.
- Леонтьева, 2012 – *Леонтьева О.В.* Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии// Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8. С. 27-46.
- Лисник, 1974 – *Лисник В.А.* Идеологическая борьба и клерикализм в Молдавии в начале XX в.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Кишинев, 1974. 28 с.
- Лисюнин, 2006 - *Лисюнин В.Ф.* Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX - начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 283 с.
- Лиценбергер, 2005 – *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII - начало XX вв.): дис. ... д. ист. н. Саратов, 2005. 488с.
- Лозинский, 1969 - *Марк (Лозинский),* иеромонах. Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия (Брянчанинова): магист. дис. М., 1969.
- Макаров, 2000 - *Макаров Д. М.* Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья во второй половине XVI – XVIII в. Чебоксары: Чувашский го. университет, 2000. 272 с.
- Машковцева, 2002 – *Машковцева В.В.* Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Вятской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002. 254 с.
- Мендюков, 2001 – *Мендюков А.В.* Русская православная церковь в Среднем Поволжье в 1894-1917 годах: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001. 209 с.
- Миндлин, 2014 - *Миндлин А.Б.* Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб.: Алтейя, 2014. 487 с.
- Михайлова, 2010 - *Михайлова Е.Д.* Миссионерская и религиозно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Центральной России в конце XIX - начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2010. 185 с.
- Морохин, 2005 - *Морохин А. В.* - Взаимоотношения старообрядчества и Русской Православной Церкви в Нижегородской епархии (1672-1762 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Н.Новгород, 2005. 201 с.
- Морохов, 2004 – *Морохов А.В.* Организационно-педагогические основы религиозно-воспитательной деятельности православных миссионерских обществ Среднего Поволжья в конце XIX

- начале XX века : На материалах Симбирской и Казанской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 184 с.
- Мудролюбова, 2006 - *Мудролюбова С.В.* Роль русской православной церкви в развитии образования в российской провинции (на примере Вятской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2006. 194 с.
- Мультиатули, 2013 - *Мультиатули П. В.* Император Николай II и мусульмане. М.: РИСИ, 2013. 54 с.
- Наумова, 2002 - *Наумова Н. Н.* Церковноприходские школы и школы грамоты Восточной Сибири в 1884-1917 гг. (на материалах Иркутской и Енисейской епархий): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 287 с.
- Нечаев, 1988 - *Нечаев М.Г.* Контрреволюционная деятельность церкви в период подготовки проведения Великой Октябрьской Социалистической революции и Гражданской войны на Урале (1917-1919): дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988. 198 с.
- Нижник, 2006 - *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
- Никифорова, 2006 - *Никифорова О.Н.* Религиозность сельского православного населения Оренбургской епархии во второй половине XIX - начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 237 с.
- Никольская, 2009 - *Никольская Т.Н.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 годах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2009. 356 с.
- Носова, 2006 - *Носова Т.А.* Православные братства Вологодской епархии в конце XIX - начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. 205 с.
- Обухович, 2008 - *Обухович С.А.* Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX — начала XX в вклад в экономику и культуру края: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 259 с.
- Осипов, 2002 - *Осипов О.В.* Церковно-приходские школы Оренбургской епархии (1864-1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 250 с.
- Павлова, 2007 - *Павлова О.А.* Единоверие в контексте правительственной церковной политики России в XVIII-начало XX в. Канд. дисс. Нижний Новгород, 2007. 237 с.
- Пинкевич, 2000 - *Пинкевич В.К.* Вероисповедные реформы в России в начале XX века, 1903 - февраль 1917 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. 318 с.
- Платонов, 1960 - *Платонов Н.Ф.* Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900-1917) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. Т.4. С. 103—210.
- Полунов, 1996 - *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996. 141 с.
- Полунов, 2010 - *Полунов А. Ю. К. П.* Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010. 374 с.
- Полунов, 2012 - *Полунов А.Ю.* Понятия «свобода совести» и «веротерпимость» в общественно-политическом дискурсе России конца XIX – начала XX в. // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода: в 2 т. / Д. Сдвижков, И. Шарле (ред.). М.: НЛЮ, 2012. Т. 1. С. 369-373. С. 369-373.
- Порватова, 2003 - *Порватова С.В.* Законопроект о старообрядческих общинах в Государственной Думе 1906-1917 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. История. 2003. №1. С. 120-138.
- Прокофьева, 2001 - *Прокофьева Н.В.* Старообрядчество Верхнего Поволжья в конце XVIII-начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 342 с.
- Пыжиков, 2013 - *Пыжиков А.В.* Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013. 646 с.
- Религия и церковь, 1975 - Религия и церковь в истории России (Советские историки о православной церкви) / А.М. Сахаров, М.М. Грекулов (ред.). М.: Мысль, 1975. 255 с.
- Рыжонков, 2009 - *Рыжонков Н.Ф.* Старообрядчество Поморья и северо-востока России в конце XVII начале XXI веков: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 277 с.
- Сапсай, 1959 - *Сапсай Н.* Предсоборное присутствие 1906 г. М.: МДА, 1959 (на правах рукописи).
- Сатушиева, 2012 - *Сатушиева Л.Х.* Формирование правового режима включения мусульман в состав Российской империи (по нормативным актам XVIII в.) // История государства и права. 2012. №2. С.8-16.
- Сафонов, 2007 - *Сафонов А.А.* Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. Тамбов: Изд-во Першина, 2007. 367с.
- Селезнев, 2008 - *Селезнев Ф.А.* Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905-1914) // Вестник Нижегородского университета. 2008. №1. С. 130-140.
- Скутнев, 2005 - *Скутнев А.В.* Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г. (на материалах Вятской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2005. 271 с.
- Скутнев, 2012 - *Скутнев А.В.* Православное духовенство на закате империи. СПб., 2012.

- Смилянская, 2004 - *Смилянская Е.В.* Суеверие и народное религиозное вольнодумство в России XVIII в.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. 386 с.
- Солдаткин, 1974 - *Солдаткин М.П.* Политика русского царизма по христианизации мордвы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. 25 с.
- Стороженко, 2004 - *Стороженко А. А.* Старообрядчество Тувы во второй половине XIX - первой четверти XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Кызыл, 2004. 195 р.
- Сулова, 2002 - *Сулова Л. Н.* Старообрядчество и власти в Тобольской губернии в конце XVIII - начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. 294 с.
- Фельдман, 2005 - *Фельдман Д.З.* Страницы истории евреев России XVIII-XIX веков: Опыт архивного исследования. М.: Древлехранилище, 2005. 420 с.
- Фидченко, 2003 - *Фидченко О.В.* Влияние государственно-церковных отношений на развитие народного образования в России 1880 - 1905 гг. (на примере Московского учебного округа): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 305 с.
- Фоминых, 1987 - *Фоминых Е.В.* Проекты церковных преобразований в России в начале XX в.: автореф. ... канд. ист. наук. Л. 1987. 16 с.
- Фриз, 2007 - *Фриз Г.* Открывая заново православное прошлое: микроисторический подход к религиозной практике в России периода // *Нестор №11. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография / Б.Н. Миронов (сост., научн. ред.). СПб.: Нестор история, 2007. С. 369-395.*
- Фриз, 2012 - *Фриз Г.* Вся власть приходам: возрождение православия в 1920-е годы // *Государство и церковь. 2012. №3-4. С. 85-105.*
- Фруменкова, 1986 - *Фруменкова Т.Г.* Православная церковь и классовая борьба в России в период кризиса крепостничества (30 - 50-е гг. XIX века): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 18 с.
- Хижая, 2007 - *Хижая Т.Н.* Движение иудействующих в России (XVIII - начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2007. 243 с.
- Цыбенков, 2001 - *Цыбенков Б.Д.* Распространение буддизма среди хори-бурят: ХУ111—начало XX): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ. 2001. 169 с.
- Цысь, 2003 - *Цысь О.П.* Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX-начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. 283 с.
- Шингарева, 2006 - *Шингарева Н.В.* Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX в. - феврале 1917 г. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 178 с.
- Шуклина, 2005 - *Шуклина Л.А.* Культурно-просветительская деятельность русской православной церкви в конце XIX - начале XX вв. (по материалам Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. 227 с.
- Эвенчик, 1939 - *Эвенчик С.Л.* Реакционная деятельность Победоносцева в 80-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1939. 106 с.
- Юрганова, 2003 - *Юрганова И.И.* Якутская духовная консистория: История становления и деятельности, 1870 - 1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2003. 236 с.
- Ягудина, 2005 - *Ягудина О.В.* Старообрядчество Уральского и Оренбургского казачьих войск в период с 1851-1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2005. 253 с.
- Ямаева, 2002 - *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа: Гилем, 2002. 300 с.

References

- Abdullin Kh.M. *Musul'mane i musul'manskoe dukhovenstvo v voennom vedomstve Rossiyskoy imperii: sbornik zakonodatel'nykh aktov, normativno-pravovykh dokumentov i materialov.* Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2009 [In Russian].
- Abdulov N.T. *Ufimskaya eparkhiya v sisteme gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy 1917-1991:* dis. ... канд. ист. наук. Ufa, 2006 [In Russian].
- Amanzholova D.A. *Musul'manskoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka // Religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom.* 1995. №6 [In Russian].
- Andreeva Yu.S. *Deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi po dukhovnomu vospitaniyu naseleniya Orenburgskoy eparkhii vo vtoroy polovi ne XIX - nachale XX vv.:* dis. ... канд. ист. наук. Chelyabinsk, 2006 [In Russian].
- Anokhina 2000 - *Anokhina M. V. Istoriya russkoy pravoslavnoy tserkvi v Zabaykal'e (17-20 vv.):* dis. ... канд. ист. наук. Ulan-Ude, 2000 [In Russian].
- Apanesenok A.V. *Staroobryadchestvo Kurskoy gubernii v kontse XIX-nachale XX v.:* dis. ... канд. ист. наук. Kursk, 2004 [In Russian].
- Arapov D.Yu. *Imperatorskaya Rossiya i musul'manskiy mir.* Moscow: Natalis, 2006 [In Russian].
- Arapov D.Yu. *Islam v Rossiyskoy imperii. Zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika.* Moscow: Akademkniga, 2001 [In Russian].
- Arapov D.Yu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII - nachalo XX vv.).* Moscow: MPGU, 2004 [In Russian].

- Balaeva N.M. *Istoriya religioznogo sektantstva na Dal'nem vostoke SSSR (1859-1936)*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1971 [In Russian].
- Barabash M.N. *Religioznoe soznanie pravoslavnogo naseleniya v Yaroslavskoy i Kostromskoy guberniyakh (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.)*: dis. ... kand. ist. nauk. Yaroslavl', 2006 [In Russian].
- Bayartueva D.L. *Tvorcheskoe i dukhovnoe nasledie buddiyskogo deyatelya Lubsan-Samdana Tsydenova*. dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2007 [In Russian].
- Baydin V.I. *Staroobryadchestvo Urala i samodержavie. Konets XVIII – seredina XIX vv.*: dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 1983 [In Russian].
- Belonogova Yu.N. *Prihodskoe dukhovenstvo Moskovskoy eparkhii i krest'yanskiy mir v nachale XX veka. (po materialam Moskovskoy eparkhii)*. Moscow: PSTGU, 2010 [In Russian].
- Borisov A. *Iz dukhovnogo naslediya prepodobnogo Serafima Sarovskogo, vseya Rossii chudotvortsya // Zhurnal moskovskogo patriarkhata*. 1973. № 9 [In Russian].
- Bychkov S.S. *Pravoslavnaya rossiyskaya tserkov' i imperatorskaya vlast', 1900 - 1917 gg.*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2002 [In Russian].
- Daletskaya V.Yu. *Politika rossiyskogo gosudarstva i tserkvi v otnoshenii sektantov v XVIII-XIX vekakh*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2004 [In Russian].
- Denisova E.V. *Differentsiatsiya sotsial'noy pozitsii dukhovenstva v gody pervoy russkoy revolyutsii kak otrazhenie krizisa ideologii russkogo pravoslaviya*: dis. ... kand. filos. nauk. L, 1986 [In Russian].
- Dolbilov M., Stalyunas D. *Obratnaya Uniya. Iz istorii otnosheniy mezhdu katolitsizmom i pravoslavniem v Rossiyskoy imperii. 1840-1873*. Vil'nyus: Leidykla. 2010 [In Russian].
- Dolbilov M.D. *Russkiy kray, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow: NLO, 2010 [In Russian].
- Dorskaya A. A. *Gosudarstvennoe i tserkovnoe pravo Rossiyskoy imperii: problemy vzaimodeystviya i vzaimovliyaniya*. St.-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2004 [In Russian].
- Dorskaya A. A. *Vliyanie tserkovno-pravovykh norm na razvitie otrasley rossiyskogo prava*. St. Petersburg: Asterion, 2007 [In Russian].
- Emelyakh L. I. *Antiklerikal'noe dvizhenie v period pervoy russkoy revolyutsii*. Moscow: Nauka, 1965 [In Russian].
- Emelyakh L.I. *Istoricheskie predposylki preodoleniya religii v sovetskoj derevne: Sekulyarizatsiya derevni nakanune Velikogo Oktyabrya*. Leningrad: B.i., 1975 [In Russian].
- Ermakova T.V. *Buddiyskiy mir glazami rossiyskikh issledovateley XIX - pervoy trety XX v. (Rossiya i sopredel'nye strany)*. St.-Peterburg: Nauka, 1998 [In Russian].
- Ershov B. A. *Tserkov' v russkoy provintsii v XIX v. (na materialakh Voronezhskoy gubernii)*: dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2007 [In Russian].
- Ershov O.P. *Staroobryadchestvo i vlast'*. Moscow: Unikum-Tsent, 1999 [In Russian].
- Ershova O. P. *Staroobryadchestvo i gosudarstvennaya politika Rossii v oblasti veroispovedaniya vo vtoroy polovine XIX - nachale XX vv.*: dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 2000 [In Russian].
- Ershova O.P. *Staroobryadchestvo Moskvy i Moskovskoy gubernii v seredine XIX v. // Staroobryadchestvo. Istoriya, traditsii, sovremennost'*. 1994. №1 [In Russian].
- Evenchik S.L. *Reaktsionnaya deyatel'nost' Pobedonostseva v 80-kh gg. XIX v.*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1939 [In Russian].
- Fel'daukman D.Z. *Stranitsy istorii evreev Rossii XVIII-XIX vekov: Opyt arkhivnogo issledovaniya*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2005 [In Russian].
- Fidchenko O.V. *Vliyanie gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy na razvitie narodnogo obrazovaniya v Rossii 1880 – 1905 gg. (na primere Moskovskogo uchebnogo okruga)*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2003 [In Russian].
- Fominykh E.V. *Proekty tserkovnykh preobrazovaniy v Rossii v nachale XX v.*: dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1987 [In Russian].
- Friz G. *Otkryvaya zanovo pravoslavnoe proshloe: mikroistoricheskiy podkhod k religioznoy praktike v Rossii perioda // Nestor №11. Smena paradig: sovremennaya russia. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya / B.N. Mironov (sost., nauchn. red.)*. St.-Peterburg: Nestor istoriya, 2007 [In Russian].
- Friz G. *Vsya vlast' prihodam: vozrozhdenie pravoslaviya v 1920-e gody // Gosudarstvo i tserkov'*. 2012. №3-4 [In Russian].
- Frumenkova T.G. *Pravoslavnaya tserkov' i klassovaya bor'ba v Rossii v period krizisa krepostnichestva (30 – 50-e gg. XIX veka)*: dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1986 [In Russian].
- Gazhva I.A. *Religiozno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' pravoslavnykh bratstv Tsentral'noy Rossii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX vv. (na materialakh Vladimirskoy i kostromskoy gubernii)*. Dis. ... kand. ist. nauk. Ivanovo, 2008 [In Russian].
- Golovanova M.A. *Istoriya pravoslavnykh prihodov i dukhovnogo sosloviya Verkhneudinska (konets XVII – nachalo XX vv.)*: dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2004 [In Russian].
- Golubkina T.M. *Samoderzhavie i musul'mane Srednego Povolzh'ya v kontse XIX v. - 1917 g. (po materialam Kazanskoy, Samarskoy, Simbirskoy gubernii)*: dis. ... kand. ist. nauk. Vladimir, 2005 [In Russian].

- Gur'yanova N.S. *Krest'yanskiy antimonarkhicheskiy protest staroobryadcheskoy v eskhatologicheskoy literature perioda pozdnego feodalizma*. Novosibirsk: Nauka, 1988 [In Russian].
- Guseynova T.N. *Missionerskaya deyatel'nost' russkoy pravoslavnoy tserkvi sredi staroobryadtsev v Zabaykal'e (18 - nachalo 19 vv.)*: dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2004 [In Russian].
- Idrisov U.Yu. *Iz istorii nizhegorodskikh musul'manskikh obshchin v XIX 30-kh godakh XX veka*. N.Novgorod: Izd-vo NNGU, 1997 [In Russian].
- Iskhakov R.R. *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v otnoshenii musul'man Srednego Povolzh'ya v XIX - nach. XX vv. (1800-1917 gg.)*: dis. ... kand. istor. nauk. Kazan', 2008 [In Russian].
- Kadson I. 3. *Krest'yanskaya vojna 1773—1775 gg. v Rossii i tserkov'*: diss. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1963 [In Russian].
- Kadson I.Z. Antitserkovanya bor'ba narodnykh mass v Rossii v trudakh sovetskikh istorikov // *Voprosy istorii*. 1969. №3. S.151-157.
- Kadson I.Z. Deputaty iz dukhovenstva v III Gosudarstvennoy dume // *Istoricheskie zapiski*. 1981. №106 [In Russian].
- Kadson I.Z. O polozhenii v Russkoy pravoslavnoy tserkvi v poslednie gody sushchestvaniya tsarizma // *Ateizm, religiya, sovremennost'*. Leningrad, 1973 [In Russian].
- Kadson I.Z. *Otnoshenie rabochikh razlichnykh regionov k religii i tserkvi // Rabochie Rossii v epokhu kapitalizma*. Rostov n/D: Rostovskiy gosudarstvennyy universitet, 1972 [In Russian].
- Kadyrmetova N.N. *Etnokonfessional'naya politika rossiyskogo pravitel'stva v XIX veke po otnosheniyu k nerusskim narodam Srednego Povolzh'ya: istoriko-politicheskiy analiz*: dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 2004 [In Russian].
- Kamzina A.D. *Staroobryadchestvo kak ob'ekt missionerskoy deyatel'nosti Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Orenburgskoy eparkhii (1859—1917 gg.)*: dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2004 [In Russian].
- Kandidov B.P. Religioznaya kontrrevolyutsiya i antireligioznoe dvizhenie v 1905-1906 gg. // *Antireligioznik*. 1935. № 6 [In Russian].
- Kandidov V.P. Antisemitizm i pravoslavie // *Antireligioznik*. 1927. №4 [In Russian].
- Kandidov V.P. *Krestom i nagaykoy*. Moscow: Bezbozhnik, 1928 [In Russian].
- Kandidov V.P. *Obogotvorenije Doma Romanovykh*. Moscow: Bezbozhnik, 1927 [In Russian].
- Kandidov V.P. *Religiya v tsarskoy armii*. Moscow: Bezbozhnik, 1928 [In Russian].
- Kandidov V.P. *Tserkov' i 1905 g.* M: Ateist, 1926 [In Russian].
- Kandidov V.P. *Tserkovno-belogvardeyskiy sobor v Stavropole v mae 1919. Materialy po voprosu ob organizatsii tserkovnoy kontrrevolyutsii v gody Grazhdanskoj vojny*. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1930 [In Russian].
- Karpenkova T.V. *Politika samodержaviya v otnoshenii musul'manskogo naseleniya Rossii (Vtoraya polovina XIX v. – fevral' 1917 g.)*: dis... dokt. ist. nauk. Moscow, 2004 [In Russian].
- Katunin Yu.A. *Istoriya Tavricheskoy i Simferopol'skoy eparkhii (Vtoraya polovina XIX - nachalo XX veka)*: dis. ... kand. ist. nauk. Zaporozh'e, 1994 [In Russian].
- Khizhaya T.N. *Dvizhenie iudeystvuuyushchikh v Rossii (XVIII - nachalo XX vv.)*: dis. ... kand. ist. nauk. SPb, 2007 [In Russian].
- Klibanov A. I. *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii 60-e gg. XIX v. — 1917 g.* Moscow: Nauka, 1965 [In Russian].
- Klyuchareva A.V. *Zhiznedeyatel'nost' pravoslavnogo prikhoda v russkoy provintsii v 1881—1917 gg. (po materialam Tul'skoy eparkhii)*: dis. ... kand. ist. nauk. Tula, 2009 [In Russian].
- Knyazeva O.R. *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1905 - 1917 gg. (na primere eparkhiy Permskoy gubernii)*: dis. ... kand. ist. nauk. Perm', 2000. 217s.
- Kochergina M.V. *Staroobryadchestvo yugo-zapada Rossii (1760-1860 gg.)*: dis. ... kand. ist. nauk. Bryansk, 2007 [In Russian].
- Komolyatova A.N. *Etnokonfessional'naya politika Rossiyskoy imperii v otnoshenii evreyskogo naseleniya XIX – nachala XX vv.*: dis. ... kand. ist. nauk. Arkhangel'sk, 2009 [In Russian].
- Koroleva, E.D. *Tserkovno-obshchestvennaya zhizn' pravoslavnogo naseleniya Orenburgskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX vv.*: dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2007 [In Russian].
- Kozlov K.V. *Politika Russkoy Pravoslavnoy tserkvi v oblasti obrazovaniya i ee realizatsiya v deyatel'nosti eparkhiy Tsentral'nogo Chernozem'ya. 1884-1914 gg.*: dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 2004 [In Russian].
- Kozlov O.F. *Tserkovnaya reforma pervoy chetverti XVIII v.*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1970 [In Russian].
- Kravetskiy A. *Tserkovnaya missiya v epokhu peremen. Mezhdru propoved'yu i dialogom*. Moscow: Dukhovnaya biblioteka, 2012 [In Russian].
- Kurbatov O.A. *Knizhnyy magazin: 'Russkaya pravoslavnaya tserkov' na Dal'nem Vostoke*: dis. ... kand. ist. nauk. St.-Petersburg, 2003 [In Russian].
- Kurlyandskiy I.A. *Innokentiy (Veniaminov) – mitropolit moskovskiy i kolomenskiy*. Moskva: IRI RAN, 2002 [In Russian]. 330 c.

- Lamaizm v Buryatii. XVIII – nachalo XX veka. *Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoy sistemy* // G.R. Galdanova, K.M. Gerasimova, D.B. Dashiev (red.). Novosibirsk: Nauka, 1983 [In Russian].
- Lauraytis V.A. *Katolicheskaya tservov' v Litve v 1905-1907 gg. i bor'ba protiv nee revolyutsionnykh sotsial-demokratov*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vil'nyus, 1974 [In Russian].
- Leont'eva O.V. *Natsional'naya i konfessional'naya politika Rossiyskoy imperii v sovremennoy istoriografii* // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 8 [In Russian].
- Leont'eva T.G. *Vera i progress. Pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX vv.* Moscow: Novyy khronograf, 2002 [In Russian].
- Lisnik V.A. *Ideologicheskaya bor'ba i klerikalizm v Moldavii v nachale XX v.:* avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kishinev, 1974 [In Russian].
- Lisyunin V.F. *Uchastie tambovskogo pravoslavnogo dukhovenstva v obshchestvenno-politicheskoy zhizni v kontse XIX - nachale XX v.:* dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2006 [In Russian].
- Litsenberger O.A. *Rimsko-katolicheskaya i Evangelicheskoye-lyuteranskaya tserkvi v Rossii: sravnitel'nyy analiz vzaimootnosheniy s gosudarstvom i obshchestvom (XVIII - nachalo XX vv.:* dis. ... dokt. ist. nauk. Saratov, 2005 [In Russian].
- Makarov D. M. *Samoderzhavie i khristianizatsiya narodov Srednego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XVI – XVIII v.* Cheboksary: Chuvashskiy go. universitet, 2000 [In Russian].
- Mark (Lozinskiy), ieromonakh. «*Dukhovnaya zhizn' miryanina i monakha po tvoreniyam i pis'mam episkopa Ignatiya (Bryanchaninova)*»: Magist. dis. M., 1969 [In Russian].
- Mashkovtseva V.V. *Konfessional'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k staroobryadtsam vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (na materialakh Vyatskoy gubernii)*: dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2002 [In Russian].
- Menduykov A.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v Srednem Povolzh'e v 1894-1917 godakh*: dis. ... kand. ist. nauk. Samara, 2001 [In Russian].
- Mikhaylova E.D. *Missionerskaya i religiozno-prosvetitel'skaya deyatelnost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Tsentral'noy Rossii v kontse XIX - nachale XX veka*: dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 2010 [In Russian].
- Mindlin A.B. *Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii i evreyskiy vopros*. SPb.: Alteyya, 2014 [In Russian].
- Morokhin A.V. *Vzaimootnosheniya staroobryadchestva i Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v Nizhegorodskoy eparkhii (1672-1762 gg.)*: dis. ... kand. ist. nauk. N.Novogorod, 2005 [In Russian].
- Morokhov A.V. *Organizatsionno-pedagogicheskie osnovy religiozno-vospitatel'noy deyatelnosti pravoslavnykh missionerskikh obshchestv Srednego Povolzh'ya v kontse XIX - nachale XX veka: Na materialakh Simbirskoy i Kazanskoy gubernii*: dis. ... kand. ist. nauk. Cheboksary, 2004 [In Russian].
- Mudrolyubova S.V. *Rol' russkoy pravoslavnoy tserkvi v razvitii obrazovaniya v rossiyskoy provintsii (na primere Vyatskoy gubernii)*: dis. ... kand. ist. nauk. Kirov, 2006 [In Russian].
- Mul'tatuli P. V. *Imperator Nikolay II i musul'mane*. M.: RISI, 2013 [In Russian].
- Naumova N. N. *Tserkovnoprihodskie shkoly i shkoly gramoty Vostochnoy Sibiri v 1884-1917 gg. (na materialakh Irkutskoy i Eniseyskoy eparkhii)*: dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2002 [In Russian].
- Nechaev M.G. *Kontrrevolyutsionnaya deyatelnost' tserkvi v period podgotovki provedeniya Velikoy Oktyabr'skoy Sotsialisticheskoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyny na Urale (1917-1919)*: dis. ... kand. ist. nauk. Sverdlovsk, 1988 [In Russian].
- Nikiforova O.H. *Religioznost' sel'skogo pravoslavnogo naseleniya Orenburgskoy eparkhii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX vv.:* dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2006 [In Russian].
- Nikol'skaya T.N. *Russkiy protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905-1991 godakh*. Spb.: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 2009 [In Russian].
- Nizhnik 2006 - Nizhnik N.S. - *Pravovoe regulirovanie semeyno-brachnykh otnosheniy v russkoy istorii*. St.-Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2006 [In Russian].
- Nosova T.A. *Pravoslavnye bratstva Vologodskoy eparkhii v kontse XIX - nachale XX veka*: dis. ... kand. ist. nauk. Syktyvkar, 2006 [In Russian].
- Obukhovich S.A. *Staroobryadchestvo Samaro-Saratovskogo Povolzh'ya vtoroy poloviny XIX – nachala XX v vklad v ekonomiku i kul'turu kraya*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2008 [In Russian].
- Osipov O.V. *Tserkovno-prihodskie shkoly Orenburgskoy eparkhii (1864-1917 gg.)*: dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2002 [In Russian].
- Pavlova O.A. *Edinoverie v kontekste pravitel'stvennoy tserkovnoy politik Rossii v XVIII-nachalo XX v.:* dis. ... kand. ist. nauk. Nizhniy Novgorod, 2007 [In Russian].
- Pinkevich V.K. *Veroispovednye reformy v Rossii v nachale XX veka, 1903 - fevral' 1917 gg.:* dis. ... d. ist. n. Moscow, 2000 [In Russian].
- Platonov N.F. *Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1900-1917)* // *Ezhegodnik Muzeya istorii religii i ateizma*. 1960. №4 [In Russian].
- Polunov A. Yu. K. P. *Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Rossii*. Moscow: ROSSPEN, 2010 [In Russian].
- Polunov A.Yu. *Pod vlast'yu ober-prokurora. Gosudarstvo i tserkov' v epokhu Aleksandra III*. Moscow: AIRO-XX, 1996 [In Russian].

- Polunov A.Yu. Ponyatiya «svoboda sovesti» i «veroterpimost'» v obshchestvenno-politicheskom diskurse Rossii kontsa XIX – nachala XX v. // *Ponyatiya o Rossii: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda*: v 2 t. Moscow: NLO, 2012 [In Russian].
- Porvatova S.V. Zakonoproekt o staroobryadcheskikh obshchinakh v Gosudarstvennoy Dume 1906-1917 gg. // *Vestnik SPbGU. Ser. Istoriya. 2003. №1* [In Russian].
- Prokof'eva N.V. *Staroobryadchestvo Verkhnego Povolzh'ya v kontse XVIII-nachale XX vv.:* dis. ... kand. ist. nauk. Yaroslavl', 2001 [In Russian].
- Pyzhikov A.V. *Grani russkogo raskola. Zametki o nashey istorii ot XVII veka do 1917 goda*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2013 [In Russian].
- Religiya i tserkov' v istorii Rossii (Sovetskie istoriki o pravoslavnoy tserkvi)* / A.M. Sakharov, M.M. Grekulov (red.). Moscow: Mysl', 1975 [In Russian].
- Ryzhonok N.F. *Staroobryadchestvo Pomor'ya i severo-vostoka Rossii v kontse XVII nachale XXI vekov*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2009 [In Russian].
- Safonov A.A. *Svoboda sovesti i modernizatsiya veroispovednogo zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii v nachale XX v.* Tambov: Izd-vo Pershina, 2007 [In Russian].
- Sapsay N. *Predsobornoe prisutstvie 1906 g.* Moscow: MDA, 1959 [In Russian].
- Satushieva L.Kh. Formirovanie pravovogo rezhima vklyucheniya musul'man v sostav Rossiyskoy imperii (normativnym aktam XVIII v.) // *Istoriya gosudarstva i prava. 2012. №2* [In Russian].
- Seleznev F.A. Sud'ba zakonoproekta o staroobryadcheskikh obshchinakh (1905-1914) // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. 2008. №1* [In Russian].
- Shingareva N.V. *Rol' MVD Rossiyskoy imperii v razrabotke i realizatsii zakonodatel'stva o veroterpimosti i svobode sovesti vo vtoroy polovine XIX v. - fevrale 1917 g. (istoriko-pravovoe issledovanie)*: dis. ... k. jur. n. Moscow, 2006 [In Russian].
- Shuklina L.A. *Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatelnost' russkoy pravoslavnoy tserkvi v kontse XIX – nachale XX vv. (po materialam Kurskoy gubernii)*: dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 2005 [In Russian].
- Skutnev A.V. *Pravoslavnoe dukhovenstvo na zakate imperii*. St.-Petersburg, 2012 [In Russian].
- Skutnev A.V. *Prikhodskoe dukhovenstvo v usloviyakh krizisa Russkoy pravoslavnoy tserkvi vo vtoroy polovine XIX v. – 1917 g. (na materialakh Vyatskoy eparkhii)*: dis. ... kand. ist. nauk. Kirov, 2005 [In Russian].
- Smilyanskaya E.V. *Sueverie i narodnoe religioznoe vol'nodumstvo v Rossii XVIII v.:* dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 2004 [In Russian].
- Soldatkin M.P. *Politika russkogo tsarizma po khristianizatsii mordvy*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1974 [In Russian].
- Storozhenko A. A. *Staroobryadchestvo Tuvy vo vtoroy polovine XIX - pervoy chetverti XX v.:* dis. ... kand. ist. nauk. Kyzyl, 2004 [In Russian].
- Suslova L. N. *Staroobryadchestvo i vlasti v Tobol'skoy gubernii v kontse XVIII - nachale XX vv.:* dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2002 [In Russian].
- Tsybenov B.D. *Rasprostranenie buddizma sredi khori-buryat: XVIII - nachalo XX v.:* dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude. 2001 [In Russian].
- Tsys' O.P. *Pravoslavnye obshchestvenno-religioznye organizatsii Tobol'skoy eparkhii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX vv.:* dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2003 [In Russian].
- Vedenskiy E.S. *Deyatelnost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v oblasti nachal'nogo narodnogo obrazovaniya vo vtoroy polovine XIX - nachale XX vv. (Po materialam Yaroslavskoy i Kostromskoy guberniy)*: dis. ... kand. ist. nauk. Yaroslavl', 2003 [In Russian].
- Verkhovskoy P.V. *Uchrezhdenie dukhovnoy kollegii i dukhovnyy reglament*: v 2 t. Petrograd: Tipografiya Kirshbauma, 1916.
- Vibe I.N. *Veroispovednaya politika samodержaviya v Zapadnom krae (1830–1855)*: dis. ... kand. ist. nauk. SPb, 2009 [In Russian].
- Vinogradov A.A. *Staroobryadtsy simbirsko-ul'yanovskogo Povolzh'ya serediny XIX – pervoy trety XX vv. (osnovnye cherty khozyaystva, material'noy kul'tury, byta i sem'i)*: dis. ... kand. ist. nauk. Ul'yanovsk, 2008 [In Russian].
- Vyatkin V.V. *Istoriya Permskoy eparkhii v XIX - nach. XXI veka: formy i metody tserkovnoy deyatelnosti, gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya*: dis. ... kand. ist. nauk. Perm', 2005 [In Russian].
- Yagudina O.V. *Staroobryadchestvo Ural'skogo i Orenburgskogo kazach'ikh voysk v period s 1851-1917 gg.:* dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2005 [In Russian].
- Yamaeva L.A. *Musul'manskiy liberalizm nachala XX v. kak obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie (po materialam Ufimskoy i Orenburgskoy guberniy)*. Ufa: Gilem, 2002 [In Russian].
- Yurganova I.I. *Yakutskaya dukhovnaya konsistoriya: Istoriya stanovleniya i deyatelnosti, 1870 - 1919 gg.:* dis. ... kand. ist. nauk. Yakutsk, 2003 [In Russian].
- Zav'yalova E.V. *Istoriya pravoslavnoy kanonizatsii rossiyan v nachale XX stoletiya*: dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 2005 [In Russian].
- Zhilyuk S.I. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' na Volyni (1793-1917 gg.:* dis. ... kand. ist. nauk. Zhitomir, 1996 [In Russian].

Zhitnev T.E. *Tserkovnoprihodskie shkoly v rossii 1884-1918 gg.*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2004 [In Russian].

Zol'nikova N.D. *Soslovnye problemy vo vzaimootnosheniyakh tserkvi i gosudarstva v Sibiri (XVIII v.)*. Novosibirsk: Nauka, 1981 [In Russian].

Zubanova S.G. *Sotsial'noe sluzhenie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v XIX veke*: dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 2002 [In Russian].

Zyryanov P.N. *Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsiey 1905-1907 gg.* Moscow: Nauka, 1984 [In Russian].

УДК 94

Конфессии в Российской Империи: аналитический обзор историографии

Грегори Л. Фриз^{a, *}

^a Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, С.-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Изучение религиозных институтов, повседневной практики, взаимоотношения разных конфессий испытало фундаментальное изменение в последние 25 лет, которое до сих пор не нашло адекватного отражения в историографии. Этот «религиозный поворот» (эквивалент к параллельному и хорошо известному «культурному повороту») особенно заметно проявился в исследовании четырех проблем: (1) религиозные институты и их служители; (2) верующие и религиозная практика мирян; (3) этно-конфессиональные взаимоотношения; и (4) отношения государства к различным конфессиям и, наоборот, - конфессий к государству. Накопление огромного нового материала, разнообразного и свободного от прежних стереотипов, делает возможным систематический анализ роли «конфессионального фактора» в этнических вопросах и ответ государства на этноконфессиональные вызовы. Это особенно важно потому, что, как показали новейшие исследования, значение религиозного фактора существенно зависело от конкретной конфессии и изменялось во времени и пространстве. Историография прошла соответствующую эволюцию, отражая одновременно как динамику российской политической истории, так и дисциплинарное развитие собственно науки о религии. В российском варианте эта эволюция распадается на три основных периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Примерно та же периодизация – довоенный период, двадцатый век и начало XXI века применяется и в зарубежной историографии. Данная статья систематически рассматривает изменения, произошедшие в российской историографии конфессий в дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

Ключевые слова: Российская империя, конфессиональная политика, историография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: freeze@brandeis.edu (Г.Л. Фриз)